АНДРЕЙ САХАРОВ

тревога и надежда [2]

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ВРЕМЯ

АНДРЕЙ САХАРОВ

тревога и надежда [2]

статьи

письма

выступления

интервью

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ВРЕМЯ

АНДРЕЙ САХАРОВ

собрание сочинений

составитель
*е*лена *б*оннэр

АНДРЕЙ САХАРОВ

тревога и надежда [2]

статьи, письма, выступления, интервью

1986—1989
(после возвращения из горьковской ссылки)

МОСКВА
2006

ВРЕМЯ

Scan by Com Plus

ББК 63.3(2)
С22

Издательство выражает благодарность
Анатолию Борисовичу Чубайсу
за поддержку в издании собрания сочинений

консультант
научный сотрудник Архива Сахарова Екатерина Шиханович

дизайн, оформление
Валерий Калныньш

Андрей Сахаров
С22 Тревога и надежда. Т. 2. — М.: Время, 2006. — 832 с. — (Собрание сочинений)

В первое собрание сочинений академика Андрея Дмитриевича Сахарова (1921–1989) входят сборник статей, писем, выступлений и интервью «Тревога и надежда» (в двух томах), «Воспоминания» (в трех томах), а также впервые публикующийся роман-документ «Дневники» Андрея Сахарова и Елены Боннэр (в трех томах).
В настоящий том включены публицистические работы А. Д. Сахарова со дня возвращения из горьковской ссылки до последних часов его жизни, в том числе ранее не публиковавшиеся.

ISBN 5-94117-159-5 (общий)
ISBN 5-94117-161-7 (т. 2)

© А. Д. Сахаров, наследники, 2006
© Е. Г. Боннэр, 2006
© «Время», 2006

Андрей Сахаров

Тревога и надежда

(статьи, письма, выступления, интервью)

том 1

том 2

Воспоминания

том 1

том 2

том 3

Андрей Сахаров, Елена Боннэр

Дневники

том 1

том 2

том 3

[2]

1986—1989
(после возвращения из горьковской ссылки)

ИНТЕРВЬЮ ЛОРДУ НИКОЛАСУ БЕТЕЛЛУ
29 декабря 1986 г.

— Какие контакты были у вас за годы вашей жизни в Горьком?

А. Сахаров. Несколько раз приезжали физики из Москвы для научных контактов, а в последний период, месяцев семь-восемь, никого не было. После Люсиного возвращения из-за границы мы были лишены каких-либо контактов, буквально ни с кем не общались, за одним лишь исключением. Тут был проездом мой университетский товарищ. Он нарочно прошел мимо моего дома, под моими окнами. Я увидел его, мы с Люсей выскочили, и нам дали возможность поговорить на улице. Это было для нас большим событием — единственный контакт за семь долгих месяцев.

— Ваши друзья не могли прийти к вам домой?

А. Сахаров. Мы и не пробовали просить разрешения у милиционера для моего товарища. Мы боялись, что, если мы подойдем к милиционеру с просьбой, его схватят и увезут.

На вопросы отвечали А. Д. Сахаров и Е. Г. Боннэр.

В России публикуется впервые.

— А что, в подъезде был милиционер?

А. Сахаров. Милиционер сидел в коридоре перед нашей дверью все семь лет неотлучно. Стоял такой столик на лестничной площадке, и за ним, спиной к нашей двери, сидел милиционер. Выхожу я или Люся — он сидит неподвижно, не поворачивается, не здоровается. Утром один из нас выходил за газетой, которую почтальон оставлял у него на столике (ему было запрещено звонить в нашу дверь), и «наш» милиционер молча протягивал газету через плечо. Странное общение!

— Но в последние месяцы у вас были контакты с несколькими советскими журналистами. Когда они начались?

А. Сахаров. Не контакты, скорее — попытка контактов. В начале октября пришло письмо из «Нового времени», не на редакционном бланке, а на обычном листе бумаги, с предложением написать статью по вопросам моратория ядерных испытаний.

— По нашему телевидению показывали вашу встречу с одним ученым по этим вопросам. Пленку, кажется, передал Виктор Луи.

А. Сахаров. Но я ни с каким ученым по этому поводу не беседовал!

— Это было в связи с предложениями Горбачева по разоружению, и вы говорили, что более или менее поддерживаете инициативу Горбачева.

А. Сахаров. Я утверждаю, что ни с каким ученым об этом не говорил. Я думаю, что речь идет о моем разговоре с доктором Обуховым, главным врачом больницы, где я лечился. Я не знал, что идет запись. Это было, когда Елена Георгиевна получила разрешение на выезд. Я вместе с ней приехал в больницу на обследование. Эта съемка — просто провокация. Обухов затеял со мной этот разговор специально для тайной съемки. То, что я говорил, подверглось затем искусному монтажу. Люся потом, когда вернулась с Запада, рассказала мне об этом фильме. Часть моих высказываний была вырезана, и общий смысл искажен. А выглядела эта беседа невинно — Обухов как бы занимал меня разговорами, пока Люсю осматривали. По существу же я говорил тогда то же, что и сейчас говорю. Кстати, Люся рассказывала, что на пленке русский текст был не всюду стерт, и перевод не вполне соответствовал моему тексту.

— *Что произошло с Еленой Георгиевной после ее приезда с Запада?*

А. Сахаров. Она вернулась 4 июня, и после приезда в Горький ее уже никуда не пускали. Она отправила из Европы в Москву багаж, но ее даже не пустили получить его.

— *А когда вы в последний раз разговаривали с Обуховым?*

А. Сахаров. Где-то в марте. Я ездил в больницу на лечение зубов, а он воспользовался этим приездом, что-

бы пытаться взять у меня какие-то извинения за письмо Александрову. После приема у зубного он попросил меня зайти к нему в кабинет, где сидели еще два человека. Он сначала попросил меня написать благодарность зубным врачам за то, что они поставили мне протез, а когда я это сделал, завел разговор о письме Александрову.

— *Благодарность за эти вот золотые зубы?*

А. Сахаров. Да. У меня уже был раньше протез, но он сломался. А в Горьком починить зубы трудно. В 1985 году, уже после решения о Люсиной поездке, когда меня выписали из больницы, он предложил, чтобы мне поставили протез в его больнице. Это, мол, проще. Я согласился, а теперь знаю, что надо было отказаться, ибо и это было использовано для киносъемок. Следующий прием у зубного был назначен на июнь, но я послал телеграмму, что отказываюсь прийти.

— *А статью для «Нового времени» вы написали?*

А. Сахаров. Я на их предложение просто не ответил. А потом последовало предложение, переданное через академика, теоретического физика Виталия Лазаревича Гинзбурга. Он сообщил мне в письме, что к нему обратился начальник отдела науки «Литгазеты» Мороз с пожеланием взять у меня интервью по общеполитическим вопросам. Я послал в ответ Гинзбургу телеграмму, что интервью с петлей на шее я не даю. Я считал, что это какая-то игра со мной.

— *А были и другие попытки?*

А. Сахаров. Нет, других попыток не было. Уточню, что приглашение от «Нового времени» было в начале октября, а письмо от Гинзбурга — в ноябре 1986 года. Наверное, в это же время было принято решение о нашем освобождении, и власти хотели получить какие-то дополнительные гарантии. Вряд ли это была инициатива Горбачева, скорее — кого-то пониже рангом. Это их постоянная тактика — стремиться получить, как у нас говорят, максимум навара.

— *Ходили слухи, что ваше освобождение было отложено из-за выхода книги Елены Георгиевны.*

А. Сахаров. Я думаю, что это никак не связано. Может быть, это даже нарочно писали.

— *Это Луи говорил.*

А. Сахаров. Ах, Луи. Ну, он всегда такие вещи говорит. На самом деле, книга Люси никак не могла служить препятствием.

— *Итак, после двух попыток привлечь вас к сотрудничеству больше ничего не происходило?*

А. Сахаров. Ничего, вплоть до звонка Горбачева.

— *Расскажите об этом поподробнее.*

А. Сахаров. В половине одиннадцатого вечером 15 декабря раздался звонок в дверь, и вошли три человека. Двое были с телефонной станции, техники, а третий — гебист.

— *И они не дали никаких объяснений, почему они явились так поздно вечером?*

А. Сахаров. Понимаете, мы же были там, как заключенные. Какие уж тут объяснения!

— И они долго возились?

А. Сахаров. Да нет, все было сделано очень быстро. Все делалось временно, они даже провод не закрепляли. А перед уходом гебист сказал: «Завтра около десяти вам позвонят». Он сказал это под самый конец, видно, боялся, что мы станем возражать: мол, никаких звонков нам не надо.

— Вы боялись, что будет новая попытка взять у вас интервью?

А. Сахаров. Не боялся, чего мне бояться. Я просто отказался бы давать интервью, и все. Но я сразу подумал, что будет звонить Горбачев.

— А были другие звонки утром, до Горбачева?

А. Сахаров. Нет, только в 9 утра позвонили с телефонной станции, сказали нам наш номер. Рабочие-то ушли, номера не оставив. Но потом, после звонка Горбачева, снова позвонили с телефонной станции, сказали, что наш номер изменяется, и дали другой номер.

— В котором часу позвонил Горбачев?

А. Сахаров. Горбачев позвонил в три часа дня, когда я уже перестал ждать звонка, собрался идти за покупками, да и еще всякие дела были. Я уже решил, что ГБ передумало, а тут Горбачев и позвонил.

— У вас не возникло мысли отказаться от разговора с Горбачевым?

А. Сахаров. Нет, такой мысли у меня не было. Вначале мне сказали: «Сейчас с вами будет говорить Михаил Сергеевич», и я сразу понял, что речь пойдет о моем освобождении.

— *В этом разговоре вы говорили о судьбе политзаключенных, настаивали на их освобождении, говорили о трагедии Марченко.*

Е. Боннэр. Он только об этом и говорил, о себе — ни слова.

А. Сахаров. Но я Горбачева поблагодарил, два раза — в начале разговора и в конце, поблагодарил за внимание. Получилось, однако, что разговор кончил я. Это даже как-то невежливо получилось. Я сказал «до свидания», и ему тоже ничего не оставалось, как попрощаться.

— *А о вашем будущем Горбачев ничего не говорил?*

А. Сахаров. Он сказал: «У вас есть квартира, так что с жильем проблем не будет. Я подошлю к вам Марчука. Переезжайте в Москву и возвращайтесь к патриотическим делам».

— *Все годы вашей ссылки ваша квартира стояла пустая?*

А. Сахаров. С отъезда Лизы, то есть уже пять лет.

— *И никто не смотрел за квартирой?*

Е. Боннэр. Никого туда и не пускали. Я выехала в Горький без теплых вещей, хотела потом, чтобы друзья пошли к нам на квартиру за моими вещами и выс-

ли их мне в Горький, но никого так и не пустили. Я выехала в ссылку в блузке и курточке. Только когда в нашей московской квартире от ветра открылись окна и натекло внутрь, комиссия из домоуправления вызвала одну нашу приятельницу, чтобы в ее присутствии открыть дверь и прекратить потоп.

— *Так они что-то отремонтировали?*

Е. Боннэр. Ничего они не чинили. Вы разве не видите, что все тут разваливается? Если бы Горбачев знал, в какую квартиру мы должны вернуться, он не сказал бы, что у нас нет проблем с жильем. Ему было бы стыдно.

— *За шесть лет ничего тут не изменилось?*

Е. Боннэр. Ничего. У нас всегда была такая бедная квартира. Ни мебели, ничего. И всегда нам было тут тесно. Это же мамина квартира. Когда Сахаров здесь поселился, в этой двухкомнатной квартире жили мама, я, Алеша и Таня с Рэмой. Нас стало шестеро. Потом родился Мотинька, и было семь человек.

А. Сахаров. Но после рождения Мотиньки у Тани уже была квартира.

Е. Боннэр. Ты забыл, что им угрожали и что они не могли там жить! Вообще, когда мы все тут жили, мы просто задыхались. Да и сейчас нам надо еще перевезти наши вещи и книги из Горького, и я не знаю, как они сюда влезут.

— *После звонка Горбачева вы стали готовиться к переезду?*

Е. Боннэр. Ничего мы не готовились. И не переехали сразу, потому что я была больна и не выходила на улицу с начала декабря. И теперь я опять сижу дома. Даже за моим паспортом в МВД ездил Андрюша.

А. Сахаров. У нее же не было паспорта, только удостоверение ссыльной. Все забывают, что Люся была ссыльной, и, когда ей выдавали удостоверение, у нее сняли отпечатки пальцев, как у преступницы. Но теперь никаких документов о том, что она была ссыльной, у нас не осталось. Даже ее приговор у нас украли. Видимо, они боялись, что этот приговор попадет на Запад и будет разоблачительным документом. Полное беззаконие! А сейчас, когда я приехал в милицию за Люсиным паспортом, в здании было пусто. Пока я поднимался на второй этаж, меня догнал милиционер и говорит: «Милиция не работает, никого нет». А я ему отвечаю: «Мне в 17-ю комнату. Я — Сахаров». Тут он сразу вежливо мне ответил: «Пожалуйста, пожалуйста».

— *А как вы знали, что надо туда поехать?*

А. Сахаров. Нам позвонили по телефону и сказали, что надо поехать за Люсиным паспортом, причем захватить с собой ее удостоверение ссыльной. Я им удостоверение, они мне паспорт. Я спросил, есть ли какие-то документы, подтверждающие ее помилование. Мне было отвечено: «Никаких документов у нас нет, нам просто поручено вернуть вам паспорт». Конеч-

но, они нарочно назначили свидание в нерабочий день, чтобы лишних свидетелей не было.

— Я слышал от вашей дочери, что у вас был серьезный разговор с Марчуком.

А. Сахаров. Этот разговор продолжался полтора часа. Марчук специально приезжал в Горький, но встреча была не в нашей горьковской квартире (теперь-то эта квартира, конечно, не наша, а ГБ!). Один горьковский академик устроил эту встречу у себя в институте. За мной прислали машину, я там никогда раньше не был.

— Я знаю в общих чертах содержание этого разговора. Вы ясно дали ему понять, что продолжите свою борьбу за права человека.

Е. Боннэр. Когда Сахаров ему это заявил, Марчук сказал такую фразу: «Если вы опять будете сосредотачивать свое внимание на негативных аспектах, вы окажетесь в вакууме среди своих коллег по Академии».

А. Сахаров. Очевидно, он хотел предупредить меня, чтобы я не слишком зарывался. Это не был прямой запрет, он не брал с меня никаких обещаний. И я думаю, что его предупреждение исходило не от Горбачева, а от органов.

— Но все же Горбачев его послал...

А. Сахаров. Да, Горбачев сказал, что пришлет ко мне Марчука.

— А были еще какие-то встречи с властями, с начальством?

А. Сахаров. Никаких.

Е. Боннэр. После переезда в Москву мы, в основном, общаемся с западными корреспондентами, которые мешают нам жить и искажают наши слова. По русскому западному вещанию совершенно неправильно, просто тенденциозно неправильно передают слова Сахарова. «Свобода», «Голос Америки», «Немецкая волна» в своих комментариях как будто пытаются сказать, что освобождение Сахарова является результатом компромисса с его стороны. А для этого нет никаких оснований. Теперь Запад все время талдычит одну мысль, что освобождение Сахарова есть следствие смерти Марченко. Это совершенно неправильно. Так заявили Орлов и Щаранский, а вслед за ними повторяют все западные комментаторы. А на самом деле речь идет о несоизмеримых явлениях. Марченко — это одно великое нравственное явление.

А. Сахаров. Он был удивительный человек!

Е. Боннэр. А Сахаров — совершенно другое явление, связанное с совершенно иными точками общения в мире. Он связан с научным сотрудничеством, с проблемами разоружения. В СССР есть только один независимый голос, который компетентно говорит о проблеме разоружения. Я, может быть, обижу многих наших диссидентов, но я утверждаю, что ни Орлов, ни Щаранский, ни Люда Алексеева, ни Иванов, Петров, Сидоров не компетентны в этой специфической, закрытой обла-

ти. Сахаров никаких секретов не разбалтывает, но знает-то он несравненно больше, чем все мы. И его компетентность делает его совершенно особой фигурой. К истории Марченко это не имеет никакого отношения.

— *Так вы не считаете, что смерть Марченко ускорила ваше освобождение?*

А. Сахаров. Это независимые процессы.

Е. Боннэр. Совершенно независимые. Освобождение Марченко тоже могло решаться Горбачевым, но на совершенно ином уровне. В освобождении Сахарова участвовал и высший генералитет, и высшее партийное руководство страны. А для освобождения Марченко — Андрюшенька, это действительно так! — достаточно было слова одного большого начальника.

А. Сахаров. Это совпадение во времени, случайное, смерти Марченко и моего освобождения как бы иллюстрирует противоречивость ситуации в стране.

— *Итак, вы вернулись шесть дней назад и пытаетесь теперь наладить вашу жизнь.*

А. Сахаров. Мы еще ничего не пытаемся.

Е. Боннэр. Жизнь наша еще не началась. Мы мечтаем, чтобы кончилась сенсация, чтобы прекратился поток журналистов. Сахарову работать надо, заниматься, завтра у него семинар.

— *Это будет ваш первый семинар?*

А. Сахаров. Нет, второй. На первом я был в день приезда, ровно неделю тому назад. Меня очень хорошо

встретили коллеги. Я был в Физическом институте Академии наук, в Теоретическом отделе. Там по вторникам регулярно проходят общемосковские теоретические семинары. До семинара и после семинара я разговаривал с коллегами, сотрудниками Теоретического отдела. Во время семинара слушал научные доклады. Произошло такое совпадение, что один из научных докладов, который делал незнакомый мне молодой ученый по фамилии Шапошников, касался одной из тем, где я был родоначальником. У меня есть вклад не только в области чисто военных вопросов или управляемой термоядерной реакции, но и в фундаментальной науке.

Е. Боннэр. Это западные журналисты всегда говорят: «Сахаров, отец термоядерной бомбы». Почему они ни разу в жизни не сказали: «Сахаров, отец мирной термоядерной энергии»? Я слушаю западные радиостанции с 1960 года — никогда этого не говорили.

— Вы считаете управляемую термоядерную реакцию самым важным своим вкладом?

А. Сахаров. Конечно. Но сейчас речь шла о достижениях в фундаментальной науке, о барионной асимметрии Вселенной.

Е. Боннэр. Никогда не говорили, что Сахаров — родоначальник идеи об объединении прав человека и защиты мира.

А. Сахаров. В представлении к Нобелевской премии это сказано. Но вернемся к семинару. Мне было

очень приятно, что молодой ученый в начале доклада сказал: «Как показал Сахаров в 1967 году, существуют три необходимых условия... и т. д. ». Вот так начался доклад, а я сидел среди слушателей. Когда я пришел, меня встретили аплодисментами.

— *Вы поехали на семинар сразу по приезде?*

А. Сахаров. Да. Поезд пришел в Москву в семь утра, а в два часа я уже был в Институте.

— *А завтра тоже будет теоретический семинар?*

А. Сахаров. Конечно. Завтра будет обсуждаться одна новая и важная теория, касающаяся элементарных частиц.

— *Вы будете слушателем или собираетесь читать доклады на этом семинаре?*

А. Сахаров. Пока буду слушателем, иногда, на обсуждении, буду вопросы задавать.

— *И много людей там участвуют?*

А. Сахаров. Это большой семинар. Участие принимают человек 10, а слушает человек 350.

— *Но в будущем вы будете и докладчиком?*

А. Сахаров. Я надеюсь. Обычно научные работы, прежде чем посылать в печать, обсуждают на каком-либо семинаре.

— *А вы писали научные работы в Горьком?*

А. Сахаров. Да, я писал статьи. Последняя из них была написана весной 1986 года.

— *Теперь эти работы могут быть напечатаны.*

А. Сахаров. Они уже напечатаны. Все, что я делал в Горьком, уже напечатано в советских научных журналах. Мои коллеги из ФИАНа брали на себя техническую работу по оформлению этих статей.

— *Сколько работ вы написали в Горьком?*

А. Сахаров. Немного, к сожалению. Шесть.

— *Конечно, вы были в отрыве от коллег и не могли обсуждать с ними ваши идеи.*

А. Сахаров. Я обсуждал. Было несколько приездов физиков в Горький. Им разрешили меня навестить. За семь лет меня посетило человек десять, может, чуть больше. Видимо, со всеми ними проводился предварительный инструктаж, как они должны себя вести.

— *Вы не говорили с ними о политике, только о науке?*

А. Сахаров. Немного говорил...

— *Сейчас вам, конечно, будет легче работать.*

А. Сахаров. Во всяком случае, я получаю возможность общаться с учеными, а это — необходимое условие для работы.

— *А как было в Горьком с библиотеками и журналами?*

А. Сахаров. Мне присылали очень много публикаций из-за границы и из Всесоюзного института информации, так что я не был обижен отсутствием литературы. Кое-что и Люся привезла.

— *Поговорим о вашей общественной позиции. Будете ли вы настаивать на амнистии для узников совести?*

А. Сахаров. Да, это является моим непременным долгом. Я считаю, что амнистия окажет огромное влияние на общественный климат в стране и во всем мире. Но, кроме того, это вопрос просто справедливости, вопрос моего персонального долга по отношению к моим друзьям и единомышленникам. Если бы я мог спасти Марченко, я бы никаких усилий не пожалел. Но Марченко погиб, и очень важно, чтобы кончились страдания других людей и их семей.

— *Знаете ли вы, в каких условиях погиб Марченко?*

А. Сахаров. Я думаю, что с ним произошло то же самое, что со многими другими. Самое высокое начальство дало пару месяцев назад указание его освободить, но начальство на уровне пониже и ГБ хотели напоследок его сломать или хотя бы сломать Ларису Богораз. Вместо того чтобы сразу его выпустить, и тогда он остался бы жив, от Ларисы требовали каких-то заявлений, что она готова вместе с Марченко уехать в Израиль. А ведь Марченко уже 15 лет назад предложили уехать в Израиль по родственному вызову, и, когда он отказался, его арестовали и посадили. Через несколько дней после смерти Марченко мы с Люсей в Горьком смотрели по телевизору пьесу о декабристе Лунине. Там Лунину сообщают о его смертном приговоре, и перед ним, в камере, мысленно проходит вся его жизнь. И авторский голос за сценой говорит: «Хозяин раба всегда убежден, что раб готов убежать. Но иногда находится

человек, который не убегает». Речь идет о конкретных обстоятельствах биографии Лунина. Так вот, Марченко — это Лунин наших дней. Лариса не видела Марченко два года и восемь месяцев. Под разными предлогами ему отказывали в свидании. Ему всего-то полагалось два свидания в год, и легко было сказать, что он нарушил какие-то правила. Предлог всегда найдется.

Марченко в течение двух лет и восьми месяцев никого с воли не видел, так и сидел в своей камере. 4 августа он начал голодовку. Он написал обращение к Венскому совещанию, требовал защиты своих прав заключенного. Его все время ломали, пытались добиться от него каких-то покаяний, признаний, его били. Сейчас вообще очень многих бьют. На этой изнанке жизни вообще никаких перемен не происходит. Все так же жестоко, как и раньше. Мы не знаем точно, как погиб Марченко, не знаем даже, снял ли он голодовку или не снял. Известно, что за несколько часов до смерти он подошел к двери камеры (то есть он мог еще вставать) и позвал врача. Его вывезли в больницу, не знаем, кормили ли его насильственно. Справки о причине смерти Ларисе не выдали, только разрешили похоронить мужа.

— *Это просто ужас. Но мы должны думать о будущем.*

А. Сахаров. Да, мы должны думать о будущем. Сейчас как раз такое положение, когда западные правительства могут и должны требовать улучшений в вопро-

сах о правах человека, об узниках совести, об эмиграции, просто о поездках. Орлов очень правильно пишет, что это нужно не только для СССР, но и для Запада тоже. Это одна из гарантий мира.

— *Сколько, по-вашему, политзаключенных в СССР?*

А. Сахаров. Трудно сказать. Лично мы знаем несколько сот человек, но это — нижняя граница, а верхняя граница неизвестна. Возьмем число лагерей. Их полторы тысячи. Предположим, в каждом от нуля до двух политзаключенных. Значит, верхний предел — около трех тысяч человек. Но реально их, наверное, гораздо меньше. По спискам «Международной амнистии» — человек 600.

— *Сюда включены и религиозные?*

А. Сахаров. И религиозные, и отказники, вообще все.

— *А те, кто отказывается от службы в армии?*

А. Сахаров. Тут я не уверен. В связи с отказом от службы в армии вы, может быть, знаете историю Евсюкова? Такая фамилия ничего вам не говорит?

— *Нет.*

А. Сахаров. Я расскажу вам про Серафима Евсюкова. О нем сейчас, правда, много пишут, но это такой вопиющий случай, что я должен о нем упомянуть. Лет 8—9 тому назад бывший бортмеханик гражданского флота пожелал эмигрировать вместе с семьей. Ему отказали, хотя у него есть, кажется, родственники во

Франции. Он готов был ехать либо во Францию, либо в любую другую страну, куда разрешат. После отказа он обратился к нам, к мировой общественности. Началось страшное преследование его семьи. Сына его за отказ от армии посадили, а это был вынужденный отказ. Согласись он пойти служить, его бы уже никогда не выпустили.

— *А где эта семья сейчас?*

А. Сахаров. Сын два с половиной года находился в заключении, освободился, потом его еще раз стали призывать в армию, и он вновь отказался. Его вторично осудили на такой же срок, много избивали на следствии, добивались, чтобы отказался от желания эмигрировать. В тюрьме его избивали, по подстрекательству начальства, заключенные. А отца несколько месяцев тому назад посадили в психбольницу.

— *В какой больнице он находится?*

А. Сахаров. В Столбовой, под Москвой. Там его избивают, добиваются отказа от желания эмигрировать, заявляя, что это, мол, психическое заболевание. Его подвергают мучительной и вредной инсулиновой терапии. Он сильно похудел.

— *Он не еврей?*

А. Сахаров. Нет, он не еврей. Он просто хочет эмигрировать. И раз он служил в авиации, значит, он здоров психически. В авиацию больных не берут. Я его видел семь лет назад. Это здоровый, гармоничный, хо-

рошо сложенный человек с твердой волей. Хороший образец человеческой породы.

— *Конечно, не только евреи должны иметь право эмигрировать.*

А. Сахаров. Для меня это очень важный социальный принцип. Я считаю, что государство, в котором есть свобода выезда и возвращения граждан, уже не может быть плохим. В нем появляется регулирующий клапан, определенная степень свободы. Сама возможность покидать государство уже делает его лучше.

— *Какие реальные надежды на будущее вы питаете?*

А. Сахаров. Я вообще очень не люблю прогнозов, но я думаю, что та часть руководства нашего государства, которая следует за Горбачевым, заинтересована в экономическом подъеме, в ликвидации тех искривлений, которые у нас существуют. Непременным условием этого является открытость общества, то есть свобода передвижения, эмиграции, поездок, свобода убеждений, распространения информации, свобода совести, религиозные свободы. Это все необыкновенно важно для нормального функционирования государства, для того, чтобы оно не представляло угрозы для своих соседей, для всей планеты, ибо соседство сегодня измеряется длиной полета баллистической ракеты.

— *Но в Советском Союзе этих свобод никогда не было.*

А. Сахаров. В СССР, да и в России было много негативных явлений. Но были и реформы Александра II,

и эпоха, предшествовавшая Первой мировой войне. Даже частичное продвижение в направлении гражданских свобод было бы очень важно. Повторяю, важно не только для нашей страны, но и для всего мира. Мир может спать спокойно, только если наше общество станет открытым. Это один из залогов мира, разоружения.

— А что вы лично можете сделать в этом направлении?

А. Сахаров. Во-первых, я могу обращаться к Западу с разъяснением этих вещей. Есть Хельсинкское совещание, конференции по проверке исполнения Хельсинкских соглашений. Некоторые западные политики исходят из посылки, что чем хуже обстоят дела в СССР, тем лучше для них. Пусть, мол, у них не будет прав человека, пусть разваливается экономика. Может быть, в старые времена такая логика в отношении противника была понятна. Но сегодняшний мир так устроен, что мы можем или вместе жить, или вместе погибнуть. А это значит, что мы должны заботиться о том, что происходит во всем мире. Идеология «чем хуже, тем лучше» всегда мне очень не нравилась. Это — идеология экстремистов, каких-нибудь «Красных бригад» или «Аксьон директ», стремящихся к разрушению общества. Но любой разумный политик и государственный деятель должен хотеть стабилизации в мире и, как фактор этой стабилизации, — открытости советского общества.

— Речь идет и о стабилизации Советского Союза?

А. Сахаров. Безусловно. В том числе и об экономической стабилизации. Запад не должен этого бояться. Прогресс Советского Союза в области техники как следствие его открытости — не опасен для Запада. Опасна такая страна, которая может подавить у себя любое инакомыслие, в которой решения принимаются неизвестно кем и неизвестно на каком основании. Лучше жить рядом со здоровым и сильным человеком, чем со слабым, но с неуправляемой психикой и непредсказуемыми реакциями. У нас политические решения не контролируются народом, мы до сих пор, например, не знаем, кем и на каком уровне было принято решение о вторжении в Афганистан.

— Многие у нас говорят, что мы не должны помогать советской экономике, ибо большая ее часть связана с военным сектором и это не повышает благосостояния советского народа. Говорят, что вообще торговля с Западом используется советскими властями.

А. Сахаров. Да, этот момент существует. Конечно, значительная часть экономической помощи идет на военные нужды. Вопрос опять упирается в закрытость советского общества. Политика — сложная вещь. Иногда нужно использовать методы давления, иногда — методы поощрения, переговоров. Как делать политику, тут я не советчик.

— Мы не знаем, поощрять ли Горбачева или относиться к его начинаниям со скептицизмом.

А. Сахаров. Поощрять, но давить в нужном направлении.

Е. Боннэр. Чтобы открытость общества и права человека стали принципами государственной жизни, а не демагогией.

А. Сахаров. Чтобы освободили не несколько десятков человек, а освободили всех, по закону. Я действительно считаю, что амнистия узников совести очень важна как первый шаг перемен.

Е. Боннэр. И всю систему наказаний следует изменить в сторону смягчения. И отмена смертной казни имела бы огромное нравственное значение.

А. Сахаров. Да, гуманизация системы наказаний очень важна. Сейчас у нас огромные сроки, ужасные условия заключения.

Е. Боннэр. И очень много административных нарушений. Сейчас об этом уже начали писать.

А. Сахаров. Но надо, чтобы не только писали, но чтобы и реальные перемены были. И я надеюсь, что все контакты Запада с нами будут обусловлены этими переменами. Запад ничего не должен давать нам совсем даром. Это не шантаж со стороны Запада, это его помощь прогрессивным тенденциям в нашем обществе, которые пробивают себе дорогу с огромным трудом. Эпизод со снятием Кунаева и последующими демонстрациями показывает, что все очень непросто. Кунаев олицетворял собой систему ужасной коррун-

ции на местах, которая была во всех республиках, да и в центре была.

— *А что вы можете сделать по отношению к советским властям?*

А. Сахаров. Я собираюсь обратиться к Михаилу Сергеевичу с письмом, в котором затрону эти темы. А может быть, это будет не письмо, а какая-то другая форма обращения. Пока я сам не знаю. Я осматриваюсь и думаю. Что-то надо делать, и мне, и всем, кто в силах. Просто в силу стечения обстоятельств я оказался на виду.

— *Поддержит ли вас Академия наук?*

А. Сахаров. На Академию наук я вовсе не надеюсь. АН отнюдь не выступила в мою защиту, когда в январе 1980 года меня вывезли в Горький. Тогда Марченко обратился с открытым письмом к академику Капице. Это было очень смелое письмо, и оно послужило на суде над Марченко основанием для обвинения его в «заведомо ложных клеветнических измышлениях». Не только это, правда. У него было еще письмо о мирном сосуществовании, а самое главное, хотя это и не называлось, — это его книга «Мои показания», книга двадцатилетней давности. Он вышел 20 лет назад из заключения и написал книгу о послесталинских лагерях и тюрьмах.

— *Выходит, в официальных кругах у вас поддержки нет.*

А. Сахаров. Нет. Меня поддерживают мои старые друзья. Может быть, появятся новые.

— Ну, а если вам предложат выступить по советскому телевидению или писать в советской прессе?

А. Сахаров. Я соглашусь на некоторых условиях. Одно из этих условий — принципиальное. Я должен быть опубликован полностью и без купюр. Кое-какие предложения, впрочем, мне уже были сделаны.

— У нас идет спор по поводу Совещания по правам человека в Москве — принимать участие или не принимать.

А. Сахаров. Я думаю, что есть одно непременное условие. Все члены Хельсинкских групп, которые находятся в заключении, должны быть освобождены и реабилитированы.

— О скольких людях идет речь?

А. Сахаров. В общей сложности о нескольких десятках. Особенно много заключенных среди членов Украинской, Литовской, Эстонской групп.

— Орлов сказал Маргарет Тэтчер, что он хотел бы быть свидетелем на этом совещании, готов приехать в Москву.

А. Сахаров. Да, выступление Орлова здесь в качестве свидетеля было бы чрезвычайно положительным фактором. Думаю, что советское руководство должно разрешить подобную вещь. Может быть, это тоже должно быть поставлено в качестве условия. Это хорошая идея.

— Мы хорошо помним Олимпийские игры. Тогда на Западе была дискуссия — принимать участие или не

принимать. В конце концов, почти все западные страны участвовали. Но Олимпиада не была периодом свободы в Советском Союзе, потому что закрыли для прохода многие улицы, многих людей убрали из столицы. Особых дискуссий не было, потому что некому было задавать вопросы.

А. Сахаров. Все это я знаю, хотя меня тогда не было в Москве. Москва была полна милиции, и очень многих вывезли.

— Мы, конечно, не хотим повторения этих явлений.

А. Сахаров. С Олимпиадой дело было очевидным. Олимпиада не может проводиться в стране, ведущей военные действия, а СССР в это время вел военные действия в Афганистане.

— Но вы не скажете Рейгану, чтобы Америка не принимала участия в Совещании по правам человека?

А. Сахаров. Я думаю, что участие Запада должно зависеть от выполнения Советским Союзом ряда условий. То же относится и к экономическому, и к научному, и к любому другому сотрудничеству. Это не вмешательство во внутренние дела СССР, это наши общие дела, и Запада, и Востока. Может быть, постановка таких условий облегчит Горбачеву проведение его политики. И условия надо ставить жестко. А чисто военную помощь СССР, возможно, вообще не следует оказывать. Хотя это вопрос сложный, так как любая техническая новинка может быть использована для военных

нужд. Попробуй разберись! Кроме того, военную технику СССР в любых условиях разовьет. Создал же Советский Союз ядерное и термоядерное оружие вполне собственными силами.

— *А вы не считаете, что шпионаж сыграл в этом большую роль?*

А. Сахаров. Сыграл, конечно, определенную роль, но главным образом для того, чтобы начальство не сомневалось и средства отпустили. Ну, а уж когда принято решение денег не жалеть, все можно своими руками сделать.

— *Так вы считаете, что, если советское общество станет более открытым, будет легче достигнуть прогресса в области разоружения?*

А. Сахаров. Несомненно. Это очень важный вопрос, по-моему, — номер один. Открытость советского общества — необходимая посылка для возникновения международной атмосферы доверия. Ведь сейчас, по существу, столкновения между СССР, социалистическим лагерем в целом и Западом происходят на всех континентах.

— *Что вы имеете в виду?*

А. Сахаров. Очень многие региональные конфликты, которые имеют, конечно, какие-то исторические корни. Афганистан, Южно-Африканский узел, Эфиопия, Ближний Восток да и многие другие точки.

— *А каково ваше мнение об американской программе звездной обороны, СОИ?*

А. Сахаров. Прозвище «звездная оборона» я предпочитаю не употреблять, ибо оно как бы предопределяет отношение. Я много раз писал, еще до горьковской ссылки, о своем отношении к противоракетной обороне, к соглашениям о противоракетной обороне и к системе космической обороны. Я считаю, что система космической обороны — бесперспективная вещь в военно-стратегическом смысле. Думаю, что благодаря затратам гигантских средств, огромного научно-технического и интеллектуального потенциала удастся создавать все более и более совершенные эшелонированные системы противоракетной обороны. Некоторые их эшелоны будут иметь космическое базирование. Но одновременно ведь будет совершенствоваться и наступательное оружие, средства нападения на эту космическую систему. Эта космическая система будет включать в себя космические станции, зеркала, расположенные в космосе, большое число спутников наблюдения, системы коммуникаций, вычислительные центры, а также исполнительные органы этой системы. Это система наблюдения и вспомогательного приспособления. Все это страшно уязвимо по отношению к сильному противнику. А наступательные средства будут развиваться и приспосабливаться к тому, чтобы преодолевать космическую оборону и вообще противоракетную оборону. Я думаю, что наступательное оружие против СОИ будет развиваться успешно и даже опережать развитие СОИ. С научной точки зрения можно

сделать все, что угодно. Можно, например, создать рентгеновский лазер, который возбуждается ядерным взрывом. Но СОИ — это не просто научный эксперимент. Будет ли это все работать в условиях термоядерной войны? Если, скажем, СОИ будет стоить биллион долларов, то затратой в десять раз меньше можно преодолеть то, что создано за биллион. А так как экономические потенциалы, возможности затрат СССР и США отличаются вовсе не в 10 раз (мы не знаем точно, насколько, но гораздо меньше), то чисто военно-экономически СОИ, по-моему, — безнадежная вещь.

— Это не моя специальность. Но некоторые весьма серьезные американские эксперты настаивают, что СОИ — очень значительный вклад в оборону Запада и что стоит продолжать эту инициативу вместо того, чтобы начинать новую ракетную программу. Я в курсе этих мнений, ибо являюсь членом британской парламентской делегации в Европейском парламенте.

А. Сахаров. На самом деле США одновременно делают и новое наступательное оружие. Они не могут этого не делать. Говорю это в порядке констатации факта. СССР тоже создает новые наступательные средства. Я стараюсь говорить об этом безоценочно. Обе стороны делают наступательное оружие, и обе стороны намерены приступить к космической обороне.

— Но Советский Союз имеет оборонительные системы?

А. Сахаров. Типа СОИ? Не знаю. Я же вообще на 20 лет отстал. Я знаю, что была система обороны вокруг Москвы. Она была разрешена договором между СССР и США, даже с указанием числа ракет. И вторая была система, разрешенная договором. Было две разрешенных региональных системы обороны. Но это все-таки не космическая оборона. А что у нас делается по космической обороне, я не знаю, да и знал бы — не сказал. Американцы много пишут, что в СССР занимаются этими работами, но конкретных сведений нет. Так вот, мой первый тезис — что СОИ не является эффективной космической защитой. Теперь вы мне говорите, что есть точка зрения, будто это — важное направление в развитии военной технологии, что космос — это перспективная область. В реальной обстановке современного мира, обстановке недоверия, когда мы не знаем, что будет через двадцать лет, государства, думающие о своей безопасности, всегда ведут разного рода работы. Это я понимаю. Хотя остается открытым вопрос, стоит ли вкладывать в это столько сил, рекламировать эту идею или же заниматься ею вполсилы, на всякий случай. В свете того, что работы, уже начатые, все равно будут как-то вестись и полностью отказ от этих работ не является реалистичным, вопрос идет о масштабах, о темпах, о том, не стоит ли ограничиться лабораторными опытами вместо того, чтобы ставить эту идею во главу угла каких-то национальных программ. Но при этом

я думаю — и это мой второй центральный тезис, — что неправильно и неправомерно ставить соглашение по СОИ в качестве ультимативного условия соглашения по другим вопросам разоружения. Горбачев в Рейкьявике выдвинул принцип пакетной сделки. Вообще советская дипломатия сформулировала как некий принцип, что отказ от СОИ — это непременное условие успеха других переговоров по разоружению. Я считаю неправильным сам принцип пакетной сделки. Неправильно обуславливать остальные вопросы соглашением о СОИ. В этом я иду вразрез с советской дипломатией. Я думаю, что с обеих сторон нужна гибкость, взаимопонимание, больше доверия. Путь перед нами трудный, недоверия много и оснований для недоверия много. Одна из причин — недостаточная открытость советского общества, другая — региональные конфликты, и среди этих региональных проблем я на первое место ставлю Афганистан. Я считаю, что нужно быстро думать о выводе советских войск из Афганистана.

— *Вы считаете, что Афганистан должен быть нейтральным?*

А. Сахаров. Безусловно.

— *Такова и европейская позиция.*

А. Сахаров. Конечно, нужно обеспечить там такие условия, чтобы избежать кровопролития и физического уничтожения всех тех, кто сотрудничал с советскими властями.

— Но, по-моему, наибольшее доверие вызвали бы перемены во внутренней политике Советского Союза.

А. Сахаров. Я думаю, что одинаково важны перемены и во внешней, и во внутренней политике, но мне лично, разумеется, наиболее близки проблемы внутренние, совокупность демократических принципов, права человека.

— У вас есть какая-то надежда на выезд или просто поездку за границу?

А. Сахаров. Видите ли, это очень сложный вопрос.

— Вы хотите жить в Советском Союзе?

А. Сахаров. В настоящее время я хочу жить в Советском Союзе, поэтому сосредоточимся на вопросе о возможной поездке. Хотя я принципиально согласился на эмиграцию, сейчас я об этом не думаю. Но поездка за границу была бы для меня чрезвычайно важна. Я имел бы контакты с зарубежными учеными, повидал бы детей, внуков. Моя поездка была бы и важным общественным явлением как прецедент в сторону большей открытости общества, поездка независимого человека. Были бы какие-то контакты, которые здесь невозможны. Но я перед советскими властями такого вопроса не ставлю. Я думаю, что, если созрела решимость властей разрешить мне такую поездку, они сами мне об этом скажут. Я уже высказывал пожелание совершить поездку в разных моих интервью. Это было бы полезно для укрепления атмосферы международного доверия. По-

чему я говорю о себе, а не о ком-то другом? Во-первых, себя, свою позицию лучше понимаешь, а во-вторых, ввиду моего положения в мире, с меня, может быть, легче начать. Если же власти по-прежнему считают, что мне по причинам секретности выехать нельзя, то они мне такого предложения не сделают.

— *А этот аргумент о секретности как-то обоснован?*

А. Сахаров. Иногда мне кажется, что это просто отговорка, иногда — что это серьезно. Я не знаю. Я же не имел отношения к секретности последние лет двадцать — восемнадцать, если быть точным. Власти прекрасно знают, что я не шпион. Я, конечно, не буду говорить о секретах. Да они могут следить за мной, в конце концов. Но это их дело. Мое дело сказать, что я считаю такую поездку полезной, а там пусть они думают о секретности или о политических аспектах.

— *Конечно, Запад был бы счастлив вас приветствовать. Я думаю, что ученые очень хорошо бы вас приняли.*

А. Сахаров. Я тоже на это надеюсь, и для меня это было бы очень полезно.

— *Я попробую через Европейский парламент сделать интервью с вами посредством спутника. Можно устроить собрание, со 100—200 участниками, на котором будет выступать человек, находящийся за тысячи километров от собравшихся.*

А. Сахаров. Я знаю об этом. Собственно, я уже участвовал в подобного рода мероприятиях. Не откажусь и в будущем.

— Как вы знаете, в Европейском парламенте участвуют представители 12 стран, и он оказывает определенное влияние на европейскую политику. Несколько месяцев тому назад у нас выступал, например, Орлов.

А. Сахаров. Я буду очень рад выступить в Европейском парламенте. Но позвольте мне сказать еще несколько слов. Вопрос о моих поездках я оставляю на усмотрение наших властей, по этому поводу никакой кампании на Западе не нужно. Но я прошу помощи Запада в вопросах прав человека. Без этого сегодня не обойтись.

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА МОСКОВСКОМ ФОРУМЕ
14—15 февраля 1987 г.

Предисловие

Я согласился принять участие в состоявшемся 14—16 февраля в Москве форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества» и выступал на трех заседаниях. Мое решение привлекло большое внимание, некоторые одобряли его, некоторые осуждали, многие характеризовали как сенсационное. Но для меня оно было самоочевидным.

Мои взгляды сформировались в годы участия в работе над ядерным оружием; в активных действиях против испытаний этого оружия в атмосфере, воде и космосе; в общественной и публицистической деятельности; в участии в правозащитном движении и в горьковской изоляции. Основы позиции отражены в статье 1968 года «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», но изменяющаяся жизнь требовала ответных изменений, конкретного ее вопло-

---

Опубликовано в 1990 г. («Звезда», № 3 и сборник «Тревога и надежда», М.: Интер-Версо).

щения. В особенности это относится к последним переменам во внутренней жизни и внешней политике СССР. Главными и постоянными составляющими (ingredients) в моей позиции являются — мысль о неразрывной связи сохранения мира с открытостью общества, с соблюдением прав человека так, как они сформулированы во Всеобщей декларации прав человека ООН; убеждение, что только конвергенция социалистической и капиталистической систем — кардинальное, окончательное решение проблемы мира и сохранения человечества.

Я понимал, что участие в Форуме неизбежно будет в той или иной степени использовано для чисто пропагандистских целей. Но я исходил из того, что положительное значение публичного выступления после того, как многие годы мой рот был полностью зажат, — гораздо существенней.

Мысли, высказанные мной, отличаются во многом от официальной советской позиции, во многом же совпадают с ней. В обоих случаях это — мои мысли, мои убеждения. На Форуме советские участники академик Велихов и заместитель директора Института США и Канады Кокошин выступили с развернутыми возражениями против некоторых из моих утверждений. Я считаю это показателем важности и нетривиальности моих высказываний.

Первое выступление состоялось на заседании, посвященном сокращению стратегических вооружений,

второе — на заседании по противоракетной обороне и программе СОИ, третье — на заседании по проблеме запрещения подземных испытаний. Особенное значение я придаю второму выступлению, в котором высказываюсь за отмену принципа «пакета», то есть за отказ СССР от жесткой обусловленности соглашений по сокращению термоядерного оружия заключением соглашения по СОИ, а также соображениям по безопасности ядерной энергетики в третьем выступлении. Я бы хотел широкой общественной дискуссии по этим вопросам.

В материалах о Форуме, опубликованных советской прессой, сообщается о моем участии, но указанные основные тезисы не упоминаются. Вот что напечатано в «Правде»: «Академик А. Д. Сахаров отметил несостоятельность позиции сторонников СОИ. Он также отметил, что неправильным является утверждение, что наличие программы СОИ побудило СССР к переговорам о разоружении. Программа СОИ мешает переговорам. Ученый предложил также свой вариант решения вопроса о 50-процентных сокращениях ядерных вооружений». В сообщениях западных радиостанций, которые мне довелось услышать в эти дни, моя точка зрения излагалась также неточно и неполно. Это только подтвердило ранее принятое мной решение опубликовать полные тексты моих выступлений на Форуме.

I

У меня есть соображения технического характера о сокращении стратегических вооружений. Я выскажу их в конце выступления. Но прежде я хочу остановиться на некоторых общих вопросах.

Как гражданин СССР я в особенности обращаюсь со своими призывами к руководству нашей страны, наряду с другими великими державами несущей особую ответственность за положение в мире.

Международная безопасность и реальное разоружение невозможны без большего доверия между странами Запада и СССР, другими социалистическими странами.

Необходимо разрешение региональных конфликтов на основе компромисса; восстановление стабильности всюду в мире, где она нарушена; прекращение поддержки дестабилизирующих и экстремистских сил, всех террористических группировок; не должно быть попыток расширения зоны влияния одной стороны за счет другой; необходима совместная работа всех стран для решения экономических, социальных и экологических проблем. Необходима большая открытость и демократизация нашего общества — свобода распространения и получения информации, безусловное и полное освобождение узников совести, реальная свобода выбора страны проживания и поездок; свобода выбора места проживания внутри страны; реаль-

ный контроль граждан над формированием внутренней и внешней политики.

Несмотря на происходящие в стране прогрессивные процессы демократизации и расширения гласности, положение остается противоречивым и неопределенным, а в чем-то наблюдается попятное движение (например, в законодательстве о свободе эмиграции и поездок).

Без решения политических и гуманитарных проблем прогресс в области разоружения и международной безопасности будет крайне затруднен или вовсе невозможен.

Но есть и обратная зависимость — демократизация и либерализация в СССР и тесно связанный с ними экономический и социальный прогресс будут затруднены без ослабления пресса гонки вооружений. Горбачев и его сторонники, ведущие трудную борьбу против косных, догматических и своекорыстных сил, заинтересованы в разоружении и в том, чтобы гигантские материальные и интеллектуальные ресурсы не отвлекались на вооружение и перевооружение на новом технологическом уровне. Но в успехе преобразований в СССР заинтересован и Запад, весь мир. Экономически сильный, демократизированный и открытый Советский Союз явится важнейшим гарантом международной стабильности, хорошим и надежным партнером для других стран в совместном решении глобальных проблем. И наоборот. Если на Западе возобладает политика изматы-

вания СССР при помощи гонки вооружений — ход мировых событий будет крайне мрачным. Загнанный в угол противник всегда опасен. Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы и СССР политически и экономически развалится — весь исторический опыт свидетельствует об обратном. Но процесс демократизации и либерализации прекратится, научно-техническая революция будет иметь одностороннюю военно-промышленную направленность, во внешней политике, как можно опасаться, получат преобладание экспансионистские тенденции, блокирование с деструктивными силами.

Теперь о более специальных вопросах ограничения стратегических вооружений. В Рейкьявике обсуждалась схема одновременного пятидесятипроцентного сокращения всех видов стратегического оружия США и СССР с сохранением тем самым для каждой стороны сложившихся пропорций различных видов вооружения (я опираюсь на имеющиеся публикации; возможно, что какие-то детали мне неизвестны). «Пропорциональная» схема наиболее проста, и вполне оправданно, что продвижение началось именно с нее. Но она не оптимальна, так как не решает проблемы стратегической стабильности.

Большая часть ракетно-термоядерного потенциала СССР — мощные шахтные ракеты с разделяющимися

боеголовками. Такие ракеты уязвимы по отношению к предупредительному удару современных высокоточных ракет потенциального противника. Принципиально важно, что одна ракета противника с разделяющимися боеголовками уничтожает несколько шахтных ракет. То есть уничтожение всех шахтных ракет при примерном равенстве сторон (СССР и США) возможно с использованием противником лишь части его ракет. Стратегическое значение «первого удара» колоссально возрастает. Страна, опирающаяся в основном на шахтные ракеты, может оказаться вынужденной в критической ситуации к нанесению «первого удара». Это объективная военно-стратегическая реальность, которую не может не учитывать противоположная сторона. Я хочу подчеркнуть, что такое положение никем не планировалось при развертывании шахтных ракет в 60-х и 70-х годах. Оно возникло в результате разработки и принятия на вооружение разделяющихся боеголовок и повышения точности стрельбы. Но сегодня шахтные ракеты, вообще любые ракеты с уязвимыми стартовыми позициями являются важнейшим фактором военно-стратегической нестабильности. Поэтому я считаю чрезвычайно важным при сокращении ракетно-стратегических вооружений принять принцип преимущественного сокращения ракет с уязвимыми стартовыми позициями, то есть тех ракет, которые принципиально являются оружием первого удара. Особенно важно

преимущественное сокращение советских шахтных ракет, так как они составляют основу советских ракетно-термоядерных сил, а также американских ракет МХ. Возможно, целесообразно часть советских шахтных ракет одновременно с общим сокращением заменить на менее уязвимые ракеты эквивалентной ударной силы (ракеты с подвижным замаскированным стартом, крылатые ракеты различного базирования, ракеты на подводных лодках и т. д.). Для американских ракет МХ проблема замены, как я думаю, не стоит, так как они составляют менее существенную часть в общем балансе и их можно безболезненно уничтожить в процессе двустороннего сокращения.

Выработка соглашения о непропорциональном сокращении более сложна для экспертов и дипломатов, чем подписание соглашения о пропорциональном сокращении. Но я убежден, что это крайне желательно. Дополнительные расходы на перевооружение советских стратегических сил представляются мне вполне оправданными. Они будут тем меньше, чем глубже одновременное общее сокращение стратегических сил.

Перехожу к этому последнему вопросу, уже обсуждавшемуся сегодня. Определение порога сокращения стратегических сил из условия сохранения стратегической стабильности — задача очень трудная, включающая множество неизвестных и даже не определенных корректно факторов.

Приведу два соображения, иллюстрирующие эти трудности.

При расчете наносимого ущерба можно исходить из различных сценариев войны. В частности, можно производить оценку для случая первого удара или удара возмездия. Эти оценки могут существенно отличаться. Как мне кажется, страна, идущая на опасное обострение, при этом может принять одновременно решение о первом ударе; в этом случае она оценивает свои возможные потери по более низкому уровню удара возмездия.

Гораздо более сложен вопрос о предельно допустимом ущербе. То есть какой максимальный ущерб для населения своей страны, для ее экономического и военного потенциала может допустить решающееся на ядерное обострение правительство в качестве платы за победу. Предполагается, что речь идет об уровнях стратегического ядерного вооружения, при которых нет взаимного гарантированного уничтожения. Этот вопрос нельзя решать исходя из психологии мирного времени. Я вспоминаю о решениях, принимавшихся в острых ситуациях руководителями недавнего прошлого, — а ведь ситуация, о которой идет речь, вообще не имеет прецедента. Поэтому я бы затруднился сегодня назвать конкретный уровень. Он может быть близок или равен уровню гарантированного взаимного уничтожения! Вернуться к этому вопросу целесообразно

после осуществления пятидесятипроцентного сокращения.

Безъядерный мир — желанная цель. Он возможен только в будущем, в результате многих радикальных изменений в мире. Условиями мирного развития сейчас и в будущем являются: разрешение региональных конфликтов; равновесие обычных вооружений; либерализация и демократизация, большая открытость советского общества, соблюдение гражданских и политических прав человека; компромиссное решение проблемы противоракетной обороны без объединения ее в «пакете» с другими вопросами стратегического оружия. Эту последнюю тему я надеюсь обсудить завтра.

Кардинальным, окончательным решением проблемы международной безопасности является конвергенция, сближение мировых систем социализма и капитализма.

II

В Рейкьявике наметилась возможность достигнуть соглашения по ряду важнейших проблем разоружения. Но переговоры наткнулись на проблему СОИ. Точней: 1) На нежелание Рейгана — или невозможность этого для него — заключить компромиссное соглашение по СОИ, предусматривающее мораторий на развертывание в космосе элементов ПРО (непременный элемент соглашения) и определенные ограничения на испытания эле-

ментов СОИ с выводом в космос и с использованием подземных ядерных взрывов. В наиболее приемлемом для СССР варианте соглашение должно предусматривать ограничение работ по СОИ только лабораторными исследованиями. По-видимому, предлагаемое советской стороной компромиссное решение оказалось неприемлемым для американской стороны, так как оно лишало ее перспективы свободной работы по СОИ. 2) При такой позиции Рейгана (которую можно было предвидеть) решающее значение приобрел принятый советской стороной принцип «пакета», согласно которому заключение соглашения по СОИ является необходимым условием заключения других соглашений по разоружению, в особенности соглашения о сокращении числа баллистических межконтинентальных ракет с термоядерными зарядами.

Возникла тупиковая ситуация. Я считаю, что принцип «пакета» может и должен быть пересмотрен.

Соглашения о разоружении, в частности, о значительном сокращении баллистических межконтинентальных ракет и о ракетах средней дальности и поля боя, должны быть заключены как можно скорей независимо от СОИ в соответствии с линиями договоренности, наметившимися в Рейкьявике.

Компромиссное соглашение по СОИ может быть, по моему мнению, заключено во вторую очередь. Таким образом, опасный тупик в переговорах был бы преодолен.

Я постараюсь проанализировать соображения, приведшие к принципу «пакета», и показать их несостоятельность. Я также попытаюсь показать несостоятельность доводов сторонников СОИ. Начну с последнего.

Я убежден, что система СОИ неэффективна для той цели, для которой она, по утверждению ее сторонников, предназначена.

Объекты ПРО, размещенные в космосе, могут быть выведены из строя еще на неядерной стадии войны и особенно в момент перехода к ядерной стадии с помощью противоспутникового оружия, космических мин и других средств. Так же будут разрушены многие ключевые объекты ПРО наземного базирования. Использование ракет, имеющих уменьшенное время прохождения активного участка, потребует непомерного увеличения числа космических станций СОИ. Системы ПРО обладают особенно малой эффективностью в отношении крылатых ракет и ракет, запускаемых с близкого расстояния. Результативным способом преодоления любой системы ПРО, в том числе СОИ, является простое увеличение числа ложных и боевых головок, использование помех и различных способов маскировки. Все это и многое другое заставляет считать СОИ своего рода «космической линией Мажино» — дорогой и неэффективной. Противники СОИ утверждают, что СОИ, будучи неэффективной в качестве оборонительного оружия, является щитом, под прикрытием которого на-

носится «первый удар», так как может быть эффективной для отражения ослабленного удара возмездия. Мне это кажется неправильным. Во-первых, удар возмездия не обязательно будет сильно ослаблен. Во-вторых, почти все приведенные выше соображения о неэффективности СОИ относятся и к удару возмездия.

Тем не менее в настоящее время ни одна из сторон, по-видимому, не может отказаться от поисковых работ в области СОИ поскольку нельзя исключить возможности неожиданных успехов и — что существенней и реальней — поскольку концентрация сил на новейшей технологии может принести важные побочные результаты в мирной и военной областях, например, в области компьютерной науки. Я все же считаю все эти соображения и возможности второстепенными в масштабе огромной, непомерной стоимости работ по СОИ и при сопоставлении с негативным влиянием СОИ на военно-стратегическую стабильность и на переговоры о разоружении. Сторонники СОИ в США, возможно, рассчитывают с помощью усиления гонки вооружений, связанной с СОИ, экономически измотать и развалить СССР. Я уже говорил вчера, что подобная политика неэффективна и крайне опасна для международной стабильности. В случае СОИ «асимметричный» ответ (т. е. преимущественное развитие сил нападения и средств уничтожения СОИ) делает такие расчеты особенно беспочвенными. Неправильно также утвер-

ждение, что наличие программы СОИ побудило СССР к переговорам о разоружении. Программа СОИ, наоборот, затрудняет эти переговоры.

Перейду к центральному вопросу о принципе «пакета». В защиту принципа «пакета» приводится такой, на первый взгляд очень серьезный, аргумент. Представим себе, что СССР отказался от «пакета», произошло существенное сокращение стратегических ракет с термоядерными зарядами, а США сохранили свободу рук в развертывании СОИ и в некоторый момент начинают выводить в космос объекты СОИ, например, в варианте, предложенном Уайнбергером. Этот проект предусматривает создание в космосе за несколько лет сети станций, на каждой из которых находится несколько десятков противоракет для поражения советских МБР на активном участке траектории. Кроме того, создается сеть станций наблюдения и управления огнем. Возникает опасность, что такая система, которая была бы неэффективна против первоначального количества советских ракет, после их сокращения окажется уже достаточно действенной и СССР фактически станет безоружным. Кроме того, на сотнях станций можно будет спрятать ядерные ракеты типа космос-земля, лазерное оружие космос-земля для создания пожаров. Начну с последнего опасения. Оружие космос-земля не кажется мне очень перспективным. Ракеты, размещенные на космических станциях, будут иметь гораздо более легкую боеголовку, чем баллистиче-

ские ракеты «за те же деньги». Станции и спускаемые с них аппараты очень уязвимы. Лазеры для поджога на расстоянии в 100 и более километров непомерно мощные и вряд ли очень эффективны.

Главный аргумент защитников принципа «пакета» — возможная эффективность СОИ против сокращенных сил МБР СССР. Я считаю, что *с большой долей вероятности* США просто не решатся на развертывание СОИ в условиях сокращения вооружений, учитывая крайне отрицательные последствия этого шага в политическом, экономическом и военно-стратегическом смысле, для стабильности положения в мире. Как полагают видные политические деятели США, «Конгресс этого не допустит». Если начнется разоружение, программа СОИ в США потеряет свою популярность. Но если все же в США возобладают силы, настаивающие на развертывании СОИ в космосе, СССР не окажется в безвыходном положении. Он прекратит сокращение своих стратегических сил и начнет ускоренное строительство мобильных стратегических ракет, которые таким образом заменят уязвимые шахтные ракеты. Как я говорил вчера, такая замена крайне желательна по независимым соображениям. Одновременно СССР начнет ускоренное развитие противоспутникового оружия и космических мин, что даст ему возможность уничтожить или парализовать американскую систему СОИ. Особенно легко уничтожить сравнительно не-

многочисленные станции наблюдения. Расходы СССР в этом случае возрастут, но не превзойдут приемлемых пределов. Они, вероятно, будут близки к тем, которые требуются от СССР при сохранении принципа «пакета» и существующего уровня гонки вооружений. Конечно, второй путь развития событий менее благоприятен для СССР, чем первый. Но он менее благоприятен и для США, и для всего мира. Поэтому можно надеяться, что США не решатся на развертывание СОИ и ограничатся поисковыми работами, которые при отсутствии запрещения получат полное развитие и, может, даже принесут плоды в мирной области.

Итак, альтернатива такова. Или сохранение принципа «пакета» и продолжение гонки вооружений на существующем и возрастающем уровне и неизбежное развертывание СОИ. Или отказ от принципа «пакета»; это дает выход из тупика, возникшего в Рейкьявике. Правда, в худшем случае (вероятность которого, по-моему, невелика) новый виток гонки вооружений, с заменой у СССР шахтных ракет на мобильные. В целом военно-стратегическое положение СССР и стабильность положения в мире даже в худшем случае, по моему мнению, не будут отличаться от положения при сохранении «пакета», а политическое положение будет много лучше. Я всецело за отмену принципа «пакета».

III
О проблеме ядерных испытаний

Я утверждаю, что боеспособность многих новых вариантов ядерного (как атомного, так и термоядерного) оружия может быть надежно установлена без проведения ядерных испытаний. Исключение, быть может, составят виды оружия, основанные на новых физических и конструктивных принципах, если таковые будут выдвинуты. Однако уже известные физико-конструктивные принципы вполне достаточны для эффективного решения всех военных задач ядерного оружия. Не требует, в частности, новых ядерных испытаний проверка вариантов, отличающихся от ранее испытанных габаритами, весом, компоновкой и другими чисто конструктивными параметрами. Тем более не требует ядерных испытаний проверка надежности оружия при его длительном хранении, а также проверка устойчивости оружия по отношению к механическим, тепловым и радиационным воздействиям, которые могут иметь место при боевом применении.

Условно можно выделить в каждом ядерном заряде «сектора» (не следует придавать этому слову геометрического или конструктивного смысла) — электротехнический, баллистический, атомный и (для термоядерного заряда) — термоядерный сектор.

Надежность первых трех секторов может быть подтверждена лабораторными испытаниями, дополненны-

ми «индикаторным» взрывным испытанием (т. е. испытанием, при котором в результате маломощной реакции деления или ядерного синтеза образуется малое количество нейтронов, достаточное для регистрации расположенным вблизи испытываемого заряда счетчиком).

Четвертый (термоядерный) сектор не требует в большинстве случаев испытаний, так как его надежность может быть установлена по аналогии с ранее испытанными зарядами, основанными на тех же физико-конструктивных принципах. При этом также очень полезны расчеты процесса термоядерного взрыва на ЭВМ (вполне надежны расчеты процессов, обладающих сферической симметрией, или симметрией наличия оси вращения; надежность и точность расчетных методик устанавливаются применением их к ранее испытанным зарядам, основанным на тех же принципах).

В силу сказанного продолжение или прекращение ядерных испытаний не имеет принципиального критического значения для проблемы сдерживания гонки ядерных вооружений. Вопрос о ядерных испытаниях, по моему мнению, имеет второстепенное, вторичное значение по отношению к другим военно-техническим, политическим и дипломатическим аспектам предупреждения термоядерной катастрофы.

Важно, что подземные испытания при достаточной глубине залегания взрывной камеры и соблюдении других мер безопасности не наносят никакого экологиче-

ского ущерба ни в стране, производящей испытания, ни тем более за ее пределами.

Пока существует и не запрещено ядерное оружие, решение о его подземных испытаниях является внутренним суверенным делом каждой из ядерных держав.

Я считаю, что исключение вопроса о полном запрещении ядерных испытаний из числа первоочередных облегчит и упростит переговоры о более актуальных и неотложных проблемах разоружения.

Я намеренно не касался пропагандистских и психологических аспектов проблемы.

Ядерное оружие разделяет человечество, угрожает ему. Но есть мирное использование ядерной энергии, которое должно способствовать объединению человечества. Разрешите мне сказать несколько слов по этой теме, связанной с основной целью форума.

В эти дни в выступлениях участников много раз упоминалась катастрофа в Чернобыле, явившаяся примером трагического взаимодействия несовершенства техники и человеческих ошибок.

Нельзя тем не менее переносить на мирное использование ядерной энергии то неприятие, которое люди вправе иметь к ее военным применениям. Человечество не может обойтись без ядерной энергетики. Мы обязаны поэтому найти такое решение проблемы безопасности, которое полностью исключило возможность повторения чего-либо подобного чернобыльской ката-

строфе в результате ошибок, нарушения инструкций конструктивных дефектов и технических неполадок.

Такое кардинальное решение — размещение ядерных ректоров под землей на глубине, исключающей выделение радиоактивных продуктов в атмосферу при любой мыслимой аварии. При этом будет также обеспечена ядерная безопасность в случае войны, ведущейся без использования ядерного оружия. Особенно существенно иметь полную безопасность для теплофикационных станций, располагаемых вблизи больших городов. Идея подземного размещения ядерных реакторов не нова, против нее выдвигаются соображения экономического характера. На самом деле с использованием современной землеройной техники цена будет, как я убежден, приемлемой. Жалеть же деньги на предотвращение радиационных катастроф нельзя. Я считаю, что мировая общественность, обеспокоенная возможными последствиями мирного использования ядерной энергии, должна сосредоточить свои усилия не на попытках вовсе запретить ядерную энергетику, а на требовании обеспечить ее полную безопасность.

ВЫСТУПЛЕНИЯ А. Д. САХАРОВА И Е. Г. БОННЭР В КОЛЛЕДЖЕ СТЕЙТЕН-АЙЛЕНД

14 июня 1987 г.

А. Д. Сахаров

Леди и джентльмены!

Я глубоко благодарен колледжу Стейтен-Айленд за оказанную мне честь[1]. Я обращаюсь к преподавателям и учащимся, которые взяли на себя большую ответственность в вашем обществе, и молодым людям, которые возьмут на себя эту ответственность в будущем. Я понимаю, что вы ожидаете от меня большего, чем несколько вежливых фраз, поэтому я буду говорить о некоторых особых проблемах, которые кажутся мне сегодня особенно важными.

В России публикуется впервые.

[1] На присуждении почетной степени доктора гуманитарных наук. А. Д. Сахаров и Е. Г. Боннэр отсутствовали: А. Д. Сахарову разрешили выехать за границу только в ноябре 1988 г. — *Ред.*

Обратный перевод с английского.

Необыкновенно жестокая война, вызывающая ужасные человеческие страдания, идет в Афганистане на протяжении более семи лет. Советская армия должна быть немедленно выведена из Афганистана с тем, чтобы афганский народ сам мог решать свои проблемы. Процесс должен проходить под контролем войск ООН во избежание кровопролития и хаоса. Любой афганец, кто хочет эмигрировать при таких обстоятельствах, — в Советский Союз, другие социалистические страны или куда-либо еще, должен иметь такую возможность. Не дожидаясь завершения переговоров или, еще лучше, — с сегодняшнего дня — бомбардировки мирного населения и госпиталей должны быть прекращены.

Изменения во внутренней жизни Советского Союза, предложенные Горбачевым, важны и необходимы. Я хочу верить в серьезность его намерений. Но то, что сделано к настоящему моменту, — это просто начало. Они коснулись только поверхности монолита советского общества. Во многих отношениях этот процесс противоречивый. Они правильны в том, что касается гласности, так называемого «индивидуального предпринимательства» и основных вопросов, которые Горбачев вынес на январский пленум Центрального комитета.

Одна проблема, которая в особенности касается меня, — это освобождение узников совести — людей, которые подверглись репрессиям за свои убеждения или связанные с ними действия. Я использую определение

«Международной амнистии», которое не ограничивает использование этого термина религиозными убеждениями.

Около 160 узников освобождены — это то, на что мы не могли даже надеяться в прошлом. Но процесс далек от завершения. Мы знаем имена более 500 остающихся в заключении узников совести. И, вероятно, есть несколько сотен, о которых мы ничего не знаем. Узники совести содержатся в специальных лагерях строгого режима и психиатрических больницах, и осужденные за клевету на советскую систему по статье 190[1] не освобождены. Я надеюсь, что эти категории узников вскоре будут освобождены.

Освобождение должно быть без всяких условий. Пока что от заключенных требуют просить прощения. Это вызывало и продолжает вызывать серьезные моральные проблемы. Узники совести должны быть реабилитированы, а не прощены, поскольку они не совершили никакого преступления.

Всеобщая и безусловная амнистия для всех узников совести в Советском Союзе и во всем мире наряду с гарантированным и действительным правом на свободный выбор страны проживания необходимы для установления международного доверия.

Я еще раз призываю Советский Союз и Соединенные Штаты к уменьшению стратегических ядерных вооружений на 50%, не ожидая соглашения по Стратегической оборонной инициативе. Советский Союз от-

казался от пакетного подхода и ведет переговоры о сокращении евроракет; я настаиваю, чтобы эти переговоры также начались и о сокращении межконтинентальных баллистических ракет. Это не означает, что я изменил свое негативное мнение о стратегической оборонной инициативе.

Человечество нуждается в ядерной энергии в мирных целях. Мы должны обеспечить полную безопасность ядерных установок и устранить любую возможность повторения инцидентов типа чернобыльской аварии. Установки, производящие ядерную энергию, могут и должны быть лучше с экологической точки зрения, чем станции, сжигающие ископаемое топливо.

Подземное расположение ядерных реакторов таким образом, чтобы они были покрыты несколькими десятками ярдов земли, является оптимальным решением. Должно быть международное соглашение по подземному размещению ядерных электростанций. Ядерная безопасность является не только внутренним делом одной страны — этот урок должен быть извлечен из Чернобыля.

Я призываю защитников окружающей среды и гражданские организации не тратить все усилия на борьбу с ядерной энергией. Это нереалистический и вредный подход к проблеме. Нужно бороться за безопасность ядерных электростанций.

Е. Г. Боннэр

Г-н президент, члены правления, выпускники, дамы и господа!

Я благодарю вас за честь, которую оказал мне ваш университет, и за эту возможность сказать несколько слов.

Когда мой муж и я были в ссылке в Горьком, нам казалось, что мы будем там весь остаток наших жизней. Сегодня я хотела бы поблагодарить каждого в Америке — тех, кого мы знаем, и тех, кого мы не знаем, — чьи совместные усилия внесли вклад в наше освобождение. Мой муж, академик Андрей Сахаров, говорил о насущных проблемах, с которыми сталкивается ваша страна, наша страна и все человечество. Я разделяю его взгляды.

Каждому все время приходится сталкиваться с проблемами, и особенно молодым людям, которым приходится бороться с еще более трудными. Существует удивительно устойчивое традиционное представление, что молодые люди сегодня воспринимают это легко, в то время как предыдущее поколение — мое поколение — воспринимало это намного тяжелее, когда мы были молодыми. Это утверждение несправедливо, и это неправда. Молодым людям всегда тяжелее. Они должны делать дело. Они не могут просто дать совет и затем сидеть и ждать, что произойдет. Молодые люди несут

ответственность за себя самих, за свои семьи, за своих друзей, за своих детей — за весь наш мир.

Как жить? Каким человеком стать? Какому профессиональному пути следовать? Нелегко найти согласующиеся друг с другом ответы на эти вопросы. Каждый хочет добиться успеха в жизни, именно этого. Но помимо необходимости выживания и нахождения своего места в жизни вы должны также дать руку тем, кто слабее.

Как справиться со всеми этими ответственностями? Этот вопрос встает перед всеми молодыми людьми. Каждый хочет быть счастливым в своем доме и семейной жизни. Но вы также хотите принести счастье тем, кого вы любите, и это часто может вовлекать вас в кажущиеся противоречия.

Человек может и должен быть счастливым. Счастье является императивом для вашего собственного благополучия и для благополучия общества, но не так легко быть счастливым — счастливым в семье, в работе и в обществе. Старая максима — «Никогда не делай другим того, что ты не хотел бы, чтобы другие сделали тебе» — остается действительной сегодня и останется действительной во время жизни моего и вашего поколения.

Эта максима обращена к людям, которые живут за морями, так же как и к нашим соседям. Наши стандарты должны быть универсальными, поскольку у людей повсюду одни и те же цели. То, что хорошо в одном ме-

сте, хорошо повсюду; и что плохо в одном месте, плохо повсюду.

Когда вы читаете детям сказки о героях, рыцарях и волшебниках, вопрос, который они задают вам, чаще всего таков: «Это хороший человек?». Мы часто задаем себе этот вопрос о людях, которых мы знаем, но как часто мы спрашиваем самих себя: «Хороший ли я человек?».

Этот вопрос, по моему мнению, не менее важен, чем классический вопрос, который доминировал над жизнями бессчетных поколений, который дал импульс цивилизации и который по-прежнему образует основу нашей культуры сегодня. Около двух сотен лет назад поэт, который был тогда ненамного старше вас, поставил этот вопрос таким образом:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?

Никто не в состоянии ответить на этот вопрос, потому что в жизни нет абсолютных истин. Лучше ли быть адвокатом или прокурором? Давать или принимать подарки? Любить или быть любимым? Я не ожидаю, что вы ответите на эти вопросы. Я просто хочу, чтобы вы поняли, что такие вопросы посещают всякого и каждого из нас. Чем вы моложе, тем более остро вы чувствуете трагедию жизни и тем более настойчиво вы

стремитесь найти какой-то всеобъемлющий ответ на вопрос поэта.

Достоевский сказал: «Красота спасет мир». И под красотой, как я понимаю, он имел в виду доброту, поскольку, конечно же, нет большей красоты, чем эта.

Трагический поэт нашего века написал: «Юность — это возмездие», возмездие за детство и за то, что придет потом.

Я воспользовалась цитатами из русской литературы, потому что я была воспитана на ней, но в вашей великой американской литературе также есть писатели и поэты, сказавшие то же самое, вероятно, слегка иным образом. Вы напомните себе их слова.

Я не хочу давать вам советы, как жить. Во-первых, это было бы бессмысленно, во-вторых, я сама не знаю. Я знаю только одно — стремитесь быть добрыми, быть хорошими, помогать людям, близким вам, и через них помогать другим, так, чтобы добро распространялось по цепной реакции.

Вы молоды. У вас много энергии для жизни. И если вы добры, вам нечего бояться старости. Когда вы начинаете свой путь, жизнь кажется бесконечной; позже кажется, что она промелькнула, как молния. Проживайте то чудо, которое называется «моя жизнь», так, чтобы подойдя к концу вашего путешествия, вы могли понять и почувствовать, что она не была напрасной, что она была чем-то большим, чем просто случайностью.

Каждую ночь пред тем, как отойти ко сну, я дотрагиваюсь до дерева и желаю доброго здоровья и счастья моим детям, внукам, матери и мужу. Сейчас я стучу по дереву и желаю вам и другим молодым людям, и на Востоке, и на Западе, счастливого путешествия через жизнь.

Если молодые люди смогут найти путь к счастью, то жизнь будет счастливой для каждого на нашей планете.

НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ НЕОБХОДИМО

ноябрь 1987 г.

Я рад возможности изложить на страницах советского печатного издания свои взгляды по проблемам мира и разоружения.

Отойти от края пропасти всемирной катастрофы, сохранить цивилизацию и саму жизнь на планете — настоятельная необходимость современного этапа мировой истории. Это, как я убежден, возможно лишь в результате глубоких геополитических, социально-экономических и идеологических изменений в направлении сближения капиталистической и социалистической систем (конвергенции) и открытости общества, при достижении большего равноправия всех рас и народов не только в юридическом, но и в экономическом, культурном и социальном отношении. Нужно новое мышление человечества!

Разоружение, в том числе ядерное, — существенная составная часть этого процесса. Этапом ядерного разо-

---

Статья написана по просьбе еженедельника «Аргументы и факты», но в ЦК КПСС не разрешили печатать ее без купюр — Сахаров отказался. Опубликована статья только после его смерти в декабре 1989 г. («Аргументы и факты», № 51).

ружения является уже почти достигнутое соглашение по ракетам средней и меньшей дальности. Но еще более определяющим будет следующий шаг — 50%-ное взаимное сокращение межконтинентального стратегического ядерного оружия США и СССР. Это имело бы огромные психологические, социально-экономические и политические последствия. Как известно, США и СССР были близки к такому соглашению в Рейкьявике, но препятствием явилась проблема СОИ. Я убежден, что 50%-ное сокращение стратегических вооружений возможно и необходимо уже сейчас, независимо от проблемы СОИ и каких-либо других политических и иных проблем.

Как выявилось еще в шестидесятые годы и справедливо также для систем типа СОИ, системы противоракетной обороны (ПРО) малоэффективны и значительно дороже того усиления и усовершенствования систем нападения, которые необходимы для их преодоления. Технически, по-видимому, возможно ценой огромных затрат создать эшелонированную систему ПРО с элементами космического наблюдения и поражения ракет и боеголовок противника при помощи различных «экзотических» и традиционных видов оружия. Однако, во-первых, все элементы, размещенные в космосе, будут находиться под постоянным «прицелом» противника и поэтому крайне уязвимы; во-вторых, сокращение времени разгона ракет затруднит их поражение на уча-

стке разгона, особенно средствами наземного базирования, выходящими в космос после старта ракеты; в-третьих, применение ложных целей, имитирующих боеголовки, различных пассивных и активных помех и маскировки затруднит обнаружение, идентификацию и поражение ракет и боеголовок на всех участках траектории. Несомненно, что при развертывании одной из сторон ПРО в космосе (что явится нарушением Договора по ПРО 1972 г.) противоположная сторона примет меры во всех трех перечисленных направлениях; в этих действиях она будет считать себя не связанной какими-либо ограничениями, например запретами мер маскировки, предусмотренными в том же договоре. Следует также в особенности учитывать, что в такой ни разу не испытанной в целом сложнейшей системе, как СОИ, неизбежны сбои, неожиданные технические неполадки, в том числе вероятны ошибки в программах компьютерной системы управления, неизбежны «окна проницаемости».

Преимущественное развитие систем ПРО и попытка добиться с их помощью превосходства нарушили бы стратегическую стабильность. Это чрезвычайно важное положение лежит в основе Договора по ПРО 1972 г., и его необходимо учитывать при рассмотрении возможности глубоких (более 50%) сокращений ядерных вооружений. Однако при 50%-ном сокращении существующих огромных стратегических вооружений стабильность сохраня-

ется и при наличии систем СОИ. Даже если в кризисной ситуации одна из сторон, обладая системой СОИ, решится на «первый удар», ответный удар, по существующим оценкам, приведет, как говорят на языке исследователей операций, к «гарантированному уничтожению», несмотря на потерю части ракет.

Остановлюсь кратко на этих оценках. Принимается, что если к целям будет доставлено 4% существующего у СССР или США запаса термоядерных стратегических зарядов, то непосредственно от взрывов и пожаров в США и соответственно в СССР погибнет не менее 30% населения и будет разрушено 75% промышленных объектов, что практически означает уничтожение промышленности. Значительная часть оставшегося населения погибнет от облучения и употребления радиоактивных пищевых продуктов и воды в зонах выпадения радиоактивных осадков (зоны радиоактивных «следов» от наземных и низких взрывов), от последствий разрухи — голода, болезней, общего хаоса, возможно, от климатических последствий термоядерной войны. Таким образом, при доставке 4% запаса (около 400 условных зарядов в одну мегатонну) имеет место «гарантированное уничтожение». Предполагаем, что эффективность системы ПРО с элементами космического базирования в отношении МБР лежит в пределах 20—60%, т. е. что не менее 40% боеголовок преодолевают все три ее эшелона (поражение

ракет на участке разгона, поражение боеголовок в космосе, поражение боеголовок в районе цели).

В силу приведенных выше соображений эта оценка эффективности представляется скорее всего завышенной. Еще меньше возможности защиты от крылатых ракет и ракет, запускаемых с подводных лодок. Далее предполагаем, что в результате неизбежных технических и организационных неполадок 20—40% ракет (боеголовок) не могут быть использованы, или не запускаются на старте, или направляются мимо цели. Таким образом, для доставки к цели 4% необходимо иметь 16% существующего запаса, т. е. при сокращении его на 50% остается «избыток» в три раза. Предполагаемая эффективность «первого удара» противника, по самым крайним оценкам, не превзойдет 50%, с учетом существующей точности попадания разделяющихся боеголовок в шахтные позиции МБР, больших трудностей поражения ракет с подвижным стартом, трудностей поражения крылатых ракет, размещенных на самолетах, и подводных лодок-ракетоносцев. То есть остается все еще избыток в 1,5 раза. Приведенные оценки следует рассматривать как ориентировочные, иллюстрирующие качественные соображения о возможности игнорировать проблему СОИ при 50%-ном сокращении стратегических ядерных вооружений.

Дальнейшее, более глубокое сокращение ядерных вооружений, однако, возможно, как я считаю, лишь при вы-

полнении ряда условий общего и военного характера, в том числе относящихся к СОИ.

Необходима гораздо большая, чем сейчас, степень международного доверия и открытости общества. Необходимо проявить волю к урегулированию международных конфликтов на взаимоприемлемой, компромиссной основе и достичь существенных результатов в этом направлении. Применительно к СССР большая открытость — это большая гласность, демократия, контроль общества за принятием ключевых решений, свобода убеждений и выбора страны проживания, т. е. то, что должна нести с собой перестройка.

Особое место среди международных проблем сегодняшнего дня, решение которых в основном зависит от СССР, — продолжающаяся война в Афганистане, несущая страдания и гибель множеству афганцев, гибель наших солдат, являющаяся опасным очагом недоверия в обширном регионе. Необходим быстрый и безусловный вывод советских войск из Афганистана. Возможно, для стабилизации положения там потребуется использование сил ООН. Пакистан, имеющий большое влияние в Афганистане, также заинтересован в стабилизации. СССР должен предоставить право убежища всем тем, кто этого пожелает.

Возвращаюсь к проблемам гонки вооружений. Я считаю нереальным полное прекращение новых военно-технических разработок, в том числе во взаимо-

связанных областях военной космической техники и нового поколения ядерного оружия «направленного» действия (которое, на мой взгляд, может иметь лишь ограниченное, частное значение). Каждая сторона боится упустить время, боится технического прорыва потенциального противника. Необходимо как-то «выпускать пар» недоверия. Полное запрещение тут не будет полезно. Но и дать этой гонке выйти из-под контроля было бы неправильно, опасно. Во время недавней встречи советских и американских ученых в Вильнюсе профессор В. Пановский (США) предложил компромиссное решение, относящееся непосредственно к Договору по ПРО 1972 г. Наряду с безусловно запрещенными договором действиями в его формулировках существует обширная «серая зона» неоднозначного толкования. В. Пановский предложил установить для «серой зоны» критические параметры изучаемых в лабораториях и испытываемых в космосе и на полигонах устройств, при превышении которых противоположная сторона должна получать полную информацию о ведущихся работах, в случае необходимости должны быть возможны инспекции лабораторий и испытательных полигонов. Так, например, для космического лазерного оружия критические параметры должны быть установлены ниже тех, при которых возможно поражение ракет на стадии разгона или каких-либо наземных целей. По моему мнению, это предложение является кон-

структивным, его осуществление будет способствовать международному доверию.

Чрезвычайно важно установление равновесия обычных вооружений. В частности, это одна из предпосылок глубокого сокращения ядерных вооружений.

Эксперты уже много лет ведут тут споры, связанные как с недостатком информации, так и с объективной сложностью и неоднозначностью ситуации. Важная задача — такое сокращение обычных вооружений и изменение их структуры, при котором каждая сторона уверена, что противоположная сторона преследует чисто оборонительные цели. Но достичь этого чрезвычайно трудно!

В Европе, где СССР, по-видимому, имеет преимущество в обычных вооружениях, в частности в танках и артиллерии, мне кажется целесообразным предложение об установлении коридора шириной в 150—200 км, разделяющего вооруженные силы НАТО и Варшавского договора и свободного от какого-либо оружия (обязательно — не только ядерного, но и обычного). Это сильно уменьшит возможность внезапного крупномасштабного нападения одной стороны на другую.

В более широком аспекте я считаю возможным и необходимым осуществление СССР смелого, грандиозного по своему общечеловеческому значению шага — сокращение в одностороннем порядке вдвое срока службы в армии, флоте и авиации, тем самым сокращение чис-

ленности вооруженных сил, с одновременным сокращением в той же пропорции всех видов вооружений.

Это действие СССР будет иметь огромное значение для всей обстановки в мире, для предотвращения опасности войны и создания предпосылок для общемирового сотрудничества в решении глобальных проблем и сближения социалистических и капиталистических стран. Замечу, что повышение культурного уровня и технической подготовки населения СССР, несомненно, делает возможным обучение военным специальностям за более короткий срок. Сокращение срока службы в армии будет иметь большое социальное значение, облегчая юношам возвращение к учебе и производительному труду. Освободившиеся средства дадут возможность совершить качественный прорыв в области мирной экономики, научно-технического прогресса, в решении социальных задач.

Сокращение срока службы в армии и социальные последствия этого шага, наряду с прекращением войны в Афганистане, будут иметь огромное психологическое и политическое значение как зримый результат нового мышления и перестройки, затрагивающий все слои населения. Несомненно, конечно, что параллельно должны развиваться и углубляться и другие аспекты перестройки — гласность и демократизация; отказ от догматизма и преодоление застоя в политико-экономической сфере; открытое осуждение и исправление всех

допущенных ранее ошибок, включая преследования за убеждения; все это будет способствовать стабильности и открытости советского общества, а значит, международному доверию и безопасности.

Я писал здесь в основном применительно к действиям СССР, но, несомненно, каждый крупный шаг СССР будет иметь сильнейший резонанс в мире, вызывая аналогичные шаги как капиталистических, так и социалистических стран.

ПИСЬМО М. С. ГОРБАЧЕВУ О ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

15 января 1988 г.

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Прилагаю составленный по моей просьбе список заключенных, относительно которых имеются основания просить нового внимательного рассмотрения их дела (осуждение по статьям Уголовного кодекса 70, 190[1], 227 и 142 РСФСР, широко использовавшимся для преследования за убеждения, предположения о несправедливом осуждении, соображения гуманности в отношении больных и старых; некоторые из осужденных находятся в заключении, так как отказались писать просьбы о помиловании, считая свое заключение антиконституционным).

В списке возможны неточности и ошибки. Список неполный.

Я прошу Вас поручить проверку этих дел не только органам юстиции, но и представителям общественности, например журналистам, специализировавшимся

Публикуется впервые.

на судебных делах (Аркадий Ваксберг и Ольга Чайковская в «Литерат. газете» и др.)

15 января 1988 г.
С глубоким уважением,
А. Сахаров

Список

составлен по имеющимся материалам и может быть дополнен (имя, отчество, дата ареста, срок и т. д.)

При пользовании списком следует учитывать:

— неопределенность понятия «политзаключенный»;

— частые изменения в положении перечисленных лиц (освобождения, смена места и вида содержания, новые аресты и т. д.);

— трудность сбора сведений и вытекающую отсюда их возможную неточность в некоторых случаях.

Осужденные по ст. 70 УК РСФСР и аналогичным статьям союзных республик

1. Лагерь спецрежима. Пермская обл., учр. ВС-389 (здесь все статья 70 ч. II)

Г. Астра
Э. Тарто
И. Кандыба
В. Овсиенко
Г. Приходько
П. Рубан
М. Горбаль
И. Сокульский
В. Калиниченко
М. Никлус
М. Алексеев
Б. Ромашов

2. Лагеря строгого режима. Пермская обл., учр. ВС-389; Мордовская АССР, учр. ЖХ-385 (здесь большинство ст. 70, ч. I, часть по ст. 70, ч. II)

А. Сваринскас
М. Кукобака
Г. Нечипоренко
Б. Митяшин
Г. Гогбаидзе
Г. Куценко
С. Тамкявичюс
В. Русак

Ссыльные (после окончания лагерного срока по ст. 70 и аналогичным статьям союзных республик)

В. Пяткус
Л. Лукьяненко
Г. Йешмантас
В. Арутюнян
Б. Гаяускас
В. Мейланов
Г. Бадзьо
Ю. Шухевич
М. Матусевич
Д. Мазур

Осужденные по ст. 64 УК РСФСР и аналогичным статьям союзных республик

1. Осужденные по обвинению в шпионаже. В некоторых случаях, например в деле Л. Лубмана и М. Казачкова, обвинение может быть необоснованным.

Ю. Бумейстер
Л. Лубман
Ж. Скудра
В. Смирнов
В. Московцев
М. Казачков

2. Попытка бегства из СССР, подготовка к бегству, бегство и возвращение (в том числе дополнительно по ст. 70 и др.). *Ряд лиц, в частности, был осужден после добровольного возвращения. (В частности, Н. Рыжков, сдавшийся в плен в Афганистане)*

Б. Климчак
В. Белокопытов
Н. Белов
И. Пакуцкас
О. Михайлов
В. Черепанов
В. Анищенко
А. Голдович
И. Могильников
А. Лолашвили
Н. Рыжков
В. Аренберг
М. Иванов
В. Янин

Из соображений гуманности (преклонный возраст, давность срока, плохое состояние здоровья), а также из предположения необъективности и неправильности расследования их дел и последующего осуждения ниже приводится список некоторых осужденных за преступления, совершенные в военное время.

Кушнирук
Новак
Лизунас
Тарахович
Пархоменко
Лисовский
Стейблис
Полищук

В том числе инвалиды в тяжелом состоянии

Меух
Эббеев
Шлык
Иваненко

А также осужденный *по обвинению в шпионаже* инвалид

И. Суслов

Осужденные по ст. 190[1] УК РСФСР и аналогичным статьям союзных республик

В. Балахонов
Р. Аблаев
С. Кадыров
О. Баринова
П. Бондарь
А. Боринский
М. Горянин
В. Грищенко
К. Джангетов
А. Дубицкий
Л. Иващенко
Т. Канделаки
Н. Климашенко
И. Мотря (ссылка)
К. Садуринов
А. Саидов
П. Сартаков
З. Тарасова
Н. Шевченко

Содержащиеся в психбольницах (ПБ и СПБ) по ст. ст. 70, 190[1] и др.
(требуется дополнительная проверка)

А. Михайленко
М. Равиньш
А. Махиня
В. Шипилов
Р. Джанашвили
В. Васильев
Е. Денисов
В. Каралюнас
Ю. Кожевников
А. Кусидис
А. Милюхин
В. Незнанов
А. Пальчиков
М. Пономарев
П. Лукошавичюс
С. Белов
Л. Громов
А. Шабонас
Ямиков (Яликов?)
А. Ворона
И. Вяарв
М. Жихарев
Т. Кума
В. Мультиньш
Е. Неделин
В. Никитенков
В. Первушин
К. Карманов
В. Тимохин
В. Рыбак

Приложение

(приводятся фамилии людей, проверка обстоятельств репрессирования которых, их настоящего положения и т. д. представляет особую трудность)

Лица, привлекавшиеся к уголовной ответственности по уг. статьям и по ст. 70 УК РСФСР и аналогичным союзн. респ. (требуется дополнительная проверка и осторожность)

П. Негретов
Н. Семенцов
Ю. Гамшеев
В. Мазурак
А. Шмелев
В. Острогляд
В. Тарасенко
Батулин
Буяков
Рыжов
Чалый

Осужденные по инспирированным уголовным обвинениям (предположительно). Требуется проверка

П. Саранчук
Б. Какубава
Д. Мазур
П. Сартаков
А. Чекалин
М. Юркив
С. Бабич
П. Кампов
В. Заяц
И. Кирилюк
А. Орос
В. Орехов
С. Львов
В. Кустря

По данным на 1982–1987 гг. в психбольницы помещались по политическим причинам десятки людей. Положение многих неизвестно. Они либо освобождены, либо вновь госпитализированы, либо переведены в другие больницы

Л. Штейн
Набокин
А. Пивоваров
П. Боровик
Г. Жирков
В. Корфидов
Н. Назаровец
Суворов
Е. Молоканов
В. Бензо
С. Карапетян
Н. Бородин
А. Ильин
В. Козлов
В. Лямке
К. Стыщук
А. Мусатов
Ачановский
А. Бондаренко
Е. Брагунец
Х. Бурницкис
Верба
Воронов
Грачев
А. Демидов
П. Дымченко
Иваницкий
Ильченко
Г. Карастан
Е. Комаров
Корчак
В. Курбатов
Е. Морозов
М. Насковец
К. Саакян
Ю. Востриков
В. Зиновьев
Б. Крылов
О. Ножак
Г. Мелнгайлис
Л. Убожко
В. Боровиков
А. Ляпин
А. Гюрджиян

А. Канафьев
А. Котов
Р. Ожегов
В. Спиненко
И. Антипов
Ю. Батуров
А. Боровский
В. Бублик
Г. Бутерус
Н. Волков
Н. Гершкану
Гришаков
Дзибалов
А. Ефимов
Иванников
Исачкин
Карабжан-Улы
Ф. Комарова
Кравченко
Д. Куциль
А. Чуклин
А. Хасанов
В. Максимов
В. Громов
А. Калинин
П. Лазда
И. Стеба

А. Лупинос
В. Лохмачев
А. Саакян
Ю. Бакукин
Л. Добров
И. Кереш
В. Кудрявцев
И. Ринкевич
Н. Фадеев
В. Арабаджи
В. Батыршин
В. Боровиков
С. Буженко
В. Бушин
Волошин
В. Гонин
Дворецкий
Дмитриенко
Задков
А. Иванов
Кайсин
В. Кашин
В. Король
Красняк
И. Ларин
Б. Леснов
П. Лукошавичюс

О. Махаев
И. Медведев
А. Монаков
Ф. Парасенков
В. Попов
А. Соколов
Севелев
И. Хомяк
Чеканавичюс
Чернышев
Шаталов
Ясаков
Н. Валыков
Г. Гогиашвили
В. Липинская
В. Рождествов
В. Трифонов
И. Литвинов
Мальцев
Махмудов
О. Милютин
С. Морозов
И. Петрашов
К. Пружановский
Б. Соломейников
Семенов
Уменченко
А. Череп
А. Чуклин
Яворский
Ястребцов
В. Богдзевич
В. Милюхин
С. Львов
А. Симкин
В. Лучкив
И. Маринченко
Машковцув
И. Михайлов
Некредин
В. Полынек
Рошиян
Сопоев
Сухаревич
Чайковский
Г. Черпаков
Шабура
Якименко
В. Бушин
Ю. Глухов
Г. Лапочкин
И. Мотря
В. Турсунов

Репрессированные верующие

В некоторых случаях могут быть представлены полные и точные списки (напр. баптистами, адвентистами и др.)

Статистические данные на конец 1987 г.

Православные	21
Истинно-православная церковь	2
Униаты	17
Католики	11
Баптисты	63
Адвентисты	13
Лютеране	2
Мусульмане	37
Грузинская церковь	1
Пятидесятники	22
Христиане неопределенной конфессии	4
Свидетели Иеговы	23
Йоги	7
Кришнаиты	20

Например

1. Баптисты

П. Лавринович
В. Рыжук
Н. Косачевич
М. Савченко
А. Симендяев
П. Машницкий
В. Власенко
В. Сидоренко
М. Серин
Л. Циорба
Л. Шатунов
М. Кривко
Ю. Кравец
В. Юдинцев
О. Панкрац
И. Плетт
А. Мухин
З. Вильчинская
и др.

2. Кришнаиты

С. Начкебия
Е. Дульский
С. Шим
Е. Любинский
А. Самойлов
В. Кустря
С. Приворов
Л. Черняк
и др.

3. Иеговисты

Я. Зажицкий
В. Незнанов
и др.

РЕАКТОРЫ ПОД ЗЕМЛЕЙ

не позднее февраля 1988 г.

Прогресс — историческая неизбежность. Это надежда человечества, основа решения стоящих перед ним глобальных проблем в прошлом, настоящем и будущем. Вместе с тем представляется несомненным, что нерегулируемый прогресс потенциально несет в себе огромную опасность.

Быстрое развитие техники и масштабов хозяйственной деятельности, рост плотности населения происходят в мире, социально-политическая организация которого плохо соответствует задачам сохранения природы и человечества. Особенно существенно, что мир разделен на три системы — капиталистическую, социалистическую и развивающиеся страны. Экономическое, военно-стратегическое и политическое соперничество капиталистической и социалистической систем, трудное экономическое положение многих стран, особенно развивающихся, бюрократические и ведомственные интересы, в особенности в социалистических странах, частнокапиталистическая конкуренция в несоциалистических странах при-

---

«Природа и человек», 1988, № 4.

водят к действиям, наносящим огромный экологический ущерб нашей планете, ограничивают возможности общемировых мероприятий по защите среды обитания.

Среди проявлений экологического кризиса особенную тревогу вызывают:

1. Изменение общего ландшафта планеты — резкое сокращение лесов и других природных экологических систем, увеличение доли площади, занятой промышленными и сельскохозяйственными объектами, городами и поселками.

2. Нарушение водного режима, связанное с загрязнением рек, озер и морей промышленными и бытовыми отходами, со строительством гидроэлектростанций на равнинных реках, других экологически опасных гидротехнических сооружений, с затоплением гигантских земельных площадей.

3. Нарушение чистой атмосферы, выделение в воздух химическими и металлургическими предприятиями, теплоэлектростанциями и автомобилями вредных для человека, животных и растений веществ — сернистых, канцерогенных, содержащих свинец, ртуть и другие тяжелые металлы и соединения, окислов углерода и азота и многих других.

4. Нарушение природного равновесия в растительном и животном мире планеты.

5. Последствия экологически опасных приемов в сельском хозяйстве, в том числе использования ядо-

химикатов, дефолиантов, гербицидов, неправильного применения минеральных удобрений, нарушения водного режима, нарушения почвенного слоя, излишней интенсификации. Разрушение почвы, распространение вредных веществ.

6. Опасность нарушения озонного слоя.

7. Опасность перегрева планеты.

Предотвратить грозное углубление экологического кризиса и нормализовать существующее положение можно лишь при регулировании экономической и технической деятельности во внутригосударственном и общемировом масштабе, при решении социальных и демографических проблем, при более глубоком понимании причинных связей и динамики природы и человеческого общества.

Исключительно важны регулирование масштаба и по возможности прекращение экологически опасных производств и строительства с заменой их при необходимости экологически безопасными, быть может, более дорогими производствами и строительством, замена опасных технологий в сельском хозяйстве более безвредными для людей и природы, широкие глобальные мероприятия по восстановлению ландшафта и равновесия в природе, в особенности по сохранению и восстановлению лесов. Человечество вплотную подошло к необходимости регулирования численности населения Земли в соответствии с ограниченными (несмотря на все новые и новые достижения науки

и технологии) экологическими возможностями планеты. Глубокое и всестороннее регулирование требует разумного самоограничения развития производства и потребления на всех уровнях и поэтому станет реальным только при устранении тех недостатков социально-политической организации мира, о которых я писал, в особенности связанных с разделением мира на социалистическую, капиталистическую и развивающуюся подсистемы. По существу, задачи полного устранения двух основных опасностей, угрожающих существованию природы и человечества — термоядерного и экологического самоубийства, — приводят нас к одному и тому же решению — к сближению (конвергенции) капиталистической и социалистической систем. При этом — при отсутствии не только военного и геополитического, но и экономического и идеологического противостояния и соперничества — возможна выработка всеобщей программы экологической безопасности.

Возможности современной техники и технологии огромны. Однако как осуществление уже известных экологически безопасных технологий в промышленности и сельском хозяйстве, так и разработка новых идей и принципов и увязывание их в единую систему упирается в первую очередь в экономические, а также в социальные проблемы, а глубинно — в конечном счете в разделение мира. Безусловно, если не жалеть денег на безопасность, можно достичь очень многого.

Как специалисту, мне хотелось бы рассмотреть один более частный, но крайне важный вопрос — безопасность ядерной энергетики. Я убежден, что человечество не может обойтись без ядерной энергетики. Дальнейший прогресс и особенно задачи повышения уровня жизни во всем мире неизбежно потребуют увеличения глобального производства энергии, несмотря на одновременное развитие энергосберегающих технологий. Неизбежно встанет проблема истощения топлива и других энергетических ресурсов. Необходимо отметить при этом, что большинство существующих сейчас способов получения энергии далеко не безопасны в экологическом отношении. В особенности это относится к наиболее экономичным и массовым способам. Так, электростанции, работающие на угле, выделяют огромные количества сернистого газа и двуокись углерода. Также очень вредными, хотя в несколько меньшей степени, являются электростанции, использующие нефть и газ; запасы этих видов топлива особенно быстро истощаются. Экологически «чистые» способы получения энергии, основанные на использовании возобновляемых источников (солнечная, ветровая, геотермальная, приливная энергетика), по-видимому, требуют больших капитальных затрат на единицу мощности и неудобны в некоторых других отношениях и поэтому вряд ли могут полностью решить энергетическую проблему. Наличие атомных электростанций (АЭС) и атомных теплоцентралей (АТЦ) в сочетании с другими

источниками энергии крайне важно в экономическом и экологическом отношении.

Однако необходимо обеспечить безопасность ядерной энергетики. Нельзя допустить повторения катастрофы, подобной той, что произошла в Чернобыле.

Во многих странах, в том числе в СССР, в качестве основного направления развития ядерной энергетики рассматривается строительство реакторов, использующих в качестве замедлителя нейтронов воду и снабженных защитными колпаками и оболочками. Теоретически такие реакторы весьма безопасны. Но все же если произойдет очень крупная авария (почти исключенная по всем оценкам, но ведь и аварию в Чернобыле никто не предполагал возможной!), защитные колпаки и оболочки могут оказаться недостаточными для предотвращения распространения радиоактивных веществ. Кроме того, остается опасность диверсий и разрушения реакторов во время войны, в том числе неядерной.

Я считаю, что кардинальным решением проблемы безопасности ядерной энергетики является размещение ядерных реакторов под землей, на глубине нескольких десятков метров. Глубина должна быть выбрана так, чтобы при возможной аварии был исключен сколько-нибудь существенный выход радиоактивных продуктов на поверхность. Конечно, нужно также исключить возможность контакта при аварии радиоактивных продуктов с почвенными водами с помощью специаль-

ных изолирующих поддонов. (Одним из способов также является размещение реакторов в районах с соответствующими гидрогеологическими условиями и передача электроэнергии потребителю высоковольтными, а в обозримом будущем — сверхпроводящими линиями). Еще в 70-е годы, т. е. до аварии в Чернобыле, были разработаны технические проекты подземных АЭС и АТЦ с приемлемыми экономическими характеристиками.

Остаются, конечно, проблемы безопасности, связанные с химическими и транспортными манипуляциями с радиоактивными веществами, с захоронением радиоактивных отходов и с выходом в атмосферу газообразных продуктов деления. Однако все эти проблемы «нормальной» ядерной энергетики представляются менее серьезными, чем возможность аварии.

Безопасность ядерной энергетики не может считаться внутренним делом какой-либо страны, как это показали последствия аварии в Чернобыле. Я считаю, что должен быть принят международный закон, запрещающий наземное размещение ядерных реакторов и предусматривающий поэтапную постепенную остановку всех ранее построенных реакторов, не удовлетворяющих требованиям безопасности. Весьма возможно, что в XXI веке основой ядерной энергетики станут установ-

ки термоядерного синтеза. Но и в этом случае проблема безопасности будет серьезной. По-видимому, установки термоядерного синтеза будут в основном (во всяком случае, на первом этапе) использоваться не непосредственно для получения энергии, а для производства атомного ядерного горючего — плутония-239 и урана-233 и воспроизводства термоядерного горючего — трития при помощи облучения урана-238, тория и лития нейтронами термоядерной реакции. Этот так называемый бридерный путь дает возможность ввести в энергетический оборот основной изотоп урана (99,3% в природной смеси) и относительно широко распространенный в природе торий и представляется сейчас наиболее реальным с экономической и технической точек зрения. (Хотя нельзя исключить возможность относительно скорого создания «чисто» термоядерных реакторов, не являющихся бридерами и в некоторых проектах использующих реакции, не сопровождающиеся выделением нейтронов.) Термоядерные бридеры, если они будут созданы, вероятно, окажутся более эффективными, чем существующие сейчас атомные бридеры на быстрых нейтронах (переработка урана-238 в плутоний). Произведенные в бридерных термоядерных реакторах плутоний и уран-233 будут сжигаться в простых атомных реакторах, которые должны быть безопасными, то есть, как я считаю, подземными. Подземными должны быть и бридерные термоядерные установки.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО М. С. ГОРБАЧЕВУ О КРЫМСКИХ ТАТАРАХ И НАГОРНОМ КАРАБАХЕ

март 1988 г.

Генеральному секретарю ЦК КПСС
М. С. Горбачеву

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Я решился обратиться к Вам по двум наиболее острым в настоящее время национальным вопросам — о возвращении крымских татар в Крым и о воссоединении Нагорного Карабаха с Арменией. В каждом из этих случаев речь идет об исправлении несправедливости, имевшей место по отношению к одному из народов нашей страны.

О возвращении крымских татар в Крым. В мае 1944 года, вскоре после освобождения Крыма, сотни тысяч

А. Д. Сахаров отвез письмо в редакцию еженедельника «Московские новости». 3 апреля за подписью Сахарова была напечатана короткая заметка «За спокойствие и мудрость». Полностью письмо было опубликовано в сентябре 1990 г. («Демократическая Россия», № 3). Здесь печатаются как письмо, так и заметка.

крымских татар, в основном дети, женщины и старики, так как мужчины находились на фронте, были по приказу Сталина насильно вывезены из Крыма. «Переселение народов» — одно из преступлений Сталина, осужденное еще в 50-х годах. Почти все переселенные народы вернулись, за двумя или тремя исключениями. Среди них — крымские татары, до сих пор безуспешно добивающиеся права жить на родине. Распространение на весь народ ответственности за действия некоторых его представителей во время войны неправомерно, тем более недопустимо искажение исторических фактов и использование их для разжигания национальной вражды. Неправомерны также ссылки на изменившуюся демографическую ситуацию в Крыму — заселение Крыма переселенцами из других районов страны, в том числе по вербовке, не должно сказаться на восстановлении справедливости. При Президиуме Верховного Совета СССР создана специальная комиссия, но она не нашла пока путей решения проблемы. На местах продолжаются дискриминационные действия в отношении крымских татар, желающих вернуться на родину, — отказы по национальному признаку в прописке и приобретении домов, провокационная агитация на собраниях и в прессе. Обстановка обостряется. Активистов национального движения в официальных сообщениях и заявлениях называют экстремистами, между тем все движение всегда проходило в строго законных формах

с полным исключением насилия. И это несмотря на то, что дома татар в Крыму сносились бульдозерами, сжигались, хозяйства сравнивались с землей, людей доводили до самосожжения. Подвергшиеся в прошлом репрессиям активисты не реабилитированы (так же, как другие узники совести). Двое — Кадыров и Аблаев — до сих пор в заключении. Я считаю, что нужно привлечь активистов национального движения к работе комиссии. Целесообразно проведение референдума среди крымских татар для определения путей решения проблемы и выявления всех желающих вернуться в Крым. Справедливость должна быть восстановлена! По моему мнению, необходимо правительственное решение об организованном возвращении крымских татар в Крым, с предоставлением им права на прописку, льготных условий покупки домов, специальных ссуд, устройства на работу. Другие просьбы крымских татар должны быть рассмотрены в спокойной обстановке и в духе компромисса, в соответствии с принципиальными требованиями Конституции СССР, с учетом интересов всех групп населения Крыма и страны в целом.

О воссоединении Нагорного Карабаха с Арменией. Автономная национальная область Нагорный Карабах была присоединена к Азербайджанской ССР в 1923 году. В настоящее время примерно 75% населения области составляют армяне, остальные 25% — курды, русские и азербайджанцы. В 1923 году доля армян была

еще выше — до 90%. Исторически вся область Нагорный Карабах (Арцах) являлась частью Восточной Армении. Можно предполагать, что присоединение Нагорного Карабаха к Азербайджану было произведено по инициативе Сталина в результате внутренних и внешнеполитических комбинаций того времени. Присоединение было произведено вопреки воле населения Карабаха и вопреки предыдущим заявлениям Сталина и руководства Азербайджана. На протяжении последующих десятилетий оно явилось постоянным источником межнациональных трений. Вплоть до самого последнего времени имели место многочисленные факты национальной дискриминации, диктата, ущемления армянской культуры.

В обстановке перестройки у армянского населения Карабаха возникла надежда на конституционное решение вопроса. 20 февраля на сессии Областного Совета депутатов трудящихся было принято решение о ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджана, Армении и СССР о передаче области в состав Армянской ССР. Ранее аналогичные решения были приняты на сессиях четырех из пяти районных Советов депутатов трудящихся. Решения районных и областного Советов были поддержаны многотысячными мирными демонстрациями в области и в Армении. Несомненно, во всем этом появились новые демократические возможности, связанные с перестройкой. Однако дальнейшее раз-

витие событий не было благоприятным. Вместо нормального конституционного рассмотрения ходатайства органа Советской власти начались маневры и уговоры, обращенные преимущественно к армянам; одновременно появились сообщения в прессе и телевидении, в которых события излагались неполно и односторонне, а законные просьбы армянского населения объявлялись экстремистскими и заранее как бы предопределялся негативный ответ. К сожалению, приходится констатировать, что уже не в первый раз в обострившейся ситуации гласность оказывается подавленной — как раз тогда, когда она особенно нужна. Все это, естественно, не могло не вызвать соответствующей реакции. Как известно, в Ереване, Нагорном Карабахе и других местах произошли забастовки и новые демонстрации, которые, однако, носили законный и мирный характер. Но в Азербайджане в последние дни февраля произошли события совсем другого рода — трагические и кровавые, вольно или невольно напоминающие 1915 год. Я думаю, что события в Азербайджане, так же как волнения 1986 года в Алма-Ате, спровоцированы и, быть может, организованы силами местной антиперестроечной мафии, как ее арьергардные бои. Так или иначе, перестройке вновь брошен вызов! Я надеюсь, что руководство страны, Политбюро ЦК КПСС и Верховный Совет СССР найдут способ действий, соответствующий ситуации — решительный, демократический и конституционный.

Поднятые в этом письме проблемы крымских татар и Нагорного Карабаха стали пробным камнем перестройки — ее способности преодолеть сопротивление и груз прошлого. Нельзя вновь на десятилетия откладывать справедливое и неизбежное решение этих вопросов и оставлять в стране постоянные зоны напряжения.

С глубоким и искренним уважением
Андрей Сахаров,
академик
21 марта 1988 г.

P. S. Это письмо передано Генеральному Секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву 21 марта 1988 г. Я считаю важным сделать к нему следующее дополнение: я призываю к решениям, основанным на спокойном и, по возможности, беспристрастном учете интересов каждого из народов нашей страны.

Мне представляется необходимым, в соответствии с Конституцией СССР, рассмотреть ходатайство областного Совета депутатов трудящихся Нагорного Карабаха в Верховном Совете Азербайджана и Верховном Совете Армении. В случае разногласия арбитражное решение должен вынести Верховный Совет СССР.

Я призываю Верховные Советы Азербайджана, Армении и СССР учесть ясно выраженную волю большинства населения автономной области и областного

Совета как главное основание для принятия конституционного решения.

В эти тяжелые дни я обращаюсь с просьбой и призывом к народам Азербайджана и Армении полностью исключить насилие.

Было бы величайшей трагедией, если бы ответом на уже совершенные чудовищные преступления стали новые преступления.

Андрей Сахаров, академик
23 марта 1988 г.

P. P. S. 24 марта опубликовано Постановление Президиума Верховного Совета СССР о положении в Нагорном Карабахе. Однако в этом Постановлении не высказано отношение к решению областного Совета. Я надеюсь, что это еще не последнее слово Верховного Совета и его Президиума.

* * *

За спокойствие и мудрость

21 марта 1988 года я направил письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву, в котором изложил свою точку зрения по двум острым национальным проблемам — о возвращении крымских татар в Крым

и о воссоединении Нагорного Карабаха с Арменией. Я призывал и призываю к решениям, основанным на спокойном и, по возможности, беспристрастном учете интересов каждого из народов нашей страны.

24 марта опубликовано Постановление Президиума Верховного Совета СССР о положении в Нагорном Карабахе. Однако в этом Постановлении не высказано отношение к решению областного Совета народных депутатов Нагорного Карабаха. Я надеюсь, что это еще не последнее слово Верховного Совета и его Президиума.

Мне представляется необходимым в соответствии с Конституцией СССР рассмотреть ходатайство областного Совета народных депутатов Нагорного Карабаха в Верховном Совете Азербайджана и Верховном Совете Армении. В случае разногласия арбитражное решение должен вынести Верховный Совет СССР.

В эти тяжелые дни я обращаюсь с просьбой и призывом к народам Азербайджана и Армении полностью исключить насилие.

Было бы величайшей трагедией, если бы ответом на уже совершенные чудовищные преступления стали новые преступления.

Андрей Сахаров,
академик

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПЕРЕСТРОЙКИ

25 марта 1988 г.

Наше общество оказалось (не «вдруг», конечно, а в результате сложного исторического процесса) глубоко больным. Симптомы болезни — последняя стадия которой получила название «эпоха застоя» — известны, в какой-то мере мы понимаем ее причины и внутренние механизмы (хотя до полной глубинной ясности еще далеко).

В первую очередь это отсутствие плюрализма в структуре власти, в экономике (за исключением периода нэпа), в идеологии. С этим тесно связана бюрократизация всей жизни страны. Все нити управления концентрируются в руках людей, обладающих властью в силу *должности* в государственно-хозяйственном или партийном аппарате и образующих особый социальный «бюрократический» слой. Бюрократия — необходимая часть современного общества, организованного общества вообще. Всюду с ее функционированием, часто весьма полезным, бывают также в той или иной ме-

---

Статья написана для сборника «Иного не дано» (М.: Прогресс, 1988).

ре связаны некоторые негативные явления — административно-командная структура управления с механическим подчинением средних звеньев вышестоящим инстанциям и пренебрежением демократическим контролем снизу, иногда вопреки интересам дела, элитарность, потеря гибкости. Но в «антиплюралистических» условиях нашей страны эти явления приобрели качественно иной, самодовлеющий характер.

Возникла новая общественная сила, олицетворением которой надолго стал Сталин. Это не значит, однако, что у бюрократии при Сталине была легкая жизнь. Фактически в тот период сформировалась единоличная диктатура, усугубленная жестокостью и другими общеизвестными качествами Сталина. Но «мандат» на власть он получил от бюрократии, правда, не только от нее.

Новая сила показала свои «зубы», ликвидировав нэп. Можно предполагать, что именно нэп мог бы явиться базисом плюралистического развития нашего общества в сочетании с добровольным (т. е. частичным!) производственным кооперированием в деревне и рациональным строительством государственной промышленности на здоровой экономической основе. Но именно это было бы неприемлемо для «новой бюрократии».

Что было потом — известно. Насильственная коллективизация и раскулачивание, разорение крестьянства ради темпов индустриализации. Голод с чудовищной изоляцией обреченных на смерть районов. Практически

никакой помощи умирающим с голоду. Именно в это время вывоз хлеба и леса на Запад достигает максимального уровня. Потом «великий террор», охвативший не только старую революционную гвардию и военачальников, но и все живые силы общества с трагическим апогеем в 1937 году. Потом многое другое...

Предпринятая Хрущевым и его помощниками попытка реформ так же, как экономическая реформа 60-х годов, встретила сопротивление «номенклатуры» и оказалась (особенно последняя) почти бесплодной. Эти неудачи в значительной степени предопределили психологический климат последующих десятилетий. Еще одна попытка «перестройки» в пределах соцлагеря была подавлена танками в 1968 году.

И все же после XX съезда КПСС система избавилась от крайностей и эксцессов сталинского периода, стала более «цивилизованной», с лицом если и не совсем человеческим, то, во всяком случае, не тигриным. Более того, в каком-то смысле эта эпоха была психологически комфортной для некоторой части населения. И в то же время она действительно была эпохой застоя, страна все более и более заходила в тупик!

В этот период возможности экстенсивного развития хозяйства уже исчерпали себя, а к интенсивному развитию система оказалась не способной. Технический прогресс невыгоден хозяйственникам, действующим в рамках административно-бюрократической структу-

ры, новинки не внедряются и даже не разрабатываются (так как бюрократизация захватывает и сферу науки). Большая часть научно-технических идей приходит с Запада, при этом часто с опозданием на годы и десятилетия. Фактически страна все больше выпадает из общемировой научно-технической революции, становится ее «паразитом». Эффективность вложений в народное хозяйство катастрофически падает. В строительстве преобладает «долгострой». Общий итог всего этого мы находим в недавнем заявлении М. С. Горбачева — уже 4 пятилетки нет абсолютного прироста национального дохода, а в 80-е годы наблюдалось даже его снижение. Сельское хозяйство страны находится в состоянии перманентного кризиса, в результате — низкое качество питания населения, скудость ассортимента продовольственных магазинов, необходимость закупок зерна и других продуктов сельского хозяйства за границей. Бюрократия при этом с особой силой противостоит всем инициативам, направленным на усиление самостоятельности низших звеньев хозяйственного механизма и реальной материальной заинтересованности людей в конечном результате их труда. Так был уничтожен Худенко, один из предтеч перестройки; как известно, он был обвинен в нарушении финансовой дисциплины и погиб в лагере. Другая сторона эпохи власти бюрократии, тесно связанная с экономическими уродствами, не менее трагическая — нравственная деграда-

ция общества. В прессе, радио и телевидении, в школе, комсомоле, вузе, семье процветают лицемерие и ложь. Многократно обманутые красивыми словами люди больше уже не верят им, общество охватывает всеобщее безразличие. Особенно тяжело эта давящая психологическая обстановка сказывается на молодежи, разлагая и развращая ее.

Бюрократия далеко не бескорыстна. Прикрываясь демагогической фразеологией, она попирает социальную справедливость во всех сферах материальной жизни — таких, как проблема жилья, качество здравоохранения (большая часть населения, в частности, лишена возможности приобретения современных лекарств), качество образования и др. Зарплата значительной части трудящихся искусственно занижена, что означает фактически скрытый налог, основная тяжесть которого ложится на людей с меньшим уровнем дохода. Особенно занижена зарплата в наиболее массовых интеллигентных профессиях. Постыдно малы пенсии у подавляющей массы пенсионеров. Одновременно существуют элитарные группы населения, обладающие огромными социально несправедливыми привилегиями.

Социальный портрет эпохи застоя будет неполным, если не отметить колоссального развития различных форм коррупции; возникают чисто мафиозные группы, сращенные с местным партийным и государственным аппаратом, от которого, как правило, нити тянутся

вверх. Классический пример — узбекистанская мафия с ее многомиллиардными хищениями и приписками к производству хлопка, систематическим взяточничеством, эксплуатацией уборщиков хлопка, при этом тысячи людей, особенно детей, стали жертвами бесконтрольного массового применения дефолиантов и других химикатов, с жесточайшими расправами над недовольными в подземных личных тюрьмах и психушках.

В сталинское время рабский труд миллионов заключенных, погибавших в чудовищной системе ГУЛАГа, играл существенную экономическую роль, в особенности в освоении плохо обжитых районов Востока и Севера. Конечно, эта система была не только безмерно бесчеловечной и преступной, но и неэффективной, это была часть экстенсивной расточительной экономики того времени, не говоря уж об отдаленных последствиях варварского уничтожения человеческого потенциала страны. В последние десятилетия размах этой рабовладельческой экономики существенно уменьшился, но все же, по-видимому, от одного до двух миллионов людей находится в лагерях и на так называемой «химии». Режим в местах заключения и сейчас очень тяжел, не соответствует современным стандартам и требованиям гуманности. Заключенные страдают от непосильного труда, плохого питания, от ограничения свиданий (разрешенных очень редко и только с родными), от произвола начальства. Сроки заключения непомерно

велики. Лагеря и тюрьмы сейчас, в отличие от сталинских времен, пополняются в основном людьми, осужденными за уголовные преступления. Однако наша судебная и следственная система очень несовершенна (в последние годы гласности данные об этом проникли на страницы прессы). Нравственный и юридический уровень судей часто низок, они зависят от местного начальства, приговоры часто немотивированны, повторяют выводы предвзятого следствия, иногда основанного на вынужденных избиениями признаниях обвиняемых. При этом наиболее опасные преступники оказывались безнаказанными, а некоторые занимали высокие посты; сращенными с этой мафией оказывались в ряде случаев и милиция, МВД, прокуратура и суды.

Лагерный мир... Это дно нашего общества. Его ужас, серая беспросветность отражают в себе всю глубину социальной трагичности и нравственной ущербности нашей жизни, так же как быт и трагедия детских домов и детских колоний, о которых теперь стала писать наша пресса и показывать телевидение. Эти две стороны жизни тесно соприкасаются. Часто приходится слышать, что среди заключенных непомерно много воспитанников детских домов, слышать о жестоких приговорах им. Казалось бы, к этим обездоленным людям надо бы относиться особенно снисходительно. Но часто бывает наоборот. Очень часты также несправедливые и жестокие приговоры бывшим заключенным. В 70-х

годах я получал сотни писем, в которых нашли отражение все эти темы (а также в особенности тема эмиграции). Помочь кому-либо было не в моих силах.

Что касается КГБ, то в 70—80-е годы очень характерно новое усиление этой организации после некоторой потери влияния в 50—60-е годы. При этом роль КГБ оказывается неоднозначной. С одной стороны — безжалостные репрессии против инакомыслящих. Как известно, в конце 60-х годов (или несколько ранее) в нашей стране возникли относительно немногочисленные, но принципиально важные общественные движения, психологически и морально подготавливающие необходимую плюралистическую эволюцию общества. В особенности мне близки те, кто решился на активные действия в защиту гласности и принципов прав человека. Среди них — издатели знаменитого информационного сборника «Хроника текущих событий». Этот машинописный самиздатский сборник с огромными жертвами и самоотверженностью издавался (с небольшим перерывом) более 13 лет. Он информировал советскую и мировую общественность о несправедливых судах, психиатрических репрессиях, условиях в местах заключения, о наболевших проблемах эмиграции, религиозной и национальной жизни. Другие группы инакомыслящих связаны с теми или иными частными проблемами, в том числе с некоторыми из перечисленных.

Инакомыслящие в 70—80-е годы жестоко преследовались, многие из них долгие годы провели в тюрьмах, лагерях и в психиатрических больницах. Многие погибли в заключении, среди них Юри Кукк, замечательный украинский поэт Василь Стус, учитель Олекса Тихий, рабочий и писатель Анатолий Марченко. Особо жестокой и социально опасной являлась практика использования в политических целях психиатрии (эта опасность не уменьшается тем, что большей частью жертвами психиатрических репрессий становятся люди, нуждающиеся в доброй помощи психиатра, и лишь изредка — вполне здоровые, как, например, недавно умерший за рубежом один из выдающихся людей нашего времени генерал Петр Григорьевич Григоренко). Справедливости ради надо сказать, что масштаб политических репрессий в «годы застоя» был несравнимо меньше сталинского.

Существовали ли связи КГБ с возникшим в 60—70-е годы «террористическим интернационалом», другими деструктивными акциями? Это важный вопрос, требующий детального непредвзятого изучения в обстановке гласности (подобно тому, как аналогичное изучение было проведено в США в отношении ЦРУ). Я уверен, что высшие интересы страны требуют полной правды о прошлом и настоящем, какой бы она ни была трудной. В нашей жизни не должно быть недоступных свету уголков. Это гораздо важней, чем так называемые сооб-

ражения «государственной безопасности», специфика секретных служб и т. п. (конечно, «открывать» резидентов я не призываю!).

С другой стороны, именно КГБ оказался благодаря своей элитарности почти единственной силой, не затронутой коррупцией и поэтому противостоящей мафии. Эта двойственность отразилась в личной судьбе и позиции руководителя КГБ Ю. В. Андропова. Став во главе государства, он продолжил борьбу с коррупцией и преступностью, но не сделал никаких других шагов в преодолении негативных явлений эпохи застоя.

Особо необходимо сказать о международной политике последних десятилетий. В ней тоже проявились черты застоя, недостатка гибкости, отсутствие принципиально нового подхода к беспрецедентным проблемам современности. В некоторых регионах политика СССР объективно оказалась направленной на поддержку деструктивных сил (в частности, на Ближнем Востоке, где, конечно, необходим компромисс и готовность к уступкам как со стороны Израиля, так и со стороны палестинцев и арабских государств). Политика в области вооружения и разоружения не была достаточно гибкой и рациональной. Установка в 70—80-х годах ракет средней дальности в Европе — один из примеров. Доверие к СССР, а значит, международная безопасность непрерывно падали. Шумные, часто инспирированные акции «борьбы за мир» тут ничего не меняли.

Особенно большое трагическое значение имели действия СССР в отношении Афганистана. Ввод войск вызвал острую реакцию национального сопротивления, СССР ответил жестокой многолетней войной, принесшей огромные страдания и жертвы всему афганскому народу. Число афганцев, погибших в результате «войны кишлаков», превышает 600 тысяч и, вероятно, близко к 1 млн. человек, в стране голод и эпидемии, число беженцев больше 4 млн. человек, т. е. около одной четверти населения страны. Погибло и искалечено много советских солдат. Участие в несправедливой войне имеет для СССР пагубные психологические и социальные последствия.

События в Афганистане стали главным источником международной напряженности и недоверия в большом регионе, угрозой миру во всем мире.

Афганская авантюра как бы воплотила в себе всю опасность и иррациональность закрытого тоталитарного общества.

Такова общая картина тупика, застоя, как она вырисовалась к середине 80-х годов. К счастью, в СССР нашлись здоровые силы, осознавшие, что дальше так продолжаться не может. Лозунги перестройки, ее идеология известны. Это экономическая реформа, гласность, демократизация, в особенности новые принципы выдвижения руководителей, социальная справедливость, новое политическое мышление, провозгла-

шающее приоритет общечеловеческих целей выживания и общемирового развития над всеми государственными, классовыми, национальными, ведомственными и частными интересами.

Реальна ли программа перестройки? Этот вопрос волнует сейчас всех.

Прежде всего я хочу подчеркнуть, что убежден в абсолютной исторической необходимости перестройки. Это как на войне. Победа необходима. Но неизбежны большие трудности и препятствия экономического, психологического, организационного характера. Народ проходил на протяжении десятилетий развращающую «антишколу», приучавшую многих не работать, а только создавать видимость работы, приучавшую к лицемерию, лжи, эгоизму и приспособленчеству (говоря «народ», я имею в виду и интеллигенцию). Сохранились ли в нем достаточные внутренние нравственные силы? Если этих сил мало, то наш путь будет медленным, противоречивым, с отступлениями и падениями. Но я верю, что в народе всегда, в особенности в молодежи, под наносной оболочкой горит живой огонь. Он должен дать о себе знать. Это зависит от всех нас. Нужна нравственная и материальная мотивация перестройки, заинтересованность каждого в ее успехе! И еще — чувство большой общей цели, такое по заказу и уговорам не получается, но без этого все повиснет в воздухе. Народ должен поверить, что ему говорят правду, — а для это-

го нужно одно — говорить только правду и всю правду и всегда подтверждать слова делами.

Но и в любом, даже самом благоприятном случае будут большие трудности. Уже сейчас переход к самоокупаемости и самофинансированию, к новым системам снабжения и кооперирования приводит к потере многими части их доходов и даже работы. А ведь это только начало трудного пути. Поменьше бы при этом глупостей и побольше здравого смысла и чувства ответственности. Главные препятствия перестройки — в общей косности сложившейся десятилетиями административно-бюрократической системы, в реальных интересах миллионов ее деятелей на всех уровнях. Саморегулирующаяся эффективная система им просто не нужна, они окажутся как бы не у дел. Отсюда опасность того, что кто-то активно или пассивно, по неумению, будет мешать перестройке, искажать, карикатуризировать ее. И представлять ее временные трудности как окончательный провал. Через все это придется пройти.

О чем же я думаю, что жду от перестройки?

Прежде всего — о гласности. Именно гласность должна создать в стране новый нравственный климат! Общепризнанно, что в этой сфере мы шагнули дальше всего. Все меньше запретных тем, мы начинаем видеть свое общество таким, какое оно было в прошлом и есть в настоящем. Люди должны знать правду и должны

иметь возможность беспрепятственно выражать свои мысли. Развращающая ложь, умолчание и лицемерие должны уйти навсегда и бесповоротно из нашей жизни. Только внутренне свободный человек может быть инициативным, как это необходимо обществу.

Другая, не менее важная основа нравственного здоровья общества — социальная справедливость. Тема эта широкая и многосторонняя, я уже писал о таких ее аспектах, как привилегии элиты, уровень зарплаты и пенсий, социальное равноправие. Коснусь тут одного частного вопроса. По-видимому, неизбежно упорядочивание системы цен в соответствии с экономическими законами, в частности повышение цен на продукты питания. Люди с низким уровнем дохода на члена семьи должны получать компенсацию. Наиболее справедливой, на мой взгляд, является выдача 30—40% населения талонов на бесплатное приобретение части продуктов питания, с тем чтобы для этих менее обеспеченных людей скомпенсировать повышение цен. По-видимому, значительная часть существующих сейчас государственных дотаций на продукты питания должна быть использована для этих талонов. Остальная часть суммы дотации пойдет на другие формы компенсаций или останется в государственном бюджете. Если общая сумма дотаций в год составляет 60 млрд. рублей (точных цифр я не знаю), то выдача 100 млн. граждан талонов на 50% этой суммы составит 25 рублей в месяц на чело-

века (в среднем), что должно скомпенсировать потери от повышения цен. Необходимо также скомпенсировать для менее обеспеченных граждан увеличение квартплаты и некоторых других статей расхода. При этом чисто денежные формы компенсации, особенно на продукты питания, не являются, на мой взгляд, приемлемыми. Ведь многие, особенно молодежь, а она составляет значительную долю плохо обеспеченных людей, при этом будут тратить деньги на одежду и т. п. и просто голодать. Поэтому я писал о талонах, вероятно, нужно какое-то комбинированное решение.

Я, не будучи специалистом, воздержусь от обсуждения критически важных экономических вопросов и ограничусь некоторыми замечаниями «аутсайдера». Необходимо создать экономические и юридические условия, при которых выгодна инициатива, гибкое реагирование на экономическую конъюнктуру, выгоден технический прогресс, выгодна хорошая личная работа — без каких-либо тормозов и ограничений догматического свойства. Сейчас мы имеем: закон о государственном предприятии, проект закона о кооперации (вероятно, предварительный), закон об индивидуальной трудовой деятельности. Все эти документы очень важны и в принципе открывают качественно новые политико-экономические возможности. Вместе с тем в них бросаются в глаза недоговоренности и противоречия с основным духом документов. Например, что

в условиях кооператива значит «контроль партийной организации»? В преамбуле проекта закона о кооперации оговорено право свободного выхода из кооператива. Но в дальнейшем в числе функций общего собрания колхоза почему-то не упомянуто рассмотрение вопроса о выходе (иными словами, общее собрание в противоречие с преамбулой наделяется правом отказа в выходе из колхоза). В законе о кооперации и Уставе колхоза необходимо предусмотреть право беспрепятственного выхода каждого члена с соответствующей компенсацией за вложенный труд, с сохранением стажа и, по желанию выходящего, — с выделением земельного долевого участка. Колхозник не крепостной, колхоз должен быть абсолютно добровольным объединением. Всякое нарушение этого принципа чревато очень глубокими социальными, психологическими и экономическими опасностями для общества, плоды этого мы сейчас наблюдаем. Очень важно дальнейшее развитие системы семейного и коллективного подряда, его юридическая, экономическая и социально-нравственная поддержка. Необходимо долгосрочное выделение желающим хороших земель (с правом наследования). Только так можно гарантировать бережное сохранение одного из главных богатств общества — плодородной земли. Особо большую роль должны играть «малые кооперативы» (примыкающие с рядом переходных форм к коллективному подряду). Необходимо максимально поддержать индивидуаль-

ную трудовую деятельность, создать для нее максимально благоприятные экономические и юридические условия, создать психологическую атмосферу длительной перспективы. Конечно, надо отменить все постановления вроде указа о нетрудовых доходах, которые противоречат целям развития индивидуальной трудовой деятельности. Не надо бояться больших доходов отдельных граждан, если их источником явился личный труд, инициатива, изобретательство, использование конъюнктуры, использование личного имущества. Принцип «разрешено все, что не запрещено законом» должен пониматься буквально. Некоторые особенно социально полезные виды индивидуальной трудовой деятельности должны быть освобождены от налогов (например, пчеловодство).

Как я уже писал, в 70—80-х годах происходили жестокие преследования инакомыслящих. В течение 1987 года большая часть узников совести — т. е., по терминологии международной правозащитной организации «Эмнести интернэшнл», людей, репрессированных за убеждения и связанных с убеждениями ненасильственных действий, — была освобождена (еще раньше были освобождены Анатолий Щаранский, Юрий Орлов, автор этой статьи и моя жена Елена Боннэр). Однако все еще остается в заключении около 20 осужденных по статье 70 Уголовного кодекса РСФСР (включая ссыльных), а также некоторые осужденные по другим стать-

ям и находящиеся в психиатрических больницах. Все они должны быть освобождены. Это чрезвычайно важно в нравственном отношении, для оздоровления всей обстановки в стране, для преодоления «инерции страха» (название одной из самиздатовских книг). Психологически и политически важно, чтобы все узники совести были реабилитированы, а не просто «втихую» освобождены как помилованные. Пора уже отойти от системы реабилитировать невиновных посмертно, а не при жизни. Требования в 1987 году от узников совести заявлений о помиловании, конечно, были неправомерны с нравственной и юридической точек зрения. Не менее важно — отмена всех тех статей Кодекса, по которым имели место преследования за убеждения. Это уже упомянутая статья 70 УК РСФСР (и аналогичные статьи союзных республик), почти буквально списанная с одного из пунктов трагически знаменитой 58-й статьи сталинского кодекса. Это статья 190[1]: «заведомо ложные клеветнические измышления, порочащие советский общественный и государственный строй»; суды не утруждали себя доказательством или анализом «заведомой ложности». Это две статьи, допускающие преследования за религиозную деятельность, — 142 и 227 УК РСФСР. Конечно, необходима гуманизация пенитенциарной системы в соответствии с международными нормами. Необходима также полная отмена института смертной казни. Беккариа, Гюго, Толстой

и другие писатели и гуманисты прошлого открыли людям глаза на психологическую бесчеловечность смертной казни. В судебной практике неизбежны ошибки, в случае смертного приговора исправление их невозможно. Отмена смертной казни, несомненно, будет способствовать гуманизации общества. К сожалению, многие не верят в это и, возмущенные известными им преступлениями, продолжают возражать против отмены смертной казни. Я надеюсь, что их точка зрения не возобладает.

Перестройка должна способствовать «открытости общества» как одного из основных условий нравственного и экономического здоровья страны, международного доверия и безопасности. Понятие открытости включает в себя контроль общественности за принятием ключевых решений (повторение ошибки вторжения в Афганистан должно быть невозможным), свободу убеждений, свободу получения и распространения информации, свободу выбора страны проживания и места проживания внутри страны. Все эти положения сформулированы в одном из важнейших документов нашего времени — Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) и в Пактах о правах человека, ратифицированных СССР. На последний из этих документов имеется также ссылка в Хельсинкском акте. Коротко остановлюсь на последних двух правах. Свобода выбора страны проживания подразумевает право эмиграции

и право возвращения. Право эмиграции не сводится к объединению семей, поэтому совершенно неправомерно требование так называемых «вызовов» от родственников, тем более — от ближайших родственников (сейчас очень многим отказывают в принятии заявления на эмиграцию по причине недостаточно близкого родства с лицом, пославшим вызов; а при отсутствии вызова вообще не разговаривают). В своем полном виде право на эмиграцию имеет большое социальное, политическое и международное значение, давая каждому гражданину возможность лично выбирать то общественно-экономическое устройство, которое является для него наилучшим. Границы между странами в некотором смысле исчезают. В конечном итоге это будет важной гарантией мира. Выбор при этом не должен иметь окончательного, фатального характера, люди должны иметь возможность пересмотреть свои оценки, исправить ошибку — поэтому так важно дополнение права на эмиграцию правом на возвращение.

Право на свободу места проживания в пределах страны я хочу обсудить в связи с проблемой крымских татар. Это одна из двух национальных проблем, которым посвящено мое письмо на имя М. С. Горбачева, дальнейшее изложение частично следует этому письму.

В мае 1944 года, вскоре после освобождения Крыма, сотни тысяч крымских татар, в основном дети, женщины и старики, так как мужчины находились на фронте,

были по приказу Сталина насильственно вывезены из Крыма. Переселение осуществлялось с большой жестокостью под руководством Кобулова, одного из заместителей Берии (осужденного и расстрелянного вместе с ним в 1953 г.). «Переселение народов» — одно из преступлений Сталина, осужденное еще в 50-х годах. Почти все переселенные народы вернулись, за двумя или тремя исключениями; среди них крымские татары, до сих пор безуспешно добивающиеся права жить на родине. Созданная при Президиуме Верховного Совета СССР комиссия не нашла пока путей восстановления справедливости. На местах продолжаются дискриминационные действия в отношении крымских татар, желающих вернуться в Крым, — отказы по национальному признаку в прописке и приобретении домов, провокационная агитация в прессе.

Обстановка обостряется. Все еще используется, особенно неофициально, аргумент о сотрудничестве крымских татар с немцами во время войны. Но распространение на весь народ ответственности за действия отдельных его представителей неправомерно. Активистов национального движения называют экстремистами, между тем все движение всегда проходило в строго законных формах, с полным исключением насилия. И это несмотря на то, что дома татар в Крыму сносились бульдозерами, сжигались, людей доводили до самосожжения. Я считаю, что нужно привлечь активи-

стов национального движения к работе комиссии. Целесообразно проведение референдума среди крымских татар для определения путей решения проблемы (приемлемых для других народов страны) и выявления всех желающих вернуться в Крым. Справедливость должна быть восстановлена! По моему мнению, необходимо правительственное решение об организованном возвращении в Крым всех желающих вернуться крымских татар с предоставлением им преимущественного права на прописку, льготных условий покупки домов, специальных ссуд, устройством на работу. Вероятно, целесообразно преимущественное переселение (в добровольном порядке) крымских татар в один из районов степного Крыма, с созданием там национального автономного округа в качестве компромиссной основы для дальнейшего продвижения в решении национальной проблемы крымских татар, с учетом общесоюзных интересов. Южный берег Крыма, вероятно, должен находиться в общесоюзном подчинении как уникальная здравница для всего населения СССР и курорт мирового значения.

Другая особо острая национальная проблема, о которой я писал, — судьба Нагорного Карабаха. Автономная национальная область Нагорный Карабах была присоединена к Азербайджанской ССР в 1923 году. В настоящее время примерно 75% населения области составляют армяне, остальные 25% — азербайджанцы,

русские и курды. В 1923 году доля армян была еще выше — до 90%. Исторически вся область Нагорный Карабах (Арцах) являлась частью Восточной Армении. Можно предположить, что присоединение Нагорного Карабаха к Азербайджану было произведено по инициативе Сталина в результате внутренних и внешнеполитических комбинаций того времени. Присоединение было произведено вопреки воле населения Карабаха. На протяжении последующих десятилетий оно являлось постоянным источником межнациональных трений. Вплоть до самого последнего времени имели место многочисленные факты национальной дискриминации армян, диктата, ущемления национальной культуры.

В обстановке перестройки у армянского населения Карабаха возникла надежда на конституционное решение вопроса. 20 февраля 1988 года на сессии областного Совета народных депутатов было принято решение о ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджана, Армении и СССР о передаче области в состав Армянской ССР. Ранее аналогичные решения были приняты на сессиях четырех из пяти районных Советов народных депутатов. Решения районных и областного Советов были поддержаны многочисленными мирными демонстрациями и митингами в области и Армении. Несомненно, во всем этом проявились новые демократические возможности, связанные с перестройкой. Однако дальнейшее развитие событий не бы-

ло благоприятным. Вместо нормального конституционного рассмотрения ходатайств органом Советской власти начались маневры и уговоры, обращенные преимущественно к армянам, одновременно появились сообщения в печати и телевидении, в которых события излагались неполно и односторонне, а законные просьбы армянского населения объявлялись экстремистскими и заранее как бы предопределялся негативный ответ. К сожалению, приходится констатировать, что уже не в первый раз гласность оказывается подавленной — как раз тогда, когда она особенно нужна. Все это, естественно, не могло не вызвать соответствующей реакции. В Ереване, Нагорном Карабахе и других местах прошли новые демонстрации, забастовки и митинги, которые, однако, носили законный и мирный характер. Но в Азербайджане в последние дни февраля произошли события совсем другого рода — трагические и кровавые, вызывающие в памяти страшные картины геноцида 1915 года. Опять убийства женщин и детей, чудовищные зверства, насилие и издевательства. Я думаю, что события в Азербайджане, так же как волнения 1986 года в Алма-Ате, были спровоцированы и, быть может, организованы силами местной антиперестроечной мафии, как ее арьергардные (хотелось бы надеяться!) бои. 23 марта я написал дополнение к письму. В нем я пишу: «Мне представляется необходимым в соответствии с Конституцией СССР рассмотреть хода-

тайства областного Совета народных депутатов Нагорного Карабаха в Верховном Совете Армении и Верховном Совете Азербайджана; в случае разногласия арбитражное решение должен вынести Верховный Совет СССР. В эти тяжелые дни я обращаюсь с просьбой и призывом к народам Азербайджана и Армении полностью исключить насилие...» В тот же день было опубликовано Постановление Президиума Верховного Совета СССР, в котором без упоминания о решениях областного Совета народных депутатов автономной области отвергалась возможность пересмотра территориальных границ в обстановке давления и нагнетания страстей, как крайне опасное действие с непредсказуемыми последствиями. По моему мнению, к крайне опасным последствиям для процесса перестройки может привести именно игнорирование демократического волеизъявления народа, решения органа Советской власти, отступление перед шантажом антиперестроечных сил. Не случайно преступление в Сумгаите произошло тогда, когда выявились признаки неуверенности в позиции центральных властей. Я надеюсь, что Постановление от 23 марта — не последнее слово Верховного Совета СССР и его Президиума по этой проблеме.

С началом перестройки на поверхность вышли многие острые проблемы, до этого существовавшие подспудно, — социальные, экономические, нравственные, культурные и, к сожалению, национальные. Они стали

пробным камнем перестройки — ее способности преодолеть сопротивление и груз прошлого. Вера людей в перестройку в значительной степени зависит от того, будут ли тут дела соответствовать словам. К числу таких ключевых проблем относятся: возвращение крымских татар в Крым и воссоединение Арцаха (Нагорный Карабах) с Арменией. Нельзя вновь на десятилетия откладывать справедливое и неизбежное решение этих вопросов и оставлять в стране постоянные зоны напряжения.

Перехожу к проблемам мира и разоружения. Они всегда лежали в центре моих общественных выступлений, начиная с первой опубликованной в 1968 году в «самиздате» и на Западе статьи «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Эпоха гласности дала мне возможность изложить свои взгляды непосредственно перед советской аудиторией. В феврале 1987 года я принял участие в Московском форуме за выживание человечества. В своем выступлении я, в частности, отрицательно оцениваю влияние на международную безопасность и стабильность приоритетной ориентации на создание системы противоракетной обороны с элементами космического базирования. Такая система может быть создана в чисто техническом плане, но она крайне уязвима и малоэффективна и может быть преодолена относительно меньшими (более простыми и дешевыми) уси-

лиями потенциального противника. Однако при этом противник будет вынужден пойти на целый ряд ответных мер, а общий порог стратегической стабильности, основанный на концепции «гарантированного взаимного уничтожения», повышается. В результате процесс разоружения усложняется. Вместе с тем я защищал на Форуме необходимость отказа от так называемого принципа «пакета», увязывающего возможность соглашений по разоружению с заключением соглашения по СОИ. Это является очень важной частью моей позиции, а именно: я защищаю тезис о необходимости заключения соглашений по ракетам средней дальности и о 50%-ном сокращении стратегических вооружений независимо от позиции США по проблеме СОИ и каких-либо иных условий. Более глубокое сокращение стратегических вооружений, по моему мнению, возможно лишь при наличии целого ряда дополнительных военно-стратегических и политических условий, в частности относящихся к действиям сторон в области противоракетной обороны. Как известно, вскоре СССР заявил об отказе от принципа «пакета» в отношении ракет средней дальности, а в декабре 1987 года М. С. Горбачев и Р. Рейган подписали в Вашингтоне договор о ракетах средней и меньшей дальности. Это поистине историческое соглашение впервые предопределяет уничтожение целого класса ракетно-ядерного оружия и устанавливает беспрецедентные меры конт-

роля. Оно, как мы надеемся, открывает возможности дальнейшего прогресса.

По общему мнению, следующим этапом должно быть соглашение о 50%-ном сокращении стратегических вооружений. Стороны проявили волю к достижению этого соглашения, сделав важные встречные шаги. Очень важно дойти тут до конца, преодолев оставшиеся трудности в вопросе о контроле и некоторые другие.

Ни одна из сторон в обозримом будущем не может полностью отказаться от поисковых работ в областях, в которых возможны важные военные достижения. Необходимы компромиссные решения. Сейчас, по-видимому, наиболее полезным является заключение соглашений, относящихся к открытости научных исследований. Важное предложение сделал на встрече советских и американских ученых в Вильнюсе глава американской делегации Вольфганг Пановский. Научные и конструкторские работы с устройствами, которые потенциально могут быть использованы в качестве оружия нового типа, должны вестись *открыто, если параметры устройств превосходят определенные пределы;* другие страны должны быть информированы о ведущихся работах, в случае необходимости должно быть возможным посещение научных лабораторий. Так, например, открыто должны вестись работы по лазерным устройствам, если параметры пучка достаточны для использования в системе ПРО с космическим базирова-

нием или для поражения из космоса наземных целей. Пановский в Вильнюсе говорил именно в связи с проблемой СОИ, но его предложение имеет и более широкое значение.

Чрезвычайно важно установление равновесия обычных вооружений. В частности, это одна из предпосылок глубокого сокращения ядерных вооружений. Эксперты уже много лет ведут тут споры, связанные как с недостатком информации, так и с объективной сложностью и неоднозначностью ситуации. Важная задача — такое сокращение обычных вооружений и изменение их структуры, при котором каждая сторона уверена, что противоположная сторона преследует чисто оборонительные цели. Но достичь этого чрезвычайно трудно даже в чисто техническом плане, и тем более в мире, раздираемом взаимным недоверием, региональными конфликтами.

Одной из предпосылок укрепления доверия является прекращение войны в Афганистане. Я убежден, что вывод советских войск из Афганистана, о начале которого с 15 мая 1988 г. объявило Советское правительство, должен быть осуществлен без каких-либо предварительных условий. Но одновременно должны вестись переговоры о прекращении поставок оружия враждующим сторонам на взаимной основе, о создании условий для возвращения беженцев из Пакистана и Ирана, о предоставлении СССР убежища всем, кто этого по-

желает. Для установления порядка в стране, вероятно, целесообразно использование сил ООН. Вероятно, необходима международная гуманитарная — экономическая и медицинская — помощь.

В Европе мне кажется целесообразным предложение об установлении коридора шириной в 150—200 км, разделяющего вооруженные силы НАТО и Варшавского Пакта и свободного от какого-либо оружия (обязательно — не только ядерного, но и обычного). Это сильно уменьшит возможность внезапного крупномасштабного нападения одной стороны на другую и будет способствовать укреплению доверия.

В более широком аспекте я считаю возможным и необходимым рассмотреть вопрос об осуществлении СССР смелого, грандиозного по своему общечеловеческому значению шага — сокращения в одностороннем порядке срока службы в армии, флоте и авиации (ориентировочно — в 2 раза), тем самым уменьшения численности вооруженных сил с одновременным сокращением (в той же пропорции) всех видов вооружений (но, вероятно, с относительно меньшим сокращением офицерского состава). Конечно, такое решение может быть принято после всестороннего учета всех возможных последствий, в том числе для военной безопасности СССР и других стран социалистического содружества, а также с учетом социальных и демографических факторов. Необходимо также исходить из прогнозов развития международной обста-

новки, возможных ее осложнений. Но нельзя не учитывать того, что лежит на противоположной чаше весов! Предполагаемый шаг сразу и кардинально изменит всю ситуацию в мире. Откроется прямая дорога к глубокому и всестороннему разоружению, к сбалансированному сокращению обычных и ядерных вооружений, вплоть до полного уничтожения ядерного оружия! Укрепится международное доверие. Это будет, в частности, способствовать урегулированию региональных конфликтов на всех континентах. Разоружение освободит огромные материальные средства, так необходимые для перестройки в СССР, а в общемировом масштабе — для решения социальных, экологических и других всеобщих проблем, для борьбы с голодом, болезнями, для преодоления неравномерности общемирового развития.

Значительными будут социальные последствия сокращения срока службы в армии внутри страны. Облегчится возвращение юношей к производительному труду и учебе. Произойдет также оздоровление внутренних отношений в армии — исчезнут корни так называемой «дедовщины» (помыкание солдатами первого года службы). Сокращение срока службы в армии вполне возможно, в частности, и потому, что в армию приходят сейчас гораздо более подготовленные ребята, чем, скажем, в 30-е годы; многие из них знакомы с трактором, автомобилем, радио; обучить их военным специальностям можно значительно быстрей!

Отойти от края пропасти всемирной катастрофы, сохранить цивилизацию и саму жизнь на планете — настоятельная необходимость современного этапа мировой истории. Это, как я убежден, возможно лишь в результате глубоких геополитических, социально-экономических и идеологических изменений в направлении сближения (конвергенции) капиталистической и социалистической систем и открытости общества, при достижении большего равновесия всех рас и народов не только юридически, но и в экономическом, культурном и социальном отношении. Нужно новое мышление человечества!

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ В МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

3 июня 1988 г.

Я находился в безвыходном положении, потому что меня атаковали сотни желающих. Единственная возможность была — коллективная пресс-конференция. Я считаю в высшей степени положительным тот факт, что это можно сделать в зале МИД. Я частное лицо, но пресс-конференция, инициатива которой принадлежит присутствующим здесь корреспондентам, происходит на государственной почве.

Я собирался просто ответить на ваши вопросы. Но я хочу предварить основные из них, постараться более связно в краткой форме высказаться по некоторым ключевым темам.

Сокращение стратегических наступательных вооружений

Закончившиеся переговоры между руководителями США и СССР были важными как продолжение и раз-

---

Расшифровка магнитофонной записи пресс-конференции перепечатана из газеты «Русская мысль» за 10 июня 1988 г.

витие усилий, направленных на создание между нашими странами атмосферы большего взаимопонимания и доверия. Это несмотря на то, что конкретные результаты не были столь впечатляющими, как во время декабрьской встречи. Горные вершины потому и являются таковыми, что существуют и выделяются на фоне холмов и долин. Необходимо и то, и другое — вершины и холмы. Главное, что всех волнует, — перспективы заключения соглашения о 50-процентном сокращении стратегических наступательных вооружений. Дело в том, что в этих 50-процентных масштабах заключение соглашения возможно безотносительно к проблеме СОИ. Стороны существенно пошли друг другу навстречу и, в основном, нашли компромиссное решение, сформулированное ими в декабре и в последнем заявлении. Остаются, однако, некоторые более конкретные проблемы. Позволю себе коснуться одной из них.

Речь идет о крылатых ракетах морского базирования. Они, несомненно, являются стратегическим оружием и должны подпадать под соглашение. Трудности контроля могут быть преодолены с помощью политического решения — допуска на военные корабли контрольных групп, оснащенных специальной дозирующей аппаратурой. Это беспрецедентно, но беспрецедентна вся современная ситуация в целом.

Опыт 50-процентного сокращения стратегических наступательных вооружений будет иметь еще большее

значение, чем кодифицированный ныне исторический опыт...

Я придаю большое значение проблемам сокращения обычных вооружений. Без этого немыслимо также глубокое сокращение ядерных вооружений, и только сокращение обычных вооружений способно дать большой, определяющий экономический эффект, который скажется на возможности решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством, — гармонического развития всех стран, экологии, борьбы с бедностью и болезнями.

Я защищаю идею о целесообразности сокращения в СССР срока службы в армии, во всех родах войск, приблизительно в два раза, с соответствующим сокращением всех вооружений, но, вероятно, с меньшим сокращением офицеров. Конечно, решение по такому вопросу является очень трудным и ответственным, но значение этого шага для всей международной обстановки в целом, для международного доверия было бы огромным. Очень велико было бы экономическое, социальное значение. Юношам было бы облегчено возвращение к производительному труду и учебе. В армии исчезли бы корни такого негативного явления, как помыкание солдатами первого года службы старослужащими. Сейчас более высокий общий уровень подготовки молодежи делает возможным более быстрое обучение военным специальностям.

Я защищаю также идею о создании в Европе демилитаризированного коридора, свободного от всех видов оружия, обязательно — не только ядерного (это было бы нарушением равновесия, с моей точки зрения). Но полностью обезоруженный коридор практически исключит возможность внезапного нападения одной стороны на другую и будет тем самым способствовать возникновению международного доверия.

Вывод войск из Афганистана

О выводе советских войск из Афганистана. Это событие огромного, исторического значения. Я считаю, что вывод советских войск должен продолжаться в любых условиях, независимо от действий антиправительственных войск. Однако возможно, что целесообразно будет использование миротворческих сил ООН. Всем гражданам Афганистана, опасающимся за свою судьбу, должно быть предоставлено право политического убежища в СССР и других странах. Необходима широкая экономическая и гуманитарная международная помощь Афганистану, разрушенному войной, — продовольствием, медикаментами, одеждой, всем, чего там сейчас так не хватает.

Ввод советских войск в 1979 году был большой ошибкой. Близким результатом демократизации в СССР должна быть невозможность подобных ошибок в будущем. В этом заинтересован весь мир.

О перестройке

Страна вступила в ее решающий этап, очень сложный, противоречивый, можно сказать — это не будет преувеличением — опасный. Перестройка — историческая неизбежность. Нет другой альтернативы застою, выпадению страны из научно-технической революции, безвыходной ситуации, административно-командным методам управления, нарушениям социальной справедливости, коррупции, беззакониям, морально-нравственной деградации общества, потере чувства реальности во внешней политике. Сделано и делается очень многое как во внутренней, так и во внешнеполитической сфере. Колоссально значение гласности. Но многое внушает тревогу. Важнейшие законы, принятые в течение последнего года, несколько больше касающиеся экономики: о государственном предприятии, о кооперативах, об индивидуальной трудовой деятельности, — на мой взгляд, несут на себе печать политического компромисса, недоработки и спешки. А от их осуществления *(не разобрано)* сопротивлением. Иногда пассивным, а иногда даже активным. Так, например, указ о налогах с кооперативов. Отмену безумного — с 90-процентным максимумом — налога с кооперативов можно только приветствовать. Но и предлагаемый 50-процентный максимум, с моей точки зрения, непомерно высок. Недопустимо высок 40-процентный налог со средств коопе-

ратива. Создается впечатление, что люди, подготавливающие положение о налогах, или не понимают, что кооперативное строительство в первую очередь нужно именно государству, всему нашему обществу, что его нужно стимулировать, или они сознательно подкладывают камни под колеса перестройки. По моему мнению, налог с членов кооперативов никак не должен отличаться от налогов с работающих на государственных предприятиях.

Что касается государственных предприятий, то перестройка перейдет в область реальности только при обеспечении их действительной самостоятельности. Объем госзаказов должен быть существенно ограничен законом и определяться предприятием. Все доходы, за вычетом умеренного налога, должны поступать в распоряжение предприятия. Самоуправление на деле, лозунги: «Фабрики — рабочим, земля — крестьянам, вся власть — Советам» — должны осуществляться.

Меня тревожат антидемократические действия райкомов в выборах делегатов на XIX партконференцию. Вы все, наверное, много об этом читали в прессе. Тут прямая атака на перестройку.

Меня вообще многое волнует: возникшие трудности в снабжении населения, угроза роста цен, угрозы и действия черносотенных сил. Но все же, мне кажется, возврат к сталинизму невозможен. Мне кажется, это понимают и противники перестройки.

Очень меня обрадовала сцена, которую я наблюдал два дня назад на Пушкинской площади. Это были выступления в защиту тех кандидатов в делегаты на XIX партконференцию, которых не пропускают райкомы. Перспектива перестройки — в большем экономическом, политическом, идеологическом плюрализме.

Национальные проблемы

Одним из испытаний перестройки, ее способности преодолевать сопротивление, исправлять допущенные ошибки являются национальные проблемы. В их числе: проблема возвращения крымских татар в Крым и проблема Нагорного Карабаха. В марте я обратился с письмом по этим вопросам к Генеральному секретарю ЦК КПСС и сейчас хочу сказать несколько слов. Необходимо рассмотрение Верховными Советами Азербайджанской и Армянской ССР ходатайства Совета народных депутатов Нагорного Карабаха о воссоединении с Арменией. Это ходатайство отражает настойчивые требования подавляющего большинства населения области. Одним из принципов перестройки является восстановление власти советских органов, это один из пробных камней. Арбитражное решение должен вынести Верховный Совет СССР.

Ужасные, кровавые события в Сумгаите печально продемонстрировали, насколько остра и неотложна

проблема. Нельзя отмахиваться от ее решения, укрываясь за словами о дружбе народов и за обещаниями исправить имеющиеся недостатки. Если не хватило 65 лет, то, значит, дальше ждать с настоящим решением нельзя.

Столь же неотложна проблема исправления несправедливости, допущенной в отношении целого народа — крымских татар. Все желающие вернуться в Крым, на родину, должны иметь эту возможность.

Они до сих пор лишены свободы

Об узниках совести. По терминологии «Эмнести интернэшнл» так называют политзаключенных, которые репрессированы за убеждения и ненасильственные действия, связанные с убеждениями. В 1987 году освобождена большая часть узников совести. В настоящее время по ст. 70 УК РСФСР и аналогичным статьям УК других республик в лагере, тюрьме и ссылке остались около 20 человек. Вот имена некоторых из них: Кукобака, Русак, Сваринскас, Тамкявичус, Нечипоренко, Митяшин (он находится в тюрьме), Тарто, Никлус, Кандыба, Овсиенко, Сокульский, Горбаль, Алексеев, Ромашов. В официальном сообщении указано, что число находящихся в заключении по 70-й статье — 12 человек. Это, наверно, связано с тем, что официально те, кто уже отбыл свой срок заключения в лагере и отправлен в ссылку, не счи-

таются уже находящимися в заключении. Но по существу это не так, неправильно, потому что это по-прежнему наказание, которое люди имеют по этой статье, которое по-прежнему — очень тяжелое ограничение, которое они испытывают. В ссылке в настоящее время находятся Лукьяненко, Пяткус, Ешмантас, Бадзьо, Мейланов, Гаяускас. Мейланов — это один из тех, кто в 1980 году выступил с лозунгом о моем освобождении, с протестом против моей незаконной высылки в Горький. Я сейчас нахожусь перед вами, но Мейланов — только потому, что отказался просить о помиловании, т. е. признать тем самым, как он считал, формально хотя бы, что он законно находится в заключении, — он до сих пор лишен свободы.

Также в заключении находятся многие осужденные по статьям 190[1], 227, 142 — за религиозную деятельность, много находится еще в психбольницах. В числе заключенных по статье 190[1] — крымские татары Аблаев и Кадыров. В настоящее время под следствием находится Паруйр Айрикян — активист армянского национального движения. Мы не знаем, какая будет статья ему предъявлена, но несомненно, что этот новый арест, новое судебное дело, которое сейчас возбуждено, должно вызывать у нас большую тревогу. Оно противоречит всему тому духу на перестройку, на исправление ошибок.

Все узники совести должны быть освобождены без каких-либо заявлений с их стороны. Требование заяв-

лений о помиловании в 1987 году было неправомерным. И я убежден, что необходима реабилитация освобожденных. Когда люди считаются только помилованными, это сохраняет видимость того, что они были осуждены якобы за какие-то подрывные действия. Это сохраняет честь мундира, но по существу это абсолютно неправильно, абсолютно несправедливо.

Я коснусь и реформы законодательства с исключением статей, по которым в прошлом осуществлялось преследование за убеждения: 70, 190[1], 227, 142 УК РСФСР. Сейчас в прессе много пишут о реформе законодательства — и об исключении некоторых статей из Уголовного кодекса, из Исправительно-трудового кодекса, потому что наша пенитенциарная система чрезвычайно сурова и не соответствует современным нормам.

Необходим пересмотр судебной системы, это чрезвычайно важно. Пересмотр законодательства, конечно, процесс медленный. Есть, однако, один пункт, где важный шаг можно и нужно сделать уже сейчас. Речь идет об изменении положения, при котором администрация мест заключения имеет возможность продлевать без соблюдения должной юридической процедуры срок заключения любого заключенного за совершенные им, по мнению администрации, нарушения режима. Это открывает практически неограниченную возможность произвола и расправ. По существу это совершенно антиюридично. Это касается не только политзаключенных, я надеюсь, что их

в ближайшее время не будет, это касается всех категорий заключенных. Это должно быть изменено.

Другая проблема — законодательная, которая тоже стоит перед нами, — это право на свободный выбор страны проживания. Его не следует сводить к объединению семей. Полное осуществление права на свободный выбор страны проживания — эмиграция и возвращение, обеспеченные законодательством — будет иметь огромное значение как одна из гарантий открытости общества, соответствия его международным контактам по социально-экономической структуре.

Очень важно то, что сейчас происходит: сейчас увеличился эмиграционный поток, многие старые отказники освобождены. Это можно только приветствовать. Облегчены туристские поездки. Все это наблюдается как действительно черты нового. Я только хочу повторить, что необходимо юридическое обоснование и закрепление всей этой новой ситуации.

Хочу сказать о международной конференции по правам человека, которую предлагает провести в Москве СССР. Я считаю, что такая конференция была бы очень важной, но необходимым условием, при котором возможно ее проведение, является освобождение всех узников совести и завершение вывода всех советских войск из Афганистана. Пока этого нет, говорить о международной конференции по правам человека, с моей точки зрения, неправомерно.

Встреча президента США с правозащитниками

Внимание прессы, в том числе и советской, привлекла встреча президента Рейгана с теми, кого обычно называют правозащитниками. Как известно, инициатива встречи принадлежала президенту. Это отражает его постоянный интерес к проблеме прав человека в СССР в соответствии с Хельсинкскими принципами. К сожалению, эта встреча, проходившая с соблюдением полной лояльности и такта со стороны всех ее участников, отмечалась в советской прессе крайне недружелюбно и предвзято. Так, например, об одном из участников встречи говорилось в полуиздевательском тоне, что он недавно отбыл наказание за свои незаконные действия, потом был помилован и все еще не может успокоиться.

Считаю необходимым сообщить и о таком возмутительном факте. Один из участников встречи, биолог Сергей Ковалев, в течение некоторого времени оформлял документы для поступления на работу в Институт проблем передачи информации согласно ранее достигнутой договоренности. И эти документы были готовы уже, и даже на его заявлении была написана резолюция «принять», т. е. вопрос был уже решен. Однако на следующий день после встречи с президентом Рейганом ему было предложено забрать документы. Было сказано, что в этих новых обстоятельствах это может вредно отразиться на институте — были сказаны какие-то

более-менее естественные слова, но само действие было абсолютно бессмысленным. Это вопиющий пример нетерпимой практики прошлых периодов, вызов тем, кто организовал и вел встречу. Мне нечего говорить, что выступление Ковалева на встрече, так же как и все остальные выступления, носило абсолютно лояльный характер. На самом деле он выступал здесь как сторонник тех политических изменений, которые происходят в нашей стране. Так что инициатива подобных действий может исходить только от тех, кому эти прогрессивные изменения не по душе. Ковалев — большой мой друг. С 1974 по 1984 год он отбывал заключение и ссылку за участие в самиздатском информационном журнале «Хроника текущих событий» — самом знаменитом информационном журнале.

Воспользуюсь случаем сказать несколько слов о теме, которая выпадает из общего русла, но представляется такой же важной. Человечество не может обойтись без ядерной энергетики — экологически более чистой, чем основанная на использовании органического топлива. По существу, по всем футурологическим прогнозам, несмотря на развитие энергосберегающих технологий, в ближайшее тысячелетие будет происходить значительный рост производства электроэнергии. И без ядерной энергетики это осуществить будет невозможно. Если бы человечество начало резко ограничивать производство энергии, то это бы отразилось на ка-

честве жизни во всех странах, наибольший удар нанесло бы по развивающимся странам. По существу это означало бы колоссальное ухудшение качества жизни и привело бы к гибели большого числа людей.

Развивая ядерную энергетику, мы обязаны добиваться абсолютной ее безопасности. Кардинальным решением проблемы является размещение ядерных реакторов под землей. Экономически это приемлемо и технически возможно. Неразрешимых проблем тут нет. По существу речь идет о принципиальном решении, о том, чтобы именно такой путь избрать. Такое решение встречает сопротивление с двух сторон: со стороны тех, кто считает, что ядерная энергетика вообще не нужна (но я им уже в какой-то мере пытался ответить), и со стороны тех, которые считают, что и без подземного размещения можно обеспечить высокую степень безопасности. Но слово «высокую» еще не означает — полную. А мы знаем, что аварии всегда происходят непредсказуемым образом. И полная безопасность, на мой взгляд, возможна только при подземном расположении. Я считаю, что был бы важным и нужным международный закон, запрещающий наземное расположение ядерных реакторов.

Спасибо. Я жду ваших вопросов.

(На имеющейся у нас записи невозможно разобрать вопросы, задававшиеся корреспондентами на многих

языках под синхронный перевод. Слышны лишь ответы Сахарова.)

Я стараюсь говорить то, что думаю

— Я думаю, что слово «компромисс» было бы неправильным. Я всегда стараюсь говорить то, что я думаю. И те мысли, которые я высказывал на протяжении своей деятельности до моей ссылки в Горький и во время ссылки в Горький, насколько это удавалось, очень мало отличаются от тех мыслей, которые я высказываю сейчас. Я считаю, что то, что я оказался в этом зале, — это имеет отношение к изменению ситуации в стране, а не к изменению моей позиции. Я уже выразил в начале заседания свое удовлетворение этой возможностью оказаться здесь. Но я повторяю также, что ситуация на самом деле весьма противоречивая. И вот та история, которую я рассказал в связи со встречей Рейгана с правозащитниками, показывает, что существует и противоположная тенденция. Вы должны понимать всю сложность ситуации.

— Я не отказываюсь от своего заявления, которое вы цитировали. Оно мне представляется принципиально правильным. Я считаю, что в настоящее время произошли существенные изменения. Они, конечно, носят неполный характер осуществления прав человека, но

необходимо рассматривать ситуацию в целом, во всей ее совокупности. Я думаю, что в целом политика, которая проводится в настоящее время, является чрезвычайно серьезной и заслуживающей доверия. И в какой-то мере нужно сделать ей даже некий аванс в этом доверии — в тех вопросах, которые касаются прав человека. Я думаю, что в них тоже будет происходить дальнейшее движение и... Ну вот, я нашел слово «аванс» и думаю, что оно отражает то, что я имею в виду. В целом я думаю, что перестройка крайне серьезна, приветствую ее международные и внутренние аспекты. И проявление доверия к нашей стране на данном этапе будет способствовать перестройке. В частности, будет способствовать и дальнейшему прогрессу в области прав человека. Такова моя позиция.

.....

— Я действительно отвечал об этом в январе и в основном должен повторить то же самое, что говорил и тогда. Проблема застарелая, очень крупная и трагическая. Создание государства Израиль было осуществлением исторической справедливости. Любое решение возможно на основе признания государства Израиль и его права на безопасность. Но я, кажется, сказал тогда и повторяю сейчас, что обязательно должны учитываться права арабских народов, в том числе — палестинского народа. Я думаю, что решение может быть найдено только в результате взаимного компромисса,

в ходе терпеливых переговоров на равных. По-видимому, в ходе международной конференции. При этом ни одна из сторон не должна допускать муссирования прошлых обид, как бы они тяжелы ни были, навешивания ярлыков типа «сионисты» или, наоборот, «террористы». Это совершенно недопустимо и неконструктивно. Необходимы переговоры на равных. Любые такие острые проблемы разрешимы только на пути переговоров и компромисса.

— Слово «непосредственные контакты», наверно, означает, так сказать, возможность свободного контактирования по инициативе с моей стороны. Такого нет. У меня была встреча с Михаилом Сергеевичем Горбачевым во время общего заседания участников «Фонда за выживание и развитие». Это вряд ли можно называть «моим контактом», я тоже участвовал в этой встрече. И кроме того, у меня был некий «контакт» после моего письма о крымских татарах и проблеме Нагорного Карабаха. Этот контакт был на достаточно высоком уровне, но он был единственным и был связан только с этим конкретным делом.

— Общее положение с возможностью моих заграничных поездок осталось без изменений, т. е. я не имею разрешения на какие бы то ни было поездки. Мне было сообщено президентом Академии наук Марчуком в сен-

тябре прошлого года, что он получил информацию компетентных органов, и ему было сообщено, что это связано с моей секретностью в прошлом, с допуском к секретной информации до 1968 года. Я лично считаю, что дело не сводится непосредственно к этому, что тут есть вопросы доверия ко мне, но Марчук заверил меня, что вопроса доверия тут не существует. Я предоставляю право решения этого вопроса политическим органам, но имею свое собственное мнение.

.....

— Я не считаю себя узником. Я считаю, что государство имеет право решать вопросы секретности. Я считаю, что в данном случае решение неправильное, но право это за государством. И узником я себя не считаю. Я считаю, что я был узником до конца 1986 года.

.....

— Я внутренне чувствовал себя свободным человеком всегда, даже когда я находился в Горьком. Это результат моей внутренней позиции, фактически моя свобода сейчас, если не говорить о поездках за границу, — это отдельный вопрос, мы сейчас его уже обсудили — ничем не стеснена.

Оппозиция перестройке — это серьезная вещь

— Я обеспокоен существованием оппозиции перестройке. Это действительно очень серьезная вещь. Она

связана с прямыми материальными и идеологическими интересами больших групп в нашем государстве. Кроме того, происходит чрезвычайно сложный процесс, в ходе которого возможны ошибки, возможны неудачи. Я уже говорил о тех явлениях, которые меня беспокоят. Все это может быть использовано для того, чтобы широкие массы населения оказались неудовлетворенными и разочарованными процессом перестройки. Моя надежда связана с тем, что перестройка является абсолютно необходимой и неизбежной, объективно необходимой, вне зависимости от личной воли ее сторонников. Поэтому я думаю, что в конце концов процессы перестройки должны одержать победу. Но каков будет этот путь и что смогут сделать на этом пути, я сейчас не знаю, и это меня очень беспокоит.

.....

— Дело Ельцина вызвало очень большое волнение в октябре и ноябре прошлого года. Главное, что у меня лично вызвало беспокойство, — это то, что выступление Ельцина не было опубликовано. И рядовые граждане не могли сами составить мнения об этой проблеме. Я думаю, что последнее выступление Ельцина показывает всю остроту этой проблемы. Его оценка может быть правильной или неправильной, я не могу судить. У меня действительно меньше информации, чем у Ельцина, но еще меньше, чем у Горбачева. Я думаю, что, как всегда, крайние точки зрения окажутся не самыми

правильными. У меня нет своего самостоятельного суждения по тому тезису Ельцина, что без полного изменения в системе руководства ничего не получится. Что у меня есть большое беспокойство, я уже сказал.

.....

— Я думаю, что вопрос о симметрии в области военно-морских вооружений, — это серьезный вопрос, но для того, чтобы его рассмотреть, нужно, во-первых, учитывать разную стратегическую ситуацию таких государств, как США и, наоборот, СССР, который является в основном континентальной державой. Кроме того, выделение отдельно военно-морской асимметрии, может быть, является неправомерным. Вопрос, который вы поднимаете, безусловно серьезен, и я думаю, что в комплексе переговоров о разоружении он будет учитываться. Но именно в комплексе. Тем более что такой тип морских вооружений, как подводные лодки с ядерными ракетами на борту, уже вошел в общую схему переговоров о разоружении и рассматривается. Я говорю о ракетах «Поларис», ракетах с морским базированием.

— Я думаю, что какие-либо ограничения в изучении какого-либо языка, в том числе и языка иврит, являются совершенно неправомерными, абсолютным анахронизмом. Я знаю, что в прошлые годы изучение иврита считалось недопустимым и подвергалось преследовани-

ям. Я надеюсь, что ничего подобного сейчас не может быть. Во всяком случае — не должно быть. Что касается еврейской национальной культуры, то я думаю, что она имеет и должна иметь такое же право на существование, как культура любого народа, никаких ограничений не должно быть, как не должно быть особых ограничений для какого бы то ни было народа.

Изменил ли Сахаров свою точку зрения?

Е. Г. Боннэр: Дай я отвечу. Мне надоели эти вопросы. Я сейчас отвечу вам. Нам звонили с утра до вечера. Вы же сами поднимите руки, сколько вы звонили. Потом, наконец, корреспондент «Асахи» и кто-то из англичан догадались пойти в МИД. Потому что вас всех принять в нашей двухкомнатной квартире я не в силах. А теперь вы ищете чего-то сзади и спереди. Вы все время думаете не о деле, а как бы выхватить сенсацию. Изменил ли Сахаров... Подожди, Андрей, мне надоело... Изменил ли Сахаров свою точку зрения или нет.

Когда меня ловили милиционеры у нашего дома, и я вам передавала «Открытое письмо д-ру Сиднею Дреллу», — все о разоружении там было сказано. Возьмите и почитайте.

Когда я в 1975 году передавала на Запад книгу «О стране и мире», а вы, видимо, ее не читали, там было все

сказано о том, что необходима перестройка, только не было слова. И об алкоголизме, и о том, что люди разучились ценить землю, разучились работать, что образование у нас падает, что медицины практически нет — всё было сказано. Всё это говорилось на Нобелевской церемонии его словами мною. И вы сейчас подло — подло! — задаете вопрос: «Изменился Сахаров или нет? Купили его или нет?» Ни его, ни меня никто ни в Горьком, ни здесь, ни в Америке не купит. (Аплодисменты.) А ты с ними вежливо разговариваешь. А я не умею вежливо.

А. Д. Сахаров: А я скажу, что никаких условий, что я буду говорить и как я буду говорить, мне МИД не ставил. Если бы мне такие условия ставили, то я бы не пошел на такую пресс-конференцию. Этого бы просто не было. Но МИД этого не делал, видимо, он лучше меня знал.

— Я думаю, что переговоры о контроле очень сложные, и вырывать из них отдельный этап было бы нецелесообразно. В целом мы видим, что при подготовке нового соглашения по ракетам меньшей и средней дальности вопрос о контроле обсуждался более года, даже двух. И в это время каждая из сторон выдвигала и обратно брала различные предложения. Это внутренняя техника того, как подвигается соглашение. Мы знаем, что в конце концов были приняты беспрецедентные

меры контроля, и это результат взаимного движения с советской и американской стороны. Сейчас идут очень сложные переговоры о других разделах — о стратегических ракетах. Мы не должны фиксировать свое внимание на отдельных этапах этих переговоров. Мы думаем, что при наличии общей воли и общего желания — а это общее желание есть — по-моему, соглашение будет в конце концов достигнуто. Нужно иметь терпение.

.....

— В прошлые годы была опубликована масса клеветнических материалов — в 1983 году это было 11 миллионов экземпляров клеветы, где было написано: моя жена Елена Боннэр, агент международного сионизма и ЦРУ, бьет меня и заставляет меня писать мои антисоветские пасквили. Я, конечно, тоже виноват, но меня можно в какой-то мере пожалеть. Это писал профессор Яковлев. При встрече я пытался с ним объясниться, но все объяснения были безрезультатны, в конце концов мне пришлось дать ему пощечину. Это была цель общая: представить мою жену как подстрекательницу, как крупного врага. Как было написано в одной зарубежной газете: я сторонник сионистов в собственном доме. Очень интересные вещи писались обо мне в прошлом.

Как обстоит дело на самом деле? Моя общественная деятельность началась до того, как я познакомил-

ся со своей женой. В 1968 году я опубликовал «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Основные вехи моей общей политической программы содержались уже там. Роль жены в моей жизни, конечно, колоссальна. Она была моим спутником в самые трудные моменты. Она приняла на себя непомерную тяжесть, непомерную нагрузку. Жизнь ее оказалась необычайно трагической, она потеряла на этом значительную часть здоровья, кроме того, что она потеряла на фронтах Отечественной войны.

Ее влияние, конечно, на меня было, но не по общеполитическим вопросам, а в смысле гуманизации моей личности. Дело в том, что я человек психологически малоконтактный. Жизнь с моей женой многое во мне изменила. Она способствовала большему вниманию к конкретным бедам, к конкретным человеческим несчастьям, появлению во мне того, что было свойственно ей и раньше, до встречи со мной. Это не политика, это гуманитарная часть моей деятельности, которая сыграла существенную роль в моей практической жизни. За это я могу быть ей только глубоко благодарен. И я думаю, что должны быть благодарны все те, кому, может быть, нам вместе не случайно удалось помочь. Это не так мало людей, самых разных взглядов и убеждений, но это люди, которые были жертвами. Вот так обстоит дело с моей женой.

Мне кажется, что ваш вопрос в какой-то мере был провокационным. Я думаю, что если я сумел выстоять и показаться перед вами в этом зале, иметь возможность и право говорить то, что я думаю, то это в значительной мере потому, что все эти годы трагические рядом со мной была моя жена.

— Я никогда никому не советовал эмигрировать из своей страны, так же как и моя жена никогда никому не давала таких советов. Это очень трудное решение, которое каждый принимает сам за себя. Но решение, которое принимается в критической ситуации, тоже является таким, которое каждый человек должен принимать сам за себя. Он сам решает о состоятельности всего, что происходит в стране.

.....

— Я не знаю всех подробностей об оппозиции. Я думаю, что она является в нынешнее время полным анахронизмом. В любом случае нужно добиться того, чтобы несправедливость, совершенная по приказу Сталина более 40 лет тому назад, была исправлена.

— Вопрос относится к моим трудам политического характера. Я надеюсь, что в ближайшем будущем я буду иметь возможность публиковаться в Советском Союзе. Я надеюсь. У меня есть основания надеяться.

Есть ли основания для надежды?

Е. Г. Боннэр: Какие у тебя основания надеяться?

А. Д. Сахаров: Одно из оснований то, что уже в настоящее время в одном из сборников, пошедших в печать, есть моя вполне значительная статья.

.....

— Я не являюсь специалистом по свободе религии, хотя признаю ее необходимость. Думаю, что то законодательство по вопросам религии, которое было в нашей стране, оно было несовершенным и носило на себе печать предыдущей эпохи. Изменение законодательства, конечно, необходимо. Какие именно должны быть законы? Я думаю, что должно, так же, как и все остальные проблемы, решаться на демократической основе, с участием верующих всех религий в нашей стране.

.....

— Время ссылки было тяжелым испытанием и для меня, и для жены. Особенно тяжелым был период, когда мы были вынужденно разлучены друг с другом, и оба находились в состоянии изоляции. Сейчас, когда мы вернулись в Москву, то, что касается здоровья моего, у меня нет оснований на него жаловаться, насколько это возможно у человека моего возраста. Я хотел сказать о Елене Георгиевне, но она помахала рукой.

— Когда я находился в ссылке, я не знал о выступлениях Петра Леонидовича [Капицы] в мою защиту. Их было два. Кроме нынешней публикации в «Советской культуре», мне показали его письмо на имя Андропова и телеграмму на имя Брежнева, которая была отправлена во время голодовки, которую мы держали вместе с Еленой Георгиевной, добиваясь выезда к сыну нашей невестки. Я считаю, что оба эти документа — выдающиеся документы человечности, они являются частью тех усилий в мою поддержку, которые совершали многие люди. Я думаю, что эти документы лежат в ряду тех действий Петра Леонидовича Капицы, которых было много. Мне как-то показали ответ на письмо Петра Леонидовича Андропову. Он выдержан в духе пропаганды того времени.

— Вопрос о телеграмме, которую послал не только я, а еще Галич и Максимов Пиночету и администрации, пришедшей к власти в Чили после переворота. Эта телеграмма не представляла собой никакой политической игры, она была вызвана чисто человеческой тревогой за судьбу Пабло Неруды, который, как известно, выступал весьма с позитивных позиций по ряду вопросов. В частности, нам было известно о его выступлении в защиту Солженицына. Эта телеграмма ни в коем случае не содержала поддержку или оправдание режима Пиночета. Она была составлена в том же стиле, в каком мы состав-

ляли свои обращения и к советским властям, и к иностранным деятелям, от которых мы считали нужным чего-то добиваться. Там не было никакой поддержки режима. Формула была такая: «Теперь, когда вы объявляете о режиме консолидации, вы не должны допустить гибели одного из выдающихся сынов чилийского народа». Такая вот была формулировка. Она была в искаженном виде опубликована, и впоследствии очень много раз эта телеграмма использовалась в качестве способа поставить меня в ложное положение. Это свидетельствовало и о том, что очень мало что можно было поставить мне в вину, если уж понадобилась такая фальсификация.

.....

— Я считаю, что Михаил Сергеевич Горбачев — очень выдающийся государственный деятель и один из главных инициаторов перестройки, одно из главных ее действующих лиц. И я всей душой желаю...

(На этом закончилась пленка в магнитофоне.)

ИНТЕРВЬЮ Л. ФОМЕНКО
2 августа 1988 г.

— Андрей Дмитриевич, уже несколько дней вы находитесь в Протвине и знакомитесь с Институтом. Скажите, пожалуйста, что привело вас сюда?

А. Сахаров. Если говорить откровенно, то главная цель — отдохнуть от Москвы с ее совершенно сумасшедшим образом жизни, непрерывными контактами с людьми, непрерывными встречами, поэтому я хотел хотя бы три недели спокойно поработать. Конечно, у меня была еще одна цель: по приглашению С. С. Герштейна я приехал посмотреть Институт, ускоритель и его сооружения, службы.

— А какое впечатление произвел на вас Институт, и что показалось вам наиболее интересным из того, что вы увидели?

А. Сахаров. Институт произвел хорошее впечатление: большой коллектив, который работает слаженно, очень инициативно, напряженно, здесь много очень ин-

---

Интервью, взятое во время поездки А. Д. Сахарова в Институт физики высоких энергий (Протвино), напечатано в Информационном бюллетене института (1988, № 21).

тересных разработок. Что показалось наиболее интересным? Так как я никогда не видел большого ускорителя и его экспериментальных установок, то именно это и было наиболее интересным. Что касается вычислительного центра, то он тоже произвел большое впечатление, но я нечто подобное, конечно, уже видел.

— *Андрей Дмитриевич, какое значение, по вашему мнению, имеет развитие физики высоких энергий для ряда направлений в науке, новых технологий и использования технологических достижений в промышленности?*

А. Сахаров. Физика высоких энергий, для этого она существует, изучает самые фундаментальные законы природы. Это передовой фронт современного естествознания вообще, смыкающийся с космологией, с философскими вопросами о строении структуры пространства и времени. Этим, по-моему, все сказано. Это действительно одно из основных направлений вообще в современной науке, и очень важно, чтобы такие работы велись на максимально высоком уровне также и в нашей стране.

Что касается вопроса использования технологий, разработанных в ходе работ по сооружению ускорителя и других служб этого комплекса, — это важный вопрос. Действительно, тут собрано очень большое число высококвалифицированных научных работников, инженеров и рабочих. Наверное, такой концентрации почти

нигде нет в других учреждениях нашей страны, и промышленность, электроника, информатика, приборостроение и другие отрасли могут и должны получать побочные продукты деятельности вашего коллектива. Мне показали ряд разработок, относящихся к электронике, к высокоточной обработке большого количества снимков. Это особенно, наверное, имеет большое значение для использования искусственных спутников Земли, для наблюдения за тем, что происходит на ее поверхности. Известно, что это очень большая отрасль, там огромный объем информации перерабатывается, и для этого требуются точные измерения. Все эти комплексы имеют большое значение. Потом, большое значение имеют разработки в области электроники, технологий электроники, в области сверхпроводящих магнитов и их контроля. Я думаю, что есть еще ряд других отраслей, где институт может быть очень полезен народному хозяйству, и его разработки могут давать большой экономический и технический эффект.

— Вся ваша жизнь отдана науке, на протяжении десятилетий вы занимались различными темами. Скажите, пожалуйста, какие направления интересуют вас сейчас?

А. Сахаров. То, что жизнь отдана науке, — это сложный вопрос... Больше двух десятилетий я занимался прикладными вещами, которые лежат на грани техники, организации и науки. Но если говорить о тепе-

решнем времени, то в научном плане я решил сосредоточиться на таких отраслях, которые имеют отношение непосредственно к тематике данного Института: это физика высоких энергий и ранняя космология. Я имел ряд работ в этой области в конце шестидесятых годов — это был, так сказать, мой пиковый период научной активности. Сейчас я стараюсь, по крайней мере, остаться на современном уровне. Я работаю в очень хорошем научно-исследовательском институте — Физическом институте имени Лебедева, там работают великолепные люди, в основном активно работают люди, которые значительно моложе меня. Это большая радость для меня, что я в таком коллективе и что я могу понимать и быть на уровне.

— Скажите, пожалуйста, а каково ваше мнение о молодых коллегах, о которых вы только что упомянули?

А. Сахаров. Сказать, что я с ними работаю, это значило бы, что я ими руковожу. Это не так. Я работаю бок о бок — это более правильная формулировка. Там очень сильный коллектив, состоящий из людей, которые только входят в науку, и тех, которые вошли в нее десять, двадцать и тридцать лет назад, но они по сравнению со мной все равно молодые люди.

— Помимо науки вы занимаетесь еще большой общественной работой. Не могли бы вы сказать несколько слов и о ней?

А. Сахаров. Я начиная с 1968 года очень много занимался общественными проблемами, связанными с основными вопросами для нашей страны и, в какой-то мере, для всего мира. Мои работы, которые я публиковал за рубежом и давал возможность ознакомиться людям здесь, то есть фактически это был «самиздат», долгое время считались совершенно неправильными и неприемлемыми. Сейчас ситуация начинает меняться. Недавно мне предложили участвовать в сборнике «Иного не дано». Само появление этого сборника стало возможно только в условиях перестройки, и он предназначен для того, чтобы поддержать перестройку. Меня по-прежнему интересуют вопросы разоружения, экологии, открытости общества, прав человека — это те темы, с которыми мне все время в той или иной форме приходится сталкиваться.

В последние месяцы больше всего меня волновала проблема Нагорного Карабаха. Она, на мой взгляд, стала одним из пробных камней перестройки, и я не удовлетворен тем развитием, которое она получила в последних решениях Президиума. Они мне кажутся совершенно недостаточными, хотя в них есть важные положительные моменты. Вот это меня продолжает волновать, как, по-моему, и очень многих людей.

— Андрей Дмитриевич, работа, конечно же, занимает у вас очень много времени. Скажите, пожалуйста, как спланирован ваш день, удается ли выполнить все задуманное?

А. Сахаров. Мне очень трудно планировать день, потому что все время возникают непредвиденные дела, особенно в Москве. И те дела, которые возникли раньше, и которые я запланировал выполнить в какой-то день, мне большей частью не удается сделать в назначенное время из-за того, что возникает что-то новое, параллельное, и из-за того, что сил уже не так много. В общем, приходится выкладываться.

— *В «Московских новостях» корреспондент написал, что вы работаете до трех-четырех утра.*

А. Сахаров. Это не совсем так. Я стараюсь все-таки работать в первую половину дня, а не вечером. Но вечером тоже приходится работать из-за того, что возникают совсем уже срочные дела, но и просто потому, что такой у нас в семье сложился распорядок дня. Это вынужденная вещь. Иногда мне приходится ранее подготовленный материал просить печатать жену под мою диктовку, и она при этом тоже как-то старается редакторски править, я с ней не соглашаюсь, тогда получается большей частью какой-то компромисс. Но такая вечерняя работа у нас часто возникает.

— *Годы меняют людей, меняют их характер, мировосприятие, привычки, вкусы. Не могли бы вы определить дистанцию, которая разделяет молодого начинающего ученого 40-х годов и нынешнего академика Сахарова?*

А. Сахаров. Я начал свою работу в 1942 году инженером на большом оборонном заводе, а в 45-м году

я был аспирантом в ФИАНе. Это был для меня период очень быстрого роста. Творческие возможности, возможности усваивать новое в молодости колоссально отличаются от того, что возможно в более зрелом возрасте, в старости, но при этом одновременно приобретается житейский опыт, приобретается более правильное отношение к людям, более человечное, я бы сказал. В этом большую роль для меня сыграла жена, она во многом благоприятно повлияла на изменение моей личности в этом отношении. Но, конечно, опыт все-таки значит меньше, чем творческие способности, хотя опыт необычайно важен. Но, в общем, приходится как-то уже менять жанр деятельности и направление. И кроме того, действительно, наука смешалась с общественными делами во второй половине моей активной деятельности, но на самом деле и раньше уже началось очень многое.

— Скажите, пожалуйста, а какие качества вас привлекают в людях?

А. Сахаров. Внутренняя честность и внешняя, естественно, но полная честность. Активная доброта, смелость, ум и талант.

— А какие, напротив, отталкивают?

А. Сахаров. А вы поставьте на все это минус, и все получите.

— Кто-то недавно остроумно заметил, что сейчас стало гораздо интереснее читать, чем жить. Хватает

ли у вас времени прочитать все новые публикации и что показалось вам интересным?

А. Сахаров. У нас жизнь складывается таким образом: вечером моя жена ложится в постель, совершенно измученная за день и обессиленная, и начинает читать. Вот она читает очень много. Я с трудом понимаю, как это ей удается. Она мне иногда советует что-то прочитать. В последнее время я вообще почти ничего не читал. Вы же спрашиваете о художественной литературе?

— *Не только. Может быть, что-то в газетах вас заинтересовало?*

А. Сахаров. В газетах все время публикуются интереснейшие вещи, обычно очень грустные: о том, с каким трудом новое входит в нашу жизнь. Таких публикаций много, и они заставляют очень сильно задумываться о наших перспективах и о том, как действительно трудно побеждать все то, что нас держало за руки, за ноги и мучило на протяжении нескольких десятилетий. А последнее, что я читал из художественной литературы, это — «Смиренное кладбище».

— *Тяжелая вещь...*

А. Сахаров. Тяжелая, но очень человечная, очень хорошая.

— *Андрей Дмитриевич, а какие газеты вы читаете?*

А. Сахаров. «Известия», «Правду», «Московские новости». Иногда кто-то посоветует прочитать что-ни-

будь или приносит сам ту или иную газету, где что-то интересное появилось. Тогда это бывает все что угодно.

— *Недавно журнал «Театр» опубликовал ваше мнение о спектакле «Собачье сердце». Скажите, пожалуйста, помимо театра, что еще привлекло ваше внимание в последнее время, может быть, в области кино, телевидения, радио?*

А. Сахаров. Вы знаете, я вообще не театрал и попал на этот спектакль отчасти потому, что нас пригласили, отчасти потому, что хотелось показать его другим членам нашей семьи. После этого у меня взяли интервью, и его немножко переделали: там не все фразы мои, а некоторых моих фраз, наоборот, нет, к сожалению.

В кино я довольно давно не был, но, в общем, ничего особенно сильного впечатления на меня не произвело.

— *«Покаяние» вам не удалось посмотреть?*

А. Сахаров. «Покаяние» смотрел. Интересный очень фильм. Но я бы сказал, что все-таки он... Я знаю очень высокие о нем мнения, мое же мнение на ступеньку ниже, хотя тоже очень высокое.

— *А вы не могли бы сказать, почему на ступеньку ниже?*

А. Сахаров. Там есть элемент условности, притчи. А мне бы хотелось настоящего, реалистического и человечески более сильного фильма просто потому, что эта проблематика действительно меня очень волнует. Но появление этого фильма — большое событие.

— А «Холодное лето 53-го» не смотрели?

А. Сахаров. К сожалению, нет. Очень хочется посмотреть.

— Недавно телевидение показывало интересные документальные ленты. «Риск», например.

А. Сахаров. Я смотрел и «Риск-1», и «Риск-2». Очень интересные фильмы, прекрасная работа. Я даже давал «Московским новостям» интервью по «Риску-1». Даже, по-моему, одна тема, которую я в своем интервью упомянул, вошла в «Риск-2». Это тема Фукса.

— Андрей Дмитриевич, судя по тому, сколько вы даете интервью, видимо, вам очень досаждают журналисты?

А. Сахаров. Журналисты мне досаждают очень. Но я должен сказать в защиту советских журналистов, что они все-таки досаждают меньше, чем иностранные. Когда мы с женой вернулись из Горького, я сначала иностранным журналистам дал очень большую волю и в результате совершенно погибал. Потом я решил давать им только коллективные интервью. Было большое коллективное интервью после приезда Рейгана, на которое пришли и советские журналисты. К сожалению, в советской прессе оно было только упомянуто, а суть его не оказалась известной советским людям. Что касается иностранных журналистов, то они опубликовали фрагменты, но в целом все было отражено.

— То, что появляется в печати, — материалы о вас, интервью — они устраивают вас?

А. Сахаров. Последнее интервью я давал в Ленинграде программе «Пятое колесо». В этом интервью я говорил о науке и об общественных проблемах. Говорил о Фридмане, потому что в Ленинграде я был в связи с Фридманской конференцией. Это было почти полностью воспроизведено. Я говорил очень подробно о проблеме Нагорного Карабаха. Говорил о том, почему я считаю, что эту проблему необходимо решить, передав Нагорный Карабах Армении или ввести там вариант президентского правления. Это западная терминология — у нас это означает подчинение всех местных органов власти непосредственно центральным властям СССР. Это было бы решением проблемы.

На протяжении десятилетий национальные права и чувства армян унижались, а для азербайджанцев это было средством отвлечения от актуальных, настоящих проблем. На самом деле азербайджанский народ потерял от этого еще больше, чем армянский, как я считаю. Есть известное высказывание Маркса о том, что не может быть свободен народ, который угнетает или насильно удерживает другой. Так вот это произошло с азербайджанским народом. Положение там очень тяжелое, и острота социальных проблем в Азербайджане теперь уже известна. Оставлять в этой ситуации Карабах в составе Азербайджана означало не решать проблему, а оставлять ее в таком виде, который неприемлем и для армян, и для азербайджанцев. Я говорил обо всем этом,

говорил об ужасе и позоре Сумгаита — все это не попало в передачу. Я думаю, что это произошло не по вине корреспондентов, которые меня интервьюировали — им просто не дали возможности это сделать. Я уверен даже, что это произошло на каком-то более высоком уровне вопреки их воле.

— *У нас же говорят о плюрализме...*

А. Сахаров. В данном случае это не сработало.

— *Андрей Дмитриевич, что бы вы хотели пожелать себе и своим коллегам?*

А. Сахаров. Успехов в работе, счастливой личной жизни и верности самому себе, своей жизненной линии, своей внутренней программе, а внутренняя программа обычно бывает все-таки благородной. Это люди потом себя постепенно иногда обманывают и начинают идти кривой дорогой. Для большинства людей это уже измена самому себе.

ДИАЛОГ А. САХАРОВА И А. АДАМОВИЧА

23 августа 1988 г.

В. Синельников. В мире сейчас существует неприятие атомной энергетики как таковой. А поскольку скомпрометированы и другие источники энергии, то некоторые считают, что лучше жить при лучине, но только не подвергать себя и своих детей опасности. Что вы думаете по этому поводу?

А. Сахаров. Жить при лучине — это значит вообще жить без всех или большей части достижений цивилизации. Но есть такая эмпирическая закономерность: средняя продолжительность жизни очень сильно растет в линейной зависимости от расхода энергии на душу населения. Поэтому представляется, что в смысле человеческих жертв и человеческих страданий отказ от производства больших количеств энергии на душу населения — это тоже убийство. Только убийство другим способом. Энергия нужна. Только как ее получать сегодня?

Альтернативные, чистые источники энергии в настоящее время экономически неконкурентны с «грязными»,

---

Беседу вел В. Синельников.

Опубликовано в 1989 г. («Искусство кино» № 8). — *Ред.*

даже с гидроэлектростанциями. Это положение, по-видимому, сохранится очень длительное время. Хотя, конечно, и здесь происходит непрерывный процесс. Ядерная энергия сейчас дороже, чем получаемая с помощью привычных источников, но нефть и газ в перспективе будут истощаться, уголь экологически очень вреден, любые тепловые станции создают парниковый эффект. По-видимому, в перспективе все большую и большую роль должна играть все-таки ядерная энергетика. Во всяком случае, на протяжении достаточно длительного времени, на которое мы можем делать технические прогнозы. Ее, конечно, надо сделать безопасной. Тут есть разные пути.

Прежде всего, усовершенствование ядерного реактора. Созданы водоводяные реакторы, в которых нечему гореть; реакторы с газовым охлаждением, в которых не образуется взрывчатая смесь — гремучий газ; реакторы, в которых при любой аварии происходит уменьшение реактивности. Все это в принципе возможно. И все же стопроцентной уверенности в полной безопасности нет. К примеру, проблемы терроризма, обстрела ракетами и бомбардировка с воздуха с применением обычных взрывчатых веществ остаются до тех пор, пока мы живем в таком мире, как сейчас. Мне присылают много писем из Армении, авторы которых очень боятся, как бы какие-нибудь террористы не взорвали их станцию, которая близка по конструкции чернобыльской... Ну, может быть, несколько лучше...

А. Адамович. Академик Легасов мне говорил, что, по его предположению, первой взорвется армянская атомная[1].

А. Сахаров. Да, я знаю это его высказывание. На ней уже было много разных неприятностей локального характера... На ленинградской были еще большие неприятности. В общем, они идут в первом ряду, эти две станции.

А. Адамович. Еще спасибо душманам, что они не пальнули по армянской станции. Но у них, наверное, такой ракеты нет...

А. Сахаров. Да, им довольно далеко. Хотя в принципе все могло быть. В общем, вывод у меня такой — кардинальным решением безопасности является подземное расположение ядерных реакторов.

А. Адамович. А вот что делать с теми станциями, которые уже стоят на земле, и в том числе четырнадцать таких, как чернобыльская?

А. Сахаров. Надо делать защитные колпаки. Это мера, которая заметно снизит опасность большой беды. Потом постепенно консервировать станции.

А. Адамович. Мне говорили люди опытные в этих делах, что над чернобыльским реактором колпак невоз-

---

[1] После разрушительного землетрясения в Армении в декабре 1988 г. правительство приняло решение о закрытии армянской станции. — *Ред.*

можно создать в принципе и над уже действующими четырнадцатью станциями, подобными чернобыльской, — тоже.

А. Сахаров. Слово «в принципе» тут, наверное, неточно. Если вложить большие деньги — все можно сделать. Но, конечно, неизвестно, что дешевле — закрыть реакторы и построить подземные или же... Причем подземный реактор может быть и графитовый, тут мы можем себе позволить это, или водоводяной, какой хотите.

Кроме того, есть очень важный экономический фактор — это консервация станции. Каждая станция, скажем, через тридцать лет выработает свой ресурс, и ее надо законсервировать. Если это была наземная действующая станция, то проблема консервации необыкновенно сложна, надо делать саркофаг или разобрать ее с помощью роботов и сделать зеленую лужайку. Это стоит почти столько же, сколько построить новую станцию. А подземную вы можете просто закрыть на ключ и оставить навечно.

А. Адамович. Против вашей идеи есть аргумент — подземные воды. Можно отравить подземную нашу коммуникацию...

А. Сахаров. Если делать с умом, то этого не произойдет. Если в скальном грунте — это уже исключено. У нас есть достаточно много мест, даже в европейской части СССР, где геологические условия благоприятны,

где почвенные воды текут над непроницаемым глинистым слоем. И вы всегда можете сделать сравнительно дешевый поддон, через который даже расплавленная масса, образовавшаяся при аварии, не проникнет. В общем, при учете геологических условий эта опасность может быть сведена до минимума.

В. Синельников. Можно ли сказать, что проект, методы строительства и эксплуатации чернобыльской станции предопределили неизбежность трагедии?

А. Сахаров. С полной уверенностью этого сказать нельзя. Но, конечно, в реакторе был ряд недостатков очень серьезных. Возможность аварии, именно катастрофической аварии, была потенциально заложена. Какие это недостатки? Во-первых, отсутствие защитного корпуса. Во-вторых, то, что реактор на графите, а графит может гореть, в-третьих, положительный коэффициент паровой реактивности, то есть при образовании пара система разгоняется, в-четвертых, там такая конструкция регулирующих стержней, что при введении начальной их части реактивность увеличивается. Кроме того, станция не была снабжена автоматической защитой. Современная кибернетика предполагает оснащение любого опасного производства системой, которая должна исключить возможность катастрофически ошибочных решений. Есть менее существенные, но в совокупности очень серьезные недостатки.

В. Синельников. Но на скамье подсудимых после чернобыльской катастрофы были только эксплуатационники, работники станции, а все, что вы сказали...

А. Сахаров. Это к ним вообще не имеет никакого отношения. Эксплуатационники, работники станции виноваты в том, что они разработали опасную программу испытаний.

А. Адамович. Вот Легасов писал в «Правде», что конструктор станции знал о недостатках, которые вы называли, они были очевидны...

В. Синельников. А вы, Андрей Дмитриевич, в своей статье в «Московских новостях» называете фамилию академика Александрова.

А. Сахаров. Да, на Александрове, конечно, большая персональная ответственность за выбор этого направления. Перед ним стояла такая дилемма: либо подождать, когда у нас будет построен «Атоммаш» и через несколько лет можно будет делать более совершенные реакторы, либо развивать энергетику на бескорпусных графитовых реакторах, более громоздких, между прочим.

А. Адамович. Можно подумать, что у нас уже не было ни нефти, ни газа и мы задыхались без ресурсов.

А. Сахаров. Ход мысли был такой, что надо начинать, иначе мы потеряем темп, и, когда нефти не будет, мы окажемся у разбитого корыта.

А. Адамович. Но ведь теперь уже убедились, что этот тип станции и водяные тоже — вчерашний, может,

позавчерашний день атомной энергетики, что, наверное, будут созданы более безопасные станции. Но продолжают в эйфории ставить и множить те же станции...

А. Сахаров. Но новых сверх четырнадцати, насколько я понимаю, не строят.

А. Адамович. А водяные строят.

А. Сахаров. Водяные будут строить до 2000 года, и остановить это ужасно трудно. Для этого нужно волевое решение на самом верхнем уровне. Я считаю, что необходимо прекратить строительство наземных реакторов, хотя это будет означать потерю темпа нашей атомной энергетики на пять, может быть, несколько больше лет...

А. Адамович. Японцы не боятся потерять темп. Они дожидаются новейшей технологии. Мы ведь тоже можем через пять лет взять новейшую вместо вот этой старой...

А. Сахаров. Японцы не боятся, а мы боимся. На самом деле мы должны вообще отменить пятилетний план по атомной энергетике, потому что и следующий пятилетний план не учитывает изменений экономической структуры государства.

А. Адамович. Он противоперестроечный.

А. Сахаров. Да, он противоперестроечный. Пятилетний план по атомной энергетике все равно надо выкинуть в мусорную корзину, правда, это удар по всем тем, кто себя связал работой в атомном энергостроe-

нии. Создан задел на будущее, а это многомиллиардные затраты.

А. Адамович. Значит, погибай вся страна, но проекты чтобы осуществлялись и зарплата шла.

А. Сахаров. Аналогичную картину мы видим в очень большом числе других наших начинаний. Сейчас исподтишка строят все-таки Волго-Дон-2 и Волга—Чограй и таким образом делают необходимым поворот рек, который действительно необычайно опасен экологически. Это идет по такой страшной ведомственной инерции, за которой стоят, конечно, конкретные интересы сравнительно небольшого числа людей, зато очень влиятельных. Это страшно.

В атомной энергетике действуют те же механизмы. Тем не менее добиться отмены наземного строительства реакторов необходимо. Я думаю, что это задача очень трудная в смысле психологического поворота мышления.

В. Синельников. Вернусь к Чернобылю. Учитывая масштаб преступления, считаете ли вы справедливым, что не понесли наказания люди, которые гораздо больше виноваты, чем наказанные? Ведь если все останется как есть, то легко укрепиться во мнении, что ничего не нужно менять.

А. Сахаров. Я думаю, что проблема наказания — это проблема сложная. Всегда в этом есть и отрицательная сторона. Но проблема ответственности и проблема вины несомненно должна быть.

А. Адамович. Ну, вот у Легасова, я думаю, это чувство было.

А. Сахаров. Я не знаю, какую он лично играл роль во всей предыстории...

А. Адамович. Ну, во всяком случае, они с Александровым влияли на политику «аэсизации страны», и в нем чувство вины жило очень сильно. Оно глушилось, но человек, который покончил с собой... Со второй попытки... Я с ним разговаривал. Он мне график назвал взрывов станций, вот, говорит, эта взорвется, эта. Я спрашиваю: это понимают другие ученые? Он отвечает: думаю, что да. Почему молчат? Он говорит: клановый интерес. Очень мощный интерес.

В. Синельников. Сегодня общественное мнение предъявляет чрезвычайно большой счет науке и ученым как людям, при содействии которых научно-технический прогресс оборачивается опасностью. Насколько это справедливо, как вы считаете?

А. Сахаров. Ученым все-таки в большей мере, чем ведомственным кланам, присуще чувство ответственности. Но не забывайте, мы только начинаем понимать все происходящее на Земле в комплексе. Здесь очень трудно выделить главное звено и найти правильную стратегию. Сейчас к этим проблемам привлечено внимание во всем мире, но остановить прогресс невозможно.

Можно ли остановить поиск лекарств, поиск в области биотехнологии, в области генной инженерии? Нельзя.

Без генной инженерии мы рискуем оказаться беззащитными перед СПИДом и перед другими опасностями, которые будут нас подстерегать в ближайшем будущем.

А. Адамович. А если высказать такую мысль, я ее академику Велихову высказывал: если сегодня «запретить» атомную энергетику, гений ученых пойдет по пути поисков альтернативных способов получения энергии?

В. Синельников. А солнечная энергия?

А. Сахаров. Сейчас вкладываются средства в солнечную энергетику, но, наверное, недостаточные. И это не означает еще возможности обойтись без ядерной энергии. Реальный технико-экономический прогноз на ближайшие десятилетия показывает, что она все-таки нужна.

А. Адамович. Мы игнорируем одну очевидную вещь. Вот Михаил Сергеевич Горбачев, когда собирал энергетиков-атомщиков, предупредил: еще одна станция взорвется, ни нам, ни вам делать будет нечего в этой стране.

Еще один Чернобыль, и наша страна просто переломится пополам. Никакой героизм больше не спасет. Будет ярость народная. Просто начнут ученых отлавливать, как в средние века врачей отлавливали и топили. Все будет, все возможно.

А. Сахаров. Я согласен, что второй Чернобыль, даже не очень большая авария, более локальная, скажем, все равно будет иметь совершенно неописуемые человеческие последствия.

А. Адамович. И вот тогда начнем закрывать эти станции, впопыхах...

А. Сахаров. Тогда уже будет не до станций, я согласен в этом с Горбачевым. А что ответили Горбачеву?

А. Адамович. Хорошо могу себе представить, как они потупили глазки и сказали: честное слово, больше не взорвется!

А. Сахаров. Речь шла о закрытии четырнадцати станций?

А. Адамович. Говорят, да. Более того, шел разговор о создании независимого института контроля. Но для такого института у нас не находится кадров, то есть специалистов с альтернативными взглядами.

А. Сахаров. Еще раз могу совершенно авторитетно сказать следующее. Есть одно кардинальное решение: подземное расположение ядерных станций... У нас есть только две возможности: или никакой, или подземная ядерная энергетика.

В. Синельников. Скажите, а практика такого строительства в мире уже есть?

А. Сахаров. Есть, но в небольшом масштабе. В Швеции, во Франции. Я считаю, что должен быть международный закон, запрещающий наземное строительство ядерных реакторов. Международный закон должен гарантировать нас от этой опасности и одновременно успокоить мировое общественное мнение. Когда люди находятся в панике, это просто ужас. Все-

таки значительная часть всех тех симптомов, на которые люди жалуются, — психогенная.

А. Адамович. Понимаете, вот то, что в Белоруссии люди не боятся, — выгодно ведомствам и губительно для людей. Они сидят в своих зараженных деревнях. Проложили асфальт до школы, дети едут туда по асфальту, возвращаются по асфальтику, и предполагается, что они не выходят в сад, в лес, в огород. А поскольку все говорят: покидать места эти жалко — родина — и опасность невелика, люди живут. А надо бы испугать, потому что они набирают рентгены... А дети? Вы представляете, дети, для которых враждебен дождь, трава, враждебны яблоко, груша в собственном саду. Представляете, кто это вырастает даже если не биологически, то психологически? У нас только на Могилевщине более тридцати семи таких зараженных населенных пунктов. Но поскольку радиоактивность обнаружена потом, поселки не вошли в сферу правительственных забот[1]. Эти районы как бы не существуют. А в народе ходит упрямый слух, что радиоактивное облако посадили на Могилевщине, на Брянщине. Спасали Москву. Был такой факт?

---

[1] Спустя почти три года после взрыва на Чернобыльской АЭС под сильным воздействием общественности было принято решение о выселении людей из пораженных районов Белоруссии. Это произошло через год после публикуемой беседы. — *Ред.*

А. Сахаров. Я думаю, что это абсолютный факт. После выброса, по-моему, 5 мая, возникло радиоактивное облако, которое пошло на Москву, и была применена авиация, выкинувшая соответствующие химикаты. Было ли это целенаправленное действие или осаждение облака в Белоруссии — случайность?.. Во время американской катастрофы 1979 года многие газеты непрерывно печатали радиационные карты, хотя цифры радиации были очень скромные. У нас же я не видел ни одной карты, опубликованной в печати.

А. Адамович. У нас медики в Белоруссии подняли эту проблему, сказали: дайте нам радиационные карты, чтоб мы могли грамотно работать в этой местности. Никаких карт они пока не получили, ибо все делается для сокрытия беды...

А. Сахаров. Я считаю, что абсолютно необходимо иметь радиационные карты. Они должны быть доступны медикам, чтобы четко контролировать всю радиационную обстановку. Это даже обсуждению не подлежит[1]. Кроме того, все люди, которые соприкасаются с радиоактивностью или заняты ликвидацией последствий аварии, должны иметь индивидуальные дозиметры. Все люди должны точно знать, что им грозит.

---

[1] И это требование общественности было удовлетворено вскоре после публикуемой беседы. — *Ред.*

А. Адамович. А как вы посмотрите на такую практику: в районах, где посадили облако, производят сельскохозяйственную продукцию. Но одновременно завозят туда чистые продукты. Молоко здешнее нельзя пить, овощи и мясо нельзя есть, их отправляют в Могилев, а что дальше делают — большая загадка. Утверждают, что все это идет для «невредных добавок» в продукты. Агропром настаивал на производстве продуктов в этих районах, хотя наша республика много раз просила исключить их из планирования.

А. Сахаров. Но население надо предупредить... Люди должны иметь право сами решать свои проблемы с открытыми глазами.

А. Адамович. Есть еще одна проблема, уже новейшая, которую вы, наверное, тоже знаете. Мне позвонил один человек (житель Брянской области). Их 120, которые схватили радиацию (большинство спасали нас в Чернобыле) и лечатся в московской шестой больнице. Получить спецпенсию им не удается. А когда заявляют свои права, их называют симулянтами. Они писали и Чазову, и в «Литературную газету», но пока безрезультатно.

А. Сахаров. Ложь и умолчание — ужасны, они всегда приводят только к большому вреду.

Я много занимался проблемой радиации в период испытаний. В 53-м году испытания проводили наземно, поднималась радиоактивная пыль. Мы потребовали эвакуации населения из подветренной зоны. Начальст-

во очень боялось огласки, но пошло нам навстречу. Это было в районе Семипалатинска. След накрыл несколько населенных пунктов, но когда оттуда уже было эвакуировано население. Все-таки до, а не после.

А. Адамович. Проклятие лжи висит над атомной энергетикой. Правду говори — не поверят!.. Андрей Дмитриевич, а я вдруг вспомнил, что вы отец нашей водородной бомбы. Как вы это сами внутренне переживаете?

А. Сахаров. Я, правда, был не единственным отцом. Это коллективное дело, но от этого не менее страшное. Тогда мы были убеждены, что создание сначала атомной бомбы (я в этом участия не принимал), потом термоядерной — необходимо для установления мирового равновесия, для того, чтобы наша страна могла спокойно и мирно развиваться, не находясь под прессом подавляющего превосходства другой стороны. Я и до сих пор не могу этого исключить. Мы — я включаю сюда и американцев — создали оружие, которое дало человечеству мирную передышку. Она еще продолжается. Но я убежден, что эта передышка небесконечна. Если будет продолжаться ядерное противостояние на таком чудовищном уровне, который достигнут сейчас, то никакое «честное слово» не поможет. Военные уже не умеют обойтись без ядерного оружия. Например, как уничтожить подводные лодки противника с 16 или с 24 ядерными ракетами? Единственный реальный способ — приме-

нить против них ядерное оружие. Соблазн есть, и большой.

А. Адамович. А вот у нас, у гуманитариев, есть иллюзия, что у физиков должен быть «комплекс Оппенгеймера», синдром вины. Это так или нет?

А. Сахаров. Это иллюзия. Мы себя успокаиваем тем, что мы отодвигаем возможность войны.

В. Синельников. А экстремистская безответственность малых стран?

А. Сахаров. Они пока что все-таки не имеют ядерного оружия. Вряд ли будут иметь в обозримый срок. Во всяком случае, такого, как великие державы, и хотя это антидемократическое решение — о нераспространении ядерного оружия, — оно, по-видимому, было совершенно необходимо.

В. Синельников. Кажется, мы вплотную подошли к проблемам морали. Андрей Дмитриевич, как вы относитесь к тому, что церковь сегодня получила большие права в духовной жизни общества?

А. Сахаров. Я очень далек от церковных дел, но чисто умозрительно я считаю, что это хорошо. Не вполне понимая психологию людей, близких к церкви, думаю, есть у нее огромный духовный потенциал. Церковь, конечно, должна быть не единая, между разными церковными направлениями не должно быть антагонизма... Я бы лучше сказал все-таки не церковь, а религия. Она имеет большую духовную силу.

В. Синельников. Не противостоящую разуму, науке?..

А. Сахаров. Нет, в наше время не противостоящую. Противостояние религии и науки — это пройденный этап. Но должен быть пройден какой-то этап и в развитии религии, и вообще в духовной жизни человека, чтобы все это было окончательно понято. Как? Я от этого далек. Я воспитанник другой эпохи и другого мировоззрения...

В. Синельников. Вы материалист или дуалист? Или пантеист?

А. Сахаров. Я думаю, что есть какой-то внутренний смысл в существовании Вселенной. Я... не знаю... пантеист, наверное... или нет. Это что-то другое. Но внутренний смысл, нематериальный, у Вселенной должен быть. Без этого скучно жить.

А. Адамович. А вот если собрать ваши взгляды, Эйнштейна, других на эту проблему и создать религию ученых...

А. Сахаров. Я думаю, что у каждого своя концепция. И эйнштейновская концепция никому не ясна до конца, он не очень на эту тему распространялся.

А. Адамович. Как он сказал? Господь Бог изобретателен, но не коварен...

А. Сахаров. Это не имело отношения к религии, скорее — к философии. В данном высказывании Господь Бог просто синоним природы. Думаю, что не надо

место человека толковать антропоцентристски. Может или не может он стоять в центре Вселенной — человек сам должен доказать в дальнейшем. А пока по отношению к природе ведет себя очень плохо.

В. Синельников. Вот о чем я хочу вас спросить. Выплеск апокалипсических настроений сегодня, толки о сроках, которые нам поставлены в Библии, существуют. Все чаще звучат голоса, что наша цивилизация конечна, как все в этом мире. Как наука должна отнестись к этим утверждениям?

А. Сахаров. Ну, тут две стороны вопроса. Сначала об ответственности науки. Я считаю, что острота глобальных проблем, стоящих перед человечеством, — экологической опасности, термоядерной войны и других — не просто создана наукой или прогрессом (лучше говорить «прогресс», потому что наука — это нечто более узкое). Она создана прежде всего общественным, политическим и социальным развитием мира, его сложившейся структурой.

В мире, разделенном на две системы, существует, можно сказать, глобальная конкуренция, в которой есть фактор взаимного недоверия, есть желание не отстать от соперника, более того, обогнать его. Так называемым реальным политикам (я говорю в кавычках и с иронией) рядом с этим желанием экологические проблемы представляются какой-то романтической мечтой. Мне кажется, что главная опасность для чело-

вечества — разделение его на две системы. Именно из-за того оно, человечество, может погибнуть или в огне термоядерной войны, или экологически.

А. Адамович. А может быть, проблема не в разделении на две системы, а в отношении к другой системе как к непременному врагу, который должен исчезнуть с лица земли...

А. Сахаров. Пока две системы существуют и развиваются на параллельных началах, сейчас даже мирно развиваются. Но все равно обе держат камень за пазухой. Желание не отстать и обогнать сохраняется...

А. Адамович. Но, может быть, это оттого, что каждая хочет собой заменить другую?

А. Сахаров. Не только поэтому! Нет!

А. Адамович. А если чувствовать в другой системе партнера, который помогает мне быть лучше?..

А. Сахаров. Если создастся такая идеальная ситуация, то уже нет разделения на две системы. Это возможно только при сильнейшем сближении. К счастью, в какой-то мере, я считаю, такое сближение реально происходит. С одной стороны, наша административно-командная система, назовем ее сталинской системой, показала свою неэффективность в условиях научно-технической революции и интенсивного хозяйства. С другой стороны, капиталистическая система вводит очень много социалистических элементов: участие трудящихся в распределении прибыли и в управлении

производством. Можно назвать еще и появление государственного сектора в народном хозяйстве, очень мощную систему социальной защиты.

А. Адамович. Значит, мы нужны друг другу?

А. Сахаров. Да, мы нужны друг другу. Но социальная система передовых капиталистических стран гораздо совершеннее нашей. Мы только приближаемся к такой социальной структуре защиты интересов детей, стариков, нацменьшинств, нуждающихся... В обеих системах наблюдаются элементы движения. С нашей стороны — то, что называется перестройкой. Перестройка — движение к плюрализму, в противном случае никакая это не перестройка, одни только слова. А плюрализм — это конвергенция, сближение, реальный процесс, который уже происходит, который необходим.

В. Синельников. Слово «конвергенция» стоило вам нескольких лет жизни в Горьком...

А. Сахаров. Да, это слово стоило мне довольно дорого.

А. Адамович. Евтушенко написал в «Советской культуре», что слова «конвергенция» у нас боятся больше, чем ядерной бомбы. Но тут можно и поспорить с вами. Допустим, вчера думали, что национальные особенности будут стираться, исчезать, а сейчас во всем мире они, наоборот, подчеркиваются. И значит, проблема не в том, чтобы их стереть, а чтобы научиться воспринимать дружески чужую особенность. Так же, наверное,

и с социальными проблемами. Вовсе не обязательно сближение, но необходимо отношение к другой системе, как к естественному отличию от тебя самого.

А. Сахаров. Есть большое различие между сосуществованием и национальными системами. Мирное национальное сосуществование, безусловно, неизбежно. А сближения социальных систем необходимо добиваться, потому что это принципиальная задача построения общества, которой непросто найти единственно правильное решение. Оно возможно только на путях встречного движения, взаимного обмена опытом — здесь и нужно сближаться.

А. Адамович. Но ведь обязательно появится мессианство, желание свое навязать другому.

А. Сахаров. Должно быть встречное движение, а мессианство — это всегда экстремизм.

В. Синельников. Вы рискнули бы предположить фатальную нашу обреченность, как это делает религия?

А. Сахаров. Есть общий и несомненный предел существования цивилизации на Земле — существование солнечной системы. Это десять-двенадцать миллиардов лет, Земля уже просуществовала более трети отпущенного ей времени.

А. Адамович. Ну, Циолковский обещал, что мы превратимся в лучевую энергию и рассеемся по Вселенной.

А. Сахаров. Я думаю, что это не так. Человечество все-таки должно жить на Земле, жить долго, не загу-

бить себя в ближайшие несколько столетий, или несколько десятилетий, или несколько лет. Конечно, в отдаленной перспективе оно будет колонизировать другие миры, что не означает прекращения жизни на Земле. И все же разрешите за несколько миллиардов лет вперед не заглядывать, нет никаких данных для представления о том, что там будет. А вся наша цивилизация в сравнении с этим сроком — мгновение.

А. Адамович. Что совершенно точно: слова «капитализм» и «социализм» через миллиарды лет никто знать не будет...

А. Сахаров. Я не знаю, будут ли слова вообще. Может быть, способ общения и мышления будет другой, но это нас совершенно не должно волновать. На тысячелетие вперед планировать жизнь человечества, наверное, можно, но мы должны выйти на какой-то стационарный режим, который совместим с экологической безопасностью. Это произойдет, как я думаю, как я надеюсь, на протяжении нескольких десятилетий или столетий, и в стационарном режиме человечество будет сохраняться, жить на воспроизводимых ресурсах, не нарушая среды обитания, — вот идеальная схема, которая возможна только с использованием достижений науки, будущей науки. Уже сегодня у нас довольно широкий диапазон возможностей. Если вернуться к ядерной энергии, с которой мы начали, то она принадлежит именно к этому диапазону. На путях бедности мы не

придем к благополучному миру. К нему можно перейти только благополучно развиваясь, имея высокий уровень жизни, имея возможность не беспокоиться за себя и за своих близких.

А. Адамович. Но мы ведь согласились: еще один незапланированный «мирный» взрыв, и конец стране.

А. Сахаров. Взрывов быть не должно. Это нужно исключить не с вероятностью честного слова. Не строить наземных станций, категорически не строить. А мы все время возвращаемся к новым экологически вредным проектам, и каждый проект имеет своих защитников. Нельзя этим защитникам поручать экспертизу на безопасность, это даже психологически для них непреодолимый барьер.

А. Адамович. Вы считаете, что экологическая опасность сегодня становится чуть ли не номером один?

А. Сахаров. Я думаю, нумеровать опасности — не так уж обязательно. Мы можем без этого обойтись, если примем твердое решение, что не упускаем из вида ни ту, ни другую — ни военную, ни экологическую. Вот такое решение принять необходимо. Вот, например, есть проблема бразильских лесов. Моя жена говорила на Пагуошской конференции, что надо платить бразильцам за кислород. Они дают всему миру кислород. Если мы можем платить крестьянам в Турции, чтобы они не разводили мак, то тем более можно платить бразильцам, чтобы они не рубили свои леса. Это решение может быть принято международной организацией — установить

определенный процент национального дохода, маленький процент, скажем, одна десятая процента, на самом деле это будут колоссальные деньги. Я не знаю, какой суммарный национальный доход на Земле, но он триллионами исчисляется... Иначе бразильцы через 50 лет лишат нас «легких», ну просто дышать нечем будет...

В. Синельников. А озонная дыра?

А. Сахаров. Проблема озонной дыры очень неясна в научном смысле. Мы не знаем, что является ее причиной, может быть, это проявление каких-то периодических космических процессов, которые Земля уже много раз переживала и выходила из них без больших потерь.

А. Адамович. Японцы уже отнеслись к этому практически, они закрывают фреоновые производства...

А. Сахаров. Есть международное решение по этому вопросу, оно очень интересно составлено, развитые страны сокращают производства, слаборазвитым странам оно разрешено. Советский Союз к слаборазвитым странам отнесен...

А. Адамович. А мы и обрадовались? А была идея у американцев — надувать шары озоном и запускать, то есть латать дыры в атмосфере. Поднимать их туда и там озон выпускать.

А. Сахаров. У меня есть более сумасшедшая идея: колоссальное количество озона образуется при высотных ядерных взрывах.

А. Адамович. Образуется озон?

А. Сахаров. Да. Так чудесно пахнет после взрыва.

А. Адамович. Да тот ли это озон?

А. Сахаров. Озона двух сортов не бывает. Это как осетрина второй свежести.

В. Синельников. Вы, пожалуйста, не высказывайте эту идею.

А. Сахаров. Да, я боюсь ее высказывать. Но если дойдет до катастрофического положения...

А. Адамович. А вот была когда-то идея одного дипломата: если разоружение не получается, давайте над Антарктидой взорвем водородную бомбу, соберем всех политиков, корреспондентов, пусть посмотрят в натуре, что это такое. Может быть, и напугаем.

А. Сахаров. Один из моих друзей высказывал другую идею. Построить город, людьми его не заселять, поместить там животных...

А. Адамович. Опять животные должны отдуваться?

А. Сахаров. Да... Сделать там коммуникации, газ, провести электроэнергию, в общем, реальный город, потом взорвать большую термоядерную бомбу и показать людям. Это будет реальная демонстрация.

Я должен сказать, что, когда в свое время я был на испытаниях, было построено семь или восемь больших зданий, и когда я шел мимо них, разрушенных, это было очень сильное впечатление.

В. Синельников. А у вас есть личная доза облучения?

А. Сахаров. Может быть, и есть. Я совершил большую глупость после испытания 12 мая 1953 года — из машины вышел на поле. Я не знаю, какая там была доза, это было минуты две-три, а потом мы уехали довольно скоро, я не знаю своей дозы.

В. Синельников. Хочу вам задать, Андрей Дмитриевич, личный вопрос. Скажите, кто вам помогал выстоять в самое трудное для вас время? Кто вас поддерживает?

А. Сахаров. Прежде всего моя жена. Весь горьковский и предгорьковский период моя жена была, собственно, главным объектом атаки. Это проявилось в серии клеветнических статей, которые появились сначала за границей, а потом здесь. Очень чувствовалось, что определенные органы хотят меня изобразить таким невинным, совращенным агнцем, а ее главной виновницей, согласно библейской легенде. Но я-то совратился раньше, чем ее увидел, еще когда была жива моя первая жена. Именно тогда я уже начал грешить — выступал против ядерных испытаний в 50-е, в 60-е годы. Это драматическая часть моей биографии. Потом я выступил со статьей о ядерной опасности, конвергенции и об интеллектуальной свободе. Это было тоже давно, двадцать лет назад. Так вот в Горьком меня поддерживала моя жена, но одновременно я понимал, что на нее падает главный удар, и была все время попытка противопоставления нас обоих, очень тяжелая психологически.

Я чувствовал поддержку со стороны общественного мнения и в нашей стране, и за рубежом. Она помогла выжить, помогала конкретным делам. Удалось добиться выезда за рубеж нашей невестки к сыну Елены Георгиевны, которого я тоже считаю своим сыном, удалось добиться выезда за рубеж моей жены, уже после ее инфарктов, когда она не имела возможности здесь лечиться. На Западе ей сделали операцию на сердце, и, кроме того, она увидела своих детей и маму.

В. Синельников. А что было в вашей московской квартире, когда вас здесь не было?

А. Сахаров. Что-то ужасное. Квартира была на замке, у дверей стояли милиционеры, никого не пускали внутрь. Жена тут лежала с инфарктом, но к ней все равно никого не пускали. Именно тогда установили милицейский пост, когда у нее случился инфаркт, видимо, хотели облегчить ей переход в лучший мир. Но когда ее после того, как она сумела подняться с постели, задержали в Горьком, а потом судили и присудили к ссылке, то она уже в Москву не могла вернуться. А квартира продолжала оставаться под присмотром. Тут вылавливали случайных людей, которые к ней подходили, квартира была как бы липкой бумагой для доверчивых. В одной из комнат раскрылось окно, и тогда лопнули батареи, треснул потолок, рухнули на вещи и книги куски штукатурки, все отсырело и было обречено на гибель.

В. Синельников. Я слышал, что вам в Горький звонил Михаил Сергеевич Горбачев.

А. Сахаров. Да. Поздно вечером мы сидели с женой у телевизора. Пришли три человека, один из КГБ и два монтера. Их подняли с постели.

В. Синельников. А у вас не было телефона?

А. Сахаров. Нет, семь лет не было.

А. Адамович. Очень спокойная была жизнь.

А. Сахаров. Да. Очень спокойная жизнь. Мы были полностью изолированы от каких-либо контактов, на улице тоже никого к нам не подпускали. Был такой эпизод, жена ехала на машине, и мужчина с больным ребенком на руках просил подвезти их в больницу, ребенок плакал. Она остановилась, но отца и ребенка вытащили из машины.

В коридоре у нас сидел милиционер, а вокруг него клуб из жильцов собирался. Потому что скучно, естественно. Там с утра до вчера у них стоял шум, иногда и выпивки бывали.

А. Адамович. А вас приглашали?

А. Сахаров. Нет, нас не приглашали. Милиционеры с нами не общались, когда мы с ними здоровались, не отвечали. По утрам жена выходила за газетой, милиционер сидел спиной к двери, он брал газету со столика и через плечо ей подавал. Молча. Эта сцена повторялась каждое утро.

Так вот. Уходя, этот представитель КГБ сказал: вам завтра позвонят. Ну, мы сидели, ждали, он сказал: ут-

ром, часов в десять. Но в десять никто не позвонил. А в три часа раздался звонок, я уже собирался за хлебом. Это звонил Горбачев. Разговор с Горбачевым был такой. Михаил Сергеевич сказал: принято решение о вашем возвращении в Москву, также получит возможность вернуться Боннэр. Я довольно резко говорю: это моя жена (мне в интонации что-то не понравилось). Да, да, затруднений не будет, можете возвращаться. Я говорю: большое вам спасибо, я глубоко вам благодарен, я хотел только вам сказать, что несколько дней назад в Чистопольской тюрьме, можно сказать, убит мой друг, писатель Анатолий Марченко, он был первым в том списке политических заключенных, который я вам послал. Горбачев сказал: да, мы получили этот список, разбирались, многие из них освобождены, положение других улучшено, но там очень разные люди. Я говорю: я с вами не согласен. Это люди, которые осуждены за свои убеждения, и все они должны быть освобождены. Горбачев сказал: тут я с вами не могу согласиться. Я сказал: умоляю вас подумать, это очень важно для вашего престижа и для успеха всех ваших дел, для вашего авторитета. Вот на этом закончился наш разговор. А потом по поручению Горбачева приехал Марчук. И еще через несколько дней мы выехали в Москву, сначала налегке, а потом вернулись и за вещами.

На следующее утро после звонка Горбачева милиционеры собрали все свое хозяйство, электроплитку, тер-

мосы, мы с ними очень любезно попрощались. Я спросил: что же вы теперь будете делать? А они говорят: продолжать службу. Такой был конец.

В. Синельников. Андрей Дмитриевич, что вы можете сказать о людях, пострадавших за политические убеждения?

А. Сахаров. Ситуация очень смягчилась в результате массового освобождения 1987 года. Правда, это освобождение было произведено стыдливым способом. С людей требовали прошение о помиловании.

Ясно, что нужно всех этих людей освободить и именно реабилитировать, а не вымогать у них прошение о помиловании. Это совершенно неправомерно и несправедливо. За этим стоит только честь мундира.

Я с настороженностью отношусь к тому, что происходит сейчас, ибо вижу: то и дело возникает что-то вроде закулисных, временных соглашений перестроечников с антиперестроечниками. Может быть, у перестроечников нет иных путей, тогда будем надеяться, что они сумеют на этом извилистом пути дойти до цели. Но нам наблюдать это жутковато.

В. Синельников. А как был обставлен ваш отъезд из Москвы в Горький?

А. Сахаров. Это выглядело таким образом. 22 января 1980 года, это был вторник, я собрался на семинар в ФИАН, вызвал машину из Академии и поехал. Когда мы доехали до Краснохолмского моста, вдруг поперек

дороги встала машина ГАИ. Мой водитель, очень удивленный, пошел навстречу милиционеру, тот, я видел, ему козырнул, а в это время задние двери открылись, и в машину влезли два человека в форме. Показав мне красные книжечки, они сказали, что они из МВД. Когда вернулся водитель, они ему приказали ехать за машиной ГАИ. При этом мы заметили, что движение перекрыто с обеих сторон, и мы были в полном одиночестве на этом Краснохолмском мосту.

Приехали в прокуратуру, и там прокурор Рекунков объявил мне, что я по постановлению Президиума Верховного Совета СССР лишен всех своих наград. Он очень волновался. Я его спросил: почему вы меня доставили таким странным способом? Я всегда являлся на вызовы прокуратуры. Он сказал: ввиду срочности вопроса.

Он дал мне ознакомиться с текстом этого постановления, я увидел, что там нет подписи Брежнева и Георгадзе, но он меня уверил, что это несущественно, что это чисто технический момент. Я написал, что я отказываюсь вернуть награды, считаю это необоснованным. Он сказал, что компетентные органы приняли решение о моей высылке в город Горький (впоследствии меня все время убеждали, что это постановление Президиума Верховного Совета СССР, но этого документа я никогда не видел). Я также не видел никакого документа, по которому меня вернули из Горького в Москву.

А. Адамович. Может, вы и не ездили, вас не высылали в Горький?

А. Сахаров. Может быть. У меня обманом забрали паспорт, на паспорте был штамп, что 70-е отделение милиции меня выписало из Москвы. Паспорт я отказывался брать долгое время, потом пришлось взять по каким-то житейским причинам. И меня прописали в городе Горьком. Когда я приехал в Москву, то в 70-м отделении милиции запросили электронную машину паспортного отдела города, и она выдала ответ, что я все это время проживал в городе Москве. И в паспорте оказался штамп 70-го отделения милиции, который здесь не ставили.

А. Адамович. Мистика! Булгаков!

В. Синельников. Андрей Дмитриевич, вы встречались в свое время с Брежневым, с Хрущевым?

А. Сахаров. С Брежневым я несколько раз встречался, разговаривал с ним по телефону по вопросам о Байкале, второй раз пытался позвонить — о смертном приговоре угонщикам самолета — ленинградское дело. Приговорили к смертной казни, но фактически это не было актом воздушного пиратства, они собирались захватить самолет без пассажиров, на земле, и никого не убивать. Это было предосудительное действие, несомненно, но не заслуживающее смертной казни, с моей точки зрения.

Личных встреч с Никитой Сергеевичем было несколько. Я видел его еще в 50-е годы несколько раз, до

1955 или до 1956 года я бывал на заседаниях Политбюро или Президиума КПСС, не помню, как это тогда называлось. Потом я его видел на одном большом совещании в 59-м году. И наиболее интересный контакт был в 61-м году, когда я ему подал записку о том, что считаю нецелесообразным односторонний разрыв моратория по ядерным испытаниям. Он мне ответил речью, большой речью. Это было уже прямое столкновение.

А. Адамович. Андрей Дмитриевич, вам не приходили мысли о том, что не стоило выносить из лаборатории «рецепт» бомбы? Не кажется вам, что все последующие годы вам приходилось бороться с последствиями своего изобретения?

А. Сахаров. Тогда я считал, да и сейчас считаю, что, передавая это оружие советскому правительству, я способствовал поддержанию стратегического военного равновесия.

Вообще я человек эволюционирующий... но не настолько...

В. Синельников. Андрей Дмитриевич, вы для нас всех на протяжении многих лет являетесь человеком, каждое слово которого очень много значило, когда оно до нас доходило, разумеется. Как вам сейчас живется? Каково ваше отношение к происходящему?

А. Сахаров. Настроение у меня настороженное. Я очень обеспокоен тем, как по-разному развиваются события в нашей стране.

Нужно создать политические условия, чтобы люди почувствовали уверенность, реальную уверенность в необратимости перестройки. Чтобы они, к примеру, понимали: если начнут брать землю в аренду, то через десять, через пять или через двадцать лет никто ее не отберет. Не отберет все, что нажито тяжелым трудом.

Нужно прекратить всякий зажим гласности. Гласность должна быть абсолютной.

В. Синельников. А вы лично в своих статьях, выступлениях почувствовали уже после возвращения из Горького какие-то пороги гласности?

А. Сахаров. Конечно. У меня не прошла статья в «Аргументах и фактах», в которой я призываю обсудить вопрос о сокращении срока службы в армии наполовину. Мысль моя заключается в том, что СССР имеет огромную сухопутную армию. Под ружьем в армии и на флоте у нас служат больше солдат на душу населения, чем в какой бы то ни было стране, и мы можем себе позволить без ущерба для нашей безопасности в одностороннем порядке сократить вдвое срок службы в армии. Именно это определяет численность людей, которые находятся в армии одновременно. Офицерский корпус, вероятно, надо сокращать гораздо меньше.

Я думаю, что такой шаг кардинально изменит все военно-политическое соотношение и все переговоры по разоружению, особенно в Европе. Они мгновенно пойдут совсем с другой скоростью.

Такое решение будет иметь колоссальное социальное значение для нашей страны, потому что длительный срок службы в армии фактически выбивает наших юношей из того направления жизни, которое они выбрали. После армии не возвращаются в деревню очень многие. До 30% вообще не возвращаются к своей профессии, теряют темп. Творческий потенциал теряется. Цыплят надо обучать ходить за матерью в первые секунды, так же и людей надо в определенный период учить. Я думаю, что и при сокращении срока службы на один год обучить людей военному делу можно, люди сейчас грамотные, подготовленные, трактора водят и автомобили и с радиоприемником умеют обращаться.

А. Адамович. Вариант профессиональной армии тоже сейчас обсуждается.

А. Сахаров. Я не возражаю против этого, это тоже очень хорошая идея, но она экономически очень сложна.

А. Адамович. Понимаете, трагедия не в том, что придется сократить армию, а в том, что придется сократить генералов, вот где большая трагедия.

А. Сахаров. Да, это большая трагедия для генералов. Ну, так давайте их не сокращать. Это будет гораздо дешевле и проще. Только важно понять, какие общественные настроения они будут поддерживать.

У нас общественные процессы идут волнами, и несут их разные течения. Вроде бы провокация Нины Андреевой была отражена...

А. Адамович. Так называемой Нины Андреевой.

А. Сахаров. Да, так называемой Нины Андреевой. Но силы, которые стояли за этим псевдонимом, еще сохранились в нашем обществе, эти силы продолжают существовать. Структура нашего общества очень сложная, по существу сталинистская. Хотя, может быть, она начала создаваться до Сталина, продолжала развиваться после Сталина, но будет справедливо дать ей именно это наименование.

В. Синельников. Что же делать всем нам сегодня?

А. Сахаров. Надо действовать активно. Пассивное отношение к новым процессам, если оно станет общим настроением, будет пагубно. От перестройки в нашей стране зависит очень многое — и для наших людей, и для всего мира. Вот я говорил о конвергенции. Я действительно отождествляю перестройку с плюрализмом, а плюрализм с конвергенцией. Поэтому я считаю, что перестройка — важный шанс. Последний шанс. Может быть, не последний. Никогда не надо говорить совсем уж страшных слов. Но в общем это представившийся нам шанс выйти из тупика и помочь всему миру выйти из тупика. Для этого нужна активная позиция во всех спектрах деятельности.

КОНВЕРГЕНЦИЯ, МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

август 1988 г.

В изданном в 1980 году «Советском энциклопедическом словаре» о конвергенции написано: «Буржуазная теория, в основе которой лежит идея о якобы происходящем постепенном сглаживании экономических, политических и идеологических различий между капиталистической и социалистической общественными системами. Возникла в 50-х годах в связи с научно-технической революцией, ростом обобществления капиталистического производства. Основные представители: Дж. Гелбрейт, У. Ростоу (США), Я. Тинберген (Нидерланды) и др. Коренной порок теории конвергенции — технологический подход к анализу социально-экономических систем, игнорирующий принципиальные отличия в характере собственности на средства производства при капитализме и социализме».

Такова была (а в значительной степени сохраняется и сейчас) официозная оценка этого важнейшего политического понятия. Но одновременно получают распро-

---

Статья написана для сборника «50/50: Опыт словаря нового мышления» (М.: Прогресс, 1989).

странение — и в условиях гласности частично проникают на страницы печати — альтернативные точки зрения, по моему мнению, более правильно отражающие историческую реальность и ее требования. Ниже излагается позиция автора данной статьи. Человечество оказалось в XX веке в беспрецедентной ситуации реальной опасности самоуничтожения. Результатом большой термоядерной войны может быть лишь гибель цивилизации, смерть и страдания миллиардов людей, социальная и биологическая деградация оставшихся в живых и их потомков. Не исключена гибель всего живого на поверхности суши. Не менее грозной является многоликая экологическая опасность — прогрессирующее отравление среды обитания средствами интенсификации сельскохозяйственного производства и отходами химических, энергетических, металлургических производств, транспорта и быта, уничтожение лесов, истощение природных ресурсов, необратимое нарушение равновесия в живой и неживой природе и — как апогей всего — нарушение генофонда человека и других живых существ. Мы, возможно, уже вступили на путь, ведущий к экологической гибели. Единственное, чего мы не знаем, — какую долю пути мы прошли, сколько осталось до критической черты, после которой уже нет возврата. Будем все же надеяться, что осталось достаточно, чтобы успеть вовремя остановиться. В ряду глобальных проблем — колоссальная неравномерность мирового экономического и социального развития,

угрожающие тенденции в «третьем мире», голод, болезни, нищета сотен миллионов людей. Безусловно, необходимы срочные меры для предотвращения непосредственной опасности скатывания в пропасть термоядерной войны — урегулирование региональных конфликтов путем компромиссов, движение к глубокому разоружению, к достижению равновесия и оборонительного характера обычных вооружений. Столь же необходимы срочные меры внутригосударственного и международного характера для улучшения экологической ситуации, международные усилия для смягчения проблем «третьего мира».

Однако я убежден, что единственным путем кардинального и окончательного устранения термоядерной и экологической гибели человечества, решения других глобальных проблем является глубокое встречное сближение мировых систем капитализма и социализма, охватывающее экономические, политические и идеологические отношения, то есть, в моем понимании, конвергенция. Именно разделение мира придало глобальным проблемам такую трагическую остроту, поэтому только устранение этого разделения может их разрешить.

В разделенном мире неизбежно будет сохраняться в той или иной мере недоверие, подозрительность. Поэтому все международные соглашения окажутся недостаточно надежными. Очень трудно будет обеспечить необратимость разоружения. В момент обострения «орала» вновь могут быть перекованы на «мечи». Возможности совре-

менной техники сейчас многократно превосходят возможности периода Второй мировой войны — Манхэттенского проекта и создания ФАУ-2. В случае военной мобилизации можно очень быстро сделать даже на пустом месте десять (или тридцать) тысяч ракет и термоядерных зарядов к ним и многое другое, не менее страшное. То есть опасность уничтожения человечества сохраняется. Определяющая экономическая задача в разделенном мире — не отстать (или — соответственно — догнать и перегнать). Между тем перестройка производства, всего образа жизни на экологически безопасный путь требует большого самоограничения, отказа от форсированного развития. В условиях конкуренции, соревнования двух систем это невозможно, то есть экологическая проблема тоже не получает своего разрешения. Неэффективной по тем же причинам в разделенном мире окажется также борьба с другими глобальными опасностями.

Конвергенция подразумевает отказ и от догматизма капиталистической идеологии ради спасения человечества. В этом смысле идея конвергенции примыкает к основному тезису нового политического мышления перестройки. Конвергенция тесно связана с экономическим, культурным, политическим и идеологическим плюрализмом. Если мы признаем, что такой плюрализм возможен и необходим, то мы тем самым признаем возможность и необходимость конвергенции. Близки к идеям конвергенции фундаментальные концепции

открытости общества, гражданских прав человека, отраженные во Всеобщей декларации прав человека ООН, а также — в более отдаленной перспективе — концепция общемирового правительства.

Если мы проанализируем основные тенденции в развитии современного мира, отвлекаясь от частностей и зигзагов, то мы увидим несомненные признаки движения в сторону плюрализма.

В тех странах, которые мы называем капиталистическими или западными, во всяком случае во многих из них, наряду с частным сектором возник сектор государственной экономики. Еще более существенно развитие различных форм участия трудящихся в управлении и прибылях. Чрезвычайно важно создание во всех странах Запада институтов социальной защиты населения. Вероятно, мы можем сказать, что эти институты — социалистические по своей природе, но они превосходят по своей эффективности все то, что мы реально имеем в странах, называющих себя социалистическими. Я рассматриваю все эти изменения как капиталистическую часть общемирового процесса конвергенции.

В социалистических странах трагический путь сталинизма (и различных его вариантов) повсеместно привел к антиплюралистическому обществу. Однако эта система оказалась неэффективной перед лицом задач интенсивного развития в условиях научно-технической революции, чрезвычайно бюрократизированной,

социально ущербной и коррумпированной, губительной в экологическом смысле и расточительной в отношении человеческих и природных ресурсов.

Сейчас почти во всех социалистических странах начался процесс изменений, получивший в СССР название перестройки. Первоначально в характеристике этих изменений вообще избегалось употребление слова «плюрализм» и тем более «конвергенция», сейчас иногда говорят о «социалистическом плюрализме». По моему убеждению, перестройка может быть успешной только при последовательном осуществлении глубоких системных плюралистических изменений в экономике, в политической сфере, в сфере культуры и идеологии. В настоящее время в социалистических странах намечаются отдельные элементы этого процесса. Картина изменений носит неоднородный, пестрый и в ряде случаев противоречивый характер. Я рассматриваю перестройку как часть общемирового процесса конвергенции, жизненно необходимую для социалистических стран и для всего мира.

Кратко резюмируя, конвергенция — реально происходящий исторический процесс сближения капиталистической и социалистической мировых систем, осуществляющийся в результате встречных плюралистических изменений в экономической, политической, социальной и идеологической сферах. Конвергенция является необходимым условием решения глобальных проблем мира, экологии, социальной и геополитической справедливости.

ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «МОЛОДЕЖЬ ЭСТОНИИ»

29 августа — 4 сентября 1988 г.

— Одни говорят: «Эпоха Брежнева», другие говорят: «Эпоха Сахарова». Кто прав, Андрей Дмитриевич?

А. Сахаров. Я думаю, все-таки немасштабно давать эпохам имена конкретных людей. Поэтому мне кажется, что ни то, ни другое название не следует употреблять. Для нашей эпохи уже придумано точное название: «эпоха застоя», давайте так и будем ее называть. А как уж каждый человек действует в эту эпоху — отдельный вопрос.

— Если государство — это аппарат насилия, то человеку в такой обстановке может оказаться не слишком уютно. Вы это испытали на самом себе... Так можно ли, с вашей точки зрения, найти пути гармонизации отношений индивидуума и государства, личности и общества?

А. Сахаров. Идеальная гармония всегда останется недостижимой, раз уж она — идеальная по определению. Но чем более демократично государство, тем тща-

---

Интервью дано М. Левину в Дагомысе во время работы 38-й Пагуошской конференции и напечатано 11 октября. В беседе принимала участие Е. Г. Боннэр.

тельнее в нем соблюдаются права человека, чем больше оно является правовым, то есть чем строже и индивидуум, и государство подчиняются Закону (при любом положении этого индивидуума в обществе), тем больше приближение к гармонии. Законы, конечно, тоже должны быть демократичными.

— *Поскольку мы заговорили о гармонии, то, наверное, уместно вспомнить формулу Достоевского: «Красота спасет мир». Что может спасти мир сегодня? И — человека в мире?*

А. Сахаров. В индивидуальном плане, думаю, тут важен некий моральный кодекс, личные качества и свойства, проявляющиеся в действиях людей, их активная нравственность. Что же касается глобальной ситуации, то, я считаю, мир находится под угрозой в силу многих причин. Но все они резко обостряются из-за разделения мира на две конкурирующие (или противоборствующие, что еще хуже, опаснее) системы. Сближение этих общественно-политических систем (капиталистической и социалистической), их конвергенция — вот необходимое условие для устранения опасности, грозящей человечеству.

— *Вы только что упомянули «активную нравственность». Какое содержание вы в это понятие вкладываете?*

А. Сахаров. Активную заботу о тех, кто рядом, и по возможности — активную заботу о тех, кто далеко от тебя. Но первое условие является обязательным.

Е. Боннэр. У Кайсына Кулиева есть такие строчки: «Легко любить все человечество, соседа полюбить сумей-ка!» Это я говорю в продолжение мысли Андрея Дмитриевича...

А. Сахаров. В нашей совместной жизни Елена Георгиевна не раз цитировала мне эти слова, и я теперь считаю, что именно под ее влиянием такая мысль стала мне более близкой, чем прежде, когда я был, скажем так, несколько абстрактен.

— Тем не менее вы, Андрей Дмитриевич, всегда были очень активным деятелем. Будь то наука, общественная практика... Делали вы и атомную и водородную бомбы, это тоже общеизвестный факт. А вы никогда не сожалели, что оказались причастным к этому страшному оружию? Хотя какое оружие бывает нестрашным...

А. Сахаров. Сначала фактическая справка. Я был привлечен к секретной работе в 1948 году — для работы по созданию термоядерного оружия (а не просто над атомным, технически эти две вещи принято различать). Оно было еще более страшным, чем то, которое оказалось примененным над Хиросимой и Нагасаки... Так вот. Мы (а я должен говорить здесь не только от своего имени, потому что в подобных случаях моральные принципы вырабатываются как бы коллективно-психологически) считали, что наша работа абсолютно необходима как способ достижения равновесия в мире. Отсутствие равновесия очень опасно: ту сторону, кото-

рая ощущает себя сильнее, оно может толкнуть на скорейшее использование собственного временного преимущества, а более слабую сторону оно может толкнуть на авантюристические, отчаянные шаги, чтобы использовать время, пока преимущество противника не слишком велико. Так я продолжаю думать и сейчас. В конечном счете работа, которой мы занимались, была оправдана так же, как работа, которую вели наши коллеги на противоположной стороне. Все-таки мы можем сказать, что мир удержался от сползания к гибели, к ужасу Хиросимы и Нагасаки — и удерживается вот уже более сорока лет. Но ведь всегда неправильно для человека сохранять одну и ту же позицию или оценку вне движения, изменения времен. Ты, Люся, как-то приводила слова Томаса Манна...

Е. Боннэр. Он говорил, что не чем иным, как исторической глупостью нельзя назвать упрямое отстаивание человеком какой-то своей точки зрения или доктрины — невзирая на изменения общественных исторических условий.

А. Сахаров. Мне кажется, что в своей жизненной линии я пытался избежать этой «исторической глупости». Слово «историческая» звучит несколько высокопарно, но судьба моя была в каком-то смысле исключительной. Не из ложной скромности, а из желания быть точным замечу, что судьба моя оказалась крупнее, чем моя личность. Я лишь старался быть на уровне собст-

венной судьбы и при этом избегать соблазна вот такой «исторической глупости».

— А вообще в судьбу вы верите?

А. Сахаров. Я почти ни во что не верю — кроме какого-то общего ощущения внутреннего смысла хода событий. И хода событий не только в жизни человечества, но и вообще во вселенском мире. В судьбу как рок я не верю. Я считаю, что будущее непредсказуемо и не определено, оно творится всеми нами — шаг за шагом в нашем бесконечно сложном взаимодействии.

— Если я верно понял, то вы полагаете, что все не «в руце божьей», но «в руце человечьей»?

А. Сахаров. Тут взаимодействие той и другой сил, но свобода выбора остается за человеком. Потому и велика роль личности, которую судьба поставила у каких-то ключевых точек истории. Личная судьба отчасти тоже предопределена, отчасти — нет. Мне, к примеру, несколько раз предлагали участвовать в работах над ядерным оружием...

Е. Боннэр. Добровольно участвовать! Предлагались научная свобода, житейский комфорт, материальные блага...

А. Сахаров. Да, добровольно участвовать... Но всякий раз я отказывался. Однако моя судьба меня догнала... И уж когда меня к этой работе привлекли (а мы, повторю, считали ее важной и нужной), тогда я стал работать не за страх, а за совесть — и очень инициативно. Хотя не могу

скрыть и другой стороны дела: мне было очень интересно. Это не то, что Ферми называл «интересной физикой», тут интерес вызывала грандиозность проблем, возможность показать, на что ты сам способен, — в первую очередь самому себе показать. Так уж устроены ученые. Я хочу добавить, что все это разворачивалось на фоне, определявшемся еще очень свежей памятью о страшной войне, только что завершившейся. Я в той войне не участвовал, и теперь тут была моя война. Как бы война...

Е. Боннэр. Разве работу на оборонном заводе, где ты был во время сражений, следует сбрасывать со счета?

А. Сахаров. Это все же был другой уровень. А теперь я оказался на самой передовой линии. Позднее я даже пошутил, что если уж нас награждать Золотыми Звездами, то — как Героев Советского Союза, а не Героев Социалистического Труда, потому что приходилось брать на себя большую ответственность за технические и за политические решения огромного значения. А для этого требовалась смелость...

— Значит, вы уже тогда сознавали, что политическая значимость ваших исследований, экспериментов, испытаний непреходяща? Что ваша бомба может изменить политический и психологический климат на Земле?

А. Сахаров. Не совсем так. Полнота понимания этого пришла позже, где-то в середине пятидесятых годов, в районе второго термоядерного испытания. Но я хочу еще рассказать о нашей психологической мотивировке.

Она, конечно, менялась и у меня, и у Игоря Евгеньевича Тамма (академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, нобелевский лауреат. — *М. Л.*). Хотя он был гораздо старше, мы были близки. Мы работали тогда в закрытом городе, очень много общались и, кажется, легко понимали друг друга.

— *Как вам там жилось?*

А. Сахаров. С утра шли на работу, за завтраком, обедом и ужином вели беседы на вольные темы, а после рабочего дня я приходил в коттедж Игоря Евгеньевича, и мы вели разговоры по душам. Так у нас с ним продолжалось три года, потом ему разрешили вернуться к науке, и это было правильно, он к этому был наиболее приспособлен. А я остался. Еще очень драматические события в разработке наших изделий ждали впереди. В Москве я бывал нечасто, но всякий раз приходил к Игорю Евгеньевичу, наши отношения оставались близкими. Хотя я с течением времени как-то дальше эволюционировал...

Е. Боннэр. Игорь Евгеньевич был гораздо старше, тут-то эффект возраста и сказался. Ведь он был из поколения «отцов» по отношению к Андрею Дмитриевичу и, как всякий старший, мог эволюционировать до какого-то предела...

А. Сахаров. Верно. Однако он продолжал относиться ко мне с уважением. Я думаю, он просто любил меня.

Е. Боннэр. Знаете, когда Игорь Евгеньевич получил Ломоносовскую премию, он уже был тяжко болен,

не мог двигаться... Но из большого количества своих учеников он именно Андрею поручил представлять его на церемонии вручения...

А. Сахаров. Не потому, что у меня красивый голос, он как раз некрасивый...

Е. Боннэр. И не потому, что у Сахарова были Звезды Героя. Нет, выбор Игоря Евгеньевича был основан на внутренней близости, и это ощущалось.

А. Сахаров. И сейчас ее ощущаю. Ну, вернемся к мотивировке? Я однажды признался Игорю Евгеньевичу, как мне тяжело, мучительно сознавать, каким ужасным все-таки делом мы занимаемся. Он очень чутко воспринял мои слова, хоть они и были для него неожиданными. Ведь нас захватывало ощущение масштабности, грандиозности дела, которым занимались. Я сейчас вспомнил слова Эйхмана о том, в каком он был восторге, узнав, что именно ему, простому выходцу из германской деревни, доведется исполнять такую крупную акцию... Этот ажиотаж и эта гордость за масштаб, видимо, свойственны людям, хотя я и надеюсь, что параллель с Эйхманом очень, очень частичная...

— *И после того разговора с Учителем вы, Андрей Дмитриевич, стали понимать свою работу иначе?*

А. Сахаров. Точнее, стал воспринимать ее многограннее. Само присутствие на испытаниях подводило к этому. Впечатления от них были двоякого рода. С одной стороны, повторю, возникало ощущение колоссаль-

ности дела. С другой, когда все это видишь сам, что-то в тебе меняется. Когда видишь обожженных птиц, бьющихся на обгорелых пространствах степи, когда видишь, как ударная волна сдувает здания, будто карточные домики, чувствуешь запах битого кирпича, ощущаешь расплавленное стекло, то сразу переносишься в мыслях ко временам войны... И сам момент взрыва, ударная волна, которая несется по полю и прижимает ковыльные стебли, а потом подходит к тебе и швыряет на землю... Все это производит уже внеразумное, но очень сильное эмоциональное впечатление. И как же тут не задуматься об ответственности?

— *Прежде я представлял себе весь этот ужас только умозрительно: неприятно же думать, что где-нибудь нажмут кнопку, на твою голову свалится с неба вот такая штука — и все разом кончится... Теперь я вижу это куда предметнее. А там ведь было много людей...*

А. Сахаров. В нашем городе все строительные работы до 1953 года исполнялись руками заключенных. И мы все, конечно, понимали, что творится страшная жестокость, несправедливость по отношению ко многим из них... Мы ими, правда, не командовали, но общались с теми, кто теми людьми командовал. Этот фактор имел значение опять же двоякое, как ни странно. С одной стороны, раз такие жертвы приносятся, то нам следует их оправдать результатами работы. Мы же не могли позабыть о тех, кто трудится на урановых рудниках, о тех, кто на

рассвете под нашими окнами проходит в колоннах в сопровождении овчарок... С другой стороны, нужно было задуматься: а что ты сам делаешь, не участвуешь ли и ты в страшном преступлении? Значит, нужно так мобилизовать себя, чтоб твои занятия не оказались преступными.

— Я вот о чем подумал, Андрей Дмитриевич. Наше государство стало с бомбой сильнее. Но ведь оно стало и жестче по отношению к человеку... Я не хочу сказать, что оно стало беспощаднее, оно никогда особым милосердием не отличалось, но простые люди эту жесткость сразу на себе почувствовали...

А. Сахаров. Эта новая жесткость — не совсем однозначная вещь. Ведь когда некто загнан в угол, находится в безвыходном положении, тогда он наиболее агрессивен и авантюристичен. Так что до известного предела наличие у Советского Союза ядерного оружия приводило не к большей жесткости, а, наоборот, к большей мягкости. Вспомните, СССР после смерти Сталина смягчал свою политику. Это-то и было главным фактором, а стало бы подобное возможным без термоядерного оружия, трудно утверждать. Этот процесс был неоднозначным (вспомним кубинский кризис), но мы же не знаем, как развивались бы события, не будь Советский Союз должным образом вооружен... Я не уверен, что внутренняя и внешняя наша политика оказалась бы в этом плане более мягкой. Я даже больше скажу: я практически убежден, что нет, не оказалась

бы. Хотя мы и лишены возможности проводить такие эксперименты над прошлым: историю дважды проиграть невозможно. Однако важнее думать о будущем, о том, как станет развиваться наше настоящее.

— *Вы имеете в виду перестройку?*

А. Сахаров. Я считаю, что за самые последние годы у нас произошли важные сдвиги, получившие название перестройки. Эти сдвиги были подготовлены предшествующими периодами и, в том числе, позицией тех людей, которые уже тогда утверждали, что дальше так развиваться нельзя, что страна на тупиковом пути в очень многих отношениях. Теперь это уже совершенно ясно всем, кроме крайне правых деятелей, которые все еще, к сожалению, обладают немалой властью в нашей стране. Если говорить о сегодняшнем дне, то я думаю, что воплощение идей перестройки — вот спасение не только Советской страны, но и всего человечества.

— *Однако до этой мысли не так-то просто, как говорится, дозреть. У нас еще не все до нее доросли, и вам лично пришлось дорого за нее платить... Но вы-то смогли не отступиться, а как простому человеку, не академику, не лауреату всех мыслимых и немыслимых премий «не потерять лица»? Ведь он-то остается в таком случае один на один с государственной машиной, с ее отлаженным аппаратом...*

А. Сахаров. Я сначала скажу о себе и о своей жене. Нам-таки досталось довольно сильно, несмотря на

все регалии. Регалии скорее отсрочили то, чему суждено было выпасть на нашу долю, но не отменили. А кроме того, произошло следующее: главный удар, центр давления оказался перемещенным, направленным не столько против меня, сколько против моей жены, косвенно — против ее детей. Это была весьма хитроумная тактика, ставившая меня в очень трудное психологическое положение и необычайно тяжелое для Елены Георгиевны. От нее потребовались совершенно исключительные волевые качества. И, мне кажется, она их проявила, да к тому же сохранила меня тем, чем я должен был быть. Так что нам пришлось очень непросто. Что же касается нормальных людей, «не-академиков», то мы знаем: им действительно достается очень тяжело. В то же время многие все-таки выдерживают, сопротивляемость человека необыкновенно велика. Но само понятие «нормальный человек» — бессодержательно, люди обладают широчайшим диапазоном свойств — от безграничной подлости до безграничного самопожертвования. И мы убедились: даже в самые мрачные эпохи людям удается сохранять свое достоинство. Но это требует от них жертв.

— Вот только хочется, чтобы хоть дальше сохранение достоинства не требовало такой тяжкой дани.

А. Сахаров. Мне сейчас пришла на память фраза из брехтовской пьесы о Галилее. Там ученик замечает: «Несчастна та страна, у которой нет героев». А Галилей

возражает: «Нет! Несчастна та страна, которая нуждается в героях!»

— *А наша страна...*

А. Сахаров. ...Всегда требовала героев. Но, кроме героев, она также требовала людей, которые просто сохраняют свое достоинство, которые умеют отыскать достойную линию поведения — в работе, в помощи кому-то конкретно. Такая позиция все же почти всегда возможна. Конечно, в нашей стране довольно часто возникала и такая ситуация, когда человеку приходилось выбирать: стать героем или подлецом?.. И тем не менее достойные всегда у нас находились. Я и сам не раз в этом убеждался, и Елена Георгиевна о том же рассказывала — уже из своей практики...

Е. Боннэр. Я по профессии педиатр и долго преподавала в медицинском училище. Я знала в Москве одну женщину — инспектора детской комнаты милиции, куда приносили и привозили совсем маленьких, грудных еще детей. То ли их бросали, то ли забывали родители, но малыши были замерзшие, некормленные, а порой — умирающие... Каждому из подобранных младенцев эта женщина готова была отдать все сердце. Казалось бы, можно и очерстветь на такой работе, а вот она не переставала тратить на них душу. Это не герой, просто человек с достоинством работает.

— *Но откуда же, в чем черпать силы, чтобы сохранять достоинство?*

А. Сахаров. В себе.

Е. Боннэр. В себе. Но и семью нельзя сбрасывать со счетов. Все главное, все ценное, что есть в жизни — и в духовной, и в общественной — все берет начало в семье.

А. Сахаров. Отсюда, между прочим, и консервативность нравственного типа общества: оно медленно меняется. Я бы сказал еще острее: оно медленно меняется к лучшему. В плохую сторону можно изменить его очень быстро. И эту направленность на плохое трудно преодолевать. Когда совсем юные наши сограждане нацелены на карьеру, так сказать, любой ценой, то это уже сигнал тревоги. Сирена тревоги! Потому что готовность платить любую цену означает, в сущности, глубокое безразличие, равнодушие к другим людям, — ко всем, кроме себя. Эта тенденция, к сожалению, у нас широко распространена. Изживаться же она способна лишь медленно. А главная опасность в том, что она может вообще не изживаться.

— В таком случае, что является, с вашей точки зрения, наиболее сильным развращающим фактором? Ведь о нравственном разложении в обществе (и общества) мы теперь много и с болью говорим...

А. Сахаров. Самое опасное для молодежи — ложь, общественное лицемерие. Когда лгут все — общественные, молодежные лидеры, родители... Этот фактор действовал у нас долго, и потому можно сказать, что общество в какой-то мере больно: оно отравлено ложью.

Е. Боннэр. Возможно, я не права, но мне кажется, что большинство молодых людей у нас сейчас, внутренне отвергая ложь, отворачивается от общества взрослых. Они отрицают его и в социальном плане, и в семейном... Но это не значит, что такие ребята — плохие. Думаю, если общество преобразуется к лучшему, они тоже изменятся.

— *Эти надежды вы, Елена Георгиевна, можете чем-то обосновать?*

Е. Боннэр. У меня большой опыт работы с подростками. В нашем медучилище большую часть учащихся составляли девочки из малообеспеченных семей, из неполных... И говорить с ними о высоком, о духовных ценностях было поначалу не так-то просто. Но все же... Если попытаться научить их что-то любить, то из этого «что-то люблю» всегда вырастает потом че-ло-век... Мы с ребятами в училище занимались поэзией, музыкой, словом, всем сразу. Причем в основном это были те учащиеся, кого по разным причинам собирались исключать. Они в уборной курили, под лестницей пили, и мы проделали довольно большой путь прежде чем стали лучшим коллективом художественной самодеятельности в медсантрудовской системе Московской области, ездили по стране с большими представлениями, даже ставили «Голого короля» Шварца. Мы научились говорить друг с другом обо всем, и уже не было равнодушных ни друг к другу, ни к тому, что происходит вокруг. Эти отношения сложи-

лись уже на всю жизнь. Но я не боялась вводить их и в свой дом, и в дома наших друзей... Коротко говоря, всегда важно, чтобы нашелся хоть один взрослый, который отыскал бы то светлое в ребенке, за что можно зацепиться. Не важно, что конкретно это будет, — страсть к року или к абстрактному искусству. И так же не важно, любишь ли ты сам рок-музыку или предпочитаешь «Франческу да Римини»... У нас же достаточно неравнодушных людей, которые могут понять молодежь.

— *Так сегодняшние молодые не отпугивают вас?*

А. Сахаров. Сегодняшние молодые — нет. На меня нагоняет ужас то поколение, которое им предшествует, поколение 30-летних. Эти видели, но не отвергали ложь, принимали фальшь... Чрезвычайно важно, чтобы лицемерие у нас больше не восторжествовало. Это было бы катастрофой, психологической трагедией, из которой выйти будет безумно трудно... А сейчас много людей обнаружилось, которым честность дорога.

Е. Боннэр. Мы с Андреем Дмитриевичем несколько раз бывали на митингах или собраниях на Пушкинской площади в Москве. Там все делала молодежь и вокруг тоже была молодежь. С длинными волосами, в невообразимых майках...

А. Сахаров. У кого-то из юношей я даже серьги в ушах заметил... Но ведь это все — мишура...

Е. Боннэр. Там были светлые ребята! Помните, у Друниной есть стихи: «Мы тоже пижонками слыли

когда-то, а время пришло — уходили в солдаты»? Эти ребята, по-моему, вполне готовы идти в солдаты перестройки, новой жизни. Как и юные из ленинградского общества милосердия, как эстонские «зеленые»...

А. Сахаров. От этого возникает ощущение надежды, тем более необходимой, что есть в обществе и другое ощущение — неустойчивости. Реально-то пока мало что изменилось. Это значит, что старый аппарат, долгие десятилетия обладавший властью, срывает перемены, он свою власть не отдает. И более того: он пытается идти, переходит в контратаку. Разве не контратака — такой неразумный налог на выручку кооператоров, буквально выбивающий у них почву из-под ног? Частично это пересмотрено, но лишь частично... Госзаказ душит государственное предприятие — тоже форма контратаки... Меня очень пугает, что на партконференции было слишком много людей, настроенных против гласности, она им не по нутру — это тоже вполне реакционно. Вот почему не проходит ощущение шаткости наметившихся перемен, не исчезают опасения, что произойдут такие компромиссы, которые окажутся губительными для перестройки. В этом смысле и Карабахская драма — не исключение. Там решения областного Совета оказались невесомыми. И последовавшее обсуждение этого вопроса на заседании Президиума Верховного Совета СССР вызвало у меня глубокое разочарование.

— Видимо, здесь мог бы помочь реализованный на практике принцип федерализма?

А. Сахаров. Только федерализм! Подлинный союз республик, больших и малых, но — равноправных. Тогда лишь за фасадом громких слов о дружбе народов будет реальное наполнение, реальное и демократическое. Что же касается решения проблемы Карабаха, то давайте вспомним известное положение марксизма, гласящее, что народ, удерживающий в подчинении другой народ, и сам не может оставаться свободным. Сейчас мы видим два потенциально передовых отряда перестройки — Армению и Эстонию, и то, что в Эстонии происходит, я думаю, в интересах всей страны, а не только одной этой республики. Хотя здесь тоже нужна строгая взвешенность, обдуманность...

— Наверное, авторитет Сахарова — весомый аргумент за такой подход. Однако простите за следующий вопрос, если он покажется бестактным. Ведь «академик Сахаров» — это уже не только человек, но — в нашем общественном сознании — это уже и понятие. Как вы сами ощущаете? Легко ли вам быть «АКАДЕМИКОМ САХАРОВЫМ»?

А. Сахаров. Легко ли мне быть понятием? Конечно, это внутренне ложное положение. Пастернак говорил: «Быть знаменитым некрасиво», — и был прав, это действительно очень некрасиво. Я стараюсь всячески гнать от себя ту психологическую отраву, которая

с этим связана. Не знаю, удается ли мне это. Частично, вероятно, удается, какие-то иммунитеты у меня есть.

— *Ваша слава — и «проклятия», изрыгавшиеся рупорами недавнего официоза: как вы переносили и то, и другое?*

А. Сахаров. «Проклятия» больше всего падали на мою жену. На ее долю выпала чудовищная масса грязи и лжи...

Е. Боннэр. Что ж, это дало мне новую возможность гордиться моим мужем: он сумел дать пощечину обидчику. (Этому почти забытому в наши нерыцарские времена жесту предшествовали потоки гнусных инсинуаций в адрес Елены Георгиевны. Когда же один из авторов мерзких небылиц, обнаглев, заявился в квартиру, где жили оскорбленные им люди, Андрей Дмитриевич потребовал извинений перед Е. Г. Боннэр. Незваный гость удивился, дескать, нужно ли из-за прошлых «пустяков» извиняться, — и тут муж влепил ему пощечину. — *М. Л.*)

А. Сахаров. Я тоже очень горжусь той пощечиной. Хотя наш близкий человек ее и не одобрил, полагая, что надо было действовать словом. Но слово, я уверен, там было бесполезно.

— *Достоинство нуждается в защите, но как же трудно порой его защищать... Вот у Пушкина есть горькие слова: «Черт догадал меня родиться в России с душою и талантом!» А вам, Андрей Дмитриевич, эта*

мысль сегодня кажется небеспочвенной? Если спроецировать ее на вашу собственную судьбу...

А. Сахаров. Я как-то не могу себе представить такого мысленного эксперимента, как мое рождение в другой стране и в другое время. Когда я читаю «Машину времени», то испытываю чувство острой жалости к человеку, попавшему в чуждый ему мир и чуждое время. Это уже не жизнь... И то же касается переезда в другую страну — это тоже как бы переход в чуждое время, вперед или назад — в зависимости от того, в какую страну попал, в США или в Эфиопию...

— Значит, хотя вам неоднократно предлагали (если верить «голосам»), вы никогда не колебались с ответом?

А. Сахаров. Мне никогда не предлагали, хотя «голоса» и говорили об этом. Реально такой вопрос никогда передо мной не стоял.

Е. Боннэр. Андрей Дмитриевич сам-то никогда в жизни не был за границей, и не знаю, пустят ли его когда-нибудь посмотреть на белый свет. Но я могу дополнить ответ Андрея Дмитриевича, как бы взглянув со стороны (если жена может взглянуть на мужа со стороны): он очень космополитичен — в хорошем, самом высоком смысле слова.

А. Сахаров. Пушкин тоже был космополитичен. Но я думаю, что эти его горькие слова не надо переоценивать: он не мыслил себя вне России, причем вне Рос-

сии того времени, того языка, который он сам и формировал. Возвращаясь к вашему вопросу, я думаю, что Пушкин написал ту свою фразу эмоционально, в основном-то он чувствовал себя на своем месте, на своем историческом месте, оно для него было органичным. И относительно себя я, пожалуй, могу сказать то же самое. Понятно, я не сравниваю себя с Александром Сергеевичем, это было бы неприлично, но в чем-то аналогия есть. Где родился, там и сгодился.

— *У Эренбурга сказано об этом жестче: «Родину, как мать, не выбирают и от нее не отказываются, как от неудобной квартиры». Вы с этим согласны?*

А. Сахаров. В таких вещах все имеет много граней. И Пушкин, когда думал: «Черт догадал...», тоже был вполне искренен. Но я сейчас вспомнил фразу, которую прочел у югославского публициста Михайлова: «Родина — не географическое понятие. Родина — это свобода». Я это узнал во время нашей голодовки за выезд невестки, а позднее написал ей в прощальной телеграмме, когда она вынужденно уезжала... Мысль «где родился, там и сгодился» — правильная, но она немножко квасная, ее не надо абсолютизировать. Как и ту грань, которая так резко выражена у Михайлова. И то и другое верно. Тут не нужно быть догматиком: обе стороны могут быть морально оправданны.

Е. Боннэр. Сейчас много спорят о миграциях. Но ведь все уже сказано во «Всеобщей декларации...»

и в «Пактах о правах», где утверждается свобода выбора страны и места проживания...

А. Сахаров. Там это право стоит на одном уровне с правом на свободу убеждений — как одно из важнейших и неотъемлемых прав человека. Без этого как чувствовать себя свободным?

ИНТЕРВЬЮ ЛЕОНИДУ РЫЖКОВУ

29 августа — 4 сентября 1988 г.

— Андрей Дмитриевич, Пагуош выглядит симбиозом науки и политики — наверное, это закономерно, особенно в наш взрывоопасный ядерный век. Хотелось бы услышать вашу точку зрения на вопрос — какое реальное влияние оказывает наука на политику? Не кажется ли вам, что в прежние времена ученые мудрецы были в глазах политиков куда более авторитетной силой, чем сегодня?

А. Сахаров. Я не знаю, каково сегодня влияние ученых и других общественно активных деятелей на ход политических событий. Сейчас политическая система во всем мире стала многоступенчатой, и потому вообще трудно понять, каков механизм принятия политических решений.

Хотя сам я достаточно далек от высших слоев власти, тем не менее мне представляется, что сейчас происхо-

---

Интервью дано в Дагомысе во время работы 38-й Пагуошской конференции. Вопросы также задавал Сергей Золовкин.

Впервые полностью интервью опубликовано только после смерти А. Д. Сахарова в декабре 1990 г. («Сочи», № 12).

дят определенные сдвиги в общественном сознании, которые захватывают также и правящую элиту. Речь идет и о нашей стране, и о других странах.

Возможно, в прежние времена, скажем, в средние века либо на грани эпохи Возрождения, влияние ученых на политиков было более непосредственным. Очевидно, и политические программы были в ту пору более простыми, более ясными. Правитель мог соглашаться или не соглашаться с ученым — и в случае несогласия мог приказать отрубить голову мудрецу, такое тоже происходило довольно часто... Сейчас головы мудрецам не рубят. Вместе с тем многоступенчатость аппарата власти, обилие различного рода советников усиливает бюрократизм и делает всю систему весьма консервативной.

— *Кажется, что все-таки Пагуош более чем любое другое современное движение ученых показывает степень участия науки в сохранении общечеловеческих ценностей. Как в этом плане вы расцениваете работу Пагуошской конференции?*

А. Сахаров. Я впервые участвую в Пагуоше. В прежние годы, когда зарубежные ученые поднимали вопрос о моем участии, советские представители отвечали решительными возражениями, вплоть до того, что угрожали в случае обсуждения этого вопроса навсегда уйти из Пагуоша. Сейчас ситуация изменилась. У меня даже сложилось впечатление, что я используюсь в роли

некоей «приманки» для зарубежных ученых, которые не во всем разделяют политические позиции нашей страны, а таких людей в Пагуошском движении достаточно много.

Честно говоря, я надеялся на большую результативность, большую конкретность работы Пагуоша. Но мне объясняли, что истинная задача Пагуоша — это контакты, дискуссии, обсуждения, а что касается конкретных вещей, то они требуют более квалифицированного и специализированного анализа и принятия решений на основании фундаментальных исследований. В значительной мере так оно, наверное, и есть на самом деле. Свидетельство тому — недостаточная квалифицированность целого ряда выступлений на этой сессии. Ну, а что на Пагуоше можно дискутировать и свободно высказывать различные мнения, исходящие от людей разных позиций, то это тоже, безусловно, правильно. Возможно, спектр различия мнений мог быть еще более широк — ведь сам факт участия в Пагуоше уже является показателем определенного отбора, в результате которого люди, занимающие другую позицию, просто-напросто не попадают в эту обойму. Сейчас, правда, ситуация начинает меняться, и это очень важно. Я, в частности, с большим удовлетворением выслушал на этой конференции выступление американского профессора Доути, который в ряде отношений ставил проблемы в иной плоскости, чем их ставили традиционные

участники Пагуоша. Мне показалось, что его постановки очень рациональны. Они так же, как и традиционные, проникнуты заботой о сохранении мира и предотвращении тех ужасных опасностей, которые угрожают сегодня человечеству.

— *Насколько известно, вы тоже выступали на конференции. О чем вы говорили, если не секрет?*

А. Сахаров. И в основном, и в ряде дополнительных выступлений я попытался сформулировать конкретные мысли по нескольким вопросам.

Одна мысль, которая кажется мне очень важной, которую я все время пропагандирую, связана с насущной необходимостью заключения соглашения о пятидесятипроцентном сокращении стратегических ядерных вооружений. Я считаю, что 50 процентов — это не просто полдороги к полному сокращению, а это именно та часть, которая является наиболее важной, поскольку она создает качественно новую ситуацию. Я думаю, что возникающие здесь проблемы контроля должны быть исключены. А вызывающие наибольшую озабоченность проблемы контроля крылатых ракет — для выяснения, имеют ли они ядерный либо обычный заряд — могут быть разрешены только с помощью контрольных групп непосредственно на местах. Этот тезис обращен в основном к представителям западных стран, поскольку большинство крылатых ракет, по-видимому, до сих пор располагается на Западе.

— Ваш тезис был включен в официальные документы?

А. Сахаров. Нет, он не был включен, как я понимаю, из-за какой-то политической неопределенности, что кажется мне неправильным.

Далее я выступил с предложением широкого принципиального характера, относящимся к советской стороне, — об одностороннем сокращении срока армейской службы в СССР приблизительно вдвое.

Суть дела в том, что СССР имеет самую большую в мире сухопутную армию, значительно превосходящую армии всех других держав, а если говорить о Европе, то всех европейских стран вместе взятых... Конечно, СССР не чисто европейская держава, поэтому такое математическое сравнение здесь не совсем правомерно, но, тем не менее, сложившаяся ситуация выглядит именно таким образом.

Мне представляется, что в настоящее время Советскому Союзу никакой Гитлер не угрожает. Я убежден, что та величайшая трагедия, которая произошла с нами, со всем человечеством в результате прихода к власти Гитлера и развязывания Второй мировой войны, это во многом результат целой сети ошибок и преступлений сталинизма. Не буду сейчас подробно анализировать события той поры, скажу лишь, что они вызвали страх к СССР со стороны Запада, сделали невозможным реальное сотрудничество западных стран с Совет-

ским Союзом, а до этого привели еще и к поражению социал-демократии в Германии. Вся совокупность этих печальных явлений привела к войне.

Сейчас, повторяю, такой ситуации нет. Я считаю, что реально нет ни одного государства, которое бы угрожало СССР нападением. Правда, некоторые до сих пор говорят о китайской угрозе, но такой угрозы реально просто не существует. С Китаем вполне можно договориться по всем пунктам, которые он выдвигает как причины разногласий. И Китай никогда не пойдет на СССР большой войной. Даже при двукратном сокращении советских вооруженных сил это абсолютно исключено.

Возвращаясь к вопросу о сокращении срока службы в Советской Армии, хочу особо подчеркнуть, что такой шаг имел бы колоссальное международное значение. Это создало бы предпосылки для решения проблемы сокращения обычных вооружений в Европе и во всем мире. Создало бы также предпосылки для плодотворного разговора о глубоких ядерных сокращениях. Помимо того, это имело бы очень большое социальное значение внутри СССР, для нашей внутренней политики, внутренней социальной ситуации по отношению к нашей молодежи, к использованию трудовых ресурсов в стране, к оздоровлению обстановки в армии, ликвидации таких негативных явлений, как дедовщина и тому подобное.

На Пагуоше у меня возник и ряд конкретных предложений, которые связаны с серьезнейшими проблемами экологии. Инициатива одного из них принадлежит моей жене. Оно касается проблемы гибели тропических лесов. Леса — легкие планеты — в результате варварской рубки исчезают буквально на глазах. Здесь много причин — демографических, социальных, экономических. Предложение же заключается в том, что необходимо за счет отчислений от национального дохода в определенном процентном отношении создать специальный фонд для поощрения тех стран, в которых не производится рубка леса, а, напротив, проводятся лесовосстановительные работы. Это предложение могло бы явиться моделью для управления и международного контроля и другими экологическими проблемами.

Следующее предложение связано с настоятельной необходимостью исследовать степень угрозы для человеческого генофонда и других организмов нарастающей химизации нашей жизни. Химизация происходит по огромному числу направлений. В основном, это интенсификация сельскохозяйственного производства. Мы знаем, что происходит, например, в Узбекистане, в других хлопкосеющих и рисосеющих районах. Помимо того во всем мире есть и масса других каналов химизации. А вот к чему это приводит, а тем более приведет, скажем, через полвека, мы совершенно не знаем. Нужна ясность и нужна единая мировая поли-

тика в этой области, если уже сегодня есть все основания бить тревогу.

И последнее предложение. Оно касается запрета на наземное строительство ядерных реакторов. Убежден, что на поверхности земли ядерные реакторы строить нельзя. Надо ли их строить под землей — этот вопрос следует решать отдельно, в зависимости от экономических, социальных и прочих факторов... Я лично считаю, что человечество не может обойтись без ядерной энергетики. Мне кажется, что этого же мнения придерживаются и все серьезные специалисты-энергетики, которые занимаются этим вопросом. Но должна быть обеспечена абсолютная безопасность. Единственным кардинальным способом решения проблемы является подземное расположение реакторов на такой глубине, чтобы даже при максимальной аварии радиоактивность не выходила на поверхность. Технически это возможно сделать. Экономически тоже возможно: по имеющимся оценкам, подземное строительство увеличит стоимость примерно на 20 процентов.

По моему глубокому убеждению, наземные реакторы не являются технически полностью безопасными. Это подтверждают и все специалисты. Слово «полностью» они не произносят. Есть тут и другие соображения, которые нельзя не учитывать. Это возможность террористических актов, а также возможность разрушения реакторов в обычной неядерной войне. То есть при наличии реакторов, расположенных на поверхно-

сти, каждая страна оказывается в состоянии атомного заложничества, что совершенно недопустимо.

Вот такими были мои предложения. Они не вошли в документы конференции, о чем я очень сожалею. Тем не менее я буду продолжать их всячески пропагандировать, поскольку считаю принципиально важными для упрочения безопасности жизни человечества.

— *Андрей Дмитриевич, наступит ли, на ваш взгляд, в обозримом будущем ситуация в мире, когда политики станут прислушиваться к мнению ученых в большей мере, чем это делается сегодня?*

А. Сахаров. Думаю, то, что уже сейчас происходит, в какой-то мере является результатом отрадных перемен, свидетельствующих, что политики действительно начали прислушиваться. Причем не только к выводам ученых, но и ко всему общественному мнению.

В этих вещах ученые выступают не только как профессионалы. То есть я хочу сказать, что не только профессионалы должны иметь здесь право голоса.

Я, к примеру, считаю себя в какой-то мере профессионалом, хотя и с просроченным двадцатилетним стажем. Ведь я перестал иметь допуск ко всем этим вещам в 68-м году. Однако и того, что я знаю по опыту прошлых лет, вполне достаточно, чтобы внутренне быть... как бы это поточнее сказать... очень мобилизованным, что ли. Словом, это то состояние, в котором не дай бог кому-нибудь находиться...

— Позвольте еще несколько вопросов, не связанных с тематикой Пагуоша.

А. Сахаров. Пожалуйста.

— Как вы оцениваете взаимоотношения «отцов и детей», сложившиеся на сегодня у нас в стране?

А. Сахаров. Нынешнее поколение, поколение эпохи застоя сильно деморализовано своим пассивным участием в делах эпохи. Оно скомпрометировало себя ложью в глазах молодежи. Ведь молодежь больше всего страдала и страдает от лжи. И как мне кажется, молодежь стремится освободиться от пут, связавших по рукам и ногам потерянное, искалеченное поколение. Она делает это различными формами и методами, иногда такими, которые кажутся старшему поколению слишком экстравагантными. Но думаю, что это все внутренне оправданно и все имеет глубокую психологическую подоплеку. Я надеюсь, что молодежь будет решительно освобождаться не только от груза лжи, недоговоренности, но и станет активно действовать. Мы уже имеем немало примеров активных действий молодежи, ее общественных самодеятельных начинаний, которые для людей старшего поколения явились полной неожиданностью.

— Вместе с тем, согласитесь, многие молодые люди заражены сегодня скепсисом, апатией, неверием во что-либо светлое в обозримом будущем.

А. Сахаров. Я знаю об этом, знаю... Это имеет под собой очень серьезные основания, и вовсе не случайно...

Что можно сказать по этому поводу? Каждый сам выбирает в жизни свою позицию. Нельзя никого толкать в спину, да и просто призывать тоже не нужно. Лично у меня внутреннюю симпатию вызывает все же активная позиция. Позиция, основанная на историческом оптимизме. Конечно, с такой позицией можно попасть и впросак. Но лучше уж, думаю, попасть впросак с такой позицией, чем обретаться в бездействии.

— *Считаете ли вы реальностью возникновение в нашей стране каких-то сил, в лице, скажем, объединенного содружества видных писателей, ученых, общественных деятелей, которые противостояли бы функционерам и партийным догматикам?*

А. Сахаров. Это трудный вопрос... Дело в том, что и писательская, и общественная деятельность тоже расколота и тоже подвержена апатии. Да кроме того, эти люди не имеют рычагов власти. Власть на сегодня находится в вполне определенных руках, и эта власть не отдается сама собой... Идет, конечно, процесс эрозии, но он тоже носит неоднозначный характер. Наличествуют процессы консолидации реакционных сил, и что произойдет в результате этого — мне сегодня сказать очень трудно... Я боюсь, что могут быть опасные компромиссы с реакционными силами. Меня очень волнуют какие-то настроения, которые чувствуются в последние несколько месяцев. Откровенно говоря, мне не понравилась обстановка на Девятнадца-

той партконференции. Не понравилось и то, как проходило заседание Президиума по Карабаху. Не решен этот вопрос кардинально, и я абсолютно убежден, что армяне Карабаха никогда не примирятся с тем, чтобы остаться в составе Азербайджана после многолетней драмы их существования в этих рамках, после страшных преступлений геноцида в Сумгаите и практического состояния гражданской войны. То, что этот вопрос до сей поры не решен, по-моему, неправильно. Потому что если бы он был решен, то перестройка получила бы передовой отряд в лице Армении — целую республику, которая бы шла впереди, в первых рядах перестроечного движения. Но шла бы она, конечно, на очень широкой народной основе. Кому-то это, видимо, показалось страшным и опасным. На самом же деле это тот путь, к которому призывал Горбачев. Он призывал также к усилению роли Советов, что на деле пока тоже не реализовано...

— Андрей Дмитриевич, я чувствую, что время для нашего интервью давным-давно закончилось. В заключение хочется сказать только одно: пусть вам не покажется это какой-то сентиментальностью, но вы должны знать, что для всей честной России вы — совесть России, вы — гордость России, и спасибо вам великое за то, что вы есть, что вы живете на этой многострадальной земле.

А. Сахаров. Спасибо и вам на добром слове.

ИНТЕРВЬЮ БОЛГАРСКОЙ ЖУРНАЛИСТКЕ ЖАННЕ АВИСАЙ

19 и 29 сентября 1988 г.

Первое интервью

— Ваши друзья?

А. Сахаров. Вы знаете, тут сложно. У меня, в общем-то, не все хорошо было в этой области, потому что я был очень замкнутым. В детстве, конечно, были друзья, мальчик, с которым вместе я учился, — я первые несколько лет учился дома, а не в школе, родители меня отдали в такую группу... ну, в домашнюю группу.

— Это в каком городе было?

А. Сахаров. В Москве, я родился в Москве, мой отец — преподаватель физики, и жили мы в Москве, в старом доме. Квартира раньше принадлежала родителям отца, то есть не принадлежала, а снимали они ее, а потом она стала коммунальной, но... много комнат разным семьям сахаровским принадлежало. И вот в одной комнате среднего размера и одной очень маленькой жила наша семья.

В России опубликовано в 1991 г. («Звезда», № 5).

В беседе принимала участие Е. Г. Боннэр.

— Вы были единственным ребенком?

А. Сахаров. Нет, у моих родителей двое детей, два сына, — второй младше меня на четыре с половиной года, он сейчас жив. И меня родители отдали в группу, товарищем у меня был очень хороший мальчик, Олег Кудрявцев, он потом стал историком, он в детстве очень увлекался историей и как-то меня в гуманитарный мир ввел, в дополнение к миру физики и математики, который был более близок моему отцу. Большую роль в моей жизни играла бабушка — она была совершенно удивительной женщиной, у нее шестеро детей было, она такую огромную семью вела, после смерти мужа была центром семьи, но она и при жизни мужа была центром семьи на самом деле. Очень светлая, замечательная женщина... Семья была — трудовая русская интеллигенция, с очень четкой ориентацией на труд, на профессиональное высокое качество, на то, чтобы быть предельно честным, очень высоко ценить семью, свою родню, помогать друг другу. Один из моих дядей был очень активен политически, ну, не очень, а относительно; его одноклассники уговорили идти на юридический факультет, хотя на самом деле он очень был склонен к инженерным делам. У него судьба дальше была такая: один из его товарищей сбежал за границу, и он ему в этом помог (или же только не сообщил об этом) и был арестован в конце 20-х годов; через два года был освобожден, но уже на прежнюю работу не вернулся; стал чертежником. Жена

его стала машинисткой, они жили в одной комнате в этой же квартире. Так что первый арест в этой квартире был в конце 20-х годов или в 30-м году. Потом его второй раз арестовали, и он был в ссылке, на Волге, работал на станции, измеряющей расход воды, и бакенщиком.

— Вы были привязаны к нему?

А. Сахаров. Я его очень любил, он был совершенно замечательный человек, очень талантливый, бесконечно честный, романтичный, образец человеческой природы. Это мой любимый дядя. Умер он таким образом: его потом арестовали во время войны еще один раз, и он умер в Красноярской тюрьме — от голода, по-видимому, умер. А жена его, любимая папина невестка, умерла уже в 74-м году.

— И вы еще тогда осознали жестокость, несправедливость...

А. Сахаров. Ну конечно, но это и кругом было, масса других случаев известна, и со стороны маминой семьи тоже были аресты, репрессии — все было. Там даже больше этого было: один из дядей погиб во время следствия, мы это знали; мамина сестра была арестована... а вот брат погиб. Много было...

— А как шла жизнь в вашей семье, в вашем доме? Какие традиции?

А. Сахаров. Традиции были такие, что папа все время работал. Он, кроме того, что был преподаватель, вел физпрактикум в Педагогическом институте, он все

время писал. Он был автор замечательных книг: и научно-популярных по физике, и задачника, и учебника. Потом этот учебник, уже после его смерти, я вместе с одним из его друзей подготовил к новому изданию — это было уже в 62-м году. А еще через десять лет мы с ним же, с этим же человеком — его зовут Михаил Иванович Блудов, — подготовили новое издание, но оно уже не было принято к публикации, потому что в это время началась кампания против меня — в 73-м году. Традиции были — работа, работа папина. Мама не работала, — она раньше очень недолго работала, в молодости, а потом перестала. Папа все-таки по тем временам довольно много зарабатывал, но уже купить радиоприемник, например, мы не могли, или мотоцикл.

— *Не могли?*

А. Сахаров. Нет, не могли, на это уже денег не хватало, но семья выезжала каждый год на дачу, это было очень радостно и хорошо.

Видел я — слышал, конечно, а не видел, о голодающих, которые с Украины и из Центральной Черноземной области пробивались в Москву; мальчишки, забивавшиеся в ящики для инструментов. Одного из таких мальчиков моя тетя, Татьяна Юрьевна, — с отцовской стороны, — подобрала, усыновила, у нее своих детей не было, потому что ее муж был душевнобольной; и она его воспитала, теперь он уже дедушка, этот мальчик, которого совершенно больного и умирающего она нашла где-то возле Кур-

ского вокзала, — тогда на улицах просто, в окрестностях вокзала, люди умирали, и по утрам собирали трупы.

— *Это вы видели сами?*

А. Сахаров. Я не видел, но я знаю об этом. И вот одним из этих мальчиков был Егор, потом у него нашлись родители, они остались живы, но он был практически все-таки одновременно и сыном моей тети. Он стал прекрасным электриком, механиком... Теперь очень старый человек.

— *Ваши родители были строги, наказывали вас?*

А. Сахаров. Меня просто совсем не приходилось наказывать, я так не хотел их огорчить, чтобы они резко со мной не говорили, что как-то... я был ужасно... не то чтобы послушным, но очень старательным мальчиком. Но вот приятелей у меня было мало, отчасти из-за того, что первые годы обучения были не в школе. В 5-й класс меня отдали...

— *Сразу в 5-й класс?*

А. Сахаров. Да, сразу в 5-й класс — первые четыре года я с Олегом и своей сестрой домашним образом учился. Вся наша семья очень любила художественную литературу, и моя бабушка читала нам всем книги с детства — мне и моей двоюродной сестре, которая жила в этой же квартире, она была старше меня на два месяца, — читала всю ту литературу, которую надо, наверное, читать юношеству, детям вернее. Я очень хорошо все это помню.

— А что за школа была?

А. Сахаров. Школа? Нормальная школа, хорошая школа. Сначала меня отдали в одну школу, в 5-й класс, но мои родители считали, что я по своей подготовке, да и по возрасту могу быть уже на класс старше, поэтому меня на второе полугодие взяли домой, и я полгода занимался с учителями за 6-й класс. И вот за полгода, очень интенсивно и на самом деле с очень большой пользой для меня, учителя меня выучили, и я сдал экзамен за 6-й класс и начал уже в следующем году учиться в 7-м классе.

— И сколько вам лет было в 7-м классе?

А. Сахаров. Это был 34-й год, мне было 13 лет. Папа со мной занимался физикой и математикой, по остальным предметам — учителя, некоторые из них стали большими друзьями нашей семьи. Ну вот одна из учительниц... такая одинокая, несчастная женщина, нет, не несчастная, а одинокая женщина была...

— Ну, одинокая и счастливая — вряд ли...

А. Сахаров. Не знаю, у нее была какая-то душевная жизнь, душевные стремления, так что несчастной ее тоже нельзя назвать, несчастные — это вообще люди без стержня в жизни, без какого-то духовного смысла. Она пыталась бежать из Советского Союза, мы об этом узнали, потому что она прислала откуда-то нам письмо. Она была схвачена на границе и осуждена на 10 лет без права переписки... Письмо было, видимо, выброшено из окна эшелона — такой треугольничек без марки, и боль-

ше от нее никаких сведений не было. Вот судьба моей первой учительницы.

— Так что и с этим столкнулись?

А. Сахаров. И с этим столкнулся. Она хотела бежать по религиозным причинам, она была очень верующая.

А с Олегом я потом как-то связь потерял, а в 55-м году он умер от рака пищевода. Уже после войны мы с ним общались, но не очень часто, редко, к сожалению, — это моя вина, я не очень поддерживал связь с человеком, который должен был быть моим другом на всю жизнь. Несколько дней тому назад мне позвонила женщина, его жена, — он был женат, поздно женился и рано умер. Ну, конечно, были друзья дома, во дворе. В то время в жизни всех детей огромную роль играло общение двора...

— А в каком краю вы в Москве жили?

А. Сахаров. В центре, в районе... знаете такую Спиридоньевскую улицу, которая теперь улица Алексея Толстого, и рядом переулок Щусева...

— Да, там Дом архитектора...

А. Сахаров. Там Дом Союза архитекторов, и там вот дом, в котором жили мои родители и я. Во время войны этот дом был разрушен немецкой авиацией, и мои родители были переселены на соседнюю улицу — улицу Алексея Толстого. Вот этот район — это самый центральный район, очень хороший, тихий довольно...

—И одновременно в центре...

А. Сахаров. Тихий, в центре, очень мало движения, в детстве можно было подбегать к окну на каждую проходящую мимо автомашину.

— *Я хотела спросить: вы имели возможность шалить, играть вообще?..*

А. Сахаров. Ну конечно.

— *Обычное детство было?*

А. Сахаров. Детство в этом отношении было обычное, хотя я не был очень шаловливым.

— *И какие у вас увлечения детские были? Игры какие-нибудь...*

А. Сахаров. Ну, игры, игры двора. У нас тогда были игры, в которые сейчас уже мало кто играет, — другие игры. Коллективные игры, с делением на две группы, — это была общая схема почти всех игр, в которые мы тогда играли: казаки-разбойники, флаги, лапта — вот такого типа игры были наиболее популярны тогда. Вообще двор играл огромную роль — это был такой мир... который был важнее, чем школа, в смысле детского социального общения... Там был у меня мальчик, началось, конечно, с того, что в первый день мы с ним подрались. Вообще я очень мало дрался... Вообще не дрался практически...

— *Это почему?*

А. Сахаров. Да так, не получалось, вроде меня никто никогда не задирал, я был, видимо, довольно покладистый мальчик, ко мне всегда хорошо относились, както никто меня никогда...

— Ну, наверное, они видели ваши способности?

А. Сахаров. Ну, даже не поэтому, тут способности большой роли не играют, тут играют роль какие-то психологические особенности, я думаю. Способности у меня, конечно, были, но я был все-таки не первым учеником, а, скажем, вторым, третьим. Я сидел вместе на одной парте... сменялись, конечно, мои соседи по парте, но один из них был — сейчас стал известным кинорежиссером...

— Кто это?

А. Сахаров. Михаил Швейцер. Он, например, поставил не так давно серию фильмов по «Маленьким трагедиям» Пушкина.

— А вы с ним дружили или просто...

А. Сахаров. После школы — нет, в школе дружили, но не очень, у меня другие друзья были, с этим мальчиком как раз не очень.

— А тогда ваши литературные пристрастия уже определились?

А. Сахаров. Я очень много читал, русскую литературу классическую — это больше всего от моих родителей, всю русскую классическую литературу, всю ее я любил, от Пушкина до Чехова, вот в этом интервале, — почти всего Пушкина наизусть знал, Некрасова очень любил. Поколение моего отца Блока очень высоко ценило, я тоже его, конечно, любил, но для меня XIX век был ближе, чем XX. А совсем современную поэзию я не знал: Ахматову не знал, Пастернака не знал, — вот

как-то из мира моей семьи эти люди, эти поэты выпадали, и я их уже как следует узнал тогда, когда стал мужем второй моей жены. Я учился на физфаке, потом, когда возникла угроза Москве, то нас эвакуировали в Ашхабад. Сам переезд был очень большой школой жизни психологически, и жизнь в Ашхабаде... это было трудное время, психологически трудное — и одиноко, и ничего я не знал о своих родных, и все не знали. Товарищ у меня был, еврейский мальчик, у него родители из западных областей, он ничего о них не знал, я думаю, что они погибли. Другой еврейский мальчик был у меня приятель со двора — он погиб во время войны...

— *На фронте?*

А. Сахаров. На фронте, да, на фронте. Вообще вот мы нашли фотографию нашего двора, так там больше половины мальчиков погибло, которые сняты на этой фотографии, — почти все погибли.

— *А люди вам какими показались в Ашхабаде во время войны?..*

А. Сахаров. Они не очень дружелюбно относились к нам, речь идет, между прочим, о русском населении Ашхабада — туркмены вообще очень замкнуты, и мы с ними почти не контактировали, очень мало. Прямого контакта не было, так что как они относились, мы не знали. Я думаю, что не очень хорошо относились, но для них все русские, и приезжие, и неприезжие, — все это было чужое. Ну, кое с кем из туркмен я потом об-

щался, прекрасные люди... это были высококультурные туркмены, желающие как-то поднять свой народ, — в каждом народе есть такие подвижники.

— *Учеба там шла напряженная?*

А. Сахаров. Всю зиму 41—42-го года там провели, прибыли туда в декабре, как раз в дни, когда началось наступление под Москвой. Все было внутренне напряжено, война была в такой трагической стадии, возникла надежда... я, собственно, с самого начала никогда не сомневался, что война кончится победой. Война очень большой патриотизм вызвала в стране, реальный, настоящий... и ощущение, что война кончится победой, по-моему, было у всех. Ну, теперь мы понимаем, что война вызвана... началась в основном из-за того, что наше общество представляло, — оно как бы вызвало огонь на себя, помогло приходу к власти фашизма, за счет того, что противопоставило коммунистам социал-демократию и не поддерживало ее... Кроме того, репрессии в нашей стране, голод... Это вызвало такой ужас во всем мире, раскололо антифашистскую коалицию.

— *А о размерах репрессий вы тогда отдавали себе отчет, что они такие огромные?*

А. Сахаров. Мы знали, мы понимали, что они большие, но размеры репрессий даже в 68-м году, когда я писал «Размышления о прогрессе», я еще не вполне представлял себе. Только вот уже в 70-е годы окончательно мне стал ясен весь масштаб репрессий, — ну,

я так считал, что миллионы, конечно, все время считал, что миллионы... несколько миллионов, десять миллионов. Теперь уже называют гораздо большие цифры. Мне трудно сказать, я так и не знаю до сих пор — на самом деле чисел-то нет. Репрессии, жертвы от голода — все это вместе очень много. Голод — это ужасное преступление, мы знали о голоде, конечно, и знали, что людям ничем помочь нельзя. Но как они были изолированы умышленно, этого мы не знали.

— И сколько человек от голода погибло?

А. Сахаров. Мы и сейчас не знаем этой цифры, она не названа. Это опять миллионы — сколько миллионов, никто не знает. Но голод был на Украине и в Центральной Черноземной области, и голод был в Средней Азии одновременно...

Да, ну так вот... во время войны я кончил университет в Ашхабаде, мне предложили идти в аспирантуру, по теоретической физике, но я хотел как-то более активным быть и попросился на военный завод, война была... Это практически был мой выбор, что я не пошел в аспирантуру.

— А почему такой выбор сделали?

А. Сахаров. Я считал, что это нужно, что это какой-то вклад — такая была логика. Но на том заводе, куда я сначала был распределен, меня не взяли и направили в Министерство обороны в Москву, где мне выписали направление на патронный завод в Ульяновск.

В Москве я увидел своих родителей, они из разрушенного дома были переселены в ясли и жили там в одной комнатушке, вместе с другими людьми из этого и других разрушенных домов. Потом им дали комнату в большой коммунальной квартире...

Папа был, как я сказал, физик, преподаватель физики и автор книг по физике. Наибольшую известность получил его задачник по физике, он огромное число изданий выдержал, но последнее его издание было в 73-м году, и все было обрезано — новое переиздание, тем, что моя фамилия стала не... фигурирующей, ее нельзя было выпускать. И эта тень упала уже на книгу моего отца, не только на ту книгу-учебник, где я участвовал в переработке, но и на задачник, который целиком был отцовский. Он тоже перестал издаваться. Но кроме того, что мой отец был физик, он еще был музыкант, он кончил Гнесинское училище, в Москве это очень известное музыкальное училище. В консерваторию он не пошел, но он очень много играл для себя и сочинял музыку в молодости, и вновь вернулся к музыке в самые последние годы своей жизни.

— *И не занимался физикой?*

А. Сахаров. Нет, он физикой продолжал заниматься уже и будучи на пенсии. Он делал опыты, и даже в журнале «Успехи физических наук» была его статья незадолго да смерти. И он опять начал заниматься музыкой. Отец был, по-видимому, очень хорошим пианистом...

Е. Боннэр. Он кончил Гнесинское училище с золотой медалью, и там, во всяком случае, до Горького, висела доска за многие годы существования училища, и в числе их отец Андрея Дмитриевича. Это до Горького мы видели...

— *Как — до Горького?*

А. Сахаров. Ну, до того, как нас сослали в Горький.

Е. Боннэр. До ссылки. После Горького мы просто не выбрались туда. И точно так же на физическом факультете педагогического института есть такая памятная доска: бывшие профессора там, фотографии со студентами...

А. Сахаров. Да, мы там тоже видели...

Е. Боннэр. И там тоже отец Андрея Дмитриевича.

А. Сахаров. Он огромное количество лет преподавал в этом педагогическом институте.

— *А мать имела на вас влияние какое-то?*

А. Сахаров. На меня максимальное влияние имел отец: есть семьи, где матери имеют большое влияние, а есть — где отец.

— *Обычно сыновья как-то с матерью больше...*

А. Сахаров. Да, это я знаю, это обычное явление. Но у меня как-то не так получилось. Тут также, наверно, играло роль... профессиональное. Меня отец учил — в тот период, я говорил, когда я переходил через класс, он был преподавателем физики и математики, вот тогда, наверное, я — или раньше — понял, что я способный че-

ловек к физике и математике, и как-то само собой получилось, что я поступил на физический факультет, хотя у меня были и другие какие-то интересы — микробиология (книга Поля де Крюи «Охотники за микробами» страшно увлекла), но это, наверное, было не так серьезно, как физика и математика.

— *Когда началась работа, среди каких людей вы оказались?*

А. Сахаров. Работа у меня очень поздно началась. Обычно люди начинают свою научную работу еще на студенческой скамье, — те, которые далеко пойдут. У меня это не получилось, первая моя научная работа не получилась, а уже в годы войны, когда я работал на заводе, я начал сам писать первые научные статьи — ни одна из них не опубликована, некоторые из них я послал в Москву Игорю Евгеньевичу Тамму в ФИАН, но они тоже не были поняты... наверное...

— *Вы в чем-то опередили?..*

А. Сахаров. Не то что опередил, просто это был поворот, такой поворот, который был далек от научных интересов тех, к кому эти работы попали. Ну, другого типа.

— *А поворот к чему это был?*

А. Сахаров. Ну, поворот в тематике, что ли, — в этом смысле. В последние месяцы войны я приехал в Москву и поступил в аспирантуру к Игорю Евгеньевичу Тамму, совершенно выдающемуся ученому, поразительно яркой личности, очень хорошему человеку, ог-

ромное влияние на всех своих учеников оказывающему, и психологически делал он из людей ученых — это совсем особый психологический склад, который требует особого настроя. Может быть, просто глядя на него... Игорь Евгеньевич всю жизнь работал, работал даже тогда, когда у него был рассеянный склероз... Он начал задыхаться, ему сделали трубку в горле...

Е. Боннэр. Трахеотомия.

А. Сахаров. Трахеотомия... и присоединили ее к аппарату искусственного дыхания, искусственных легких... и вот даже в этом состоянии, лежа на кровати, прикованный к дыхательной машине последние три года, он продолжал работать очень интенсивно, хотя, может быть, и не так продуктивно — в старости вообще это не всегда получается...

Е. Боннэр. Он в это время, уже будучи парализованным, получил премию имени Ломоносова и доверил принимать ее...

А. Сахаров. И выступать с докладом, который он сам написал...

Е. Боннэр. Андрею Дмитриевичу.

— *Видимо, он очень любил вас?*

А. Сахаров. Он меня очень любил...

Е. Боннэр. Это тоже последний жест такого большого доверия...

А. Сахаров. Да, это уже незадолго до смерти. Но он и раньше меня очень любил. Совсем недавно мне пе-

реслали письмо... В нем говорится об одном из его первых учеников, к которому он был очень близок. Этот первый ученик был арестован и погиб в 30-е годы, как написали: «умер от охлаждения кожных покровов».

— *От охлаждения кожных покровов?*

Е. Боннэр. Ну замерз где-нибудь в лагере...

А. Сахаров. Так вот, в этом письме родным этого человека он пишет: «...после у меня уже не было такого близкого ученика и такого выдающегося... Может быть, исключение составляет Андрей Сахаров». Это написано было в конце 40-х годов.

— *Это кто написал?*

Е. Боннэр. Игорь Евгеньевич Тамм, академик Тамм.

А. Сахаров. С ним я был очень близок с 45-го года до его смерти — она наступила в 71-м году.

— *Вы согласны рассказать что-то конкретное о ваших отношениях? Дистанцию он все-таки сохранял как-то?*

А. Сахаров. Нет. Нет, сейчас я скажу... дистанция была, но она связана с возрастом — это возрастная дистанция была. Это не то что он ее сохранял... она просто объективно существовала. Он старше меня на 26 лет... Он был примерно той же среды человек, трудовой русской интеллигенции, со всеми ее признаками характерными... Мы с ним были особенно близки и откровенны в период с 50-го по 53-й год: дело в том, что

в 48-м году я был включен в его группу, уже после защиты диссертации (защита диссертации была в 47-м). Игорь Евгеньевич возглавил в Физическом институте такую специальную теоретическую группу, и я был туда, в числе нескольких других его сотрудников, включен. Это была группа, занимавшаяся термоядерным оружием. А в 50-м году нас, меня и его, перевели на так называемый «объект». Это совершенно секретное место, город, в неназываемом месте расположенный, где занимались работами по ядерному оружию — по атомной бомбе и по термоядерной бомбе. По термоядерной мы только начинали тогда, и вот период, когда мы были там, — это был период наибольшей близости. Весь день мы были вместе: утром завтракали вместе, вместе шли на работу, вместе обедали, и вечером вместе тоже проводили время, и разговаривали много, и играли в шахматы, в измененные шахматы. Игорь Евгеньевич был большой выдумщик в этом отношении, то есть он, может быть, просто знал разные варианты шахмат...

— *Вы любите, наверное, играть в шахматы?*

А. Сахаров. Нет, я не люблю играть в шахматы. Я играл раньше, а вот последние двадцать лет вообще не играю, мне это как-то стало тяжело...

— *Почему?*

А. Сахаров. Ну, нагрузка такая психологическая и умственная. И, кроме того, я плохо играю — я еще поэтому перестал играть. Например, вот сын Люсин, Але-

ша, очень хорошо играет, но мне с ним просто... играть ни к чему.

— А у вас была уже семья, когда...

А. Сахаров. Да, я женился, когда на военном заводе работал, на лаборантке химической лаборатории. Она была из местных, — семья... городская, конечно, но с какими-то связями с деревней, отдаленными... Моя первая жена умерла в 69-м году от рака... У нас трое детей родилось — две дочери, а потом сын, в 57-м году, младший родился.

— Где они — все здесь?

А. Сахаров. Они все в Москве. Обе дочери получили высшее образование и обе работают. Сын не смог получить высшего образования, у него этого не получилось по ряду причин. Проделал несколько попыток: раз на физфак поступил, через полтора года был оттуда вынужден уйти; потом в медицинский институт поступил, но опять же... тоже не смог заниматься, — ну, это, наверно, ошибка была. Потом он опять вернулся на физфак, даже не на первый курс, а продолжение того, где он прервал, как-то ему там это удалось, я даже не знаю, но тут он совсем недолго продержался — несколько месяцев — и вынужден был опять уйти. Так что он не получил никакого высшего образования. У него также плохо с работой — это трудный случай, и помочь ему почти невозможно. Но посмотрим, как будет развиваться: если он будет работать, на любой работе, только

работать, то я был бы этим счастлив. Конечно, обидно, что у него нет высшего образования, и ему обидно — это его как-то немножко и социально... ущемляет, что ли, но... я считаю, что это все-таки не самое главное, самое главное — это работать реально, зарабатывать на жизнь — все это, в конце концов, очень важно для семьи, тем более что он женился, у него мальчик родился в 81-м году. Потом он с женой развелся, и так он не работает... все сложно у них, плохо.

— *А вы дружны со своими детьми? Есть такой контакт, как у вашего отца?*

А. Сахаров. Нет, у меня контакт с ними плохой получился. Тут какие-то разные причины сыграли роль, но это, я думаю, результат каких-то ненормальностей предыдущей жизни. Ну, в общем, я не знаю, — плохой контакт... тут разные аспекты имеются с каждым из троих детей, они все друг на друга не похожи... Так что все это проходит совершенно по-разному: в разных формах, и разные причины, и разные содержания, но результат один и тот же — контакт, общение очень слабые, поверхностные.

— *А их мать была вам опорой в вашей работе, научной деятельности?*

А. Сахаров. Их мама, моя жена первая? Тут трудно сказать... Я был очень, так сказать, самоутвержденный человек, опора мне не очень-то была нужна, поэтому тут скорее обратная ситуация должна была быть,

и она была в какой-то мере... Мы прожили двадцать шесть лет... Слово «опора» вообще тут неверно... У нас довольно трудные условия были, особенно в первые послевоенные годы — тогда они у всех трудные были, и были мы молоды в то же время...

— Я из «Московских новостей» узнала, что вы в какой-то институт подарили значительную сумму?

А. Сахаров. Да, я в 69-м году, в год смерти моей жены, подарил часть своих сбережений, ту, что у меня не в Москве, а в другом городе была, — это большая часть была — передал в Фонд Красного Креста и на строительство онкологической больницы, той, где теперь Онкологический центр, на Каширском шоссе, поровну...

— Такую странную архитектуру имеет это здание, необычную...

А. Сахаров. Необычную, да... это огромный онкологический центр...

— И как далека наука от того, чтобы могла спасти человека от рака, очень далека...

А. Сахаров. Ну, почему, наука очень сильно продвигается... вернее, медицина...

— Нет, моя мама тоже умерла от рака... мне все это знакомо.

А. Сахаров. Да, это вообще ужасная смерть и ужасная болезнь, но... все-таки жизнь больных очень продлевает своевременная операция и своевременные рентгено- и химиотерапия.

— А скажите, вы человек очень равнодушный к бытовым вещам...

А. Сахаров. Нет, не совсем, не совсем.

— Вы как-то выработали это в себе?

А. Сахаров. Нет, я не выработал...

— Обстоятельства заставили?

А. Сахаров. Нет, я не считаю, что я очень равнодушный... Например, я вполне доволен и для меня это небезразлично — то, что моя жена создает мне определенные условия и комфорт, и питание хорошее, она хорошо готовит и гордится этим...

Е. Боннэр. По-моему, ты еще больше гордишься.

А. Сахаров. И я горжусь.

— А какая у вас кухня — армянская?

Е. Боннэр. Нет, вы знаете, и не армянская, и не еврейская... (А. Сахаров. И не русская.) и не русская — все вместе, (А. Сахаров. Все вместе.) средняя российская еда. (А. Сахаров. Да, но причем не жирная...) Я хорошо готовлю, могу сказать... (А. Сахаров. Не жирная и не острая.) Это признано всеми, по-моему. Я не люблю особенно острого... (А. Сахаров. И особенно жирного) И жирное не очень люблю, и как-то так все в семье у меня приучены.

А. Сахаров. Да, и дети, и я тоже к этому очень склонен...

Е. Боннэр. Мы любим овощи... (А. Сахаров. Оба.) Любим молочное — творог, сметану... Мы оба

очень спокойно относимся к мясу, много мяса нам не надо... (А. Сахаров. Я сам по себе считаю, что его почти может не быть.) Но ешь ты его хорошо.

А. Сахаров. Ну конечно, ем, я не отказываюсь от него!

— *Что-то вы очень усталый...*

Второе интервью

— *Как сформировалось ваше решение бороться с ядерными испытаниями?*

А. Сахаров. Тут много разных факторов было. Вообще в секретной работе я начал участвовать с начала лета 48-го года. До этого меня вызывали к какому-то начальнику, который находился в гостинице, соблазнял меня всякими хорошими условиями на этой работе, но я отказался, а потом Игорь Евгеньевич Тамм мне сказал, что ему поручили возглавить секретную группу и в эту группу также включили меня. Это было, по-моему, в июне 48-го года. С апреля 50-го года я уже работал не в Москве, а в специальном городе, и там же жил, и туда же Игорь Евгеньевич приехал, мы много общались, там такая у нас душевная близость возникла в этот период. И с самого начала было два, так сказать, противоборствующих настроения: с одной стороны, главным было то, что работа, которая нам поручена, необычайно важная и она нужна для нашей страны, для того, чтобы было в мире равнове-

сие сил; с другой стороны, все более и более нарастало ощущение того, какой это ужас, как это все страшно...

— *Ужас от того, что происходило в стране, или в перспективе?*

А. Сахаров. Нет, не в стране, а оттого, что оружие страшное, что страшная вещь ядерная война. Кроме того, мне стало ясно — не совсем самостоятельно, а под влиянием мировой печати, — что сами ядерные испытания тоже очень вредная вещь. Как известно, кампания против ядерных испытаний во всем мире началась после того, как японских рыбаков осыпали радиоактивным пеплом, — до этого, еще за полгода, в августе наше испытание проходило, оно тоже сопровождалось большим выпадением радиоактивных осадков, и эвакуация населения была проведена на большой территории, — это была очень тяжелая, трагическая операция... И я стал сторонником прекращения испытаний. Как известно, в начале 58-го года было принято решение... СССР односторонним образом прекратил свои ядерные испытания, а затем их возобновил осенью 58-го года. Я выступил за то, чтобы этого возобновления не было и чтобы советский мораторий на ядерные испытания 58-го года послужил бы началом всеобщего запрещения испытаний. С этим я поехал к Курчатову. Он уже был болен, у него перед этим был инсульт, он жил в своем домике на территории Института атомной энергии, который теперь носит его имя... Он меня очень внимательно выслушал, согласился со мной

и поехал — полетел, вернее, хотя ему запрещалось летать на самолете, — в Крым, где в это время отдыхал Хрущев, и предложил Хрущеву не возобновлять испытаний осенью этого года. Но Хрущев очень на него рассердился за это, и с тех пор как-то усложнились отношения у Хрущева и Курчатова, а испытания были проведены. В 61-м году был эпизод, когда я во время совещания в Кремле обратился к Хрущеву с запиской не проводить ядерных испытаний, которые опять было решено возобновить, хотя в это время был мораторий, которого придерживались как Советский Союз, так и США и Англия... Но Хрущев считал необходимым возобновить их, и на мою записку ответил очень раздраженной речью. В 62-м году я вновь добивался того, чтобы не было испытаний очень крупного изделия, — считал их излишними с технической точки зрения. Там была такая сложная история: должны были проводиться сначала испытания другого изделия, потом этого, и в случае удачи предыдущего это испытание можно было отменить, но его не отменили. Я звонил по этому поводу Хрущеву, Хрущев поручил разобраться другому члену Политбюро, Козлову. На другой день утром мне позвонил Козлов, но в это время срок испытания был перенесен на несколько часов, и когда я разговаривал с Козловым, самолет с этой испытываемой большой, очень мощной термоядерной бомбой на борту уже летел по направлению к цели. Остановить ничего было нельзя. Таким образом, я проиграл эту... битву, это было очень боль-

шое потрясение для меня, я почувствовал такое бессилие... В том же 62-м году мой сотрудник Виктор Адамский предложил мне воскресить старое предложение Эйзенхауэра о том, чтобы испытания были запрещены только в воздухе, в космосе и на воде. А под землей испытания оставались разрешенными. Это снимало проблему контроля подземных испытаний, которая тогда была еще более серьезной, чем сейчас. Ну вот, я с этим предложением поехал к министру, незадолго до этого эпизода с большим испытанием. Министр обещал это довести до сведения высшего начальства. Идея эта понравилась, и действительно, примерно через год было заключено соглашение о запрещении испытаний в трех средах. Так что я явился как бы одним из участников этого соглашения, передаточным звеном.

— *Вы сказали: «Я потерпел поражение, самолет с этой бомбой на борту уже летел». Я не могу себе представить, потому что далека от всего этого, но очень мне интересно, что испытывает ученый, когда знает, что потерпел поражение, а при этом он продолжает работать в направлении, которое усугубляет опасность. А вы сами как?*

А. Сахаров. Я продолжал работать и работал по-прежнему очень интенсивно — это с 62-го года. А кончил я работать потому, что меня отстранили от работы — летом 68-го года, после того как я опубликовал свой первый открытый политический трактат «Размышления о про-

грессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Эти шесть лет я работал, и в то же время у меня усиливались политические опасения, сомнения. Дело в том, что в нашем учреждении основные исследовательско-технические задачи на том этапе были решены — сейчас, наверное, какие-то новые вещи делаются, — но тогда мы считали, что некий этап завершен: была создана конструкция термоядерного оружия, создавались только его разные варианты, а центр тяжести был перенесен на военно-стратегические вопросы. Это очень страшная тематика, но для меня она была очень важной в смысле осознания того, что такое термоядерная война и чем она грозит человечеству. Кроме того, в это время происходили определенные политические события, мне предложили подписать письмо XXIII съезду КПСС против реабилитации Сталина, — это было письмо, подписанное двадцатью пятью деятелями науки, искусства, литературы. (Я там, между прочим, оказался в одной компании со знаменитой балериной Майей Плисецкой. Она тоже подписала это письмо.) Я ездил (это было в 66-м году) подписывать это письмо к академику Колмогорову, известному математику, но он отказался подписать, потому что...

— А мотивы какие?

А. Сахаров. Его мотивом было то, что Сталин сыграл огромную роль в войне.

— А из крупных академиков кто-то подписал, кроме вас?

А. Сахаров. Сейчас я не помню. Я забыл список. Были, да, были крупные. Я не помню фамилий. Потом, все-таки это давно было — 66-й год. У меня где-то записано...

— *А вы тогда уже были трижды Героем Соцтруда?*

А. Сахаров. Да, я получил первую свою звездочку в конце 53-го года, в связи с испытанием в августе 53-го года. Вторую звездочку — в 56-м году — за подготовку испытания 1955 года. И третью звезду я получил в 1962 году за то самое испытание, против которого я возражал, когда произошла стычка с Хрущевым. Вскоре после этой стычки было совещание, и Хрущев спросил, изменил ли я свою точку зрения о необходимости проведения испытаний, вернее, необходимости не проводить испытания. Я сказал, что я остался на прежней позиции, но я выполнял прямой приказ, таким образом участвовал в подготовке этого испытания 61-го года. И вот за эту свою работу я получил третью звезду Героя Социалистического Труда, мне ее вручал лично Хрущев уже в 62-м году.

— *В личной вашей судьбе тогда уже произошла та драма — болезнь супруги?..*

А. Сахаров. Нет, она заболела в 64-м году, а умерла в 69-м году. Тогда, когда я был отстранен от секретной работы. Так что писал я свое первое произведение при ее жизни. Я не знал, что у нее рак, мне сказали только в конце января 69-го года. Осенью 68-го года мы

хотели поехать вместе с ней в санаторий и перед этим проходили подробное медицинское обследование, и у нее ничего не нашли. Это было в октябре 68-го года, а в конце декабря наступило резкое ухудшение, и она должна была лечь в больницу. В январе она лежала в больнице, и вот 25 января мне сказали, что у нее неоперабельный рак. Я ее взял домой, и она еще была некоторое время дома... К ней приходила сестра, делала ей обезболивающие уколы, но этого было мало, боли все нарастали, стало очень тяжело ей, и в самых последних числах февраля я опять отвез ее в больницу, она уже понимала, что это что-то очень плохое, и тут ее состояние резко стало ухудшаться, и 8 марта она умерла.

— Значит, у вас совпали эти трудные периоды в вашей жизни — и в работе, и дома...

А. Сахаров. В работе трудного периода не было, потому что в это время у меня работа кончилась... Я уже считал, что буду чем-то другим заниматься, чистой наукой, и я очень хотел заниматься чистой наукой. В последние четыре года работы на объекте я, так сказать, делил свое время, и это было у меня очень плодотворное время. В конце июля или в начале августа 68-го года мне сказали, что я не должен больше ездить на свою работу, а оформили меня потом на новую, в Физический институт Академии наук, то есть это была фактически не новая, а старая работа, потому что я там работал, а до этого учился в аспирантуре с 45-го по 50-й год. И формально

там за мной сохранялось рабочее место, штатная должность, я считался как бы в командировке эти 18 лет...

— *Длинная командировка!*

А. Сахаров. Да, с апреля 50-го года по апрель 69-го года. Но фактически я уже перед этим полгода не работал. То есть у меня был такой период, что я нигде не работал, — с августа или с июля, с последних чисел июля 68-го года до апреля 69-го.

— *Я не хотела вас перебивать, но было бы интересно, — вы упомянули, что на этой секретной работе вы очень интенсивно работали. Что для вас значит — интенсивно работать?*

А. Сахаров. Интенсивно — это не означает, конечно, очень много времени. Я все время думал о научных, а в тот период не о научных, а, наоборот, о технических, изобретательских вещах. Так что просто я очень много сил этому уделял, и душевных, и физических — все, что было, так сказать...

— *А спали сколько?*

А. Сахаров. Спал я тогда вполне нормально: я довольно рано ложился, а вставал в семь часов, как положено, чтобы к девяти быть на работе.

— *А разгружались каким образом?*

А. Сахаров. Никаким. Это был период очень интенсивной работы. Ну, отпуск бывал, но как-то я не очень хорошо умел его использовать... Сил было очень много.

— У вас было много поводов узнать людей, ситуации сложные...

А. Сахаров. Да, сначала школьная, университетская среда, потом... для меня школой жизни была эвакуация...

— Да — Горький...

А. Сахаров. Нет, эвакуация из Москвы, когда во время войны университет перевели в Ашхабад. Затем завод, даже два завода: сначала меня направили в Ковров, а потом в Ульяновск, это такой своеобразный мир, большой мир... Еще в начале работы в Ульяновске я на какое-то время был послан на лесозаготовки — это уже деревня военного времени, очень страшная, такая тоскливая, убогая, никаких мужчин нету, бедность страшная... Потом работа на заводе, потом вот быт рабочего поселка, полудеревенского, затем Физический институт Академии наук: это аспирантура — такая яркая научная среда, яркие люди. Затем секретная работа, объект. Затем время общения с людьми общественно активными, как теперь говорят, диссидентами, причем я застал еще лучшее время, полное надежд и энтузиазма — это 70-й год, 71-й. Потом возникли разные психологические и прочие трудности в этом движении, что-то вроде раскола произошло, но это было потом. Потом период все нарастающих репрессий против диссидентского движения, очень много арестов, суды... люди очень себя по-разному показывали...

— Это очень интересно — как себя показывали люди, какие у вас наблюдения?

А. Сахаров. В основном те, с кем я общался, героически себя вели.

— Вы могли бы, не называя даже фамилий, просто поконкретнее...

А. Сахаров. Ну почему не называя фамилий? Я познакомился еще в 70-м году почти со всеми основными диссидентами того времени, московскими, а потом и с украинскими, литовскими. Некоторые из них и сейчас около нас, наши друзья большие, вот, например, Юрий Шиханович. Он принимал участие в «Хронике текущих событий» — такой был самиздатский журнал. Еще Сергей Ковалев...

— Это тот, который был в прошлый раз у вас, с женщиной, — не он?

А. Сахаров. Да, с Ларой Богораз, — это тоже замечательная женщина, она вдова Анатолия Марченко. Все это удивительные люди. Ковалев — он биолог, занимался приложением математических методов к биологии, потом устройством и функционированием клеточных медпрепаратов; у него много научных работ — около шестидесяти, но пришлось ему расстаться с научной карьерой, потому что он подписал письмо... я думаю, что в 69-м году... против психиатрических репрессий по отношению к математику Есенину-Вольпину. Это письмо очень много народу подписало, и все, кто это сделал, столкнулись с репрессиями. Ковалеву пришлось уйти из университета, где он работал, — потом он работал уже

на рыбоисследовательской станции, совсем не по специальности, и продолжал заниматься общественной деятельностью. В частности, когда был арестован один из диссидентов и ГБ объявило через него, что за каждый вышедший номер «Хроники текущих событий» будут обязательно арестовываться люди, Ковалев объявил, что будет издавать «Хронику текущих событий». Он это действительно делал около восьми месяцев, а затем в декабре 74-го года был арестован, осужден на семь лет заключения и три года ссылки и отбыл весь этот срок.

— *Отбыл полностью?*

А. Сахаров. Отбыл полностью, все десять лет. А потом находился под Москвой, работал пожарником, ночным сторожем. Вот сейчас он вернулся в Москву, получил разрешение вернуться в Москву. Его судили в Вильнюсе как раз в тот момент, когда мне должны были вручать Нобелевскую премию, но меня не пустили туда. К этому времени жена находилась на лечении в Италии — ей глаза лечили там, делали операцию, и она прямо из Италии поехала в Норвегию и там принимала Нобелевскую премию. Ее поездка в Италию — это тоже очень драматическая вещь, это вынужденная поездка была, потому что ее никто не хотел лечить здесь, и когда она легла в больницу, ее подруга предупредила ее: если ты здесь останешься, с тобой что-то ужасное сделают, — ей стало об этом известно, — что именно, я, говорит, не знаю, но уходи любой ценой.

— А у нее какая болезнь глаз?

А. Сахаров. Она была на фронте, и в октябре 41-го года у нее была тяжелая контузия. Она находилась в вагоне санпоезда, в вагон попала бомба, она была засыпана землей, контужена. И вот как результат контузии у нее развилась болезнь глазного дна, с множественным кровоизлиянием, ей угрожала слепота, она даже начала изучать азбуку Брайля, ей было запрещено иметь детей, запрещено учиться, но она всем этим пренебрегла...

— Она очень сильный человек?

А. Сахаров. Да, она сильный человек, конечно. Она решила, что бессмысленна жизнь без детей, без учебы. Кончила институт, стала работать врачом, но с глазами у нее становилось все хуже и хуже, и развилась глаукома. А когда ей в 74-м году сделали тиреотоксикозную операцию, то развитие глаукомы приняло совершенно катастрофический характер, ей угрожала полная слепота (из-за подъема глазного давления отпадали все новые и новые клетки, а клетки сетчатки не восстанавливаются), так что у нее происходило сужение поля зрения, но в Москве ей лечиться не удавалось. И вот мы подали заявление на поездку в Италию, вызов ей прислала ее подруга, и началась десятимесячная борьба за ее выезд. За это время ее глаза становились все хуже и хуже, ей стали предлагать здесь лечить и оперировать, но мы уже не хотели отступать и в конце концов добились поездки в Италию. И вот прямо из

Италии она поехала получать Нобелевскую премию и получала ее 10 декабря, в то же время, когда в Вильнюсе происходил суд над Сергеем Ковалевым.

— *В Ковалеве чувствуется... сбалансированность какая-то...*

А. Сахаров. Да, он очень сильный человек...

— *А эта женщина — кто она?*

А. Сахаров. Лариса Иосифовна Богораз. Ее первый муж был Юлий Даниэль. Знаете вы эту фамилию, да? Это было знаменитое дело Синявского и Даниэля. В общем, Лариса с Даниэлем уже разошлись к моменту, когда Даниэля арестовали, но она это не афишировала, наоборот, она ездила к нему на свидания, потому что иначе к нему никого бы не пустили, кроме законной супруги. Поэтому они формально не разводились этот период, и она ему оказывала всю помощь, которая ему была нужна, и действительно была очень верным другом ему, хотя и не была женой. Затем, когда Марченко вышел из тюрьмы, — к этому времени и Даниэль вышел, но они уже не жили вместе, — как только Толя вышел, она стала его женой. Марченко к этому времени был автором книги «Мои показания», его скоро вновь арестовали, а Лара — Лариса Богораз в 68-м году, уже после ареста Марченко, приняла участие в демонстрации на Красной площади по поводу введения советских войск — войск Варшавского пакта формально — в Чехословакию. И она была схвачена прямо на площади, так же, как все, — они там просто-

яли одну минуту на Лобном месте, — ее сослали в ссылку. Так что она участвовала в таком историческом действии...

— *Сколько лет она была в ссылке?*

А. Сахаров. Три года. И в это же время кончился срок заключения Марченко, может быть, несколько позднее. Потом они вернулись сюда, но в Москву их не пускали, они стали жить в Карабанове под Москвой — больше ста километров от Москвы. 100-километровая зона, где не разрешают жить тем, кто находился в заключении — по какой угодно статье. У Марченко был режим специальный, его заставляли являться на периодическое освидетельствование, потом спровоцировали, будто бы он не явился, на самом деле он поехал с больным ребенком к доктору и из-за этого не явился на очередную регистрацию. Его вновь арестовали и судили, и он оказался в ссылке, туда же поехала с ним Лариса Богораз. И вот они долгое время жили в ссылке, потом опять вернулись в Карабаново. Там Толя стал строить дом, но ГБ было очень недовольно им, ему предлагали уехать из СССР по израильскому вызову — в порядке воссоединения семей, как всех заставляют уезжать, но он отказался, сказал, что у него нет никакой семьи в Израиле, его семья вся здесь...

— *А Марченко — украинец?*

А. Сахаров. Фамилия украинская, да, он украинец. Он был вновь арестован и осужден на десять лет заключения и пять лет ссылки: в 80-м году он послал письмо в мою защиту, адресованное академику Капи-

це, за это письмо ему и дали 15 лет заключения. Позже ему два с половиной года не давали свидания с женой, просто так, в порядке зверского поведения администрации лагеря, — два с половиной года он никого не видел, был в полной изоляции. И вот в этом состоянии он в августе 86-го года объявил голодовку. Об этом стало известно каким-то образом Ларисе... да, у него еще были очень большие трудности с письмами: письма его не доставлялись жене, и она по полгода, по году не имела от него ни одного письма. Но тут как раз пришло письмо, из которого она поняла, что он 4 августа начал голодовку. В конце ноября к ней пришли из КГБ и предложили ей написать письмо, предложили подать документы на выезд, на эмиграцию в Израиль. Она, Лариса, отказалась писать это заявление, сказала, что она должна сначала посоветоваться с мужем. Это было в конце ноября 86-го года. А 9 декабря ей сообщили, что ее муж умер. И она поехала в Чистополь (он находился в Чистопольской тюрьме). Никаких подробностей узнать не удалось. Мы не знаем, голодал ли он до последнего дня... Вот такая трагическая судьба. От Марченко у Ларисы остался сын, Павлик, очень хороший...

— *А в Горьком вы знали, что вас снимают, и вообще о всей этой клевете?..*

А. Сахаров. Снимали, причем скрытой камерой, и меня во время медосмотра сняли совершенно голого,

и это показывали по всему миру, ну, в общем, развлекались как могли.

— *Это чтобы доказать, что вы в хорошем состоянии?..*

А. Сахаров. Кроме того, они эти фильмы продавали! Да, подставные агенты за огромные деньги... Эти фильмы — чисто жульнические, там разговоры со мной смонтированы так, как я на самом деле не говорил, искажена моя мысль очень сильно. Это ужасные фильмы. Подать в суд... но пока ничего не получилось с этим. Но вообще и по поводу Люси ведь были ужасные, совершенно клеветнические кампании...

— *Вы вместе с какого года?*

А. Сахаров. Вместе? С 71-го года...

ИНТЕРВЬЮ БОРИСУ НЕМЦОВУ
13 октября 1988 г.

Б. Немцов. *Какова ваша позиция в отношении ядерной энергетики в целом и атомного теплоснабжения в частности?*

А. Сахаров. Вначале я хотел бы изложить свою позицию по вопросу ядерной энергетики вообще, а к теплоснабжению я отношусь в контексте общей позиции. Я считаю, что наземное расположение ядерных реакторов следует запретить, независимо от того, как оценивается вероятность аварии и какие аварии считаются технически возможными. Дело в том, что большие аварии всегда происходят непредсказуемым образом. Это относится не только к ядерной энергетике, но и ко всем большим техническим сооружениям нашего времени. Очень много аварий происходит в химиче-

---

30 октября 1988 г. в горьковской газете «Ленинская смена» напечатана часть беседы, касающаяся атомной энергетики. Остальное — в той же газете 21 января 1990 г. — накануне сорокового дня после смерти Андрея Дмитриевича, совпавшего с десятилетием начала его горьковской ссылки.

В беседе принимала участие Е. Г. Боннэр.

ской промышленности, металлургии, на транспорте, причем большие аварии происходят тогда, когда их никто не ждет, по совершенно непредвиденным сценариям. Когда же речь идет о ядерных реакторах, то, помимо этого, всегда остается опасность, что они будут разрушены в результате террористического акта либо вследствие военного конфликта. Причем даже в случае неядерного конфликта бомбардировка реактора обычными средствами приведет к эффектам, сравнимым со взрывом термоядерной бомбы.

Все эти причины обостряются в случае станций теплоснабжения, расположенных в непосредственной близости от городов. Я очень хорошо помню, где находится Горьковская АСТ, и могу сказать, что в тридцатикилометровую зону попадает весь огромный промышленный город, так что, если говорить о военном разрушении станции, то это означало бы нанесение сокрушительного удара по промышленности страны в целом.

Помимо указанных аргументов против наземного расположения станций, есть и еще один — психологический. После Чернобыля усилилась существовавшая и раньше боязнь атомных станций, и мы не имеем морального права держать миллионы людей в состоянии психологического напряжения. Сейчас в Западной Европе известна статистика нервных заболеваний у людей, проживающих вблизи атомных станций. Оказыва-

ется, что вблизи работающих реакторов число нервных заболеваний увеличивается, т. е. люди становятся жертвами нормально функционирующих объектов ядерной энергетики.

Тем не менее я считаю, что ядерная энергетика необходима, и в первую очередь в связи с тем, что постоянно истощаются природные запасы топлива, газа и нефти.

Б. Немцов. *Но ведь и урана тоже не так уж много...*

А. Сахаров. Запасы урана тоже ограниченны, но если впоследствии использовать реакторы на быстрых нейтронах — бридеры, то это, в общем, решает проблему с ураном. Хотя следует иметь в виду, что бридеры еще более опасны и пока их использование экономически невыгодно. Так или иначе, если экономика будет нас толкать на дальнейшее развитие ядерной энергетики, а это, по-видимому, произойдет, то надо это делать одним-единственным способом — строить атомные станции под землей, а наземные ядерные реакторы надо просто запретить международным законом.

Б. Немцов. *Что препятствует такому решению вопроса?*

А. Сахаров. Существуют возражения экономического и технического порядка против размещения атомных станций под землей. Конечно, нужно строить такие объекты, когда это технически и экономически оправданно. Строительство ядерных реакторов — не самоцель. Существуют оценки, что стоимость подземного

строительства возрастает примерно на 20% и очень мало зависит от глубины, потому что затраты определяются в основном объемом извлекаемого из-под земли грунта.

Б. Немцов. *Кто в настоящее время занимается проектированием подземных атомных станций?*

А. Сахаров. На протяжении последних 10—15 лет в США велись проработки соответствующих проектов. В ряде стран уже имеются экспериментальные станции не очень высокой мощности. Они есть во Франции, Швейцарии, Швеции и других странах. Эксплуатация такого рода станций показала, что никаких особых сложностей не возникает, стоимость их не очень высока. При строительстве атомных станций под землей существует ряд технических проблем. В первую очередь при аварии возможно попадание радиоактивных веществ в грунтовые воды. Здесь может быть такое решение: либо строить станции там, где нет грунтовых вод (например, в скальном грунте), либо (если геологические условия не позволяют этого сделать) остаются две другие возможности — очень большое заглубление или постройка специального поддона, через который не могли бы проникнуть расплавленные топливные элементы даже при максимальной, предельной аварии. Что касается АСТ, то их в первую очередь следует проектировать и строить под землей, поскольку эти станции находятся вблизи городов.

Б. Немцов. *Андрей Дмитриевич, у многих людей вызывает сомнения сама идея теплоснабжения посредством гигантских котельных, поскольку в случае аварии, например, системы теплокоммуникаций под угрозой оказываются жизнь и здоровье людей. И хотя проектантами запланированы резервные котельные, у нас нет стопроцентной гарантии, что они будут сразу исправно работать. Все знают, как начинается отопительный сезон.*

А. Сахаров. Может быть, имеет смысл использовать АСТ для отопления парников. Тогда авария на станции или в системах коммуникаций наносила бы только экономический ущерб и напрямую не сказывалась на жизни и здоровье людей.

Б. Немцов. *Специалисты, разрабатывающие проект, утверждают, что из-за низких параметров установки (низкие температура и давление) естественная циркуляция в первом контуре и наличие страховочного корпуса делают АСТ сверхбезопасной. Как бы вы прокомментировали данное утверждение?*

А. Сахаров. Можно согласиться с тем, что эта станция гораздо безопаснее, чем Чернобыльская, где установлен реактор РБМК, в котором заложена возможность катастрофы. Но, во-первых, могут быть непредвиденные ситуации. Кроме того, я не знаю, предусмотрено ли в этой станции постоянное сжигание выделяющегося гремучего газа. Сейчас уже существу-

ют такие системы. В американских реакторах после аварии в Три Майл Айленде под колпаком, где скапливается гремучий газ, располагают специальное устройство для непрерывного сжигания его по методу низкотемпературного сжигания на катализаторе. Это, несомненно, одно из средств повышения надежности. Но даже если такая система предусмотрена на Горьковской станции, она может отказать, как отказывает все на свете.

Я имел возможность беседовать с председателем Комиссии по безопасности ядерной энергетики США. Он сказал, что абсолютной безопасности не существует, оценки безопасности всегда носят умозрительный характер. Для надежного прогноза аварий надо набирать статистику, которой по большим авариям, к счастью, нет. Статистика же мелких аварий не может дать удовлетворительного прогноза относительно аварий крупных. Ситуация здесь в чем-то аналогична землетрясениям. Слабых землетрясений происходит много, но по ним ничего нельзя сказать о катастрофических землетрясениях... Вероятности катастрофических аварий мы просто не знаем. Это очень трудно прогнозируемая вещь, а такие методы, как перемножение вероятностей, которые применяют, не могут быть научно аргументированы. Фактически всегда получается так, что вероятность аварии гораздо больше, чем считается проектантами.

Б. Немцов. *А какова роль обслуживающего персонала в обеспечении безопасности АС?*

А. Сахаров. Я опять возвращаюсь к разговору с председателем Комиссии по безопасности ядерной энергетики США. Он считает, что главной гарантией безопасности является правильная работа персонала. Персонал должен быть психологически настроен на возможность возникновения неожиданных ситуаций и на то, как он будет их преодолевать. Для этого существуют специальные тренажеры, проводятся учения, в которых моделируются аварийные ситуации.

Но поскольку речь идет о человеческом факторе, то уже из одного этого ясно, что полной безопасности нет, поскольку человеческий фактор никогда не бывает абсолютно надежным. В частности, нельзя исключать возможности террористического акта со стороны оператора. При анализе крупнейшей катастрофы в химической промышленности в Бхопале (Индия) были утверждения, что оператором допущена не просто ошибка, а совершены умышленные действия, которые привели к огромным жертвам. Я слышал такую историю, как на одной из военных баз ядерной бомбардировочной авиации один техник пробрался в самолет и нажал кнопку сброса. Бомба упала, но не взорвалась. Когда его схватили и стали допрашивать, он сказал, что не мог удержаться. А если оператор на станции тоже не сможет удержаться и начнет делать такие вещи, кото-

рые приведут к аварии? То, что он больной, мы узнаем уже после того, как все совершится. У психически больных весьма распространена такая форма болезни, когда психическое расстройство проявляется в форме одного-единственного поступка.

Б. Немцов. *Горьковская станция теплоснабжения — первая в стране и в мире. Ее официальное название — головная опытно-промышленная одноцелевая атомная станция теплоснабжения. Означает ли это, что речь идет о ядерном эксперименте с несколькими миллионами людей или это слишком безответственное заявление?*

А. Сахаров. То, что она головная, это всегда означает, что речь идет об эксперименте. В любой области техники, например, когда создавали первый автомобиль, это тоже был эксперимент, но здесь, конечно, все очень обостряется.

Б. Немцов. *Специалисты утверждают, что узлы, из которых собрана станция, многократно проверялись по отдельности.*

А. Сахаров. Обычно на испытаниях, как правило, все проходит благополучно, потом бдительность падает, и люди начинают совершать ошибки.

Б. Немцов. *А какова судьба станции через 30—40 лет, какие исследования ведутся по проблеме захоронения станций? Не случится ли так, что за наши поступки будут отвечать наши дети?*

А. Сахаров. Захоронение отработавшей свой ресурс станции — очень сложная техническая задача. В США для этого разработана система роботов, работающих в условиях радиоактивного облучения и по определенной программе осуществляющих демонтаж и захоронение. В СССР такого опыта пока нет, но этими проблемами сейчас занимаются. В зависимости от того, что мы хотим иметь на месте станции после демонтажа, стоимость захоронения варьируется от нескольких десятков процентов до ста процентов от стоимости строительства, так что захоронение очень дорогая вещь, и, в отличие от строительства, оно ведется с радиоактивными материалами, а потому с этими работами связана определенная опасность. Несомненно, что в стоимость станции должны быть включены затраты на захоронение. В этом смысле проблема захоронения подземных станций решается гораздо проще. Их можно залить бетоном и закрыть на ключ без всех дорогостоящих операций по демонтажу. Уже одно это возвращает ту сумму, которая была израсходована на подземное строительство.

Б. Немцов. *Беспокойство многих людей вызывает отсутствие приборов дозиметрического контроля. Как вы считаете, можно ли как-то оправдать такое положение вещей?*

А. Сахаров. Вопрос, который вы затронули, является чрезвычайно важным. Очень серьезна проблема

дозиметрического контроля в районе чернобыльского бедствия. Там до сих пор население не имеет дозиметров. В то же время на Западе существует целая промышленность, выпускающая индивидуальные дозиметры. Я не знаю их качества, но обеспечение населения такими приборами — совершенно необходимая вещь. Для нашей страны вопрос обеспечения дозиметрами вполне разрешим. У нас практически в каждой семье есть телевизор — устройство в миллион раз более сложное, чем дозиметрический прибор.

Население должно иметь дозиметры, во-первых, на предмет возможной аварии, во-вторых, для того, чтобы исключить страх перед неизвестностью. До сих пор официальная точка зрения была такая, что населению знать радиационную обстановку ни к чему, поскольку оно будет еще больше волноваться. Но эта точка зрения, по моему мнению, ошибочна. Население должно все знать и все понимать. Дураков нет. Есть, конечно, экзальтированные люди, люди, склонные к преувеличениям, но это все-таки не основная масса населения, и надо рассчитывать на здравый смысл людей, на их спокойную оценку ситуации.

Б. Немцов. *Кто, по вашему мнению, мог бы осуществить независимую экспертизу АСТ?*

А. Сахаров. Несомненно, независимая экспертиза нужна, может быть, даже на международном уровне.

Б. Немцов. *Вы имеете в виду экспертизу МАГАТЭ?*

А. Сахаров. Что касается МАГАТЭ, то она сама заинтересована в развитии ядерной энергетики, но одновременно представители МАГАТЭ очень заинтересованы в том, чтобы не произошло еще одного ядерного инцидента. По-видимому, в настоящее время МАГАТЭ — это лучшее, что мы имеем для целей экспертизы, хотя, конечно, абсолютной независимости тут нет. У нас в стране независимой могла бы быть комиссия отделения энергетики АН СССР. Во всяком случае, она более независима от Комитета по мирному использованию атомной энергии, чем те институты, которые проектируют реакторы и станции. Эти учреждения абсолютно зависимы, они связаны между собой очень сложной цепью взаимоотношений, и их мнение будет мнением всей организации в целом.

Б. Немцов. *Андрей Дмитриевич, знаете ли вы причины, из-за которых закрыты Минская и Одесская атомные ТЭЦ?*

А. Сахаров. Я не знаю подробностей, но думаю, что в любом случае очень важную роль играло мнение общественности.

Б. Немцов. *В Горьком на одном из митингов кто-то из ораторов предложил выдвинуть вашу кандидатуру на пост председателя горисполкома. Если бы, не дай бог, вы оказались на этом посту, что бы предприняли в отношении АСТ?*

А. Сахаров. Не дай бог — это вы хорошо сказали, потому то я не способен к подобного рода деятельности и это уже неоднократно доказал. Но если бы такое случилось, я бы сделал все, что в моей власти, чтобы АСТ не строилась. Тут, конечно, есть проблема, связанная с огромными затратами на строительство. Ведь затрачено более 200 млн. рублей.

Б. Немцов. *Многие люди согласны отрабатывать субботы и внести свои сбережения, чтобы компенсировать убытки...*

А. Сахаров. То есть население, наверное, готово отработать столько, сколько потребуется? Кстати, в Австрии после общенационального референдума, показавшего, что население против строительства атомных станций, были собраны средства, компенсирующие часть расходов, затраченных на возведение объектов атомной энергетики.

Б. Немцов. *К сожалению, у нас совсем другая система. Несмотря на то что многие горьковчане против АСТ, ее строительство продолжается.*

А. Сахаров. Надеюсь, что вам удастся переломить ход событий. Я целиком на вашей стороне.

Б. Немцов. *Андрей Дмитриевич, у нас в городе активное движение общества «Мемориал». И вот вопрос: памятник жертвам репрессий будет только в Москве, или, как могила Неизвестного солдата, в тех городах, которые изъявят желание?*

А. Сахаров. Памятник — вообще не главное в этом предприятии. Создается мемориальный комплекс.

Б. Немцов. *Но он будет в Москве?*

А. Сахаров. Он, вероятно, будет в Москве. Но все это находится в стадии обсуждения — и место, и характер памятника. Некоторые считают, что вообще не надо тратить деньги на памятник.

Е. Боннэр. Сделать на Лобном месте надпись, какую-то свечу, вечный огонь. И создать мемориальный комплекс, который включал бы архив, библиотеку, общедоступный музей, который давал бы представление об этом периоде не только в художественном изображении, но имел бы непреходящее образовательное значение. Причем одно из главных мест — архив, то, что можно собрать документально.

А. Сахаров. И документы принимаются вне зависимости, из какого города и какого времени.

Е. Боннэр. Документы принимаются не то что там сталинского периода, а от семнадцатого и до...

Б. Немцов. *Фактически речь идет, конечно, не о мемориале жертвам сталинизма, а о мемориале вообще жертвам террора, который был в стране.*

Е. Боннэр. Да, да.

А. Сахаров. Но официально все-таки это жертвы сталинизма и террористических методов управления.

Б. Немцов. *Ну а брежневский период входит сюда или нет?*

Е. Боннэр. Официально вроде нет. Неофициально — да.

А. Сахаров. Формулировка не исключает этого.

Н. Мошков (фотокорреспондент). *Андрей Дмитриевич, а Лобное место — не кажется ли вам, что соседство будет странным? Там же лежат те, которые совершали все это.*

А. Сахаров. Многие из них тоже были жертвами.

Е. Боннэр. Многие одновременно — и палачи, и жертвы.

А. Сахаров. Но, конечно, больше всего тех, кто был только жертвами.

Е. Боннэр. Лобное место — это история России. Они могут лежать где угодно, главное, чтобы мы знали, кто есть кто. Я, например, против того, чтобы Сталина выкапывать и куда-то еще закапывать. Пусть лежит там. Где его положили, пусть и лежит.

А. Сахаров. Да. Наше отношение к нему может меняться, а он лежит в могиле, и могилу трогать не надо в любом случае.

Б. Немцов. *Андрей Дмитриевич, я слышал, что вчера в Историко-архивном институте собиралась прогрессивная научная общественность. Там шла речь о «Мемориале» или были более общие вопросы?*

А. Сахаров. Там шла речь об организации московского интеллектуального дискуссионного клуба. Предполагается, что в нем будут происходить дискуссии,

подготавливаться определенные темы, будут делаться доклады, создаваться исследовательские клубы.

Б. Немцов. *А кто его организовал?*

Е. Боннэр. Инициативная группа персонально состоит из Афанасьева, Баткина, Мигдала, Сагдеева, Буртина, Адамовича, Сахарова... Вчера инициативная группа провела первое собрание, на которое пригласила около ста московских интеллектуалов, людей уже известных своими, так сказать, перестроечными выступлениями, взглядами, публицистов, журналистов. Две Ильиных были, многие ученые.

А. Сахаров. Очень разные люди. Была, например, юрист Софья Васильевна Каллистратова, еще было два юриста. Инженеры были, историки, много историков.

Е. Боннэр. Но это еще все в стадии формирования, еще не выработали устав; первый документ об организации этого клуба, который представили, получил ряд поправок. В общем он одобрен, но будут какие-то коррективы, и только на следующем заседании он будет принят.

А. Сахаров. Но уже объявили, что клуб существует. Мы решили, что он создан, хотя исходный документ еще будет дорабатываться. Но не очень существенно. Спорили из-за отдельных формулировок и принципов, должно ли там быть открытое членство, т. е. каждый желающий может быть членом, или членство должно быть по рекомендациям тех, кто уже является членом.

Я, например, да и большинство из организационного комитета склоняются к тому, что нельзя превратить клуб в бесконечно большое скопление людей, которое будет недейственно. Когда очень много случайных людей, невозможно ни вести дискуссии, ни собраться даже в этом помещении.

Б. Немцов. *Андрей Дмитриевич, мы тут слышали, что в Карабахе происходят совершенно страшные события. Как вы считаете, каким образом можно было бы решить этот вопрос? Мне кажется, что взрыв идет оттуда.*

А. Сахаров. Я совершенно с вами согласен. Я убежден, что необходимо прекратить административное подчинение Карабаха Азербайджану. После опыта этих 65 лет, очень трудных, где было много эксцессов, разрушений национальной культуры армян, унижения их национального достоинства и в особенности после кровавых событий Сумгаита, Масиса и других, нет возможности жить вместе. Сейчас, после полумер, которые были объявлены по решению Президиума Верховного Совета СССР, ничего хорошего не происходит, ситуация все больше обостряется, причем обостряется она таким образом, что это даже выглядит как провокация обострения. Я думаю, реально существует единственный способ — вывести Карабах из подчинения Азербайджану.

Б. Немцов. *И куда его передать? РСФСР?*

А. Сахаров. На первом этапе создать правительство центральной власти, то, что называется президентским правлением. Есть полномочный президент, который реально должен все это взять. Аргумент против такого решения, который приводят власти, когда доходят до откровенного обсуждения, что оказываются под ударом 400 тысяч армян, проживающих в Азербайджане. Я считаю, что этот аргумент непринципиальный и его приводить недостойно. Мы имеем достаточно сильное государство, и, введя внутренние войска в Азербайджан в достаточном количестве, мы можем предупредить все эксцессы. Кровь не прольется. Но для этого нужно четко сформулировать проблему, чтобы было понятно, что другого решения не может быть, что это решение, принятое властью, окончательно, принято оно в соответствии с волей народа Нагорного Карабаха, т. е. демократически обосновано. Принята резолюция Совета народных депутатов области. Их пытались заставить взять свое февральское решение назад, но они не взяли. Теперь предложили формулу поэтапного решения проблемы, но от первоначального своего решения не отказались. Я думаю, что только так можно решить, причем, если будет должная решительность, то не будет никаких новых сумгаитов.

Н. Мошков. *Андрей Дмитриевич, Югославия, Румыния, Венгрия — ситуация в общем-то аналогичная. Идет какое-то национальное обособление. Вероятно,*

эти вопросы возникли на базе прокатившейся перестроечной волны?

Б. Немцов. *Но в Румынии-то нет никакой перестройки.*

А. Сахаров. Каждый случай надо рассматривать отдельно. Очень опасная вещь, когда говорят, что вы начнете что-то менять в Карабахе, проявите слабость, и немедленно всплывут все остальные национальные проблемы. Это неправильно. Все национальные проблемы уже всплыли, они уже существуют, и каждую нужно решать индивидуально, в зависимости от ситуации и от воли населения. В конечном счете и Азербайджан заинтересован в решении этой проблемы. Не может он нормально существовать, если он для этого должен угнетать другой народ.

Е. Боннэр. У них другие представления о нормальности.

А. Сахаров. Я не уверен, что они стойкие, эти представления. Они воспитаны многолетней историей. Даже, как мне говорили, детские книжки содержат сказки, в которых армяне выставлены в отвратительном и смешном виде.

Б. Немцов. *А у армян есть такие книжки?*

А. Сахаров. Думаю, что нет. Я ничего, во всяком случае, об этом не слышал. Или вот, например, я такой слышал разговор. Секретарь райкома увидел мальчика лет шести или семи, который тащит большую палку.

В присутствии журналиста секретарь спрашивает: «А зачем тебе такая большая палка?» А он отвечает: «А я хочу убить двух армян, чтобы они нам не мешали». И тот говорит: «Молодец». Это где-то в Агдаме.

Б. Немцов. *Андрей Дмитриевич, видимо, благодаря вам сейчас очень мало осталось узников совести. Как вы считаете, наступит ли время, когда их вообще ни одного не останется?*

Е. Боннэр. У нас — вот всего списочек. Раньше целыми папками таскала, прямо килограммами, а теперь — глядите.

Б. Немцов. *А сколько человек, если не секрет?*

А. Сахаров. Шесть. Но это статья 70. Есть еще другие.

Е. Боннэр. Шесть. Из них про одного поступило сейчас известие, что он 26-го будет освобожден. И два — бывшие уголовники, получившие политический срок уже в лагерях.

А. Сахаров. Уже единицы, уже по пальцам можно пересчитать. Мне кажется, в ссылке 9 человек.

Е. Боннэр. Да, девять. Один из них поехал в отпуск домой.

Б. Немцов. *Из тюрьмы?*

Е. Боннэр. Из ссылки.

А. Сахаров. Из тюрьмы, к сожалению, еще не ездят.

Е. Боннэр. Очень может быть, что он потом будет сразу освобожден.

А. Сахаров. Совершенно новая эпоха.

Е. Боннэр. В этом плане — абсолютно новое время.

Б. Немцов. *Потрясающе. Нет, просто я слышал сообщение «Amnesty International». Они совсем какие-то другие цифры приводят.*

А. Сахаров. Я думаю, что они завышенные цифры приводят. У них, во-первых, запоздалая информация, а кроме того, всегда есть случаи, которые можно интерпретировать двояким образом — это узники совести или же это люди, совершившие реальные акты насилия или другие уголовные преступления. Я считаю, что надо четко определить людей, не применявших насилия.

Б. Немцов. *А осужденные по семидесятой статье — они все относятся к узникам совести?*

Е. Боннэр. Все.

Б. Немцов. *Большое спасибо. Извините, что мы у вас столько времени заняли. Большое спасибо.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ТЕТРАДИ» ГРИГОРИЯ МЕДВЕДЕВА

не позднее 4 ноября 1988 г.

«Чернобыльская тетрадь» Г. У. Медведева — компетентный и бесстрашно-правдивый рассказ о происшедшей более трех лет назад трагедии, которая продолжает волновать миллионы людей. Быть может, впервые мы имеем такое полное свидетельство из первых рук, свободное от умолчаний и ведомственной «дипломатии». Автор — специалист-атомщик, работавший одно время на Чернобыльской АЭС и хорошо ее знающий, лично знакомый со всеми основными участниками событий. По служебному положению он присутствовал на многих ответственных совещаниях по атомному строительству. Сразу после аварии Медведев был командирован в Чернобыль и имел возможность многое узнать по свежим следам, увидеть своими глазами. Он

В связи с трудностями при публикации в журнале «Новый мир» документальной повести Г. Медведева «Чернобыльская тетрадь» А. Д. Сахаров обратился с письмом к М. С. Горбачеву (см. дополнение 2). В июньском номере 1989 года повесть была напечатана.

приводит много технических подробностей, необходимых для понимания механизма возникновения аварии, раскрывает тайны бюрократических отношений, рассказывает о научных и конструкторских просчетах, о пагубном начальственном, командном нажиме, о принесших огромный вред нарушениях гласности до аварии и в чрезвычайной ситуации после нее. Центральное место в повести — хроникальное описание событий в Чернобыле в трагические дни апреля и мая 1986 года. Автор показывает поведение и роль многочисленных участников драмы, живых, реальных людей с их недостатками и достоинствами, сомнениями, слабостью, заблуждениями и героизмом рядом с выходящим из-под контроля атомным чудовищем. Об этом нельзя читать баз глубочайшего волнения. Мы знали о подвиге пожарников. Автор рассказывает о героизме электриков, турбинистов, операторов и других работников станции, предотвративших дальнейшее увеличение масштабов аварии.

Все, что касается чернобыльской катастрофы, ее причин и последствий, должно стать достоянием гласности. Нужна полная, неприкрытая правда. Люди должны иметь возможность сами составить мнение о том, что столь прямо касается жизни и здоровья каждого из нас и наших потомков, иметь право на участие в принятии ключевых решений, определяющих судьбу страны и планеты. Должна ли вообще развиваться

ядерная энергетика? Если да, то допустимо ли строительство расположенных на поверхности земли реакторов (даже значительно более безопасных, чем чернобыльский) или все они должны быть загнаны под землю? Это все вопросы, решение которых не может быть передоверено только специалистам, тем более ведомствам с их узкотехническим, предвзятым и часто небескорыстным подходом, с их круговой порукой и взаимосвязанностью (то же относится и ко многим другим важнейшим вопросам экологического, экономического и социального характера). Лично я убежден, что ядерная энергетика необходима человечеству и должна развиваться, но только в условиях практически полной безопасности, что реально требует размещения реакторов под землей. Нужен международный закон, запрещающий наземное расположение реакторов. Медлить нельзя.

РЕЧЬ ПРИ ВРУЧЕНИИ ПРЕМИИ МИРА АЛЬБЕРТА ЭЙНШТЕЙНА

15 ноября 1988 г.[1]

Роль науки, общественная ее роль сейчас становится все большей и определяющей в жизни общества. Но она противоречива, так же как противоречива сама общественная жизнь. Урок Эйнштейна заключается в том, что в этих противоречиях надо держаться твердых нравственных критериев, может быть, иногда ошибаться, но быть готовым подчинить нравственным общечеловеческим критериям свои действия. Много лет назад, получая другую премию, я назвал свое выступление словами «Мир, прогресс, права человека». Вместе с четвертым ключевым словом — «конвергенция» — эти слова выражают мое кредо в социальных вопросах. Под конвергенцией я понимаю постепенное сближение в нашем разделенном мире социалистической и капиталистической мировых систем. Долгое время в нашей

В России публикуется впервые.

[1] В ноябре 1988 года А. Д. Сахаров наконец получил разрешение выехать за границу, в США. — *Ред.*

стране эта концепция была осмеиваема и была почти запретной.

Но жизнь в это время шла, и на Западе происходили плюралистические изменения, и в нашей стране, которую административно-командная система сталинизма привела в тупик, тоже начались плюралистические изменения. Они являются, с моей точки зрения, социалистической частью процесса конвергенции. Конечно, то, что происходит в нашей стране, это еще только начало, начало, во многом противоречивое и находящееся под угрозой, как всякий молодой росток. Я уже говорил во многих своих выступлениях в СССР, что Запад и весь мир в целом жизненно заинтересован в успехе перестройки, в том, чтобы она была необратима. Но, конечно, всемерная помощь должна вестись с открытыми глазами.

Жизненно важно, чтобы все, в том числе скрытые враги перестройки в нашей стране, понимали, что сотрудничество с Западом во всех областях возможно, только если процесс перестройки будет необратимым и глубоким. Проще всего это выражается на языке бизнеса. Как сказал в разговоре со мной один из видных крупных бизнесменов этой страны, мы должны быть уверены, что наши деньги не уйдут в песок. Но речь идет не только о деньгах, речь идет на самом деле о выживании человечества. И тут особую роль приобретают факторы, способствующие доверию между нашими системами.

Последние годы привели к революционному перевороту в этой области, и это безусловно оправдано тем, что происходит в нашей стране. Одним из аспектов является то, что принято называть правами человека. Я бы предпочел говорить даже более узко: гражданские и социальные права человека. Именно от этого больше всего зависит открытость общества, которая является основой доверия. В нашей стране произошли огромные изменения, такие как свобода выбора страны проживания, в таком вопросе, как наличие в нашей стране узников совести, т. е. людей, репрессированных за убеждения и ненасильственные действия, связанные с убеждениями. Множество людей, узников совести, освобождены за последние два года. Но, к сожалению, еще не все. Когда я получил разрешение на поездку в эту страну, я сказал себе, что первым я назову имя человека, который был репрессирован за мою свободу, когда я был сослан в Горький, — это Вазиф Мейланов. Я бы мог назвать еще ряд имен, их все-таки, к сожалению, больше, чем можно назвать в этом зале.

Очень важна политическая структура страны, она должна быть такой, чтобы народ мог реально принимать участие в принятии ключевых решений, чтобы не было возможности больше таких ошибок, как советское вторжение в Афганистан, поставившее перед угрозой гибели целых народ. Такого больше не должно повторяться. Сейчас намечается реформа политической

системы в нашей стране. К сожалению, изменения такого рода делаются, на мой взгляд, поспешно, без должного обсуждения, без должного понимания и учета всех возможных последствий. Я не буду говорить конкретно, что меня беспокоит, я уже говорил об этом в других аудиториях, но я только скажу, что я убежден, что необходимо хотя бы несколько месяцев обсуждений и необходим референдум по ключевым вопросам. В этой стране, где я сейчас нахожусь, референдумы — обычная вещь, и даже выборы, которые происходили 8 ноября, сопровождались референдумами по разным вопросам, в разных штатах это были разные референдумы.

Я имел возможность наблюдать это, посетив один из избирательных участков, и на меня произвели глубокое впечатление та активность и заинтересованность людей, которая при этом проявлялась. Но сейчас для нашей страны речь идет не о референдуме по каким-то текущим делам, а нужен референдум, определяющий основное направление государственного развития страны. Может быть, я не прав, может быть, мои опасения неправильные, но в любом случае такое изменение должно иметь санкцию народа.

Другой важный вопрос, о котором я хотел здесь сказать, это вопрос разоружения. Советский Союз жизненно заинтересован в разоружении, и это не пропаганда, это не попытка добиться каких-то односторонних преимуществ — это действительно жизненная заинте-

ресованность нашей страны, которая совпадает с интересами всего мира. Я сказал, что сейчас возникла атмосфера доверия — это верно лишь частично. Это верно как тенденция, но надо понять, с чего мы начали. Мы начали с той атмосферы, которая была создана чудовищными преступлениями сталинизма. Это была система, которая обрекла на голодную смерть миллионы своих сограждан, а миллионы других загнала в рабовладельческие лагеря. Именно эти преступления были главной причиной того недоверия к нашей стране, которая предопределила трагические события истории в 30—40-е годы. Быть может, без этой атмосферы недоверия не было бы ни немецкого фашизма, ни Мюнхенского соглашения, ни самой мировой войны. Такова исходная точка. Потом, конечно, многое менялось, но все равно еще совсем недавно президент вашей страны сказал, что наша страна — это империя зла. Я не хочу здесь дискутировать, я считаю, что это высказывание в настоящем времени было неоправданно, но тем не менее это характеризует атмосферу, в которой это не просто личное мнение этого человека, великого человека, но и общая атмосфера. Если бы я сейчас обратился прямо к советскому руководству, к руководителям нашей страны, а я фактически это и делаю, выступая публично, я бы сказал, что для нашей страны необходимы большие меры для дальнейшего укрепления доверия. И когда я думаю, какой шаг тут мог бы быть самым эф-

фективным, то прихожу к мысли, что таким шагом могло быть односторонне сокращение нашей армии, а методом этого должно быть сокращение сроков службы в армии. *(Аплодисменты.)* Численность советской армии превосходит суммарную численность армий любых других произвольно выбранных трех западных стран. И сокращение этой армии не угрожало бы ни в коем случае безопасности Советского Союза в той мировой обстановке, когда в мире нет нового Гитлера и нет почвы, на которой он мог бы возникнуть.

Но я хочу обратиться не только к советской стороне, есть вещи, которые могут и, на мой взгляд, должны сделать люди Запада. В 1983 году я писал письмо своему другу доктору Сиднею Дреллу. За это письмо я был подвергнут нападкам в советской печати, в которой, к сожалению, приняли участие мои коллеги по Академии. В этом письме я присоединился к д-ру Дреллу в отношении такого тезиса, что ядерное оружие имеет смысл только как противодействие ядерной же угрозе противной стороны. На Западе существует доктрина первого удара. Она, на мой взгляд, предназначена, по утверждению ее защитников, компенсировать превосходство СССР в обычных вооружениях. Но я убежден, что эта доктрина создает только ложное ощущение безопасности. Мы теперь все знаем, что большая термоядерная война — это не только большое несчастье человечества, а это самоубийство человечества. Мы также

знаем, что любая промежуточная форма ядерной войны, частичной войны, неминуемо разовьется в большую термоядерную войну. Поэтому страна-агрессор имеет основания считать, что подвергающаяся нападению другая сторона никогда не решится начать ядерную войну и будет делать уступку за уступкой. Поэтому в качестве противодействия ядерному оружию обычное оружие на самом деле политически является неэффективным. И более того, оно не только не увеличивает безопасность... (*пропуск в несколько слов*). Нужен отказ от доктрины применения его первыми, что должно быть конституционно подтверждено верховным органом власти страны. И то же самое я считаю, что может, а значит, и должна сделать западная сторона.

Есть и много других проблем, которые волнуют нас: мы знаем, что сейчас проблемы среды обитания приобрели совершенно критическое значение. Мы не знаем, в каком состоянии мы находимся, насколько мы далеки от критической черты. Есть грозные проблемы третьего мира, развивающихся стран. Эти проблемы одновременно часто являются также проблемами среды обитания, как, например, проблема гибели — вырубка тропических лесов, снабжающих нас кислородом. Вероятно, нужно принять в каждой из этих частных проблем беспрецедентные меры, например, как говорила моя жена на Пагуошской конференции, возможно, нужно установить систему международных премий тем

странам, которые прекращают вырубку своих тропических лесов. Это только одна из многих проблем. Их можно решать только при высвобождении ресурсов в результате разоружения, только в обстановке доверия, стойкого и основанного на непрерывном движении вперед. Я смотрю в будущее с надеждой, но одновременно я призываю всех к активным действиям для того, чтобы это будущее действительно состоялось и действительно было таким, каким мы его хотим.

Большое спасибо за внимание, большое спасибо за премию — ту награду, которой я сегодня удостоился.

С МЫСЛЬЮ МОЖНО БОРОТЬСЯ ТОЛЬКО МЫСЛЬЮ

ноябрь 1988 г.

Понятие правового государства означает, во-первых, главенство, примат закона. Все инстанции, все государственные органы, все лица, какие бы высокие посты они ни занимали, в равной мере со всеми гражданами подчинены в первую очередь закону. Законы, в свою очередь, полностью соответствуют Конституции, не противоречат ей и полностью соответствуют международным нормам, международным обязательствам страны... Международные обязательства должны иметь известный примат, возможна прямая ссылка на них даже при принятии судебных решений. И должен быть установлен надлежащий конституционный контроль: конституционный суд или какая-то другая аналогичная инстанция, следящая за соответствием законов Конституции и международным обязательствам. Может быть, таким органом станет Комитет конституционного надзора, предусмотренный проектом изменений в Конституции. Вся система обжалования судебных ре-

---

Приложение «Перестройка и права человека» (декабрь 1988 г.) к журналу «Новое время».

шений тоже нуждается в пересмотре. Впрочем, важно даже просто повысить культуру судопроизводства, равно как и культуру ведения следствия; любые нарушения закона в ходе следствия надо выявлять. Следствие, которое проводилось незаконными методами, надо объявлять незаконным. Необходимо установить, что признание обвиняемого не имеет никакой юридической силы. Тогда следователь и не будет добиваться признания. А ведь к нему часто понуждают незаконными методами.

В правовом государстве должны быть безусловно защищены права его граждан.

Свобода убеждений. У нас в Уголовном кодексе были, есть и сейчас статьи, по которым люди осуждались за убеждения, за ненасильственные действия, связанные с убеждениями. Значительная часть этих людей сейчас освобождена. В местах лишения свободы остались единицы.

Все узники совести должны быть освобождены и реабилитированы — это совершенно необходимо для того, чтобы наше государство могло считаться правовым.

Важно также, как будут записаны соответствующие статьи в новом Уголовном кодексе. Имеются лишь отрывочные сведения о том, как он составляется. Статья 190[1], по-видимому, будет исключена — об этом писали в советской прессе. Что касается статьи 70, то у меня есть сведения, что она будет сформулирована неоднозначно и будет допускать преследования за убеждения. Кроме того, в проекте новой статьи содержится особая часть, в част-

ности, о действиях повторных, в ней же выделены действия, совершенные гражданами якобы по подстрекательству из-за рубежа (или лицами иностранного происхождения). Такого рода дополнительные пункты в этой статье недопустимы, могут привести к злоупотреблениям. Думаю, необходимо четко сформулировать: уголовное преследование за убеждения и связанные с убеждениями ненасильственные действия недопустимо. Я думаю, что это должно быть отражено в Основах уголовного законодательства СССР. А статьи Уголовного кодекса должны находиться в полном соответствии с основами законодательства и не допускать неоднозначного толкования...

Я думаю, что и «религиозные» статьи следует так сформулировать, чтобы не допустить преследования за ненасильственные действия, связанные с вероисповеданием и религиозными убеждениями.

Свобода выбора страны проживания. Советское право, во всяком случае, советская практика провозглашает, что у нас эмиграция возможна лишь в порядке воссоединения семей и поэтому требуются так называемые вызовы. По-моему, это неправомерное требование. Международные документы, такие, как Всеобщая декларация прав человека и Пакты о правах человека, ратифицированные Советским Союзом, подразумевают ничем не ограниченное право выбора страны проживания. Неограниченное в том смысле, что не требуется никаких других условий, кроме желания гражданина. И тре-

бовать вызова — неправомерно. Естественно, что в тех случаях, когда выезд человека затруднен по соображениям государственной безопасности, власти имеют право ему отказать. Это естественное условие, которое должно предусматриваться и советским законодательством. Но ведь у нас не существует никакой регламентированной и гласной процедуры определения секретности. Не существует никаких официальных норм, не определены сроки, в течение которых действуют ограничения по секретности. Все это должно быть строго легализовано, должно допускать возможность судебного обжалования решения, отказ должен быть аргументирован.

Свобода митингов и демонстраций. Верховный Совет СССР значительным большинством голосов утвердил Указы, ограничивающие свободу митингов и демонстраций и предоставляющие чрезвычайные права внутренним войскам МВД. На основании этих законов (а ранее — Указов) уже сейчас разгоняются мирные митинги и демонстрации, людей избивают, арестовывают и штрафуют. С моей точки зрения, перестройке нанесен ущерб.

Внутренние войска, находящиеся в подчинении МВД, получили право применять силу в тех случаях, когда, по мнению руководства внутренних войск, возникает угроза общественному порядку. При этом специально оговорено, что внутренние войска подчиняются только министру внутренних дел, не подчиняясь местным органам власти. Тем самым решение вопроса

о законности митинга или демонстрации попадает в ведение внутренних войск.

Единственным конституционным решением проблемы в данном случае было бы такое: граждане представляют в местные органы извещения о предстоящем митинге или демонстрации. Власти же принимают меры, чтобы митинг проходил с соблюдением порядка, чтобы посторонние силы не могли ему препятствовать. А если они считают, что данный митинг следует запретить, то запрещение может быть обжаловано в судебном порядке.

Национальные проблемы и проблемы национально-государственного конституционного устройства СССР. Конституция СССР в первом своем варианте составлялась в 20-е годы, потом в 30-е годы. В условиях, когда уже появились существенные извращения в области государственного строительства.

Национальная структура государства была построена по иерархическому принципу, по типу ветвящегося дерева. Государство, союзные республики, административно подчиненные ему автономные образования — республики и области, национальные округа — вот как это выглядело. Эта система сама по себе порождает острые национальные противоречия и проблемы, потому что малые этносы, группы людей оказываются в подчинении у более крупных. И это оказывается губительным не только для малых, но и для крупных образований, таких, как союзные республики.

По моему мнению, в новом, измененном варианте конституции должна быть установлена не иерархическая, а, как принято говорить, горизонтальная система связей. То есть центральное правительство, которое носит наднациональный характер, — и равноправные, хотя не обязательно равные по размерам и развитию области, образованные по национальному признаку. И, конечно, важные административные решения в каждом таком районе должно принимать местное население. Естественно, с учетом общих интересов, но главное все-таки — мнение жителей данной области, данного района...

События в Нагорном Карабахе назревали очень давно. Азербайджанское население отвлекли от проблем — социальных, культурных и экономических, от факта существования хлопковой мафии, связанной с Узбекистаном, — и канализировали его недовольство в определенном направлении. А армянское большинство в Карабахе страдало от нарушения национальных прав, национальных традиций. Перестройка дала населению Нагорного Карабаха надежду на решение вопроса. Проблема вышла на поверхность; было принято знаменитое решение областного Совета народных депутатов о ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджана и Армении о перемене административного подчинения. Депутатов пытались заставить изменить свое решение, на каждого из них было оказано давление. Центральные власти сразу не приняли никакого реше-

ния, и эта нерешительность привела к сумгаитским событиям. Это целиком результат такого половинчатого и нерешительного отношения к воле народа, к воле местного органа власти. Надо найти какую-то иную форму... На промежуточном этапе это может быть центральное управление. Оставлять все по-старому или идти на какие-то полумеры нельзя.

Права граждан и государственные решения. От реализации этого права зависит судьба миллионов людей. Речь идет о решениях и по социальным вопросам, и по экономическим — скажем, по вопросу реформы цен. И по внешнеполитическим. Считаю недопустимым, чтобы без какого-либо обсуждения, без участия народа могли приниматься такие решения, как введение советских войск в Афганистан.

Смертная казнь. К сожалению, она существует не только в нашей стране, но и в большинстве стран. Вопрос о смертной казни — вопрос принципиальный. Это чрезвычайно жестокое наказание, которое иногда бывает более жестоким, чем само преступление. Вообще может ли быть наказанием насильственная смерть? И всегда есть возможность судебных ошибок. Смертный приговор делает их непоправимыми.

Наличие института смертной казни дегуманизирует общество. В то же время я знаю, что общественное мнение, люди, юридически не подкованные и не знакомые со статистикой, с состоянием дел в области преступно-

сти, не имеющие соответствующего социального опыта, очень часто высказываются за применение смертной казни. Выход из этой ситуации таков: с одной стороны, надо вести разъяснительную работу среди населения, но с другой — власти могут в какой-то мере идти впереди общественного мнения и управлять им. Здесь это оправдано. Но важно, чтобы и юристы, и психологи, психиатры, врачи и журналисты вели соответствующую работу. Особенно впечатляющими являются данные о большом числе ложных приговоров. Я выступал и выступаю против смертной казни (и не только в СССР) еще и потому, что эта мера наказания предусматривает наличие постоянного страшного аппарата исполнителей, целого института смертной казни.

Инакомыслящие и общество. Сейчас нравственное состояние нашего общества сильно изменяется. Оно испытывает встряску. На людей обрушилось море информации о том, что у нас в действительности было в прошлом, что происходит в настоящем. Я считаю, что это очищающая сила, которая должна помочь, во всяком случае молодежи, обрести более демократическое сознание. А демократическое сознание включает уважение к людям с другим мнением и желание самому разобраться во всем, без слепой веры авторитетам. Инакомыслящие нужны обществу.

В целом же хочу сказать: с мыслью можно бороться только мыслью.

ФРАГМЕНТЫ БЕСЕДЫ С ФРАНЦУЗСКИМ ПИСАТЕЛЕМ И ПУБЛИЦИСТОМ ЖАН-ПЬЕРОМ БАРУ

9 и 10 января 1989 года

— Можно начать сразу же?

А. Сахаров. Пожалуйста.

— Сейчас на Западе слушают ваши выступления, даже в маленьких провинциальных газетах (когда вы поехали в Армению, например, здесь у меня много статей о вас, когда вы поехали в Париж), в крупных и в провинциальных газетах писали (смотрят газеты)... Это о вас «Свободный мыслитель», «Человек наук», «Диссидент вопреки себе».

А. Сахаров. Это что, «Монд»?

— Нет, это швейцарская газета. Хотите сохранить это?

А. Сахаров. Вы знаете, я по-французски не могу... Это я?

— Да, это вы, серп, молот и вы, как главный мыслитель народа... Да, такая карикатура...

В России публикуется впервые.

См. также дополнение 3.

В беседе принимала участие Е. Г. Боннэр.

А. Сахаров. Главных в таких случаях не бывает. Что делать? Могу это только отнести жене.

...Не думаю, чтоб я являлся каким-нибудь главой, я всегда стараюсь представлять самого себя, и моя позиция тоже меняется в зависимости от обстоятельств. Я вижу определенную противоречивость и даже определенный обратный ход в политике перестройки. И поэтому я считаю, что перестройка — абсолютно необходимая вещь, но это не значит, что надо, так сказать, безоговорочно поддерживать Горбачева; хотя перестройка, конечно, началась с инициативы Горбачева, но ассоциировать это на все сто процентов, полностью только с ним было бы неправильно; Горбачев тоже может подвергаться каким-то давлениям, какие-то у него могут быть другие соображения. В общем, нужно поддерживать именно перестройку, не боясь в этом случае кого-то обидеть. Очень важно, чтобы перестройка развивалась поступательно и чтобы все понимали, что сотрудничество с Западом возможно только при поступательном движении перестройки. Ну, на словах говорится, что именно этого мы и хотим, но реальная действительность оказывается очень сложной и неоднозначной. И что мы получили, ну, например, выборные законы мне определенно не нравятся, закон о разгоне демонстраций и митингов тоже не нравится, и многие другие вещи мне не нравятся. Мне очень не нравится арест членов комитета «Карабах».

— А должен ли Запад продолжать оказывать давление на Советский Союз путем экономических переговоров? Должен ли Запад играть роль в этом деле?

А. Сахаров. Он реально играет роль. Каждое действие Запада имеет значение. Все так взаимосвязанно, что любое действие — оно имеет очень большой резонанс. Общая линия должна быть такая, что перестройка поддерживается постольку, поскольку она остается перестройкой.

...Я не рассказал вам, что мы видели в деревнях Армении в зоне бедствия. Это разрушенные дома, люди живут в стогах сена, ночуют в стогах сена. *(много пропущено в записи)* в деревню прилетел вертолет... с продуктами, и одеждой и одеялами, но на него прямо, на этот груз просто набрасываются люди, да. И кто-то хватает целую кучу: целый ящик консервов, например, или целую кучу одеял, а другим ничего не достается, вот такое странное распределение. Очень страшная картина, такого дикого общества, это как у Джека Лондона или же у Брет Гарта...

— Кто?

А. Сахаров. Брет Гарт, такой был американский писатель. Да, в общем, кто сильнее и здоровее, тот захватывает себе все, а остальным ничего. Я боюсь, что так многие люди просто могут погибнуть. Стоит человек в стороне, с заплаканным лицом, мы его спрашиваем: вот вы очень плохо одеты, у вас нет шапки, почему

вы не хотите подойти и что-нибудь себе взять? Он говорит: у меня погибла жена и дочь, и я уже не могу в эту драку лезть. Женщина с детьми подошла, она опоздала, ей ничего не досталось, она начала ругать советскую власть. Вот такая... так страшно. Были мы на раскопках, очень много дефектов в организации. Комитет стремился как-то упорядочить это. Все очень страшно! Очень много людей погибло...

Так что вас еще интересует?

— *Поправки к Конституции предусматривают, что парламент избирает нового главу государства. А не кажется ли вам, что ограничением всенародного голосования, т. е. что партия имеет право назначить 70 или 80 депутатов в состав этого парламента, не является ли это антидемократичным?*

А. Сахаров. Ну, новая избирательная система очень сложная, и в ней масса подводных камней, масса скрытых деталей, которые делают ее очень недемократичной. То, что вы говорите, это только, так сказать, очень маленькая часть этого очень сложного механизма. Я считаю, что главными недостатками являются две вещи: во-первых, многоступенчатые выборы, во-вторых, тот факт, что выдвинутые кандидаты на собраниях, прежде чем попасть в избирательную комиссию, проходят определенный отбор, который осуществляется недемократическим методом и без каких-либо формальных критериев. Но, вот собственно, вот эти два главных недостатка. ...Избирают

кандидатов, недемократическим способом, т. е. выбранные кандидаты в депутаты, до того как они поступают в избирательную комиссию, подвергаются сортировке, часть из них отсеивается, и это предрешает состав депутатов.

Е. Боннэр. Еще такое «но». ...Две вещи я хочу сказать: выбирается съезд народных депутатов, две тысячи с чем-то человек, двести (А. С. — 2250), и из его состава потом уже не населением страны, и не общественными организациями, а там наверху, ими же, выбирается четыреста функционеров (А. С. — четыреста депутатов Верховного Совета), которые работать будут. Вот эти четыреста не подотчетны населению страны, потому что страна их не выбирала, и вообще непонятно, по какому принципу они будут выбраны. Сейчас, нам, правда, говорят... что они будут меняться. А по какому принципу они будут меняться (А. С. — тоже непонятно), они кому-то не понравились, и поэтому будут меняться? Каждый год одна пятая часть будет меняться, 80 человек, по какому принципу — непонятно. (А. С. — Да, это безумно сложная система). Далее это очень важная вещь. Так как глава государства выбирается не прямым способом, не народом, то его и снять может не народ, а вот эти самые неизвестно кем назначенные аппаратчики. И Горбачев очень, лично Горбачев рискует, а вместе с ним вся страна, которая поверила в перестройку, потому что эти функционеры его в очередной

Октябрь — у нас все перевороты были в октябре — возьмут и снимут, и все. А единственная защита главы государства, реальная, была бы — прямые выборы: мы его выбрали и только мы можем его переизбрать. Он лишился народной защиты и одновременно поставил себя под очень большой удар, и вот лично я считаю, что его скоро скинут. Это вот мое личное мнение. Сахаров к этому не имеет отношения. (**А. С.** — Нет, я это тоже говорил. Я это тоже говорил.) Именно потому, что он принял такую антидемократическую систему, напрасно принял, он, видимо, думал, что его не выберут, а его бы выбрали, потому что другого лидера у страны не было. Но его скинут они сами — это точно. (**А. С.** — Или скинут или будут управлять...), так что я на него не ставлю больше, чем десять рублей.

А. Сахаров. Я согласен. Здесь она говорит, что я к этому не имею отношения, но я тоже так думаю. Да, и я говорил это на Западе. Горбачев как раз по этому поводу, что Сахаров эту систему осудил, что-то довольно сердитое говорил на совещании. Но я совершенно не мог понять логики его возражений, там были какие-то эмоции.

— *А что касается перестройки, вы говорите, что это единственный выход. Вы не думаете, что вас заставили заинтересоваться политикой опять, т. е. не вас, а всю интеллигенцию, и что политики таким образом увлекли за собой все общество; действительно вы дума-*

ете, что это единственный вопрос? А народ увлекается этим вопросом, не интеллигенты, а простые люди?

А. Сахаров. Народ очень настороженно относится. Дело в том, что материальных последствий перестройки мы не видим; и кроме того, народ — он не только на материальные вещи смотрит, это неправильно, что народу нужны только материальные вещи, он смотрит на то, чтобы не было вранья. А вранье все-таки, видимо, присутствует. В общем, как мы выйдем из этого переходного периода и через какую дверь — это еще надо подождать.

— А проблема большей автономии республик — не является ли это требованием масс?

А. Сахаров. Да, это народная основа, за этим общенародная основа. Я думаю, что и многое другое из перестроечных вещей является общенародным. К сожалению, у нас исчезло трудовое крестьянство, это большой класс. А то у нас арендный подряд был бы общенародным, но сейчас исчезла эта группа людей, в особенности в России; в Азии она вроде есть.

— А ваша идея конвергенции — она все еще актуальна?

А. Сахаров. Я думаю, что она не только актуальна, но она воплощается в жизнь постепенно. Происходят плюралистические изменения на Западе и плюралистические изменения в социалистической системе. Хотя Горбачев и отрицает слово «плюрализм», но реально возникают новые формы собственности, а но-

вые формы собственности неминуемо ведут к новым идеологическим явлениям, т. е. возникает идеологический плюрализм, все это в сторону конвергенции, по-моему, и в СССР, и на Западе. На Западе уже давно нет такого классического капитализма типа описанного Энгельсом в работе «О положении рабочего класса в Англии», тоже возникает акционерная форма собственности и много такого, что не снилось в XIX веке. А у нас возникает много такого, что не снилось еще тридцать лет тому назад.

— *Социализм приобрел благородные черты, которые были свойственны ему, когда вы были молоды?*

А. Сахаров. Когда я был молод, это был не социализм — *это был фашизм. В тридцатые годы — это был типичный фашизм.*

— *Но у вас был идеал социализма, ваш идеал?*

А. Сахаров. Я думаю, что все-таки это преувеличение и это не значит, что все были очень очарованы. Это очень страшная психология была. В административный аппарат хлынул огромный поток в 30-е годы новых людей, это выходцы из деревни. Это люди, у которых, как правило, их родные репрессированы, кулаки, раскулаченные. И вот эта новая деревенская в предыдущем поколении прослойка, а теперь интеллигенция первого поколения, она и составила основу сталинской системы. Это люди, которые уже успели отречься от собственных отцов; говорить для этого

нового класса, что он верит в социалистические идеалы, это даже не преувеличение, это совсем другая психология, где слово «вера» не подходит, это неадекватный термин. А что сейчас происходит? Сейчас происходят очень интересные психологические процессы, но назвать это возрождением социалистических идеалов я бы все-таки остерегся. Это Горбачев так говорит, что мы восстанавливаем социалистические идеалы в духе Ленина. На самом деле создается что-то совсем другое, мы еще в этом разобраться не можем. Идет такое брожение, когда очень трудно сказать, к чему мы придем.

— *Можно это обозначить каким-то словом, «изм», что сейчас происходит?*

А. Сахаров. Никаким «измом» окончить нельзя, сейчас брожение. Брожение, — что-то вроде этого самого океана в повести Лема «Солярис», где из этого океана возникают образы, на самом деле порожденные мозгом человека... такая страшная вещь. Я вовсе не так светло смотрю на ситуацию, я просто считаю, что нет никакого другого выхода, кроме перестройки. Оптимист я или пессимист, я даже не знаю.

— *А вы все еще думаете, что наука может служить основой для объединения человечества? Или сочетание — научно-технический прогресс?*

А. Сахаров. Наука и научно-технический прогресс необычайно важны, конечно. Но объединяет че-

ловечество что-то другое, может быть, просто чувство самосохранения, может, какие-то идеалы.

...Я считаю, что есть какие-то высшие ценности. Высший смысл, действительно, что-то есть высокое. И общее, объединяющее не только человечество, но и человека и природу.

— *Ваша речь меня удивляет, она меня удивляет... Ваша речь почти триумфальная, то, что вы говорите, как-то поражает своим побеждающим тоном.*

А. Сахаров. Нет, но это я говорил в общем широком плане, а не о конкретной ситуации сегодняшнего дня. Вы спрашивали, вижу ли я общие какие-то ценности и тенденции. Да! Но еще время существует в человеческой истории, и в нем они сочетаются с разрушительными моментами, с агрессивностью людской, и жадностью, и эгоизмом, и всем этим прекрасным набором. И человек и общество сформировались как очень неоднородное сообщество. Еще в первобытных племенах были вожди, которые обладали очень большой жестокостью, и были рядовые члены, и были старики, которые были носителями мудрости племени. Эти три начала существовали одновременно, и поддерживалось какое-то равновесное состояние из очень разнородных элементов, равновесие разнородных элементов в человеческом обществе. Но это равновесие было очень неустойчиво, все время сменялось взрывоподобными процессами, поэтому сказать, что это победоносное

шествие высших идей — история человечества, — никак не приходится. Когда читаешь книги по истории, то приходишь в ужас от того, какие они кровавые, жестокие, коварные, сколько коварства, сколько предательства, и в то же время такого героического альтруизма очень много в истории тоже. Все это очень странно сочетается.

— *Когда вы видели пьесу «Собачье сердце», пьеса вам очень понравилась, и вы говорили о ней, что речь шла о дестиритуализации человечества. Об обездушивании человечества?*

А. Сахаров. Интересная пьеса, но придавать ей особенно большое философское значение я бы не стал. Хорошая, талантливая пьеса. То, что я выступил со статьей, просто меня попросили, это было одно из моих первых печатных выступлений. Гипертрофировать, придавать слишком большое значение этому как чему-то принципиальному и философскому я бы не хотел.

— *И чтобы закончить вопрос: вы не думаете, что этот прогресс обездушивания угрожает человечеству?*

А. Сахаров. Не знаю, это очень сложный вопрос, и я думаю, что если человеческое общество будет плюралистическим, то в нем всегда сохранится и духовное начало. Что угрожает духовному началу? Унификация. Любая унификация. Унификация, вызванная тоталитарным режимом, или унификация, вызванная диктатом рекламы, моды.

— Средствами массовой информации?

А. Сахаров. Средствами массовой информации, моды, это, конечно, убивает духовность, но до тех пор, пока общество остается плюралистическим, полностью убить в нем духовность невозможно. Поэтому я не очень боюсь всех этих разговоров о массовой культуре, о культуре развлечений, о развращающем действии телевизора и тому подобное, по-моему, это все-таки немножко преувеличенные опасения, хотя в них определенная доля правды есть... Мне гораздо больше нравится культура, основанная на книге, на общении человека с книгой и на серьезной одухотворенной музыке, и эстрадной, в том числе — я не отрицаю эстраду. Очень модная музыка и очень модные книги меня немного пугают. Но, по-моему, это опасность все-таки не летальная. Летальная опасность — это тоталитаризм. И вот это страшно. То, что происходило в СССР во времена Сталина и в Германии во времена Гитлера, — это действительно исчезновение культуры, исчезновение человечности.

— Думаете ли вы, что эпоха поправки Джексона уже прошла? Такого рода давление уже ни к чему? Или несвоевременно?

А. Сахаров. Ну, поправка Джексона, по-моему, не отменена. На самом деле она просто должна терять свой смысл, если советская политика эмиграции оказывается достаточно хорошей.

— Есть еще много отказников в СССР?

А. Сахаров. Думаю, что число их резко уменьшилось, но они еще есть, и законодательного изменения нет. Очень важно, чтобы вся система эмиграции была четко лимитирована законом. И эти законы не должны отличаться сильно от западных. Вопрос отказников, его актуальность сейчас уменьшилась, но не до нуля.

— А нужно ли экономическими переговорами оказывать давление?

А. Сахаров. Думаю, что это не самый острый вопрос прав человека. Конечно, в каждом отдельном случае это важно, и я думаю, что внимание этому должно уделяться, но гипертрофировать это внимание тоже не надо. Важнее всего, чтобы юридический порядок тут был, чтобы было такое законодательство, при котором все эти вопросы решаются в общедемократических нормах.

— Это означает независимость правосудия?

А. Сахаров. Должны быть такие законы об эмиграции и возвращении в страну, которые гарантируют каждому гражданину его права.

— Но для этого нужна независимая юстиция, правосудие?

А. Сахаров. Это вопрос очень важный сам по себе.

— Но вы согласны, что это связано?

А. Сахаров. Я согласен, что это связано, но вопрос о независимости судов далеко выходит по своему значению за рамки вопроса о свободе эмиграции.

— А вы не думаете, что дипломатические и военные тайны могли бы немножко уступить, сузиться в пользу гласности? Могло бы быть какое-то открытие в рамках гласности?

А. Сахаров. Я думаю, что сейчас уже очень мало тайн осталось реальных, по-моему, чем меньше тайн, тем лучше. Поэтому я считаю, например, что наличие спутников-шпионов — это фактор мира недоверия. Я считаю, что чем меньше тайн, тем лучше для мировой стабильности. Тайны — вещь опасная, они могут толкнуть на авантюру или, наоборот, на превентивные действия, в которых совсем нет необходимости. По-моему, чем больше известно о других странах, о противнике потенциальном, тем безопаснее для каждой из сторон. По-моему, тайны — вещь опасная. Военные тайны — это понятие не дипломатическое, это понятие, которое должно отмереть.

— Раньше считалось, что советское гражданство было правом, но и честью. Из-за этого желание покинуть советскую родину считалось предательством. Думаете ли вы, что в этом отношении положение желающих эмигрировать отказников изменилось?

А. Сахаров. Ваш вопрос носит такой психологический характер? Речь идет о массовой психологии?

— Не только психологический, но когда отказник хотел эмигрировать, т. е. не отказник, но человек хотел эмигрировать, у нас есть много историй, что он терял

сразу же работу, у него были всякие неприятности, это уже не психологически... Это никчемный вопрос?

А. Сахаров. Нет, я сейчас думаю. Я думаю, что психология, конечно, если говорить о психологии, то она несколько изменилась, хотя и недостаточно. А что касается преследования тех, кто оказался в отказниках, то тут вопрос сложный, ведь многие отказники сами не хотят работать на той, своей прежней работе, потому что они хотят как можно дальше отойти от секретности...

Люся, преследуются ли у нас отказники сейчас, увольняют ли их с работы или нет?

Е. Боннэр. По-моему, нет. Большинство людей сами уходят с работы, прежде чем подавать документы.

А. Сахаров. Чтобы как можно дальше быть от секретности... И большинство отказников существует на накопления свои и на ту помощь, которая им оказывается. В общем, так сказать, особенно тяжелого положения, материального положения отказников мы не наблюдали...

Е. Боннэр. Ну, это мы не наблюдали...

А. Сахаров. Были, наверное, да. А что касается морального отношения к выезду из СССР, то какие-то изменения тут тоже произошли...

Е. Боннэр. ...особо плохого отношения, по-моему, нет: и к отказникам, и к людям, подающим заявление на выезд.

А. Сахаров. Но есть очень большая категория людей, ну, довольно большая, таких, которые идут по несколько неосторожному пути, начинают с отказа от гражданства... но это часто люди, вообще не устроенные в жизни...

Е. Боннэр. Ну, кто это? Это... психи, и не евреи.

А. Сахаров. Да, это не евреи, это неуравновешенные люди — скажем так.

Е. Боннэр. Мне кажется, вообще проблема выезда немножко передвинулась: от евреев — она давно должна была передвинуться в представлении Запада — к праву выбора страны проживания как таковому; чтоб для этого не требовались ни вызовы, ничего; но, конечно, это будет создавать для Запада большие сложности. Вот вы нам задаете вопрос о выезде и отказниках. А почему вы не задаете вопрос своему правительству о квотах для людей, которые хотят выехать отсюда, о сложностях приехать во Францию, если люди хотят приехать во Францию, о сложностях получения французского гражданства даже для людей, которые получают право приехать туда. Задавайте своему правительству вопрос, а у нас уже, в общем, едут. Ведь получилось так, что тяжесть материальной абсорбции людей, уезжающих из СССР, почти целиком взяли на себя США. А другие развитые страны Запада практически в этом не участвуют. А надо бы участвовать. Даже такой известный диссидент, как Юра Орлов, не мо-

жет получить французское гражданство. (А. С. — Люся, а он добивается французского гражданства?) Он работает в ЦЕРНе, он хочет, но это же временно, на год или на два он имеет право работать в ЦЕРНе, еще один год по возрасту. Он хочет быть французом, но Франция ему не дает гражданства. Правильно я говорю? Так что у вас очень много вопросов к вашему правительству, а не к нашему. А сейчас в Италии сидит очень много людей, которым американцы не хотят предоставлять статус беженцев. Эти люди уехали не оттого, что их здесь преследовали, а потому, что они хотят лучшей жизни, они имеют право ее хотеть. Но американское правительство имеет право, может сказать: почему за счет американцев? Ведь им предоставляются очень большие льготы, если они получают статус беженца: пенсионного и медицинского обслуживания и прочее. Например, ни для кого здесь, в России, не секрет, что люди, достигнув 65-летнего возраста, решают уехать из СССР, потому что в Америке они будут иметь хорошую пенсию, хорошую квартиру, хорошее медицинское обслуживание, получив статус беженца. И никогда в жизни, ни одного часа, не работая на американское общество. Поэтому Америка сейчас затрудняется всем давать статус беженцев. А другие развитые страны ей не помогают. Только говорят на Венской конференции о том, что у нас нет права выезда.

А. Сахаров. Американское население часто получает меньше пенсии, чем... так называемые беженцы.

Е. Боннэр. А американское население получает гораздо худшее обеспечение в старости, чем люди, уехавшие из СССР. (А. С. — Но они работали в США.) Это очень сложно всё.

А. Сахаров. Да, но французы тут не приложили рук.

Е. Боннэр. Французы и другие. И Швейцария... (А. С. — Люся, а вот я не знаю, русские первой волны эмиграции — они получали...) Ничего не получали, абсолютно! Это советские стали ехать на все готовенькое, а эмиграция первая работала уборщицами, поломойками, швейцарами, мойщиками в общественных гальюнах и выбивалась в люди за собственный счет, а нынешняя эмиграция выбивается в люди за счет американского налогоплательщика. Я, например, считаю, что Америка вправе ограничить квоту... (А. С. — Но она уже и ограничила...) А если Запад так волнуется по поводу нашей эмиграции, то пусть другие развитые страны введут эти квоты. Очень многие эмигранты, если им дать хороший материальный статус, поедут в Европу, а не в Америку, они хотят в Европу.

— *А вы об этом не говорили Миттерану?*

Е. Боннэр. Зачем я буду говорить Миттерану? Это проблема французских правозащитников. А я не собираюсь эмигрировать, я довольна своей пенсией.

— Робер Бодентэр, бывший министр юстиции Франции, выступил с предложением о создании Всемирного суда по правам человека, который бы играл для всех государств — членов ООН ту роль, которую сейчас играет в Европе Европейский суд в Страсбурге. Является ли эта идея привлекательной?

А. Сахаров. Хорошая идея...

— ...и любой человек мог бы обратиться к такому суду?

А. Сахаров. Хорошая идея. Посмотрим, что скажет на это СССР.

— То обсуждение, которое вы имели раньше с Солженицыным, касающееся внутренней свободы, что вы думаете сегодня об этой внутренней свободе?

А. Сахаров. Я не совсем понял вопрос.

— Такое впечатление на Западе, что вы отстаиваете внешнюю свободу, социальную свободу, тогда как Солженицын отстаивал внутреннюю свободу. Вы были, скорее, сторонником социальной свободы, свободы передвижений, свободы эволюции, даже до сего дня.

А. Сахаров. Нет, я думаю, что наши разногласия с Солженицыным шли по другой линии. Солженицын, как мне кажется, принадлежит к такой славянофильской ветви в нашей оппозиции, а я к более западнической. Я действительно за плюрализм. Я считаю, что это и есть путь к внутренней свободе, что внешняя свобода гарантирует внутреннюю. Что такое плюрализм? Это внешняя свобода, свобода в экономике, идеологии, сво-

бода передвижения, свобода выбора страны проживания — это все внешняя свобода, но она гарантирует внутреннюю свободу. Поэтому я не против внутренней свободы, я считаю, что внутренняя свобода не может быть гарантирована в клерикальном государстве, так как это тоже есть форма ограничения свободы. Мне кажется, что должен быть плюрализм, свобода религии обязательна, но никак не религиозный диктат. И потом, мне кажется, что у Солженицына националистические моменты были. Это к вопросу внешней и внутренней свободы не имеет прямого отношения. Я считаю, что именно внешняя свобода является залогом свободы внутренней. Плюрализм. Плюрализм — это единственное, что нужно обществу, это то, на чем происходит конвергенция социалистического и капиталистического мира. Я считал, что Солженицын занимается неким мифотворчеством, но мифотворчество всегда заводит людей в тупик и приводит к опасным напряжениям, опасным иллюзиям. В общем, у нас, конечно, с Солженицыным были принципиальные разногласия. Я, может быть, не сумел их как следует *тогда* высказать, и он тоже не сумел как следует высказаться...

— *Вы могли бы их выяснить сегодня?*

А. Сахаров. Сегодня еще труднее, чем тогда, потому что жизнь усложнилась и прошла какие-то новые круги. Мне кажется, что Солженицын своей проповедью того времени привел к расколу диссидентского

движения (в первой половине 70-х годов). Это очень печально. Но при этом у меня глубочайшее уважение к Солженицыну. Я считаю его великим человеком и великим защитником права человека на свободу.

— Может быть, то, что вас разделяет, что Солженицын не уделяет такое же место правам человека?

А. Сахаров. Ну, он иначе свою иерархию ценностей строит. Но это то же самое: внешние права и внутренние права.

— Солженицын боится, что эта внешняя свобода заставит забыть о сущности внутренней свободы, которую он обнаружил в лагерях?

А. Сахаров. Лоуренс Аравийский, был такой деятель, английский разведчик и писатель, писал, что высшую свободу он обретает в казарме! Я думаю, что это слишком парадоксально. Я считаю, что свободу человек должен обретать в свободной стране, и эта свобода — она одновременно и материальна, и духовна.

— А точка зрения Солженицына является точкой зрения религиозного человека?

А. Сахаров. Я не уверен, что это точка зрения религиозного человека вообще. Это точка зрения религиозного человека определенного направления религиозности.

— Если я могу задать вопрос — сами вы совсем не имеете никакого представления о Боге? Вы совсем неверующий, неверующий, как Вольтер...

А. Сахаров. Ну, трудно сказать.

— Извините, если это слишком...

А. Сахаров. Нет, я могу сказать только, что я сам с трудом могу сформулировать свою позицию. В общем, я считаю, что какой-то высший смысл существует: в природе, в обществе, но в основном в природе, во Вселенной. Какой-то высший смысл есть. Какая-то теплота такая. Но что это такое и как это связать с реальной жизнью, я, честно говоря, не знаю. Это очень далеко от формальных религий. Какая-то целевая основа Вселенной, мне кажется, должна существовать и как-то пониматься, но это очень такая аморфная идея. Ну, что касается религий вообще, то я понимаю их моральное, такое социально-цементирующее значение, но это вопрос не столько религии, сколько церкви. А религия, в отличие от церкви, мне представляется немножко бунтарской всегда. Да, это бунтарская какая-то такая динамическая закваска в человеческой психике. В общем, я к религиозным вопросам, к религиозным исканиям других людей отношусь очень серьезно. Я не склонен считать их глупостью, невежеством, заблуждением. Это очень серьезная часть человеческого сознания. Поэтому я считаю, что обязательно должна быть свобода религии, но в то же время я очень боюсь двух вещей: религиозного фанатизма и государственных религий, религий, которые сливаются с государством — клерикализма.

— А этот высший смысл, этот неясный высший смысл, который вы представляете себе, можно его видеть в моральном сознании?

А. Сахаров. Наверно, в частности, и в нем. В частности. Он, наверное, выше и общей. Не только мораль... Но мораль очень важна... В морали уже есть этот смысл, опосредствованный через социальные мотивы, предметы социальные, через социальную жизнь.

— Извините, я вас не понял.

А. Сахаров. Мораль — это смысл, который, так сказать, спроецирован на общество. Это я начинаю говорить уже как-то слишком абстрактно. Я смотрю, моя жена поставила два стаканчика и мартини, вы как к этому относитесь? А я нет, я полностью себя от этого отделяю, совсем не употребляю, ничего кроме чая, я даже кофе не пью, даже кофе не пью фактически, очень редко, а в основном только чай, и то слабый. Раньше пил очень крепкий, а после голодовки мы оба — и Елена, и я — перестали пить крепкий чай, почему-то нам стало это неприятно, какой-то сдвиг в организме произошел.

— Вы уже устали, наверно?

А. Сахаров. Сейчас который час?

— Одиннадцатый.

А. Сахаров. Не хотите еще по чашечке?

— С удовольствием.

А. Сахаров. Ну, хорошо.

— Можно?

А. Сахаров. Можно.

— В 1958 году вы написали статью об остаточной радиоактивности, которая мне кажется похожей на повесть «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, ибо тогда как ваша статья разоблачает научные преступления, повесть разоблачает исторические сталинские преступления. Что вы думаете об этой параллели, тем более что вы опубликовали в одном и том же возрасте, возрасте 37 лет?

А. Сахаров. Какая статья? О какой моей статье там речь?

— Об остаточной радиоактивности.

А. Сахаров. Не об остаточной. Статья о последствиях ядерных взрывов была написана в 57-м, а была опубликована в 58-м... Я доволен, что я написал эту статью, но никакие параллели с Солженицыным, по-моему, тут просто невозможны, и это совершенно разные вещи. Я не способен мыслить в таких абстрактных терминах вообще. Я считаю, что... у вас очень длинно сформулирован вопрос. Почему вы считаете, что это параллель, по совести говоря, я этой аргументации не понял, она для меня какая-то слишком абстрактная...

— Думаете ли вы, что биологические последствия остаточной радиоактивности ставят под угрозу человечество? А если да, будет ли согласно с вашими соображениями по этому поводу международное научное сообщество, в частности, американское научное сообщество?

А. Сахаров. Я произнес слишком много слов в ответ на предыдущий вопрос. Угроза человечеству — это слишком сильно сказано, но угроза того, что погибнет много людей, это несомненно так. И, по-моему, эта точка зрения достаточно общая.

— *Что вы понимаете под выживанием человечества, почему об этом стали говорить?*

А. Сахаров. В каком контексте, я что-то не понял вопроса, повторите вопрос.

— *У меня три вопроса связаны, я попробую. Почему говорят сейчас о выживании человечества? Почему стали этим так интересоваться? Что угрожает человечеству?*

А. Сахаров. Человечеству угрожает, как целому, большая термоядерная война, совокупность экологической опасности, где мы полностью не представляем себе всей механики, но поняли, что где-то существует опасная грань. Может быть, мы еще от нее далеки, но она несомненно существует, и, поскольку мы это поняли, мы стали говорить о выживании человечества. И человечеству угрожает большая неравномерность экономического и социального развития...

Е. Боннэр. ...сама по себе не угрожает...

А. Сахаров. Ее последствия, конечно, ее косвенное следствие. Но в основном две первые проблемы.

Е. Боннэр. Третья абсолютно не угрожает, почему ты ее назвал?

А. Сахаров. Как одну из основных глобальных проблем?

Е. Боннэр. Она не угрожает человечеству...

А. Сахаров. Ну, как тебе сказать, она является подогревателем очень многих агрессивных и конфликтных ситуаций, из которых может вырасти, например, термоядерная война, терроризм.

— А когда вы первый раз выдвигали идею биологических последствий остаточной радиоактивности, вас не слушали, а сегодня вас больше слушают?

А. Сахаров. Ну, во-первых, не я первый выдвигал, так что не слушали не только меня, а и многих других.

— А сейчас эта идея признается научным сообществом?

А. Сахаров. Я все-таки не совсем понимаю, что вы понимаете под остаточной радиоактивностью?

Е. Боннэр. Андрюшенька, это так, наверное, перевели на французский язык твои рассуждения о том, что каждое ядерное испытание в потенции уносит сколько-то жизней...

А. Сахаров. Ну почему слово «остаточный», я не понимаю...

— Это радиоактивность, которая остается...

Е. Боннэр. Ну потому, что так они перевели...

— Кажется, это ваше обозначение.

А. Сахаров. Радиоактивность, которая остается после ядерных взрывов, да?

— *Да.*

А. Сахаров. Угу. Понятно. Я не говорил, что это угрожает человечеству в целом, говорил, что она уносит человеческие жизни, и в этом отношении это, по-моему, даже и тогда признавалось, но сейчас в гораздо большей степени.

— *А вы об этом говорили в США?*

А. Сахаров. Когда, сейчас?

— *Беседуя с американскими исследователями.*

А. Сахаров. Сейчас нет. По-моему, вообще это является общим местом, что большое количество человеко-доз, человеко-рентген уносит человеческие жизни, независимо от того, есть ли это результат ядерных испытаний в атмосфере или же взрыва ядерного реактора. Этого, по-моему, никто не отрицает.

— *А Теллер отрицал эту идею сначала?*

А. Сахаров. Он никогда не отрицал, но он считал это несущественным. Несущественным по сравнению с опасностью нападения СССР на США.

— *Что вы думаете, что контролируемая термоядерная реакция является энергией XXI века? Исследования в этой области достаточно далеко продвинулись?*

А. Сахаров. Я считаю, что это будет играть важную роль, и я думаю, что она будет осуществлена в промышленном масштабе в XXI веке, но будет ли это главный источник энергии — я не думаю этого, вернее, не знаю.

— Я видел физика Джека Стейнбергера, лауреата Нобелевской премии по физике 1988 года, а он говорит, что наука намного быстрее двигается в сторону зла, чем в сторону добра. Вы согласны с ним?

А. Сахаров. Наука движется не в сторону зла и не в сторону добра, она движется в сторону расширения возможностей человека и познания истины, природы. А будет ли это зло или добро — это зависит от общества.

— Наука принесла нам больше зла, чем добра, в XX веке?

А. Сахаров. Нет, нет, это не так. Наука, конечно, принесла больше добра, чем зла... Куда движется наука — в сторону добра или в сторону зла? Я говорю, наука движется в сторону увеличения возможностей человека, а как они будут использованы, это зависит от человеческого общества. И наука принесла, на мой взгляд, больше добра человеку. Во всяком случае, прогресс неминуем, остановить его нельзя, это будет остановка человеческой цивилизации вообще, и мы только должны думать о том, чтобы этот прогресс не заводил нас в тупик. Что-то, наверно, нельзя делать по морально-этическим соображениям, как в области генной инженерии, наверно, тут есть какие-то определенные пределы, которые переходить нельзя. Но в целом наука колоссально улучшает возможности человека. И мы должны ответственно

к этому относиться. Ответственность, конечно, должна быть.

— Согласны ли вы с такой дилеммой: либо создать новый человеческий порядок, который стал бы заниматься проблемами мира и справляться с проблемами голода, либо, если человечество не способно на это — оно исчезнет? Ведь Хомейни мог бы завтра располагать ядерной бомбой.

А. Сахаров. Я думаю, что в жизни всегда не крайние возможности реализуются, ну, так сказать, как правило, происходит какой-то сложный процесс, где разные тенденции существуют и одновременно действуют. А каков будет конечный результат, это предсказать очень трудно. В общем, слово «дилемма» — это обязательно какой-то идеальный порядок, а при создании идеального порядка часто можно так дров нарубить, что это будет не лучше, чем то, с чем человек пытается бороться. В общем, я за плюралистический мир, в котором есть разные тенденции, и каждое общество само по себе тоже должно быть плюралистическим. Хомейни, конечно, страшно. Но мне кажется, что это все-таки на обочине исторического процесса.

— Во время создания водородной бомбы Капица сначала отказался принять участие в ее разработке, а вы согласились. Это из-за того, что вы имели ложное представление о социализме и о политиках?

А. Сахаров. Наверное, очень трудно описывать свою психологию того времени. Я буду говорить толь-

ко о себе. Вопрос о том, как отказался или не отказался Капица, об этом уже большая литература существует, и тут все очень неоднозначно.

Во-первых, меня никто не спрашивал, в отличие от Капицы. Капицу, правда, тоже не очень спрашивали, он проявил инициативу определенного рода...

Е. Боннэр. Не про водородную бомбу...

А. Сахаров. Да, но это неважно, я сказал, что вопрос о Капице мы не обсуждаем вообще. Вопрос о том, включаться мне в эту работу или не включаться — меня не спрашивали, но после того, как я уже был включен, я считал эту работу важной, важной для равновесия сил в мире, для того, чтобы был паритет. Ну, вот тем самым для предотвращения войны. Я надеялся, что это оружие не будет использовано для уничтожения человечества, а, наоборот, будет удерживать человечество от войны. Строил ли я себе при этом иллюзии относительно своего правительства? Слово «иллюзии» тут, наверно, не подходит. Я, конечно, полностью не представлял себе или не был к этому еще морально готов, чтобы полностью составить себе мнение о том, что такое Сталин, что такое Берия, но не идеализировал их тоже. Но это не играло роли. Даже если б у меня была другая оценка, это бы не играло роли, потому что я считал, что здесь речь идет о более глобальных вещах, чем свойства того или иного правительства или того или иного строя. В общем, я думал, что эта работа нужна для равновесия в мире...

Е. Боннэр. Так и оказалось, реально...

А. Сахаров. Возможно, да.

Е. Боннэр. Сколько лет живем без большой войны.

А. Сахаров. Но у нас нет контрольного эксперимента.

Е. Боннэр. Никогда не бывает контрольного эксперимента...

А. Сахаров. В истории — не бывает.

Е. Боннэр. Возвращаясь назад, от того, что у Хомейни будет бомба — это вовсе не значит, что даже такой политик, как Хомейни, будет ее применять.

А. Сахаров. Пожалуй, я считаю, что ответил.

— Думаете ли вы, что вас подвели политики, и в частности, Хрущев? А сегодня как?

А. Сахаров. Что такое?

— Что вас подвели...

А. Сахаров. Как подвели?

— Что играли с вами?

А. Сахаров. Не знаю, по-моему, они меня не обманывали... В каком смысле Хрущев меня подвел? Что вы имеете в виду?

— Хрущев отказался от всех своих миролюбивых идей при строительстве берлинской стены. Вдруг он совсем переменил свою линию, тогда он писал в прессе, что отстаивал идею мирного сосуществования, а когда строили берлинскую стену, Хрущев возобновил ядерные испытания.

А. Сахаров. Сказать, что он меня подвел, это какая-то нелепость... Это настолько для него естественным было: и берлинская стена, и ядерные испытания, это все шло в рамках его политики, она содержала в себе очень много элементов противоречивых. И был он плодом системы, и частью системы, и любого другого действия от него было бы трудно и ожидать в этой ситуации. Перед этим было подавление венгерского восстания — это был 56-й год... Сказать, что он кого-то обманывал и даже меня подвел, обманул как-то морально, ну, как-то совершенно не то освещение психологических отношений в этой среде.

Е. Боннэр. А не обманул вас морально Горбачев, что он не разрушил стену? Он же обманывает весь мир, не разрушая стену, выходит? Стена-то стоит. Значит, она не только Хрущеву нужна, а и всем последующим генерациям.

А. Сахаров. Но мы даже нисколько не удивляемся, что Горбачев не разрушил стены.

Е. Боннэр. Не мы, а они не удивляются...

А. Сахаров. А они не удивляются.

Е. Боннэр. ...а удивляются, что Хрущев ее построил. У Запада мозги наоборот.

А. Сахаров. Да, вообще я должен сказать, что характер вопросов показывает, что вы меня интерпретируете в какой-то другой ментальности, мне поэтому очень трудно отвечать на вопросы. Я понимаю, что во-

просы с какой-то не с той позиции, которая соответствует реальной жизни того времени, мне это очень трудно выразить. Отвечая на эти вопросы, я чувствую, что я немножко играю в вашу ментальность. А перенестись в ту реальную ситуацию, которая была тогда, и в те взаимоотношения, это надо как-то иначе формулировать и вопросы, и ответы.

Е. Боннэр. Да вообще танцевать не от тебя, все-таки не ты ключевая фигура в мировой истории и мировой политике.

А. Сахаров. Да, конечно! Не стояла у Хрущева задача как-то меня подводить или обманывать. Я был неким элементом системы.

Е. Боннэр. Андрюша, я тебя перебью, я должна Жан-Пьеру объяснить. Вот ставится вопрос: Капица отказался, а Сахаров согласился. Капица — всемирно известный ученый, в мире не было ученого, который его не знал в то время, много лет работавший у Резерфорда, приехавший в СССР по личному приглашению Сталина, который ему обещал особые условия для науки, для института, для всего. И бедный аспирант, только что защитивший кандидатскую, которого после семинара позвали в кабинет заведующего (А. С. — Тамма), и сказали (не важно кого): с сегодняшнего дня мы работаем в особой группе. И один из тех, кого взяли в эту группу, сказал: это значит, что мы теперь будем лизать зад Зельдовичу. Я говорю все, как было. Всё. Его

никто не спрашивал. Если бы он сказал «нет», он оказался бы на Колыме.

А. Сахаров. Ну, не оказался бы я на Колыме, но, во всяком случае...

Е. Боннэр. Оказался бы, это был 48-й год! Как ты мог говорить «нет»? И вы задаете вопросы, абсолютно ничему несоответственные. Это все равно что мне, медсестре, задавать вопросы, как бы я решала вопрос о положении на Ленинградском фронте во время блокады, когда командующим фронтом был Говоров. Только потому, что спустя 50 лет Сахаров стал тем, что есть Сахаров.

А. Сахаров. Но я бы мог ничего не придумывать... это, так сказать неконтролируемая вещь.

Е. Боннэр. Нельзя же так... Да, он мог бы оказаться рядовым сотрудником в этой компании, это чисто случай, что он оказался не рядовым; он был самый младший по возрасту и самый младший по научному званию (А. С. — Романов, Романов был еще меньше меня). Ну, Романов не в первый день появился, между прочим, а позже. (А. С. — Через несколько месяцев). Ну, через несколько месяцев. Вот и все. Все очень просто. И это совершенно неправомочный вопрос: Капица — Сахаров, в 48-м году.

А. Сахаров. Нет, но кроме того, тут был еще ряд обстоятельств: во-первых, специальность Капицы не имела никакого отношения (Е. Б. — Вот, но это тоже никто не хочет знать) к созданию ядерной бомбы, поэ-

тому предложение ему участвовать в этом было для него неподходящим, он бы себя не мог показать на этой работе и занять должное положение. Он же не был ни физиком-теоретиком, ни экспериментатором в тех областях, которые имеют отношение к бомбе. Во-вторых, ему не нравился лично Курчатов, он не хотел работать под его началом. Так что тут имели место и такие факты. Но это все не имеет значения, вопрос о Капице вообще тут побочный.

Е. Боннэр. Но есть еще один вопрос, я сейчас уйду. Хрущев не обманул ни Сахарова, ни весь мир, потому что ни одна из бомб, которые они сделали, не была пущена в ход, кроме как во время испытаний.

А. Сахаров. А берлинская стена — это все-таки очень большая мелочь по сравнению с общим...

Е. Боннэр. Настолько большая, что Запад сегодня про нее вообще забыл и не говорит, и все упиваются любовью к Горбачеву, и ни один человек на Западе не говорит: Михаил Сергеевич, сломайте стену. Никто же этого не говорит.

А. Сахаров. Ну почему, говорят.

Е. Боннэр. Нет. Никто не говорит. Никто не говорит. Никто. Я права?

— *Да, вы правы.*

Е. Боннэр. Да. Я права, Андрюшенька.

А. Сахаров. Но Хрущев вообще был частью системы, и мы должны удивляться... Он из другого мира вооб-

ще пришел, мы должны удивляться той эволюции, которую он прошел сам... (**Е. Б.** — Что он не довел Карибский кризис до кризиса реального)... Во-первых, его речь на XX съезде — это совершенное чудо. (**Е. Б.** — Его речь на XX съезде...). Реабилитация, освобождение...

Е. Боннэр. И его первое в истории СССР реальное уменьшение армии, реальное, большое... (**А. С.** — Значительно большее, чем то...) значительно большее, чем сейчас Западу показывает Горбачев. Хрущев — положительная фигура.

А. Сахаров. Но Хрущев при этом страшно рисковал. Хрущев, делая сокращение армии, страшно рисковал, и он погиб-таки, его свалили за это. Кроме того, он колоссальные вещи в социальной сфере произвел.

Е. Боннэр. Да все он сделал, чем мы живы сейчас, пенсии, реальная оплата труда колхозников, реальное жилищное строительство, колоссальные изменения произошли.

А. Сахаров. И к моменту, когда он был снят, мы совершили колоссальный скачок по сравнению с 53-м годом. Когда... ну ты мне сильно помогаешь... а что, ты устала, да?

Е. Боннэр. Не устала, но я пошла телевизор смотреть. Я не политик (по-английски).

А. Сахаров. Она сильно помогает мне, мне жалко, что она уходит...

— Те вопросы, которые я задаю, это то, что говорится на Западе. Вас довольно плохо понимают. Интеллигенция Западной Европы не совсем улавливает ваш подход. Это не обязательно отрицательно, но интеллигенция плохо осознает, это сложно для нас, это трудно.

А. Сахаров. Мне казалось, что я пишу об очень простых вещах, и стараюсь быть максимально четким. Но, к сожалению, действительно мы все время встречаемся с другой исходной системой понятий на Западе. Запад очень любит строить себе какие-то мифические конструкции. И даже когда говорят простые и ясные вещи, он все равно их воспринимает через призму этих мифических конструкций.

— Простые вещи всегда кажутся недостаточными, что просто — это для Запада недостаточно. Кажется, Анатолий Марченко... занял в вашей жизни особое место. Кем он был для вас? Замечательной личностью? Какой его чертой вы больше всего восхищаетесь?

А. Сахаров. Я восхищался, действительно, Анатолием Марченко, но сказать, что он занял большое место в моей жизни, было бы неправильно. Я вообще-то довольно индивидуально живущий человек, а Марченко, по-моему, тоже.

— А почему вы восхищаетесь им?

А. Сахаров. Он очень последовательный, стойкий человек, внутренне честный, честный с самим собой.

Честный во всех своих взаимоотношениях — очень редкое качество в такой степени...

Е. Боннэр. И редкое качество, конечно, — талант самородка, человека, в общем, практически без образования, способного всю жизнь, большую часть которой он провел в лагерях, учиться. Я не говорю там о каких-то конкретных профессиональных знаниях, а... (А. С. — Общая талантливость у него конечно, была...) какой-то глубокий талант проникновения, очень серьезного, в суть явлений: политических, социальных, и в этом плане его книги, конечно, беспрецедентны. Талант.

— *Вы образно рассказываете, что во время вашей ссылки в Горький вы чуть ли не преклонялись перед поэзией Пушкина? Я перевожу с французского, я не знаю точное слово по-русски.*

Е. Боннэр. Это неправильно, это не во время нашей ссылки в Горьком. Опять же у вас другая ментальность — у нас другая ментальность. Есть большой класс российской интеллигенции, вне зависимости от того, какова она по национальному там, кровяному составу: еврейская, армянская или еще какая-нибудь, но если это русская интеллигенция, то обычно Пушкин является главным спутником ее жизни, если вообще этому человеку доступна поэзия.

А. Сахаров. Да, причем это обычно с детства...

Е. Боннэр. Это заложено во всех нас с раннего детства и просто так... как любовь к черному хлебу...

— Всех?

Е. Боннэр. Ну, я не знаю — всех, это трудно сказать. Сейчас у нас все стало якобы всенародным: и Блок, и Пушкин, и все на свете. Но... вообще все ли ощущают Пушкина достаточно глубоко и интимно связаны с ним, это очень трудно сказать...

А. Сахаров. Но ничего специально Горький тут не выделил.

Е. Боннэр. Да, Горький тут ничего не добавляет. Четыре года армии я возила с собой две книги: «Евгения Онегина» и «Из шести книг» Анны Ахматовой томик. А начала читать с Жуковского и Пушкина. Это естественный путь развития ребенка, вот в нашей среде...

А. Сахаров. Единственно, что в Горьком у нас было больше времени разговаривать друг с другом. Но это специально к Пушкину не имело отношения.

Е. Боннэр. Мы писали такие, как эссе... Я уезжала в Москву, а он получал задание написать о каком-нибудь стихотворении. Ну, играли. Это игры семейные...

— Да, вы это упомянули в вашей книге и... Я попробую достать вашу книгу на русском, чтобы понять то, что вы написали...

Е. Боннэр. Я не видела ее на русском тоже, по-моему, она не вышла; по-моему, мои книжки не нужны русской зарубежной эмиграции, поэтому они не выходят. Я очень плохой диссидент, по-моему, это по моей книжке видно.

— Мне трудно, понимаете, мне с цитатами с русского... это в конце книги.

Е. Боннэр. Я не Пушкина цитировала там. (А. С. — А кого?) Кончается книжка у меня строчками современного поэта — Давида Самойлова, вот:

И заполночь пиши, и спи за полдень,
И будь счастлив, и бормочи во сне!
Благодаренье Богу — ты свободен —
В России, в Болдине, в карантине...

А. Сахаров. А я думаю, как они в переводе звучали? Да? «Благодаренье Богу, ты свободен, в России, в Болдине, в карантине». Но это очень трудно понять западному человеку. В России, в Болдине, в карантине — это значит: вообще-то ты абсолютно не свободен, это ты сидишь под охраной карантинных солдат... Ряд оговорок, так сказать, есть, что ты свободен сам в себе, но физически ты несвободен. Ты ограничен Россией, Болдином... Это граница, через которую Пушкин не мог перейти... граница — Россия... Пушкин не мог выехать, граница — Болдино, деревня определенная, кстати, в Горьковской области, вот; в карантине, обложенный солдатами, выехать не может, но ты свободен — в себе. Вот это о чем стихи: о внутренней свободе.

Е. Боннэр. Понятно, о чем?.. Поэтому книгу о Горьком, о нашей жизни в Горьком, я и кончаю этими

стихами: что физически мы несвободны были, но в общем свободны.

А. Сахаров. Люся, они вчера задали мне такой вопрос: правда ли, что разногласия между Солженицыным и вами заключаются в том, что Солженицын выступает за внутреннюю свободу, а вы за внешнюю, например, за свободу эмиграции? (Е. Б. — Ну абсолютно неверно). Ну, я пытался пояснить, что это совсем неправильное понимание сути дела... (Е. Б. — Абсолютная неправда. Тут нет различия между Солженицыным и между Сахаровым). И вот как раз сейчас мы говорили о внутренней свободе.

Е. Боннэр. Вообще, на самом деле советский диссидент (теперь этого уже нет, это время сейчас прошло, этого явления на самом деле не существует, и если этим словом пользуются, то это атавизм), советский диссидент характерен именно тем, что при полном отсутствии свободы действия — это человек всегда свободный. Это и есть суть диссидентства... Поэтому противопоставление тут: Солженицын — о том, а Сахаров — о том, совершенно неверно.

А. Сахаров. Они говорили о внутренней свободе, потому что он человек религиозный, и для него важна эта внутренняя религиозная свобода.

Е. Боннэр. Но человек религиозный внутренне несвободен. Я вовсе не ругаю Солженицына, но человек, внутренне связанный с одной определенной доктриной,

или идеологией, или религией, перестает быть внутренне свободным...

А. Сахаров. Люся, ты не совсем права, это зависит от того, какая религия и какой человек, и религия может тоже давать внутреннюю свободу, но для этого человек должен быть к этому внутренне готов.

Е. Боннэр. Не может дать религия полной свободы. Если ты не космически религиозный человек, а каждый нормальный человек космически религиозен, а если ты формально религиозен, догматически привержен исламу ли, иудаизму, православию, совершенно безразлично, католицизму или еще чему-то — ты связан этими догмами.

А. Сахаров. Но далеко не все религиозные люди догматичны, и они (догмы) не влияют на их внутреннюю свободу, а это как раз ограничивает их внешнюю свободу: ходить в церковь, молиться. Это ты... не надо плохо думать. Наоборот, внутренне свободные бывают диссиденты. Ну, в общем, это разные вещи, внутренне свободный человек — это внутренне свободный человек... Это различие в другой, так сказать, плоскости. Человек свободен или несвободен...

Е. Боннэр. Но полностью свободен человек никогда не бывает, будь ли он Сахаров, Солженицын, я не знаю кто — Горбачев. Он все равно связан с внешним миром, и он не свободен или от приготовления обеда или от того, что надо стирать белье или надо писать

книгу... (А. С. — Ну, это внешняя) или надо кормить семью, или еще что-нибудь: человек всегда связан многими линиями. Он живет в обществе. Свободным можно быть только, я не знаю, там, вместе с Пятницей живя...

А. Сахаров. Робинзон, я как раз только хотел сказать, Робинзон. Причем Робинзон был свободен, а Пятница уже не совсем.

Е. Боннэр. Робинзон, когда приручил Пятницу, перестал быть свободным, потому что он стал связанным с Пятницей. И у него появились обязательства по отношению к Пятнице.

— *А Сахаров сказал вчера, вы сказали вчера, что условия внешней свободы, т. е. плюрализм, поощряют эту внутреннюю свободу?*

Е. Боннэр. Конечно. В плюралистическом обществе просто легче быть свободным.

А. Сахаров. Да, а скажем, в обществе таком, как Город Солнца Кампанеллы — там внутренне быть свободным трудно.

— Трудно быть свободным?

А. Сахаров. В таком обществе, как Город Солнца Кампанеллы.

Е. Боннэр. У Кампанеллы нельзя быть свободным. Конечно, нет, это ужасно несвободное общество. И это общество мало чем отличается от Замятина или Орвелла, это то же самое. Да, антиутопия тут смыкается с утопией.

А. Сахаров. Да, антиутопия и утопия — одно и то же. Но Кампанелла отталкивался от феодального общества своего времени, он как бы пытался нарисовать другую модель, но она была страшной...

Е. Боннэр. Все от чего-нибудь отталкиваются, и всегда получается страшно.

— Если вы скажете, что это вопрос таких типичных французских интеллигентов и можете наотрез отказаться (**А. С.** — Ну хорошо, хорошо, посмотрим), *длинный вопрос, но все-таки я вам прочту и скажете...*

Е. Боннэр. А я бы вам сказала, чем отличается Сахаров от Солженицына, если вы выключите это... Я не хочу говорить, потом Солженицын прочтет и всё. Нет, я скажу, но, правда, уберите это, я не хочу... И всё, потому что он будет пить молоко и конец.

— Достоевский писал в «Идиоте»: «всё в нынешний век по мере и на договоре, и все люди своего только права и ищут: ... да еще дух свободный и сердце чистое, и тело здоровое, и все дары Божие и при этом хотят сохранить. Но на едином праве не сохранят...» А Симона Вейль, христианский философ 40-х годов, считала, со своей стороны, что если все предусматривается договором, если обо всем можешь сказать: имею право на то или на то, или на что-то, это поощрять будет склонность к зависти ценой чистоты сердца, предпочтением жадности искалечим невинность. Не думаете ли вы, что если все поведение человека урегулировать, как в дорожном кодексе,

то человек стал бы терять вкус к жизни или как бы... не будет тогда никакого пути?

Е. Боннэр. Ну типично западный вопрос. Ну, никто же не хочет всё регулировать. Правовое государство вовсе не значит, что всё в человеческой жизни должно подчиняться этим правам. Или, наоборот, обязанностям. Во-первых, правовое государство должно разумно совмещать и право и — обязанность.

А. Сахаров. А я не помню, откуда эта цитата из Достоевского?

Е. Боннэр. Это «Идиот». Я не помню тоже эту цитату. Я плохо читаю Достоевского. «Идиот» мой любимый роман, но вот этих сентенций я не помню, абсолютно.

— Это вторая глава, вторая часть. Лебедев это говорит Мышкину. Он цитирует еще Апокалипсис, это я пропустил.

Е. Боннэр (Елена Георгиевна подходит к книжной полке и берет в руки том Достоевского с «Идиотом»): «Согласитесь со мной, что мы при третьем коне вороном, и при всаднике, имеющем меру в руке своей, так как всё в нынешний век по мере и на договоре, и все люди своего только права и ищут: "мера пшеницы за динарий и три меры ячменя за динарий", да еще дух свободный и сердце чистое, и тело здоровое, и все дары Божие и при этом хотят сохранить. Но на едином праве не сохранят, а за сим последует конь бледный и тот, коему имя смерть, а за ним уже ад».

А. Сахаров. Понимаете, речь идет о том, на каком фоне, историческом, мы говорим о правах человека. Мы говорим на фоне, когда человек лишен практически всех своих прав, когда он бесправен перед государственной машиной, перед законом. Когда мы говорим о правовом государстве, то речь идет в первую очередь о том, чтобы закон защитил человека от диктата государства.

Е. Боннэр. Я думаю, что тут Достоевский и Симона Вейль говорят совсем о другом...

А. Сахаров. Да, они говорят о вседозволенности некой...

Е. Боннэр. Достоевский-то тоже о ней...

А. Сахаров. О такой анархической вседозволенности, но когда мы говорим о правовом государстве, то мы отталкиваемся от некоей противоположной крайности, мы стараемся отойти от крайности, когда государство подавляет человека. Или государство или же масса, толпа — это страшно. И в этом смысле я считаю, что идея защиты прав человека — это идея, освобождающая человека, и в ней — в идее защиты прав человека — нет никакой вседозволенности.

Е. Боннэр. И основная функция государства, на мой взгляд вообще, должна быть — защита личности от вседозволенности других личностей и, там я не знаю, государственного аппарата, машины какой-то государственной... Но это вовсе не значит, что этой личности

все дозволено и что у этой личности нет обязанностей перед государством и обществом, в котором она живет.

А. Сахаров. Но Солженицын, между прочим, очень резко возражал против выражения «идеология прав человека».

Е. Боннэр. Идеологии защиты прав человека...

А. Сахаров. Да, совершенно правильно ты меня поправила. Он считал также, что это как бы нарушает симметрию прав и обязанностей и превращает человека в такого эгоистического индивидуума... мещанского типа, но на самом деле, когда мы говорим о правах человека, то мы имеем в виду именно свободу от государства, от диктата государства, от диктата массы. Но вовсе не свободу индивидуума давить всех и вся, так сказать, не свободу Раскольникова убивать старуху-процентщицу для того, чтобы утвердить свое право сверхчеловека. Здесь и Достоевский, и Солженицын производят какое-то смещение понятий. Ты согласна с этим?

Е. Боннэр. Солженицын — да, а Достоевский — нет.

А. Сахаров. Нет? Но когда он говорил о преступлении и наказании...

Е. Боннэр. Когда Достоевский говорил о преступлении и наказании, прости меня, он говорил о наказании тоже, и это совершенно равновесно у Достоевского... (А. С. — Да?), именно потому, что Достоевский, осуждая вседозволенность, уравновесил преступление наказанием. И ничего, в том числе и у Достоевского, не

надо доводить до абсурда. Ведь вот когда так понимается Достоевский или еще что-нибудь, — это мысль, доходящая до абсурда...

А. Сахаров. Да, пожалуй, я не прав в отношении преступления...

Е. Боннэр. У Достоевского нет этого.

А. Сахаров. ...и наказания. На самом деле, чтобы понять смысл «Преступления и наказания», надо на него смотреть в контексте «Бесов», там эта вседозволенность уже переходит рубеж.

Е. Боннэр. Почему? Не надо ни на что смотреть: все есть на месте, все есть в «Преступлении и наказании», включая Сонечку Мармеладову; все тут есть, никакого абсурда нет у Достоевского. У Достоевского Раскольников наказан внутренне — сам, и внешне — правосудием. (А. С. — Ты права). У Достоевского нет абсурда, это достоевсковеды и последующие идеологи довели его до абсурда. Он не был абсурдным писателем...

А. Сахаров. Да, у самого Достоевского этого перекоса нет, конечно, ты права. У Достоевского этого перекоса нет.

Е. Боннэр. А когда из Достоевского делают философию, то получается глупость. Из литературы вообще не надо делать философию. И не надо из литературы делать мировоззрение последующих поколений. Достоевский есть художник, великий художник. И его надо

именно так воспринимать и читать. А когда Достоевский преподает истины в журнале братьев Достоевских, так это же гадость! И всё. А в романе все правильно, в *этом* романе все правильно, у него в другом романе есть неправильности <нрзб. > и потому нелитературен он в «Братьях Карамазовых». Потому что в «Братьях Карамазовых» он отошел от литературы и стал, как Солженицын, преподавать...

А. Сахаров. Между прочим, литературно, это удивительный роман и, может быть, даже самый большой из его романов.

Е. Боннэр. Возможно, но нельзя преподавать в литературе.

— *Почему вы это считаете?*

А. Сахаров. Что?

— *Что это удивительный и блестящий роман?*

Е. Боннэр. Потому что он взрослым его не перечитывал.

А. Сахаров. Нет, Люся, я перечитывал его взрослым, неправда.

Е. Боннэр. Когда? За двадцать последних лет ты не перечитал.

А. Сахаров. Я боюсь, что перечитывал.

Е. Боннэр. Когда?

А. Сахаров. При тебе уже...

Е. Боннэр. Нет.

А. Сахаров. Болел... лежал в гриппе...

Е. Боннэр. И читал «Братьев Карамазовых»? Не ври!

А. Сахаров. Читал. Не все подряд... но...

Е. Боннэр. Не ври!

А. Сахаров. ...читал.

Е. Боннэр. Ну хорошо, я тебе дам прочитать «Братьев Карамазовых», сейчас. Ты увидишь, что это плохой роман! Не важно, что там хорошо написано...

А. Сахаров. Митя... Митя...

Е. Боннэр. ...Митя и его безумная цыганская любовь?

А. Сахаров. Иван!

Е. Боннэр. Иван очень плохо написан, но это неважно, это плохой роман! Достоевский вообще хороший ранний. К сожалению, Запад не знает этого Достоевского...

— *...Запад предпочтет «Братьев Карамазовых».*

Е. Боннэр. Да, вот именно! Потому что лопух — Запад. А надо читать, знаете, что надо читать?..

А. Сахаров. Лопух... Переведите, что значит слово «лопух», очень трудно перевести.

Е. Боннэр. Надо читать, вот взять и прочесть «Бедные люди»... Вы читали «Бедные люди»? О, правильно, вы никогда не читали... Вы читали «Подростка»?

— *Я читал «Идиот», «Бесы», крупные классические романы, включая «Братьев Карамазовых»...*

Е. Боннэр. Да это не классические, это модные романы, это вещи разные...

— «Идиот» очень красивый роман...

Е. Боннэр. «Идиот» — прекрасный, лучший роман, лучший роман Достоевского.

А. Сахаров. И в контексте романа эта фраза. Важно кто это говорит... и в каких обстоятельствах...

Е. Боннэр. В «Идиоте» главное не это, главное, что человек, не в силах противостоять страсти, она его доводит до трагедии убийства, но другой человек может сочувствовать этому... Не убийству, а двойной беде «страсть — убийство». Вот что главное в «Идиоте» — сочувствие, сопереживание...

А. Сахаров. Это вообще то, что человека делает человеком...

Е. Боннэр. То, что человека делает человеком...

А. Сахаров. ...и в любви сопереживание...

Е. Боннэр. ...и невозможность пересилить страсть. Это про это роман, а совсем не про то.

— Много христианских писателей, как Симона Вейль, считают, что это все-таки христианская мысль...

А. Сахаров. Какая мысль христианская?

—Вот эта, произнесенная Лебедевым.

Е. Боннэр. Я терпеть ненавижу философию и все умные науки. Мне всегда кажется, что когда естественный нормальный человек занимается вот такой препаровкой, то это несколько отдает онанизмом...

— Это онанизм?

Е. Боннэр. Это онанизм — умственный онанизм, когда из произведения, которое призвано влиять на эмоциональную жизнь человека и путем влияния на эмоции делать его нравственнее, начинают делать цитаты и придумывать разумные основания. Ну, в общем это расчленение музыки, это расчленение живописи, бывает и расчленение литературы, которое ни к чему не приводит. Ну, что ты вздыхаешь?

А. Сахаров. Я не знаю... я не помню этой цитаты...

Е. Боннэр. Все вы умные и думаете по-другому, а я...

А. Сахаров. Я не помню этой цитаты, я не помню этой цитаты...

Е. Боннэр. Я нормальная дура, нормальная...

А. Сахаров. ...<нрзб.> и не вполне нормальная...

Е. Боннэр. Нормальная дура...

А. Сахаров. Не вполне нормальная...

Е. Боннэр. Точно так же, как полсвета сейчас говорит, что Достоевский у них любимый писатель. Да не может Достоевский быть любимым писателем, не может.

А. Сахаров. ...да это не книги для любимого чтения...

Е. Боннэр. Не может, потому что любовь должна быть светлой, а у него всё, кроме «Бедных людей»...

А. Сахаров. Но «Бедных людей» Запад не читает.

Е. Боннэр. А «Бедных людей» никто не читает, вот именно... или там «Неточку Незванову»...

А. Сахаров. А «Подросток»?

Е. Боннэр. «Подросток»... В «Подростке» тоже много извращенческого...

А. Сахаров. А «Подростка» вы читали?

— Я читал, а он нет.

А. Сахаров. А «Бедных людей» и вы не читали?

— Трудно это понять, но в конце концов мне понравилось все-таки, потому что это такое развитие...

Е. Боннэр. Трудно... А вот... вы знаете, я знаю человека, литературный вкус которого я считаю самым высоким среди современных, живущих сейчас русских интеллигентов...

А. Сахаров. Это?..

Е. Боннэр. Это Лидия Корнеевна Чуковская...

— Да-а, согласен с вами...

Е. Боннэр. Она считает, что «Подросток» лучший роман Достоевского. Пожалуйста, вот так. А я колеблюсь между «Подростком» и... (**А. С.** — И «Идиотом»?) и «Идиотом». Но люблю я только «Бедных людей».

А. Сахаров. Из всех произведений Достоевского?

Е. Боннэр. Из всех произведений Достоевского слово «люблю» я могу отнести только к одной вещи.

— А вы предпочитаете Достоевского Толстому?

Е. Боннэр. Нет, я не предпочитаю Достоевского никому. Я вообще его не люблю.

А. Сахаров. За исключением одного...

Е. Боннэр. Да, не люблю. Я вообще люблю здорового и красивого человека, а не патологию...

— *Да, это трудность Достоевского: все патологические...*

Е. Боннэр. Я не люблю патологии.

А. Сахаров. А женщины какие там ужасные...

Е. Боннэр. Я не люблю женщин, которые то ли любят, то ли наоборот...

— *Вы любите или...*

А. Сахаров. Нет.

Е. Боннэр. Не люблю. Я не люблю этой знаменитой амбивалентности, зачем это? По-моему, это не любовь.

А. Сахаров. Правильно. А ты сказала: не любишь Достоевского, на тебя посмотрели с ужасом.

Е. Боннэр. Пусть смотрят, я привыкла. Я уже давно привыкла. Я считаю, что я давно достигла той степени свободы, когда я могу честно говорить, что я люблю и что я не люблю. Более того, я могу вам сказать, что я знаю вагон, вагон западных интеллигентов, которые утверждают, что они любят Достоевского больше всех писателей в мире, и абсолютно его не зна-а-ют! Но это принято говорить... (А. С. — Модно). Принято. Я не интеллектуал, я что люблю, то люблю. Я, например, люблю свежие яйца, а китайцы любят тухлые яйца. Я им не навязываю свой вкус, но они мне тоже не долж-

ны навязывать. И я не верю, когда весь Запад кричит, что он любит Достоевского. Точно так же, между прочим, я не верю, когда весь Запад кричит, что он любит Солженицына.

А. Сахаров. Запад этого уже не кричит.

— *В Западной Европе очень любят Солженицына.*

Е. Боннэр. Да неправда это, это принято так, принято так. Точно так же, почему вся Франция в 68-м году шла на баррикады? Только потому, что так модно было, а совсем не потому, что им нужна была эта революция.

— *Нет, это неправда.*

Е. Боннэр. Может быть, может быть... но если бы оно, ваше движение, не было таким, как вот я говорю, то оно бы и не погибло за два или три года. От него же ничего не осталось.

— *Но остается что-то?*

Е. Боннэр. Что-о? Ничего!..

— *Я принадлежал к тем людям, которые знали Сартра в ту пору...*

Е. Боннэр. Ну пустое же место ваш Сартр...

— *Иногда можно сослаться на него. Я помню предложение Сартра, одну фразу его, по поводу этих молодых людей. Он говорил: они моральны, не зная этого...*

Е. Боннэр. Они совсем не нравственны...

— *Вы очень нетерпеливы...*

А. Сахаров. Они моральны, не зная этого?

— Они моральны, не зная этого...

Е. Боннэр. Это сказано ради красного слова. Вы знаете, есть такая русская поговорка: ради красного словца, красивого слова, — не пожалеть родного отца. Это типичный Сартр, да-а, весь Сартр. Весь Сартр, вместе с его «Словами», «Тошнотой» и всеми остальными книжками. Я, в отличие от Сахарова и Солженицына, читатель, я все это читала.

А. Сахаров. Откуда ты знаешь, может быть, Солженицын читатель?

Е. Боннэр. Нет, и пусть мне лапшу на уши не вешает Сартр.

— Сартр не любит Солженицына.

Е. Боннэр. Это не важно, кто кого любит. Очень может быть, что они друг друга не любят, потому что они в чем-то похожи...

А. Сахаров. Кто? Кто?

— Сартр и Солженицын? Жан-Поль Сартр и Солженицын?

Е. Боннэр. Да.

— Я хотел вам сказать, что принес май 68-го года, начало спада коммунистической партии, начало спада всех бюрократических профсоюзов, лучшие требования рабочих... Недоверие к политике в пользу морали, недоверие к политической партии... моральные проблемы.

Е. Боннэр. Правильно, но потом все те, кто принес эти принципы, прекрасным образом вжились в это са-

мое общество потребления и прекрасно в нем существуют дальше, потому что это движение совершенно не имело перспективы.

— *А почему нет?*

Е. Боннэр. Потому что никакое такое разнузданное движение не может иметь перспективы. И поэтому Конбендин вообще оказался тогда хунвейбином. И потому что они немножко были как культурная революция в Китае, на самом деле. Если Сартр говорил, что они нравственны, то и хунвейбины тоже нравственны были.

А. Сахаров. Но хунвейбины были просто фанатики. А это есть форма нравственности?

Е. Боннэр. А все взрослые, начиная с Арагона, коммунистических и сюрреалистических сартров и все остальные — так боялись остаться за пределом обожания молодежи, что все время подыгрывали одной, другой, третьей...

А. Сахаров. Да, но эти цитаты... они против.

Е. Боннэр. И это все такая дешевка в результате...

А. Сахаров. Люсенька, но эти цитаты, они как раз против именно такого... голого понимания свободы.

Е. Боннэр. Не знаю, на меня это произвело грустное впечатление. А еще они на фоне того, что сразу после этого был... август 68-го...

А. Сахаров. Да, это, так сказать, совсем в другой плоскости, с другой стороны опасность. В общем, опасностей много.

Е. Боннэр. Более того, мне иногда кажется, я очень боюсь высказывать это мнение, потому что оно уж очень мое личное, — что если бы Запад не был так ошарашен этим дурацким молодежным движением, то, может быть, и не было бы столь легкого августа 68-го года.

— *Август 68-го?*

Е. Боннэр. Это советские танки в Праге. Но вот для вас настолько важным было вот это...

А. Сахаров. Но, Люся, здесь ты, между прочим, не права: Запад был потрясен августом.

Е. Боннэр. Запад был потрясен меньше, чем он был потрясен своим маем.

А. Сахаров. Но всегда своя рубашка к телу ближе. Это где-то на периферии все-таки...

— *У нас говорят, что когда был и Будапешт...*

А. Сахаров. Будапешт, 56-й год...

— *...да, и Прага, и Афганистан тоже, ну, через шесть месяцев об этом уже говорить не будут. Политические партии тоже ничего не возражали против этого, а молодежь очень возмущена этим была.*

А. Сахаров. Чехословакией! Ты понимаешь, именно молодежь возражала против Чехословакии на Западе, а вовсе не реальные политики. Реальные политики считали: ну ладно, Советский Союз имеет свою сферу влияния, он в ней наводит порядок.

Е. Боннэр. Именно потому, что реальные политики были так ошеломлены своей молодежью в мае,

они мало реагировали на Чехословакию. Это мое мнение.

А. Сахаров. Ну, а почему они мало реагировали на Афганистан? Тоже мало!

Е. Боннэр. Потому что они все время боятся Советского Союза.

А. Сахаров. Они считают, что СССР вправе наводить порядок на своей периферии...

Е. Боннэр. Правильно.

А. Сахаров. ...в своей зоне влияния. Это разделение зоны влияния.

Е. Боннэр. Правильно.

А. Сахаров. И Запад тут молчит совсем... А это очень дешевый товар...

Е. Боннэр. Ну ладно, всё!

— *Можно еще последний вопрос?*

А. Сахаров. Ну, давайте последний.

Е. Боннэр. Еще?

— *Это вам лично. Вы согласились бы сказать несколько слов о Елене Георгиевне и о том, чем вы ей обязаны?*

А. Сахаров. Я ей обязан всем...

Е. Боннэр. Чем?

А. Сахаров. Всем. Тем, что... (**Е. Б.** — Не чешись. Может, мне уйти?) Нет, не надо. Тем, что она самый любящий и верный человек, меня поддерживает все время и делает меня более человечным, удерживает меня от ложных шагов, к которым у меня довольно часто

бывают тенденции, и, наоборот, поддерживает и подсказывает очень многое правильно.

Е. Боннэр. Всё?

А. Сахаров. И кроме того, она любит меня, а я ее.

Е. Боннэр. Вот самое главное. Не «кроме того», а именно. Все остальное...

А. Сахаров. Все остальное мелочь.

Е. Боннэр. Кроме...

А. Сахаров. Да, слово «кроме» тут не подходит, любит — любит, и я люблю ее, и это дает нам основу в жизни. Жизнь не бессмысленна, потому что, на самом деле, без любви жизнь становится бессмысленностью, высокие цели и слова — они все-таки вещь вторичная. Вторичное, это так сказать... или внешне абстрактное, что ли.

Е. Боннэр. Ну, точка. Поставь точку.

А. Сахаров. Нет, я хочу вопросительный знак поставить. Восклицательный знак поставить! Не вопросительный, а восклицательный.

Е. Боннэр. Точка самый лучший знак препинания.

А. Сахаров. Многоточие хороший знак... под ним подразумевается что-то очень глубокое.

Е. Боннэр. Ну всё, хватит. Ша. Точка.

— *Да, простите.*

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ В СВЯЗИ С ВЫБОРАМИ

5 февраля 1989 г.

18 января на расширенном пленуме президиума Академии наук СССР были отвергнуты выдвинутые научными коллективами академии кандидаты на выборы на съезд народных депутатов СССР, в том числе все кандидаты, известные своей активной общественной позицией и поддержанные многими научными институтами. Тем самым пленум продемонстрировал свою неспособность учесть мнение научных сотрудников академии и по существу противопоставил себя им. Среди отвергнутых кандидатур была и моя, поддержанная более чем 55 институтами.

В последующие недели моя кандидатура была выдвинута на собраниях трудовых коллективов и жителей во многих территориальных и национально-территориальных округах.

2 февраля состоялся беспрецедентный митинг научных сотрудников академии, осудивший позорные решения пленума и призвавший к бойкоту предстоящих вы-

---

Опубликовано в газете «Московские новости» 19 февраля 1989 г.

боров, превратившихся в фарс, и к радикальной демократизации руководства академии в соответствии с требованиями перестройки. Митинг проходил с огромным подъемом, в волнующей атмосфере душевного раскрепощения. Мне кажется, он может явиться началом нового этапа в истории академии и науки нашей страны в целом.

Я чувствую себя неразрывно связанным с академией, членом которой являюсь 35 лет. Я пришел к выводу, что должен быть кандидатом именно академии на новых выборах или не быть им вовсе. Поэтому я принимаю решение не баллотироваться нигде, кроме Академии наук СССР, отзывая свое согласие баллотироваться из всех территориальных и национально-территориальных округов, в которых я выдвинут. Я глубоко благодарен всем выдвинувшим меня коллективам и гражданам за доверие и приложу все усилия, чтобы его оправдать, независимо от того, буду я депутатом или нет. Я прошу всех, оказавших мне доверие, понять мотивы моего решения, направленного на поддержку воли научных сотрудников академии. Я призываю всех, кто собирался голосовать за меня, отдать свои голоса искренним и последовательным сторонникам перестройки, доказавшим на деле, а не на словах участие в этом трудном и новом для нас деле.

ПРЕДВЫБОРНАЯ ПЛАТФОРМА

5 февраля 1989 г.

1. Ликвидация административно-командной системы и замена ее плюралистической с рыночными регуляторами и конкуренцией. Ликвидация всевластия министерств и ведомств. Расширение самостоятельности государственных предприятий. Свободный рынок рабочей силы, средств производства, сырья и полуфабрикатов. Развитие арендного, кооперативного, акционерного производства. Необходимо немедленно (до посевной 1989 г.) ликвидировать нерентабельные колхозы и совхозы и передать в аренду землю, хозяйственные постройки и технику на льготных условиях. Мы обязаны накормить страну! Также в аренду или акционерное владение передать нерентабельные промышленные предприятия. Разукрупнить крупные предприятия с целью стимулировать конкуренцию и не допустить монопольного ценообразования. Независимая комплексная экологическая и экономическая экспертиза крупных проектов планов развития народного хозяйства в целом. Отказ от экстенсивного развития народного хозяйства — от роста объема добычи полезных ископаемых, количественного роста промышлен-

ного производства без качественной перестройки. Немедленное прекращение финансирования Министерства водного хозяйства и его ликвидация или перевод на полный хозрасчет. Ядерная энергетика необходима человечеству, но она должна быть безопасной (в том числе необходимо учитывать сейсмическую опасность, опасность террористических актов, возможность разрушения в войне с применением обычного оружия). Должно быть полностью запрещено строительство атомных электро- и теплостанций с расположением ядерных реакторов на поверхности земли. Строительство с подземным расположением, с исключением возможности попадания при аварии радиоактивных продуктов в почвенные воды. Закрытие экологически вредных производств. Легализация и поддержка общественных движений, борющихся за охрану окружающей среды. Публикация всех данных об экологической обстановке во всех регионах страны. Прекращение экологически опасного гидротехнического и иного строительства. Доходы каждого — по результатам его труда. Снятие всех ограничений на личные доходы, единственный регулятор — прогрессивный налог. Отмена всех привилегий, не связанных со служебной необходимостью. Открытость данных об окладах. Обязательная регулярная (не реже раза в год) публикация финансовых отчетов всех общественных фондов, включая оклады сотрудников, представительские расходы,

поездки. Максимальное сокращение штатов во всех общественных организациях. Ввести реалистический курс рубля и в дальнейшем перейти к его конвертируемости.

2. Социальная и национальная справедливость. Защита прав личности. Открытость общества. Свобода убеждений. Свобода выбора страны проживания и места проживания внутри страны. Свобода ассоциаций, митингов и демонстраций. Контроль общества за принятием важнейших решений. Пересмотр Закона о выборах и принятых в 1988 году поправок к Конституции. Прямые выборы депутатов Верховного Совета и его Председателя. Демократическая система выдвижения кандидатов и их регистрация без контроля аппарата и отсева кандидатов. Один человек — один голос. Обязательное условие проведения выборов — наличие не менее двух кандидатов на одно место. Возвращение к ленинской концепции СССР как союза равноправных государств. Не должно быть никакого ущемления малых наций большими. Компактные национальные области должны иметь права союзных республик. Отсутствие внешней границы не должно быть причиной ущемления их прав. Федеративная система на основе союзного договора. Поддержка принципов, лежащих в основе программы народных фронтов Прибалтийских республик. Республиканский и региональный хозрасчет. Добиваться принятия Закона о печати,

обеспечивающего свободу от идеологического контроля и любых ограничений, кроме пропаганды войны и насилия, национальной розни, порнографии и раскрытия государственных тайн. Но тайн в открытом обществе должно становиться все меньше и меньше. Разрешить частную и кооперативную деятельность в области распространения информации при тех же ограничениях. Постепенная отмена паспортной системы. Изменение пенсий и других постоянных выплат в соответствии с инфляционным коэффициентом, отнесенным к шестидесятым годам. До всестороннего изучения последствий не повышать цены на продукты питания и предметы первой необходимости. Улучшение жилищных условий за счет ликвидации бесчисленных контор и помещений, используемых под служебные, и поощрение всех форм жилищного строительства. Увеличение ассигнований на образование и медицинскую помощь. Изменение законодательства и социальной структуры с целью облегчения положения работающих женщин-матерей и денежного поощрения женщин, посвящающих себя воспитанию детей дошкольного возраста.

3. Искоренение последствий сталинизма, правовое государство. Раскрыть архивы НКВД — МГБ, обнародовать данные о преступлениях сталинизма и всех неоправданных репрессиях. Учредить комиссии Верховного Совета по контролю за действиями МВД, КГБ, МО. Возможность обжаловать в суде решения и дейст-

вия не только отдельных должностных лиц, но и государственных и партийных органов. Суд присяжных. Допуск адвоката с начала следствия. Отмена приговора суда при наличии процессуальных нарушений или выявлении незаконных методов следствия и обязательная судебная ответственность за них. Гуманизация мест заключения. Отмена смертной казни. Освобождение и реабилитация узников совести, членов комитета «Карабах» и «Крунк».

4. Организация науки. Значительно повысить роль вузовской науки. Расширить международные контакты советских ученых за счет ранее мало включенных в этот процесс молодых и провинциальных ученых. Шире практиковать финансирование и материальное снабжение научных работ по проектам, выдвигаемым инициативными группами. Повысить роль Академии наук в фундаментальных исследованиях и ее ответственность за экологическую и экономическую экспертизу.

5. Поддержка политики разоружения и разрешения региональных конфликтов. Публикация данных о действиях и политике СССР в региональных конфликтах (включая Афганистан и Ближний Восток). Сокращение срока службы в армии (ориентировочно вдвое) и ее численности, пропорциональное сокращение всех видов оружия, но при этом значительно меньшее сокращение офицерского состава с перспективой постепенного перехода к профессиональной армии. Запрещение

химического и бактериологического оружия. Наличие ядерного оружия — лишь для предупреждения ядерного нападения противника. Переход на полностью оборонную стратегическую доктрину.

6. Конвергенция (сближение) социалистической и капиталистической систем, сопровождающаяся встречными плюралистическими процессами в экономике, социальной сфере, культуре и идеологии, — единственный путь радикального устранения опасности гибели человечества в результате термоядерной и экологической катастроф.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В УНИВЕРСИТЕТЕ СИЕНЫ

9 февраля 1989 г.

Я очень счастлив, что оказался в Италии и в этом городе. Этот город сыграл большую роль в судьбе нашей семьи: в 75-м году здесь первый раз оперировалась моя жена, а потом были повторные операции, и на протяжении всех этих лет, когда она была здесь, она говорила мне и тем, кто был рядом с ней, что у нее огромное желание, чтобы ее муж мог тоже оказаться здесь. У нас дома висит доска, на которой воспроизведена фреска «Счастливый город Сиена». И это отражение того, что для нас Сиена — это не просто точка на карте, а некий центр мысли, эмоциональный центр, один из многих эмоциональных центров, но важный для нас. Я думаю, что Сиена — это действительно один из тех городов, в которых сохранилась и запечатлелась история, та история, в которой формировалась современная европейская западная цивилизация. Но теперь хочется мне сказать о современности.

Я в университете, и поэтому прежде всего хочется сказать о великой ценности науки. Наука стала спосо-

---

В России публикуется впервые. Печатается с сокращениями.

бом жизни современного человека, причем это не только тех, кто профессионально себя посвятили науке, но это... на самом деле, это научное мировоззрение, научное мироощущение — оно определяет собою вообще духовный мир современного человека, в огромной степени. И мы никогда не забываем, что современное научное мышление началось с великого итальянца Галилео Галилея. Но XX век действительно стал веком науки, и поэтому неслучайно, когда после окончания Первой мировой войны людям стало известно, что проведена экспериментальная проверка одного из предсказаний общей теории относительности, Эйнштейн стал героем всего человечества. Мир, измученный войной, измученный ненавистью, как бы получил новый духовный импульс, объединяющий людей. Эйнштейн стал Галилеем нашего времени. И в имени Эйнштейна больше всего сконцентрировалось это духовное значение науки.

Для Эйнштейна слова «Бог» и «природа» были взаимопроникающие понятия. Он не был формально верующим, насколько я знаю, но для него природа с ее предназначенностью, с высшим каким-то смыслом была предметом религиозного чувства, если можно так сказать.

Но наука дает не только духовные плоды, она дает и материальные, и тут не все однозначно. Наука дала нам огромное развитие производительных сил, и это сделало возможным смягчение социальных противоре-

чий, смягчение национальных противоречий, не все еще тут реализовано, многое впереди, но мы видим колоссальные возможности. И я думаю, что громадная роль ученых должна заключаться в том, чтобы эти возможности были реализованы, чтобы ликвидированы были такие страшные язвы современного мира, как голод, отсталость, нищета, невежество.

Но есть и негативная сторона плодов науки. Это, конечно, не вина науки в собственном смысле, это результат использования науки человеческим обществом, которое так далеко от совершенства. Это глобальная опасность гибели человечества от большой термоядерной войны.

Теперь уже всем ясно, что термоядерное оружие оказалось такой силой, которая способна реально уничтожить человеческую цивилизацию, если начнется даже самая маленькая термоядерная война: она неизбежно перерастет в большую.

И другая, не менее страшная опасность, это опасность того, что среда нашего обитания будет отравлена, наши дети будут расти больными, и даже воздуха, чтобы дышать, у нас не будет: кислород будет сожжен в наших печах и в наших машинах, а ядовитые вещества сделают воздух мало пригодным для дыхания. Я не буду рисовать всех многообразных аспектов экологической опасности, это сейчас очень широко обсуждается, и мы очень многое об этом знаем. Важно, что это такая

многоликая и страшная опасность, которая совершенно реально угрожает людям следующего столетия, может быть, конца этого столетия. Я думаю, что люди, и в первую очередь ученые, должны искать пути, как избежать этих двух опасностей уничтожения человечества. Но это, конечно, не чисто научный вопрос, это в основном вопрос общественного развития. И с этой точки зрения необычайно важны в нашем разделенном мире процессы сближения капиталистической и социалистической систем. В нашей стране эти процессы начались с огромным трагическим опозданием. И сейчас еще мы не можем сказать, что мы окончательно встали на этот путь, очень многое вызывает большую тревогу. Но что произошло? Произошло главное: мы имеем теперь у очень многих, не только у интеллигенции и не только в народе, но и у правителей понимание, что двигаться дальше по тому направлению, по которому двигалась, а вернее, стояла на месте в застойный период наша страна, дальше невозможно. Все хорошо знают внешнюю политику нашей страны в предыдущие годы и знают, что сейчас произошли очень большие изменения. Я считаю, и это мнение не только мое, что это и есть то первое направление перестройки, где действительно мы имеем реальные плоды, может быть, еще недостаточные, но очень большие. Я не буду это перечислять, это всем известно. Я скажу только, что в других этических проблемах положение значительно хуже:

я имею в виду демократизацию и экономику нашей страны. Здесь мы имеем гораздо больше слов, чем дела. Но по крайней мере слова, которые теперь произносятся, в основном хорошие. Есть еще одна этическая область, где даже еще и слова нет, не произнесено вслух: это задача национально-конституционной перестройки нашей страны, необходимо превратить — так я считаю и считают мои друзья, — превратить нашу страну в реальный союз равноправных государств равноправных национальностей. Это тот долг, который еще не оплачен. И на этом пути имеется очень много трудностей, подводных камней, и, к сожалению, многие шаги были сделаны властями с запозданием, а другие были сделаны совершенно неверно. Я не буду говорить подробней, среди неправильных шагов, я уже несколько раз говорил, был арест членов комитета «Карабах» в Армении.

Я сейчас уже не буду входить в разные конкретные детали, но мне хочется еще раз сказать, что перед всеми нами стоят очень трудные задачи, где самое главное — внутренняя ответственность и внутренняя честность. Ответственность — это оборотная часть свободы, это ее неразрывная часть. Здесь уже хозяин этого дома говорил о том значении, которое имеет свобода, и я хочу сказать еще одно, что свобода — это также необходимое условие счастья. Я думаю, что если говорить о свободе в политическом смысле этого слова, то это должна быть подлинная демократия, но демократия, пронизанная

идеей ответственности и порядка. Я говорю об этом в западном мире, где, как сказал один из моих друзей однажды, свободы навалом. Это, наверное, некоторое преувеличение, но в каждый момент нужно понимать диалектику, так сказать, жизни и понимать, что свобода — это есть, в первую очередь, ответственность...

ИНТЕРВЬЮ «КНИЖНОМУ ОБОЗРЕНИЮ»
24 марта 1989 г.

— Андрей Дмитриевич, читателей «КО» интересует ваше мнение о процессе перестройки: начатая сверху, захватывает ли она низы, широкие народные массы и сколь глубоко?

А. Сахаров. Я думаю, что успех перестройки целиком зависит от того, насколько интенсивно развивается движение в ее поддержку снизу и насколько оно будет понято и поддержано руководством страны. К сожалению, этот процесс идет очень трудно, противоречиво, и создается даже впечатление, что есть противодействие тем инициативам, которые идут снизу. Сейчас очень большое распространение получили разного рода экологические движения. Мне кажется, что к ним надо относиться с огромной серьезностью, легализировать их и всячески поддерживать. То же самое относится ко многим другим народным движениям. Но некоторые наши законодательные акты, например, недавний указ о порядке проведения митингов и демонст-

---

Беседу вели И. Филатова и А. Щуплов.

Напечатано 7 апреля.

раций, как мне кажется, показывают, что руководящие органы страны еще не вполне готовы пойти навстречу народным инициативам. И это вызывает у меня очень большое беспокойство за судьбу и пути перестройки.

Сама же перестройка нашего общества абсолютно необходима! В этом я твердо убежден. Сейчас мы находимся на таком ее этапе, когда она должна приобретать разнообразные конкретные общественные формы. Перестройка общества только в порядке инициативы сверху невозможна. Здесь необходимо огромное, последовательное, организованное участие самых широких масс народа.

— Какие проблемы, стоящие перед перестройкой, вы рассматриваете как первоочередные?

А. Сахаров. Важен весь комплекс экономических проблем. Но если говорить о перестройке в экономике, то необходима очень солидная научная база для того, чтобы переходный период от одной формы — административно-командных методов управления экономикой — к другой, к методам плюралистическим, был бы осуществлен настолько безболезненно, насколько это возможно.

— Вы сказали о жизненной важности поддержки перестройки широкими массами народа, коснулись экологии, экономики, а какие еще проблемы вы считаете наиболее важными, имеющими приоритетное значение для развития перестройки?

А. Сахаров. В конспективной форме я попытался сформулировать совокупность проблем, которые меня волнуют, в своей предвыборной программе.

— А не могли бы вы рассказать об основных положениях этой программы? У «КО» широкий круг читателей по всей стране, и многие из них хотели бы с ней познакомиться.

А. Сахаров. Я думаю, что целесообразнее, если я просто дам ее текст. Он несколько отличается от тех публикаций, которые были. Но мне кажется, что именно в этом тексте я в наиболее концентрированном виде изложил волнующие меня вопросы.

— Вот еще о чем хотелось бы услышать ваше мнение. Академик Д. С. Лихачев считает, что одной из наиболее актуальных проблем для нашего общества, наряду с социальными, экономическими и другими, является проблема нравственности, что без повышения нравственности, духовности общества мы не решим никаких проблем. Разделяете ли вы эту мысль или у вас существуют какие-то другие взгляды?

А. Сахаров. Я согласен, что подъем общества возможен только на нравственной основе. В нашем народе произошли тяжкие изменения в результате террора, в результате многих лет жизни в обстановке обмана и лицемерия. Но я верю, что в народе всегда сохраняются нравственные силы. В особенности я верю в то, что молодежь, которая в каждом поколении начинает

жить как бы заново, способна занять высокую нравственную позицию. Речь идет не столько о возрождении, сколько о том, что должна получить развитие находящаяся в каждом поколения и способная вновь и вновь разрастаться нравственная сила.

— *То есть вы считаете, что общество должно делать все возможное для наиболее полного и богатого духовного развития каждой личности?*

А. Сахаров. Да, общество должно это делать.

— *Читателей «КО» интересует круг вашего чтения. Кто из писателей наиболее близок и интересен вам?*

А. Сахаров. К сожалению, я не очень много читаю художественную литературу. Но некоторые современные писатели произвели на меня глубокое впечатление. Мне очень близок В. Быков. С большим интересом прочел я его повесть «Карьер». В проблематике этого произведения я нашел для себя что-то глубоко личное, я не мог читать эту книгу без большого волнения. Не во всем близок мне, а иногда вызывает даже внутреннее противодействие В. Астафьев. Но тем не менее мне кажется, что это очень талантливый, искренний писатель. Недавно я прочел повесть С. Каледина «Смиренное кладбище». По-моему, это замечательное произведение, которое представляет какую-то новую грань советской литературы.

— *И последний, традиционный вопрос «КО»: какой бы вопрос физик и академик, лауреат Ленинской премии*

А. Д. Сахаров задал самому себе и как бы академик А. Д. Сахаров на него ответил?

А. Сахаров. Вопрос, наверно, надо задать такой: что является внутренним стимулом моей общественной деятельности? Я думаю, что я не родился для общественной деятельности. Но судьба моя оказалась необычной: она поставила меня в условия, когда я почувствовал свою большую ответственность перед обществом — это участие в работе над ядерным оружием, в создании термоядерного оружия. Затем я почувствовал себя ответственным за более широкий круг общественных проблем, в частности гуманитарных. Большую роль в гуманизации моей общественной деятельности сыграла моя жена — человек очень конкретный. Ее влияние способствовало тому, что я стал больше думать о конкретных, человеческих судьбах. Ну, а когда я вступил на этот путь, наверное, уже главным внутренним стимулом было стремление оставаться верным самому себе, своему положению, которое возникло в результате часто внешних обстоятельств. Но необходимо было быть достойным сложившегося положения.

— От имени читателей «КО» спасибо за беседу. Желаем вам здоровья и успехов.

ИНТЕРВЬЮ ВЕНГЕРСКОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ

предположительно весна 1989 г.

А. Сахаров. Я считаю, что Горбачев единственный реальный лидер перестройки, которого мы можем себе представить. Поэтому смена Горбачева — это была бы катастрофа. Вернее всего, это был бы правый переворот. Конечно, нельзя исключить, что выдвинется новый лидер перестройки, но пока такого лидера мы не видим. Теперь вопрос о том, может ли оказываться давление на Горбачева, какой-то шантаж — вот такая форма действия правых сил? Ну, Горбачев как-то однажды сказал, что он не поддастся никакому шантажу. Так ли это, это сказать, конечно, очень трудно, он человек умный, твердый, но шантаж — вещь всегда возможная, и степени ее опасности мы, наверное, не должны недооценивать.

— Есть ли шанс установления диктатуры именно Горбачева? Хотя, простите, я думаю, что личность, характер Горбачева исключает эту возможность.

А. Сахаров. Да, я тоже этого не предполагаю в таком варианте.

В России публикуется впервые.

— Если через два-три года перестройка все еще не даст значительных результатов, то сама перестройка и даже Горбачев может потерпеть крах?

А. Сахаров. Я не умею делать такие точные, конкретные оценки: два-три года или пять лет; несомненно, что если будет затягивание, то это очень опасно. Это будет означать откатывание назад, так как в целом этот процесс исторически представляется неизбежным. Это, конечно, будет большой бедой, большим несчастьем для нашей страны и для всего мира, если история пойдет в эту сторону, потому что то, что построено в нашей стране за годы административно-командной сталинской системы, — это, конечно, совершенно тупиковая структура.

— Об этом, конечно, официально не говорят, но очевидно, что советское правительство не единое, не единодушное. Можно ли оправдать такое мнение, что слабеют позиции реформаторов, реформаторских сил? Или только слабеют, когда отсутствует сам Горбачев?

А. Сахаров. Я думаю, что у Горбачева очень крепкие позиции, и, более того, я не знаю, есть ли вообще сейчас у него сильное противодействие в Политбюро. На съезде, во всяком случае, оно никак себя не проявило, и, по-моему, его просто нет. По-моему, у Горбачева достаточно прочные позиции. И он как бы борется сам с собой, в какой-то мере, со своим прошлым. Как всякая крупная личность, он противоречив.

— Понятно. Но доверие к нему есть?

А. Сахаров. Где? В стране? Нет, я должен сказать, что вот в последние месяцы доверие внутри страны, в широких массах населения, очень сильно упало, потому что люди в основном все-таки на реальную ситуацию смотрят, а реальная ситуация не улучшается. Я думаю, что это временное явление, вернее, надеюсь, что это временное явление. Я думаю, что доверие будет восстановлено, но с доверием очень плохо. И не всегда мне кажется политика Горбачева правильной в этом отношении. Я надеюсь, что он еще свое возьмет, мне хотелось бы, во всяком случае, так думать.

— Вы уважаете его, это значит, что он уважает вас?

А. Сахаров. Я уважаю его, и он уважает меня — несомненно, но я его не идеализирую совершенно: это уважение не означает, что я считаю, что он делает все, что нужно, и тогда, когда нужно.

— Можете привести пример?

А. Сахаров. По-моему, я все время говорил об этом: во всем есть запаздывание — и в национальных вопросах, и в вопросах структурных изменений в обществе, и реальные шаги очень сильно, на мой взгляд, запаздывают все время.

— Перестройка идет уже пятый год, и живут хуже, чем жили в эпоху застоя?

А. Сахаров. Мы шли по неправильному пути, и дороги назад нет, но какие трудности, может быть, даже

временное отступление, придется пережить на этом пути — этого никто не знает. Мы как на войне: знаем, что победить необходимо, а какой кровью эта победа будет достигнута, на войне неизвестно, нам тоже это неизвестно. Горбачев неоднократно говорил, что он против больших скачков, что большие скачки, исторически это показано, приводят к катастрофе и к откатыванию назад, и поэтому он за очень постепенное и осторожное развитие. Я мог бы с ним согласиться, но жизнь нас очень сильно торопит, и вот это вызывает мое беспокойство.

— *Всякие слухи идут о том, что через два года даже, может быть, голод угрожает стране?*

А. Сахаров. Если хаос будет нарастать, то будут усиливаться отрицательные явления. Мне кажется, что вот это часть общей кризисной ситуации, которая есть в стране... Для того, чтобы продовольствия было больше, необходимо срочно произвести реформы в деревне, но они невозможны и без политических реформ, без увеличения реальной власти Советов, без того, чтобы люди видели... что перестройка необратима. А реформы в деревне — это в первую очередь реформа собственности на землю: должна значительная часть земли перейти в руки частные и в руки кооперативов нового типа. Больше всего я надеюсь на индивидуальный труд, потому что в наших условиях это, вероятно, может обеспечить наиболее высокую про-

изводительность труда. При личной заинтересованности человека максимальный результат его труда, при личной его ответственности за землю, за ее сохранность.

— Большая опасность заключается и в том, что обострились межнациональные отношения, ну и пример — Прибалтика?

А. Сахаров. Мне кажется, что руководители прибалтийских республик совершенно искренни, когда они говорят, что они не имеют в виду выхода из Советского Союза, и искренни руководители Народных Фронтов, которые тоже это же самое говорят. Другое дело, что это... выход есть конституционное право, и поэтому называть человека, который об этом говорит, экстремистом, с моей точки зрения, неправильно. Я думаю, что если центр при нынешней ситуации пойдет навстречу интересам республик, — это относится не только к прибалтийским, а также и к Украине, Белоруссии, Грузии, Молдавии, — если центр будет вести себя гибко, то не будет нарастания этих тенденций к выходу из СССР, потому что действительно очень важные интересы, реальные интересы населения этих республик заставляют их не стремиться к выходу из СССР. Ну вот важно, чтобы они не были *вынуждены*, я думаю. Это, по-моему, больше всего зависит от центра.

— Насчет центра. К сожалению, это не чувствуется в выступлениях центральных и заявлениях тоже.

А. Сахаров. Да, когда делаются заявления типа окрика, то это вызывает негативное отношение, и я думаю, что делать такие заявления по меньшей мере неразумно — они только обостряют ситуацию. Они именно усиливают те процессы, которые центру невыгодны и не нужны. Я бы считал, что они даже в какой-то мере являются провокационными...

— *Даже провокационными?*

А. Сахаров. Даже провокационными, хотя это, может быть, и не сознательная провокация.

— *Как вы думаете, будет ли какое-то вмешательство во внутренние дела Прибалтики? Ну, грубо говоря?*

А. Сахаров. Я понимаю, давление уже несомненно оказывается, давление уже оказывается...

— *Например, вооруженное вмешательство?*

А. Сахаров. Ну, вооруженное вмешательство — вещь очень острая и тяжелая, мы видим, что это всегда приводит к очень большим трагическим последствиям. Я надеюсь, что центр будет стремиться этого избежать, но для того, чтобы положение не ухудшилось, конечно, ему нужно и самому вести более гибкую политику.

— *Как вы думаете, Андрей Дмитриевич, есть ли шанс в такой кризисной ситуации на военный переворот? Как говорят, железной рукой навести твердый порядок, везде: в Прибалтике, в Молдавии и в Закавказье, в Средней Азии, в экономике, в обществе. Значит, есть ли такая опасность, как вы думаете?*

А. Сахаров. Мне не хочется думать о том, что это серьезно. Я надеюсь, что все-таки центр найдет в себе достаточно гибкости для того, чтобы понять всю необходимость решений в области собственности, в области системы власти, которая бы разрядила ситуацию. Нужна перестройка системы управления, устранение роли монополии партии в руководстве страны — реальное, а не декларируемое.

— *Москва официально отвергла доктрину Брежнева. Можно ли верить, что процесс невмешательства в модернизацию союзников будет продолжительным и прочным?*

А. Сахаров. Я думаю, что если в целом политическая ситуация в нашей стране будет нормальной, то это будет прочно. Данное руководство будет свои обещания держать, в этом, я думаю, можно быть уверенным. А если произойдет катастрофа — а правый переворот для нашей страны это катастрофа, — ну тут уже ни за что, ни в чем нельзя быть уверенным. Но я считаю, что этого не будет, я надеюсь, что мы будем развиваться благополучно.

— *Андрей Дмитриевич, как вы думаете, в социалистическом мире существует ли какая-то, так сказать, ось (нрзб. слово) Берлин, Прага, Бухарест, ведь все критикуют Советский Союз?*

А. Сахаров. Я знаю, что критикуют Советский Союз, и я думаю, что будущего за этими силами нет, они из прошлого, как я надеюсь, — из прошлого.

— А румынская национальная политика, как вы думаете?..

А. Сахаров. То, что мы знаем о Румынии, это уже не прошлое, это архипрошлое, у меня большое чувство беспокойства за румынский народ, за его судьбу и за его нынешнее положение, но это... будущего это не имеет. Будущее все-таки, я думаю, в более разумном развитии жизни, но сколько при этом будет несчастий, это покажет история. В Румынии все трудно живут, там как-то часы исторические идут по какому-то другому времени. Я думаю, что вмешательство в дела Румынии было бы сейчас невозможным, но я надеюсь на то, что эта ситуация, которая там есть, она не вечная.

РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ 1-го СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

9 июня 1989 г.

Уважаемые народные депутаты!

Я должен объяснить, почему я голосовал против утверждения итогового документа Съезда. В этом документе содержится много правильных и очень важных положений, много принципиально новых, прогрессивных идей. Но я считаю, что Съезд не решил стоящей перед ним ключевой политической задачи, воплощенной в лозунге: «Вся власть Советам!» Съезд отказался даже от обсуждения «Декрета о власти».

До того, как будет решена эта политическая задача, фактически невозможно реальное решение всего комплекса неотложных экономических, социальных, национальных и экологических проблем.

Съезд народных депутатов СССР избрал Председателя Верховного Совета СССР в первый же день без широкой политической дискуссии и хотя бы символической альтернативности. По моему мнению, Съезд совершил серьезную ошибку, уменьшив в значительной степени свои возможности влиять на формирование

политики страны, оказав тем самым плохую услугу и избранному Председателю.

По действующей Конституции Председатель Верховного Совета СССР обладает абсолютной, практически ничем не ограниченной личной властью. Сосредоточение такой власти в руках одного человека крайне опасно, даже если этот человек — инициатор перестройки. В частности, возможно закулисное давление. А если когда-нибудь это будет кто-то другой?

Постройка государственного дома началась с крыши, что явно не лучший способ действий. То же самое повторилось при выборах Верховного Совета. По большинству делегаций происходило просто назначение, а затем формальное утверждение Съездом людей, из которых многие не готовы к законодательной деятельности. Члены Верховного Совета должны оставить свою прежнюю работу, «как правило» — нарочито расплывчатая формулировка, при которой в Верховном Совете оказываются «свадебные генералы». Такой Верховный Совет будет — как можно опасаться — просто ширмой для реальной власти Председателя Верховного Совета и партийно-государственного аппарата.

В стране в условиях надвигающейся экономической катастрофы и трагического обострения межнациональных отношений происходят мощные и опасные процессы, одним из проявлений которых является всеобщий кризис доверия народа к руководству страны.

Если мы будем плыть по течению, убаюкивая себя надеждой постепенных перемен к лучшему в далеком будущем, нарастающее напряжение может взорвать наше общество с самыми трагическими последствиями.

Товарищи депутаты, на вас сейчас — именно сейчас! — ложится огромная историческая ответственность. Необходимы политические решения, без которых невозможно укрепление власти советских органов на местах и решение экономических, социальных, экологических, национальных проблем. Если Съезд народных депутатов СССР не может взять власть в свои руки здесь, то нет ни малейшей надежды, что ее смогут взять Советы в республиках, областях, районах, селах. Но без сильных Советов на местах невозможна земельная реформа и вообще какая-либо эффективная аграрная политика, отличающаяся от бессмысленных реанимационных вливаний нерентабельным колхозам. Без сильного Съезда и сильных, независимых Советов невозможны преодоление диктата ведомств, выработка и осуществление законов о предприятии, борьба с экологическим безумием. Съезд призван защитить демократические принципы народовластия и тем самым — необратимость перестройки и гармоническое развитие страны. Я вновь обращаюсь к Съезду с призывом принять «Декрет о власти».

Декрет о власти

Исходя из принципов народовластия, Съезд народных депутатов заявляет:

1. Статья 6 Конституции СССР отменяется.

2. Принятие Законов СССР является исключительным правом Съезда народных депутатов СССР. На территории Союзной республики Законы СССР приобретают юридическую силу после утверждения высшим законодательным органом Союзной республики.

3. Верховный Совет является рабочим органом Съезда.

4. Комиссии и Комитеты для подготовки законов о государственном бюджете, других законов и для постоянного контроля за деятельностью государственных органов, над экономическим, социальным и экологическим положением в стране создаются Съездом и Верховным Советом на паритетных началах и подотчетны Съезду.

5. Избрание и отзыв высших должностных лиц СССР, а именно:

1) Председателя Верховного Совета СССР,

2) Заместителя Председателя Верховного Совета СССР,

3) Председателя Совета Министров СССР,

4) Председателя и членов Комитета конституционного надзора,

5) Председателя Верховного Суда СССР,

6) Генерального прокурора СССР,

7) Верховного арбитра СССР,

8) Председателя Центрального банка,

а также:

1) Председателя КГБ СССР,

2) Председателя Государственного комитета по телевидению и радиовещанию,

3) Главного редактора газеты «Известия» — исключительное право Съезда.

Поименованные выше должностные лица подотчетны Съезду и независимы от решений КПСС.

6. Кандидатуры на пост Заместителя Председателя Верховного Совета и Председателя Совета Министров СССР предлагаются Председателем Верховного Совета СССР и, альтернативно, народными депутатами. Право предложения кандидатур на остальные поименованные посты принадлежит народным депутатам.

7. Функции КГБ ограничиваются задачами защиты международной безопасности СССР.

Примечание. В будущем необходимо предусмотреть прямые общенародные выборы Председателя Верховного Совета СССР и его Заместителя на альтернативной основе.

Я прошу депутатов внимательно изучить текст Декрета и поставить его на голосование на чрезвычайном

заседании Съезда. Я прошу создать редакционную комиссию из лиц, разделяющих основную идею Декрета. Я обращаюсь к гражданам СССР с просьбой поддержать Декрет в индивидуальном и коллективном порядке, подобно тому как они это сделали при попытке скомпрометировать меня и отвлечь внимание от вопроса об ответственности за афганскую войну.

Я хотел бы возразить тем, кто пугает невозможностью обсуждать законы двумя тысячами человек. Комиссии и Комитеты подготовят формулировки, на заседаниях Верховного Совета обсудят их в первом и втором чтении, и все стенограммы будут доступны Съезду. В случае необходимости дискуссия продолжится на Съезде. Но что действительно неприемлемо — если мы, депутаты, имея мандат от народа на власть, передадим наши права и ответственность своей одной пятой, а фактически — партийно-государственному аппарату и Председателю Верховного Совета.

Продолжаю. Уже давно нет опасности военного нападения на СССР. У нас самая большая армия в мире, больше, чем у США и Китая, вместе взятых. Я предлагаю создать комиссию для подготовки решения о сокращении срока службы в армии (ориентировочно в два раза для рядового и сержантского состава, с соответствующим сокращением всех видов вооружения, но со значительно меньшим сокращением офицерского корпуса), с перспективой перехода к профессиональ-

ной армии. Такое решение имело бы огромное международное значение для укрепления доверия и разоружения, включая полное запрещение ядерного оружия, а также огромное экономическое и социальное значение. Частное замечание: надо демобилизовать к началу этого учебного года всех студентов, взятых в армию год назад.

Национальные проблемы. Мы получили в наследство от сталинизма национально-конституционную структуру, несущую на себе печать имперского мышления и имперской политики «разделяй и властвуй». Жертвой этого наследия являются малые Союзные республики и малые национальные образования, входящие в состав Союзных республик по принципу административного подчинения. Они на протяжении десятилетий подвергались национальному угнетению. Сейчас эти проблемы драматически выплеснулись на поверхность. Но не в меньшей степени жертвой явились большие народы, в том числе русский народ, на плечи которых лег основной груз имперских амбиций и последствий авантюризма и догматизма во внешней и внутренней политике. В нынешней острой межнациональной ситуации необходимы срочные меры. Я предлагаю переход к федеративной (горизонтальной) системе национально-конституционного устройства. Эта система предусматривает предоставление всем существующим национально-территориальным образовани-

ям, вне зависимости от их размера и нынешнего статуса, равных политических, юридических и экономических прав, с сохранением теперешних границ (со временем возможны и, вероятно, будут необходимы уточнения границ образований и состава Федерации, что и должно стать важнейшим содержанием работы Совета Национальностей). Это будет Союз равноправных республик, объединенных Союзным договором, с добровольным ограничением суверенитета каждой республики в минимально необходимых пределах (в вопросах обороны, внешней политики и некоторых других). Различие в размерах и численности населения республик и отсутствие внешних границ не должны смущать. Проживающие в пределах одной республики люди разных национальностей должны юридически и практически иметь равные политические, культурные и социальные права. Надзор за этим должен быть возложен на Совет Национальностей. Важной проблемой национальной политики является судьба насильственно переселенных народов. Крымские татары, немцы Поволжья, турки-месхи, ингуши и другие должны получить возможность вернуться к родным местам. Работа комиссии Президиума Верховного Совета по проблеме крымских татар была явно неудовлетворительной.

К национальным проблемам примыкают религиозные. Недопустимы любые ущемления свободы совести. Совершенно недопустимо, что до сих пор не получила

официального статуса Украинская католическая церковь.

Важнейшим политическим вопросом является утверждение роли советских органов и их независимости. Необходимо осуществить выборы советских органов всех уровней истинно демократическим путем. В избирательный закон должны быть внесены уточнения, учитывающие опыт выборов народных депутатов СССР. Институт окружных собраний должен быть уничтожен, и всем кандидатам должны быть предоставлены равные возможности доступа к средствам массовой информации.

Съезд должен, по моему мнению, принять постановление, содержащее принципы правового государства. К этим принципам относятся: свобода слова и информации, возможность судебного оспаривания гражданами и общественными организациями действий и решений всех органов власти и должностных лиц в ходе независимого разбирательства; демократизация судебной и следственной процедур (допуск адвоката с начала следствия, суд присяжных; следствие должно быть выведено из ведения прокуратуры: ее единственная задача — следить за исполнением Закона). Я призываю пересмотреть законы о митингах и демонстрациях, о применении внутренних войск и не утверждать Указ от 8 апреля.

Съезд не может сразу накормить страну. Не может сразу решить национальные проблемы. Не может сразу

ликвидировать бюджетный дефицит. Не может сразу вернуть нам воздух, воду и леса. Но создание политических гарантий этих проблем — это то, что он обязан сделать. Именно этого от нас ждет страна! Вся власть Советам!

Сегодня внимание всего мира обращено к Китаю. Мы должны занять политическую и нравственную позицию, соответствующую принципам интернационализма и демократии, в принятой Съездом резолюции нет такой четкой позиции. Участники мирного демократического движения и те, кто осуществляет над ними кровавую расправу, ставятся в один ряд. Группа депутатов составила и подписала обращение, призывающее правительство Китая прекратить кровопролитие.

Присутствие в Пекине посла СССР сейчас может рассматриваться как неявная поддержка действий правительства Китая правительством и народом СССР. В этих условиях необходим отзыв посла СССР из Китая! Я требую отзыва посла СССР из Китая!

ИНТЕРВЬЮ ЮРИЮ РОСТУ
не позднее 15 июня 1989 г.

— Андрей Дмитриевич, закончился первый Съезд народных депутатов. Как вы оцениваете его результаты?

А. Сахаров. Если иметь в виду итоговый документ, то в нем ряд важных положений сформулирован с гораздо большей определенностью, чем в прежних государственных актах. Вопрос о собственности звучит более радикально, чем в материалах мартовского Пленума ЦК. И в целом итоговый документ содержит заметные сдвиги. Но, к сожалению, декларативно, поскольку они не подкреплены изменениями в политической системе. Остались неучтенными предложения, прозвучавшие в выступлениях Попова, Шмелева, Емельянова, Яблокова и ряда других депутатов из разных регионов страны. Даже секретари обкомов — люди, включенные в существующую административно-хозяйственную систему, — поддерживали весьма радикальные экономические и организационно-структурные идеи. Впрочем,

---

Опубликовано в «Литературной газете» 21 июня.

См. также дополнение 4.

те же люди, переходя от конкретных хозяйственных вопросов к идеологическим, продолжали занимать консервативные позиции.

Это проявление общей половинчатости Съезда, противоречивости настроения в существующем партийно-государственном аппарате, который, с одной стороны, понимает абсолютную необходимость кардинальных экономических изменений и некоторых политических, но в отношении политических изменений старается обойтись минимумом. А то и пытается вообще ничего не менять. Сформировавшееся в такой среде большинство Съезда не случайно оказалось в отношении политической и идеологической структуры чрезвычайно консервативным.

— *Но предложения по изменению экономической структуры, выдвинутые представителями «левой части» зала, нашли эмоциональную поддержку и «правой».*

А. Сахаров. Да. Но, я убежден, все взаимосвязано. Нельзя быть консервативным в политике, идеологии и прогрессивным в экономике.

— *Провалы нашей экономики и очевидная необходимость кардинальных реформ подталкивают общество и на изменение политических структур.*

А. Сахаров. Экономика, конечно, подталкивает. Но пока что большинство Съезда, как и большая часть партийного и государственного аппарата, придерживается такой половинчатой структуры, которая в каком-

то отношении соответствует китайскому пути после устранения Ху Яобана. Этот путь несостоятелен, полагаю, в условиях Китая. Он несостоятелен и в условиях СССР.

Действительно, например, как мы можем проводить радикальную земельную реформу, при которой земля должна попасть в руки местных органов власти, а затем в руки свободных цивилизованных кооператоров, по выражению Ленина, если местная власть будет под прессом партийно-государственной структуры, не заинтересованной в земельной реформе. Единственно, на что пока согласилась эта структура, — программа оздоровления сельского хозяйства горчичниками, или, как я говорил в своем выступлении, реанимационными вливаниями в слабые звенья. Все колхозы в такой системе сохраняются, слабые получают прощение своих долгов, своей задолженности за счет того, что сильные не получают поддержки. И никакой рост производства при этом невозможен. Слабые просто бесполезно проглотят то, что им дается.

— *Вы считаете, что центральные ведомства являются паразитической надстройкой?*

А. Сахаров. Я не могу ее назвать паразитической, потому что она реально осуществляет руководство, реально какую-то регулирующую функцию на себе несет. Но это является сегодня тормозом нормального экономического развития и неразрывно связано с соци-

альной несправедливостью. Диктат ведомств должен быть ликвидирован по двум направлениям. С одной стороны, за счет политической реформы, а с другой — за счет национальной конституционной реформы. Потому что у нас идет диктат не только по административной производственной вертикали, но он идет еще также по национальному признаку. Национальным республикам навязывается единая структура производства, и отсутствие самостоятельности на местах приводит к диспропорциям, нарушению социальной справедливости, тормозит экономическое развитие.

Так вот, третье, что не сделано, — это касается решения национальной проблемы. Здесь не произошло никакого сдвига. Нам говорят: это будет решать Пленум ЦК. На самом деле, мне кажется, Пленум может что-то обсуждать, но он не должен подменять Съезд народных депутатов, которому предназначено решать национально-конституционные вопросы. Ничего подобного не оказалось в повестке дня.

— *Вы, идя на Съезд, рассчитывали, что все вопросы могут быть решены именно сейчас?*

А. Сахаров. Нет. На самом деле я рассчитывал на то, что и произошло. Но это не значит, что я при этом удовлетворен тем, что произошло...

Меня беспокоит сосредоточение чрезвычайно большой личной власти в одних руках. Это считаю потенциально опасным явлением.

— В чем его опасность?

А. Сахаров. Инициатор перестройки, человек высокого интеллекта и четко выраженной ориентации на реформы, может некоторым образом оказаться управляемым закулисными силами. В случае изменения обстоятельств он может оказаться незащищенным демократическими механизмами.

— Власть, которую Горбачев получил, будучи избранным на Съезде, и является гарантией, что он будет защищен от воздействия закулисных сил.

А. Сахаров. Нет. Если бы он получил власть в результате нормального волеизъявления народа и прямых выборов, это действительно было бы так. Полагаю, в будущем необходимо ввести именно такую систему, когда бы Председатель Верховного Совета и его заместитель избирались прямым всенародным голосованием на альтернативной основе. А пока его власть получена очень сложным и непрямым способом. На Съезде народных депутатов он прошел безальтернативно по списку КПСС, включающему ровно столько кандидатов, сколько было мест.

Дальше. Председатель Верховного Совета, как известно, проходит процедуру тайных выборов в Верховный Совет. Это не есть нарушение Конституции, но это не укрепляет полученного им мандата.

Я впервые услышал выступление Горбачева в Горьком, находясь в больнице. Единственными моими собе-

седниками были тогда сотрудники КГБ. Я им сказал, что стране повезло: впервые за долгий период у нас появился безусловно умный руководитель. И этой оценки продолжаю придерживаться. Но у него очень трудная ситуация. И она не стала после Съезда прозрачной, безоблачной. Это одна сторона опасности. Другая заключается в самой сохранившейся политической системе, допускающей столь огромную персональную власть.

Политическая система страны претерпевает изменения на наших глазах. И с нашим участием. Свидетельство тому — выборы. Однако система пока такова, что она контролирует фактически и назначение на посты, и всю законодательную деятельность.

Верховный Совет оказался очень управляемым. Это уже было видно из хода первых заседаний. В него вошли частью люди, недостаточно квалифицированные в законодательной деятельности, частью — выходцы из аппарата или те, кто не оставляет своей основной работы, продолжая не только по убеждениям, но и по штату принадлежать аппарату. Эти люди будут, мне кажется — а некоторые и не задумываясь, — подчиняться той линии, которая проводится. Кому они будут подчиняться при изменении политической ситуации — неизвестно. Есть опасность, что они будут всегда подчиняться той силе, которая будет наверху. Мысль о том, что должен быть постоянно работающий советский парламент, хороша абстрактно. В реальности она не

учитывает условий однопартийной системы и специфической системы аппаратного подбора, а не персонального выбора этого Верховного Совета.

— Какой же, исходя из наших реальных условий, вам видится система, обеспечивающая народовластие в стране?

А. Сахаров. Я думаю, народные депутаты должны сохранять в себе ту власть, которая дана им выборами, и пользоваться ею. Верховный Совет должен исполнять функции рабочего органа в период между съездами. Но законов не принимать. Комиссии, которые создаются из членов Верховного Совета и других народных депутатов, будут готовить законы. Верховный Совет в предварительном порядке их будет обсуждать. (Детальное обсуждение законов на Съезде невозможно.) Результаты же обсуждения должны быть известны народным депутатам. Таким образом, народный Съезд не станет штампующим органом. На основе полной информации он либо отвергнет закон, либо примет. И, разумеется, возможно дополнительное обсуждение на самом Съезде в спорных случаях. Я говорю о том, что считаю необходимым в качестве гарантии народовластия.

— По-вашему, таких гарантий съезд не создал?

А. Сахаров. По-моему, не создал, хотя, я считаю, это была главная задача, которая стояла перед Съездом. Это поправимая беда. Она может быть исправлена на следующих сессиях Съезда. Но пока сегодня мы не по-

лучили реальной новой политической структуры, которая обеспечивала бы осуществление перестройки.

— Выступая в самом начале на Съезде, вы предложили принять Декрет о власти. Ваше предложение не было поддержано большинством. Предполагали ли вы такой результат? Если да, то какой смысл был в вашем предложении?

А. Сахаров. Во-первых, Съезд после голосования по Декрету стал уже не совсем тем, чем был. По своим тенденциям. Во-вторых, очень много людей думает, наблюдая за тем, что происходит на Съезде. И многие меняют свою позицию. Мы это наблюдали на протяжении всей работы Съезда. Происходил постепенный сдвиг в сторону более «левого» меньшинства. «Левое» меньшинство постепенно приближалось к тому, чтобы стать большинством. Этого не произошло, но тенденция в этом направлении наблюдалась. Это не материальный пока что еще процесс, но может стать материальным.

— Не кажется ли вам, что вы и другие члены «московской группы», предложения которых с ходу были отвергнуты большинством голосов, тактически поступили как неопытные парламентарии, предложив Съезду с самого начала столь серьезные темы для обсуждения? Несмотря на демократический, как правило, характер выборов, многие из людей, попавших в Кремлевский Дворец, воспринимали Съезд все-таки как ритуальное соб-

рание, хотя и окрашенное перестроечными лозунгами. Если бы вы вышли со своими предложениями в тот момент, когда зал понял, что и время иное, и задачи их собрания иные, может, тогда был бы и другой результат?

А. Сахаров. Нет. Не было бы другого результата. Именно то смещение зала «влево», которое произошло, в значительной степени возникло из-за того, что «левая часть» (не «московская группа», а вообще «левая часть») предлагала все время альтернативные ходы. Кроме того, была попытка компромисса. Попов предлагал компромиссную повестку дня. Я-то считал, что это было ошибочно, но она была тоже отвергнута. Тем не менее все это расшатывало большинство.

— Ну а что все-таки ценного, с вашей точки зрения, было на Съезде?

А. Сахаров. В итоговом документе Съезд сформулировал необходимость принятия решения по социальным вопросам. Тут мы продвинулись довольно далеко. Однако мы не просто должны исправить положение на данный момент, повысив минимальные пенсии до нынешнего прожиточного минимума, нужен механизм, который держал бы уровень пенсии на уровне меняющегося со временем прожиточного минимума. Замечу и другое: в докладе Рыжкова и в итоговом документе указано, что работающие пенсионеры будут получать пенсию вне зависимости от того, какая у них зарплата. Очень важная вещь! Это должно стимулировать труд

квалифицированных и опытных людей. Потом оказалось, что это касается лишь рабочих- пенсионеров и мастеров.

— Я встретил Алеся Адамовича. Он сказал, что по его предложению крестьян включили...

А. Сахаров. А врачей?

— Врачей — нет.

А. Сахаров. Вот видите. Медсестра, получая пенсию, прекрасно могла бы работать. Как будто у нас слишком много медсестер!

— Каково, с вашей точки зрения, влияние Съезда на народ, который впервые как бы получил мандат делегата с совещательным голосом?

А. Сахаров. Это тотально-психологическая роль Съезда. Она необычайно интересна и необычайно важна для формирования общественного мнения в стране, для политического просвещения народа. Она важна и для самих депутатов, которые воспитывались в ходе Съезда. Пробуждение политического чувства миллионов людей началось еще во время выборной кампании. Выяснилось, что народ вовсе не пассивен внутренне. У него просто не было поля приложения своих сил. А когда такое поле появилось, то и возникла реальная политическая активность. Значение ее будет все яснее.

— Одним из достижений Съезда мне представляется поляризация мнений не только отдельных депутатов, но и целых групп, разделение собрания на большин-

ство и меньшинство. Откинув безразличное единогласие, Съезд заявил о существовании альтернативного подхода к решению политических и экономических проблем.

А. Сахаров....И выявил, как на ладони, сильные и слабые стороны каждой группы. Он показал, что «либеральное» меньшинство действительно меньшинство, оно расколото. Внутри него нет ясности и единодушия. (В то же время наличие этой части делегатов необычайно важно.) Надо заметить, что москвичи заранее подготовили концептуальные документы и пытались их распространить. Это им не удалось полностью, как и попытка в ходе Съезда привлечь на свою сторону общественное мнение. Возникло вроде бы неприятие. Мне кажется, попытка в чем-то была искусственной и упиралась в то, что вообще провинция не очень любит Москву, поскольку та имеет ряд преимуществ и в материальном, культурном смысле, и в идеологическом. Это вызывает и зависть, и озлобленность.

«Московская группа» со своей стороны вела себя порой неосторожно. А порой даже нетактично. Москвичи много выступали, вместо того чтобы поделить тяжесть выступлений между единомышленниками из других мест. Создавалось впечатление исключительности. Не было тактически все учтено, и возникла своего рода конфронтация большинства с «московской группой», которая сама по себе была демократична. Но эта

ее демократичность была не во всем понятна большинству Съезда. Примерно то же самое, с меньшей определенностью, можно сказать о «ленинградской группе». И о некоторых других, где были такие, как, например, Сергей Конев, на свой страх и риск вместе с несколькими единомышленниками выходивший на открытую политическую арену.

Таким образом, во многих депутациях, и в московской тоже, произошел раскол, и в конце Съезда он, раскол, как бы оформился организационно. Возникла межрегиональная группа, которая не есть группа на определенной политической платформе. Эта группа основана на стремлении сохранить право на инакомыслие. И на защиту представления Съезду альтернативного мнения. Мне представляется, что потенциально должны возникнуть такие демократические механизмы, когда мнение меньшинства не было бы механически подавлено. Это возможно.

— *А что вы скажете о большинстве?*

А. Сахаров. Оно было зачастую агрессивным — вспомните, как оно аплодировало генералу Родионову, участвовавшему в подавлении митинга в Тбилиси. Это сила. Но это не монолит. От него довольно легко откалывается (и уже частично произошел этот откол) центр. Этот центр сейчас питает левую сторону.

Вот такое распределение сил произошло на Съезде. «Правое» большинство отражает волю администра-

тивно-хозяйственной системы. У этих людей есть свой социальный заказ, многие из них стали депутатами от общественных организаций. Они не прошли систему выборов, и, по существу, не выбраны, а отобраны. С другой стороны, выборы в общественных организациях дали возможность попасть на Съезд многим депутатам, которые оказались в меньшинстве.

Что касается тех, которые прошли по территориальным и территориально-национальным округам, то там есть и «правые», и «левые», но в общем это и есть основной источник, из которого будет и впредь подпитываться «демократическая», так условно назовем, часть Съезда. И вот при таком сложном составе пошла дискуссия. Она очень сильно управлялась. В какой-то мере Горбачев даже провоцировал дискуссию.

— *В слове «провоцировал» есть негативный смысл?*

А. Сахаров. Нет, в него я не вкладываю никакого осуждения.

Провоцировал в том смысле, что дал возможность развернуть эту дискуссию. Он немножко подставлял «левых» под критику. С другой стороны, давал им выступить. Дал возможность представить разные точки зрения. Вообще я должен сказать, что он показал себя как очень хороший дирижер собрания. В какой-то мере он добился желательных ему результатов голосования. Результатов с некоторым сдвигом в сторону «правых». Но это отражало состав Съезда.

— А в какой степени состав Съезда отражает настроение населения, которое он представляет?

А. Сахаров. Я думаю, что общественное мнение — вещь не очень определенная и очень динамичная. Поскольку выборы шли под контролем аппарата (в частности, окружные собрания часто давали возможность отклонить «нежелательных» кандидатов), то, полагаю, настроение населения даже на момент выборов было более радикальным. Некая селекция шла в сторону консервативных кандидатов. Аппарат смещал результат, но он полностью его не сместил. Не мог, или не хотел, или же ему народ не дал этого сделать...

— Какова роль прямой телевизионной трансляции на зрителей и самих депутатов?

А. Сахаров. Это чрезвычайно важная вещь, совершенно небывалая в истории страны. И, учитывая особый политический характер нашего Съезда, вообще небывалая в мировой истории. Телефонные дебаты привлекли огромное внимание и послужили дальнейшей политизации населения. Весьма скачкообразной политизации. Я не знаю, входило ли это в планы Горбачева. Мы никогда не знаем, какие из решений принимаются им, а какие возникают по его желанию, но как бы сами собой. Он умеет строить подобные комбинации, когда возникает как бы «цугцванг», выражаясь шахматным языком, и получается именно то, что он хочет. В этом отношении он совершенно блестящий политик.

На встрече с Лукьяновым было обещано, что будет телевизионная трансляция. Затем мы увидели телепрограмму на время Съезда, из которой было очевидно, что ничего подобного не будет. И когда возникло бурное обсуждение этого вопроса с очень сильными выражениями, Лукьянов и партийный аппарат как бы вынуждены были отступить. Но я до сих пор не знаю, было ли это действительно вынужденное отступление или оно только было разыграно, а на самом деле Горбачев хотел, чтобы страна увидела все.

— *Какое у вас впечатление от ваших собственных выступлений? Как сложились взаимоотношения между вами и залом и президиумом Съезда?*

А. Сахаров. Я почувствовал, что Горбачев в какой-то мере меня выпускает. Он ведь выпустил меня на трибуну одним из первых. Даже, кажется, совсем первым, как бы «коверным», выражаясь на языке цирковой жизни. И сразу возникла конфронтация с залом. Я не знаю, было ли это предусмотрено или же...

— *Но кто мог предусмотреть, что вы захотите пойти сразу так далеко?*

А. Сахаров. Я тоже думаю, что председатель ничего не подстраивал. Конфронтация с залом отразила закоснелый консерватизм значительной части депутатов, который в какой-то мере, я думаю, даже не соответствует планам Горбачева. С другой стороны, я сказал, наверное, больше, чем этого хотел Горбачев.

Поэтому он начал меня придерживать. Он очень долго не давал мне выступления. Потребовался очень большой нажим с моей стороны, чтобы я получил последнее слово.

— Андрей Дмитриевич, а как вы чувствовали себя во время эпизода 2 июня, когда на вас обрушилась эмоциональная лавина после выступления инвалида афганской войны? Не было ли ощущения, что зал несправедлив к вам? Ведь после вашего выступления в 1980 году против вторжения в Афганистан вас сослали в Горький. Прислушайся тогда правительство к вашим словам, тысячи парней остались бы живыми.

А. Сахаров. Я чувствовал себя морально совершенно неуязвимым. Конечно, сложность моего положения в том, что у меня не было документальных доказательств. Но я хочу сказать, что в подавляющем большинстве случаев, о которых приходится говорить, нет документальных доказательств. Главное, я считал, что вся эта акция как бы субъективно или объективно направлена на то, чтобы отвлечь внимание от основного вопроса — от ответственности за афганскую войну, за те огромные жертвы с двух сторон, которые мы принесли в угоду преступному политическому решению. Сейчас я видел письмо группы афганцев, где они требуют, чтобы им было сообщено, кто подписал приказ о вводе советских войск поименно. Такого приказа до сих пор никто не опубликовал.

— Что было напечатано в канадской газете, которую, полагаю, никто из выступающих не видел?

А. Сахаров. И я не видел. Главным был вопрос о пленных. Я основывался на западных передачах, относящихся к первым годам войны. Сейчас есть подтверждение моих слов, но оно дает только внешнюю картину событий. В армии, чтобы защитить себя, говорят: нельзя назвать расстрелом, когда командир вызывал огонь на себя. Но, кроме командира, там были и солдаты... Наверное, лично командира это морально оправдывает, но, по-моему, совершенно неважно для оценки ситуации в целом.

— Финал Съезда... С одной стороны, как вы говорите, Горбачев вас придерживал, но в конце концов он дает вам слово. И получилось, что вы выступили с альтернативной оценкой с его же подачи.

А. Сахаров. Я считаю это важным в двух смыслах. В смысле психологического влияния на всю страну, на общество. Это с одной стороны. И кроме того, это давало оценку того, что представляется негативным, невыполненным в работе Съезда, и того, что необходимо сделать в будущем. Съезд, разумеется, не может сразу накормить страну, сразу вернуть чистый воздух, чистую воду. Съезд не может сделать все сразу. Но Съезд должен был, обязан был создать для этого политические предпосылки. И, к сожалению, этого Съезд не сделал.

Мое выступление было несколько драматизировано эпизодом с выключением телевидения. Но тут не было связи со мной. Эпизод был связан с заявлением межрегиональной группы о своем существовании... Председатель заподозрил, видимо, что вслед за этим заявлением последует еще что-то непредсказуемое. Правда, мне тоже выключали микрофон в зале.

— *С одной стороны, вам дают высказаться по концептуальным вопросам, пусть и с микрофонными помехами, а с другой стороны, в финальном слове председательствующий опровергает вас.*

А. Сахаров. Я не предполагал, что он разделит мою точку зрения. Вполне все в порядке вещей. На самом деле, в любом плюралистическом обществе должны быть разные оценки. И вот это мы сейчас имели. В результате Съезд оказался идеологически гораздо более глубоким, чем он мог бы быть... Что и ценно. И это, может быть, самый важный итог Съезда. В расчете на перспективу. На далекую перспективу.

ИНТЕРВЬЮ ГРИГОРИЮ ЦИТРИНЯКУ

не позднее 15 июня 1989 г.

Перед беседой с народным депутатом СССР академиком А. Д. Сахаровым мне хотелось сделать особый снимок: не в обиду нашим славным генералам будь сказано, его зовут «генеральским» — со всеми орденами и медалями, а главное — с тремя Золотыми Звездами Героя Социалистического Труда, которых он был так постыдно лишен во время такой постыдной семилетней ссылки в Горький. Мне казалось, читателям будет приятно узнать, что кривда кончилась, что правда торжествует.

— Мне их не вернули... — ответил Андрей Дмитриевич.

— *Как «не вернули»? Как это может быть?*

— Вот так. Мне позвонили из Президиума Верховного Совета и сказали, что вопрос рассматривается. Я ответил, что возвращение мне наград — это вопрос о реабилитации, и я не считаю себя вправе принять обратно награды, пока не реабилитированы другие узники совести.

Опубликовано в журнале «Огонек» № 31.

— *Другие? Вы имеете в виду...*

— Вообще — всех, кто так или иначе пострадал от репрессий за убеждения в застойные годы.

— Дай Бог, чтоб всем вам пришлось ждать не очень долго...

Начинать разговор, ради которого я пришел, уже было как-то не совсем удобно. Но и молчать...

— *Андрей Дмитриевич, в свое время вы пожертвовали деньги на строительство Онкологического центра...*

— В 1969 году я пожертвовал деньги на строительство Онкоцентра и Красному Кресту в равных долях.

— *В равных — от какой суммы?*

— 139 тысяч рублей. И получил от Красного Креста благодарность. Правда, я хотел разделить на три части — третью отдать детским учреждениям, но мне не удалось — почему-то не оформили, сказали, что возникли какие-то юридические вещи. Вот почему тогда не получилось.

— *А еще какие-то благотворительные акции связаны с вашим именем? Расскажите — о них ведь не знают.*

— Ну, у меня уже не было возможности...

— Почему? — возразила только вернувшаяся с покупками Елена Георгиевна, жена Андрея Дмитриевича. — Ты же в 1974 году получил международную премию Чино дель Дука...

— А, правда, — отозвался Сахаров, — я забыл.

— ...и поручил мне основать на нее фонд помощи детям политзаключенных. Что я и сделала.

— *Какова была сумма премии?*

— 25 тысяч долларов. Несмотря на то что брали большие налоги, — продолжала Елена Георгиевна, — мы все равно посылали деньги: до ссылки в Горький — всегда, и даже из Горького — в Чехословакию и Польшу.

— *С 1974-го? Хорошо понимая, что посылаете из нашей страны...*

— Не из нашей — эти деньги, я к ним не прикасалась.

— Она их в руках не держала, — сказал Сахаров. — Она только заполняла большие такие банковские листы. Вся финансовая часть шла помимо нас — мы только давали адреса.

Время шло, пора было начинать разговор...

«Мы, представители...»

— *Андрей Дмитриевич, общая оценка Съезда народных депутатов изложена в вашем выступлении на последнем заседании?*

А. Сахаров. Не полностью — я не успел сказать все. В целом я считаю, что Съезд стал очень важным событием. Он очень политизировал общество. Процесс политизации начался еще во время выборов. Люди проснулись

к активной политической жизни, почувствовали себя не бесправными винтиками и показали, что они что-то хотят сделать для страны. Процесс политизации очень усилился в результате 12 дней прямой телетрансляции заседаний, когда было видно, что такое большинство, когда стало ясно, что в зале есть те, кто может предложить реальные альтернативы, западающие в умы. А кроме того, Съезд показал всю трагичность положения во всех регионах с большей ясностью, чем могла сделать наша пресса на протяжении всего периода гласности.

Мы как бы перешли на новый уровень понимания самих себя. В этом самая главная роль Съезда.

Но я говорил и о том, что Съезд, на мой взгляд, не выполнил той основной задачи, которая исторически стояла перед ним и выражена в лозунге «Вся власть Советам!». Он, может быть, и не мог этого сделать в силу своего состава, но хорошо, что, во всяком случае, поставил такую задачу. Власть — ключевой момент, без власти невозможно решить все проблемы, стоящие перед страной: ни экономические, ни социальные, ни другие. Без власти Советов не преодолеть диктата ведомств — никоим образом. Невозможно создать подлинно самоуправляемые свободные предприятия. Нельзя осуществить земельную реформу и вообще вести такую аграрную политику, которая отличалась бы от бессмысленных, как я говорил, реанимационных вливаний в нерентабельные, разваливающиеся колхозы.

И уж конечно, невозможно решение экономических задач: их следует решать Советам всех уровней, для чего они должны быть независимы.

Съезд не решил также и необычайно острых национальных проблем. Мы получили в наследство от сталинизма имперскую систему с имперской идеологией, с имперской политикой «разделяй и властвуй». Систему угнетения малых республик и малых национальных образований, входящих в состав союзных республик, которые таким образом сами превращались в империи меньшего масштаба.

Подобная система угнетала и большие народы, в особенности — русский, который стал одной из главных жертв. На его плечи легла основная тяжесть всего нашего исторического пути, всех имперских амбиций, догматизма, авантюризма во внешней, во внутренней политике — за все пришлось расплачиваться народу.

— *У вас есть какие-то конкретные предложения в этом плане?*

А. Сахаров. Я предлагаю конфедерацию. Всем республикам — союзным и автономным, автономным областям, национальным округам надо предоставить равные права с сохранением нынешних территориальных границ. Все они должны получить максимальную степень независимости. Их суверенитет должен быть минимально ограничен вопросами совместной обороны и внешней политики, транспорта, связи... может

быть, еще чего-то. Главный пункт: во всем остальном они полностью независимы и на такой основе вступают в отношения союзного договора.

— *Похожий проект переустройства выдвигают народные фронты Прибалтики.*

А. Сахаров. Он мне кажется совершенно правильным. Я его только дополняю тем, что включаю не одни союзные республики, а все существующие ныне национальные образования. Так, например, Якутия, Чувашия, Башкирия, Татария, Коми АССР приобретают такие же права, как Украина или Эстония.

— *Это очень разные образования, у многих из них нет внешних границ...*

А. Сахаров. В США тоже есть штаты разного размера, что не приводит ни к каким затруднениям. Несущественно также, что многие национальные образования не имеют внешних границ. В каждой такой республике будут жить, конечно, люди разных национальностей, и они должны иметь — в пределах данной республики — абсолютно одинаковые права. За этим может и должен следить Совет Национальностей Верховного Совета СССР, который со временем будет, вероятно, проводить корректировку границ, изменение состава конфедерации и т. п.

Почему необходима такая глубокая степень самостоятельности? Потому что мы отталкиваемся от имперского насильственного объединения и не можем его... не можем...

— Демонтировать?..

А. Сахаров. ...да, демонтировать частично. Надо — полностью, а затем уже из кусков сложить некое новое целое. Составляющие такого целого вначале будут слабо связаны, связи должны развиваться от нуля, естественно, сами собой. Потом возникнут более тесные связи — экономические, политические, культурные, но — потом. А начинать надо, повторяю, с полного демонтажа имперской структуры. Только так можно решить национальную проблему в малых империях, которыми по существу являются союзные республики — например, Грузия, включающая в свой состав Абхазию, Осетию и другие национальные образования. Если же начать с Грузии, а в РСФСР не сделать того же самого, возникнут очень большие трудности, они возникнут в любом случае, но если переустройство на основе конфедерации произойдет сразу во всей стране, будет легче. Станет ясно, что избран некий общий для всех принцип, в конечном счете справедливый. В том смысле, что большая нация, стремящаяся к свободе и независимости, признает те же права за всеми.

В предлагаемой системе должны быть только республики. Бывшие автономные области тоже превращаются в республики. Например, республика Нагорный Карабах не будет принадлежать ни Армении, ни Азербайджану — она будет сама по себе и получит право вступать в экономические и другие отношения с теми, с кем сама захочет.

От такого решения выиграют все граждане страны. И только на таком пути, как мне представляется, можно добиться решения национального вопроса.

Как известно, национальный вопрос будет обсуждаться на очередном Пленуме ЦК партии. Мне хотелось бы, чтобы эта точка зрения — она не является моей личной, а разделяется большим числом людей, в частности в прибалтийских и некоторых других республиках, — тоже могла бы послужить неким отправным пунктом для дискуссии.

Ну, я более-менее закончил свою вводку... У вас есть вопросы?

— И много... На Съезде вы говорили, что собираетесь предложить альтернативную Конституцию?

А. Сахаров. Это я сказал, когда обсуждался вопрос о моем включении в комиссию по разработке проекта Конституции. Я сказал, что уверен, что по принципиальным вопросам останусь в меньшинстве или в одиночестве, и поэтому могу принять участие в работе только для составления альтернативных проектов — Конституции или отдельных статей; во всяком случае, чтобы высказать альтернативные мнения. Но не для того, чтобы присоединиться к основному проекту. Вот такое было мое суждение.

— А вы еще не знаете первой статьи Конституции, которую бы предложили? Вы для себя ее не формулировали?

А. Сахаров. Я могу сказать... «Мы, представители... нижепоименованных республик, заявляем, что вступаем в отношения союзного договора...» Формулировки, конечно, пока нет, но...

— *Идея такая?*

А. Сахаров. Идея такая.

— *Она похожа на ту, что когда-то была положена в основу Конституции США: «Мы, народ Соединенных Штатов...»?*

А. Сахаров. Да. Идея объединения независимых государств союзным договором. Я думаю, это будет первая же статья. А на ее основе должно разворачиваться все остальное. Будет оговорено, какие права остаются у республик, какие делегируются. Вот так. И, кроме того, одним из пунктов Конституции должно стать провозглашение как основополагающего документа Декларации прав человека, принятой ООН в 1948 году.

— *Я хочу уточнить: вы имеете в виду федеративное устройство, как в Соединенных Штатах, или конфедерацию по образцу Швейцарии? Дело в том, что по Конституции США права штатов в известной мере ограничены — скажем, они не имеют права на сецессию — выход из федерации по своему желанию.*

А. Сахаров. Я имею в виду конфедерацию — пусть вас не смущает упоминание о Конституции США. А право выхода из состава СССР, признаваемое

за союзной республикой нынешней Конституцией, надо сохранить и в новой.

— *Сохранить и за малочисленными национальными образованиями, где население может насчитывать всего несколько тысяч человек?*

А. Сахаров. У всех должны быть равные права независимо от численности.

— *Вы сказали, что все будущие республики должны быть экономически самостоятельными. Вы считаете, что можно сравнить возможности большой республики и небольшого национального округа?*

А. Сахаров. Ну, каждая республика, конечно, не производит все виды продукции, нужные для ее существования. Но она может вступать в отношения с другими на основании хозяйственных договоров.

— *Как с нынешними союзными республиками — понятно: они большие. А какова все же будет экономическая самостоятельность какого-то национального образования, главное богатство которого — небольшое народонаселение? Потому что есть, скажем так, богатые республики, а есть бедные национальные округа.*

А. Сахаров. Ну, у них и народа меньше.

— *Народа меньше, Андрей Дмитриевич, но и он, как правило, хочет кушать.*

А. Сахаров. То есть вы хотите сказать, что у них природные условия недостаточно хороши?.. Ну, я думаю, что повсюду, где живут люди, есть достаточная

база для их существования. Плюс возможность торговать. Это ведь проблема, которая стоит перед любым маленьким государством — на свете их очень много, и все они прекрасно существуют. На самом деле мы видим, что в маленьких государствах жизнь и лучше, свободнее, и безопаснее, чем в больших. Как правило... В Исландии, например.

— *Спасибо за уточнения. Вопросы вызваны тем, что мне впервые приходится говорить с человеком, предлагающим альтернативную Конституцию СССР. Вернемся к Съезду?*

А. Сахаров. Да. Выступая, я призывал принять обращение о Китае. Мне кажется, что в Китае произошли события огромного значения для всего мира. Потому что вопрос демократизации самой большой по численности страны на земном шаре — вопрос судьбы человечества. В конечном счете. И мы здесь, в другой великой стране, находящейся рядом, должны исходить из принципов интернационализма и защиты демократии. И не можем ставить в один ряд тех, кто в ходе мирных студенческих и общенародных демонстраций требовал демократизации, свободы печати, борьбы с коррупцией, с теми, кто осуществил над ними кровавую расправу.

Поэтому я поддержал обращение межрегиональной депутатской группы, посвященное событиям в Китае. Оно выражало другую позицию, чем обращение, при-

нятое Съездом без обсуждения — простым голосованием, где даже не было призыва к китайскому правительству прекратить кровопролитие и казни. Развивая мысль обращения межрегиональной группы, я обратился с требованием — отозвать советского посла из Китая, как это сделали многие западные страны; форма — приемлемая для нашего правительства: для консультаций или иначе. Отсутствие подобного шага означало бы, что Советское правительство от имени советского народа якобы поддерживает тех, кто осуществил кровавые акции в Пекине.

Это такого же типа расправа, как 9 апреля в Тбилиси...

— В Новочеркасске в 1962-м...

А. Сахаров. ...И в других городах нашей страны. Но в Тбилиси — самый трагический момент.

— Вы отказались принять участие в работе комиссии по расследованию обстоятельств кровавого воскресенья в Тбилиси. Почему?

А. Сахаров. По двум причинам. Во-первых, прежде я имел сложные, неоднозначные отношения с лидерами неформального движения, что ставило бы меня в ходе работы комиссии в ложное положение.

— С неформалами Грузии?

А. Сахаров. Грузии, да, Грузии. Но, с другой стороны, я считаю, что работа комиссии сейчас уже вообще беспредметна. На главный вопрос — кто дал приказ, кто санкционировал именно такую форму действий

войск? — комиссия не сможет дать ответа: его должны дать те, кто стоит у власти.

— Анатолий Иванович Лукьянов показал Съезду подлинники телеграмм из Тбилиси, подписанных тогдашним первым секретарем ЦК партии Грузии Патиашвили. В цивилизованном обществе на вопрос полагается давать ответ. Но телеграммы из Москвы оглашены не были. Между тем кто-то ведь дал «добро»?

Сегодня известно, что расстрел мирной демонстрации в Новочеркасске в 1962 году санкционировали два члена Политбюро — Ф. Р. Козлов и А. И. Микоян. Логично предположить, что и в 1989 году решение применить войска для разгона мирной демонстрации в Тбилиси принималось на столь же высоком уровне. Я ничего не утверждаю, я только говорю: логично предположить. Так кто же дал «добро»?

А. Сахаров. Вот это осталось неизвестным. Кстати, один из самых драматичных моментов — выступление на Съезде Патиашвили. Он, было видно, колеблется, что-то хочет сказать. И в тот момент Съезд фактически согнал его с трибуны и не дал договорить. Точнее, не Съезд, а те люди, которые присутствовали, не являясь депутатами, — это в основном их работа.

— Против такой «работы» в первый же день Съезда протестовал депутат А. Е. Себенцов из Москвы. Если помните, он предложил добавление к статье 20 Времен-

ного регламента: что приглашенные лица не имеют права вмешиваться в работу Съезда, «проявляя свое мнение выкриками, аплодисментами и другими способами». Такое пожелание поддержал Горбачев, добавив, что «все депутаты сидят в партере, и, кроме них, никого здесь нет». «Да, — возразил Себенцов, — но мы слышали уже выкрики с балкона». «Балкон» «работал» и в другие дни, судя по всему. Но мы отвлеклись — итак, Патиашвили «захлопали»...

А. Сахаров. Мне кажется, при этом мы упустили возможность узнать что-то очень важное. Патиашвили хотел что-то сказать перед лицом народа Грузии и всей страны. Ему не дали... Мы все видели, как он спустился с трибуны, потом сделал несколько шагов обратно, потом в полной растерянности, с мучительным выражением на лице ушел в зал. А ведь именно Патиашвили знал, кто давал ответ из Москвы. Именно он, единственный человек, кто мог бы сказать. Но уже не скажет. Мог сказать — в тот момент, в той аудитории. Общесоюзной, даже общемировой. Кто ответил, знает он один.

— Сомневаюсь: ответ из Москвы Патиашвили обязан был сообщить секретарям и членам Бюро ЦК партии Грузии. И комиссия может потребовать у них ответа.

А. Сахаров. Ну, вот мое мнение: комиссия уже не способна это сделать. Вот почему я отказался.

— *На Съезде вы говорили и об армии.*

А. Сахаров. О сокращении срока службы. И еще: сокращение численного состава нашей армии на 500 тыс. человек, которое было объявлено в декабре прошлого года Михаилом Сергеевичем Горбачевым во время выступления в Нью-Йорке и начало осуществляться, — очень важный шаг, но он недостаточно радикален, чтобы коренным образом изменить международную и внутреннюю обстановку. Армия у нас сегодня непомерно велика, больше, чем в любых трех других странах, вместе взятых.

— *На Съезде вы назвали только две страны — США и Китай...*

А. Сахаров. Можно добавить любую — например, ФРГ.

— *А какой она должна быть? Странно, никто не спросил министра обороны: какова должна быть численность нашей армии в условиях, когда «на вооружение» принята новая концепция — оборонительной достаточности? «От пуза», как говорили когда-то, можно только есть, держать армию «от пуза» для народа накладно. Да и ребят жалко — лучшие годы тратят. Должны же быть какие-то научные проработки на этот счет?*

А. Сахаров. И без таких проработок ясно, что армия непомерно велика. Сейчас нет реальной опасности

военного нападения на СССР, и одностороннее сокращение армии, если его сделает наша страна, кардинально изменит всю ситуацию. Возникнет совершенно новая международная обстановка — в духе нового политического мышления, провозглашенного по инициативе СССР.

И внутреннее значение будет исключительно велико. Облегчится возвращение к труду наиболее активной части населения, облегчится получение студентами высшего образования. В этой связи важно, чтобы студенты, призванные год назад, не отбывали двухлетнего срока, а были демобилизованы еще до начала учебного года[1].

Надо сократить и срок службы в армии, тогда исчезнет — во всяком случае, колоссально уменьшится — такое явление, как «дедовщина»: для него будет гораздо меньше почвы.

Мы знаем сейчас такой предельно трагический случай, когда доведенный до отчаяния человек — военнослужащий срочной службы — расстрелял из автомата восемь человек после многих месяцев совершенно нечеловеческих издевательств над ним.

---

[1] Как быстро меняется ситуация: наш разговор был в июне, а 11 июля Постановлением Верховного Совета СССР объявлена демобилизация в августе-сентябре студентов дневных (очных) вузов. — *Г. Ц.*

Вообще, я думаю, только на основе радикального сокращения армии будет возможна полная ликвидация ядерного оружия. Она нереальна без такого шага.

— Андрей Дмитриевич, я хочу задать вам один вопрос... Ну хорошо, вот другой: во многих странах военные министры ходят в цивильном платье, они люди вполне штатские. Как вы считаете, целесообразно ли это?

А. Сахаров. ...У нас, по-моему, Устинов ходил в гражданском?

— Его сразу сделали маршалом.

А. Сахаров. А, да — маршалом. Хотя воинское звание все же было вторичным фактором.

— Но — в принципе?

А. Сахаров. Я думаю, что армия не должна быть политической силой ни в одной стране. Всегда существует большая опасность, если армия самостоятельно выходит на политическую арену. Когда военный министр штатский, возможно, такая опасность в какой-то мере и уменьшается. Но главное-то, чтобы была уменьшена вероятность военных переворотов.

— К переворотам мы еще вернемся, а теперь я все же задам вопрос, на который вы, может быть, не захотите отвечать.

А. Сахаров. Нет, почему? Пожалуйста.

— Как вы — лауреат Нобелевской премии Мира — могли когда-то быть разработчиком атомной и водород-

ной бомбы?.. Тогда вы думали иначе?.. Не хотите — не отвечайте...

А. Сахаров. Нет, я отвечу... Вы задали вопрос, который всегда передо мной стоит... Я не был разработчиком атомного оружия — я вступил в эту систему в 1948 году, когда атомное оружие в нашей стране уже было на выходе; дальнейшая разработка его, конечно, продолжалась, но я в ней не принимал непосредственного участия.

Что касается термоядерного, то действительно я играл очень активную роль в этой большой коллективной работе, в которой принимало участие огромное количество людей — и чрезвычайно инициативных, и прилагавших огромные усилия. Я тоже прилагал огромные усилия, потому что считал: это нужно для мирового равновесия. Понимаете, я и другие думали, что только таким путем можно предупредить третью мировую войну.

Конечно, с тех пор мои взгляды эволюционировали. Но в этом основном пункте, я считаю, моя позиция — в тот период, в той исторической ситуации — была оправданна. Именно наличие термоядерного оружия у всех стран — СССР, США и у других ядерных держав — стало неким фактором, который удержал мир от сползания в новую мировую войну. Такая опасность возникала неоднократно, и мы совершенно не знаем, как бы развивались события, если бы угрозы взаимного уничтожения не существовало.

Конечно, такое равновесие неустойчиво — на острие ножа. И длительное, неограниченное время сохранять мир на подобной основе невозможно.

Поэтому наша работа была исторически оправданна, несмотря на то что мы давали оружие в руки Сталину—Берия. Правда, характер глобального фактора ядерное оружие приобрело позднее, в осень 53-го.

Сейчас необходим постепенный и очень осторожный переход к полному запрещению ядерного оружия, хотя я считаю, что этого нельзя сделать без большого числа стратегических и политических условий. Стратегическое условие — равновесие обычных вооружений, причем с постепенным сокращением их до уровня оборонительной достаточности, как теперь принято говорить. А политические условия связаны с большей степенью доверия и большей глубиной перестройки в СССР. Перестройка должна достичь такой стадии, когда она сможет считаться необратимой.

Мне кажется, сейчас такой ситуации еще нет. Мы находимся в опасной, противоречивой стадии перестройки. В этих условиях, я думаю, все взаимоотношения с Западом должны строиться с определенной степенью осторожности, особенно это относится к такому ключевому вопросу, как отказ от ядерного оружия.

— Андрей Дмитриевич, вы действительно считаете, что можно добиться всеобщего запрещения ядерного оружия и, главное, реально изъять его из рук человеческих?

А. Сахаров. Да, я так считаю, и, более того, полное запрещение является очень важной целью. Это провозглашено Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Хотя я думаю, что он недостаточно оценил те два момента, о которых я сказал. Я еще думаю, что должны быть условия, относящиеся к общественно-политической эволюции во всех странах мира. К такому шагу, как запрещение и отказ от ядерного оружия, надо подойти очень осторожно. Не один Запад, а все должны проявлять осторожность в таком деле.

— *Тогда разубедите меня, пожалуйста.*

А. Сахаров. Да?

— *Во-первых, растет ядерный клуб. Формально в нем сегодня пять великих держав.*

А. Сахаров. Уже больше, конечно...

— *И тех, что мы знаем, и тех, что не знаем, как можно предположить?*

А. Сахаров. Можно: Индия, Израиль и некоторые другие.

— *Пакистан, ЮАР...*

А. Сахаров. Бразилия... Мы можем предположить еще, что, во всяком случае, на подходе к ядерному клубу и Аргентина.

— *Вас не смущает, что ЭВМ «Минск», на которой вы когда-то, видимо, работали...*

А. Сахаров. Да...

— *...была огромной и занимала несколько комнат...*

А. Сахаров. Да...

— ...а сейчас намного более совершенные компьютеры пятого поколения помещаются в чемоданчике? Что «Малыш», уничтоживший Хиросиму, весил больше четырех тонн, а сейчас есть уже артиллерийские снаряды с атомной начинкой? Вас не смущает, что полным ходом идет миниатюризация?

А. Сахаров. Меня все это волнует...

— Наконец, в марте этого года два химика, как писал «Ньюсуик», «не известных ордену термоядерщиков» — вашему бывшему ордену, — объявили, «что им удалось осуществить ядерный синтез в пробирке, не пользуясь почти ничем, кроме воды, проволоки и электричества», — то, что потом назвали «холодным термоядом», поскольку реакция происходит при комнатной температуре. Сейчас открытие проверяется, хотя...

А. Сахаров. Ну, там в очень малых масштабах...

— Андрей Дмитриевич, кто может предсказать, кем станет новорожденный? И кто может гарантировать, что завтра у какого-то террориста не окажется в руках «карманный вариант» атомной бомбы?

А. Сахаров. Вы... ваш вопрос в какой-то мере носит ведь риторический характер? Но действительно положение в мире очень тревожно. Мы могли бы сюда добавить и генную инженерию, которая способна создать совершенно новые средства бактериологической войны. Можно назвать совершенно новые возможности

оружия, действующего из космоса. И очень, очень много таких вещей, которые пока еще находятся в лабораториях и о которых никто еще даже не знает. Все верно. Это говорит о том, что человечество приблизилось к критической черте...

— *Когда ядерное оружие расползется по миру и обладание им уже невозможно будет проконтролировать.*

А. Сахаров. Мы же говорим не только о ядерном оружии — и о многом другом? На все должен быть ответ политический и гуманитарно-нравственный. Человечество должно найти в себе силы отойти от многоликой опасности — не только военного уничтожения, но и экологического: сейчас все переплелось в один узел.

— *Не должно ли запрещение ядерного оружия включать в себя запрещение любых исследований в этом направлении? Немедленное? Иначе миниатюризация, упрощение технологии изготовления и прочее сведут на нет подобное запрещение. Завтра будет поздно.*

А. Сахаров. Запрещение исследований и работ никогда не было возможным и эффективным. Мы можем требовать только открытости работ, когда они выходят за какие-то рамки по своей опасности. То есть общество должно уходить все дальше и дальше от обстановки секретности военных исследований. Тайн должно быть все меньше и меньше, что возможно лишь при радикальном оздоровлении международной обста-

новки. Одним из условий этого является ликвидация противостояния двух экономических систем — то, что я называю конвергенцией.

Я убежден, что никакого прочного решения проблем глобальных опасностей нельзя добиться без конвергенции, без плюралистического сближения социалистической и капиталистической систем. Мне говорят: невозможно. На самом деле такой процесс уже реально происходит, и мы можем сказать, что, например, такая страна, как Швеция, на самом деле является образцово-социалистической страной. Это — в капиталистических странах.

Но процесс происходит и у нас и называется перестройкой. Ведь перестройка есть движение нашего общества в сторону плюрализма, объективно — именно так, что бы ни говорили наши руководители. Они часто боятся слова «плюрализм», но на деле именно так: нам необходима плюрализация экономики, то есть все формы собственности должны стать в конце концов юридически и экономически равноправными.

— Это-то как раз Горбачев провозглашает.

А. Сахаров. Провозглашает, но не любит слова «плюрализм».

— Но он не раз говорил, что в экономике...

А. Сахаров. В идеологии и в политике он его не любит. Или некоторое время назад не любил — может, сейчас уже к нему привык.

Во всяком случае, я считаю, что перестройка — это плюрализация во всех сферах. И это конвергенция.

Переворот, диктатура — возможны ли?

— Вернемся, как обещали, к другой проблеме. Как вы считаете, есть ли у нас сейчас опасность правого переворота? Военного или партийного — на манер октября 1964 года, когда был смещен Хрущев?

А. Сахаров. Страна стоит накануне экономической катастрофы — так говорят экономисты. Люди живут хуже, чем жили в эпоху застоя. Произошло драматическое и трагическое обострение национальных противоречий. Все это приводит к чрезвычайно мощным подспудным процессам, одним из которых является кризис доверия народа к руководству страны, о чем я говорил на Съезде.

Это очень опасное, неустойчивое положение, когда возможны любые опасности, любые непредсказуемые или предсказуемые, но совершенно ужасные, трагические вещи. То есть возможен взрыв системы, в которой напряжения доведены до предела, а в то же время какие-то связи уже распались.

Я считаю, что в такой ситуации возможен военный переворот.

Возможен и правопартийный переворот. Возможны также аналогичные ситуации, не связанные со сме-

ной руководства страны. Руководство может оказаться заложником сил, которые используют те или иные рычаги, какие-то личные моменты и связи, даже — угрозы и Бог его знает что еще. Тогда — без смены руководства — возможен сдвиг вправо, тем более что власть у нас оказалась в руках одного человека, который может попасть под пресс совершенно непреодолимого давления. Я с величайшим уважением отношусь к Михаилу Сергеевичу Горбачеву, но это не личный вопрос, а политический. Никто не вечен, и я говорю о фигуре главы государства и ситуации, которая может сложиться.

— *А есть ли опасность установления диктатуры именно Горбачева? На Съезде заходили разговоры...*

А. Сахаров. Заходили, и мы видим, что вся конституционная структура построена так, чтобы в итоге Горбачев получил всю власть. Причем без выборов — прямых, во всяком случае. Народным депутатом он стал без альтернативы, когда было 100 кандидатов на 100 мест. В Верховный Совет он вообще не голосовался: мы имеем совершенно парадоксальное положение, когда Председатель Верховного Совета СССР не является его избранным членом. То есть его избрали Председателем, не избрав членом Верховного Совета. Такова процедура, установленная декабрьскими поправками к Конституции СССР. Именно это дало возможность Михаилу Сергеевичу Горбачеву занять свой пост без

малейшей опасности, которая всегда заключается в выборах вообще, в альтернативных — в частности.

А мы ведь видели на примере Ельцина, что, когда он оказался в ситуации альтернативных выборов в Верховный Совет, то был забаллотирован, хотя за него голосовали миллионы москвичей. То есть по числу голосов он имел самую большую поддержку в стране. Тем не менее...

Такого рода опасности у Горбачева не было: он прошел на свой пост без конкурса, что создало у ряда депутатов определенное мнение — Съезд фактически явился тем эскалатором, который вынес его на верхний пост. И что произошло нечто вроде 18 брюмера Наполеона на современный лад.

Тут сложная ситуация и большие опасности. Возможны разные формы закулисного давления на Горбачева, возможен его собственный сдвиг вправо в условиях единоличной власти. Такое мы видели в истории много раз. Повторяю: сосредоточение такой большой личной власти в руках одного человека опасно, вне зависимости от того, кто он, даже — инициатор перестройки. Кроме того, есть и иная опасность: он может быть заменен на другого, и практически неограниченная власть окажется в чьих-то руках, в чьих — мы не знаем.

— Верно ли я вас понял, что правовых гарантий, исключающих возможность установления единоличной диктатуры, у нас сейчас нет?

А. Сахаров. Правовых гарантий нет — вы совершенно правильно сформулировали. Но есть важнейший фактор — то, что сам Горбачев явился инициатором перестройки четыре года назад. Мы должны все время помнить, что он уже сделал для страны. Это фактор и политический, и психологический, и исторический. Его мы тоже не можем списывать со счета. Кроме того, опасность, о которой шла речь, — потенциальная. Мы все-таки должны действовать так, чтобы облегчить Горбачеву движение по пути перестройки, и сделать невозможным, насколько в наших силах, скатывание вправо. Это — безотносительно к оценке личности Горбачева — только то, что сейчас исторически нужно.

— Успех прямой трансляции работы Съезда был неслыханным. Выступления депутатов доносились из радиоприемников автомашин, из раскрытых окон первых этажей домов; я видел женщину, которая везла детскую коляску с висящим на ней приемником, мужчину, который на ходу прижимал транзистор к уху. И т. д. Есть предварительные сообщения: из-за того, что народ смотрел и слушал прямые трансляции, страна не получила пятую часть продукции. Ничего подобного никто из нас никогда не видел. И вдруг в последний день работы Съезда председательствовавший на заседании Горбачев призвал выключить прямую трансляцию — и ее выключили. Выключил телевизор и я. Но потом — на всякий случай — включил: трансляция продолжалась. Михаил Сер-

геевич сказал, что какая-то статья отменяется; видимо, речь шла об 11-прим Указа от 8 апреля нынешнего года — о дискредитации. Что же произошло в зале заседаний?

А. Сахаров. Совершенно правильно — была отменена статья 11-прим, а произошло вот что — тоже один из очень драматических моментов Съезда.

В повестке дня был пункт, названный «Разное». Когда дело дошло до него, люди поочередно выходили на трибуну и имели очень короткое время для сообщений. Выступил представитель Урала — я сейчас не помню его фамилии...

— *Шаповаленко В. А. из Оренбурга...*

А. Сахаров. ...и неожиданно для всех объявил, что создана межрегиональная группа депутатов, которая стремится к диалогу, к защите права каждого на выражение своей точки зрения и противостоит таким образом той части Съезда, которая препятствует диалогу, тем самым не давая возможности Съезду выполнить его задачу — двигать страну вперед в ходе всесторонней дискуссии. Он сказал, что обращение подписали больше 150 депутатов из разных регионов.

Образование такой группы, видимо, было неожиданно для Горбачева, и его больше всего, наверно, взволновало то, что это был представитель не московской группы, а человек с Урала, для него совершенно неизвестный. Он не знал, что будет дальше, может быть,

опасался, что случится что-то такое, что нежелательно показывать всему миру.

В тот момент Горбачев и сделал свое заявление: что сейчас у нас пошли внутренние дела, надо отпустить прессу и отключить телевидение. Он при этом забыл, что прежде надо закрыть Съезд. Он немножко потерял контроль над ситуацией и над самим собой.

— Не означает ли это, что при какой-то другой непредсказуемой ситуации мы увидим другие непредсказуемые, импульсивные действия? Выключение трансляции, конечно, мелочь, но — очень характерная.

А. Сахаров. Конечно, мелочь — и не мелочь. Потому что это попытка вывести события из-под общественного контроля. Действие очень симптоматичное. И когда мы обсуждаем, что собой представляют перспективы нашего общества в новой политической ситуации, мы не можем не анализировать и такого события. Хотя, казалось бы, речь шла об абсолютно невинном заявлении группы депутатов. Мы не знаем, чего испугался Горбачев, но он безусловно испугался. Другого объяснения случившемуся мы дать не можем. Он настолько испугался, что был готов сорвать публичную трансляцию закрытия Съезда.

— Между тем в первый же день работы Съезда Горбачев на вопрос: «Гарантируется ли непрерывность телетрансляции Съезда?» — ответил: «Гарантируется». Выходит, гарантия «не дошла» до последнего часа последнего заседания?

А. Сахаров. Ну, спустя минут 10 — после требования ряда депутатов...

— А были требования?

А. Сахаров. Конечно. Кричали еще «Позор!». Я, в частности, сказал, что не буду выступать без трансляции. А он сказал: мы сейчас посоветуемся... И включил трансляцию перед тем, как было объявлено решение относительно статей Указа от 8 апреля — 7 и 11-прим. Это действительно большая победа общественности — изменение формулировки статьи 7.

— Что уголовно наказуемыми признаются публичные призывы к свержению Советской власти?

А. Сахаров. Да. Там вставлено слово, на котором я и многие настаивали: «насильственным». Что касается призыва к насильственным действиям. Что слово «насилие» является тем рубежом, который отделяет уголовно наказуемые деяния от уголовно ненаказуемых. Этот юридический принцип был принят и, кроме того, была отменена 11-прим, которая вообще совершенно выходила из всех общепринятых норм международного права.

— Если бы она действовала, то академик Сахаров вполне мог быть...

А. Сахаров. Не только академик Сахаров, а, по-моему, пол-Съезда могло бы быть привлечено к ответственности... правда, у нас есть депутатская неприкосновенность. Но многие в стране уже привлекались по

11-прим. Кроме того, при наличии такой статьи в нашем Уголовном кодексе Конференция по правам человека в Москве в 1991 году была бы, конечно, недопустимой. Ни одно государство на это бы не пошло.

Вот каким был тот драматический момент, очень интересный и показательный, на мой взгляд.

— Кстати, Указы последнего времени — с лета прошлого года — например, о митингах...

А. Сахаров. И демонстрациях, — они уже стали законами. Они не отменены, к сожалению, Съездом.

— Но я хочу спросить о другом. Скажем, Указ о внутренних войсках, нарушающий конституционный принцип суверенитета союзной республики, поскольку войска вводятся на ее территорию без согласования с республиканским Верховным Советом — по приказу министра внутренних дел страны. Указ от 8 апреля и другие. У всех у них есть нечто общее: все Указы готовили какие-то «аппаратные гномы» — имен мы не знаем, все обнаруживают страстное желание «тащить и не пущать!», хотя и выраженное не всегда юридически грамотно; все писались втайне и появлялись вдруг, как бог из машины, — без предварительной публикации в открытой печати, без всенародного обсуждения. И все подписал Михаил Сергеевич Горбачев, имеющий высшее юридическое образование. Рядом был его первый зам Анатолий Иванович Лукьянов, доктор юридических наук. В чем дело?

А. Сахаров. Все так. Это, конечно, показатель все того же страха части руководства перед проснувшейся активностью масс. Очень плохой симптом — мы это слово сегодня уже употребляли в другом контексте. Плохой симптом и плохие последствия. Здесь скрывается колоссальная опасность. И хотя у очень многих народных депутатов наказы избирателей требовали отмены таких Указов, к сожалению, Съезд этого не осуществил. Но сам факт принятия подобных актов, сочиненных «аппаратными гномами», без предварительного опубликования проектов и всенародного обсуждения кажется мне очень плохим симптомом.

— От Указов вернемся к действующей Конституции: согласно изменениям, внесенным в декабре, Председатель Верховного Совета, только он, называет кандидата на пост своего первого заместителя. Съезд волен утвердить его или нет, но не может предлагать свои кандидатуры. При этом приходится слышать ссылки на опыт США, где президент тоже называет кандидата в вице...

А. Сахаров. Там он не просто предлагает: президент баллотируется вместе со своим заместителем.

— Но есть разница: они в одной лодке. Президент может потерять голоса избирателей, если предложит кандидата, скажем так, с неважной репутацией, в итоге — даже проиграть.

А. Сахаров. Если плохого заместителя — да. Там голосуют сразу за обоих.

— А у нас президент лично ничем не рискует: его уже утвердили. Есть тут разница в политической мизансцене?

А. Сахаров. Безусловно. Поэтому я считаю, что если сохраняется нынешняя система выборов главы государства, то именно Съезд должен иметь право предлагать альтернативные кандидатуры на пост его первого заместителя. Хотя, конечно, кандидат президента должен рассматриваться в первую очередь. Такая возможность должна быть предусмотрена в Конституции. Тут действительно есть дилемма: либо мы прямыми общенародными выборами голосуем за Председателя и его первого зама на альтернативной основе, когда имеются другие тандемы и есть конкуренция между ними, — одна возможность.

Либо — худшая, но все-таки лучшая, чем то, что имеется: когда Председатель выбран по нынешнему алгоритму, а зама мы выбираем ему на Съезде на альтернативной основе, хотя и с учетом кандидатуры, предложенной Председателем. Он, конечно, имеет право предлагать кандидата, и тот должен рассматриваться самым серьезным образом, поскольку он тот человек, с которым президент будет работать.

Это — худший вариант. Лучший — прямые выборы тандемом по американскому образцу.

— На Съезде сложилась известная вам ситуация. Пока одни кандидаты в депутаты участвовали во всех актах предвыборной драмы, другие выдвигались на пленумах и съездах общественных организаций, — их было 750. Как вы относитесь к такого рода выборам — от общественных организаций?

А. Сахаров. Я думаю, что — в будущем, во всяком случае — выборы должны проходить только по территориальному принципу, потому что система, включающая общественные организации, нарушает принцип «один человек — один голос», и разные депутаты избираются от разного по величине контингента. Такое положение нельзя сохранять. Как оно сработало сейчас — другой вопрос: сейчас, может быть, здесь были и положительные последствия. Но сохранять его нельзя.

— Между тем есть люди, требующие распространить известный «принцип ста» и на выборы в местные Советы. На апрельском Пленуме ЦК КПСС этого года первый секретарь Волгоградского обкома партии В. И. Калашников предложил предусмотреть в законе о выборах в местные Советы «практику выдвижения кандидатов от партии и других общественных организаций». А первый секретарь Коми обкома КПСС В. И. Мельников прямо сказал: секретари горкомов и райкомов заявляют, что не пойдут на местные выборы, «потому что стопроцентная гарантия, что их не изберут». Тут раздались голоса «Правильно...» — и тог-

да не выдержал Горбачев: «Правильно?! Выходит, партия должна уклониться от участия в руководстве и в выборах?» Так что есть реальная опасность, что Закон о выборах в местные Советы может быть изменен.

А. Сахаров. Я тоже думаю, что Закон о выборах в местные Совету надо изменить, но в прямо противоположную сторону. Чтобы с учетом опыта выборов в народные депутаты СССР обеспечить большую демократичность.

Мне кажется, выборы во всех случаях должны обязательно проходить на альтернативной основе. Все кандидаты должны иметь равный доступ к средствам массовой информации, и самое главное, необходимо ликвидировать институт окружных собраний. Кандидаты должны сразу выдвигаться в коллективах, не должно быть механизма отсева неугодных. Из-за такого вот механизма на выборах народных депутатов было потеряно очень много прекрасных кандидатов. Причем целенаправленно — в интересах аппарата.

То есть закон следует изменить так, чтобы уменьшить возможность аппарата диктовать результаты выборов.

А то, что предложили секретари обкомов, конечно, превратило бы выборы в фарс. И привело бы к катастрофическим последствиям для процесса демократизации страны.

— И последний блок вопросов. В одном отношении, по крайней мере, нынешний Съезд народных депутатов

СССР в мае — июне 1989-го походил на Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов в октябре (ноябре) 1917-го, объявивший о победе революции: здесь и там голосовали «вручную». Подсчета голосов с помощью электроники не было. Объяснения на сей счет не хочется и приводить, потому что в нынешнем же мае состоялась сессия Верховного Совета Литвы, где подсчет голосов вели компьютеры: были три кнопки — зеленая («за»), желтая («воздержался»), красная («против»), на стенах — два экрана. Почему же Секретариат Верховного Совета в Москве оказался неповоротливее Секретариата Верховного Совета в Вильнюсе? Он не только не оказался на высоте, а просто — в Марианской впадине океана проблем.

Материалы сессии депутатам заранее не прислали. Записки, поданные в президиум и секретариат Съезда, терялись. Микрофонов в зале сначала не было, потом они, бывало, не работали. Председательствовавшие на заседаниях не успевали извиняться за неразбериху. Председатель счетной комиссии вице-президент Академии наук СССР Ю. Осипьян, по свидетельству Ю. Черниченко, «за» и «против» подсчитывал на счетах. Позже председатель Совета Союза академик Е. Примаков считал на бумажке — «столбиком» — число голосов, и надо сказать, не сильно быстро.

А. Сахаров. К вашему списку я могу добавить, что, когда выбирали в Верховный Совет и комиссии,

в списках для голосования оказывались люди, которых делегации не выдвигали. И наоборот, некоторые кандидаты, названные делегациями, оттуда исчезали, что иногда даже всплывало на Съезде. Но таких случаев было, мне кажется, гораздо больше.

Я еще могу добавить саму картину голосования в Верховный Совет. Тогда люди получили довольно объемистые бюллетени, заполнить их в кабинах было невозможно — кабин мало, сидели бы до утра. Поэтому заполняли просто «на весу» или же рассаживались на ступеньках лестниц Кремлевского дворца, и тут уж о тайне голосования речи не могло быть.

Ко мне подошли телевизионщики, они меня сфотографировали за таким занятием. А я им закричал: «Что вы делаете?! Ведь у вас на экране получается изображение моего бюллетеня, где я часть фамилий уже зачеркнул!»

В смысле техническом аппарат организовал работу плохо, но она была плохой еще и в другом смысле: этот аппарат в какой-то мере манипулировал Съездом.

Что касается техники, то здесь все понятно: она же не была нужна — когда все единогласно, не надо ни электронной, ни какой-то другой системы. Даже если один — возможно — проголосует «против», техника тоже не нужна: это уровень счета, доступный большинству птиц, которые замечают, что у них вместо четырех яиц — три. Компьютер тут не нужен.

— Видя мучения Осипьяна и Примакова, я очень хотел подарить каждому знаменитому академику по детскому микрокалькулятору на четыре действия арифметики. Но разве этого не должен был сделать Секретариат?

А. Сахаров. Я действительно не понимаю, почему не было хотя бы калькуляторов, чтобы складывать числа... Все-таки позорно, что у нас нет электронной техники голосования... А может, дело в том, что они еще не доверяют этой технике? Вдруг калькулятор неправильно сработает... — Сахаров засмеялся. — Когда по старинке считаешь «столбиком», вроде бы верней. Или на счетах, как Осипьян. Ведь счеты — тоже примитивный компьютер.

— Но совсем не тот, что требуется на пятом году перестройки.

А. Сахаров. Да... пошел пятый год... Как мало успели...

— Здесь мне трудно с вами согласиться, Андрей Дмитриевич: мне кажется, сам факт публикации такого разговора, как наш сегодняшний, — для нас уже грандиозно много, стоит лишь оглянуться... И, может быть, мы поймем это только завтра...

ВСТРЕЧА В БЕРГЕНЕ

29 июня 1989 г.

Елена Боннэр. Здравствуйте. Первый раз я была в Норвегии почти четырнадцать лет тому на́зад. Психологически это для меня было очень трудно, потому что я представляла здесь своего мужа и потому что в это время он находился в Вильнюсе, где судили одного из наших друзей, человека из когорты тех, кого на Западе называли диссидентами. Сегодня мы в вашей стране вдвоем, и мне до сих пор, хотя мы тут уже четыре дня, кажется, что это счастливый сон. Мне предоставлена сегодня большая честь разговора с вами, но говорить в Норвегии о проблемах прав человека чрезвычайно трудно. Сейчас я объясню почему.

Мне кажется, люди в вашей стране, как нигде в мире, ориентированы в том, что это такое. Международная организация «Эмнисти интернэшнл», которая, мне кажется, наиболее точно воплощает проблему прав защиты личности, насчитывает в вашей стране более 30 тысяч членов. В процентном отношении к населению мира и других стран Норвегия, видимо, имеет больше

В России публикуется впервые.

всех членов этой организации. Я уже не говорю о других правозащитных организациях и центрах, которые у вас существуют. Проблема защиты прав человека, как мы ее понимаем сегодня, сформировалась в период после Второй мировой войны, когда современная цивилизация лицом к лицу столкнулась с совершенно непредставимыми безумными жестокостями человечества. И получила наиболее четкое отражение во Всеобщей декларации прав человека, сорокалетие которой недавно отмечалось во всем мире.

Теперь я перейду к проблемам нашей страны. Если раньше мы больше всего концентрировали внимание на проблеме защиты прав личности, так, как они отражены во Всеобщей декларации и в Пактах о правах, то теперь исторически так получается, что мы озабочены судьбами больших категории людей. Все еще остаются актуальными проблемы, отраженные в Декларации и в Пактах: это право получать и распространять информацию, право свободного вероисповедания любой религии, право воспитывать детей в религиозном духе, если вы этого хотите, право свободы выбора страны проживания и возвращения в свою страну и право следовать любым убеждениям, если это не связано с насилием и не содержит призыва к насилию. На защите этих прав в основном сформировалось то движение, которое в Советском Союзе называлось правозащитным и которое выражали диссиденты. Единственным

оружием их было слово, устное или написанное, — то, что теперь называют «гласность». Эти все права продолжают быть актуальными в нашей стране. Но раньше официальные лица Советского Союза и наше правительство всегда внушало Западу и нашему населению, что эти права — не основные и что основными правами человека, которые, как они утверждали, абсолютно обеспечены в СССР, являются право на труд, право на социальное обеспечение, право на бесплатную медицинскую помощь и образование. Право или обязанность при этом — защита своей страны и обязанность труда? Сейчас наша страна вошла в период, который Западу известен как период гласности и перестройки, но я бы назвала этот период — крушением всех иллюзий. Семьдесят два года нашему народу и Западу довольно успешно внушалось, что мы построили самое благополучное общество, в разные периоды называемое по-разному: то социализмом, то развитым социализмом, то первой стадией коммунизма, то еще как-то. Период последних трех лет выявил, что это была одна большая ложь. И особенно четко это проявилось на I Съезде народных депутатов. Мне кажется, что всем, кто изучает Советский Союз, и всем, кто заинтересован в проблеме прав человека вообще, и в частности в Советском Союзе и странах Восточной Европы, необходимо полностью прочесть и изучить материалы Съезда. Абсолютно во всех выступлениях делегатов,

и тех, кого мы называем прогрессивными, и тех, кого мы называем реакционными, звучала с потрясающей силой правда о трагедии жизни Советского Союза. Уже ни о каком социализме не было речи. Более того, один из депутатов в своей речи сказал: какой социализм, социализм в Швеции, но у нас нет ничего подобного! Съезд выявил всему советскому народу, что мы живем в стране, где 40 миллионов человек живут ниже черты бедности, где медицина на ужасающе низком уровне и врачи отказываются делать операции, потому что нет медикаментов, которые нужно при этом употребить; где две трети сельских больниц не имеют водопровода и канализации, а зарплата медицинской сестры — 80 или 90 рублей — может обеспечить ей только нищенское существование и никак не вызывает заинтересованности в работе. Может быть, поэтому у нас недавно появилось такое, что я назвала бы Чернобылем в медицине. В двух городах, в Элисте и в Волгограде, в родильных домах обнаружены эпидемии СПИДа. В Элисте заражено СПИДом 29 новорожденных младенцев и шесть мам. В Волгограде — 27 младенцев и я не помню точное число женщин.

Образование. Чрезвычайная бедность системы образования, кроме нескольких столичных высших учебных заведений. Сельские школы не имеют устроенного помещения, не имеют уборных для учащихся, часто это плохо отапливаемые, холодные, почти разрушающиеся

дома. Низкий уровень подготовки учителей и их низкая зарплата. Это приводит к тому, что в сельских школах дети получают образование очень низкого качества, и уже естественным ходом событий для получения высшего образования они являются категорией низшей по отношению к привилегированным школьникам из городских школ. Давно провозгласив, что мы являемся страной сплошной грамотности, сегодня мы должны объявить себя, и об этом говорилось на Съезде, — страной сплошной полуграмотности.

Социальное обеспечение. Большинство людей, уходящих на пенсию, имеют очень маленькую пенсию, 60 рублей — это среднее пенсионное обеспечение в Советском Союзе. (А. Сахаров. — В месяц.) В месяц. Но некоторые категории людей, особенно колхозники бывшие, получают пенсию почти в два раза ниже. В стране практически совсем не организована помощь инвалидам и людям, которые не могут сами себя обслуживать. У нас старость еще более одинока, чем везде во всем мире, и нищая.

Жилище. Более трети населения Союза продолжают жить в коммунальных квартирах или в жилищах, санитарные условия которых ниже всяких норм. Это не говоря о том, что вся российская советская деревня не имеет туалета в доме и не имеет водопровода. И все еще на уровне прошлого века используются выгребные ямы и колодец. По официальным планам, которые нам обе-

щает перестройка, идет речь о том, что к 2000 году мы сумеем обеспечить жильем нормальным 20% нуждающихся в нем.

Право на труд. Всегда одним из критериев, когда разговаривали мы с Западом, нам говорили: ну, у вас нет безработицы, у вас бесплатная медицина, бесплатное образование и нет безработицы. Так вот, у нас есть безработица. Она отличается от западной только тем, что у нас нет пособия по безработице. Никто не знает цифр безработицы по всему Союзу, но на Съезде прозвучала такая цифра, что в Узбекистане, где 17 млн населения, один миллион безработных, причем в основном это молодые люди. Это я сказала об уровне сегодняшней жизни в Союзе. Я позволю себе привести один пример из выступления тоже узбекского делегата, рассказывавшего о тяжелой работе на монокультуре хлопка в Узбекистане, где работают в основном женщины и дети, которые вместо школы работают на плантациях: более половины детей поражены тяжелыми заболеваниями печени, потому что на хлопке употребляются химикалии — и гербициды, и дефолианты. По этой же причине у женщин почти каждая вторая беременность кончается выкидышем. И, сравнивая жизнь сегодняшних узбекских тружеников полей с черными рабами в Америке на хлопковых плантациях, этот делегат сказал такую фразу: «Но там плантаторы стремились сохранить здоровое потомство, и они хотя бы кормили своих рабов хорошо,

а здесь еще и не кормят». Потребление мяса и рыбы вместе в Узбекистане, т. е. животных белков, на душу населения в среднем в год только 20 кг. И то я думаю, между нами говоря, что эта цифра завышенная.

Экологическая обстановка в стране. У нас большинство больших промышленных городов существуют в состоянии загрязнения в десятки раз выше допустимой нормы. Я не буду перечислять — это очень много городов, известных и неизвестных: Днепропетровск, Днепродзержинск, Харьков, Киев, Горький, Свердловск, в общем, почти все... (А. Сахаров. — Череповец, Дзержинск), да, в общем, бесконечное число городов. У нас после Чернобыльской катастрофы поражена до сих пор радиоактивностью часть Украины, и что менее известно — большая часть Белоруссии. Это поражение далеко больше, чем 30-километровая зона, которую в свое время переселяли. Практически проживание людей в нескольких областях Белоруссии опасно для жизни. И это уже проявляется на состоянии здоровья населения. У нас целый большой район — страна Каракалпакия — погибает, и погибает весь народ. Это вокруг Аральского моря, которое неразумными действиями Министерства водного хозяйства, при попустительстве Академии наук СССР, погубили. Там засолились все окружающие на много десятков, сотен километров земли, и на них ничего теперь не растет. Море практически исчезает с лица земли, погибла рыба и погибли земли вокруг, которыми жил этот

народ — каракалпаки. Процесс уничтожения земли и соответственно последующего уничтожения народа идет в Калмыкии. Тюмень и близлежащие районы добычи нефти погибают от неправильного использования этих районов. Северные народы побережья Ледовитого океана, Якутии и побережья Тихого океана вымирают, потому что традиционные способы жизни разрушены, разрушена промышленным использованием тайга и тундра, а новые условия жизни для этих народов не созданы. Если перечислять дальше, и вы прекрасно знаете, — погибает Кольский полуостров из-за кислотных дождей, погибает Байкал, погибает Ладожское озеро близко от вас — от химического комбината, очень может быть, что погибнет Ленинград из-за неразумного строительства дамбы, и вот, я не помню точно где на Съезде, прозвучала такая цифра, что практически 1/5 территории Союза стала уже непригодной для жизни, и мы экологически самая грязная и самая вредная для всех своих соседей страна в мире. Это я вам, не придумав ни одного слова, рассказала то, о чем говорилось на Съезде. Надо сказать, что в прошлом, может быть, не за столь подробную и не за столь широкую картину, как она предстала на Съезде, диссиденты получали свои большие срока; в частности, у меня в приговоре были пункты, связанные с тем, что я рассказывала о состоянии советской медицины. Но есть еще одна не менее трагическая страница разрушения иллюзий — вскрытие нашей истории.

Последние два года мы почти ежедневно читаем о том, какими жестокими, какими непредставимыми способами наше правительство в разные периоды уничтожало собственный народ, в разные периоды это были и разные причины: уничтожали дворян, уничтожали офицеров или солдат царской или Белой армии, уничтожали по принципу — богатые, уничтожали, по принципу — интеллигенция, уничтожали по принципу национальному, уничтожали по принципу — крестьяне, уничтожали наиболее серьезных, развитых, идейных рабочих, уничтожали собственную армию, ее командиров, уничтожали целые народы, как переселенные народы: татары, ингуши, карачаевцы, немцы, бесконечное число. Вы знаете вот такой кошмар: что любой человек внутри себя как бы носил причину, по которой его могут уничтожить, но кроме того, любой человек внутри себя без причины знал, что его тоже могут уничтожить. Уничтожали верующих и атеистов, коммунистов и антикоммунистов. И теперь, как в подтверждение этому, от чего очень многие в нашем народе хотели бы отмахнуться и забыть, — каждый день приносит известие: то в одном, то в другом городе, то в каком-то лесу находят массовые захоронения. И еще живы свидетели, которые рассказывают, как они слышали выстрелы, или как они видели машины, которые привозили горы трупов, и их слегка закапывали. Так, почти в центре Москвы обнаружено массовое захоронение тридцатых годов,

во рву, рядом с Калитниковским кладбищем. В Донском монастыре, в Москве, в самом центре, напротив Университета Лумумбы — тоже. Около Минска, в деревне Куропаты; считают, что там погребено более трехсот тысяч советских расстрелянных людей. Около Киева, в Броварах. Там это еще припудрено — я даже не знаю, как сказать, — такой страшной ложью, что на этом месте поставили памятник и написали: жертвам фашизма в войне 1941—1945 годов. А раскопки обнаружили, что это были расстрелы до 41-го года. Там тоже 200—300 тысяч. Теперь уже Советское правительство не отрицает, что польские офицеры в Катыни действительно погибли от советских рук, а не немецких. Одновременно обнаружены там многие десятки тысяч расстрелянных советских людей. Около Свердловска, около Иркутска, около Читы — бесконечное число таких массовых захоронений; я уже не говорю о массовых захоронениях там, где были лагеря. Сейчас никто не знает, сколько миллионов людей погибло. Историки говорят, что эта цифра колеблется от 40 до 60 миллионов, погибших не в войну, а от собственных, так сказать, рук. Вот такое общество у нас построено и с такими жертвами. Как его называть, никто не знает. Даже Михаил Сергеевич избегает слова «социализм». И что с ним делать, мне кажется, тоже никто не знает. Но я думаю, что очень важно разрушение всех иллюзий, у нас в стране — произошедшее, у вас, на Западе, — ос-

тавшиеся иллюзии. Только отрешившись от всех иллюзий по поводу нашей страны, только изучив вот то, что сейчас представил Съезд, можно начать думать, как помочь этому государству и, вместе с тем, всему миру. Я думаю, что только отрешившись от этого и поняв, что же там было и что есть сейчас, — надо действовать.

Когда я была совсем девчонкой и у меня был очень горячий характер, моя бабушка в острых ситуациях мне говорила: прежде чем что-либо делать, сосчитай, до ста. Так вот сейчас Западу надо сосчитать до ста и посмотреть, куда же мы повернем: каков будет путь решений нашего правительства и нашего народа, что нам делать дальше. И чтобы не кончать на этой грустной ноте, я хочу закончить совсем оптимистично. Вот, при той картине, которую я вам рассказала, поразительно то, что оказалось, что наш народ жив, жив несмотря на то, что мы — страна социальной необеспеченности, мы — страна очень низкого жизненного уровня, мы — страна отсутствия медицинской помощи, низкого здравоохранения и страна вражды народов, а не дружбы народов, потому что все в этом социальном состоянии стали ненавидеть друг друга, и это проявляется, вы знаете, безумно трагически, — все-таки народ оказался живым. И это проявили последние выборы, когда в некоторых районах они были настоящими, и люди активно принимали в них участие, и в предвыборной борьбе. И это же проявилось на съезде, где выявилось 200—300 молодых,

активных, образованных, умных и абсолютно независимых делегатов. И когда я смотрела безотрывно по телевизору за ними и слушала, я думала: «Боже мой, как же им удалось вырасти на этой почве!» И пусть подавляющее большинство съезда — это все те же партийно-аппаратные бюрократы, все те же люди, которым — я так резко скажу — наплевать на судьбу страны и собственного народа, но наличие вот этого нового поколения вселяет надежду. Правда, надо сказать, что люди взрослые, поколения моего и старше меня, не очень радостно принимают это новое поколение. Потому что они свидетели того, что жизнь старшего поколения, в общем, прошла зря, была погублена строем, или они сами активно содействовали этой гибели. И вот когда я говорю, что Западу надо посчитать до ста, я еще вкладываю в это надежду, что вы за это время сумеете отделить вот это молодое новое поколение от тех, кто по-прежнему несет свою старую государственную идею, и будете помогать тем, кому надо. Простите меня, что я сегодня говорила о правах человека не в традиционном нашем плане, и спасибо за внимание.

(Аплодисменты.)

— В связи с тем, что вы советуете нам считать до ста, я хочу спросить, как нам теперь относиться к тому, что происходит в Советском Союзе. Во-первых, это касается экономики, технологического сотрудниче-

ства с Советским Союзом, надо ли продолжать с этими ограничениями в технологическом сотрудничестве, которое на Западе практиковалось до сих пор — это один вопрос; другой вопрос касается национальностей в Советском Союзе: у нас такое впечатление, что это один из самых главных вопросов сейчас, касающийся будущего Советского Союза. Политика Сталина с переселением народов, преследованием разных групп этнических и так далее, создала много вражды и горечи между этими группами, национальностями, и мы боимся, что в этих конфликтах могут тоже применить военных. И я не думаю, что, конечно, теперь эти национальности, разные народности хотят большой самостоятельности и самоуправления. И если тогда они применят военных, то, наверное, военные эти плохо относятся к перестройке, и это не прогрессивные силы в стране. Может быть, надо сказать этим народам, что они должны сосчитать до ста. Вы можете отвечать, как хотите — вы или она, на разные вопросы.

Е. Боннэр. Ну, национальные — ты будешь... и экономические ты. *(Смех.)*

— Ну, вопросы по порядку. О национальностях. Вот, между национальностями вражда есть и так далее, военные, может быть, вмешиваться будут, и он спрашивает, как, вы думаете, мы в этом процессе можем помочь и есть ли такая возможность, что, например, как в Китае; он, наверное, думает, что насиль-

ственные методы могут быть применены против освободительных национальных движений.

А. Сахаров. Думаю, что я скажу. Ну, тут было много вопросов, и я прежде всего хочу сказать, что я мало что хотел сам добавить к тому, что сказала моя жена; по-моему, это был такой сильный поток трагической информации, которая обрушивается на нашу страну и обязательно должна быть известна всему миру. Иллюзии о прошлом и о настоящем нашей страны исчезают; но не должно быть иллюзий и о том, насколько уже твердо наша страна вступила на путь исправления своего положения. Все еще очень неопределенно. Международная политика нового руководства пользуется заслуженной популярностью потому, что она не сводится только к словам, многое сделано конкретное и очень существенное. Но и в области международной политики необходимы дальнейшие очень большие шаги для того, чтобы полностью выйти из того необычайно трудного положения, в котором находится мир, в значительной мере благодаря разделению мира на две противостоящие друг другу системы. Я считаю, что, в частности, очень важно дальнейшее сокращение вооруженных сил Советского Союза, причем одностороннее, поскольку Советский Союз сейчас обладает самой большой в мире армией, большей, чем армии Китая, Соединенных Штатов, а может быть, и ФРГ, вместе взятых. Я имею в виду необходимое сокращение срока службы

в армии приблизительно в два раза. Но, во всяком случае, в области международных дел уже сделан ряд важных шагов, и в частности, объявленное в Нью-Йорке Горбачевым 10-процентное сокращение армии — это уже очень важный шаг в нужном направлении, но в области внутренней политики мы еще не вышли из периода обещаний и слов, и это, если учесть, что уже четыре года новое руководство находится у власти, вызывает очень большое беспокойство и раздражение у населения. Если популярность Горбачева во внешнем мире очень велика, то внутри страны она резко падает. И сейчас стоит вопрос: куда пойдет страна реально, не на словах, а на деле, внутри, будут ли произведены необходимые реформы. Это вопрос не личных качеств Горбачева — это вопрос того, способна ли система на эти изменения без очень глубоких политических сдвигов. Перестройка объявлена сверху, но она может быть осуществлена, только если встречное инициативное движение снизу ее будет дополнять. И вот тут я возвращаюсь к вопросу, который формально есть тема нашего семинара, — к вопросу о правах человека.

Одно из прав, которое является на нынешних условиях необыкновенно важным, — это право на выражение мнения, на митинги, на демонстрации, на организацию ассоциаций, которые получают легальные права. И трагично то, что тот самый человек, который провозгласил перестройку, подписал указы, ставшие

потом законами, о митингах и демонстрациях, о применении специальных войск. Это показывает, что руководство страны, в том числе сам Горбачев, не готовы к тому, чтобы было истинное движение демократизации снизу. И это вызывает страх. Как проявляются на практике эти новые законы, мы видели во многих городах нашей страны: в Минске, в Красноярске, в Крыму, в Армении, но высшей точкой явились события в Тбилиси. И мы можем опасаться того, что при каких-то ситуациях в нашей стране могут повторяться события на площади Тяньаньмынь. Это реальность, которую мы должны понимать. Мы все должны понимать, что перестройка не началась, и сейчас стоит вопрос о том, начнется ли она внутри страны. Экономическая перестройка возможна только с политической перестройкой. Сейчас закон о самостоятельности государственных предприятий является, по существу, кусочком бумаги, он не проводится в жизнь. Самостоятельности у предприятий никакой нет. Я сказал: государственные предприятия, самостоятельность государственных предприятий. Арендная система в сельском хозяйстве реально не осуществляется. Она охватывает около 1% земельных площадей. Эта аренда в очень трудное положение ставит арендаторов: колхоз оказывается в роли промежуточного хозяина земли, эксплуататором, лендлордом; если бы аренда приобрела большое развитие, то он бы практически существовал за счет

этой новой формы хозяйства. Реально то, что предполагается осуществить для подъема сельского хозяйства — это простить задолженность самым отсталым, самым нерентабельным колхозам, т. е. это такая мера, при которой ни о каком подъеме реальном сельского хозяйства речи быть не может. И ни о каком сочетании разных форм собственности в сельском хозяйстве, что совершенно необходимо, — тоже нет речи. В промышленности сохраняется монопольная роль ведомств, министерств, которые практически играют роль общего распределителя и всех материальных средств, и получают подавляющую часть прибыли всех предприятий. Это все заставляет считать, что для того чтобы перестройка стала реальной, нужно осуществить все лозунги, под которыми проходила Октябрьская революция, т. е. вернуться на 72 года назад. Это лозунг «Вся власть Советам», что подразумевает ликвидацию монопольной роли партийно-государственного аппарата. Это лозунг «Фабрики — рабочим, земля — крестьянам», вот те реальные права, которые необходимы народу для того, чтобы решить трагические экономические проблемы, социальные проблемы, экологические. И чрезвычайно глубокие изменения нужны для того, чтобы национальная проблема была решена, нужно изменение национально-конституционного устройства страны. Это тот план, который сформулирован Народными Фронтами Прибалтики применительно к их ус-

ловиям, но он должен быть распространен на всю страну. Это предоставление независимости всем национально-территориальным образованиям: союзным республикам, автономным республикам, автономным национальным областям и национальным округам, с тем чтобы они могли вступить в Союзный договор. Я считаю, что какое-то частичное постепенное решение проблем очень опасно, именно вот на этой промежуточной стадии могут вспыхнуть острые национальные противоречия, острые национальные столкновения, и мы вообще знаем из истории, что, когда начинает даваться свобода частично, это вызывает взрывные процессы. Как вы правильно сказали, наша страна — это последняя империя, и эта империя должна быть ликвидирована, и сделать это надо сразу и кардинально, иначе будет катастрофа. При этом империей является не только вся страна в целом, но многие республики, такие как РСФСР, Грузия, Азербайджан и другие являются маленькими империями; не имея полностью свободы сами, они в то же время подавляют свободу входящих в них более маленьких национальных образований. Известна проблема Нагорного Карабаха. Сейчас проблемы Грузии, Абхазии, Осетии (Е. Бонэр. — месхов), месхов; все это очень острые, трагические проблемы. Моя жена говорила: сосчитать до ста, но она это говорила применительно к позиции Запада: в национальных вопросах ждать уже практически не-

возможно, просто эти процессы возникают сами собой, изнутри народного угнетения, и остановить их невозможно. И например, когда некоторые интеллигенты говорили, зачем армяне подняли вопрос о Нагорном Карабахе так несвоевременно, — то это неоправданная постановка вопроса. И то же самое относится к другим острым национальным вопросам, их очень много, не хватит пальцев не только руки, но и вообще всех пальцев человека, чтобы их пересчитать.

Е. Боннэр. Я хочу добавить, что считать до ста внутри страны уже некогда. У нас — у советского руководства — нет этого времени. Политические решения, дающие почву для экономической перестройки и изменения всего существования нашей страны, должны быть приняты немедленно. К ним относятся реальная власть, переданная Советам, реальные вопросы земли и средств производства и национальное переустройство страны. Сталинская система, давшая возможность угнетения одних народов другими, должна быть ликвидирована полностью и сразу. И если этого не сделает следующий Съезд народных депутатов, то я боюсь, что могут возникнуть просто трагические острые катаклизмы в нашей стране. Я думаю, что чем скорее всем народам нашей страны дадут свободу и возможность вступить в свободный межреспубликанский договор, тем большая гарантия, что страна не распадется.

* * *

А. Сахаров. Я хочу еще два слова прибавить о позиции Запада и связанном с этим вопросе, — как оценивать Горбачева. Сейчас, мне кажется, Запад должен быть очень осторожным в отношении долгосрочных проектов именно потому, что в стране имеется неопределенность очень большая. Очень опасно, взяв на себя долгосрочные обязательства, законсервировать эту теперешнюю систему. Это совершенно реальная опасность, и она должна учитываться. Но, с другой стороны, есть вопрос о том, что стране именно сейчас угрожает финансовая катастрофа, и если она произойдет, то это будет иметь очень страшные политические последствия внутри страны. Эта финансовая катастрофа может быть предотвращена в основном серией внутренних мер: экономических и политических. Но определенная помощь Запада возможна и наверняка даже необходима, ведь речь идет о спасении от катастрофы. Советское руководство не хочет признать именно этой необходимости. Ну, вот это вторая сторона: осторожность с долгосрочными проектами и, в случае необходимости, острая помощь сейчас, но помощь целенаправленная. Вся политика Запада в отношении СССР должна носить четко целенаправленный характер. Политика в отношении СССР, как и в отношении Китая, что не менее важно, — эта политика должна быть направлена на выживание человечества, а не на обеспечение каких-то выгод, преимуществ,

преимуществ для отдельных групп; это слишком серьезный вопрос, чтобы, так сказать, думать, что можно что-то выгадать здесь; здесь речь идет о том, чтобы всем нам вместе не погибнуть. Это относится и к СССР, и к Китаю. Здесь должна быть принципиальная политика. И об отношении к Горбачеву, наверно, надо сказать, потому что этот вопрос всегда встает. Единственным, на самом деле, политическим результатом Съезда, если не говорить о просветительском его значении, которое важнее всего, единственным таким политическим, в узком смысле слова, результатом является получение Горбачевым неограниченной личной власти. Я считаю нужным подчеркнуть, что это само по себе не гарантирует дальнейшего развития перестройки — не дальнейшего, а вообще развития перестройки, несмотря на то что Горбачев явился инициатором этого процесса, провозглашения этого процесса. Я считаю, что сосредоточение личной власти в одних руках чрезвычайно опасно, во всяком случае, с этим не должно быть связано никаких иллюзий. И развитие перестройки будет идти только в том случае, если она будет политически обеспечена серией далеко идущих политических мер. Ну, вот все.

(Аплодисменты).

— Он говорит, что этот семинар, для него очень интересный, но одновременно очень неожиданный, поскольку он думал, что будет разговор о правах человека в более общем смысле. И теперь особенно ему непонятно,

может быть, он раньше не думал об этом, как важно бороться за свободу мысли и право сказать свое мнение. Он говорит, что вы говорили об этих проблемах в Советском Союзе и одновременно признали, что вы не сами это придумали, а что все это на съезде было высказано; он говорит: для меня это самое важное свидетельство того, что произошли все-таки большие изменения в Советском Союзе в этой области... (нрзб.) высказывали точку зрения на Западе, что, вот для нас Горбачев был, конечно, большим событием и нас всех удивило, какие большие изменения за короткий срок все-таки произошли, что касается открытого обсуждения проблем. И для меня лично, и для многих на Западе, наверно, так было, что все-таки это явление, Горбачев повлиял на все наше мировоззрение, что касается будущего всей Европы. Теперь он встретил на Западе многих деятелей польской «солидарности», которых раньше преследовали, и теперь они свободно посещают Запад, и также они могли встречаться с другими деятелями, с которыми, они думали, совершенно невозможно было когда-то вообще общаться... И из прибалтийских стран тоже здесь были представители освободительного движения. Он говорит, может быть, мы на Западе себе все-таки создали уже какие-то иллюзии, что все-таки нам теперь показалось, что есть возможности для такой так называемой мирной революции, где более человеческие отношения становятся возможными. Он думает, что для него, конечно,

картина положения в Советском Союзе на основе вашего доклада более темная, чем он себе до сих пор представлял. Он также спрашивает: на основе того, что вы рассказали, как вы думаете, могут ли быть новые сильные национальные конфликты, и каким образом относиться или как можно помочь Советскому Союзу отсюда. И он удивляется очень тому, что Советский Союз все еще оказывается развивающейся страной, этого они достаточно не поняли и до сих пор еще не поняли как следует.

Е. Боннэр. Я отвечу на ваш вопрос и буду отвечать с конца — насчет развивающейся страны. Мы одна из самых плохо развивающихся стран. Показателем этого является для всех стран одинаково — смертность детская: 53-е место в мире, где-то там между Намибией и еще кем-то. 53-е место по смертности детской. И длительность жизни у нас тоже соответственного уровня. Это два показателя, которые во всем мире считаются наиболее ярко характеризующими уровень жизни страны.

Конечно, страны еще можно определять как передовые и отсталые, по уровню оружия на количество населения и по уровню продажи оружия всему миру; тогда мы, наверное, первая страна в мире. И я бы очень хотела, чтобы, планируя взаимоотношения Запад—Восток, люди Запада не забывали, что мы в обеих этих точках не сдвинулись с места. Мы так же охотно и так же много торгуем оружием и все еще его производим.

Теперь о положительных изменениях, которые в нашей стране произошли. Не надо думать, что мы их не замечаем. Ну, во-первых, одно из положительных изменений, что мы тут вдвоем, а не я одна, вместе разговариваем с вами. Самое большое изменение, что наши солдаты ушли из Афганистана. Только надо помнить о методах ведения этой войны, о том, что она была вообще неизвестно зачем предпринята; о том, что миллион афганцев погиб и треть нации на сегодня находится вне страны. И считая уход советских войск из Афганистана одним из самых положительных результатов четырех лет нового правительства, я думаю, что все-таки нам не надо отказываться от того, чтобы мировая общественность провела слушания об этой войне: почему она возникла, что и кому дало право унести миллион жизней, и как эта война велась. В свое время содружество наций провело Нюрнбергский трибунал. Не думает ли мировая общественность, что события в Афганистане тоже заслуживают подобного внимания. Следующее положительное явление нашего времени — гласность. Но сколько лет страна может не иметь истории? Я не знаю, знают ли сейчас здесь на Западе, что у нас два года у школьников нет экзаменов по истории? Потому что никто не знает, чему их учить, и что было, и что не было в истории нашей страны. *(Смех.)* Кроме того, я бы хотела сказать, что мы, так же, как и все в мире, заслуживаем не гласности, которой кто-то дирижи-

рует, а нормальной свободы слова. Еще один положительный фактор, который реально есть: облегчение поездок на Запад и с Запада в СССР, что дало многим семьям возможность видеть друг друга и не ощущать трагического разрыва. И некоторое облегчение эмиграции, в частности, еврейской. Но давайте научимся считать, что мы и вы — одинаковые люди, что нам нужны одинаковые права. И тогда станет непонятным, почему евреям эмиграцию чуть-чуть облегчили, немцам тоже, а если татарин захотел эмигрировать, то он не имеет права.

И подводя итоги, я бы сказала, что все положительные сдвиги, которые у нас имеются, это только *частичное* исправление крупных ошибок предыдущих правительств, а еще не настоящее движение по демократическому пути. А только оно, так же, как такое движение в Китае, может обеспечить всем на земле жизнь будущую, потому что Советский Союз и Китай — это две особые системы, два особых государства, от судьбы которых зависит судьба всех, наша общая судьба. *(Аплодисменты.)* Я думаю, вы устали, кроме того, нам очень хочется немножко посмотреть Берген, мы много слышали о том, какой это прекрасный город.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВСТРЕЧЕ С КОЛЛЕКТИВОМ УРАЛМАША

15 сентября 1989 г.

Здравствуйте. Мне второй раз в жизни приходится выступать на большом рабочем собрании. И я считаю это для себя большой честью...

Съезд народных депутатов открыл стране огромную картину жизни нашего общества. Миллионы людей смотрели и поняли, что страна находится в тупике. Семьдесят лет развития были во многом основаны на догмах, на идеологических заблуждениях и на том, что корыстные интересы бюрократии, корыстные интересы сохранения власти бюрократической верхушки вели страну по неправильному пути. Была необходима перестройка.

Перестройка является объективной необходимостью. Идет она очень трудно. Съезд создал как бы «ножницы», разрыв между общественным сознанием масс (массы у нас, мы теперь можем сказать, умные, все понимают; понимают лучше даже, чем многие в руковод-

---

Опубликовано в газете Уралмашзавода «За тяжелое машиностроение» 20 сентября.

стве; и, во всяком случае, их уже дальше нельзя держать в заблуждении). В то же время происходит разрыв между словами и делами. Реальных изменений нет. И вот, в частности, в центре России, где мы находимся, этот разрыв виден, может быть, с наибольшей ясностью.

На протяжении многих лет здесь развивалась тяжелая промышленность, группа «А» (орудия средств производства) составляла колоссальный процент. Если по всей стране это 76 процентов, то здесь много больше — чуть ли не 90. В то время как социальные потребности народа здесь, как и всюду, в загоне. Мы видим, что развитие идет неразумно. Задача — выйти на передовой рубеж в области экономики, в области производительности труда — так же далека от нас, как она была десятилетия назад. То есть вся административно-командная система потерпела фиаско.

Она не решила задач ни экономического, ни научно-технического прогресса, ни задач социальных, ни задач экологических. Каждое ведомство интересуется своими планами. Планы эти часто надуманны. Никто не отвечает за положение на местах. Советы местные бесправны, безвластны. Экологические вопросы тоже находятся в тяжелейшем положении. Значительная часть нашей страны просто стала непригодной для жилья. И это сказывается на здоровье людей, в особенности детей, молодого поколения. Вот такая реальная действительность. И необходимы решительные изменения.

Они должны включать критические изменения, осуществление лозунга «Вся власть — Советам!» реально, а это подразумевает отказ от шестой статьи Конституции, которая объявляет руководящей силой во всем, во всей конкретной жизни страны Коммунистическую партию. Это изменение структуры собственности. То есть лозунг Октября «Земля — крестьянам!» тоже должен быть осуществлен. На производстве это должна быть подлинная независимость предприятий, их право распоряжаться своими планами, своими доходами. Это не дело центральной власти — распоряжаться прибылью предприятия.

Сама структура управления должна быть перестроена таким образом, чтобы сами производители создавали структуру управления, объединяя свои органы управления ради того, что им нужно. То есть власть, аппарат управляющий должен создаваться не «сверху» и не директивно, а именно по нуждам непосредственных производителей.

Положение деревни: земля должна быть в ведении республики, именно республики, а не государства. Но пользование землей, владение землей должно быть в руках тех, кто ее обрабатывает. Это должно быть владение с правом наследования, с соответствующим земельным налогом. Такая система единственная, которая способна обеспечить заинтересованность людей в сохранении земли и в получении реального эффекта от земли.

У нас до сих пор и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и вообще во всей системе руководства главное было выполнить указания свыше или написать хорошие планы, а все остальное как бы второстепенно. На самом деле только реальный результат, причем выраженный в реальной прибыли и в реальной тем самым пользе для общества, может быть критерием. Единственным реальным регулятором экономической жизни может быть рынок и конкуренция. Это выработано опытом человечества, и только так экономика может развиваться.

Предстоит переходный период, сложный, в течение которого важнее всего избежать экономических опасностей. Мы, по существу, находимся в состоянии глубочайшего экономического кризиса. Здесь есть ряд мер, которые предлагали депутаты Съезда, предлагал Шмелев в наиболее четкой форме. Я всецело поддерживаю его предложения. Вот этот переходный период мы должны пережить с открытыми глазами и с ясной перспективой движения вперед. Это круг вопросов Съезда. Но выполнение всей программы — это на местных органах. Они должны быть выбраны народом на демократической основе.

Это требует соответствующих законов о выборах. Важнейшая политическая задача — добиться таких законов о выборах, которые бы обеспечили действительный выбор истинных народных избранников, людей,

преданных задаче преобразования страны. Мне кажется, что на выборах в народные депутаты была создана очень сложная система: были выборы от общественных организаций, которые зачастую давали просто автоматическое попадание в высшие органы власти. Какую-то положительную роль эта система выборов вначале сыграла, но дальше этого отступления от демократических принципов мы терпеть не должны.

Выборы, как мне кажется, должны вестись по чисто территориальному признаку, по территориальным округам, без выделения каких-то организаций, без окружных собраний, которые на выборах в народные депутаты играли роль фильтра и зачастую отсеивали истинно народных кандидатов. Проходили кандидаты, угодные аппарату. Этого допустить нельзя. Возможно, что выборы нужно вести в два тура, и в каждом первый — отборочный, второй — уже окончательный. Эта система во многих странах существует. Она обеспечивает правильное изъявление воли народа.

В связи с Законом о выборах возникли проблемы в Прибалтийских республиках, в частности, проблема с голосованием военнослужащих, которые находятся там в порядке срочной службы. Я думаю, что разрешение этой проблемы может быть достигнуто не только для Прибалтики, а для всей страны очень просто. Солдаты срочной службы должны голосовать по месту своего постоянного жительства, там, где они реально заин-

тересованы в работе местных органов. Голосование по почте (оно применяется во многих странах мира) — это простая и вполне демократическая форма. Никаких злоупотреблений тут не может быть. Люди могут знать кандидатуры, которые выдвинуты по их постоянному месту жительства, и голосовать с полным пониманием того, что там происходит и какие стоят задачи.

Другая проблема, стоящая в связи с выборами, — это идея, что коллективам трудящихся должны быть предоставлены особые права выбирать. Это, по моему мнению, расширение антидемократической системы общественных организаций. Это демагогические заигрывания с рабочим классом, чисто аппаратные манипуляции.

В прошлом в истории нашей страны под видом диктатуры рабочего класса очень быстро возникла диктатура аппарата. И повторить эту историческую ошибку мы ни в коем случае не должны. Надо очень настороженно относиться к попыткам противопоставить рабочий класс другим слоям общества.

В свое время была попытка противопоставить рабочий класс крестьянству и интеллигенции. Сейчас — противопоставить рабочий класс интеллигенции. Но интеллигенция наша на самом деле такой же трудящийся класс, как и рабочие, часто даже находящийся в худшем материальном положении. И никаких противоречий в интересах не существует. Существует и там,

и здесь разная позиция в обществе, позиция по отношению к аппарату.

Я думаю, что рабочий класс реально играет и будет играть огромную роль в политической жизни страны. Уже после Съезда мы были свидетелями забастовок шахтеров. Эти забастовки носили в значительной мере характер политический. Их условия были политические. Они, на мой взгляд, сыграли положительную роль в том, что наметившийся процесс, очень опасный, свертывания перестройки (это вполне реальная вещь и очень много симптомов мы видели и видим) эти забастовки остановили. Может быть, во всяком случае, замедлили. И я считаю, что хотя забастовки наносят ущерб экономике страны и нарушают трудовой ритм, это тем не менее часто является необходимым для нормального политического развития. И это право трудящихся, которое у них никто не может отнять, и право, которым они должны, хотя и осторожно, но в случае необходимости твердо и решительно пользоваться.

Я должен кончить тем же, чем и начал. Я с глубочайшим уважением отношусь к своей аудитории, к Уралу, где мы имеем сплав и рабочего класса, и интеллигенции, и крестьянства. Этим силам в их совокупности принадлежит будущее. И надеюсь, что коллективный разум людей будет способствовать выходу страны из тех колоссальных трудностей, в которых она находится.

Я не говорил о национальных проблемах, о них уже сказала Галина Васильевна [Старовойтова]. Думаю, что русский народ найдет достойное место в этом процессе. Это можно сделать только тогда, когда он будет не противопоставлен другим народам, когда он примет на себя долю ответственности за то, что творилось от его имени и руками его представителей в национальных республиках. Но он одновременно заслуживает и развития, и восстановления национальной культуры, своих национальных традиций... В этом деле есть и перегибы, есть опасности, но их ни на кого валить, ни на какие другие народы мы не можем и не имеем права. Мы ответственны за свою судьбу, за свое прошлое, и мы в еще большей степени ответственны за свое будущее. *(Аплодисменты.)*

Ответы на вопросы

— Уважаемый Андрей Дмитриевич, не считаете ли вы ошибкой свое заявление при открытии Съезда народных депутатов о том, что не видите альтернативы избранию М. С. Горбачева на должность Председателя Верховного Совета СССР? Жалеете ли вы о содеянном и думаете ли об исправлении допущенной оплошности?

А. Сахаров. Я по-прежнему считаю, что Михаил Сергеевич Горбачев — единственная реальная кандидатура, которую мы на сегодня видим. В силу того, что он

был инициатором перестройки. И в силу его интеллектуальных качеств.

С другой стороны, я говорил с самого начала, что не переоцениваю Горбачева. Я считаю, что он недостаточно активно действует во многих направлениях. И, в частности, считаю, что он ответствен за многие трагические события в национальных республиках. За те сложные проблемы, которые возникли в Закавказье... Также считаю, что он недостаточно активно проводит реальный процесс перестройки внутри страны.

Как известно, на Западе Горбачев пользуется колоссальной популярностью в связи с международной политикой Советского Союза, которая действительно изменилась за эти годы. И на Западе не верят, что внутри страны его политика не столь успешна и радикальна. Тем не менее я надеюсь, что под давлением рабочего класса, забастовок Горбачев и весь аппарат в целом будут вынуждены более энергично и более реально проводить политику перестройки внутри страны не в интересах номенклатуры, а в интересах перестройки...

— Как по-вашему, Горбачев левее или правее центра?

А. Сахаров. Горбачев, я думаю, как раз совпадает именно с центром. В чем заблуждение Горбачева — я сказал: пассивность в реальных изменениях.

— В одной из журналистских статей, в своих воспоминаниях о Съезде вы сказали, что Горбачев находится в сложном положении. В чем же эта сложность?

А. Сахаров. Я думаю, что сложности Горбачева — это сложности положения страны в целом. Принимать решения такого масштаба, который необходим, это никогда не просто. Что же касается того, что обычно говорят на Западе: у Горбачева власть резко ограничена правым крылом Политбюро, — то я считаю, что это не так. Я думаю, что Горбачев волен принимать любые решения. Так что в этом отношении у него сложности нет.

— *Андрей Дмитриевич, вы были в составе депутатской группы в Тбилиси*[1]. *Поделитесь своими впечатлении об увиденном, узнанном там.*

А. Сахаров. Мы были на заседаниях комиссии, где рассказывалось об обстоятельствах происшедшего. Это действительно была карательная операция. Жесточайшая карательная операция против митинга, который выступал под лозунгами, не кажущимися мне во многом правильными, но это не имеет значения. Это был вполне конституционный митинг. И расправа, которая была произведена, не имеет конституционных оснований.

Много ужасного было. Например, применение саперных лопаток против людей. То же самое было ранее в Ал-

---

[1] В Тбилиси А. Сахаров был не «в составе депутатской группы» («комиссия по Тбилиси» была образована лишь на I Съезде народных депутатов СССР), с Е. Г. Боннэр в начале мая, до съезда. — *Ред.*

ма-Ате и других местах. И вершина всего — применение отравляющих веществ. Это настолько не укладывается в сознании, что выглядит как какая-то провокация.

Разобраться в том, кто давал команду, до конца на местах было невозможно. Мы можем строить только догадки. Во всяком случае, мы знаем, что МВД возражало против введения войск. И среди тех, кто настаивал на приглашении войск, был второй секретарь ЦК Грузии, человек Москвы. Как всегда, второй секретарь — человек Москвы.

— *Андрей Дмитриевич, как вы относитесь к религии?*

А. Сахаров. Я не принадлежу ни к какой церкви. Но в то же время я не могу считать себя последовательным материалистом. Я считаю, что какой-то высший смысл существует и во вселенной, и в человеческой жизни тоже.

— *Знакомы ли вы с нашим депутатом Кудриным? Каково ваше мнение о нем как о народном депутате?*

А. Сахаров. Знакомство у меня с ним, как говорится, чисто шапочное. Но я отношусь к нему с большим уважением в связи с его историей, с его поступками. Я предлагал его в качестве председателя комиссии по Гдляну. Но это не было принято. Думаю, что выводам комиссии с таким председателем народ поверил бы больше, чем выводам комиссии, которую возглавлял Медведев. *(Аплодисменты.)*

— Что вы можете сказать об ученом-физике Юрии Орлове, которого уже в период перестройки лишили гражданства СССР и выдворили из страны?

А. Сахаров. Я знаю Орлова с начала 70-х годов. А слышал о нем значительно раньше. Я его уважаю и считаю, что это человек выдающийся. И приговор по отношению к нему, его выдворение из страны считаю несправедливым. Это одно из тех действий эпохи, которое должно быть исправлено.

— Андрей Дмитриевич, есть ли реальная возможность контроля Верховного Совета над внешнеполитической деятельностью правительства? Например, заключение такого сомнительного в моральном плане договора о продаже оружия Ирану и тому подобное.

А. Сахаров. Я не член Верховного Совета, поэтому я полностью оценить это не могу. Думаю, что эти возможности не очень велики. Что же касается договора о продаже оружия Ирану, то я не могу ни в коем случае его приветствовать. Не могу, как и американская общественность — «ирангейт». Но вообще я уверен, что чрезвычайно важно было бы прекратить продажу оружия в развивающиеся страны, горячие точки планеты. Это отливается людям большой кровью и не есть лучший способ устройства политических и экономических дел.

— Как вы расцениваете позицию тех людей, которые обвиняют московских депутатов в расколе Съезда, призывах к образованию фракций?

А. Сахаров. Я считаю, что это совершенно неправильно... Межрегиональная группа депутатов — это не оппозиция перестройке, это не фракция, хотя бояться этого слова не следует. Это группа активных сторонников перестройки, которая, как мы знаем, пользуется большой поддержкой в стране.

— *Читали ли вы статью Чалидзе в последнем номере «Московских новостей» и как вы ее оцениваете?*

А. Сахаров. Я считаю, что эта статья при внешней логичности является ошибочной. Мне кажется, она противоречит тем взглядам, которых я придерживаюсь на процессы в нашей стране.

— *Существует ли опасность либо партийного, либо военного переворота в стране и существует ли возможность создания нового культа, культа Горбачева?*

А. Сахаров. В целом в стране очень серьезное положение. Все очень остро. Идет борьба по многим линиям. И поэтому опасность реально существует. Велика ли она, можно ли ей реально противостоять — это зависит от людей. И в большой мере зависит от интеллигенции, рабочих, от их реального союза.

— *Каково ваше мнение о том, что во время проведения в стране реформ необходимо наличие сильной власти, сильной руки и что чрезмерное развитие демократии вредно для общества?*

А. Сахаров. Это примерно то, что пишет Чалидзе, и я с этим категорически не согласен. Я считаю, что для

перестройки нужна реальная власть народа. Народ у нас уже во время выборов показал свою политическую зрелость. Я думаю, что это он покажет и на выборах в местные Советы, если будут для этого достаточные условия.

— *Ваше личное мнение о роли и месте кооперативов в экономике страны, какие формы кооперативов приемлемы для нас?*

А. Сахаров. Вопрос о кооперативах действительно очень важный. Кооперативы находятся в начале своего развития. Это слово имеет не вполне определенный смысл. Кооперативы строятся в различной форме, в разных случаях в разных юридических условиях. В целом кооперативная собственность — это одна из форм собственности, которая необходима стране для экономического плюрализма, единственной возможности здорового экономического развития.

Сейчас существует определенное предубеждение против кооперативов. Оно в значительной мере, во-первых, искусственно инспирируется; во-вторых, оно связано с теми трудными условиями, в которых находятся кооперативы. Они часто вынуждены назначать высокие цены на свою продукцию.

Наконец, возможно проникновение в кооперативы коррумпированных элементов. Это тоже имеет место. Но не это определяющее. В целом я думаю, что кооперативная собственность должна развиваться. Но должны

быть и для государственных предприятий, и для индивидуальной, частной собственности созданы такие же благоприятные условия, как и для кооперативов. А кооперативы необходимо избавить от неразумных ограничений. А то у нас часто шарахаются сначала в одну сторону, потом — в другую. Должна быть полная, четкая позиция.

— Ваше отношение к закону о собственности? Имеет ли место эксплуатация в настоящее время?

А. Сахаров. Существует в политэкономии понятие «эксплуатация рабочей силы». Мерой эксплуатации является доля валового национального продукта, которая идет работающим. В нашей стране эта доля минимальна (речь идет об эксплуатации рабочей силы государством), она составляет 38 процентов. Например, в большинстве развитых стран Запада она вдвое выше. Причем и валовой национальный продукт на душу населения там тоже вдвое выше. Так что эксплуатация существует. И рабочий класс имеет право добиваться уменьшения доли эксплуатации рабочей силы. Это одна из важнейших социальных задач, которые стоят перед обществом.

Вопрос о собственности... Я уже говорил, что должен быть плюрализм в этом вопросе. И все виды собственности должны развиваться и иметь равную защиту и равные права.

— Вы лично, а также депутаты Попов, Абалкин, Шмелев и многие другие прогрессивные депутаты из-

браны от общественных организаций. Нет ли опасности, что при территориальных выборах на Съезде окажутся в основном технократы и политики и недостанет нравственного камертона в лице писателей, людей искусства?

А. Сахаров. Я думаю, что опасности нет. Если сама система выборов будет демократическая, то прогрессивные депутаты будут иметь большие шансы в соответствии со своими заслугами, со своей известностью в стране быть избранными.

— Правительство и депутаты знают о том, что происходит в стране. Это — воровство, грабеж, бандитизм, полная незащищенность граждан. Будут ли приняты срочные меры по пресечению этого разгула?

А. Сахаров. Я думаю, что большой рост преступности отражает общий кризис в стране, а также то, что органы правопорядка в значительной мере были коррумпированы, не выполняли своих функций. Все меры по ликвидации этой преступности должны приниматься в рамках законности. Закон и презумпция невиновности, другие юридические принципы — они совершенно необходимы. Мы не можем допустить того, чтобы под видом борьбы с преступностью вновь нарушались законы и права граждан. Такая опасность всегда велика при кампанейском подходе.

Но, несомненно, нужно добиваться того, чтобы в стране был полный, основанный на законе, на всех

юридических нормах порядок. Это не вопрос кампании — это вопрос оздоровления всего общества.

— Как вы объясните, что в руководстве Объединенного фронта трудящихся оказались преподаватели истории партии, философии, обществоведения? Как относиться к тому, что люди, причисленные к интеллигенции, вбивают клин между интеллигенцией и рабочими?

А. Сахаров. Я думаю, что в самом вопросе уже заключен ответ. Это плохие представители интеллигенции.

— Обладают ли народные депутаты дополнительными источниками информации, позволяющими им объективно оценивать политическое и экономическое состояние страны?

А. Сахаров. По идее, народные депутаты должны иметь очень широкий доступ к информации. На сегодня это в достаточной мере реализовано. Мы имеем много писем, имеем возможность общаться с большим числом людей, часто с большим, чем позволяют физические возможности и силы. Но этого недостаточно.

— Считаете ли вы продажу спиртных напитков в неограниченном количестве с 8 утра до 8 вечера во всех торговых учреждениях, а также в зрелищных предприятиях нормальным явлением? Мы обеспокоены будущим наших детей и внуков. Нам кажется, что это политическая акция местных властей.

А. Сахаров. Я думаю, что в вопросе антиалкогольной кампании были допущены серьезные ошибки. Она проводилась непродуманно. И не привела к реальному снижению алкоголизма в стране, но привела к большим экономическим потерям и к развитию самогоноварения. Здесь нужно действовать очень продуманно.

По-моему, сейчас опять произошло какое-то шараханье назад. Это мне представляется неправильным. Я думаю, что нужно найти разумную линию, которая бы не поддерживала алкоголизм. Это комплекс и социальных, и медицинских, и правовых мероприятий, без кампанейщины. То, что происходило год назад, скажем, или полгода, когда были на три квартала очереди за водкой, было унизительно и недопустимо для людей. Я думаю, что шарахаться в противоположную сторону тоже нельзя.

— *Поделитесь, пожалуйста, вашим мнением о Лигачеве в современных условиях.*

А. Сахаров. Я лично ни разу не встречался с Лигачевым. Я наблюдал за его выступлениями по телевидению, на XIX партконференции. Мое мнение отрицательное. Я очень жалею, что такая важная область нашей жизни, как сельское хозяйство, находится в его руках. *(Аплодисменты.)*

— *Как вы относитесь к тому, что прибалтийский «Саюдис» призывает к выходу из состава Союза?*

А. Сахаров. Мне кажется, что позиция «Саюдиса» не совсем такая. По-моему, тут некоторые неточности есть. Я думаю, что в целом позиция, превалирующая в Прибалтийских республиках (на сегодня, во всяком случае), это не выход из состава Союза, а попытка добиться и закрепить за собой в пределах СССР реальный суверенитет. Если эта попытка не удастся, то, конечно, конституционное право на выход из Союза будет популярно. С этим тоже следует считаться как с реальностью.

— *Можете ли вы ответить, поднимался или нет на сессии вопрос о положении ребят, находящихся в рядах Советской Армии. Они находятся в таком положении, где их ломают физически и духовно. Они там совершенно бесправны.*

А. Сахаров. Действительно, очень много известно о плохом, трудном положении призванных в армию, в особенности солдат первого года. Ситуация в армии отражает положение в обществе, его общеморальный уровень. На сессии об этом говорилось, правда, не очень четко. Я думаю, что прогресс в обществе должен привести к исправлению положения. И гласность должна тут сыграть особенную роль. Пока армия очень сильно скрывает свои секреты.

Еще одна сторона этого дела. Я считаю, что срок службы в армии должен быть сокращен. Это вполне возможно по стратегическому положению Советского Союза. Это один из пунктов моей предвыборной про-

граммы. Срок службы в армии должен быть сокращен приблизительно в два раза. С меньшим сокращением офицерского корпуса. Но с таким же пропорциональным сокращением всех видов вооружений. Эта односторонняя акция СССР не приведет к увеличению опасности для нашей страны, потому что сейчас СССР имеет большую армию, чем любые три страны, например США, Китай, ФРГ, вместе взятые. А когда будет сокращение срока службы в армии, то это снимет в значительной мере такие явления, как «дедовщина».

— *Андрей Дмитриевич, прокомментируйте, пожалуйста, свою мысль, высказанную в одном интервью за рубежом, что Запад не должен в полной мере доверять СССР. Еще, насколько искренни позитивные отзывы западных лидеров о перестройке?*

А. Сахаров. Первая часть вопроса. Мы знаем, что СССР сейчас находится на некоем переломном рубеже, ход развития не может быть точно прогнозирован. И для Запада оказывать поддержку СССР в виде долгосрочных проектов, которые свяжут наших западных партнеров по рукам и ногам, в таких условиях было бы просто неразумно. И кроме того, поддержка, которая оказана в этот переломный момент, может быть реальной поддержкой реакционным силам. И приведет к стабилизации данного положения. А стабилизация в неустойчивом положении — это фактически откатывание назад.

Насколько искренни позитивные отзывы западных лидеров о перестройке? Я разговаривал со многими западными политическими лидерами. Их позиция действительно сложная. Некоторые опасаются, что после перестройки, осуществив прорыв к более эффективному обществу, наша страна будет еще большей угрозой Западу. Будет более способна к экспансии. Я на такие вопросы отвечал, что более всего опасен для Запада провал перестройки. На ракеты у нас деньги найдутся, как бы ни было плохо материальное положение основной массы народа. А экспансия будет политически необходима для такого режима.

Но искренни ли похвалы перестройке? Я думаю, что искренни. Я думаю, что те, кто это говорит, рассматривают перестройку как укрепление стабильности в мире. До какого уровня хотят идти при этом западные лидеры, хотят ли они полного и окончательного успеха перестройки? Это у разных лидеров разной ориентации поразному. Но сегодня, я думаю, эти отзывы искренние.

— Ваше мнение о кандидате на пост Председателя Верховного Совета РСФСР Ельцине Борисе Николаевиче?

А. Сахаров. Я думаю, что это был бы положительный фактор.

— Ваше отношение к Рыжкову Н. И. Может ли он возглавлять перестройку? Перестройка идет уже четыре года, а что мы имеем?

А. Сахаров. Рыжков — часть команды Горбачева, поэтому вопрос о том, что за четыре года ничего не изменилось, — этот вопрос в первую очередь должен быть обращен к Горбачеву. Но и Рыжков несет за это свою долю ответственности. Я думаю, что было бы очень хорошо, если бы возможно было реально найти кандидатов на этот очень трудный пост. Но на сегодня, наверное, мы должны думать о том, чтобы в целом процесс перестройки был интенсифицирован. И в какой-то мере это должен быть вынужденный давлением снизу процесс.

— *Расскажите о себе. Мешает ли в настоящее время аппарат вашей деятельности?*

А. Сахаров. Я думаю, что мое положение тут не отличается от положения других депутатов. Считаю, что у депутатов нет достаточных возможностей для их деятельности. Это не значит, что мешают мне или кому-то. Просто не созданы достаточные условия.

— *Можете ли вы назвать членов Политбюро — противников настоящей перестройки?*

А. Сахаров. Я не знаю позиций каждого из членов Политбюро. На заседаниях Политбюро не присутствовал. Я думаю, что фактически Горбачев имеет возможность принимать те решения, которые он считает нужными.

— *Повлиял ли Съезд на ваше здоровье? Свердловчане желают вам крепкого здоровья!*

А. Сахаров. Спасибо. Повлиял ли Съезд? Во время Съезда я похудел и, конечно, очень устал. Но устали все депутаты. Трудно... в любой момент. Не только во время Съезда. Все время трудно.

— *Ваше отношение к делу Кузнецова и травле «Демократического союза»?*

А. Сахаров. Я считаю, что дело Кузнецова — это рецидив тех преследований, которые были в период доперестроечный, и, как мы видим, они не полностью прекратились сейчас. Это дело липовое, которое должно быть решено освобождением Кузнецова и снятием с него каких-либо обвинений.

...[О «Демократическом союзе»]. Я считаю, что независимо от того, как относиться к отдельным людям, которые там участвуют, или к отдельным пунктам их программы, он является вполне законным и не заслуживает никакой травли. *(Аплодисменты.)*

— *Хотя бы пару фактов хотелось бы услышать из ваших уст, когда наши советские летчики расстреливали наших же советских ребят, ребят-афганцев в ситуации неминуемого пленения.*

А. Сахаров. Я, во-первых, говорил на Съезде, что это частный вопрос, относящийся к общей трагедии — афганской войне — и к тем действиям, которые наша страна совершала там. В настоящее время ряд фактов, подтверждающих мои слова в Канаде, появился. На Съезде мне говорили военные о многих фактах, когда

командир окруженного подразделения вызывал огонь на себя. Об этом было даже в советской печати. Это, с точки зрения солдат, с которыми он, естественно, не советовался, ничем не отличается от того, что я говорю. Ну и кроме того есть факты, подтвержденные западной печатью документально, о бомбежках госпиталей, в которых содержались советские пленные солдаты.

— *Вы почетный председатель общества «Мемориал». Негативное отношение властей к этому обществу не свидетельствует ли о сталинистских тенденциях?*

А. Сахаров. Я считаю, что негативное отношение к обществу «Мемориал» — это один из симптомов того, насколько сильны антиперестроечные тенденции в нашем государстве, в нашем руководстве и, в частности, в ЦК КПСС. То, что до сих пор не зарегистрировано это общество, — совершенно вопиющий факт. Трудности со счетом «Мемориала» до сих пор не преодолены. Трудности с регистрацией филиалов «Мемориала» на местах, в том числе и в Свердловске. Это, конечно, все сугубо негативные вещи.

Я придаю «Мемориалу» очень большое значение. Это массовая организация совести народа, совести нации. И попытка осветить нашу историю целиком. Помочь жертвам незаконных репрессий. Мне кажется, что эта попытка не может быть остановлена, как бы этого ни хотелось некоторым работникам аппарата (*Продолжительные аплодисменты.*)

ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «МОНД»
28 сентября 1989 г.

Национальный вопрос

— Что вы думаете о ситуации в вашей стране в связи с борьбой между национальностями?

А. Сахаров. Я согласен с прибалтами: необходим новый федеративный союз, чтобы заменить тот, который был заключен в 1922 году. Мы должны отказаться от существования территориальных и национальных единиц разных сортов: федеративные республики, автономные республики, автономные области и т. д. Надо создать территориальную структуру, которая сделает невозможными эксплуатацию и неравенство.

Самая трагическая ситуация сейчас в Нагорном Карабахе. Эта проблема возникла уже тогда, когда эту область отдали Азербайджану путем циничного соглашения, целью которого было задобрить мусульман

Беседу вели Жак Амальрик и Мишель Татю. Обратный перевод с французского. Печатается по газете «Русская мысль» за 6 октября.

В России полностью публикуется впервые.

ввиду их политического веса, притом что соседние страны — Турция и Иран. Сразу после революции Москва начала поддерживать мусульман, в которых видела мост для распространения революции на Востоке. Поддерживали, например, младотурков в Турции, а в стране потворствовали мусульманам. Слово «христианин» вообще не произносилось десятилетиями. Создается впечатление, что Горбачев тоже на стороне азербайджанцев.

Вначале проблему можно было решить в административно-конституционных рамках, основываясь на праве на самоопределение. Говорили, что нельзя передать Нагорный Карабах Армении потому, что это противоречит Конституции, которая предусматривает незыблемость границ. Однако этот принцип в Конституции совершенно вторичен по сравнению с принципом самоопределения. Надо было с самого начала ввести войска МВД, это позволило бы принимать решения в мирной обстановке.

Эту возможность упустили. Введение для Нагорного Карабаха режима особого управления — вполне разумное мероприятие — опоздало: этот режим был введен в начале 1989 года, а надо было это сделать летом 1988-го. С тех пор были погромы, провокации против армян. Страсти разгорелись особенно после огромного митинга в Баку. У Народного Фронта, недавно созданного в Азербайджане, есть экстремистское крыло.

И, к сожалению, и с армянской стороны было проявлено насилие.

Возникла некая симметрия насилия. Но, на мой взгляд, тут мы имеем дело не с проблемой между двумя республиками; тут стоит вопрос права на самоопределение населения Нагорного Карабаха. Все остальное — это политические интриги и провокации. Сегодня конфронтация стала очень опасной. Когда я был в этом регионе после землетрясения в Армении, я слышал, например, как одна азербайджанка говорила: «Это Аллах их покарал». Сейчас есть блокада Нагорного Карабаха, уже более месяца, и блокада Армении, вот уже две недели. Весь транспорт остановлен. Нагорный Карабах временами остается даже без воды. Особая угроза нависла над двумя армянскими областями в Азербайджане, вне Нагорного Карабаха. Это Ханлар и Шаумянский район. В Баку остается теперь уже немного армян, но у них поджигают дома и им даже отказывают в медицинской помощи в больницах.

«Его нерешительность вызывает тревогу»

— Какого вы мнения сегодня о Михаиле Горбачеве?

А. Сахаров. На съезде, когда его избирали председателем, я сказал, что не вижу альтернативы его правлению, но что прежде всего надо обсудить его программу, а, кроме того, должность президента должна

присуждаться на основании прямых выборов. Меня не захотели услышать, и поэтому я не участвовал в голосовании. Вопрос о роли, которую играет Горбачев, сложен. С одной стороны, я понимаю, что он — инициатор перестройки, которая была исторической необходимостью. С другой стороны, я вижу, что он ведет себя очень нерешительно. И не только по вопросу о национальностях (на последнем пленуме, который был посвящен именно этому вопросу, он, в общем, склонялся в сторону позиций правых консерваторов), но и во всем остальном. Так что создается впечатление, что единственным реальным изменением был его собственный приход к власти. Это, может быть, некоторая утрировка, но все же это так. Временно ли это, или это маневр, или так и будет постоянно? Я не знаю.

Что он будет делать теперь? Его популярность в стране сильно упала. Многие его критикуют, но пока что не видно никого другого, кто бы мог занять его место. Мое мнение о нем в последнее время тоже ухудшилось. Как говорит Юрий Афанасьев, он должен выбирать: быть ли ему лидером перестройки или лидером номенклатуры. Если он выберет первое, его престиж в моих глазах снова повысится.

Если правые возьмут верх, и Горбачев откажется от перестройки, все равно консерваторы не станут ему доверять и не простят ему того, что он сделал. Но его нерешительность вызывает тревогу.

С моей точки зрения, опасность состоит не в том, что Горбачева скинут, а в том, что он будет вести такую политику, что нам будет безразлично, есть он или его нет. Это немного вроде того, что было с Косыгиным: совершенно неважно, был ли он или его не было, поскольку его политика не имела ничего общего с реформаторскими планами, которые ему приписывались.

Четыре года перестройки

— Что вы можете сказать о стране и о состоянии реформ через четыре года после начала перестройки?

А. Сахаров. Наша страна переживает тяжелый и даже критический период. Съезд народных депутатов в мае и июне этого года подвел итоги семидесяти лет нашего существования. Это был огромный политический урок: благодаря телевидению почти вся страна его слушала. Люди специально брали выходные дни, чтобы ничего не пропустить.

Для нас это было историческое событие. Правда, очень многое мы знали, но часто нам была известна лишь какая-то часть правды. Мы не подозревали, до чего мы дошли. Съезд позволил увидеть всю картину. Он был крушением иллюзий о том пути, по которому мы шли в течение десятилетий.

Так, мы поняли, что разговоры о полной социальной справедливости, которая у нас якобы имеется, просто

ложь. По крайней мере 40 миллионов людей у нас живут ниже порога нищеты, так как их месячный доход — менее 70 рублей. Мы поняли также, что у нас самый высокий уровень эксплуатации рабочего класса, в классическом марксистском понимании этого термина: всего 35% национального продукта используется для оплаты труда рабочей силы. Мы узнали, что более чем в половине сельских больниц не только нет горячей воды, но просто нет воды, ее надо носить ведрами, и нет канализации. Мы узнали об экологической катастрофе, о трагедии, происшедшей с Аральским морем, о страшных последствиях монокультуры хлопка, о высокой детской смертности в Средней Азии и т. д.

Ведомства заняты только своими собственными интересами. Каждое из них экстерриториально, и местные власти не в состоянии с ними бороться. Возьмем пример Минводхоза, бюджет которого — 15 миллиардов рублей. Только от двух до трех процентов этого бюджета используются для мелиорации, которая должна была бы быть главной деятельностью этого ведомства. Все остальное уходит на большие стройки, которые нужны потому, что они дорого стоят и оправдывают огромную ведомственную структуру, в состав которой входят только в проектировочных бюро — 60 тысяч человек.

— Неужели не произошло изменений в структуре ведомств после того, как летом было сформировано новое правительство?

А. Сахаров. Нет, ничего не изменилось. У нас сохраняется ведомственная структура с параллельной партийной структурой. Эта система не хочет меняться, и новое правительство ничего не изменило. Совсем недавно Абалкин, занимающий пост заместителя председателя Совета министров по экономической реформе, написал, что нельзя ничего менять до тех пор, пока мы не выйдем из кризиса: никаких изменений до 1991 года...

Сейчас Верховный Совет должен обсуждать ряд законопроектов: о собственности, об аграрной реформе, о кооперативах, о социалистическом предприятии. У меня не было возможности подробно рассмотреть эти проекты, на первый взгляд они содержат положительные моменты. Но они разбавлены в туманных формулировках, в разных оговорках и оттенках. Специалисты, входящие в состав межрегиональной группы депутатов, к которой я принадлежу, говорят, что законопроекты неудовлетворительны. Но даже если бы они были хороши, они не будут действовать, так как они требуют изменения конституции, которого еще не произошло. Так что пока все это — больше разговоры. Нам говорят, что факты последуют за словами...

Бюджет на 1990 год принят, исходя из прошлого, что тоже значит, что в 1990 году изменений не будет. К этому надо добавить внешнюю задолженность, девальвацию рубля... Говорят, что все эти проблемы чре-

ваты опасностью политического кризиса, то есть возврата к сталинизму. На самом деле, в экономике сталинизм просто никогда не прекращался.

«Это — политическая и интеллектуальная сила»

— Можете ли вы что-нибудь сказать о межрегиональной депутатской группе, в состав которой вы входите?

А. Сахаров. Эта группа еще рыхлая, она лишь старается встать на ноги. Она появилась в последние дни работы съезда, и, когда о ней впервые упомянули с трибуны, Горбачев был так рассержен этим неожиданным событием, что приказал вырубить микрофоны, чтобы мы не могли говорить. Группа встретилась затем без меня, я находился в США. Ее члены избрали пять сопредседателей: Гавриила Попова, Юрия Афанасьева, Виктора Пальма, Бориса Ельцина и Сахарова. Затем, уже в моем присутствии, состоялось организационное собрание; нам поручили встретиться с Лукьяновым, чтобы заручиться его поддержкой. Мы попросили, чтобы нам дали возможность издавать свою газету и иметь счет в банке. Нам отказали.

— Сколько депутатов в группе?

А. Сахаров. Приблизительно 400, но мы не знаем, кто из них будет активен и в какой степени. Это не партия, это группа людей, которые хотят, чтобы на съезде

происходила свободная дискуссия. Повторяю, это не партия, а именно группа депутатов: нет структуры, нет устава или программы. Да это и не обязательно, и, может быть, не полезно. Члены группы придерживаются одного мнения по некоторым основным вопросам, но не по всем. Это политическая и интеллектуальная сила; какова будет ее дальнейшая эволюция, мы не знаем. Как я уже сказал, группа не хотела иметь единого председателя, с чем я согласен, по-моему, это правильно; так что у нее пять равноправных сопредседателей.

Выборы в местные советы

— Что вы можете сказать о местных выборах, которые должны состояться в ближайшие месяцы?

А. Сахаров. Это очень важные выборы. Надо ликвидировать партийную опеку над местными советами. Но избирательные законы в республиках были составлены до всех изменений и не могут быть хорошими. Мы требуем, чтобы была устранена процедура окружных собраний, которые являются фильтром кандидатов и позволяют всяческие манипуляции. Надо ограничить право избирательных комиссий, которые весьма реакционны, аннулировать избрание того или иного кандидата под предлогом нарушения избирательного закона. Надо отказаться от принципа, согласно которому кандидат может получать поддержку исключительно от

специально для этого созданных учреждений. Этот принцип был введен якобы для того, чтобы обеспечить всем равные права, но на самом деле он дает аппарату возможность производить всяческие манипуляции.

— *Что вы думаете о развитии ситуации в странах Восточной Европы?*

А. Сахаров. То, что происходит в Польше и Венгрии, — так же, как и в прибалтийских республиках, — очень положительно и является прекрасным примером для нас. Было бы трагично, если бы этот процесс привел к экономическому хаосу. Пока что Советский Союз придерживается позиции невмешательства, и это самое большее, чего от него можно ожидать. Если верх возьмут правые, то будет и вмешательство. Все взаимосвязанно.

ИНТЕРВЬЮ ЯПОНСКОМУ ПИСАТЕЛЮ КЭНДЗАБУРО ОЭ

начало ноября 1989 г.

Кэндзабуро Оэ представляет А. Д. Сахарова, который во время бомбардировки Хиросимы был уже молодым физиком, занимался разработкой ядерного оружия, затем стал выступать за ядерное разоружение, за права человека в Советском Союзе. Далее Кэндзабуро Оэ предлагает интервью с Сахаровым, ученым и правозащитником.

Кэндзабуро Оэ. *Каковы впечатления г. Сахарова от посещения «Гэмбакудому» (Музея атомной бомбардировки)?*

А. Сахаров. Для меня все, что связано с ядерным оружием, это не посторонние вещи, я об этом очень много думал. Очень многое в моей жизни с этим тесно связано. Поэтому приезд сюда в Хиросиму не пустая формальность для меня лично, но существенный момент. Я узнал о бомбардировке Хиросимы 6 августа 1945 года. Тогда я был аспирантом в Москве, после военного завода, где я работал в годы войны. Для меня это

В России публикуется впервые.

было потрясением. Я почувствовал, что ноги у меня подгибаются, должен был как-то устоять. Я почувствовал, что это событие наложит отпечаток на мировую историю ближайших лет.

Еще для меня было трагичным, что это было следствием науки, той науки, которой я посвятил жизнь. Науки, вызвавшей трагедию Хиросимы. Я много знал о трагедии Хиросимы, я читал сначала по-английски изданные в Америке книги, а потом книги, которые были переведены на русский язык. В них были приведены страшные фотографии жертв атомной бомбардировки. Очень много было рассказано об ужасах хиросимских событий. Но и потом я прочитал много книг о Хиросиме. Но, конечно, увидеть все это своими глазами, услышать рассказ очевидца — жертвы Хиросимы, бывшего тогда 13-летним подростком, — все это дает сильный незабываемый эмоциональный толчок. Это дополняет то, что известно на рассудочном уровне, чем-то на уровне подсознания. И я думаю, что смог узнать и научиться многому и измениться внутренне от этих суток, которые я уже нахожусь в Хиросиме.

Кэндзабуро Оэ чрезвычайно высоко оценивает сказанное А. Д. Сахаровым о трагедии жертв Хиросимы и Нагасаки. «Даже те японцы, которые не были непосредственными жертвами, не имеют точного представления о происшедшем. Слова г. Сахарова о трагическом опыте «на уровне подсознания» свидетельствуют

о его глубоком и подлинном понимании Хиросимы и оказывают чрезвычайно важную моральную поддержку нам».

А. Сахаров. Я хотел также сказать, что жертвы бомбардировки Хиросимы и Нагасаки были первыми в ряду жертв атомной войны. Но это, к сожалению, не единственные города, пострадавшие от ядерных испытаний. Мы знаем о жертвах проведенного в Советском Союзе испытания водородной бомбы 1 марта 1954 года. О местах других многочисленных испытаний люди ничего не знают. 12 августа 1953 года в Советском Союзе был произведен наземный ядерный взрыв. При наземных испытаниях радиоактивное облако рассеивает зараженный пепел, нанося большой ущерб жителям. И вот в этот раз, к счастью, почти в последний момент, поняли, что будет выпадение радиоактивного следа и осуществили эвакуацию населения подветренной области. Но эвакуация населения в таких масштабах — это тоже сложная операция, которая связана с жертвами. И на протяжении длительного времени жить в этих районах было опасно, а люди не всегда это знали.

В 54-м году в Советском Союзе были проведены военные учения с использованием атомной бомбы и авиации. Только сейчас об этом стало известно. В последнее время в газетах был опубликован страшный рассказ солдата, участвовавшего в этих учениях. Он должен был вместе с многими другими бежать в полном обмун-

дировании через зону атомного взрыва. Участвовавшие в этих маневрах солдаты заболели, и они до сих пор даже не имели права сказать, что с ними стало.

Но мы знаем имена тех, кто погиб в 64-м году, знаем радиста Кубояма, погибшего на борту японского судна (гражданского) «Дайгофукурю» в результате ядерного взрыва.

Мы интересуемся и знаем о событиях, касающихся Японии, и хотелось просто, чтобы японцы это понимали и знали, что для нас это все не безразлично.

В 1955 году были проведены воздушные испытания водородной бомбы в Советском Союзе. Были человеческие жертвы. Одной из жертв была двухлетняя девочка. Она находилась (жила в деревне) не очень далеко от взрыва и вместе с другими жителями села спряталась от опасности в бомбоубежище. Но все взрослые и многие дети после того, как они увидели отблеск взрыва, вышли на поверхность. К тому времени пришла ударная волна. В убежище осталась только эта девочка, она играла с кубиками. Потолок обрушился, она погибла. Эта двухлетняя девочка тоже символизирует для меня, внутренне, опасность ядерной войны. Я тогда был этим потрясен и на банкете в этот день, устроенном в честь испытаний, я произнес тост за то, чтобы никогда не взрывались над городами наши атомные бомбы. Присутствовавший на банкете маршал артиллерии сделал мне строгий выговор.

Мы теперь знаем, что ядерные испытания в атмосфере приводят к очень большим человеческим жертвам. Это не непосредственные жертвы, никто об этом не знает. И они сами никогда не узнают, отчего у них такая повышенная вероятность заболеть раком, отчего рождается так много людей, склонных к заболеваниям.

И когда это было понято, началась кампания за запрещение ядерных испытаний в атмосфере. Я очень горжусь тем, что мне удалось внести свою лепту в это движение. Это было, может быть, мое первое, одно из самых важных общественных действий того времени. Я способствовал, конечно, не единственный, вместе с очень многими другими, тому, что ядерные испытания в атмосфере, в космосе и под водой были запрещены и тем самым главная опасность ядерных испытаний была устранена. Главный ущерб — это те колоссальные средства, которые отнимает у человечества эта ядерная гонка, в мире, где из-за экономической нужды многие дети умирают от преждевременных болезней и голода. Те экономические трудности, которые наша страна сейчас переживает, вызваны в значительной степени оттягиванием средств на гонку вооружений. Это заставляет нас еще в большей степени стремиться к ядерному разоружению. Однако это долгий и трудный путь.

Я думаю, что трагедия Хиросимы и Нагасаки в действительности сыграла большую роль для всего мира. Она показала, что если мир войдет в большую термо-

ядерную войну, то произойдет тысячекратно более страшная трагедия. Именно этот страх удерживал все человечество от сползания в третью мировую войну на протяжении десятилетий.

Я принадлежу к числу тех, кто работал над разработкой ядерного оружия. Мы с самого начала понимали, что это — безумное нечеловеческое оружие, и еще больше мы это понимаем сейчас. Но, с другой стороны, я должен сказать, что наше участие в его разработке не было преступным. Оно (оружие) сыграло свою роль в удержании современного мира в равновесии, предотвратило возникновение обычной войны, третьей мировой войны. Конечно, я за логичность. Равновесие всеобщего гарантированного уничтожения переходит в свою противоположность, переходит в страшную опасность. Тем не менее, даже сейчас мы еще не можем выступать за полное запрещение атомного и термоядерного оружия, количество которого в мире чрезвычайно велико. К сожалению, такова объективная реальность. Моя мечта, одного из создателей термоядерного оружия, в том, чтобы этого оружия не было. Но мир еще не готов к слишком поспешной ликвидации термоядерного атомного оружия. Должно быть равновесие в обычном вооружении. Отмена ядерного оружия возможна лишь при выполнении некоторых условий.

Прежде всего необходимо достижение равновесия в обычном вооружении на уровне оборонительной дос-

таточности, т. е. такое равновесие, когда у каждой страны достаточно обычного вооружения. Оно обеспечивает безопасность данной страны, но не создает опасности агрессии.

И необходимо еще важное условие — исключить возможность региональных конфликтов, пламя которых горит во многих районах мира и от которых может в любой момент возникнуть пожар во всем мире. Такова ситуация в любой точке мира. Должно быть изменено отношение между государствами: всякий экспансионизм, всякое мессианство, все это должно быть исключено в международных отношениях и внутри нашей страны. Мы надеемся, что на этом пути будут сделаны важные шаги. Я придерживаюсь той мысли, что у нас в стране надо сократить армию и срок службы в армии. У нас он в большинстве родов войск — это два года, в других — три и даже больше лет. Уменьшение срока наполовину позволит сократить и численность войск. Это сокращение представляется возможным безо всякого ущерба для обороноспособности нашей страны, тем более, что армия СССР больше армий любых трех взятых государств мира кроме него.

Затем я думаю, что для нас совершенно необходимы те изменения, которые мы называем перестройкой. Это плюралистическое преобразование имеет целью создать экономически более совершенное общество, способное к научно-техническому прогрессу. И, самое

важное, создание общества социальной справедливости и общества экологически ответственного. Это связано с глубокими политическими изменениями, устранением монополии одной партии. И тогда наше государство перестанет быть опасностью для мира, станут невозможны акции, подобные вводу советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. Для этого требуются глубокие политические изменения, переход к большей открытости. Открытость общества — это абсолютная необходимость для нашей страны. Необходимо плюралистическое сближение социалистического и капиталистического миров. Этот раскол мира на социалистический и капиталистический, который имеет место, многократно усиливает опасность войн, делает фактически надежды земного шара на решение экологических проблем напрасными. Поэтому мы должны вступить на этот путь, и на самом деле мир уже вступил на него. Это — конвергенция капитализма и социализма. Произошли плюралистические изменения в странах Запада, в особенности после кризиса 30-х годов и после Второй мировой войны. И это, на мой взгляд, единственный путь обеспечения международной безопасности, предотвращения третьей мировой войны.

Кэндзабуро Оэ. *В связи с опасностью, которую представляют собой атомные станции, особенно в свете последней аварии на Чернобыльской АЭС, представляет интерес мнение академика Сахарова о ядерной*

энергетике и, в частности, о возможности создания и безопасной эксплуатации подземных ядерных реакторов. И второй вопрос о перестройке. Перестройка у всех нас вызывает большой интерес. Какую роль сыграет перестройка в решении серьезных экономических, экологических и других проблем? Судьбы народов всего мира, и японцев в том числе, зависит от успеха перестройки. Я думаю, нам, японцам, будет интересно услышать оценку перестройки, данную академиком Сахаровым.

А. Сахаров. Я сначала отвечу на первый вопрос.

Я убежден, что для развития современной цивилизации необходима ядерная энергетика. Мы стоим перед угрозой истощения угля и, в первую очередь, истощения газа, и мы стоим перед угрозой перегрева атмосферы из-за парникового эффекта: углекислый газ создает повышение температуры. Сегодня у нас нет экономичных источников энергии, альтернативных ядерной энергии. Ну, я не буду анализировать этот вопрос, он широко обсуждается, и мнения ученых сводятся к одному. Можем ли мы сделать практически безопасной ядерную энергию, безопасную от любой аварии и безопасную по отношению к войне обычным оружием, и в особенности по отношению к шантажу со стороны террористов? Я думаю, что единственным выходом является подземное расположение ядерных реакторов.

Поэтому я считаю необходимым международный закон, запрещающий наземные реакторы. Будет ли

подземный реактор абсолютно безопасным, это вопрос, требующий технической проработки. Он должен иметь мощный и быстродействующий затвор на случай аварийной ситуации, и должна быть обеспечена безопасность от попадания расплавленного ядерного топлива в подземные воды. И та и другая проблемы чисто технические, и они имеют свое решение, и причем решение, не требующее больших усилий. В Советском Союзе не стоит вопрос, быть или не быть ядерной энергетике, а вопрос стоит, использовать ли ядерную энергию уже сейчас, или от подземных реакторов через несколько лет. Я целиком стою за это второе решение, но оно, я повторяю, трудное по очень многим причинам.

Теперь о перестройке в СССР. Я согласен, что перестройка абсолютно необходима для нашей страны и необходима также для того, чтобы люди других стран могли не опасаться нашей страны. Меня часто спрашивали западные люди, не станет ли наша страна в случае успеха перестройки еще более опасна для мирового сообщества. Я утверждаю, что нет, она опасна в своем нынешнем состоянии. Сейчас Советский Союз тратит огромные деньги для вооружения, для ракет, для нервно-паралитических газов, для всех тех ужасов, которые порождены нынешней ситуацией. Я полагаю, если перестройка не состоится, то следствием внутреннего напряжения, которое при этом возникнет, будет экспансия. Именно этого надо бояться, а возрождение страны благодаря пере-

стройке — это демократический процесс и совершенно не опасно. Первое, что я хотел бы со стороны западных стран, — это понимания сложной ситуации в Советском Союзе, не торопиться вступать в долгосрочные союзы. Вместе с тем, при создании совместных предприятий часто советская сторона оказывается не готовой к этому. Хотелось бы, чтобы в этих случаях можно было бы рассчитывать на долговременное сотрудничество, терпеливое отношение и поддержку. Экономический провал для нас означает и конец перестройки. Вот такова ситуация. Значит, не торопиться, поддерживать новые тенденции в стране, совместные предприятия с кооперативным управлением, кооперативные предприятия, — все это было бы важно. И это должно постепенно стабилизировать ситуацию, которая, по существу, все еще застой в экономических преобразованиях, нет еще структурных изменений. Таково мое мнение.

Мое пребывание в Хиросиме было очень коротким. Я встречался с различными людьми, и мне кажется, это люди, которые смогли устоять после этого страшного удара, нанесенного их городу. Это люди открытые, обращенные внутренне в будущее. Я думаю, что хиросимцы могут сыграть важную роль, чтобы мир двигался к миру, безъядерному миру, к миру справедливому и счастливому. Я желаю народу этого города счастья и процветания и всего того, что мы желаем сами себе.

Спасибо.

ВСТРЕЧА С ДЕЛЕГАТАМИ ВСЕСОЮЗНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ФОРУМА

17 ноября 1989 г.

I

А. Сахаров. Сначала об общем положении в стране, как я его себе представляю. Я считаю, что сейчас — один из критических моментов в нашей истории. Очень важно принять на Съезде несколько основных законов или, во всяком случае, обсудить их. Мы не уверены, что Съезд сделает это. В первую очередь необходимо принять Закон о земле и Закон о собственности. Затем — Закон о социалистическом предприятии. Необходимо обсудить вопрос о шестой статье Конституции, чтобы появилась политическая гарантия необратимого хода перестройки. Дело в том, что, например, земельная ре-

---

16 декабря 1989 г. (через два дня после смерти Андрея Дмитриевича Сахарова) в газете «Комсомольская правда» была напечатана запись его выступления и ответов на вопросы на этой встрече; Андрей Дмитриевич прочитал и подписал запись 9 декабря. 1 марта 1990 г. в газете «Советская молодежь» было опубликовано еще несколько ответов. Запись сделана С. Соколовым и Д. Кукуновым.

форма невозможна в условиях, когда народ не верит в необратимость перемен. 70 процентов крестьян и рабочих сказали, что они опасаются нового раскулачивания. В этих условиях новые формы хозяйствования в деревне не будут развиваться. Поэтому так важно политическое подкрепление перестройки. К сожалению, линия руководства заключается в том, чтобы затянуть работу над этими законами. Так что за них надо бороться. Если 90-й год будет потерян для экономических изменений, в стране возникнет полное неверие в перестройку, и мы окажемся в очень сложном положении. К каким это приведет последствиям, мы не знаем. Может быть, потребуется введение чрезвычайного положения. Может быть, даже это и есть цель действия властей. Мы пока этого не понимаем, не знаем, но во всяком случае нужно бороться. И в этой борьбе нужна поддержка самых широких слоев населения. Студенчество это может сделать своим участием в выборной кампании. Впрочем, студенты сами найдут те формы, в которых они могут помочь.

* * *

— Корни сталинизма — где они? Каким вам видится механизм, гарантирующий, что к власти снова не придет группа лиц, способная к установлению диктатуры одной личности?

А. Сахаров. Думаю, что корни сталинизма лежат в принципиальных ошибках программы развития нашего общества. Это глубокие причины — и они не связаны с особенностями личности Сталина. Поэтому нам действительно нужен гарантирующий механизм. Но указом его не введешь. Он может возникнуть только в результате радикальных экономических и политических изменений в стране.

— *Андрей Дмитриевич, говорят, что на апрельском Пленуме ЦК КПСС довольно большая и хорошо организованная группа первых секретарей обкомов партии выступила с резкой критикой политики Горбачева. Значит ли это, что в апреле 89-го года страна была на грани очередного государственного переворота?*

А. Сахаров. В апреле был действительно очень острый Пленум. Но мне кажется, что Горбачев тогда контролировал ситуацию. На самом деле большее значение я придаю острой ситуации, создавшейся в октябре, когда на Верховном Совете чуть-чуть не приняли закон о чрезвычайном положении во всей стране. Я не совсем понимаю механику происшедшего. Ясно, что приостановило сторонников жестких мер только выступление Михаила Сергеевича Горбачева в конце заседания. Оно как бы давало ход назад. Что это было: разыгранный спектакль для того, чтобы всех напугать, или действительно мы стояли у очень опасной черты — я не знаю.

— Могут ли нынешние забастовки привести к введению военного или чрезвычайного положения на всей территории страны?

А. Сахаров. Опасность чрезвычайного положения существует. Но и консервативный аппарат должен понимать, что это для него самоубийственная идея. Он не сможет защитить себя такими методами. Чрезвычайное положение перехлестнет через голову консервативного аппарата и создаст еще более консервативные структуры, которые его же и уничтожат. Мне кажется, что наш аппарат не захочет совершать самоубийство. И поэтому я думаю, что радикальное давление, пусть даже в форме забастовок, хотя и опасно, но не настолько, и во многих случаях оправданно.

— А возможен ли вообще в нашей стране мирный переход к новым отношениям?

А. Сахаров. Мне кажется, что сейчас у нас еще не потеряна возможность мирного перехода к новой структуре взаимоотношений. Это связано с тем, что консервативная часть аппарата должна бояться обострения ситуации, а центристская часть аппарата заинтересована в радикализации. Но она нуждается в одном... в ускорении.

— Венгрия, Чехословакия, Польша или Новочеркасск, Тбилиси — есть ли гарантия, что такие события не повторятся где-нибудь вновь?

А. Сахаров. Акции, которые вы перечислили, не генералы задумывали. Это была часть общей политики

страны. Конечно, в любой армии всегда есть сумасшедшие генералы. Но я все-таки думаю, что наша страна пока еще не потеряла своей политической стабильности настолько, чтобы предпринимать безумные шаги.

— *Как вы относитесь к законодательному ограждению нашей страны от скоропалительного, единолично принятого особого, военного или какого-то другого положения?*

А. Сахаров. Такой закон необходим. Главное, чтобы все депутаты осознали, как много от этого закона зависит, и приняли его в прогрессивной редакции.

* * *

— *Охарактеризуйте позицию рабочего класса в текущий момент.*

А. Сахаров. Рабочий класс — это не очень точное понятие. И поскольку социология у нас в плохом состоянии, я могу говорить только о своих личных впечатлениях. Думаю, что у рабочих сейчас зреет большое недоверие к руководству. Думаю, что это оправданное недоверие. Но хочется надеяться, что оно будет всегда конструктивным — то есть будет толкать власть на более радикальные действия в социальной и политико-экономической областях.

— *Какова расстановка сил в нынешнем Верховном Совете, сколько процентов там радикалов и консерваторов?*

А. Сахаров. Думаю, что автор вопроса, видя по телевидению электронное табло, может сделать выводы не хуже меня. Радикалы составляют меньшинство. Но они выступают очень много и очень аргументированно. По-моему, это очень важно. Кроме того, они работают в комиссиях, проекты которых зачастую бывают более радикальными, чем то, что готов принять Верховный Совет. И хотя я не настолько политик, чтобы отвечать на такие вопросы, мне кажется, что под давлением избирателей возможна радикализация и нынешнего состава Верховного Совета.

— *Как вы относитесь к тому, что в нашем обществе до сих пор не выветрился синдром поиска врага. Очередного врага уже нашли в лице кооператоров.*

А. Сахаров. Общенародный гнев против кооператоров явление негативное, так же как и сам факт рассмотрения антикооперативных законов в Верховном Совете. Это подрывает доверие к необратимым процессам перестройки в целом. Жулики встречаются всюду — и в государственной торговле их тоже хватает.

— *Андрей Дмитриевич, а что делать нам, студентам?*

А. Сахаров. Я узнал, что ваш форум начался минутой молчания в память тех, кто погиб за демократию в Китае. Это очень важная акция. Я встречался с двумя китайскими студентами, лидерами движения. Ему 21 год, а ей 19 — вот такая молодежь там руководит. Они рассказали, что у них к правительству было только два требова-

ния: зарегистрировать независимую студенческую организацию и дать ей свободный выход в печать. И все. Больше ничего. Никаких других политических требований они не выдвигали. Именно эти требования были отвергнуты. И именно из-за того, что студенты и поддержавший их рабочий класс не уступили, были применены жесточайшие репрессии. Студенты рассказывали, что на площади и окрестных улицах людей давили танками. Счета тут никакого не велось. Я думаю, что для вас солидарность с китайскими студентами — дело необходимое. Нужна солидарность и с теми процессами, которые происходят в странах Восточной Европы — ГДР, Венгрии, Польше. Так же необходима ваша помощь опальным редакторам прогрессивных газет и журналов. Только так, не противоправными действиями, к которым я вас ни в коем случае не призываю, а хорошо организованными политическими мерами, можно остановить реакцию.

— *Ваше мнение о 6-й статье Конституции?*

А. Сахаров. Я считаю, что 6-я статья носит принципиальный характер. Она ставит КПСС — общественную организацию — в привилегированное положение в стране. В то же время я считаю, что реально КПСС и является ведущей политической силой в СССР. Но она не должна быть единственной силой. Конституционное выделение КПСС, мне кажется недопустимым, антидемократичным и, по существу, направленным против реального авторитета КПСС.

* * *

Прибалтика

А. Сахаров. Происходящие в прибалтийских республиках процессы носят прогрессивный характер. В моем сознании они не противоречат тем идеям о национально-конституционном переустройстве в СССР, которые я защищаю. И более того, моя позиция в какой-то мере порождена тем, что происходит в Прибалтике.

Может быть, в чем-то они допускают перегибы, но это легко исправить.

Карабах

А. Сахаров. В Нагорном Карабахе уже очень давно сложилась необычно трагическая ситуация. Даже поступление информации оттуда затруднено. Но то, что мы узнаем, ужасно. Я думаю, что эта ситуация очень близка к неразрешимой. Возникла она оттого, что на первых этапах центральные власти допускали нерешительность и ошибки. Для меня принцип самоопределения наций является главенствующим.

Сейчас очень важно, чтобы обе нации воздерживались от насильственных действий. Речь идет о трагедии двух народов. И мы не можем уже по этой линии их разделять.

Карабах является только частью большой проблемы. Я просто считаю, что нам нужно общеконституционное переустройство на принципах равенства всех национально-территориальных образований и предоставления им независимости с последующим вступлением в Союз на основе совместного договора. Мне кажется, что это единственное решение всего клубка национальных противоречий в нашей стране, которые очень остры не только в Закавказье, но и в других районах. И число этих районов нарастает.

Россия

А. Сахаров. Русский язык, безусловно, должен быть государственным в Республике Россия. Русский язык должен быть языком межреспубликанского общения и употребляться в учреждениях союзного подчинения (почта, сберкасса и т. д.). Но я не согласен с тем, что в ряде республик он выбирается языком межнационального общения. Это определит не Конституция, а сама жизнь — в каждой деревне по-своему.

* * *

— Не смехотворны ли данные, опубликованные в газете «Аргументы и факты», о том, что количество политзаключенных в СССР всего несколько десятков?

А. Сахаров. Я думаю, что в прямом смысле у нас немного политзаключенных. И если говорить о тех, кто находится в заключении по статьям 70 и 190[1], то цифры, наверное, близки к действительности...

Кроме этого, есть люди, находящиеся в психиатрических больницах, многие из них фактически являются политзаключенными. И есть люди, осужденные за незаконный переход границы, за отказ от службы в армии по религиозным соображениям. Таких около двух-трех сотен.

Но точных данных нет и получить их пока нельзя.

* * *

— В начале восьмидесятых вы выступили в поддержку американской программы размещения ракет МХ, которая была положена в основу политики ядерного сдерживания с позиции силы. Почему?

А. Сахаров. В 83-м году я опубликовал статью, которая называлась «Опасность термоядерной войны». В частности, я там писал, что ядерное оружие может быть рассмотрено как средство ядерной угрозы противника. Я писал, что в ответ на то, что в Советском Союзе создан превосходящий потенциал стратегических шахтных ракет первого удара, США имеют право создавать аналогичные ракеты МХ. Далее я написал о несостоятельности программы «звездных войн» СОИ.

Считаю, что моя позиция была правильна, и она отражала ситуацию на тот момент времени. И как теперь известно, начало работ над МХ в США послужило для СССР стимулом к переговорам. Сейчас мы стоим накануне соглашения о 50-процентном сокращении стратегических вооружений. Если бы у американцев не было МХ, то не было бы и этого. Я считаю серьезным упущением, что Советский Союз не подтвердил конституционно свой отказ от применения первым ядерного оружия. До сих пор это только некоторые заявления наших политических лидеров, что недостаточно. Конечно, важно, чтобы Соединенные Штаты и другие ядерные державы приняли такое же решение.

* * *

А. Сахаров. Горбачев для меня немножко загадочная личность. Что я вижу: даже когда он идет вправо, страна, в общем, все же двигается влево.

— *Почему, на ваш взгляд, затягивается принятие и обсуждение законов о земле и о собственности? Ведь без решения этих экономических проблем страна развалится.*

А. Сахаров. Наиболее благоприятное для Горбачева объяснение такое: он — человек осторожный. Он сказал, что он против скачков больших и великих — мы знаем, к чему это приводит. Возможно, его политика

связана именно с такой оценкой ситуации. Но, конечно, возможны и менее благоприятные для него объяснения, — например, что он исходит из тактических и непринципиальных соображений общей борьбы за власть. Это уже непростительно. И пока я не могу выбрать между этими двумя альтернативными объяснениями.

— Как вы можете объяснить свою поддержку Горбачева на I Съезде? Были ли это тактические соображения или таково ваше действительное убеждение, что Горбачеву нет альтернативы?

А. Сахаров. Я исходил не из тактических соображений, а из своих убеждений. Я считал, что Горбачев явился инициатором перестройки... Вопрос об альтернативе — более сложный. На сегодня я просто не знаю альтернативных кандидатур, и вряд ли они появятся в ближайшем будущем.

II

— Студенты в нашей стране достаточно пассивны. Многие считают политику грязным делом, в которое не стоит вмешиваться. Отчего вы, физик, ученый, стали заниматься политикой?

А. Сахаров. Я сделал этот выбор в силу своей несколько необычной судьбы.

Когда меня привлекли к ядерным исследованиям, я взялся за них с большим энтузиазмом. Но потом,

осознав сделанное, принял участие в борьбе за прекращение ядерных испытаний. Затем перешел к более широким внутренним и международным проблемам. Это было связано с моей личной судьбой и личной ответственностью.

Студентам мешает прежде всего их слабая социальная защищенность. Но сейчас, когда в стране возникает новая общественная ситуация, их политическая активность может и должна развиваться.

Мне кажутся правильными социальные требования студентов. Им необходимы постоянные, круглогодичные транспортные льготы, стипендии, на которые можно нормально учиться, не чувствуя себя социально униженной группой населения. Нельзя в приказном порядке использовать студентов на летних работах. Нужна система кредитов — студенты отдадут долг, когда начнут работать. На Западе такая система существует и прекрасно себя оправдывает. Я знаю людей, которым она дала возможность закончить университет.

Я не специалист в области народного образования, но думаю, что здесь нужна кардинальная, глубокая, демократическая реформа — необходимо больше объективности и свободы. Многое можно позаимствовать у западных стран. Хотя, конечно, их система не универсальна.

— *Что вы думаете о последних гонениях на прессу?*

А. Сахаров. Тот факт, что сейчас одновременно пытаются сместить редактора «Аргументов и фактов»

Старкова, редакторов ногинской газеты, «Книжного обозрения» и других прогрессивных изданий, свидетельствует об очень серьезном наступлении реакции. И отношение к этому, на мой взгляд, должно быть однозначным: мириться с этим нельзя. Во всяком случае, я уверен, что в редакциях будут забастовки...

Особую тревогу вызывает судьба независимого свердловского журналиста Сергея Кузнецова, который критиковал местные органы власти, милиции и КГБ и находится под следствием уже около года. Он подвергается очень жестокому обращению, жизнь его в опасности.

— *Что вы можете сказать об основных течениях в партии и ЦК, об их лидерах?*

А. Сахаров. Я не член КПСС, поэтому знаю об этом не больше, чем все здесь присутствующие. Но, по-моему, в партии идут сейчас очень глубокие и интенсивные процессы размежевания, особенно в низовых организациях. Кто тут лидеры — честное слово, не знаю.

— *Как вы оцениваете Б. Н. Ельцина как человека и политика?*

А. Сахаров. Я недостаточно знаю Бориса Николаевича, и у меня нет окончательного мнения о нем. В любом случае — отношусь к нему очень серьезно и считаю, что он человек выдающийся. Но меры его возможностей не знаю. Некоторые его действия меня очень огор-

чили. В частности — отказ баллотироваться на пост Председателя Верховного Совета на первом Съезде.

— *Ваше отношение к делу Гдляна и Иванова?*

А. Сахаров. С одной стороны, не вызывает сомнения необходимость расследовать все обвинения, выдвинутые группой Гдляна в адрес высших руководителей страны: и Смирнова, и Лигачева, и многих других. Надо выявить все существующие связи. Это очень важная задача, и попытка спустить дело на тормозах вызывает в народе вполне законное волнение.

С другой стороны, и Гдлян, и Иванов — плоть от плоти нашей следственной системы. У них были очень большие полномочия, а это часто связано с серьезными нарушениями законности. Я убежден, что следствие наверняка выходило за рамки закона.

Я не вхожу в комиссию по этому вопросу и незнаком с ее выводами. Но слышал, были люди, которые умерли во время следствия. Было шесть или семь случаев самоубийств среди подследственных. Это очень серьезные факты. Так что у меня сложное отношение к этой проблеме.

— *Какой оценки заслуживает, по вашему мнению, война в Афганистане?*

А. Сахаров. Несомненно, негативной. И для нас, и для Афганистана это была бессмысленная и вредная война. Но мы должны относиться с глубочайшим уважением к памяти погибших — как с нашей, так и с афган-

ской стороны. Я знаю немало примеров действительно героического поведения наших военнослужащих в необычайно сложных условиях.

Думаю, необходимо создать комиссию для расследования обстоятельств, при которых мы были втянуты в эту войну. Нельзя замалчивать и тот факт, что в результате нарушений всех законов гуманности погиб почти миллион жителей Афганистана, в основном мирное население. Мы не можем списать с нашей национальной совести этого ужасного итога.

— Не могли бы вы рассказать о своем заявлении по поводу событий, имевших место в наших частях в Афганистане?

А. Сахаров. Когда мы с женой были в Канаде, меня часто спрашивали о судьбе советских военнопленных в Пакистане и других странах. Я сказал, что этот вопрос должен быть решен путем прямых переговоров на основе признания моджахедов воюющей стороной. Говоря это, я вспомнил сообщения западного радио о том, как наши командиры расстреливали своих солдат, чтобы не допустить их пленения. Документальных подтверждений у меня, конечно же, нет. Зато есть некоторые свидетельства, что командиры частей, попавших в окружение, вызывали огонь на себя. Зарегистрированы и случаи, когда советские самолеты бомбили госпитали, в которых наряду с ранеными моджахедами находились и наши военнопленные.

Думаю, я имел право сделать такое заявление, хотя оно, возможно, было слишком острым и не подкреплено документами. Но это все-таки лишь часть общего вопроса — вопроса об ответственности за афганскую войну, за это преступление против мирного населения.

— *Что вы думаете о возможности выхода отдельных республик — например, Украины — из состава СССР?*

А. Сахаров. По Конституции каждая союзная республика имеет право выхода. Другое дело — целесообразно ли это для самой республики? Конституционное устройство нашего государства необходимо пересмотреть так, чтобы стоял вопрос не о свободе выхода, а о свободе вхождения республик в этот новый Союз. Думаю, мы все заинтересованы, чтобы Украина оставалась частью нашего общего дома. Но для этого дом должен быть привлекательным.

— *Не кажется ли вам, что сегодня многими людьми движут эмоции и это может повредить перестройке?*

А. Сахаров. Думаю, что все же основной массой населения руководит разум. Это было видно на примере бастующих шахтеров. С моей точки зрения, их требования были очень разумными.

Конечно, временами нас всех захлестывают эмоции: мы очень много пережили, у нас развита взаимная подозрительность и многое другое, что нам мешает. Но я надеюсь на разум.

ИНТЕРВЬЮ ЭСТОНСКОМУ ТВ
между 19 и 28 ноября 1989 г.

— Расскажите, как вы жили в ссылке в Горьком?

А. Сахаров. Страшно изолированно. Моя жена говорила, что мы прошли проверку на психологическую совместимость, как в космосе. Очень трудно было, когда нас насильно разъединяли, во время голодовок. Это был очень мучительный период.

— Вы много раз проводили голодовку?

А. Сахаров. Вообще в жизни? Много.

— Много? А цели были какие?

А. Сахаров. Разные цели были. Первая голодовка была с целью привлечь внимание к политзаключенным — это во время визита Никсона, год 74-й, лето. Вторая голодовка была, мы три дня голодали с женой вместе, за ее поездку. Третья голодовка — тоже вместе с ней — за поездку нашей невестки — 18 дней, а потом вот за ее поездку...

— Скажите, пожалуйста, а что вы почувствовали, когда вам сказали, что вы можете вернуться в Москву? Вы ждали этого?

В России публикуется впервые.

А. Сахаров. Абсолютно не ждали. Мы считали, что мы всю жизнь там будем. Это было наше убеждение.

— И что вы ощутили, когда вы смогли вернуться?

А. Сахаров. По-моему, ничего, так сказать, но мы увидели, что жизнь становится другой.

— Вы поверили в это?

А. Сахаров. Наша личная жизнь становится другой, а то, что в стране происходят изменения, мы уже видели. Гласность уже началась до нашего возвращения.

— Вот ваше пребывание в Горьком, оно повлияло на ваши внутренние ценности и повлияло на ту деятельность, которой вы сейчас занимаетесь?

А. Сахаров. Нет. Обстоятельства сейчас иные, поэтому такая деятельность стала возможной. Если бы я не побывал в Горьком, то я то же самое бы делал.

— Чем вы сейчас больше всего занимаетесь?

А. Сахаров. Вы хотите сказать, много ли я занимаюсь наукой? Нет, совсем не занимаюсь.

— В основном депутатской, политической деятельностью?

А. Сахаров. Да. Но наукой я не занимаюсь, хотя это очень жалко, потому что наука очень интересна, и я не уверен, смог ли бы я сейчас заниматься наукой. Наука — это очень трудная вещь.

— А межрегиональная группа — какое она сейчас имеет значение для вас?

А. Сахаров. Для меня имеет значение, конечно, не межрегиональная группа сама по себе, а в целом та общественная деятельность, которую я и другие люди — многие из них принадлежат к межрегиональной группе — пытаются проводить. МДГ — это очень интересно, но это все-таки... как бы сказать, вывеска, что ли? Я вообще немножко индивидуалист, но я понимаю, что МДГ — это очень важно, что с этим связаны определенные надежды страны. Но сам по себе я по-прежнему себя довольно индивидуально воспринимаю, не как члена некой партии.

— Вы есть вы?

А. Сахаров. Но беспартийный человек.

— Как вы относитесь к деятельности других сопредседателей?

А. Сахаров. Все стараются по мере сил и возможностей, я тоже стараюсь.

— Как вы думаете, чего недостает Горбачеву как политику?

А. Сахаров. Горбачеву? Я думаю — решительности. Он не проявил достаточной решительности в Карабахском кризисе, и поэтому он принял такой затяжной трагический характер. И сейчас ему не хватает решительности, на мой взгляд, в экономических и социальных проблемах.

— А как вы оцениваете интеллектуальный уровень Политбюро?

А. Сахаров. Ну я с ними на кухне не сидел... У нас традиционно все наиболее важные разговоры и беседы происходят на кухне, так я с ними не сидел на кухне, а по выступлениям ни о ком судить невозможно, у большинства членов Политбюро выступления готовят референты. Но Горбачеву, кажется, нет. Похоже, что он сам пишет свои выступления.

— *Говорят, что все наши беды начались со Сталина. А не началось ли это намного раньше?*

А. Сахаров. Да, конечно, началось.

— *Как вы относитесь к Ленину?*

А. Сахаров. Очень большой общественный деятель, противоречивая фигура. Сталин — не противоречивая фигура, а Ленин — противоречивая, в этом контексте это звучит как комплимент.

— *А почему Сталин не противоречивая?*

А. Сахаров. А он чистый уголовник. Никаких противоречий. Но он, конечно, великий организатор, сумел сделать административно-командную систему, прочно ее сработал.

— *Сейчас говорят о том, что могут снова возродиться массовые репрессии, и вы прожили все это. Как вы думаете, как можно воздержаться от этого?*

А. Сахаров. ...<нрзб.> будут ли массовые репрессии, хотя тревожные симптомы есть. Первые ласточки и, будем надеяться, что и последние, уже опалили свои крылышки.

— Что такое, по-вашему, социализм?

А. Сахаров. Я не хочу говорить о терминах, я считаю, что нужно стремиться к социально справедливому, экологически ответственному и экономически эффективному обществу — это, наверное, не социализм, а нечто иное. А что такое социализм — я не знаю, а кто знает? Сталин сам себе присвоил звание Героя Соцтруда за построение социалистического общества, так что вот такое понимание было. Я не понимаю, что такое социализм, я даже не очень понимаю, что такое капитализм сейчас, но сейчас уже возникли общества плюрализированные, это то, что я называю конвергенцией, то есть не я называю — это общепризнанный термин. Этот процесс уже идет.

— Как вы думаете, мы сможем достичь нормальных взаимоотношений между людьми в нашей стране?

А. Сахаров. Ну сейчас мы имеем исторический шанс проверить, можем или не можем. Может быть, последний такой шанс. Но в истории никогда не бывает последних, просто в следующий раз шанс появится... скоро или очень не скоро. Но, во всяком случае, сейчас именно это и проверяется.

— В такой форме, как все это сейчас идет, вы считаете, что это нормальный путь?

А. Сахаров. Я думаю, да. Я думаю, что форма достаточно мирная, но на окраинах, так сказать, системы происходят кровавые вещи. Я надеюсь, что это не принципиально для этого периода. Мне кажется, что

страна еще не потеряла своих шансов на мирный переход к более справедливому и более эффективному обществу.

— В воскресенье у вас будет встреча, вы будете встречаться в университете?

А. Сахаров. Да.

— И о чем вы там будете беседовать?

А. Сахаров. Ну в первую очередь о том, что надо обсуждать на съезде...

— ...который начнется в декабре?

А. Сахаров. Вот программа обсуждения на съезде... Вообще должно обсуждаться то, как МДГ выйдет на съезд, что она будет требовать, чего она будет добиваться, в целом — ее стратегия и тактика.

— Вы дали нам возможность прийти сюда так поздно, вы работаете по ночам?

А. Сахаров. Я не работаю по ночам, я по ночам обычно пью чай и читаю какую-нибудь беллетристику или... чаще всего даже не беллетристику, я в последнее время стал очень мало читать беллетристики, если вы меня спросите, то я скажу, что я ничего не читал, не читаю, но как-то провожу время просто для того, чтобы получить разрядку нервов.

— А что вы любите делать, чем заниматься?

А. Сахаров. Ну, например, посмотреть «Взгляд» я был бы сегодня очень рад, но я его не смотрел, не имел возможности включить.

— Вам нравится эта передача?

А. Сахаров. Нравится: хорошие ребята, по-моему, вся страна их полюбила...

— *Как можно гарантировать свободу информации в СССР?*

А. Сахаров. *(Вздыхает.)*

— *Можно ли вообще?..*

А. Сахаров. Совокупностью законов. Должен быть закон о печати и не должно быть ничего, что бы отражало по духу 6-ю статью Конституции. Вообще, исключение 6-й статьи Конституции необходимо для того, чтобы страна поверила в необратимость перестройки.

— *В чем причина нашей нищеты, нашего неблагополучия, как вы думаете?*

А. Сахаров. В том, что 72 года шли не в ту сторону, находились под властью каких-то утопических представлений, нереальных, а потом возникла такая система, что возник класс эгоистический, заинтересованный в ее сохранении, система имеется в виду административно-командная, это антинародная система, классовая антинародная система...

— *Простите, а по-моему, не потом появилась, а сразу, это была классовая диктатура уже административная...*

А. Сахаров. Ну, сначала был все-таки военный коммунизм, это была пролетарская диктатура, но это не была вот такая административно-командная система, когда существует класс управляющих.

— Значит, это правильно, что она... классово уничтожает другой класс, чтобы самой жить, например, класс пролетария.

А. Сахаров. Да нет, вообще вопрос о классовой борьбе — вопрос очень неясный. Я не вполне понимаю классовую теорию истории, мне кажется, что все носит более личностный характер.

— Как вы считаете, социализм — это счастье или трагедия для русского народа?

А. Сахаров. Вся история в целом трагична, а сказать, что это именно социализм, я не знаю... В другой раз я могу сказать, что социализма никакого не было, тогда как же можно обвинять то, чего не было.

— Но среди прочего, Россия выиграла или проиграла с этими событиями в 17-м году? Скажем, если взять человеческие отношения, культуру. Ну, в экономике она проиграла, это ясно.

А. Сахаров. Очень трудно отвечать на вопросы об истории. Ее нельзя проиграть, пройти дважды один и тот же путь и потом выбрать другой вариант ответа. Я знаю, что существуют страны, в которых не происходило ничего подобного и вполне благополучных. В общем, я не считаю Октябрьскую революцию исторической неизбежностью, но она произошла. И... как-то бессмысленно говорить, что было бы, если бы.

— Вы сейчас собираетесь в какую-нибудь поездку?

А. Сахаров. Я собираюсь принимать активное участие в подготовке 2-го съезда, потом будет 2-й съезд, а дальше я не загадываю.

— *Вам не нравится загадывать далеко вперед?*

А. Сахаров. Да нет, я готов загадывать далеко вперед, если бы... если бы у меня было на это время.

— *Ваши дни очень насыщенны?*

А. Сахаров. Пересыщенны.

— *Как вы себя чувствуете?*

А. Сахаров. Вообще или в данный момент?

— *И вообще и в данный момент.*

А. Сахаров. Вообще — устал, в данный момент — очень.

— *Вы занимаетесь каким-нибудь спортом?*

А. Сахаров. Спортом — нет, утреннюю зарядку делаю, довольно интенсивно.

— *А вы любите гулять?*

А. Сахаров. Люблю, не гуляю.

— *Почему?*

А. Сахаров. Некогда.

— *Некогда?*

А. Сахаров. Да.

— *А ловить рыбу, ходить в лес?*

А. Сахаров. Ходить в лес я раньше очень любил, это была главная моя радость. Бесконечно давно уже не был в лесу, если не считать парка «Сокольники», это, по-моему, не лес.

— Вы любите Москву?

А. Сахаров. Как город?

— Да.

А. Сахаров. Пожалуй, да. Хотя это такая любовь суровая, я никогда не объяснялся ей в любви... Москве.

— А вы могли бы это сделать, в смысле — есть желание?

А. Сахаров. Нет, нету желания *(смеется)*. Я думаю, что она без этого обойдется.

— Вы когда-нибудь были в Эстонии?

А. Сахаров. Да.

— Давно?

А. Сахаров. В 87-м году мы жили в Отяпе и на машине немного поездили по окрестностям.

— Отдыхали?

А. Сахаров. Да.

— Понравилось?

А. Сахаров. Очень понравилось. Я думаю, что это очень хорошая страна, хорошие люди, Отяпе, район Отяпе — район многочисленных озер, это очень красиво, грибы, ягоды, и люди очень работящие. Их жизнь еще не успела сломать и превратить в порошок коллективизация. В общем, хорошо, хорошо. Первоначально, когда мы приехали на машине и стали спрашивать там, как проехать, мы почувствовали, что к нам очень плохо относятся, это, я думаю, отношение к русским. Потом, когда стала известна моя фамилия, все изменилось на-

оборот, стало прекрасное отношение. А еще моей жене удалось мальчика найти на лесной дороге, потом вернули мы его маме, тоже это способствовало тому, что к нам хорошо очень относились. А вообще у меня перед глазами стоит Эстония, вот вы задали вопрос, в глазах очень зелено.

— *Да. Вы не собираетесь к нам?*

А. Сахаров. Сейчас не собираюсь никуда, я никуда не планирую, только сегодня одну поездку отменил, наверное, будет много еще.

— *Когда вы ездили в Штаты и были на площади, которая названа вашим именем, что вы чувствовали?*

А. Сахаров. Ничего не почувствовал, кроме того, что увидел знакомое сочетание букв.

— *И все?*

А. Сахаров. Да. Нет, конечно, было забавно, любопытно.

— *А как вы справляетесь с бытом каждый день, раз вашей жены нету?*[1]

А. Сахаров. Очень просто. Конечно, у меня гораздо меньше времени на это, чем когда она уезжала из Горького — у меня был полугодовой период, когда она уехала. После моих голодовок она получила разрешение поехать увидеть своих детей и внуков и свою маму, и тогда ей делали операцию на сердце. Так вот это было полгода. Ну,

[1] С 17 по 28 ноября Е. Боннэр была в США — *Ред.*

вот тогда у меня было много свободного времени, чтобы заниматься бытом. Сейчас у меня почти его нет, действительно, но... как-то справляюсь. Еще не похудел.

— Нет. А вот голодовки, они как-то повлияли на ваше здоровье?

А. Сахаров. Голодовки сами по себе не очень. Я думаю, плохо не повлияли, но что плохо было, это насильственное кормление в 84-м в особенности году и... по-моему, мне какие-то лекарства подмешивали...

— А как это возможно — насильственное кормление?

А. Сахаров. Ну, это существует такая техника, к сожалению. Первый раз это было... меня повалили и сделали внутривенное вливание, у меня при этом произошел микроинсульт, это было в 84-м году, 11 мая.

— Силой?

А. Сахаров. Ну, конечно, силой. Это ужасно, отвратительно. Главным образом — отвратительно. Но тысячи советских заключенных через это проходят, и в гораздо более жестоких, менее деликатных формах, так что... ничего особенного в этом нет.

— А сколько у нас сейчас политических заключенных?

А. Сахаров. Очень мало. Число неопределенное, потому что неизвестно, надо ли относить к политзаключенным тех, кто арестован за незаконный переход границы, за отказ от службы в армии по религиозным причинам. Если их учитывать, то это довольно большое

число будет — будут сотни людей, а если не учитывать, то это единицы. Ну, вот сейчас появляются новые политзаключенные — к сожалению. Ну, и есть другие печальные симптомы. Наша действительность очень противоречива, в ней все смешано.

— *Что вы думаете, что нужно сделать, чтобы исключить возможность использования КГБ и войск МВД во внутрипартийной борьбе и вообще...*

А. Сахаров. Вообще — углублять перестройку нужно, и это идет очень туго, с большим сопротивлением. Контроль над КГБ нужен хотя бы на том уровне, как в Америке происходит контроль над ЦРУ, но, как показывает практика, у них тоже есть свои проблемы. У нас их еще больше.

— *Как вы считаете, это геноцид, если уничтожают людей, принадлежащих к другому классу?*

А. Сахаров. Ну, в буквальном смысле слово «геноцид» — это уничтожение людей определенной национальности за то, что они принадлежат к этой национальности; или создание таких условий, что они погибают. Ну, вот блокада Армении — это с этой точки зрения, я думаю, подходит под определение «геноцид». Переселение народов при Сталине — это тоже геноцид. Уничтожение людей другого класса — ну, наверное, надо придумать другой термин. Дело не в термине, дело в сути.

Может быть, уже хватит?

Корр. *Хватит. Спасибо.*

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ

не позднее 27 ноября 1989 г.

1. Союз Советских Республик Европы и Азии (сокращенно — Европейско-Азиатский Союз, Советский Союз) — добровольное объединение суверенных республик Европы и Азии.

2. Цель народа Союза Советских Республик Европы и Азии и его органов власти — счастливая, полная смысла жизнь, свобода материальная и духовная, благосостояние, мир и безопасность для граждан страны, для всех людей на Земле независимо от их расы, национальности, пола, возраста и социального положения.

3. Европейско-Азиатский Союз опирается в своем развитии на нравственные и культурные традиции Европы и Азии и всего человечества, всех рас и народов.

4. Союз в лице его органов власти и граждан стремится к сохранению мира во всем мире, к сохранению среды обитания, к сохранению внешних и внутренних условий существования человечества и жизни на Земле в целом,

---

27 ноября А. Д. Сахаров передал председателю Конституционной комиссии М. С. Горбачеву свой проект Конституции. См. также дополнение 5.

к гармонизации экономического, социального и политического развития во всем мире. Глобальные цели выживания человечества имеют приоритет перед любыми региональными, государственными, национальными, классовыми, партийными, групповыми и личными целями. В долгосрочной перспективе Союз в лице органов власти и граждан стремится к встречному плюралистическому сближению (конвергенции) социалистической и капиталистической систем как к единственному кардинальному решению глобальных и внутренних проблем. Политическим выражением конвергенции в перспективе должно быть создание Мирового правительства.

5. Все люди имеют право на жизнь, свободу и счастье. Целью и обязанностью граждан и государства являются обеспечение социальных, экономических и гражданских прав личности. Осуществление прав личности не должно противоречить правам других людей, интересам общества в целом. Граждане и учреждения обязаны действовать в соответствии с законами Союза и республик и принципами Всеобщей декларации прав человека ООН. Международные законы и соглашения, подписанные СССР и Союзом, в том числе Пакты о правах человека ООН и Конституция Союза имеют на территории Союза прямое действие и приоритет перед законами Союза и республик.

6. Конституция Союза гарантирует гражданские права человека — свободу убеждений, свободу слова и инфор-

мационного обмена, свободу религии, свободу ассоциаций, митингов и демонстраций, свободу эмиграции и возвращения в свою страну, свободу поездок за рубеж, свободу передвижения, выбора места проживания, работы и учебы в пределах страны, неприкосновенность жилища, свободу от произвольного ареста и не обоснованной медицинской необходимостью психиатрической госпитализации. Никто не может быть подвергнут уголовному наказанию за действия, связанные с убеждениями, если в них нет насилия, призывов к насилию, иного ущемления прав других людей или государственной измены.

7. В основе политической, культурной и идеологической жизни общества лежат принципы плюрализма и терпимости.

8. Никто не может быть подвергнут пыткам и жестокому обращению. На территории Союза в мирное время полностью запрещена смертная казнь.

9. Принципы презумпции невиновности являются основополагающими при судебном рассмотрении любых обвинений каждого гражданина. Никто не может быть лишен какого-либо звания и членства в какой-либо организации или публично обвинен в совершении преступления до вступления в законную силу приговора суда.

10. На территории Союза запрещена какая-либо дискриминация в вопросах работы, оплаты труда и трудоустройства, поступления в учебные заведения и получения образования по признакам национальности, ре-

лигиозных и политических убеждений, наличия в прошлом судимости, при условии ее снятия, а также (при отсутствии прямых противопоказаний) по признакам пола, возраста и состояния здоровья.

11. На территории Союза запрещена дискриминация в вопросах предоставления жилья, медицинской помощи и в других социальных вопросах по признакам пола, национальности, религиозных и политических убеждений, возраста и состояния здоровья, наличия в прошлом судимости.

12. Никто не должен жить в нищете. Пенсии по старости для лиц, достигших пенсионного возраста, пенсии для инвалидов войны, труда и детства не могут быть ниже прожиточного уровня. Пособия и другие виды социальной помощи должны гарантировать уровень жизни всех членов общества не ниже прожиточного минимума. Медицинское обслуживание граждан и система образования строятся на основе принципов социальной справедливости, доступности минимально достаточного медицинского обслуживания (бесплатного и платного), отдыха и образования для каждого, вне зависимости от имущественного положения, места проживания и работы.

Вместе с тем должны существовать платные системы повышенного типа медицинского обслуживания и конкурсные системы образования, обеспечивающие более высокий общий уровень на основе конкуренции.

13. Союз не имеет никаких целей экспансии, агрессии и мессионизма. Вооруженные силы строятся в соответствии с принципом оборонительной достаточности.

14. Союз подтверждает принципиальный отказ от применения первым ядерного оружия. Ядерное оружие любого типа и назначения может быть применено лишь с санкции Главнокомандующего Вооруженными силами страны при наличии достоверных данных об умышленном применении ядерного оружия противником и при исчерпании иных способов разрешения конфликта. Главнокомандующий имеет право отменить ядерную атаку, предпринятую по ошибке, в частности, уничтожить находящиеся в полете запущенные по ошибке межконтинентальные ракеты.

Ядерное оружие является лишь средством предотвращения ядерного нападения противника. Долгосрочной целью политики Союза является полная ликвидация и запрещение ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, при условии равновесия в обычных вооружениях, при разрешении региональных конфликтов и при общем смягчении всех факторов, вызывающих недоверие и напряженность.

15. В Союзе не допускаются действия каких-либо тайных служб охраны общественного и государственного порядка. Тайная деятельность за пределами страны ограничивается задачами разведки и контрразведки. Тайная политическая, подрывная, дезинформационная деятель-

ность, поддержка террористической деятельности и участие в ней, участие в контрабанде, в торговле наркотиками и в других незаконных действиях запрещаются.

16. Основополагающим и приоритетным правом каждой нации и республики является право на самоопределение.

17. Вступление республики в Союз Советских Республик Европы и Азии осуществляется на основе Союзного договора в соответствии с волей населения республики по решению высшего законодательного органа республики.

Дополнительные условия вхождения в Союз данной республики оформляются Специальным протоколом в соответствии с волей населения республики. Никаких других национально-территориальных единиц, кроме республик, Конституция Союза не предусматривает, но республика может быть разделена на отдельные административно-экономические районы.

Решение о вхождении республики в Союз принимается на Учредительном съезде Союза или на Съезде народных депутатов Союза.

18. Республика имеет право выхода из Союза. Решение о выходе Республики из Союза должно быть принято высшим законодательным органом республики в соответствии с референдумом на территории республики не ранее, чем через год после вступления республики в Союз. Республика может быть исключена из Союза. Исключение

республики из Союза осуществляется решением Съезда народных депутатов Союза большинством не менее 2/3 голосов, в соответствии с волей населения Союза, не ранее чем через три года после вступления республики в Союз.

19. Входящие в Союз республики принимают Конституцию Союза в качестве Основного закона, действующего на территории республики, наряду с Конституциями республик. Республики передают Центральному Правительству осуществление основных задач внешней политики и обороны страны. На всей территории Союза действует единая денежная система. Республики передают в ведение Центрального Правительства транспорт и связь союзного значения. Кроме перечисленных общих для всех республик условий вхождения в Союз, отдельные республики могут передать Центральному Правительству другие функции, а также полностью или частично объединять органы управления с другими республиками. Эти дополнительные условия членства в Союзе данной республики должны быть зафиксированы в протоколе к Союзному договору и основываться на референдуме на территории республики.

20. Оборона страны от внешнего нападения возлагается на Вооруженные силы, которые формируются на основе Союзного закона. В соответствии со специальным протоколом республика может иметь республиканские Вооруженные силы или отдельные рода войск, которые формируются из населения республики и дислоцируют-

ся на территории республики. Республиканские Вооруженные силы и подразделения входят в Союзные Вооруженные силы и подчиняются единому командованию. Все снабжение Вооруженных сил вооружением, обмундированием и продовольствием осуществляется централизованно на средства союзного бюджета.

21. Республика может иметь республиканскую денежную систему наряду с союзной денежной системой. В этом случае республиканские денежные знаки обязательны к приему повсеместно на территории республики. Союзные денежные знаки обязательны во всех учреждениях союзного подчинения и допускаются во всех остальных учреждениях. Только Центральный банк Союза имеет право выпуска и аннулирования союзных и республиканских денежных знаков.

22. Республика, если противное не оговорено в Специальном протоколе, обладает полной экономической самостоятельностью. Все решения, относящиеся к хозяйственной деятельности и строительству, за исключением деятельности и строительства, имеющих отношение к функциям, переданным Центральному Правительству, принимаются соответствующими органами республики. Никакое строительство Союзного значения не может быть предпринято без решения республиканских органов управления. Все налоги и другие денежные поступления от предприятий и населения на территории республики поступают в бюджет республики. Из этого

бюджета для поддержания функций, переданных Центральному Правительству, в Союзный бюджет вносится сумма, определяемая бюджетным Комитетом Союза на условиях, указанных в Специальном протоколе.

Остальная часть денежных поступлений в бюджет находится в полном распоряжении Правительства республики.

Республика обладает правом прямых международных экономических контактов, включая прямые торговые отношения и организацию совместных предприятий с зарубежными партнерами.

23. Республика имеет собственную, независимую от Центрального Правительства систему правоохранительных органов (милиция, министерство внутренних дел, пенитенциарная система, прокуратура, судебная система). Однако судебные решения и приговоры по уголовным и гражданским делам, принятые в республике, могут быть обжалованы в кассационном порядке в Верховном Суде Союза. Приговоры по уголовным делам могут быть отменены в порядке помилования Президентом Союза или Президиумом Съезда Народных депутатов Союза. На территории республики действуют союзные законы при условии утверждения их Верховным законодательным органом республики и республиканские законы.

24. На территории республики государственным является язык национальности, указанной в наименовании республики. Если в наименовании республики ука-

заны две или более национальности, то в республике действуют два или более государственных языка. Во всех республиках Союза официальным языком межреспубликанских отношений является русский язык. Русский язык является равноправным с государственным языком республики во всех учреждениях и предприятиях союзного подчинения. Язык межнационального общения не определяется конституционно. В республике Россия русский язык является одновременно республиканским государственным языком и языком межреспубликанских отношений.

25. Первоначально структурными составными частями Союза Советских Республик Европы и Азии являются Союзные и Автономные республики, Национальные автономные области и Национальные округа бывшего Союза Советских Социалистических Республик. Бывшая РСФСР образует республику Россия и ряд других республик. Россия разделена на четыре экономических района — Европейская Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь. Каждый экономический район имеет полную экономическую самостоятельность, а также самостоятельность в ряде других функций в соответствии со Специальным протоколом.

26. Границы между республиками являются незыблемыми первые 10 лет после Учредительного Съезда. В дальнейшем изменение границ между республиками, объединение республик, разделение республик на мень-

шие части осуществляются в соответствии с волей населения республик и принципом самоопределения наций в ходе мирных переговоров с участием Центрального Правительства.

27. Центральное Правительство Союза располагается в столице (главном городе) Союза. Столица какой-либо республики, в том числе столица России, не может быть одновременно столицей Союза.

28. Центральное правительство Союза включает:

1) Съезд народных депутатов Союза;

2) Совет Министров Союза;

3) Верховный Суд Союза.

Глава Центрального Правительства Союза — Президент Союза Советских Республик Европы и Азии. Центральное правительство обладает всей полнотой высшей власти в стране, не разделяя ее с руководящими органами какой-либо партии.

29. Съезд народных депутатов Союза имеет две палаты. 1-я Палата, или Палата Республик [1000 (750?) депутатов], избирается по территориальному принципу по одному депутату от избирательного территориального округа с приблизительно равным числом избирателей. 2-я Палата, или Палата Национальностей, избирается по национальному признаку. Избиратели каждой национальности, имеющей свой язык, избирают определенное число депутатов, а именно по одному депутату от 600 тыс. (500 тыс.?) избирателей данной национальности

и дополнительно еще два депутата данной национальности. Выборы в обе палаты — всеобщие и прямые на альтернативной основе — сроком на пять лет.

Обе палаты заседают совместно, но по ряду вопросов, определенных регламентом Съезда, голосуют отдельно. В этом случае для принятия закона или постановления требуется решение обеих палат.

30. Съезд Народных депутатов Союза Советских Республик Европы и Азии обладает высшей законодательной властью в стране. Законы Союза, не затрагивающие положений Конституции, принимаются простым большинством голосов от списочного состава каждой из палат и имеют приоритет по отношению ко всем законодательным актам союзного значения, кроме Конституции.

Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии и законы Союза, затрагивающие положения Конституции, а также прочие изменения текста статей Конституции принимаются при наличии квалифицированного большинства не менее 2/3 голосов от списочного состава в каждой из палат Съезда. Принятые таким образом решения имеют приоритет по отношению ко всем законодательным актам союзного значения.

31. Съезд обсуждает бюджет Союза и поправки к нему, используя доклад Комитета Съезда по бюджету. Съезд утверждает высших должностных лиц Союза. Съезд назначает Комиссии для выполнения одноразовых поручений, в частности для подготовки законопро-

ектов и рассмотрения конфликтных ситуаций. Съезд назначает постоянные Комитеты для разработки перспективных планов развития страны, для разработки бюджета, для постоянного контроля над работой органов исполнительной власти. Съезд контролирует работу Центрального банка. Только с санкции Съезда возможны несбалансированные эмиссия и изъятие из обращения союзных и республиканских денежных знаков.

32. Съезд избирает из своего состава Президиум. Члены Президиума не имеют других функций и не занимают никаких руководящих постов в Правительстве Союза и республик и в партиях. Президиум съезда обладает правом помилования.

33. Совет Министров Союза включает Министерство иностранных дел, Министерство обороны, Министерство оборонной промышленности, Министерство финансов, Министерство транспорта союзного значения, Министерство связи союзного значения, а также другие министерства для исполнения функций, переданных Центральному Правительству отдельными республиками в соответствии со Специальными протоколами к Союзному договору. Совет Министров включает также Комитеты при Совете Министров Союза.

Кандидатуры всех министров, кроме министра иностранных дел и министра обороны, предлагает Председатель Совета Министров и утверждает Съезд. В том

же порядке назначаются Председатели Комитетов при Совете Министров.

34. Верховный Суд Союза имеет четыре палаты:

1) палата по уголовным делам;

2) палата по гражданским делам;

3) палата арбитража;

4) Конституционный суд.

Председателей каждой из палат избирает на альтернативной основе Съезд народных депутатов Союза.

35. Президент Союза Советских Республик Европы и Азии избирается сроком на пять лет в ходе прямых всеобщих выборов на альтернативной основе. До выборов каждый кандидат в Президенты называет своего Заместителя, который баллотируется одновременно с ним.

Президент не может совмещать свой пост с руководящей должностью в какой-либо партии. Президент может быть отстранен от своей должности в соответствии с референдумом на территории Союза, решение о котором должен принять Съезд народных депутатов Союза большинством не менее 2/3 голосов от списочного состава. Голосование по вопросу о проведении референдума производится по требованию не менее 60 депутатов. В случае смерти Президента, отстранения от должности или невозможности им исполнения обязанностей по болезни и другим причинам его полномочия переходят к Заместителю.

36. Президент представляет Союз в международных переговорах и церемониях. Президент является

Главнокомандующим Вооруженными силами Союза. Президент предлагает на утверждение Съезда кандидатуры Председателя Совета Министров Союза и министров иностранных дел и обороны. Президент обладает правом законодательной инициативы в отношении союзных законов и правом вето в отношении любых законов и решений Съезда народных депутатов, принятых менее чем 2/3 от списочного состава депутатов.

37. Экономическая структура Союза основана на плюралистическом сочетании государственной (республиканской и союзной), кооперативной, акционерной и частной (личной) собственности на орудия и средства производства, на все виды промышленной и сельскохозяйственной техники, на производственные помещения, дороги и средства транспорта, на средства связи и информационного обмена, включая средства массмедиа, и собственности на предметы потребления, включая жилье, а также интеллектуальной собственности, включая авторское и изобретательское право.

38. Земля, ее недра и водные ресурсы являются собственностью республики и проживающих на ее территории наций. Земля может быть непосредственно без посредников передана во владение на неограниченный срок частным лицам, государственным, кооперативным и акционерным организациям с выплатой земельного налога в бюджет республики. Для частных лиц гарантируется право наследования владения землей детьми

и близким родственникам. Находящаяся во владении земля может быть возвращена республике лишь по желанию владельца или при нарушении им правил землепользования и при необходимости использования земли государством по решению законодательного органа республики с выплатой компенсации.

39. Количество принадлежащей одному лицу частной собственности, изготовленной, приобретенной или унаследованной без нарушения закона, ничем не ограничивается. Гарантируется неограниченное право наследования являющихся частной собственностью домов и квартир с неограниченным правом поселения в них наследников, а также всех орудий и средств производства, предметов потребления, денежных знаков и акций. Право наследования интеллектуальной собственности определяется законами республики.

40. Каждый имеет право распоряжаться по своему усмотрению своими физическими и интеллектуальными трудовыми способностями.

41. Частные лица, кооперативные, акционерные и государственные предприятия имеют право неограниченного найма работников в соответствии с трудовым законодательством.

42. Использование водных ресурсов, а также других возобновляемых ресурсов государственными, кооперативными, арендными и частными предприятиями и частными лицами облагается налогом в бюджет респуб-

лики. Использование невозобновляемых ресурсов облагается выплатой в бюджет республики.

43. Предприятия с любой формой собственности находятся в равных экономических, социальных и правовых условиях, пользуются равной и полной самостоятельностью в распределении и использовании своих доходов за вычетом налогов, а также в планировании производства, номенклатуры и сбыта продукции, в снабжении сырьем, заготовками, полуфабрикатами и комплектующими изделиями, в кадровых вопросах, в тарифных ставках, облагаются едиными налогами, которые не должны превышать в сумме 35% фактической прибыли, в равной мере несут материальную ответственность за экологические и социальные последствия своей деятельности.

44. Система управления снабжения и сбыта продукции в промышленности и сельском хозяйстве, за исключением предприятий и учреждений союзного подчинения, строится в интересах непосредственных производителей на основе их органов управления, снабжения и сбыта продукции.

45. Основой экономического регулирования в Союзе являются принципы рынка и конкуренции. Государственное регулирование экономики осуществляется через экономическую деятельность государственных предприятий и посредством законодательной поддержки принципов рынка, плюралистической конкуренции и социальной справедливости.

ПОСЛЕДНЕЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ
14 декабря 1989 г.

Я хочу дать формулу оппозиции. Что такое оппозиция? Мы не можем принимать на себя всю ответственность за то, что делает сейчас руководство. Оно ведет страну к катастрофе, затягивая процесс перестройки на много лет. Оно оставляет страну на эти годы в таком состоянии, когда все будет разрушаться, интенсивно разрушаться. Все планы перевода на интенсивную, рыночную экономику окажутся несбыточными, а разочарование в стране уже нарастает. И это разочарование делает невозможным эволюционный путь развития в нашей стране. Единственный путь, единственная возможность эволюционного пути — это радикализация перестройки.

Мы одновременно, объявляя себя оппозицией, принимаем на себя ответственность за предлагаемые нами решения, это вторая часть термина. И это тоже чрезвычайно важно.

---

14 декабря в 15 часов Андрей Дмитриевич выступил на собрании Межрегиональной группы депутатов. (Вечером он умер.)

Опубликовано в спецвыпуске газеты «Московские новости» 17 декабря.

Сейчас мы живем в состоянии глубокого кризиса доверия к партии и к руководству, из которого можно выйти только решительными политическими шагами. Отмена статьи 6 Конституции и других статей Конституции, которые к ней примыкают, — это сегодня политический акт. Не чисто юридически-организационный. Это важнейший политический акт, который именно сейчас необходим стране, а не через год, когда будет завершена работа над новым текстом Конституции. Тогда это все будет уже поздно. Нам нужно уже сейчас возродить к делу перестроечные процессы.

И последнее, что нам необходимо, — это восстановить веру в нашу межрегиональную группу. Межрегиональная группа — с ней связывало население страны огромные надежды. За эти месяцы мы стали терять доверие.

Последнее, о чем я хотел сказать, — то, что говорил Гольданский: был ли подарком правым силам призыв к политической двухчасовой забастовке и будет ли подарком правым силам объявление оппозиции. И с тем, и с другим я категорически не согласен. То, что произошло за эту неделю при обсуждении нашего призыва, — это важнейшая политизация страны, это дискуссии, охватившие всю страну. Совершенно неважно, много ли было забастовок. Их было достаточно много. В том числе были забастовки в Донбассе, были они и в Воркуте, были во Львове, во многих местах. Но не

это даже принципиально важно. Важно, что народ нашел наконец форму выразить свою волю, и он готов оказать нам политическую поддержку. Это мы поняли за эту неделю. И мы этой поддержки не должны лишиться. Единственным подарком правым силам будет наша критическая пассивность. Ничего другого им не нужно, как это.

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ
14 декабря 1989 г.

Вл. Рерих. *Вместо первого вопроса я напомнил Андрею Дмитриевичу содержание нашего телефонного разговора, в частности, фразу «есть что вспомнить, есть что рассказать...».*

А. Сахаров. Я действительно могу вспомнить... О многом вспомнить, но не обо всем удобно сейчас вспоминать, поэтому мое положение довольно щекотливо... Я примкнул к работе по ядерному оружию, вернее, меня включили в группу, занимавшуюся ядерным оружием в июле... нет, в июне 1948 года. Меня не спросили, хочу я этого или нет, ранее я несколько раз отказывался, желая заниматься чистой наукой, но после того как меня включили в эту группу, я работал с большим напряжением, считая, что задача, стоящая перед нами, очень важна для страны, для человечества, что необходимо равновесие двух великих держав и тем самым двух систем мира, что

Вечером 14 декабря Андрей Дмитриевич дал интервью Владимиру Рериху перед кинокамерой для документального фильма «Полигон». (Через несколько часов его не стало.)

Опубликовано в газете «Избиратель» 28 февраля 1990 г.

именно это послужит гарантией того, что такое оружие не будет применено. Мы исходили из того, что эта работа — практически война за мир. Работали с большим напряжением, с огромной смелостью... И гражданской, потому что в ряде случаев нам приходилось противостоять какому-то административному нажиму, и технически мы шли на риск, и просто личный риск... Все это было. Со временем моя позиция во многом менялась, я многое переоценил, но все-таки я не раскаиваюсь в этом начальном периоде работы, в которой я принимал с моими товарищами активное участие.

Первым большим испытанием, в котором я участвовал, когда впервые приехал на Семипалатинский полигон, было испытание термоядерного заряда в августе 1953 года. Оно было запланировано как наземное испытание. Мы об этом как-то не думали заранее, что это представляет большую, крайне большую опасность, но когда приехали на полигон, то оказались перед очень сложной проблемой.

Дело в том, что при наземном испытании образуется так называемый радиоактивный след. Пыль поднимается с земли в огромных количествах, насыщается продуктами распада ядер урана, и потом эти пылинки выпадают по ходу ветра на землю, создавая зоны с очень высокой радиацией. В течение нескольких дней нам удалось выяснить масштабы этого явления. Они были очень велики! И было принято решение в подветренном

секторе произвести эвакуацию населения... Сначала это решение было принято группой ученых, но мы добивались, чтобы это решение было принято командованием испытания, военными и представителями Совета Министров, заместителем Председателя Совета Министров, который отвечал за данное испытание. Это было для них тоже трудное решение. И они пытались, чтобы ответственность за это лежала на нас, но мы настояли, и были, конечно, правы. Эвакуация была проведена, но тем не менее последствия этого испытания продолжают сказываться до сих пор.

Потом было еще одно испытание, на котором я тоже присутствовал спустя два года, в ноябре 1955-го, но это уже было испытание на большой высоте, поэтому таких местных эффектов не было. Но тем не менее образовалась ударная волна, и от этой ударной волны были как большие разрушения, так и человеческие жертвы...

Вот таков психологический фон, на котором я стал во многом пересматривать свои позиции, и первое, против чего я решил бороться, это испытания в воздухе, в космосе и в воде. Но первоначально это формулировалось как вообще запрещение испытаний.

В 1958 году Хрущев принял решение об одностороннем отказе Советского Союза от ядерных испытаний... Это было в марте пятьдесят восьмого года, когда он вступил на пост Председателя Совета Министров. А затем он свое решение пересмотрел, и осенью была

назначена новая серия испытаний. Я считал это совершенно недопустимым — такое шараханье! — и поехал к Курчатову. Курчатов принял меня в своем домике, где он жил, рядом с институтом. Он в это время был уже очень тяжело болен... но он продолжал работать дома. Он согласился со мной, согласился с тем, что ядерные испытания приводят к большим человеческим жертвам... И что мы не должны нарушать наш мораторий через полгода после того, как мы его объявили...

Он поехал в Ялту, где отдыхал Хрущев. Но Хрущев его прогнал...

Предложения Курчатова приняты не были, и испытания продолжались. Причем целая серия испытаний... Но потом возник фактический мораторий проведения ядерных испытаний рядом держав. Не всеми, конечно, но основными. Это длилось до 1961 года. Но в 61-м году в период нового обострения международной обстановки Хрущев принял решение вновь возобновить ядерные испытания. Я уже рассказывал о том диалоге, который возник между мною и Хрущевым. Я написал ему записку во время совещания, где он объявил о возобновлении испытаний, что это осложнит международную обстановку и не будет полезно ни СССР, ни всему миру. Но Хрущев сказал, что на самом деле существует только одна политика, политика с позиции силы... И... «я был бы слюнтяй, если бы слушался таких, как Сахаров».

В результате уже подготовленные за время моратория ядерные заряды, а также те, которые мы делали в спешном порядке (в том числе и я проявил очень большую энергию), были испытаны. Я считал, что нужно вложить в нее максимум с тем, чтобы это была все-таки последняя серия испытаний. Но тут я опять ошибся. Следующая серия была у нас в Советском Союзе в 1962 году. В 63-м все-таки удалось заключить соглашение о запрещении ядерных испытаний в трех сферах. Так называемый Московский договор.

Я очень горжусь тем, что был одним из инициаторов заключения этого договора.

Это то, что мы имеем сейчас. На земле, в космосе и в воде запрещены испытания, но подземные испытания выбыли из этого договора. Все же это было очень важным шагом вперед. Но сохранилась возможность разработки новых типов ядерного оружия при помощи подземных испытаний. Но фактически полностью исчезло заражение атмосферы радиоактивными продуктами, т. е. те тысячи и десятки тысяч человеческих жизней, которые мы платили за ядерные испытания, мы перестали платить.

Каково положение сейчас? Зачем сейчас нужны ядерные испытания? И кому они нужны?

Тут, пожалуй, наиболее интересен доклад, составленный по поручению президента Рейгана и представленный от его имени конгрессу. Там в защиту продол-

жения испытаний приводятся такие аргументы. Во-первых, ядерные испытания нужны для того, чтобы мы могли проверить боеспособность ядерных зарядов, которые хранятся на складах. Во-вторых, ядерные испытания нужны для того, чтобы могли продолжаться разработки новых типов ядерных зарядов с целью повышения их токсических качеств. В-третьих, ядерные испытания нужны для того, чтобы продолжать работу над принципиально новыми конструкциями... это нужно потому, чтобы быть готовыми к тому, чтобы не иметь неприятных сюрпризов со стороны русских. И делать мы это должны именно потому, что русские ведут работу в этом направлении, и мы не можем от них отстать.

Но та же самая аргументация может двигать и советской стороной. И вырисовывается такой опасный порочный круг. Мы не прекращаем ядерных испытаний, потому что боимся отстать от американцев. Американцы не прекращают потому, что боятся отстать от нас. Отвечу сначала на первые два американских аргумента (впрочем, они одновременно и наши). Суть их сводится к тому, что пока существует ядерное оружие, оно должно быть в полной боевой готовности. А проверять его можно только с помощью ядерных испытаний. Это ложная аргументация в своем последнем пункте. Мы можем все обстоятельства, связанные с хранением ядерного оружия, проверять, не производя истинного

ядерного взрыва, заставляя все системы срабатывать, за исключением этого последнего момента — момента ядерного взрыва. Существуют методы контроля, которые дают возможность сделать это. Последний этап ядерного взрыва, если у нас заменено ядерное горючее на пассивное вещество, не требует проверки. Мы проверяем все, кроме ядерного взрыва. А ядерный взрыв с неминуемостью произойдет, если мы пассивное вещество заменим на плутоний и уран-235. Это контроль абсолютно достоверный. И мы можем проводить его в условиях, максимально приближенных к боевым. И иметь полную уверенность, что в случае необходимости все будет работать нормально.

Для чего нужны на самом деле ядерные испытания? Для того, чтобы разрабатывать принципиально новые конструкции. Такие, которые могут понадобиться для программы СОИ или для каких-то новых способов использования ядерного оружия. Но даже если мы встанем на точку зрения, что ядерное оружие необходимо для предотвращения войны, все равно эти новые системы для этого не нужны. И достаточно быть уверенным, что ни одна из сторон не совершает нового технического рывка, нового прорыва. Поэтому прекращение ядерных испытаний вообще решило бы эту проблему.

Именно поэтому я считаю, что Советский Союз может пойти на *односторонний* мораторий в прекращении ядерных испытаний. В отличие от того моратория, ко-

торый мы начали в 1985 году и через некоторое время вынуждены были прервать, во всяком случае, прервали. Ситуация во многом отлична. Во-первых, это результат активной политики Советского Союза, которая кардинально отличается от международной политики, проводившейся в прошлом. В этих условиях общественное мнение поддержит советскую инициативу. Никто не будет рассматривать прекращение испытаний как чисто пропагандистское, с тем чтобы получить односторонние политические преимущества. Так оценивались наши прекращения испытаний в 1985 году.

Конечно, я считаю, что мы должны сразу заявить о долгосрочном прекращении испытаний. Я считаю, что наша страна может пойти на политический риск ради очень важной цели. Она может объявить о бессрочном прекращении ядерных испытаний, которые будут возобновлены лишь при резком изменении политической ситуации в мире. Это первое. Второе: я думаю, что наш шаг должен быть дополнен крупными односторонними решениями о сокращении обычных вооружений. Я думаю, что при существующей международной обстановке мы можем пойти на это. Мы имеем самую большую армию в мире, армию, значительно превосходящую армии всех остальных государств. Политическая обстановка в мире такова, что мы можем быть уверены, что никто на нас нападать не собирается. И в этих условиях одностороннее сокращение обычных вооружений тоже является

вполне приемлемой тактикой нашего государства. Мы можем быть твердо убеждены, что наша акция сделает политически необходимым для стран Запада предпринять ответные шаги. И причем последствия будут колоссального характера. Именно на этом пути возможно будет осуществить полный отказ от ядерного оружия.

— Андрей Дмитриевич, какова, на ваш взгляд, роль в этом процессе явления, которое в последнее время стали называть народной дипломатией? Антиядерное движение «Невада—Семипалатинск», которое возникло в Казахстане, являет собой чистый пример народной дипломатии. Там есть свои особенности. Логика народной дипломатии достаточно прямолинейна — есть цель, и цель должна быть достигнута немедленно. Люди требуют закрыть полигон и немедленно прекратить ядерные испытания...

А. Сахаров. Я считаю, что народная дипломатия отличается той, как вы сказали, особенностью, что она характеризуется очень четкой программой. Тут нет свойственного государственной дипломатии маневрирования. Мы должны быть готовы к осуществлению крупных шагов, с тем чтобы мир сдвинулся к миру. Я считаю, что народная дипломатия — это новое политическое явление, которое стало возможным благодаря процессам перестройки в нашей стране. Раньше это была псевдонародная дипломатия. Она на самом деле была инспирирована и не вызывала доверия мировой общественности.

Сейчас возникла совершенно новая ситуация, где народная дипломатия стала реальной политической силой.

— *Занимаясь историей полигона, часто бывая в Семипалатинской области, мы встречались с людьми, которые утверждают, что во время испытаний в пятидесятых годах после мобилизационных мероприятий они были оставлены в опасных зонах. Они утверждают, что были оставлены намеренно. Эти люди испытывали на себе воздействие поражающих факторов, а затем были подвергнуты медицинскому наблюдению. Разумеется, эта история нуждается в дополнительных разъяснениях, будет проведено специальное журналистское расследование. Допускаете ли вы, что такое было возможно? Принимая во внимание, что все это происходило еще во времена Лаврентия Берия...*

А. Сахаров. Я ничего об этом не знаю. Я знаю, что была проведена эвакуация. В некоторых местах возвращение населения затянулось больше, чем на полгода, до весны 1954 года. И по современным нормам оно было проведено слишком рано. Речь идет, в частности, о местечке Кара-аул. Но что люди были оставлены, я об этом никогда не слышал.

Там случилась другая страшная вещь. Ударная волна пошла по оврагу и вышла в деревню, и когда произошла вспышка, люди бросились к окнам, в том числе и дети. И много было поражений зрения у детей осколками стекла. Возможно, что даже были потери зрения.

— В каком году это было?

А. Сахаров. В 1954-м. Это было в Тоцком... Да, так, по-моему, называлось местечко, где было испытание, военное испытание с участием войск. Был взорван обычный ядерный заряд. Это очень тяжелый эпизод. А в 1955 году были смертельные случаи. Погиб солдат. И вот в деревне, где было бомбоубежище, довольно далеко расположенное от места взрыва, население находилось в нем. Но когда произошла вспышка, они все вышли из бомбоубежища, за исключением девочки двухлетней, которая осталась играть с кубиками. Так вот, ее завалило, и она погибла. Вот такой был случай, это произошло 22 ноября 1955 года. Потом в доме для престарелых обрушился потолок, и несколько женщин очень тяжело пострадали. Вплоть до перелома позвоночника. А солдата завалило в траншее. Он погиб.

— Андрей Дмитриевич, по поводу подземных испытаний есть два мнения: первое, что они совершенно безопасны, и второе, что они все-таки небезвредны...

А. Сахаров. Я думаю, что если их проводить с соблюдением всех предосторожностей, то они могут быть безвредными. Во всяком случае, когда я уходил с этой секретной работы, у нас было твердое мнение, что это не вредно.

— А сейчас?

А. Сахаров. А сейчас я не знаю. Ситуацию на сегодня я не знаю. Я не имею допуска к секретной инфор-

мации вот уже двадцать один год. Я думаю, что если взрывы происходят на достаточно большой глубине, то это безопасно. Я так думаю. Были, конечно, выбросы, но в сравнении с ядерными взрывами на поверхности это все-таки абсолютно другой масштаб. В колоссальное число раз меньше.

— *Население, которое живет на границе с полигоном, испытывает его воздействие. И сейсмическое, и психологическое... Все это порождает известный дискомфорт, ощущение неуверенности, страха...*

А. Сахаров. Да, нагрузка на психику большая. Даже соседство с атомными электростанциями — большая нагрузка на психику. Это реальный фактор — психогенный.

— *Андрей Дмитриевич, в последнее время мы получили в студии Министерства обороны секретные до сего времени материалы. Мы посмотрели огромное количество атомных взрывов, запечатленных на кинопленку. Возникает смешанное чувство: восхищение перед мощью человеческого разума, освободившего такую энергию, и ужас перед ее назначением. Вы видели эти взрывы воочию... Можете ли вы припомнить чувства, которые овладели вами тогда?*

А. Сахаров. Ну, мы поначалу были очень горды тем, что выполнили задуманное... 22 ноября мы обнимались...

Мы стояли на таком помосте, на расстоянии семидесяти километров от точки взрыва. Когда произошел

взрыв, на лица пахнуло жаром... потом мы увидели, как по полю к нам приближается ударная волна, пригибая стебли ковыля, выступающие над очень тонким снежным покровом. Снег выпал накануне. Мы все попрыгали с помоста, чтобы нас не сбросило. Кроме моего секретаря, который... Секретарь — это телохранитель на самом деле. Он постеснялся спрыгнуть, и его сбросило. Он довольно сильно ушибся... ну, и тут мы начали обниматься, и «Вышло! Вышло!» — крики раздались. «Все получилось!» В первую очередь было ощущение торжества, потом были другие ощущения, когда мы узнали, что были жертвы, и полностью осознали все последствия того, что произошло.

— Андрей Дмитриевич, наука, в частности, ядерная физика, бурно развивалась именно в двадцатом веке. Не секрет также, что развитие науки во многом определило и политические процессы нашего века. Как могло случиться, что наука и политика оказались столь тесно и страшно переплетены?

А. Сахаров. Я думаю, что двадцатый век — это действительно век науки. Во всех областях произошли колоссальные прорывы, имевшие огромные последствия в жизни человеческого общества. Но благодаря тому, что это произошло в очень критический период человеческой истории, последствия эти были неоднозначны. Две главные опасности, угрожающие жизни на Земле, — всеобщее уничтожение в ходе термоядерной вой-

ны и уничтожение от экологических последствий тесно связаны с прогрессом науки и техники. Но я считаю, что в целом прогресс есть движение, необходимое в жизни человечества. Он создает новые проблемы, но он же их и разрешает. И человечество вне прогресса существовать не может. Это его форма существования. Я надеюсь, что этот критический период человеческой истории будет преодолен человечеством.

Это некий экзамен, который человечество держит.

Экзамен на способность выжить.

НЕПРОИЗНЕСЕННАЯ РЕЧЬ
14 декабря 1989 г.

28 ноября Верховный Совет СССР рассмотрел представленный Генеральным прокурором Союза ССР проект Закона «О внесении изменений и дополнений в статью 34 Основ Уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». При первом голосовании Закон был принят в Совете Союза, но не прошел в Совете национальностей. В таком случае должна быть создана согласительная комиссия (как и разъяснил Анатолий Иванович [Лукьянов] членам Верховного Совета), а переголосование проводится в обеих палатах. Однако председательствующий объявил, что Совет Союза больше голосовать не будет. После перерыва Совет национальностей голосовал вторично. И Анатолий Иванович объявил, что Закон принят. Это серьезное формальное нарушение. Мы должны быть внимательны

---

14 декабря Андрей Дмитриевич составил набросок речи, с которой он собирался на следующий день выступить на 2-м Съезде народных депутатов СССР.

Опубликовано в «Литературной газете» 27 декабря 1989 г.

в Верховном Совете и на Съезде, чтобы подобные инциденты не повторялись. Это первое.

Второе. На том же заседании товарищ Оборин, отвечая на вопрос членов Верховного Совета о том, как этот вопрос решается в западных странах, ввел в заблуждение членов Верховного Совета (возможно, он сам был неверно информирован работниками аппарата, готовившими вопрос, но это не меняет сути дела). Я запросил Институт советского государственного строительства и законодательства и 6 декабря получил справку, которую передаю в президиум. Кратко ее общие положения. Во-первых, во всех странах вопрос о порядке, о сроках содержания под стражей находится под контролем судебных органов. Во-вторых, везде адвокат допускается с момента задержания, в связи с чем имеется институт дежурных адвокатов. В-третьих, нигде следствие не объединено с прокуратурой, призванной наблюдать за законностью ведения следствия. О некоторых странах: Великобритания — Англия, Уэльс не имеют указаний о сроке, в Шотландии — до 110 дней и в настоящее время в парламенте обсуждается вопрос о введении шотландского срока по всей стране. В США он — 180 дней и не может быть продлен даже в чрезвычайном порядке (параграф 3 174 пункт 18 свода законов США). Австрия — обычный предельный срок — 6 месяцев, может быть продлен до года по тяжким и до двух лет — по особо тяжким преступлени-

ям, но только судом, и суд на любом этапе следствия может и должен проверять обоснованность содержания под стражей. ФРГ — предельный срок — 6 месяцев, может быть в исключительных случаях продлен, но только по постановлению высшего суда земли и если следствие после продления длится более трех месяцев, то суд обязан — подчеркиваю: обязан — рассмотреть обоснованность продления.

Хотя первая — формальная — причина вполне достаточна, чтобы отменить незаконно принятый закон, я считаю важным для его отмены и то, что члены Верховного Совета были неправильно информированы хотя бы для того, чтобы лица, дающие им информацию, были достаточно ответственны. Должен обратить ваше внимание на то, что проект закона был внесен на рассмотрение Верховного Совета Генеральным прокурором. То есть вместо того, чтобы следить за соблюдением законов, прокуратура в лице своего высшего руководителя стремится полностью развязать себе руки и вновь ввергнуть страну в пучину беззаконий времен культа личности, застоя и других достаточно мрачных времен.

Теперь по существу изменений статьи 34. Я уже говорил на Верховном Совете и здесь повторю. Реально в нашей жизни подозреваемый находится в чрезвычайно тяжелых условиях давления следствия. У всех на памяти многочисленные случаи самооговоров, взятия ви-

ны на себя из-за пресс-камер, избиений, шантажа и угроз. У всех на памяти смертные приговоры невиновным, приведенные в исполнение не только в республиках, но и в Москве. Продление следствия, в котором нет никакой необходимости (девять месяцев, разрешенные сейчас, — достаточно большой срок), — это ужесточение и без того антигуманного нашего законодательства, в котором нет никакой необходимости. Это не улучшит результатов борьбы с преступностью, а только еще больше ужесточит наше и без того тяжелобольное общество. Вся страна в новом Законе справедливо увидит новую ложь. Ведь мы столько говорили о гуманизации законодательства. А единственно что родили, так это беззаконный закон.

Формулирую предложения:

1. Сейчас голосованием на Съезде отменить Закон СССР о внесении изменений и дополнений в статью 34 «Основ Уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик».

2. Рассматривать этот закон только одновременно с совместным рассмотрением вопроса о допуске адвоката и выделении следствия из органов прокуратуры и таким образом, что изменения в статье 34 могут быть внесены только в случае выделения следствия из органов прокуратуры и после введения в действие закона о допуске адвоката с момента задержания или начала следствия.

ЛИОНСКАЯ ЛЕКЦИЯ
27 сентября 1989 г.

<..> В мае 1989 года в Париже проходила конференция по проблемам современной физики. Сахаров еще в начале года дал согласие на участие в ней. И физики решили, что 21 мая они будут праздновать его день рождения, — на этот раз в присутствии именинника. Но Сахаров стал депутатом. И задолго до съезда навалились всякие депутатские дела: поездка в Тбилиси, потом в дивизию имени Дзержинского. Работа в Московской депутатской группе. Поездка в Сыктывкар для участия в предвыборной кампании Революта Пименова — единственный случай, когда Андрей Дмитриевич счел необходимым личное участие, а не ограничился, как во многих других случаях, отсылкой телеграммы поддержки. Ночью 19 мая он решил, что ехать во Францию (о науке уже не было речи, но и на свой день рождения) не имеет права, потому что надо участвовать во всех предсъездовских баталиях и особенно в совещании старейшин. Он, как и несколько других московских депу-

---

Вступительная заметка Е. Г. Боннэр к публикации этой лекции в журнале «Огонек» (1991, № 21) печатается с сокращениями.

татов, наивно полагал тогда, что можно убедить это высокое собрание в необходимости изменить повестку дня съезда. И 21 мая вместо дня рождения и торта чуть ли не на 1000 человек, который ожидал в Париже, был митинг в Лужниках. И нежданная радость от последнего дня рождения, что мы были вечером вдвоем. Кто-то был увлечен митингом, другие полагали, что мы во Франции. Но я чувствовала себя неблагодарной и виноватой перед французами. Они так много помогали Сахарову, когда он был в Горьком. А много раньше именно в Париже был создан первый правозащитный комитет ученых, так получилось, что с моей подачи, через мою приятельницу Таню Матон, когда в сентябре 1972 года был арестован математик Юрий Шиханович. И Андрей Дмитриевы обещал, что осенью он отдаст свой долг французским коллегам.

В сентябре в Лионе проходили ежегодный конгресс французского Физического общества и в университете Клода Бернара церемония присуждения звания доктора «гонорис кауза» академику Сахарову. Вечером 27 сентября Сахаров читал публичную лекцию «Наука и свобода». Ирина Алексеевна Иловайская волновалась, что лекция у него не написана, а у нее нет текста для перевода, но Андрей сказал, что перед такой аудиторией можно говорить спокойно. После лекции был ужин а-ля фуршет. А ночью, возвратившись в гостиницу вместе с Ириной Алексеевной, мы ощутили невероятный голод. И пошли втроем искать по городу, где кормят в столь позднее время. Уже за сто-

лом, все еще переживая события дня, я сказала, что вообще-то содержание лекции не соответствует официальному названию и лучше бы ее назвать просто «Лионская лекция». Андрей сказал, что я права. Но это название так и осталось между нами тремя. И на французском языке в сборнике, который вышел уже после 14 декабря 1989 года, она называется «Наука и свобода».

Елена Боннэр

* * *

Здравствуйте! Через десять с небольшим лет закончится двадцатый век, и мы должны попытаться как-то оценить, как мы его будем называть, что в нем наиболее характерно. Конечно, на этот вопрос нет однозначного ответа.

Это был век двух мировых войн и множества так называемых «малых войн», унесших множество жизней. Это был век многих вспышек невиданного в истории геноцида. Несколько недель тому назад я вместе с пятью тысячами своих соотечественников стоял у раскрытой могилы, в которой производилось перезахоронение жертв сталинского террора. Рядом стояли представители трех церквей, и они служили заупокойную молитву. Это были православные священники, священники иудейские и священники мусульманские. Потому что среди сотен, тысяч безвинных жертв, которые там похоронены, были представители всех наций, всех религий.

И все-таки, когда мы думаем о двадцатом веке, есть одна характеристика, которая для меня кажется невероятно, необычайно важной: XX век — это век науки, ее величайшего рывка вперед. Развитие науки в XX веке проявило с огромной силой ее три основные цели, три основные особенности.

Это наука ради науки, ради познания. Наука как самоцель, отражение великого стремления человеческого разума к познанию. Это одна из тех областей человеческой деятельности, которая оправдывает само существование человека на земле.

Вторая цель науки — это ее практическое значение. Мы знаем, что именно в XX веке материальное производство стало основываться на науке гораздо в большей степени, чем когда бы то ни было. И в том, что мы производим, в нашем совокупном продукте значительную, может быть большую, часть составляют результаты науки. Это мы подразумеваем, когда говорим, что наука стала материальной производительной силой.

И наконец, третья цель науки — некое единство, цементирующее человечество. Эти все три цели, все три особенности тесно переплетены между собой.

Наш обезьяноподобный предок, вероятно, был очень любопытным существом. Он отворачивал, поднимал камушки, которые лежали у него под ногами; он это делал по инстинкту любопытства, но то и дело находил под камушками червячков и жучков, служивших ему пищей.

Из любопытства выросла фундаментальная наука. Она по-прежнему приносит нам плоды практические, часто неожиданные для нас.

Наука основывается на единых законах, единых понятиях, и в этом основа ее интернациональности. И хотя, как все живое, наука тоже противоречива в своих последствиях, но все-таки именно это объединяющее значение науки является главным. И именно общие законы природы и общества — те, которые даются фундаментальной наукой, — являются наиболее универсальными; значит, они больше всего должны нас сближать.

Что произошло в фундаментальной науке?

На грани века представлялось, что основные законы физики уже установлены, остается только их как-то математически применять, и только небольшие облачка были на этом, казалось бы, ясном горизонте. Но мы теперь знаем, что из этих облачков выросли революционные изменения в фундаментальной науке о природе. Мы поняли, что та картина мира, которая восходит к Галилею и Ньютону, это только поверхностная часть реальности. А более фундаментальные законы гораздо абстрактней и глубже по своей природе и в то же время отличаются великолепной математической простотой. Эйнштейн не верил, что Бог играет в кости, но теперь мы, большинство физиков, уверены, что на самом деле законы природы носят вероятностный характер. Причем не просто потому, что мы неточно что-то знаем о природе или неточно

умеем подсчитать, а потому, что эта вероятностная трактовка заложена в самой природе вещей.

Мы теперь знаем, что пространство и время объединены в единую геометрическую структуру. Это один из первых прорывов в новую физику, связанный с именами таких ученых, как Лоренц, Пуанкаре, Эйнштейн и многих других. Но Эйнштейн, и это неслучайно, стал как бы воплощением духа и новой физики, и нового отношения физики к обществу. У Эйнштейна в его высказываниях, в его письмах очень часто встречается такая параллель: Бог — природа. Это отражение его мышления и мышления очень многих людей науки. В период Возрождения, в XVIII, в XIX веках казалось, что религиозное мышление и научное мышление противопоставляются друг другу, как бы взаимно друг друга исключают. Это противопоставление было исторически оправданным, оно отражало определенный период развития общества. Но я думаю, что оно все-таки имеет какое-то глубокое синтетическое разрешение на следующем этапе развития человеческого сознания. Мое глубокое ощущение (даже не убеждение — слово «убеждение» тут, наверно, неправильно) — существование в природе какого-то внутреннего смысла, в природе в целом. Я говорю тут о вещах интимных, глубоких, но когда речь идет о подведении итогов и о том, что ты хочешь передать людям, то говорить об этом тоже необходимо. И это ощущение, может быть, больше всего

питается той картиной мира, которая открылась перед людьми в XX веке.

Мы поняли, что мир гораздо более грандиозен, чем мы об этом могли думать, гораздо более разнообразен, и он не есть что-то статическое, он развивается во времени. Даже Эйнштейн не сразу признал возможность того, что Вселенная как целое — это динамическая система, которая развивается во времени; ему казалось, что это противоречит закону сохранения энергии. Но на самом деле закон сохранения энергии в применении ко Вселенной как к целому просто теряет свой смысл, и мы должны думать в других категориях.

С уравнениями общей теории относительности, созданной Эйнштейном, и с наблюдениями астрономов согласуется только теория расширяющейся Вселенной. Эта картина поставила нас перед двумя гигантской важности вопросами: что было вначале и куда мы движемся, каков у нас прогноз. Ни на один из этих вопросов сейчас исчерпывающего ответа нет. Но сама их постановка — это проявление нового, космического, космологического мышления, которое ставит наше человеческое сознание один на один с космосом, со Вселенной.

Когда-то Кант говорил, что есть два чуда: звездное небо над нами и чувство нравственного императива внутри нас. Сейчас мы повторяем то же самое, но только звездное небо перестало быть тем статическим собранием светящихся точек, как это было во времена Канта. Теперь

мы имеем грандиозную картину мироздания, не познанного нами до конца, но видим, что оно гораздо больше и сложнее, чем мы могли когда-то представить. Но в нашем познании мира произошли и другие прорывы за эти полные научных событий десятилетия. Теперь мы считаем очень правдоподобным, что наше пространство имеет не три измерения, как учили нас в учебниках геометрии, а значительно больше. Эти дополнительные измерения замкнуты друг на друга в очень маленьком масштабе, но они существуют, и именно они определяют основные законы природы. Сложная геометрическая структура этого замкнутого на себя дополнительного пространства и симметрия этих структур определяют симметрию законов физики элементарных частиц. Мы считаем возможным, что в нашем мире наряду с теми телами, которые взаимодействуют с нами электромагнитными и ядерными силами, есть и другая материя, которая взаимодействует с нами только гравитационно. Это так называемый «зеркальный мир». Кроме этого, мы считаем почти несомненным, что большая часть обычного мира, нашего мира, тоже сосредоточена в невидимой для нас форме скрытой массы. Мы сейчас рассматриваем такую фантастическую возможность, что области, разделенные друг от друга миллиардами световых лет, имеют одновременно связь между собою при помощи дополнительных параллельных ходов, называемых часто «кротовыми норами», то есть мы не исключаем, что возможно чудо —

мгновенный переход из одной области пространства в другую, почти мгновенный, за короткое время, причем в этом новом месте мы появимся совершенно неожиданно или, наоборот, кто-то появится рядом с нами совершенно неожиданно.

Я говорю об этом, чтобы было понятно, какие потрясающие проблемы обсуждаются на грани науки; может быть, многое из того, что я сказал, особенно относительно «кротовых нор», и есть заблуждение, но просто это показывает ту смелость мысли физиков и астрофизиков, то любопытство переворачивания камушков, которые характерны для современной науки.

В нашем же столетии создание новых средств исследования, в особенности электронного микроскопа и методов химического и биохимического анализа, совершило переворот в познании основ жизни. Мы необычайно много узнали о биохимических механизмах жизни и наследственности. Одновременно мы поняли, что мы еще больше не знаем, чем знаем. Мы поняли, что жизнь — это наиболее сложное отражение возможностей природы. И для того чтобы познать эти процессы в их неизмеримой сложности, нам нужны новые методы исследования, новые методы анализа того, что происходит. Но одновременно с этими новыми проблемами возникли новые средства исследования, и среди них на первое место надо поставить развитие электронной вычислительной техники. Здесь мы уже имеем мост, один из бесчислен-

ных мостов, возникших в нашем столетии между фундаментальной наукой и наукой прикладной.

Развитие биологии и генетики, общее развитие науки о жизни сделало возможным зеленую революцию. И хотя проблема снабжения людей продовольствием продолжает нас волновать, но мы видим, что возможности тут колоссальные и препятствием на самом деле являются социальные, экономические причины, неравномерность экономического и культурного развития на нашей планете.

Прикладная наука совершила колоссальный переворот в медицине, в здравоохранении, в создании новых гигиенических условий жизни на земле. Воплощением этого и как бы символом, отражающим в себе все, явились открытие антибиотиков и победа над инфекционными болезнями. Так же, как с зеленой революцией, эта победа неполна. По-прежнему миллионы людей умирают от инфекционных болезней, но мы теперь уже понимаем, что это враг побежденный, ведущий арьергардные бои.

Центральным в техническом прогрессе является энергетика, и вот здесь наука тоже дала колоссальный прорыв в будущее. Для того чтобы этот прогресс был реализован, еще предстоит пройти большой путь, но положено начало, и это чрезвычайно важно, потому что мы знаем, что существует прямая зависимость между затратой энергии на каждого человека и продолжительностью человеческой жизни.

И когда говоришь и думаешь о практической прикладной науке, то понимаешь, что человечество не может отказаться от этого движения, не может отказаться от прогресса. Развитие человечества возможно только поступательное, никакое возвращение к прежнему, примитивному, натуральному хозяйству невозможно. И мы должны думать о том, чтобы прогресс шел так, чтобы его негативные стороны не могли оказаться превалирующими. Чтобы прогресс не угрожал человечеству! Это в первую очередь вопрос о том, чтобы прогресс не был использован для самоуничтожения человечества в великой, всеобщей войне. Одновременно это также преодоление гигантской экологической опасности, угрожающей человечеству. И решение, полное решение этих проблем получить очень трудно, тут не может быть окончательных и простых рецептов. Но одно представляется несомненным: разделение человечества на два противостоящих лагеря — это главный источник опасности, превращающий глобальные проблемы в непосредственную угрозу существованию человечества. Этот наиболее опасный раздел исторически идет по линии противостояния социалистической и капиталистической систем. И я убежден, что только сближение этих систем, прекращение их противостояния — это кардинальное решение глобальных проблем человечества.

И наконец, третья функция науки — наука как объединяющая сила. Наука более объективна, чем искусство, менее связана с амбициями, чем спорт. И хотя и в науке мы

часто встречаемся с негативными человеческими проявлениями, но все-таки они в ней, мне кажется, должны быть менее опасны, чем в других областях человеческой деятельности. И уже сейчас в современном мире мы видим эту интегрирующую функцию науки. Даже в такой маленькой точке, как наша личная судьба, это проявилось. Но еще важнее, в миллион, миллиард раз важнее беспристрастное, трезвое и дружественное внимание людей, в том числе людей науки, к тому, что происходит во всем мире.

Сейчас наша страна переживает критический период своей истории. Начавшийся несколько лет тому назад процесс достиг такого момента, когда люди, понявшие всю глубину кризиса своей страны, спрашивают себя и спрашивают власти: когда за словами последуют дела? Мы поняли, что за 70 лет наше общество показало свою экономическую несостоятельность, неспособность к истинному прогрессу, в том числе к техническому. Его экономическая система, созданная сталинизмом, на самом деле и есть сталинизм сегодня. Это неограниченная власть партийно-государственных монополий, воплощенная в двух параллельных структурах — структуре ведомств и разветвленной структуре партийного руководства. Эта система ответственна за бессмысленные зигзаги экономического развития, которые сопровождаются разрушением гигантских материальных ценностей. Одновременно она ответственна за разрушение экологии страны, которое носит невиданный, трагический характер. Она ответственна за самый

большой в мире уровень эксплуатации рабочей силы государственным капитализмом. Тут есть простая количественная характеристика: доля национального совокупного продукта, идущего на оплату рабочей силы. Эта доля в нашей стране составляет около 35%, то есть примерно вдвое меньше, чем во всех развитых странах. Я не говорю об отсталости всех социальных структур — это теперь уже широко известно в СССР и, я думаю, известно в какой-то мере на Западе — таких, как здравоохранение, образование и другие.

Наша страна стоит перед исторической задачей построения общества, в котором сочетаются экономическая эффективность и социальная справедливость. Сейчас у нас нет ни того, ни другого. От этого зависит судьба нашего народа, но одновременно зависит и то, чтобы мы перестали представлять угрозу всему миру.

Одновременно с процессами в нашем мире происходят грандиозные процессы в других странах, таких, как Китай, в развивающихся странах. Расправа над студентами в июне этого года — рубеж в истории Китая, когда его развитие по пути демократии и преобразований остановилось. Никакие прагматические соображения не могут оправдать то, что произошло в Китае.

Совершенно так же никакие временные прагматические соображения или соображения узконациональные не могут оправдать соглашательской политики по отношению к Советскому Союзу. Все взаимодействие Запада

с СССР, с Китаем и с другими социалистическими странами, где идет борьба за выбор правильного пути, должно строиться из одного только принципа — помогать движению к плюрализму и не давать возможности консервации застоя, укреплению сил сталинизма. Я говорю об этом в общей форме, конкретизация всегда сложна, и она требует индивидуального, конкретного рассмотрения, но общий принцип мне представляется несомненным, и именно из него надо исходить.

Во всем этом мировом комплексе вопросов роль науки, роль ученых совершенно исключительна. И, находясь в научной аудитории, испытываешь чувство оптимизма. Потому что чувствуешь, что находишься среди друзей, среди людей, которым небезразлично то, что происходит за пределами их специальности, и то, что они с помощью своей специальности могут сделать для общего блага. И если говорить о нашей стране, то это — способствовать плюралистическому развитию, а плюралистическое развитие — это часть того процесса конвергенции, которую я рассматриваю как кардинальную дорогу развития человечества. И я на этом кончаю и хочу вам сказать: спасибо за внимание!

ДОПОЛНЕНИЯ

1
ОЛЕГ МОРОЗ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ССЫЛКИ
(История одного интервью)

В ноябре 1986 года Виталий Лазаревич Гинзбург написал нам в Горький, что «Литературная газета» хотела бы взять интервью у Андрея, и если Андрей согласен, то корреспондент газеты приедет в ближайшие дни вместе с физиками Теоротдела... Андрей Виталию Лазаревичу ответил, что он не будет давать никаких интервью «с петлей на шее» (вот и Фучика вспомнили). Так что вопрос приезда и корра, и физиков отпал.

Е. Боннэр. «Постскриптум»

Идея сделать интервью с Сахаровым возникла у меня летом 1986 года, в июне или в июле, не помню точно. С одной стороны, это была совершенно безнадежная

Рассказ о том, как в начале января 1987 г. у А. Д. Сахарова было взято (но не напечатано) первое интервью для советской прессы.

Опубликовано в сборнике «Андрей Дмитриевич. Воспоминания о Сахарове» (М.: ТЕРРА, «Книжное обозрение», 1991).

идея: имя Сахарова по-прежнему произносилось шепотом. С другой — стало вдруг очевидно: проблема Сахарова, напряжение, которое существует вокруг его имени, — все это никому не нужно (как-никак второй год перестройки), от решения этой проблемы выиграли бы все. К тому же и тема для интервью имелась подходящая — наш длительный ядерный мораторий, сопровождаемый шумной пропагандистской кампанией. Полюбопытствовать у Сахарова, что он думает обо всем этом, было естественно: он ведь стоял у истоков и ядерного оружия, и борьбы с его испытаниями. Ну а после того как в советской печати появилась бы такая публикация, процесс легализации Сахарова, по моему разумению, начался бы неизбежно.

В июле — августе (до середины) я был в отпуске. После в сентябре в отпуск ушел Юрий Петрович Изюмов, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», с которым только и можно было заводить этот разговор: решить что-либо окончательно он, разумеется, был не в силах, но, прозондировав обстановку «в верхах», он, по крайней мере, мог бы сказать, стоит ли вообще «трепыхаться».

Связаться с Сахаровым я решил через Виталия Лазаревича Гинзбурга, академика, заведующего Отделом теоретической физики ФИАНа, в котором с 1969 года работал Сахаров (продолжал работать — или, но крайней мере, числиться — и во время пребывания

в Горьком). Мне было известно, что сотрудники отдела время от времени навещают Сахарова, проводят с ним домашний семинар, рассказывают научные новости.

Пока суд да дело, решил поговорить с Гинзбургом — возьмет ли он на себя такую миссию? Звоню ему домой: дескать, хотел бы поговорить с вами. Гинзбург: «Давайте поговорим». Я: «Не по телефону». Секундное недоумение. С Гинзбургом мы знакомы давно, лет двадцать, у нас самые добрые отношения, но обычно наши контакты происходят по телефону (впрочем, иногда мы даже переписываемся). Гинзбург приглашает меня приехать. Встречает насмешливой и вместе любопытной фразой (он вообще человек любопытный):

— Так что же это за вопрос такой, который нельзя решить по телефону?

Я объясняю, что за вопрос. На лице его некоторое разочарование и досада. С Сахаровым он много хлебнул, так что все ему до чертиков надоело. Он объясняет, что контакты у них совсем нерегулярные: последний раз двое сотрудников были в Горьком в мае месяце, ва. Дело в том, что жена Сахарова недолюбливает сотрудников ФИАНа, а потому, когда она находится в Горьком вместе с Сахаровым, он просит приезжать их только по ею вызову. Когда ее нет, дело обстоит проще.

— А почему же она вас недолюбливает?

— Она считает, что мы недостаточно его защищаем, — раздраженно говорит Виталий Лазаревич. — Мы что, должны с флагом идти на Красную площадь? Довольно того, что мы сохранили хоть какой-то канал общения с ним. Когда его выслали, они вообще не знали, что делать дальше. Рассчитывали свои действия только на один ход. Это я ведь тогда предложил, чтобы к нему регулярно ездили сотрудники, а они вообще не знали, что делать.

— В общем, так, — заключает Гинзбург, — сам я никакой инициативы проявлять не буду. Хватит. Если вы получите разрешение на интервью, — пожалуйста, я могу вам помочь, и связаться с «выдающимся ученым», и поехать к нему. Скорее всего, от нас поедет наш парторг Владимир Яковлевич Файнберг. Вы знакомы с ним?

Я сказал, что не знаком, но знаю это имя по научным публикациям.

Гинзбург объяснил мне, что он начнет действовать, если ему позвонят из президиума Академии. Позвонить, по-видимому, должен главный ученый секретарь Скрябин. Именно от него недавно был звонок с просьбой (и, естественно, благословением) побеседовать с корреспондентом западногерманскою журнала «Штерн» Марио Р. Дедериксом (статья М. Дедерикса «Мужество отчаяния», в которой были приведены несколько фраз Гинзбурга и его коллеги Евгения Львови-

ча Фейнберга о Сахарове, была опубликована в № 41 «Штерна» за 1986 год).

Мы еще немного поговорили о том о сем. Гинзбург меня порасспросил об откликах на его статью «Кое-что о крайностях бюрократизма», напечатанную в «Литературной газете» летом, рассказал, что у них в институте, да и вообще в Академии ничего не изменилось; пожалуй даже бюрократы «еще пуще взъярились», назвал Александрова... не вполне приличными словами, добавив, что ему давно уже пора уйти с президентского поста.

На том и расстались. У меня осталось впечатление, что Гинзбург недоволен моим визитом и вообще затеей с Сахаровым.

Эта беседа состоялась 26 сентября, а через неделю, 3 октября, я был в ФИАНе на капустнике, посвященном семидесятилетию Гинзбурга, вручил ему в качестве презента гранки с откликами на его статью. И вновь мне показалось, что он отнесся ко мне холодно.

Накануне, второго числа, мне удалось поговорить с вернувшимся из отпуска Изюмовым. Я зашел к нему в кабинет и сказал:

— У меня есть одна безумная идея.

И объяснил, в чем дело. Юрий Петрович со свойственной ему невозмутимостью отвечал, что эта идея совсем не безумная и что он берется поговорить о ней на Старой площади.

В соответствии с замыслом, уже известным читателю, в качестве темы для беседы с Сахаровым я предложил ядерный мораторий. К этому времени мораторий, объявленный нами в одностороннем порядке 6 августа 1985 года, продлевался уже четыре раза. Я был уверен, что Сахаров поддерживает идею моратория.

Недели через две я напомнил Изюмову о нашем разговоре. Он сказал, что не предпринимал пока никаких шагов, поскольку секретарь ЦК А. Н. Яковлев, к которому надо было бы в первую очередь обратиться, еще не вернулся из Рейкьявика (а прежде было не до того, ибо шла подготовка к Рейкьявику).

17 октября он мне позвонил по внутреннему прямому телефону и попросил, чтобы я подготовил короткую справку по этому вопросу для А. Б. Чаковского: лучше, если этим займется он (он только что вышел из отпуска). Изюмов уже говорил с Чаковским по этому поводу, тот просил прописать пояснее насчет посредничества В. Л. Гинзбурга.

Я тут же сел за машинку и написал:

«Предлагается подготовить интервью на тему «Советский мораторий на ядерные испытания: его значение и перспективы, ближайшие и отдаленные». Публикация такого интервью могла бы принести многие политические выгоды.

Вопросы в Горький мог бы передать кто-либо из сотрудников Теоретического отдела Физического инсти-

тута Академии наук СССР, которые регулярно ездят в этот город. Принципиальное согласие на этот счет заведующего отделом академика В. Л. Гинзбурга имеется. Соответствующие указания он должен получить от президента Академии наук СССР, скорее всего — от главного ученого секретаря академика Г. К. Скрябина».

22 октября Юрий Петрович сказал мне, что «добро» на интервью с Сахаровым получено и что я могу действовать. Он добавил, что действовать надо энергично, поскольку интервью с Сахаровым добивается также редактор «Нового времени» Игнатенко. Воистину идея витает в воздухе.

Через полчаса мне позвонил В. Л. Гинзбург и уж совсем другим голосом — как обычно, веселым и энергичным, — осознав, должно быть, что все это не пустые прожекты, сообщил, что ему звонил заместитель Скрябина член-корреспондент Хохлов насчет интервью с Сахаровым и просил позвонить по «вертушке» В. Кобышу в ЦК.

— Вы знаете, — говорил Гинзбург, — я впервые в жизни говорил по «вертушке».

Я сказал сначала, что у меня нет «вертушки», но Хохлов посоветовал, чтобы я позвонил из кабинета нашего директора Басова. Кобыш передал мне вашу просьбу и просил, чтобы я помог вам поговорить с интересующим вас лицом. Так что с этой стороны все в порядке. Теперь я поговорю с нашим начальником ре-

жима и, если и у него не будет возражений, напишу письмо в Горький, а уж там как получится. Я совсем не уверен, что наш сотрудник захочет давать интервью. Но со своей стороны я все сделаю.

Через несколько минут снова позвонил Изюмов. Он сказал, чтобы я готовил вопросы, но с самим интервью все-таки повременил бы, поскольку это дело согласовано «не до самого конца». Я отвечал, что мне уже звонил Гинзбург и что он начинает действовать.

— Ну он-то пусть действует... — сказал Юрий Петрович.

Очередной звонок Гинзбурга — 29-го. Он сказал, что все в порядке, письмо подготовлено, но эти... — он ввернул крепкое словечко, — почему-то могут его отправить только завтра. Я ответил, что ничего — днем раньше, днем позже...

Письмо В. Л. Гинзбурга А. Д. Сахарову:

«Дорогой Андрей Дмитриевич!

Большое спасибо за Вашу телеграмму, которую я позавчера получил.

У меня накопилось несколько дел, о которых и пишу.

1. Еще в начале сентября Е. Л. Фейнберг послал Вам письмо, в котором спрашивал, хотите ли Вы, чтобы кто-то из сотрудников приехал и когда. Но никакого ответа мы до сих пор не получили.

2. С месяц назад из Президиума АН СССР попросили, чтобы Е. Л. и я дали интервью корреспонденту не-

мецкого журнала «Штерн». Этот корреспондент (фамилии не помню) и с ним еще один иностранный корреспондент, не знаю откуда, пришли к нам в ФИАН, и мы с Е. Л. отвечали на его вопросы (второй корреспондент в основном молчал), касающиеся Вашей работы в отделе и вообще. Никакого текста у меня нет, мы говорили правду, насколько четко и удачно, не знаю. Мне как раз сегодня сказали, что в «Штерне» появился какой-то материал, но я его не видел, надеюсь, они не переврали, но ручаться, конечно, не могу.

3. Ко мне обратился зав. отделом науки «Литературной газеты» Олег Павлович Мороз. Я его давно знаю, правда, не близко, но имею вполне определенное положительное мнение. Последнее вытекает, в частности, из его многочисленных статей в газете. Так вот, у О. П. Мороза возникла идея взять у Вас интервью, преимущественно о моратории на ядерные испытания, о его значении для замораживания гонки вооружений и т. п. Я ответил, что против его идеи, конечно, ничего не имею и был бы рад появлению Вашего интервью. Однако обращаться к Вам я не буду до тех пор, пока мне не сообщат, что при Вашем согласии интервью возможно. Сейчас мне как раз сообщили, что препятствий для реализации замысла О. П. Мороза нет. Таким образом, как нам кажется, если Вы согласны и готовы дать интервью, то лучше всего, если О. П. Мороз приедет к Вам с нашей очередной парой сотрудников. Мы предполага-

ем, что одним из них может быть В. Я. Файнберг или Е. С. Фрадкин.

Ждем Вашего ответа.

Привет Елене Георгиевне. Привет от Евгения Львовича.

29. 10. 86 г.

Ваш В. Л. Гинзбург.

P. S. Как Ваше здоровье? Само собой разумеется, желаю всего наилучшего».

Ответ пришел 10 ноября. Фототелеграмма:

«Огорчен, что Вы и Евгений Львович дали интервью «Штерну» без согласования со мной. Прошу прислать опубликованный текст (номер журнала), если необходимо, приложив усилия.

Не считаю возможным давать интервью «Литературной газете», вообще кому-либо...»

Далее следовало по-английски или по-немецки (а может быть, просто русский текст был транскрибирован латинскими буквами — у меня имеется лишь машинописная копия фототелеграммы):

«...находясь в беззаконной депортации и изоляции — с петлей на шее.

Жду в первую очередь приезда Б. Л. Альтшулера и Ю. А. Гольфанда. Письмо с этой просьбой послано ранее.

В письме М. С. Горбачеву (от 23. 8. 86) (копия М. А. Маркову) мною выражено желание принять участие в обсуждениях мирной термоядерной проблемы (МТР, лазерное обжатие). Прошу всех сотрудников, в частности А. Д. Линде, подчеркивать это при международных контактах.

Высылаю для сведения копию письма.

6. XI. 86 *С уважением А. Сахаров».*

Та часть текста, где Сахаров говорит о своем огорчении по поводу того, что Гинзбург и Фейнберг дали интервью журналу «Штерн», не показав предварительно текст ему, Сахарову, вызвала у Виталия Лазаревича негодование:

— Почему я должен ему что-то показывать? Это ведь мое интервью. Я уже говорил ему, чтобы он оставил свои главлитовские замашки.

Я попросил, чтобы сотрудник, который поедет к Сахарову, все-таки еще раз поговорил с ним об интервью. Может быть, его решение было принято импульсивно, может быть, он не понимает, на каком уровне было дано «добро».

— Да все он понимает! — отвечал Гинзбург раздраженно. — Этот уровень оказывает на него обратное действие.

Он сказал, что вряд ли кто-нибудь из сотрудников вообще поедет к Сахарову.

Отступать не хотелось. Но и приставать к раздраженному Гинзбургу было неудобно. Я позвонил его сотруднику, давнему знакомому Борису Михайловичу Болотовскому: он раз или два ездил к Сахарову в Горький. Встретились с ним возле Библиотеки имени Ленина. Я посадил его к себе в машину, подвез до дома. По дороге объяснил, в чем дело, попросил сделать одолжение: если все же кто-то поедет в Горький, передать с оказией мои вопросы. Болотовский обещал. Постояли возле его дома. Мой путник рассказывал об эпизодах своей работы с Сахаровым, о встречах с ним.

Этот разговор состоялся 11 ноября.

Дня через два я все же решил послать вопросы, не дожидаясь оказии, прямо по почте. Несколько смущаясь, позвонил Гинзбургу, чтобы уведомить его об этом намерении. Виталий Лазаревич отнесся к этому спокойно.

— Пожалуйста, посылайте, — сказал он. — Только я тоже посылаю ему письмо, в котором объясняю, что вы не какой-нибудь там неизвестный журналист, а человек хорошо нам известный. Так что вам есть смысл подождать недельку, пока он получит мое письмо — я его посылаю в понедельник 17-го.

На том и остановились — что я неделю подожду. Отправлю вопросы числа 24-го. Гинзбург дал мне адрес Сахарова в Горьком.

Письмо В. Л. Гинзбурга А. Д. Сахарову от 17 ноября 1986 года (привожу его с сокращениями):

«Дорогой Андрей Дмитриевич!

Ваше фотописьмо я получил 10 ноября. Отвечаю не сразу, ибо хотел дождаться копии, о которой Вы упоминаете. Однако не получил ее (сегодня 17 ноября) и решил не откладывать настоящее письмо.

В ответ на Ваше фотописьмо хочу заметить следующее.

1. В вопросе о Вашем гипотетическом интервью «Литгазете» моя роль сводилась лишь к тому, чтобы сообщать Вам о предложении О. П. Мороза и, особенно, о нем самом. Это не какая-то темная личность, а известный мне квалифицированный и прогрессивно настроенный журналист. В тот же день, когда получил Ваше фотописьмо, я позвонил О. П. Морозу и сообщил о Вашем отказе дать ему интервью.

2. Журнала «Штерн» у меня нет, получить его я, вероятно, не могу, да и нет у меня такого желания. Я получил, однако (прислали в ФИАН), русский перевод (и рад этому, ибо совсем забыл немецкий язык) того куска из «Штерна», который касается Вас. Копию (полную и точную) полученного мной текста прилагаю. Там имеется, по фразе соответственно, от имени Е. Л. и моего. Передано неточно, но спасибо и за то, что не совсем наоборот. Вот и все «интервью». Оно было для

корреспондента, по-видимому, лишь поводом посетить ФИАН. Странно, что наш первый этаж он счел третьим этажом. Табличка на двери Вашей комнаты, действительно, как висела, так и висит — это не «потемкинские деревни» в честь западного корреспондента.

К сожалению, не могу обойти молчанием первую фразу Вашего фотописьма («огорчен, что Вы и Е. Л. дали интервью «Штерну» без согласования со мной»). Как это понимать? Во-первых, что и как в разговоре можно «согласовывать», если устно отвечаешь на заранее неизвестные вопросы? Во-вторых, почему, отвечая на какие-то вопросы от своего и только от своего имени, я должен что-то согласовывать? Подобное требование (или пожелание) особенно странно, когда оно исходит от Вас.

3. Буду, естественно, очень рад Вашему возвращению в Москву, но мне совершенно неизвестно, когда это произойдет. Поэтому кажется целесообразным уточнить Ваши взаимоотношения с нашим Отделом.

Недавно в ФИАНе прошла переаттестация научных сотрудников. Вы остались в прежней должности старшего научного сотрудника и с прежним окладом (400 руб. в месяц). Замечу, что ни одному из наших старших сотрудников (включая, конечно, и меня) зарплата повышена не была.

В отношении посылки Ваших статей в печать и пересылки Вам литературы, насколько я знаю, все обстоит благополучно.

Теперь о поездках к Вам сотрудников Отдела. Они ездят только для научных контактов и вполне добровольно — каждый раз мы спрашиваем, может ли и хочет ли сотрудник поехать. Был случай, когда один из сотрудников (он у Вас никогда не был) ответил, что ехать не хотел бы, если ему не прикажут. Разумеется, «приказа» не последовало. Вполне допускаю, что и еще кто-то не захочет ездить. В таких случаях я не считаю возможным оказывать какое-либо давление. Уверен, что и Вы не хотели бы, чтобы к Вам ездили как-то недобровольно. Другая сторона медали — наши сотрудники ездят и могут ездить к Вам только в служебные командировки. Это необходимо, поскольку они ездят в служебное время, нужно оплачивать проезд, и, наконец, без командирования к Вам нельзя попасть. Поэтому для каждой поездки мы направляем в дирекцию стандартные бланки с просьбой о командировке. Никаких трудностей у нас с этим, если правильно помню, не было. Отсюда ясно, что направлять к Вам я могу только сотрудников нашего Отдела...

Если Вы хотите, чтобы к Вам в ближайшее время приехали сотрудники Отдела, пожалуйста, сообщите.

С уважением В. Л. Гинзбург.

P. S. Пользуюсь случаем приложить два своих ненаучных опуса и несколько оттисков научных статей».

После разговора с Гинзбургом я засел за вопросы, которые я не терял надежды задать-таки Сахарову. И тут выяснилось, что придумать их не так-то легко. Слишком узкая тема — мораторий. Вопросы получались неинтересными:

«1. Более года СССР не проводит ядерных испытаний, добровольно придерживается моратория. Какое значение, по Вашему мнению, имеет этот мораторий для сегодняшней обстановки в мире и для будущего развития событий, для решения проблемы прекращения гонки вооружений?

2. Следует ли, на Ваш взгляд, продлевать мораторий, если США не присоединятся к нему?..»

И вдруг мне в голову приходит простая мысль, что я просто не успеваю со своими вопросами. Допустим, я пошлю их 24-го. Сахаров получит их в начале декабря. Предположим, он быстро ответит и ответит положительно. Все равно наша встреча не сможет состояться раньше 15 декабря. О чем мы с ним будем беседовать? О моратории, срок которого истекает через полмесяца и совсем не ясно, будет ли он продлен еще раз (скорее всего, нет — сколько можно продлевать?).

Единственный выход теперь уже — повременить с посылкой вопросов, отправить их сразу после Нового года, когда все станет ясно. Тогда можно будет говорить о новой ситуации.

События, однако, развивались быстрее, чем можно было ожидать. 19 декабря было опубликовано Заявление Советского правительства, в котором, как и ожидалось, речь шла о том, что СССР не может продолжать мораторий до бесконечности, говорилось, что в новом, 1987 году испытания будут возобновлены после первого ядерного взрыва в США.

Ускоренно развивались и события другого рода. 19 декабря ко мне зашел Саша Егоров и сказал: только что по радио передано сообщение — Сахаров возвращается из Горького в Москву. На следующий день оно появилось в газетах:

«В. Ф. Петровский официально проинформировал собравшихся (дело происходило на пресс-конференции в МИД. — *О. М.*) о том, что академик А. Д. Сахаров обратился с просьбой к советскому руководству разрешить ему перебраться в Москву. Просьба эта была рассмотрена соответствующими организациями, в том числе Академией наук и административными органами. Был, в частности, принят во внимание факт, что академик Сахаров в течение длительного времени находится в Горьком, и в результате рассмотрения этой просьбы было принято решение разрешить вернуться академику Сахарову в Москву. Одновременно Президиум Верховного Совета СССР принял решение о помиловании гражданки Боннэр. Таким образом, и академик Сахаров, и Боннэр имеют возможность вернуться

в Москву, а академик Сахаров может активно включиться в академическую жизнь теперь на московском направлении деятельности Академии наук».

Мой товарищ Юра Рост решил встретить Сахаровых на вокзале (он не знал о моих намерениях сделать интервью, так же, как я не знал об этих его намерениях пофотографировать и записать слова Сахарова на перроне, — это уж он после мне все рассказывал). Узнал дату приезда — 23 декабря, но номер поезда никак не мог выяснить. Позвонил двум-трем знакомым, которые вроде бы должны были знать, но те ничего не сказали и к тому же струсили. Стал рассуждать логически: наверняка это должен быть поезд, отправляющийся из Горького, а не проходной. Позвонил в справочную. Первый такой поезд прибывает в Москву в четыре с чем-то. Вряд ли, конечно, они приедут с этим поездом — неудобный, но вдруг все-таки... Сел в машину, отправился на Ярославский вокзал. Мимо. На перроне ни одного иностранного корреспондента. Следующий поезд — в семь с чем-то. Вернулся домой, подремал часа полтора, снова сел в машину. Уже подъезжая к трем вокзалам, заприметил впереди «Тойоту» с красным номером, начинающимся на «К», и сразу понял: точно, этот поезд. У вокзала стояло несколько десятков таких машин. Посмотрел на расписание: поезд должен прийти на первую платформу, но, когда разыскивал первую, услышал по радио: поезд такой-то прибывает на платфор-

му 1-а. У подвернувшегося носильщика спросил, где платформа 1-а. Носильщик махнул рукой в ту сторону, куда следовало двигаться, и подмигнул понимающе:

— Все ваши уже там.

Пройти на платформу 1-а оказалось не так-то просто. Блуждая, Юра выскочил на соседнюю с ней, увидел напротив толпу корреспондентов. Чтобы не обходить, спрыгнул прямо на пути.

— Ни один из наших зарубежных друзей руки не подал! — после рассказывал он.

Кое-как Юра вскарабкался на платформу. Корреспонденты толпились возле остановки первого вагона, видимо, не зная, в каком вагоне приедут Сахаровы. Опять-таки, рассуждая логически, Юра «вычислил»: они должны быть в СВ. И когда горьковский поезд стал втягиваться между платформ, мой приятель ринулся вдоль вагонов, заглядывая в окна. Помимо обычного репортерского желания оказаться на месте события первым, им двигала жажда «утереть нос» невежливым «зарубежным друзьям». Естественно, он оказался первым возле СВ, успел сделать несколько снимков выходившего из вагона академика и занять удобную позицию с магнитофоном, прежде чем нахлынула сообразившая, в чем дело, толпа «зарубежных друзей» — всего человек сто (был, правда, в этой толпе еще один наш фотокорреспондент). Елене Георгиевне удалось довольно легко добраться до машины, а Сахаров минут сорок пробивал-

ся через толпу. Впрочем, толпа двигалась и останавливалась вместе с ним.

Так в этом монолитном движении и периодических остановках и происходила первая пресс-конференция Сахарова на московской земле. Кто-то выкрикивает вопрос. Тут же раздается другой. Академик теряется, на какой отвечать. Старается отвечать на оба. Получается мешанина. После выясняется, что выкрикнувший какой-то вопрос не расслышал ответа — вопрос повторяется. Сахаров покорно повторяет свой ответ.

— Как вы расцениваете свое освобождение?

— Я удовлетворен. Меня защищали собратья-ученые. Защищали государственные деятели. Защищали просто друзья. Защищали мои дети. Наконец, защищала моя жена. Да, именно эта защита сделала возможным наше освобождение.

Толпа корреспондентов еще не отошла от вагона. Чей-то возмущенный вопль:

— Дайте пассажирам выйти, товарищи! Да что же вы делаете!

Дуплетом:

— Как вы себя чувствуете?

— Как вы оцениваете международное и внутреннее положение?

— Я — ничего. Жена в плохом состоянии приехала. Ноги ее болят. Это, наверное, еще последствия контузии. Военной. Что касается политики... В вопросах по-

литики я еще не разобрался, но я очень заинтересован всем тем, что происходит в стране, и хочу составить свое мнение.

Над толпой стоит гул. Слышатся обрывки фраз. В великом возбуждении, оттирая друг друга, братья-журналисты норовят просунуть каждый свой вопрос.

— Как вы предполагаете — остаться в Москве или дальше поехать, за границу?

Спрашивающий, видно, совсем не представляет себе реальную ситуацию в нашем отечестве.

— Я не предполагаю, что мне будет это разрешено, и я не претендую на это поэтому.

Кто бы мог подумать тогда, что не пройдет и двух лет, как «сверхзасекреченный» Сахаров отправится в поездку в Америку, после — в Западную Европу, будет принят Папой Римским в Ватикане...

Настает и для Роста черед вставить слово:

— Андрей Дмитриевич, чем вы собираетесь заниматься?

— Я занимаюсь космологическими проблемами, теорией элементарных частиц. Я буду заниматься также — вновь вернусь — проблемой управляемой термоядерной реакции.

Из задних рядов кто-то кричит:

— Андрей Дмитриевич, сюда, пожалуйста!

Сахаров озирается растерянно.

Голос с акцентом:

— Андрей Дмитриевич, об Афганистане... Какие у вас чувства сейчас?

— Что вы говорите? — переспрашивает Сахаров.

— Об Афганистане — какие у вас чувства?

Видно, что Сахаров заранее обдумывал ответ на этот вопрос. Говорит несколько официально:

— Я считаю, что это самое больное место в нашей международной политике. И я надеюсь, что в этой области будут приняты еще более решительные меры, чем сейчас. Более решительные и более кардинальные. Я на это надеюсь.

Спрашивают, действительно ли ему в Горький звонил Горбачев?

— Да, пятнадцатого числа нам установили телефон. Неожиданно, ночью. Мы даже немножко испугались. А шестнадцатого в три часа позвонил Михаил Сергеевич Горбачев, сказал, что принято решение о моем освобождении, что я смогу вернуться в Москву и сможет вернуться в Москву Боннэр, как он сказал, — неправильно назвал фамилию моей жены. И я ему сказал, что я благодарен за это решение, но что мои чувства очень смутные, потому что это совпало с огромной трагедией — со смертью Анатолия Марченко, замечательного человека, героя борьбы за права человека. И я ему напомнил о своем письме от 19 февраля об освобождении узников совести, людей, пострадавших за убеждения, не применявших насилия. И сейчас, после смерти Мар-

ченко, мои мысли об этом еще более напряженные, более трагические. Потому что — кто следующий? Кто погибнет следующий? Это недопустимо для нашей страны — то, что у нас есть узники совести, люди, страдающие за убеждения. Я постараюсь приложить максимум усилий, сделать, что от меня зависит, для того, чтобы это прекратилось.

В этом весь Сахаров: сразу же вслед за словами благодарности, не ограничиваясь ими, — сказать то, что его высокопоставленному собеседнику будет явно неприятно слышать, но что он, Сахаров, не сказать не может.

В течение всего этого монолога постоянно слышатся выкрики:

— Задние, не напирайте! Не напирайте, задние!

Сахаров терпеливо их пережидает и продолжает свою речь.

— Анатолий Дмитриевич, какие у вас сейчас чувства, что вы в Москве?

Кто-то перепутал имя академика.

— Я очень рад, что я в Москве. Я, конечно, отвык от шума, отвык от людей. Для меня такая масса людей непривычна, и создается какое-то ощущение стресса. Но я понимаю, что мое освобождение — это очень важное для меня дело...

Снова вопрос того же журналиста с восточным акцентом, видимо, не расслышавшего ответ об Афганистане:

— Какие у вас чувства об Афганистане сейчас?

— Я сказал, что я надеюсь, что будут приняты более решительные меры для прекращения этой трагедии.

— Какой у вас был разговор с Марчуком?

— Разговор с Марчуком... Если уж так говорить, то это был развернутый вариант того же самого разговора, который был с Михаилом Сергеевичем.

Вопли:

— Сзади не давите! Не давите сзади! Держите немного сзади!

— А вы этого не ждали сейчас — освобождения?

— Сейчас я этого не ждал.

— Какой у вас план сегодня?

— Я еду домой, немного отдыхаю, потом я еду на семинар в Физический институт Академии наук, где я работаю.

Толпа несет Сахарова. Отчаянный вопль:

— Андрей Дмитриевич, постойте с нами! Десять минут!

Один из сопровождающих академика:

— Мы не можем больше.

Сахаров подтверждает:

— Я больше не могу.

— Вы понимаете, господа, или нет?! Дайте пройти! — сопровождающие пытаются пробиться сквозь толпу.

— Я уже сказал все, что я мог сказать с ходу.

Опять слышится мольба:

— Весь мир ждет ваши слова, а мы кадр не получили пока. Будьте добры, постойте пять минут! Вот здесь на месте, со всеми.

— Ну что ж, если все смогут это сделать... (толпа несет).

Решительные возгласы разных людей:

— Стоп!!! Остановиться! Шире круг! Чуть-чуть пошире встаньте все! Раз! Два! Три!

Остановились. Щелкают затворы фотоаппаратов. Опять прорезается чей-то громкий голос:

— Андрей Дмитриевич, скажите пожалуйста, какие у вас чувства сейчас?

— Чувство радости, чувство волнения и чувство того, что все еще в мире очень трагично. Трагична судьба моих друзей, находящихся в лагерях и тюрьмах. Я не могу ни на минуту освободиться от ужаса от мученической смерти, смерти в бою с несправедливостью моего друга Анатолия Марченко. Я надеюсь, что после моего освобождения последует освобождение других...

По мере того как задние протискиваются вперед, одни и те же вопросы задаются вновь и вновь. Сахаров терпеливо отвечает на них. Импровизированная пресс-конференция идет кругами, всякий раз начинаясь как бы заново.

— Вы можете нам сказать что-нибудь про Михаила Сергеевича — как он вам позвонил?

— Он позвонил совершенно неожиданно. Он сказал, что принято решение... Что вы сможете вернуться в Москву, и может вернуться в Москву Боннэр. Я сказал: это моя жена.

— А где ваша жена сегодня? Ее что-то не видно здесь.

— Она приехала вместе со мной и, я надеюсь, уже дошла до машины. Потому что стоять она не может, она больной человек.

— Отец, ты у меня хлеб отбиваешь, — пошутил я, встретив Юру в редакции. — Я ведь уже два с лишним месяца этим занимаюсь...

Мы договорились, что дальше будем действовать вместе. Юра заедет к Сахаровым домой, чтобы вручить им снимки, сделанные на вокзале, напомнит о письме Гинзбурга, обо мне и договорится об интервью.

Он поехал к ним в субботу 27 декабря. Возле подъезда увидел три корреспондентские машины. Решил, что лучше заехать позже. Через час машин не было. Но нет, как выяснилось, и Сахарова. Дверь открыла Елена Георгиевна. Отвоевывая за разговорами миллиметр за миллиметром прихожей, Юра протиснулся до холодильника и в конце концов договорился, что Сахаров примет нас 3 января в полдень: оказалось, что все более ранние дни расписаны у него по минутам.

Однако мы решили не ждать третьего. Мы знали, что еще в день приезда, 23-го, Сахаров побывал на от-

дельском семинаре в ФИАНе (он собирается по вторникам в 3 часа). На следующий день я позвонил Гинзбургу. Оказалось, что он на этом семинаре не был. Я просил, не может ли он посодействовать, чтобы мы поговорили с Сахаровым в институте (по некоторым соображениям это казалось мне предпочтительнее, чем беседа дома). Виталий Лазаревич переадресовал меня к Владимиру Яковлевичу Файнбергу, обещав, что он попросит его помочь мне. Файнберг сказал, что в положении Сахарова пока не все понятно, «есть противоречия», но он поговорит с ним во вторник, так что я могу позвонить ему, Файнбергу, во вторник вечером.

Мы решили поехать прямо на семинар. Утром 30-го я позвонил в канцелярию института (телефон мне дал Гинзбург) и попросил заказать пропуска на сегодня. Выяснилось, что заказывать надо было накануне. Однако женщина на том конце трубки, узнав, что мы из «Литгазеты» к Гинзбургу (так я сказал для маскировки), видимо, возжелала нам помочь. Спросила фамилии, с портфелями или без портфелей мы будем. Я сказал, что с портфелями. Она посоветовала сдать их в камеру хранения. Объяснил, что мой коллега непременно должен пройти в институт с сумкой — там будет фотоаппаратура. Позднее я узнал, что в институте вообще запрещено фотографировать, но женщина записала, что Рост пройдет «с портфелем».

Пропуска нам выписали на два часа дня (семинар — в три), но мы опоздали, подрулили к проходной с улицы Вавилова, когда было минут двадцать третьего. В институт прошли нормально. Немного поплутали в поисках Теоротдела — я знал, что он на первом этаже, где-то в левом крыле, но никогда там не был. Выяснилось, что пройти надо через второй этаж. Идя по коридору мимо кабинетов, на которых от руки написаны фамилии, я увидел фамилию Болотовского. Зашли. Борис Михайлович тут же взялся проводить нас в кабинет Сахарова. Последняя комната направо по длинному коридору с высоченным потолком. Сначала входишь в общую комнату, где стоят несколько столов, справа от входа — дверь с фамилией «Сахаров». Под недоуменными взглядами обитателей большой комнаты заглянули в сахаровский кабинет. Небольшие размеры вкупе с высоким потолком и задернутыми шторами придавали ей вид колодца. Пусто, холодно, неуютно. В отсутствие академика здесь обретается́ какой-то аспирант. После выяснилось, что это молоденький парнишка, которого мы встретили в коридоре при входе в общую комнату (он предупредительно оставил кабинет в ожидании его хозяина).

Пошли пить чай к Борису Михайловичу. Он сварил нам чифирь в каком-то приспособлении — оказывается, покупном (а я думал — самодельное изобретение физиков).

Через некоторое время еще раз наведались к академику. Его по-прежнему не было, и по-прежнему у входа в общую комнату робко дежурил мальчик-аспирант.

Решили, что академик уже не придет, хотя Борис Михайлович уверял нас, что семинар проводят сегодня единственно из-за Сахарова: руководитель семинара Евгений Львович Фейнберг собирался отменить его — дело предновогоднее, 30 декабря, — но Сахаров попросил его не делать этого: он соскучился по семинарам.

Объявился Фейнберг. Сразу понравился. Твердый разумный человек. Между прочим, он сказал, что не хотел бы, чтобы Сахаров сейчас на полную катушку излагал свои взгляды: это может повредить «руководителю». Мы про себя усмехнулись: кто же даст на полную катушку?

Примерно без десяти пошли в конференц-зал. Он располагается на третьем этаже. Только вошли в фойе перед залом, и сразу все вздрогнули: «Вот он!!!» Так, должно быть, вздрагивает Гамлет, когда сторожа показывают ему внезапно появившийся призрак его отца. Сахаров сидел в кресле посреди пустого фойе, перед ним стояли три-четыре человека, с которыми он беседовал. Мы хотели было направиться прямо к нему, но Фейнберг предупредил это наше движение: «Нет, не надо». Он затолкал нас в зал, а сам направился к Сахарову.

Минут через пять он подошел к нам:

— Он готов ответить на ваши вопросы, но сегодня у него цейтнот. И он просил дать вопросы заранее.

Мы сказали, что они у нас готовы.

— Пойдемте я вас познакомлю.

Мы снова вышли в фойе. Сахаров уже встал и шел по направлению к залу. Мы познакомились.

— Я готов ответить на ваши вопросы, — сказал Сахаров, — если вы дадите гарантии...

— Гарантии может дать только Госстрах, — пошутил я.

Юра дернул меня за рукав.

— Нет, это меня не устраивает, — твердо сказал Сахаров. — Вы должны мне обещать, что, если изменения в тексте окажутся неприемлемыми для меня, я буду иметь возможность отказаться от публикации.

Мы сказали, что обещаем.

Уточнили время встречи: Сахаров сказал, что он готов встретиться 3 января у него дома, но не в двенадцать (Елена Георгиевна не знала некоторых обстоятельств), а в два.

— Сколько вам потребуется времени?

— Наверное, хватит часа, — легкомысленно ответил я.

— Хорошо, — сказал Сахаров, а Юра снова меня дернул.

— Может быть, мы разговоримся и несколько превысим этот регламент, — попытался поправить мою оплошность Юра.

Сахаров ничего не ответил.

Параллельно у Сахарова шел разговор с другими людьми — физиками, толпившимися возле него. Он посетовал, что ему беспрестанно звонят (уже подключили дома телефон).

— Вы напрасно делаете, Андрей Дмитриевич, что не выключаете его, — сказал кто-то.

— Не могу, — отвечал Сахаров серьезно. — Есть слишком веские основания, чтобы не отключать.

— Ну, извините, я должен идти на семинар, — стал он с нами прощаться несколько церемонно. Я подарил ему страницу из «Литературной газеты» с моим очерком о Тамме.

Пошли в зал. Он был почти пуст — человек сорок впереди возле сцены. Сахаров сел впереди, во втором ряду. Я примостился сзади с Болотовским и еще одним сотрудником ФИАНа, мне не знакомым. Юра пошел фотографировать.

Первым выступал Давид Абрамович Киржниц, блестящий теоретик. Его доклад был довольно короткий — минут десять-пятнадцать. Следующий доклад занял часа полтора, причем почти все время проходил в темноте (слайды). К великому изумлению физиков, Юра снимал и при таком, совсем тусклом освещении. («Вы что, в инфракрасных лучах снимаете?» — после удивленно спрашивали они его).

Сидя на отшибе, мы с моими соседями говорили о том о сем, главным образом, об общеинтересных новостях политики. После Болотовский ушел, сказав, что ему еще нужно вписать формулы в статью.

Проходя мимо меня с фотоаппаратом, Юра бросил разочарованно:

— Спит академик.

Вскоре мой второй сосед тоже ушел. Я пересел поближе и с удивлением увидел, что Сахаров в самом деле «кемарит». Какое-то время он сидел, держа голову прямо. Однако потом она медленно начинала склоняться набок и, склонившись до предела, какой-то срок оставалась в таком положении. Потом он вдруг встряхивался и с интересом уставлялся на докладчика. Через некоторое время все повторялось снова.

Потом физики нам объяснили, что это не свидетельствует о старости и дряхлости, как мы уже было подумали. Так бывало и прежде. Когда Андрей Дмитриевич слышит то, что ему знакомо, что он знает, он начинает дремать. Но стоит докладчику начать излагать что-то новое, Сахаров улавливает это чутким слухом, и бодрость возвращается к нему.

На третьего докладчика времени не осталось. По просьбе Фейнберга, он лишь коротко рассказал о содержании доклада, так сказать, представил его аннотацию.

По окончании семинара Юра договорился с Сахаровым сфотографировать его в кабинете, и мы снова от-

правились в Теоротдел. Однако идти собственно в кабинет Сахаров отказался:

— Это не мой кабинет, я там не бываю.

Вот те на! А теоротдельцы все семь лет берегли эту табличку, с гордостью показывали посетителям пустующий кабинет опального академика.

Андрей Дмитриевич сел за один из столов в общей комнате и стал звонить в диспетчерскую, чтобы за ним прислали машину. В это время Юра и фотографировал.

Я пошел в канцелярию отметить пропуска. Женщина с горящим взором (в этот вечер все в институте были как-то возбуждены), ставя печати, спрашивала меня:

— Вы действительно фотографировали?

Она не могла поверить, что такое возможно: фотографировать Сахарова. Где? — В ФИАНе.

Я сказал, что фотографировал не я, а мой товарищ.

— Ну, что с машиной для академика, все в порядке? — бодро вопросил В. Я. Файнберг, входя в комнату.

— Вы знаете, диспетчер говорит, что с автотранспортом трудно, — растерянно отвечал Сахаров.

Мгновенно отреагировав, Юра ринулся вперед и предложил свои услуги (мы приехали на его «Жигулях»).

— Но мне по дороге надо заехать в одно место, — неуверенно отвечал академик.

— Заедем.

Попросил подвезти его и Аркадий Бенедиктович Мигдал, участвовавший в семинаре. Он живет на Ленинском проспекте, неподалеку от академической гостиницы.

Юра сказал, что он записал на магнитофон беседу Сахарова с корреспондентами по возвращении из Горького, на вокзале. Присутствующие пожелали ее послушать. Юра включил.

«— Как вы расцениваете свое освобождение?

— Я удовлетворен. Меня защищали собратья-ученые. Защищали государственные деятели. Защищали просто друзья. Защищали мои дети. Наконец, защищала моя жена. Да, именно эта защита сделала возможным наше освобождение...

— Как вы себя чувствуете?..

— Я — ничего. Жена в плохом состоянии приехала. Ноги ее болят. Это, наверное, еще последствия контузии... Военной...»

Однако было видно, что Сахаров неловко себя чувствует во время этого прослушивания.

— Поедемте, — сказал он через некоторое время.

Мы отправились в гардероб.

Рост, Мигдал и я, как гости института, должны были выйти через проходную на улицу Вавилова, Сахаров — через другую, на Ленинский проспект. Мы обогнули институт по улице Губкина, подъехали к проходной, из темноты на свет нашей машины вышел неказистый че-

ловек в синей куртке и серой, наподобие солдатской, ушанке.

Выяснилось, что Сахарову надо заехать в магазин «Тысяча мелочей», купить напольные весы: после голодовок он вынужден следить, как набирается вес.

В машине разговор идет о том, о сем. Сахаров говорит, что недавно они с женой видели Мигдала по телевизору, была какая-то передача об экстрасенсах, о том, как физики к ним относятся.

— Вы знаете, сейчас появилась лаборатория очень серьезная, — говорит Мигдал, — которая изучает поля, окружающие человека. — И они поняли многое такое, что было непонятно. Прежде мы думали, что это чистое жульничество — все эти карты Зенера и прочее...

— А я до сих пор так считаю, — рассеянно роняет Сахаров.

— Я до последнего времени тоже так считал, — продолжает Мигдал, — хотя мне представили протокол с убедительной статистикой, подписанный очень серьезными людьми. Но сейчас очень возможно, что все правы: обнаружилась очень высокая чувствительность к разнице температур у поверхности лба. Они с помощью тепловизора это доказывают.

Имеется в виду лаборатория Эдуарда Эммануиловича Годика в Институте радиотехники и электроники. Лаборатория в самом деле интересная, я о ней не раз писал.

— С помощью тепловизора — да, — говорю я, — но ни на одном человеке это строго не доказано. Эта Роза Кулешова все-таки жульничала.

— Жулик абсолютный была, — подтверждает Сахаров. — Она, наверное, и есть? Она еще жива?

— Нет, умерла, — говорю я.

Следует молчание.

— Вчера сообщили, что Тарковский умер, — с грустью произносит Сахаров.

В самом деле печальная весть. Сегодня отец, Арсений Тарковский, снял у нас из номера свои стихи в связи с кончиной сына.

Останавливаемся возле «Тысячи мелочей». Все четверо отправляемся по секциям искать напольные весы для академика. Забавно сознавать, что покупатели не подозревают, кого они толкают, продавщицы — кому они грубят. Ничто в облике Андрея Дмитриевича не выдает в нем какого-то особенного, выдающегося человека.

В двенадцатой секции сообщают, что вообще-то напольные весы бывают здесь, но сейчас их нет. Едем дальше. Сахаров говорит, что ему надо домой к шести: отдохнуть часок, а в семь за ним заедут с телестудии — сегодня проводится второй телемост с США (первый был несколько дней назад): любой американский гражданин может задать вопрос советскому академику.

Разговор заходит о машинах. У Сахаровых — третья модель «Жигулей».

— Машина очень хорошая, — хвалит ее Андрей Дмитриевич. — Говорят, что она очень легкая в управлении по сравнению с другими машинами.

— Вы сами водите? — спрашиваю.

— Да, и я, и жена — мы оба водим. Когда я голодовку держал и меня десять месяцев держали в больнице, она только машиной и спасалась. Потому что ходить ей очень трудно, у нее ноги болят. И все ее существование держалось на машине.

— Где она сейчас?

Со вздохом:

— В Горьком осталась. Мы еще поедем туда и, может быть, продадим там ее. А может быть, перегоним сюда.

— Наверное, уже есть смысл новую купить?

Это Юра, опытный автомобилист.

— Есть такое чувство привычки, — опять вздыхает Сахаров. — К старой машине.

Да, особенно если она была верным другом, единственным в тяжкое время.

— Но она все-таки много хлопот доставляет, когда ветшает, — не унимается Рост.

— Когда у нас была голодовка за нашу невестку, нашу машину украли — чтобы с ее помощью нас выманить. И в отместку за наши подвиги ее совершенно всю раскурочили. Горьковская ГБ.

— Тяжело там, наверное, было жить? — Юра делает отважный шаг в запретную область.

— Жить было трудно, — просто отвечает Сахаров. — Страшное для меня — полная изоляция. Вот за семь месяцев мы только с одним человеком общались...

— Телефона не было, конечно?

— Телефон поставили пятнадцатого числа. В половине одиннадцатого неожиданный звонок в дверь. Мы немножко даже испугались... Это пришли ставить телефон. А на другой день позвонил Михаил Сергеевич Горбачев по этому телефону.

— Долгий был разговор?

— Нет, недолгий.

— А тон — доброжелательный? Или информационный?

— Тон был информационный.

Далее следует уже известный читателю рассказ. Впрочем, отличающийся от приведенного ранее некоторыми деталями (потому, быть может, его и стоит здесь привести):

— Он сказал: «Мы получили ваше письмо, посоветовались, и будет Указ Верховного Совета о том, что вы можете вернуться в Москву. Будет также Указ о Боннэр». Я говорю: «Это моя жена».

«Квартира у вас в Москве есть, так что с этим проблем не будет. Я подошлю к вам Марчука. Можете возвращаться к патриотическим делам». Я сказал: «Большое спасибо, но у меня в тюрьме убит мой друг Марченко. Это первый в том списке, который я вам по-

сылал». Он говорит: «Я получил это письмо в начале года. Мы рассмотрели эти дела, но там очень разные люди». Я говорю: «Это люди не разные. Это люди, пострадавшие за свои убеждения, и я считаю, что все они должны быть освобождены». Горбачев сказал: «Я не могу с вами согласиться». Я тогда говорю: «Я умоляю вас еще раз вернуться к этому вопросу, он имеет исключительное значение для авторитета нашей страны, для международного доверия, для дела мира, а для вас — для успеха всех ваших начинаний». Это, собственно, был уже конец разговора. Дальше последовало прощание.

Высадили Мигдала возле дома (на протяжении всего разговора он, точно студент, заискивающе смотрел Сахарову в рот). Юра сказал, что можно заехать в хозяйственный магазин на Дорогомиловской: год назад он купил там напольные весы.

— Ты думаешь, они с тех пор там так и лежат? — пошутил я.

— Нет, там просто такой закуток неприметный, мало кто о нем знает.

Под колесами скользко. Снаружи морозно. Окна машины замерзли.

— Чего ты не включишь отопление? — спрашиваю.

Юра сжимает мне колено. Знак: кончай об этом! После объяснил: незаметно включил магнитофон, чтобы записать разговор, шум отопителя будет мешать записи.

Да, но ехать по гололеду с замерзшими стеклами тоже не дело. Особенно с таким пассажиром. Страшно подумать, если что случится.

— А вы когда написали письмо, Андрей Дмитриевич? — интересуюсь я.

— 19 февраля было мое письмо о политзаключенных.

— Нет, я имею в виду — с просьбой о разрешении вернуться.

— 23 октября.

— Довольно быстро они отреагировали, — замечает Рост. — Что-то там изменилось.

— Кстати, — говорю, — в октябре месяце мы обратились за разрешением сделать интервью с вами. И тоже быстро получили разрешение.

— Да, я думаю, это уже было симптомом каких-то изменений, — говорит Сахаров.

Я:

— Был такой замысел: если бы мы что-то напечатали, — это был бы прямой путь к вашей легализации.

— Нет, я не мог тогда согласиться... — поясняет Сахаров свой отказ.

— Это, с одной стороны, легализация, а с другой — узаконить свое положение, — поддакивает Юра.

— Да, тут обе стороны надо было иметь в виду, — соглашается Сахаров.

Он интересуется, кому принадлежала инициатива интервью. Мне неловко говорить о себе. На меня кива-

ет Юра, я объясняю, кто и как реагировал на эту безумную идею. В общем-то в ту пору она уже переставала быть безумной.

По какой-то замысловатой траектории разговор перекидывается на журналиста Яковлева, автора книжки «ЦРУ против СССР», одна из глав которой «разоблачает» Сахарова и Елену Георгиевну. Этот Яковлев имел наглость приехать в Горький и явиться к Сахарову на квартиру. Говорили, что Андрей Дмитриевич его выставил, чуть ли не ударил или даже побил. Никто из знакомых Сахарова в это не верил. Не верится и нам.

— Неужто так-таки и побили? — смеюсь я.

— Это совершенно точно, — убеждает нас Сахаров. — Это абсолютно точно. Это не преувеличение.

— То есть как? Действительно? — опять переспрашивает Юра.

— Действительно. Других способов выразить свое отношение к этому человеку у меня не было.

Когда подъезжали к хозяйственному магазину на Дорогомиловке, какой-то водитель на «Волге» у светофора, приспустив стекло, спросил, как проехать к «Березке». Я объяснил.

— Вот видите, — сказал я Сахарову, — вы когда-то протестовали против этих деревьев, а они по-прежнему произрастают как ни в чем не бывало.

Юра снова схватил меня за колено. Он это делал всякий раз, когда я говорил что-нибудь, по его мнению,

непотребное. («Я же вижу, как он весь сжимается от этих слов», — после объяснял он мне).

Зашли в хозяйственный. Наконец-то! В самом деле, есть то, что нужно. Напольные весы. В том самом закутке. Молодец Рост! Исполнение всех желаний.

И снова то же чувство: никто не подозревает, что за человек стоит рядом у прилавка, в очереди к кассе, подает чек продавщице. Но и сам Сахаров не чувствует себя каким-то особенным.

С чувством исполненного долга везем академика домой на улицу Чкалова.

— Так вам там не позволялось вступать в контакты с местными физиками — с Гапоновым-Греховым, например? — продолжаю я расспрашивать нашего пассажира.

— Гапонову-Грехову не позволялось. Впрочем, мне, конечно, в первую очередь ни с кем не позволялось вступать в контакты.

—То есть практически вы были совершенно изолированы?

— Абсолютно. Там была полная изоляция. На первых порах с нами как-то общались соседи — мы жили на первом этаже, — но у них были из-за этого большие неприятности. И они потом очень боялись. Так-то вообще они люди вполне приличные. Некоторые. А некоторые вели себя очень плохо... Или вот такая типичная сцена. На улице стоит мужчина с плачущим больным ребенком на руках. Моя жена останавливается, хочет

его подвезти. Сопровождающие подбегают, силой вытаскивают мужчину с этим ребенком из машины.

— Какие сопровождающие?

— ГБ. Машина госбезопасности. Все время ездили за нами две машины. Одна впереди идет, другая — сзади. Где бы мы ни ехали. Но если машина ломалась, они нам никогда не помогали. Мы должны были сами выкручиваться. Даже иногда не позволяли остановить кого-нибудь, чтобы кто-нибудь ей помог.

— Значит, Елена Георгиевна должна была сама, допустим, демонтировать колесо?

— Ну, демонтировать она сама, конечно, не могла, но они сначала запрещали ей останавливать проезжающие машины. Тогда она говорила: «Ну, тогда я буду здесь ночевать». Им не хотелось вместе с ней ночевать на улице. «Хорошо, можете остановить машину».

— А с доставкой научной литературы как было?

— С этим у меня не было никаких проблем. У меня было очень много литературы. Приходила по почте. Присылали из ВИНИТИ и из-за рубежа...

Разговор перекидывается на предстоящий телемост с Америкой.

— Я уже пережил это один раз.

— Тяжело, наверное? Там ведь жара от этих ламп...

— Не знаю, я не заметил. Я был в таком напряженном состоянии. В общем, в первый раз, как прыгать с парашютом, — не страшно. А второй раз уже пред-

ставляешь, что это такое. Второй раз страшно. В первый раз я не боялся. А сегодня мне надо себя как-то немножко на это настроить. Вопросы я знаю заранее — они мне сказали, и, может быть, это плохо. В тот раз я не знал. И может быть, лучше, когда не знаешь. Они записывают эту передачу там, в США. И корреспондент, который задает вопросы, находится там, и переводчик... А перед тобой только черная дыра — телекамера...

— Как вам Москва? Чувствуете хотя бы какие-то изменения?

— По-моему, стали меньше чистить Москву.

Это точно. Точное замечание.

— В Париже арабы, испанцы чистят улицы, — продолжает Сахаров, — а у нас лимитчики. Тоже как бы из другой страны.

После паузы, без перехода:

— Этот закон о нетрудовых доходах... очень, по-моему... какой-то непродуманный.

Чутко улавливает малейшие дуновения и колебания воздуха. Общественной атмосферы.

— Он ведь, — говорю, — должен был идти в паре с законом об индивидуальной трудовой деятельности...

— Он плохо сделан, — продолжает свою мысль Сахаров. — На местах уже стали все запрещать... Запрещать гораздо легче оказалось. Причем запретили такое... Все

на свете запретили в результате. И там произошли ужасные беды. Причем ударило как раз по малообеспеченным слоям населения.

— Вообще-то какие-то изменения происходят в обществе, но непонятно, насколько все серьезно, — философски замечает Рост после некоторого молчания.

— В основном — на уровне разговоров, — говорю я. — Впрочем, для русского человека это немало.

Сахаров, встрепенувшись:

— Разговоры? Да, конечно, для русского это немало.

— Хотя бы душу отвести дают.

— Неизвестно, как долго это продлится, — раздумчиво говорит Юра.

— Вся беда, что все от одного человека зависит.

— Значит, система неточно продумана. Она должна работать при любом человеке.

Пока мы с Юрой перебрасываемся репликами, Сахаров молчит.

— Правда, сейчас зависит от двух — от Горбачева и от Рейгана, — говорю я.

— Этот все время возится со своей машиной, — наконец прерывает свое молчание Сахаров. — Я имею в виду — Рейган. Улучшает и перестраивает. Ускоряет ее на ходу.

По какому-то поводу заходит разговор об «Адмирале Нахимове». Юра полетел в Новороссийск сразу же после сообщения о катастрофе.

— В Новороссийск? — живо переспрашивает Сахаров. — А в Чернобыле вы не были?

Чернобыль его ужасно волнует.

— В Чернобыле я не был. На третий день я пришел в редакцию и попросил, чтобы меня послали туда. У меня в Киеве родители живут. Это город, где я родился. Мне было важно... Там, неподалеку, живет замечательная народная художница, о которой я писал в «Литгазете», — Мария Примаченко. Она живет буквально в десяти километрах от тридцатикилометровой чернобыльской зоны. Я очень хотел туда поехать. Но оказалось, что разрешили только трем газетам — «Правде», «Известиям» и почему-то «Комсомольской правде». Больше никому. В первый период. А потом уже было поздно...

Чернобыльскую тему Сахаров охотно поддерживает.

— К нам в Горький привезли детей, которые бегали к реактору посмотреть на пожар. Их как следует посыпало. И привезли их в той же одежде, в которой они были. То есть эта одежда продолжала их облучать. И ездили они по стране до 8 мая: нигде их не брали. Женщина, которая их взяла, позвонила куда-то в здравотдел и спрашивает, что ей делать. Ей отвечают: действуйте по инструкции. Она говорит: у меня нет никаких инструкций. И действовала по своему усмотрению...

Вообще в острых случаях надо действовать не по инструкции, — подводит неожиданную мораль под рассказанное Андрей Дмитриевич. — У моей жены был

случай. Она присутствовала при покушении на премьер-министра Ирака Касема. Она работала в Ираке по прививанию оспы. Она по специальности детский врач, и ее послали туда прививать оспу иракским мальчикам и девочкам. Она говорит, что те мальчики, которых мы спасли, сейчас погибают на войне с Ираном. Так вот, при ней ранили Касема. Она сразу побежала за машиной. Машина въехала в советское посольство. Она стала оказывать ему первую помощь. Кто-то позвонил в Москву: что делать? И был дан приказ: оказывать ему помощь, только если есть уверенность, что он выживет. Но к этому времени моя жена уже оказала ему первую помощь. Пока этот вопрос согласовывался.

Так что в острых случаях надо действовать не по инструкции, — повторил свой вывод академик Сахаров.

Въезжаем на улицу Обуха. Андрей Дмитриевич объясняет, как ехать дальше.

— К моему дому — направо от Обуха. Это квартира матери моей жены. Она получила ее при реабилитации. Своей и посмертной реабилитации мужа, отца моей жены. Отец секретарь Коминтерна был. Негласный секретарь, возглавлял работу с заграничными кадрами. Большую биографию имел.

Дальше разговор идет о разных знаменитых домах, расположенных на улице Обуха, какие тут произошли изменения за время, пока Сахаров отсутствовал. Юра прекрасно знает Москву, даром что киевлянин. Сахаров

живо интересуется переменами. Живой человек. Сам рассказывает о прошлом примечательных строений.

...Юра как ас въехал на тротуар. Хотел было уже остановиться, чтобы высадить пассажира, но рядом приметил качающиеся силуэты — дело предновогоднее — и от греха подрулил прямо вплотную к подъезду.

— Ой-ой-ой, куда вы едете? Сюда не положено, — запричитал академик.

Забавно было слышать это от человека, который долгие годы шел наперекор тому, что «положено».

Я вышел и помог выйти Сахарову. Он тепло попрощался с нами. Поблагодарил. Вообще, я заметил, это его манера — тепло прощаться. После напряжения встреч, разговоров, еще каких-то действий — в данном случае магазинных поисков — при прощании наступает расслабление, и выплескивается доброта.

Забавная деталь: высадив академика, Юра забыл выключить магнитофон и, едучи домой, еще полчаса записывал гул мотора, переключение передач, собственное чмоканье, а я, получив от него потом кассету, в поисках продолжения беседы полчаса слушал все это.

3 января был выходной. Я поехал с дачи, из Переделкина. Мороз 22 градуса. Машина, однако, завелась довольно легко. Завез сына в университет. Заехал домой. К дому Сахарова подъехал без пяти два. Машину оставил чуть поодаль. Юры не было. Стал немного волно-

ваться. Вскоре, однако, приехал и он. Вошли в подъезд, поднялись на седьмой этаж. Лифт заблеванный. В прихожей я снял сапоги, надел тапки, Юра прошел так (Елена Георгиевна попросила: «Вытирайте ноги»).

У Сахаровых двухкомнатная квартира, принадлежавшая матери Елены Георгиевны. Бывший цековский дом (отец Елены Георгиевны — Георгий Алиханов был одним из руководителей Армении сразу же после установления Советской власти, потом, как уже говорилось, работал в Коминтерне, погиб в 1937 году). Хотя квартира, если считать комнаты, и небольшая, но просторная. Высокие потолки. Запущенная. Семь лет здесь никто не жил. На потолке потеки: соседи заливали. Повсюду, даже в коридоре, стеллажи с книгами, частично самодельные.

Елена Георгиевна не выходит на улицу: врачи не рекомендуют выходить при температуре ниже девяти градусов, возможны спазмы сосудов (неясно, правда, почему именно ниже девяти).

Устроились за журнальным столиком в одной из комнат. Я стал искать розетку, куда бы включить магнитофон. Елена Георгиевна сказала, что она сама не знает, где работающие розетки, вообще у них в квартире пока ничего не работает, в том числе, извините, унитаз. Предложила выключить елку.

Юра тоже приготовил свой магнитофон, он у него автономный, на батарейках. Третий магнитофон, контрольный, включила Елена Георгиевна.

— Ну что, начнем, — сказал Андрей Дмитриевич.

И мы начали.

— Собственно говоря, беседовать, может быть, и излишне: я приготовил ответы на ваши вопросы. Вот из ваших вопросов фактически статья получилась в форме интервью. Это примерно так, как Михаил Сергеевич Горбачев отвечает на вопросы корреспондента «Правды». В данном случае вопросы задавали вы. На данном коротеньком историческом этапе я тоже оказался в таком же несколько выделенном положении. Поэтому мне очень важна и точность, и полнота всего того, что мной было сделано...

Андрей Дмитриевич передал нам пять страничек ответов, отпечатанных на машинке с мелким шрифтом. Мы испугались, что беседа в самом деле может не состояться, и попросили его для начала прочитать перед магнитофонами написанное, а потом мы ему зададим дополнительные вопросы. Он согласился.

Елена Георгиевна закурила. Увидев это, и Юра тут же обрадованно задымил. Так они и дымили весь разговор в две сигареты. Андрей Дмитриевич совсем не протестовал, хотя табачный дым, конечно, внес свой вклад в его усталость в конце разговора.

Написанный текст Сахаров прочитал очень внятно и даже «с выражением». Однако на дополнительные, устные, вопросы отвечал медленно, с трудом выдавливая из себя слова. По мере разговора — а мы беседова-

ли примерно два часа десять минут — речь его становилась все тяжелее и тяжелее, пока наконец Елена Георгиевна не сказала решительно: «Ты устал... Давай я расскажу. Тем более, что я все это хорошо знаю». Это случилось, когда Юра попросил Андрея Дмитриевича рассказать о себе: «Мы же о вас ничего не знаем».

Впрочем, все по порядку. В сущности, это было первое интервью, которое академик А. Д. Сахаров дал журналистам — своим соотечественникам после возвращения из ссылки и, кажется, второе за все годы своего инакомыслия. Это документ. А с документами полагается обращаться бережно.

«Вопрос. *В октябре прошлого года, когда вы еще находились в Горьком, один из нас предложил подготовить интервью с вами. Эта идея была поддержана всеми, от кого зависело поддержать или не поддержать ее. Просьба принять корреспондента для беседы была передана вам академиком В. Л. Гинзбургом. Однако вы отказались это сделать, сославшись на ваше положение. Сейчас это положение изменилось. Остаются ли у вас какие-либо сомнения относительно целесообразности вашего выступления в печати?*

Ответ. *Я принимаю ваше предложение с учетом вашего обещания дать мне возможность отказаться от публикации, если в окончательном тексте будут недопустимые, с моей точки зрения, изменения. Моя общественно-публицистическая деятельность началась*

почти двадцать лет назад с попытки по предложению Э. Генри напечатать в «Литературной газете» статью в форме интервью. Статья долго рассматривалась Сусловым, но не была разрешена к опубликованию. Из нее выросли «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

Когда читаешь сегодня сахаровские «Размышления» — это, почти один к одному, весь круг нынешних официальных идей, нынешняя программа перестройки. Не понять, что ж там такое злокозненное и крамольное. Но это, конечно, — с сегодняшней точки зрения. В 1968-м, с точки зрения Суслова, все было крамольным. Брежневско-сусловский паровоз раскочегаривали совсем в другом направлении.

В основе «Размышлений» — две ключевые идеи. Первая — разобщенность человечества ведет к гибели. И вторая — человеческому обществу необходима интеллектуальная свобода. Само по себе это что-то не очень ясное — интеллектуальная свобода, что-то вроде бы для одних лишь интеллигентов, но Сахаров расшифровывает: это свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитетов и предрассудков. Короче, то, что нынче именуется демократией и гласностью.

Кстати, Сахаров особо разъяснял: защита свободы мысли — «это задача не только интеллигенции, но

и всех слоев общества, и в особенности наиболее активной и организованной его прослойки — рабочего класса... Осознание рабочим классом и интеллигенцией общности их интересов — примечательное явление современности. Можно сказать, что наиболее прогрессивная, интернациональная и самоотверженная часть интеллигенции по существу является частью рабочего класса, а передовая, образованная и интернациональная, наиболее далекая от мещанства часть рабочего класса является одновременно частью интеллигенции».

Это было написано в конце шестидесятых. Между тем, сегодня, как во все прошлые десятилетия, продолжаются попытки натравливать рабочих на интеллигенцию. Очень кому-то хочется, чтобы две силы, на которые у людей главная надежда, обескровили друг друга.

«Вопрос. *Были ли вам поставлены какие-либо условия поведения в Москве?*

Ответ. *О своем освобождении я узнал из телефонного разговора с Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Ни он, ни кто-либо еще не ставил мне каких-либо условий*».

Это так, но истины ради надо сказать, что сам Сахаров в письме к М. С. Горбачеву обещал, если будет освобожден, отказаться от политической деятельности, за исключением случаев «Не могу молчать!» (об этом мне говорил В. Л. Гинзбург, видевший копию письма). Формально говоря, он не выполнил этого обещания. Повернется ли язык упрекнуть его за это? Станем рас-

суждать: заслуживают ли осуждения несчастные, которые после некоторого срока пребывания в руках умельцев из НКВД признавались, что они шпионы всех стран мира, и оговаривали десятки других? Есть предел перенесения боли — физической и моральной. Для Сахарова жизнь в Горьком была пыткой. Часто — в буквальном значении. «Врач», наследник хватов и шароков, заталкивавший ему в рот зонд для насильного кормления во время голодовок, приговаривал: «Убить я тебя не убью, но инвалидом сделаю».

«Вопрос. *Как вы себя чувствуете сейчас?*

Ответ. *Я чувствую себя хорошо».*

Все же такой «курорт», как Горький, не мог для Сахарова пройти без следа. Выглядит он старше своих шестидесяти пяти.

«Вопрос. *В энциклопедиях, в энциклопедическом словаре в статье, посвященной вам, есть такая стереотипная фраза: «В последние годы отошел от научной деятельности». Вы согласны с этой фразой?*

Ответ. *Если говорить о научной работе в фундаментальных областях, то как раз в последнее время я этим занимаюсь больше, чем когда, на протяжении двадцати лет, я занимался военно-прикладными вещами. То есть я не отошел, а, наоборот, вернулся к работам в области фундаментальной науки».*

— Какой срок вы имеете в виду, говоря «в последнее время»?

— Тот же самый, какой имеют в виду они, — с 1968 года. Это было время, когда я был отстранен от работы в военной области и целиком сосредоточил свое внимание на фундаментальных проблемах.

— И на общественных проблемах, — добавляет Сахаров после некоторой паузы.

Писавшие про Сахарова в энциклопедии, видно, убеждены, что наукой можно заниматься, лишь регулярно ходя на службу, протирая штаны под недремлющим оком начальства. Если же этого не наблюдается, значит — «отошел от научной деятельности».

Впрочем, трудно сказать, каких осуждающих слов о Сахарове требовали от редакторов энциклопедии. Может, то, что они ограничились этими, — как раз героизм.

«Вопрос. *Насколько интенсивно вы занимались наукой, находясь в Горьком? Сколько статей опубликовали?*

Ответ. *Во время пребывания в Горьком я опубликовал шесть статей. Я не мог заниматься наукой в те месяцы, когда проводил голодовки и был принудительно госпитализирован в больницу, превращенную для меня в тюрьму, и по нескольку месяцев после каждой из голодовок по состоянию здоровья*».

— Шесть статей... А какова была ваша продуктивность до переезда в Горький?

— Шесть статей — это не такая большая продуктивность. Я вообще работаю очень трудно и медленно. За

двадцать лет — с 1948 по 1968 год — мной было опубликовано примерно столько же научных работ. Может быть, чуть больше — около десяти. То есть за последние годы моя продуктивность даже увеличилась.

«Вопрос. *Полностью ли вы сейчас в курсе развития науки? Насколько этому способствовали ваши сотрудники из теоретического отдела ФИАНа, которые, насколько нам известно, регулярно навещали вас в Горьком?*

Ответ. *Большой трудностью для меня являлось отсутствие постоянного личного общения с коллегами. Эпизодические визиты сотрудников Физического института были полезны, но не могли заменить такого общения.*

Вопрос. *Считаете ли вы, что ваш потенциал ученого сохранился на прежнем уровне? Нет ли у вас ощущения, что вы отстали?*

Ответ. *Ощущение, что я отстал, у меня всю жизнь, с пребыванием в Горьком это никак не связано».*

Те же самые сотрудники Сахарова рассказывали мне о чудесах, нередко приключающихся на семинарах, где он участвует: бывает, обсуждается предмет, вроде бы далекий от его интересов, но вот Сахаров задает докладчику два-три вопроса, и всем как божий день становится ясно, что Сахаров — тот человек, который знает о предмете больше всех; с этой минуты все взоры устремлены именно к нему.

«Вопрос. *Ваши коллеги считают вас великим ученым. Согласны ли вы с такой оценкой?*

Ответ. *Великих ученых в каждом поколении немного, я к их числу не принадлежу».*

Хоть Сахаров и отрицательно ответил на этот вопрос, мне показалось, что он ему не неприятен.

«Вопрос. *Какие научные проблемы более всего занимают вас сейчас? Каковы вообще ваши планы?»*

О научной работе Сахарова из широкой публики никто ничего не знает. Единственное, что известно, — что он работал над водородной бомбой. Некоторые считают его даже ее «отцом». Слышали также, что он занимался управляемым термоядерным синтезом.

«Ответ. *Меня более всего интересуют проблемы физики элементарных частиц и ранней космологии, примыкающие к идее Калуцы и Клейна о расширении геометрии наблюдаемого мира за счет дополнительных измерений пространства и к идее протяженных элементарных частиц, так называемых струн. С этим и связаны мои научные планы. Я также собираюсь принять участие в обсуждении проблемы управляемой термоядерной реакции...»*

Вопрос задан так, что неясно, какие, собственно, планы имеются в виду. Поэтому Сахаров продолжает:

«*...Я не считаю себя вправе оставаться в стороне от общественных проблем. Я вижу своим долгом содействовать освобождению узников совести в* СССР *и во всем*

мире — людей, подвергшихся репрессиям за убеждения и связанные с убеждениями ненасильственные действия. В своем телефонном разговоре с М. С. Горбачевым я напомнил об этой проблеме. Я сказал: «Я благодарю вас. Но несколько дней назад в тюрьме убит мой друг Анатолий Марченко. Он был первым в списке, который содержался в моем письме вам. Я умоляю вас вновь вернуться к поднятому в письме вопросу (речь шла об акте амнистии узникам совести. — А. С.). Это исключительно важно для авторитета нашей страны, для международного доверия, для мира, для вас, для успеха всех ваших начинаний...»

Читатель уже знает об этих словах Сахарова, но в те дни он не уставал вновь и вновь повторять их — потому и я не считаю неуместным приводить их в этом очерке снова, вслед за Андреем Дмитриевичем.

«...Сейчас, несмотря на тенденцию к позитивным изменениям в советском обществе, положение находящихся в тюрьмах, лагерях, психиатрических больницах узников совести трагично, особенно самых мужественных и честных из них. Они подвергаются жесточайшему давлению. Повторные приговоры, многомесячные карцеры, лишение свиданий с близкими, избиения — все это с целью сломить, заставить поступиться убеждениями. В опасности Ходорович, Корягин, Шиханович, Гершуни, Костава, Григорянц, Алтунян, Ривкин, Смирнов, Огородников и многие еще, жертвы желания эмиг-

рировать — еврей Бегун, русская семья Евсюковых и другие, люди разных национальностей».

Наибольшие сложности я предвижу с публикацией именно этой части интервью, потому пытаюсь найти какие-то амортизирующие «прокладки», которые можно было бы вставить в уже написанный текст.

— Андрей Дмитриевич, — говорю я, — вас довольно часто упрекают, что вы чересчур резко критикуете нашу страну, закрывая глаза на то, что происходит в других странах... В самом деле, есть ведь много стран, где существуют узники совести. Есть там и уголовные статьи, которые навешиваются политическим противникам. В общем, такие вещи распространены в мире...

Сахаров охотно идет на компромисс, проявляет лояльность.

— Есть такая организация — «Международная амнистия», «Эмнести интернэшнл». Она своей главной задачей ставит амнистию узников совести во всем мире. Стремясь при этом к полной политической беспристрастности. У нее есть списки узников совести не только в СССР, а главным образом в других странах. Большинство из них действительно находится в других странах...

— В СССР, по ее данным, насчитывается лишь около семисот человек, — вставляет Елена Георгиевна. — И, собственно, Андрей Дмитриевич говорит именно об этом контингенте.

— Я не исключаю, что ее список неполон, — продолжает Сахаров. — Может быть, это не семьсот человек, а в два раза *больше*. Но по порядку величин эта оценка правильная. В некоторых странах «Эмнести интернэшнл» называет большие цифры, в некоторых — гораздо меньшие или полное отсутствие узников совести. Так что проблема действительно носит общемировой характер. Мы не можем освободить узников совести непосредственно в других странах, но если мы освободим своих узников совести, то это, несомненно, будет способствовать освобождению их и в других странах.

— Можно я тебе напомню? — снова вступает в разговор Елена Георгиевна. — Ты же послал обращение к «Эмнести», на основе которого потом был послан призыв в ООН. И там ты говорил не об амнистии узников совести в СССР, а об амнистии узников совести во всем мире. Так что это разговор не об СССР. Там и Чили, и ЮАР, и Индонезия...

— Да, я много выступал по конкретным случаям узников совести, — соглашается Андрей Дмитриевич. — В частности, было очень важное письмо об амнистии узников совести в Индонезии, где, как известно, после неудачной попытки переворота очень многие оказались в концентрационных лагерях в тяжелейших условиях. Часто их помещали туда просто по национальному признаку — как китайцев. Иногда по каким-то другим соображениям. В общем, там было колоссальное коли-

чество людей. И я писал об этом. И то, что там была проведена амнистия, к сожалению, частичная, неполная, в какой-то мере связано с моим обращением, которое было в русле усилий других людей, других влиятельных международных организаций.

— В советской прессе это все переиначивалось, — говорит Елена Георгиевна. — Было абсолютно переиначено твое письмо Пиночету. Советская пресса представила его как приветствие Пиночету...

— Да, как будто я поддерживаю его. Это была фальсификация, конечно. Оно носило совсем другой характер.

— Это было письмо в защиту Пабло Неруды, — поясняет Елена Георгиевна. — Когда появились сведения, что он арестован, что он болен и погибает... В письме Андрея Дмитриевича была такая фраза: когда вы провозгласили эру... чего-то там...

— Эта фраза была так представлена, как будто в Чили при Пиночете не только провозглашена, но и осуществлена какая-то эра национальной консолидации... Что было совершенно не так. Появились статьи... Со всякого рода фальсификацией и искажениями я непрерывно сталкивался все эти годы. Так что я к этому уже привык. Но я надеюсь, что это в прошлом, что сегодня этого не будет.

— У Андрея Дмитриевича хороший характер, — смеется Елена Георгиевна, — он спокойно относится

к этому. По-моему, только раз в жизни взорвался, когда дал Яковлеву пощечину.

— Да, это было, — опять подтверждает Андрей Дмитриевич. — Было за что, как говорится.

«Большинство узников совести находится не в СССР, а в других странах...» Такими же знаками лояльности, компромисса изначально были насыщены сахаровские «Размышления». Эти знаки призывали в доброжелательству, к диалогу:

«...По существу, взгляды автора являются глубоко социалистическими, и он надеется, что внимательный читатель это поймет.

Автор очень хорошо понимает, какие уродливые явления в области человеческих и международных отношений рождает эгоистический принцип *капитала*... Автор конкретизирует внимание на том, что у него перед глазами...»

«...Доказана жизнеспособность социалистического пути, который принес народу огромные материальные, культурные и социальные достижения, как никакой другой строй возвеличил нравственное значение труда...»

«Суммируя содержание первых разделов, мы приходим к нашему основному выводу о нравственном, морально-этическом характере преимущества социалистического пути развития человеческого общества... Без социализма буржуазный практицизм и эгоистический принцип частной собственности рождал «людей бездны», описанных в известных очерках Д. Лондона,

а ранее — Энгельсом... Только социализм поднял значение труда до вершин нравственного подвига. Без социализма национальный эгоизм рождал колониальное угнетение, национализм и расизм...»

Вскоре все узники совести, перечисленные Сахаровым в нашем интервью с ним, были освобождены, правда, с не удовлетворившей его формулировкой — «помилованы». Другим разрешили выехать.

Кстати, Сахаров всегда проявлял умеренность в подсчетах числа политзаключенных. В тот момент, когда мы работали над этим интервью и западные станции говорили о тысячах страдающих за убеждения в СССР, Сахаров, мы видели, называл несравненно меньшую цифру. Он не включал сюда угонщиков самолетов, других подобных людей. Узники совести, в его понятии, — лишь те, кто не прибегал к насилию.

Все же, опять-таки в предвидении трудностей с публикацией, мы ставим следующий вопрос еще более задиристо:

«Вопрос. *Чем все-таки объяснить, что свою страну вы критикуете с несравненно большей резкостью, чем страны Запада?*»

Это уже приводит академика в раздражение.

«Ответ. *Я нахожу ваш вопрос неправомерным. Свою критику нарушений прав человека в нашей стране я считаю конструктивной и основанной на фактах, которые мне непосредственно известны. За то, что происходит*

в нашей стране или происходило, я чувствую особенно острую личную ответственность. При этом я убежден в необходимости общечеловеческого, глобального подхода к проблемам мира, прогресса, прав человека.

Вопрос. *Что вы можете сказать о проводимой сейчас в стране перестройке народного хозяйства и жизни в целом?*

Ответ. *Эпоха научно-технической революции требует демократизации общества. Большая гласность внушает надежду, я надеюсь на дальнейшее расширение ее. Но в целом положение неопределенно и противоречиво. Некоторые законодательные акты представляются мне недостаточно продуманными, в их числе указ о борьбе с нетрудовыми доходами. Другие акты являются, на мой взгляд, половинчатыми. Безоговорочно поддерживаю борьбу с пьянством».*

Ответ насчет перестройки — центрального понятия — кажется куцым. Но в ту пору, в самом начале восемьдесят седьмого, еще не было повода для больших размышлений, тем более у человека, только что вернувшегося из ссылочной изоляции.

Что касается борьбы с пьянством...

— Вы считаете, что принятые меры разрешат проблему?

— Проблема может быть разрешена только многолетними усилиями. Должна, по-моему, смениться пара поколений. Одно или два поколения.

— Сами вы никогда не пили?

— Вообще я фактически непьющий человек, — говорит Сахаров несколько смущенно.

— Я вам скажу, сколько пьет Андрей Дмитриевич, уже точно, — приходит ему на подмогу Елена Георгиевна. — Если в рюмку, маленькую, которая вся содержит тридцать граммов, налить вот столечко, на донышке, то это он поднимает вместе со всеми при каком-нибудь тосте и это он выпивает за целый большой вечер.

— А чем объясняется ваша неприязнь к алкоголю?

— Какой-то принципиальной неприязни нет... У меня нет принципов в этом вопросе. Я просто не люблю. Вот моя жена тоже такая, — кивает Андрей Дмитриевич на супругу.

— Я никогда не пила, — поддакивает Елена Георгиевна. — Даже в армии не пила. Мне невкусно.

— Очень правильная, по-моему, мысль, — говорю я, — что от питья должны воздержаться одно-два поколения. Иначе ничего не получится. Это вопрос терпения.

— Да, чтобы это не была кампания, — подтверждает Андрей Дмитриевич, — а был действительно курс на это взят. Даже если Горбачева, не дай бог, кто-нибудь сменит, — чтобы этот следующий начальник тоже придерживался того же курса...

Увы, терпения не хватило не только на одно-два поколения — на три года едва хватило.

Да, собственно, те меры, которые одобрял Сахаров, и не были рассчитаны на долгосрочную терпеливую работу — лишь на короткую кавалерийскую атаку. Теперь это видно. Как многие интеллигенты, не испытывающие никакой тяги к выпивке, Сахаров ошибался в оценке тех чересчур жестких мер. У широких масс эта самая тяга оказалась сильнее запретов.

«Вопрос. *Как вы относитесь к М. С. Горбачеву?*

Ответ. *Я с большим вниманием и уважением отношусь к начинаниям М. С. Горбачева. Это не значит, что мне все нравится в его действиях и выступлениях, и тем более не значит, что я одобряю все происходящее в стране и в ее внешней политике. Однако выступления М. С. Горбачева содержат мысли, которые можно обсуждать, даже не будучи с ним согласным. Единственный мой личный контакт с М. С. Горбачевым — это звонок ко мне. Это было нетривиальное действие*».

Несмотря на эти строгие слова Сахаровы, по моим наблюдениям, относятся к Горбачеву с симпатией, даже с любовью.

— Что-то он на Новый год выступал грустный, — говорит Андрей Дмитриевич.

— Да, у него даже щека дергалась, — подхватывает Елена Георгиевна.

— Верно, есть у него такая манера, — соглашается ее супруг.

«Вопрос. *Распространился слух о том, что вы передали в правительство некие идеи о перестройке. Так ли это?*

Ответ. *Нет, таких предложений я не выдвигал. Возможно, слух вызван моим письмом президенту АН СССР Г. И. Марчуку о проблеме безопасности ядерной энергетики. Я глубоко потрясен катастрофой в Чернобыле, ее масштабами, трагическими последствиями для многих тысяч людей на огромной территории нашей страны и за ее пределами. Последствия эти были усугублены недостаточной и поздней информацией населения о необходимых мерах предосторожности, запоздалой эвакуацией, то есть в конечном счете недостатком гласности. Тем не менее я по-прежнему убежден в необходимости для человечества ядерной энергетики. Должны быть найдены решения, полностью исключающие возможность катастроф, подобных чернобыльской. Мы не имеем права экономить за счет безопасности ядерной энергетики. Подробней о мыслях, содержащихся в письме, я не буду сейчас говорить*».

— Кстати, насчет Академии наук... Как, на ваш взгляд, в условиях перестройки справляется со своими задачами наша наука, в частности Академия наук?

Я ожидаю, что этот разговор его заинтересует и мы услышим какие-то слова насчет «штаба науки», чье застойное нутро особенно отчетливо становится видно во времена оттепели (в сами застойные времена она как

раз проявляет неплохие качества — кое-какую независимость, например). Но Сахаров уходит от этого разговора:

— Я был лишен возможности посещать собрания академии семь лет и ничего не могу сказать о ее участии в процессе перестройки.

Сахаров отрицает, что он передал в правительство какие-то предложения. Но, в сущности, он мог бы сослаться на один документ, подготовленный им. Правда, подготовленный давно.

5 марта 1971 года Сахаров послал Брежневу «Памятную записку». Когда ее читаешь — опять-таки впечатление, что написано это в нынешнее, перестроечное время. Сахаров предлагает ряд мер, нацеленных на улучшение положения в стране. Часть этих мер к нынешнему дню уже осуществлена, о другой части повсюду идут разговоры.

Вот, например, что предлагал Сахаров девятнадцать лет назад в области экономики, управления:

«1. *Углубление экономической реформы... увеличение хозяйственной самостоятельности всех производственных единиц, пересмотр ряда ограничительных положений в отношении подбора кадров, зарплаты и поощрения, системы материального снабжения и фондов, планирования, кооперирования, выбора профиля продукции, финансирования.*

2. В области кадров и управления. Принять решения по расширению гласности в работе государственных учреждений всех ступеней... В особенности существен пересмотр традиции «кабинетности» в вопросах кадровой политики, расширение гласного общественного делового контроля над подбором кадров, выборности и фактической сменяемости при непригодности руководителей всех уровней. Я подразумеваю также обычное требование демократических программ о ликвидации системы выборов без избыточного числа кандидатов, то есть о ликвидации «выбора без выборов». Одновременно необходимы улучшение информированности, самостоятельность, право на эксперимент, перенос центра ответственности в сторону руководимого предприятия и его служащих... Ликвидация специальных привилегий, связанных со служебным и партийным положением как очень вредных в социальном и деловом смысле. Публикация величины должностных окладов... Ликвидация номенклатурных списков и тому подобных пережитков предыдущей эпохи...

3. Мероприятия, способствующие расширению сельскохозяйственного производства на приусадебных участках колхозников, рабочих совхозов и единоличников, — изменение налоговой политики, расширение земельных угодий, изменение системы снабжения этого сектора сельскохозяйственной современной и специально разработанной техникой, удобрениями и др...

Расширение всех форм кооперативного хозяйствования на селе...»

Сейчас, в качестве расшифровки, мы дописали бы сюда: бригадный подряд, семейный подряд, арендный подряд, собственно кооперативная аренда...

«4. *Расширение... частной инициативы в сфере обслуживания, в медицинском обслуживании, мелкой торговле, образовании и т. п.*».

Это то, что сейчас называется индивидуальной трудовой деятельностью и о чем тревожился Сахаров в связи с появлением закона о нетрудовых доходах.

«5. *Рассмотреть вопрос о постепенной отмене паспортного режима как серьезного тормоза в развитии производительных сил страны и как нарушение прав граждан, в особенности сельских жителей*».

«6. *В области информационного обмена, культуры, науки и свободы убеждений:*

а) Поощрять свободу убеждений, дух изучения, делового беспокойства.

б) Прекратить глушение иностранных радиопередач, расширить ввоз иностранной литературы, войти в международную систему охраны авторских прав...»

Одно из немногих сахаровских пожеланий, осуществленных еще при Брежневе. Но осуществленных, конечно, не из тех соображений, какие имел в виду Сахаров.

«...*Облегчить международный туризм — для преодоления пагубной для нашего развития изоляции.*

в) Принять решения, обеспечивающие фактическое отделение церкви от государства, фактическую (то есть обеспеченную юридически, материально и административно) свободу совести и вероисповедания.

г) Пересмотреть те стороны взаимоотношений государственно-партийного аппарата и искусства, литературы, театра, органов образования и т. п., которые наносят ущерб развитию культуры в нашей стране, снижают смелость и разносторонность творческого поиска, приводят к казенщине, серости и ритуальности...»

То есть речь шла о ликвидации ждановщины, удушающих объятий чиновничьего меценатства.

«...В общественных и гуманитарных науках, роль которых в современной жизни непрерывно возрастает (в философии, истории, социологии, юриспруденции и т. п.), — обеспечить ликвидацию застоя, расширение направлений творческого поиска, независимость от предвзятых точек зрения, использование всей гаммы зарубежного опыта».

Среди прочих сахаровских попаданий «в десятку» — предложения вынести на всенародное обсуждение проект закона о печати и средствах массовой информации, принять решение о более свободной публикации статистических данных, отказаться от социалистического мессианства, представления о единственности и исклю-

чительных достоинствах своего пути и отрицания пути других, установить гласность судопроизводства...

Наконец — что уж совсем подобно мистике и прорицательству, — Сахаров подробно очерчивает контуры неизбежных будущих споров о самостоятельности республик:

«*Наша страна провозгласила право наций на самоопределение вплоть до отделения. Реализация права на отделение в случае Финляндии была санкционирована правительством. Право на отделение союзных республик провозглашено Конституцией СССР. Имеется, однако, неясность в отношении гарантий права и процедуры, обеспечивающей подготовку, необходимое обсуждение и фактическую реализацию права. Фактически даже обсуждение подобных вопросов нередко преследуется. По моему мнению, юридическая разработка проблемы и принятие закона о гарантиях права на отделение имели бы важное внутреннее и международное значение как подтверждение антиимпериалистического и антишовинистического характера нашей политики. По всей видимости, тенденции к выходу какой-либо республики из СССР не носят массового характера, и они, несомненно, еще более ослабнут со временем в результате дальнейшей демократизации СССР. С другой стороны, не подлежит сомнению, что республика, вышедшая по тем или иным причинам из СССР мирным конституционным путем, полностью сохранит свои связи с социали-*

стическим содружеством наций. Экономические интересы и обороноспособность социалистического лагеря в этом случае не пострадают... По этим причинам обсуждение поставленного вопроса не представляется мне опасным».

Дошла ли до Брежнева эта записка? Можно, конечно, представить, как он, шевеля губами, читал непонятные слова. Но — вряд ли. Возможно, ему лишь коротко доложили о ней, представив как сочинение крайне вредное и не заслуживающее внимания. Никакого ответа Сахаров, разумеется, не получил.

Прождав более года и не дождавшись ответа, Сахаров напечатал записку на Западе вместе с послесловием. Послесловие написано более литературно. Это как бы эмоциональный комментарий к сухим тезисам записки.

«Я начал общественную деятельность, — пишет Сахаров, — около 10—12 лет назад, осознав преступный характер возможной термоядерной войны и воздушных испытаний термоядерного оружия. С тех пор я пересмотрел многое в своих взглядах, в особенности начиная с 1968 года (для меня лично начало этого года ознаменовалось работой над «Размышлениями о прогрессе», а конец, как и для всех, грохотом танков на улицах непокорившейся Праги).

Но основа моих взглядов все же осталась прежней.

Я по-прежнему не могу не ценить большие благотворные изменения (социальные, культурные, эконо-

мические), которые произошли в нашей стране за последние 50 лет, отдавая, однако, себе отчет в том, что аналогичные изменения имели место во многих странах и что они являются проявлением общемирового прогресса.

Я по-прежнему считаю, что преодоление трагических противоречий и опасностей нашей эпохи возможно только на пути сближения и встречной деформации капитализма и социалистического строя...

Сейчас мне в еще большей мере, чем раньше, кажется, что единственной истинной гарантией человеческих ценностей в хаосе неуправляемых изменений и трагических потрясений является свобода убеждений человека, его нравственная устремленность к добру.

Наше общество заражено апатией, лицемерием, мещанским эгоизмом, скрытой жестокостью. Большинство представителей его высшего слоя — партийно-государственного аппарата управления, высших преуспевающих слоев интеллигенции — цепко держатся за свои явные и тайные привилегии и глубоко безразличны к нарушениям прав человека, к интересам прогресса, к безопасности и будущему человечества. Другие, будучи в глубине души озабочены, не могут позволить себе никакого «свободомыслия» и обречены на мучительный разлад самих с собой. Размеры национального бедствия приобрело пьянство. Оно является одним из симптомов нравственной деградации обще-

ства, которое все больше погружается в состояние хронического алкогольного отравления...»

«Вопрос. *Что вы думаете о современном международном положении, о перспективах смягчения напряженности?*

Ответ. *Я думаю, что, несмотря на взаимные упреки, происходит постоянный, не всегда заметный, но очень важный поиск линий договоренности. Для смягчения напряженности и укрепления международного доверия и безопасности я считаю особенно важными большую открытость нашего общества и разрешение религиозных конфликтов. Под открытостью общества вслед за своими предшественниками — Бором, Эйнштейном, Расселом, Сцилардом и другими — понимаю свободу убеждений и информации, свободу эмиграции и поездок (не только в узком смысле воссоединения семей, а так, как это предусмотрено декларацией и пактами о правах ООН), свободу совести, свободу ассоциаций и другие гражданские права, права граждан контролировать внутреннюю и внешнюю политику правительства...»*

Эк, куда махнул! Тогда это казалось дерзкой утопией. А сейчас... Пока не воплотилось в дело? Это так. Но слух давно не режет. Перед прошлогодними выборами народных депутатов кандидаты, состязаясь друг с другом, витийствовали о вещах похлеще.

«...*Из региональных проблем очень остра трагедия Афганистана (подчеркиваю, не «вокруг Афганистана»,*

а именно Афганистана). Миллионы беженцев были вынуждены за пределами страны искать спасения от ужасов бомбардировок, напалма и расстрелов с вертолетов. В 1980 году я написал открытое письмо главам государств — постоянных членов Совета Безопасности. Основой решения проблемы, как я считаю, должен быть немедленный вывод из Афганистана советских войск».

Сейчас, когда последний наш солдат давно покинул Афганистан, глаз равнодушно скользит по этим строчкам: ну что в них такого? А тогда слух вибрировал от этих непривычных слов. Думали так, конечно, многие, но вслух, во всеуслышание, не произносил никто.

И опять ради «проходимости» надо амортизировать этот ответ.

Впрочем, не только ради «проходимости». С выводом войск в самом деле не все казалось ясно. Войти легко, а вот выйти...

«Вопрос. *Разве простой вывод войск приведет к прекращению войны? Неужели не ясно: он приведет лишь к раздуванию костра, к всеобщей резне?*

Ответ. *Я буду рад перемирию и политическим переговорам, предложенным правительством Афганистана. Однако я убежден, что основой решения проблемы является вывод советских войск. СССР должен предоставить право убежища всем гражданам Афганистана,*

опасающимся за свою безопасность. Для предотвращения кровопролития в переходный период, возможно, также целесообразно использование сил ООН».

Теперь такое предложение мы услышали вполне официально с трибуны ООН. А неофициально — вон оно еще когда было высказано...

Не так уж много всякий государственный деятель совершает великих поступков. Что бы о Н. С. Хрущеве ни говорили, за ним всегда останется великое деяние — разоблачение сталинского гнусного культа. Точно так же, что бы ни сделал в дальнейшем М. С. Горбачев, вывод войск из Афганистана всегда сохранится на его счету как величайшая заслуга перед нашим народом.

«Вопрос. *Как вы оцениваете Рейкьявик и ту роль, которую сыграла там приверженность Рейгана «стратегической оборонной инициативе»?*»

Вопрос в духе той пропагандистской кампании, которую в ту пору вела наша печать и смысл которой сводился к тому, что будто бы Рейган провалил переговоры, которые почти завершились успехом.

«Ответ. *Мое отношение к космической противоракетной обороне не совпадает ни с мнением администрации Рейгана, ни с официальной советской линией. Можно сделать рентгеновский лазер, пучковое оружие, зеркала в космосе, электромагнитные пушки, глобальную компьютерную систему наблюдения и управления огнем и многое другое. Но сильный против-*

ник найдет всегда способы преодоления любой обороны, и это он сможет сделать гораздо дешевле. Поэтому я считаю, что космическая противоракетная оборона неэффективна с военно-стратегической точки зрения. В этом я согласен с критиками программы СОИ. В то же время я решительно не согласен с выдвигаемым советской стороной принципом «пакета», согласно которому без соглашения по СОИ невозможно решение других проблем разоружения, в том числе ликвидация стратегического наступательного ракетно-термоядерного оружия. Такая позиция представляется мне неконструктивной, нереалистической и необоснованной. В обстановке взаимного недоверия ни одна из сторон не может полностью отказаться от направления исследований, которое, пусть и не наверняка, может оказаться когда-то важным. Требовать такого отказа — не реалистично. Упускать возможность соглашений о разоружении сегодня ради опасений, связанных с созданием СОИ в XXI веке, — неконструктивно. Если к тому времени будет ликвидировано наступательное термоядерное оружие, то система СОИ вообще становится беспредметной. Опасения, что под прикрытием «щита» космической обороны может быть нанесен первый термоядерный удар, становятся необоснованными. Но эти опасения необоснованны и при наличии межконтинентальных ракет — в силу недостаточной эффективности СОИ и в силу

того, что система космической обороны может быть развернута очень нескоро.

При обосновании принципа «пакета» иногда выдвигается аргумент, что на основе исследований по космической обороне может быть создано оружие «космос — земля». Пока ничего неизвестно о конкретных разработках в этой области. Во всяком случае, этот вопрос вполне отдельный от космической обороны.

Я убежден, что следует отказаться от принципа «пакета», договориться по всем тем вопросам, по которым СССР и США были близки к соглашению в Рейкьявике, а затем в спокойной обстановке, без спешки и давления, договориться о компромиссном решении проблемы СОИ.

К слову, пропагандистский ярлык «милитаризация космоса» базируется на игнорировании того очевидного факта, что космос давно милитаризирован — его уже бороздят сотни спутников военного назначения, через него в страшном случае войны полетят стоящие на старте межконтинентальные баллистические ракеты».

Я не знаю, вняли ли наши руководители советам Сахарова, приняв решение об уходе из Афганистана и о разъятии рейкьявикского «пакета», или сами пришли к тем же выводам, что и Сахаров, однако эти два великих действия в нашей политике — прекрасное доказательство его провидческой правоты.

«Вопрос. *Какое место среди других проблем занимает, на ваш взгляд, проблема запрещения подземных ядерных испытаний?*»

Как помнит читатель, именно с этого все начиналось, именно это должно было стать центром нашего интервью, так как проблема подземных ядерных испытаний была в ту пору в центре внимания нашей пропаганды. Неожиданно, однако, выясняется, что у академика нет к этому интереса.

«Ответ. *Эта проблема кажется мне второстепенной, вторичной по отношению к другим проблемам ядерного разоружения. Новые системы ядерного оружия можно создавать и старые проверять и без ядерных взрывов. Что было действительно важно, так это запрещение ядерных испытаний в атмосфере, в воде и космосе, наносивших огромный ущерб среде обитания. Я горжусь тем, что был одним из инициаторов договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах*».

— Почему все-таки, как вы считаете, — спрашиваю я Сахарова, — американцы так упорно не желают прекратить испытания — только из-за работы над лазерами с ядерной накачкой? Или они вообще ставят цель совершенствования ядерного оружия?

— Я думаю, — говорит академик, — что они могли бы обойтись и без ядерных испытаний во всех вопросах, кроме вопроса о лазерах с ядерной накачкой. И даже в этом случае, потому что отдельные элементы этого

рентгеновского лазера могут быть промоделированы без ядерного взрыва — уже имеются об этом сообщения. Так что обойтись они могут. Но в данной ситуации они просто не видят в этом необходимости.

— И тем не менее, — настаиваю я, — даже если это второстепенный вопрос с точки зрения разоружения людям, наверное, спокойней спалось бы, если б не было ядерных испытаний.

— Подземных? — уточняет Андрей Дмитриевич.

— Любых.

— Может быть, это было бы ложное спокойствие. Если бы и без ядерных испытаний делалось что-то очень существенное. Наверное, надо рассматривать прекращение подземных ядерных испытаний как шаг на последнем этапе, после запрещения ядерного оружия. В общем, этот вопрос такой — как получится. И как будет вести себя дипломатия в этой области. Я думаю, что от прекращения подземных ядерных испытаний качественно ничего не изменится.

Позднее, в готовый текст интервью, он вписал дополнение к своему ответу:

«В *условиях, когда нет соглашения о запрещении ядерного оружия, подземные ядерные испытания, не наносящие экологического ущерба другим странам, являются внутренним делом каждого государства*».

В дальнейшем, однако, Андрей Дмитриевич изменил свой взгляд на подземные испытания: стало ясно,

что ни о какой экологической их чистоте говорить не приходится. Возникло мощное народное движение «Невада — Семипалатинск», требующее закрытия казахстанского полигона. Со своей стороны, депутаты от северных районов подняли голос против перенесения взрывов на Новую Землю.

Юлий Борисович Харитон рассказывал мне, что за две недели до своей кончины, во время их последней встречи, Андрей Дмитриевич уже настаивал на бессрочном нашем ядерном моратории, к которому со временем, как он считал, неизбежно примкнули бы американцы.

Он никогда не упорствовал в своей точке зрения, если убеждался, что она неверна.

Наконец, в нашем интервью очередь доходит до участия Сахарова в создании бомбы. Тут живет легенда. Согласно ей, Сахаров — «отец» нашей водородной бомбы, советский Теллер.

— Вы принимали участие в создании термоядерной бомбы — самого страшного оружия, какое существует на сегодняшний день, — играли в этом одну из ведущих ролей. Не жалеете ли вы об этом?

— Я бы так сказал: моя оценка того, раскаиваюсь ли я или не раскаиваюсь в своем участии в работах по созданию советского термоядерного оружия — она должна быть сформулирована, вынесена постфактум. Мне не хочется давать эту оценку сейчас. Посмотрим, что дальше будет. Сорок лет войны нет. Но если это вели-

чайшее несчастье произойдет, тогда уже надо будет смотреть...

— Тогда некогда будет смотреть, — непочтительно вставляет Юра.

— Тогда некогда будет смотреть, — покорно соглашается академик, — но теоретически предположим, что, сидя в каком-то бункере, и мы, и они будем обдумывать, совершили ли мы чудовищное преступление...

Видимо, Сахаров постоянно возвращается к этому вопросу — о раскаянии и придает ему важное значение. В подготовленном тексте интервью он этот свой ответ сформулировал так:

«Ответ. *В то время, когда я занимался этими вещами, все мы были убеждены, что наша работа необходима для создания мирового равновесия. И вот сорок лет войны нет. Но я каждую минуту своей жизни понимаю, что если все же произойдет это величайшее всеобщее несчастье — термоядерная война — и если я еще буду иметь время о чем-то подумать, то моя оценка моей личной роли может трагически измениться*».

— Вам интересно было работать?

— Работали мы с увлечением. Работали с увлечением и с ощущением, что это необходимо. Грандиозность этой работы и трудность ее тоже усиливали впечатление, что мы делаем героическую работу. Это создавало определенный эмоциональный настрой.

— Было все-таки ощущение, — спрашиваю я, — что это решаемая проблема? По-видимому, сейчас в работе над проблемой управляемого термоядерного синтеза такой уверенности нет?

Сахаров со мной не соглашается:

— Нет, я считаю, что проблема управляемой термоядерной реакции тоже принадлежит к числу решаемых проблем. В этом никто не сомневается.

— Но ведь есть разные пути...

— Похоже, что имеется несколько путей. Какой из них подходит для того или иного применения, — это другой вопрос. Магнитная термоядерная изоляция, то есть «Токамак», по моему мнению, — это для энергетики. Лазерное обжатие, инерциальные способы... Когда мы их придумывали, мы считали, что это путь для будущих космических межзвездных кораблей. Но сейчас это рассматривается как альтернативный путь для земной ядерной энергетики, вместо «Токамака». Что получится, мы не знаем. Сейчас вообще очень странная ситуация. Тот путь, который казался вообще совершенно непригодным, — мю-мезонный катализ, — тоже вроде бы оказывается возможным. Мю-мезонный катализ — это была моя работа-предложение, уже после защиты диссертации. На основании научной идеи, принадлежащей Франку, английскому ученому, я выдвинул мю-мезонный катализ как способ осуществления термоядерной реакции. И вот сейчас это тоже вроде бы

начинает выходить на практическую стезю. Но все-таки наиболее практичной мне представляется магнитная термоядерная изоляция — то, что было предложено Игорем Евгеньевичем Таммом и мной в 1950 году. На этом основании возникла программа «Токамак».

— Вы видели ядерные взрывы?

— Видел. Эмоционально это очень сильная вещь. Очень сильная.

— Не в этот ли момент вы почувствовали ответственность перед людьми?

— Мне трудно сказать, — отвечает Сахаров. — Вероятно, я почувствовал ее и раньше. И она усиливалась потом на основании многого другого, что я узнавал...

— Но тут есть некая байка... — подсказывает Елена Георгиевна.

— Да, тут есть некая байка. В ваше интервью она, наверное, не войдет, но я могу рассказать.

— Да, расскажите, пожалуйста, — в один голос просим мы.

— 22 ноября 1955 года было испытание термоядерного заряда, которое было неким поворотным пунктом во всей разработке термоядерного оружия в СССР, — Сахаров тщательно подбирает слова, чтобы неловким шагом не переступить незримую черту секретности, до сих пор ограждающую те стародавние дела. За этим он строго следит. — Это был очень сильный взрыв, и при нем произошли несчастные случаи. Солдат погиб

в траншее на расстоянии нескольких десятков километров от точки взрыва. Завалило траншею. Там погиб молодой солдат. И за пределами полигона погибла двухлетняя девочка. В этом населенном пункте, в деревне, было сделано бомбоубежище. Все население было собрано в этом бомбоубежище, но когда произошел взрыв, вспышка осветила через открытую дверь это бомбоубежище, все выбежали на улицу, а эта девочка осталась перекладывать кубики. И ее завалило, она погибла. Еще были несчастные случаи, уже не со смертельным исходом, но с тяжелыми травмами. Так что ощущение торжества по поводу большой технической победы было одновременно сопряжено с ужасом по поводу того, что погибли люди...

— У вас? — уточняю я.

— Да, у меня. И я думаю, не только у меня.

— Но не у всех.

— У многих. Тем не менее, — продолжает Сахаров свой рассказ, — был небольшой банкет в коттедже, где жил руководитель испытаний маршал Неделин, главнокомандующий ракетными войсками СССР. И на этот банкет были приглашены руководители разработки этого термоядерного заряда. И вообще ведущие ученые, некоторые генералы, адмиралы, военные летчики и т. д. В общем, такой банкет для избранных по поводу победы. Неделин предложил первый тост произнести мне. Я сказал, что я предлагаю выпить за то, чтобы на-

ши изделия так же удачно взрывались над полигонами и никогда не взрывались над городами. Видимо, я сказал что-то не совсем подходящее, с точки зрения Неделина. Он усмехнулся и произнес ответный тост в виде притчи. Притча была такая, не совсем приличная. Старуха лежит на печи. Старик молится. Она его ждет. Старик молится: «Господи, укрепи и направь!» А старуха подает реплику с печи: «Молись только об укреплении — направить я как-нибудь и сама сумею». Вот такая притча, которая меня задела. Не своей формой, а своим содержанием. Содержание было несколько зловещим. Я ничего не ответил, но был внутренне потрясен. В какой-то мере можно сказать, если вдаваться в литературу, что это был один из толчков, который сделал из меня диссидента.

Некоторое время мы все молчим.

— Ну, такие реплики в адрес ученых были и с другой стороны — с американской, — говорю я после паузы.

— Да, когда мы читаем воспоминания американских ученых, мы это видим, — охотно соглашается Сахаров.

— У нас есть двухтомник «Дело Оппенгеймера», — говорит Елена Георгиевна.

Я говорю, что, на мой взгляд, нравственные терзания Оппенгеймера несколько преувеличены, раздуты братьями-литераторами. Из него сделали современного Фауста. На самом деле он был скорее Вагнером. Во всяком случае, в период Хиросимы. Настоящее мужество

проявили другие ученые — семеро авторов «Доклада Франка», которые умоляли американское правительство не бомбить японские города, а если уж необходимо, взорвать бомбу где-нибудь на необитаемом острове, в присутствии наблюдателей от разных стран. Оппенгеймер был как раз на другой стороне. Оппенгеймер, Комптон, Лоуренс и Ферми.

— Тем не менее и Оппенгеймер считал, что надо выбрать другой объект для бомбежки — не Хиросиму, — слабо возражает мне Сахаров.

— Было намечено семь городов, и Хиросима, насколько я знаю, была выбрана просто по погодным условиям.

— Не только по погодным. Хиросима была выбрана как город, никогда не подвергавшийся бомбежке, не имеющий противовоздушной обороны...

— В общем — ради чистоты эксперимента, — говорю я саркастически.

— Да, ради чистоты эксперимента, — подтверждает Сахаров.

Так, после небольшой пикировки мы приходим к согласию.

— Тем не менее эти четверо — Оппенгеймер, Ферми, Комптон и Лоуренс — дали отрицательное заключение по поводу «Доклада Франка»: испытания на необитаемом острове не дадут реального впечатления о возможностях нового оружия...

Снова молчим.

— Шла война, — раздумчиво говорит Сахаров. — Во время войны другая психология. Есть и такая точка зрения, что без этих ядерных взрывов война продолжалась бы еще полгода и погибло бы несколько миллионов человек, причем в Японии возник бы голод, от которого погибло бы еще очень много людей. Так что, как решать вопрос во время войны, в условиях военной психологии, — трудно судить со стороны.

— Ну, если так рассуждать, — говорю я, — можно, наверное, в конце концов найти оправдание и маршалу Неделину.

Неожиданно выясняется, однако, что взгляд Сахарова на тот эпизод с Неделиным не совсем таков, как мы предполагали.

— А я не то что его упрекаю... — говорит он. — Я это рассказываю как констатацию факта. Каждый в таких случаях действует со своей колокольни. Эта история очень глубока на самом деле. Потому что речь идет не лично о маршале Неделине. Не о том, что он людоед, а я голубь. Речь о том, что эти проблемы действительно очень трагичны. И ответственность — всеобщая (вы правильно задали мне вопрос об ответственности). И ответственность эта не может быть переложена на тех, кто «направляет».

Те, кто «направляет», делают это по закону своей профессии. Тут дело не в личных качествах, а дело

в системе. И в том, что в таких вопросах, как большая термоядерная война, есть всеобщая личная ответственность. Неделин этого не понимал. А я обязан это понимать. И не только я, а очень многие. Все обязаны.

— А что вы можете сказать о Курчатове?

Разговор наш идет несколько сумбурно, перепрыгивая с темы на тему. Нас, однако, это не беспокоит: потом у нас будет время все выстроить, как надо. Мнение Сахарова о Курчатове нам интересно по многим причинам. Курчатов, как он всюду представлен, — некая противоположность Сахарову. Этакий никогда не сомневающийся носитель официальных идей. За это всегда обласканный. Стопроцентно благополучный. Так и видишь кивки в его сторону: вот ведь можно же быть выдающимся и одновременно — послушным.

— Я много могу о нем сказать, — говорит Андрей Дмитриевич. — Потому что я с ним... Хотя общался немного, но общался в таких ситуациях, где проявляются нетривиальные свойства личности. Это был действительно человек совершенно незаурядный. Я могу рассказать один эпизод, который не вошел в его официальные биографии. Я был глубоко озабочен проблемой биологических последствий ядерных испытаний. Каждое большое ядерное испытание — это нечто вроде Чернобыля. Не подземное, конечно. Тогда, в пятидесятые годы, подземные ядерные испытания не проводились.

Главным образом, потому, что сложнее и дороже. Не потому, что они не могут дать тех же самых результатов. Весной 1958 года Хрущев объявил односторонний мораторий на проведение ядерных испытаний. Это было в его речи при вступлении на пост Председателя Совета Министров. По-моему, это был март 1958 года. После этого СССР не проводил ядерных испытаний. А США заявили, что они не могут оборвать свою серию ядерных испытаний, они будут еще некоторое время их проводить, а затем примкнут к нашему мораторию. Но Хрущев к осени передумал и решил возобновить испытания. Я считал это совершенно неправильным. Меня беспокоило то, что продолжение ядерных испытаний в атмосфере приводит к большим человеческим жертвам, и если не будут прекращены испытания, то число этих жертв будет действительно чрезвычайно большим. И, кроме того, я считал совершенно неправильным политически, объявив мораторий, не дождавшись того, что он приведет к прекращению ядерных испытаний во всем мире, — а это, несомненно, произошло бы через несколько месяцев, — вновь начинать испытания (сейчас Горбачев был гораздо более последователен и настойчив). Я с этим пошел к Курчатову. В это время Курчатов был очень болен. Некоторое время перед этим у него был инсульт. Он не ходил в свой институт, но ежедневно принимал сотрудников у себя дома и таким образом продолжал осуществлять руководство. Он

жил на территории института. Был у него такой домик, который его сотрудники называли «домиком лесника». Он, между прочим, сам из семьи лесника. Потом он оправился и стал ходить в институт, стал более активно работать, несколько лет работал... Но вот это был период, когда все разговоры с ним велись дома. Я приехал к нему домой и изложил свои соображения. Он долго меня расспрашивал и решил, что я прав. И тогда он, пренебрегая запретами врачей, сел в самолет и полетел к Хрущеву в Крым, где тот в то время отдыхал. Потому что решить этот вопрос мог только Хрущев. Хрущев был очень разозлен, отказался последовать совету Курчатова, и испытания осенью 1958 года были продолжены. Курчатов после этого потерял милость Хрущева. Он на протяжении ближайших нескольких лет уже ее не имел...

— Он же умер в 1960 году, — напоминаю я.

— Да, он умер в 1960 году, — подтверждает Сахаров, — от повторного инсульта. Вот, мне кажется, что этот эпизод характеризует Курчатова как человека с нетривиальным мышлением, способного действовать не как чиновник, которые, как известно, всегда говорят то, что хочется начальству, а так, как он считает своим долгом. Это проявлялось и в ряде других эпизодов.

— А какие-то отрицательные его черты вы наблюдали?

— Я с ним общался в тех ситуациях, когда его отрицательные черты не проявлялись. Может быть, я что-нибудь и слышал в том роде, но это было не со мной, а потому я не хотел бы об этом говорить.

Летом 1961 года состоялась встреча ученых-атомников с Хрущевым. Выяснилось: предстоит новая серия атомных испытаний, которая должна подкрепить новую политику СССР в германском вопросе, то бишь Берлинскую стену. Сахаров послал Хрущеву записку:

«Возобновление испытаний после трехлетнего моратория подорвет переговоры о прекращении испытаний и о разоружении, приведет к новому туру гонки вооружений, в особенности в *области* межконтинентальных ракет и противоракетной обороны».

Хрущев положил записку в карман и пригласил всех обедать. За столом он произнес речь, которая, по воспоминаниям Сахарова, в общих чертах сводилась к следующему. Сахаров хороший ученый, но предоставьте нам — специалистам этого хитрого дела, — делать внешнюю политику. Только сила, только дезориентация врага! Мы не можем сказать вслух, что мы ведем политику с позиции силы, но на самом деле это так. Я был бы слюнтяй, а не Председатель Совета Министров, если бы слушался таких, как Сахаров.

Повторилась история с Неделиным: ученые, знайте свое место!

Следующий раунд борьбы против испытаний состоялся в 1962 году. Тогда затеяли новый взрыв. При этом, как считал Сахаров, исходили из ведомственных, министерских интересов, с технической точки зрения испытания были бесполезны. Взрыв намечался очень мощный, на большой высоте, так что число жертв неминуемо оказалось бы огромным. В течение нескольких недель Сахаров предпринимал отчаянные попытки не допустить этого. Накануне взрыва он позвонил министру и пригрозил уйти в отставку. Министр отмахнулся: мы вас не держим. Тогда Сахаров бросился искать Хрущева, сумел до него дозвониться, хотя он в ту пору был в Ашхабаде, умолял его вмешаться и не допустить нового атомного гриба. На следующий день Сахаров имел объяснение с одним из приближенных Хрущева, который сообщил ему, что испытания перенесены на более ранний срок и самолет-носитель уже находится в воздухе...

«Чувство бессилия и ужаса, охватившее меня в этот день, запомнилось на всю жизнь и многое во мне изменило на пути к моему сегодняшнему мировосприятию», — писал позднее Сахаров.

Оглядываясь на те дни, на эту отчаянную борьбу ученого-одиночки, ставишь ее рядом с океаном лжи, которую потом обрушили на его голову люди, не ударившие пальцем о палец, чтобы отвести беду от тысяч ни в чем не повинных своих соотечественников, жителей других стран, но тем не менее считавшие себя вправе

бросать Сахарову вздорные обвинения, будто он призывает к ядерной войне.

Все же, наверное, эпопея эта оставила в душе Сахарова не только боль и ужас. В конце концов она принесла плоды — договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой, заключенный в 1963 году, о котором уже была речь. Сахаров по праву гордится, что тут есть и доля его заслуги.

«Вопрос. *В последнее время распространилось представление, что гонка вооружений в основном направлена на то, чтобы экономически измотать противника. Это действует успокаивающе, люди начинают думать: «Никакой реальной угрозы войны нет — просто идут экономические игры, экономическое соревнование». Разделяете ли вы такое представление?*»

Ответ на этот вопрос неочевиден, и мы с интересом ждали, что напишет Сахаров.

«Ответ. *Я считаю, что причиной гонки вооружений является взаимное недоверие. Изматывание противника может быть целью, но глубинной причиной является именно величайшее недоверие, величайший страх одной системы перед другой. Что касается экономического изматывания, то это, на мой взгляд, обоюдоострая вещь. Очень обоюдоострая вещь... Но до сих пор государства все-таки как-то справлялись с этим, создав уже такое оружие, что оно может их всех много раз уничтожить. Поэтому я думаю, что, когда го-*

ворят об экономическом изматывании или о том, что гонка вооружений нужна для военно-промышленного комплекса, это все существует, но это все второстепенно. Главное — это взаимное недоверие, взаимный страх.

Вопрос. *То есть при создании новых видов оружия главным образом имеется в виду его прямое назначение — сдерживание и, в крайнем случае, применение?*

Ответ. *Думаю, что да. Хотя на втором плане экономические мотивы и аргументы существуют, и об экономическом изматывании говорили некоторые идеологи администрации Рейгана. Но все-таки, я считаю, все это сильно вторично. Ни им, ни нам не надо ставить это во главу угла в наших оценках и в нашей пропаганде».*

— Андрей Дмитриевич, — говорю я, — как вы считаете, будет ли ядерная война, доживет ли человечество до третьего тысячелетия? Я не хочу, чтобы вы выступали в качестве пророка — просто хочу, чтобы вы привели какие-то аргументы и кратко проанализировали проблему... Ведь человечество впервые оказывается в такой ситуации, когда горы оружия создаются, но не пускаются в ход. В прошлом они всегда использовались по назначению.

— Да, сейчас ситуация качественно иная, чем в прошлом. Именно потому, что это оружие, если оно будет пущено в ход, будет означать коллективное самоубийство человечества. Наличие этого оружия, конечно, пред-

ставляет потенциальную опасность, но вероятность того, что оно будет пущено в ход, гораздо меньше, чем когда-либо раньше. Правда, это вероятность чудовищного исхода. Прогнозы никакие невозможны. Я считаю, что просто нужно двигаться к миру. Нужно двигаться, нужно преодолевать взаимное недоверие. В долгосрочном плане, я считаю, это возможно на путях конвергенции. С отказом от идеологических догм. В общем, я остался на тех же позициях, на которых я стоял в 1968 году, когда писал «Размышления». Остался в смысле того, что надо делать. Что касается прогнозов, которые я тогда делал, — это был в какой-то мере литературный прием. Прогнозы делать вообще почти невозможно.

— Вы остались на тех же позициях... А изменилось ли общество, как вы полагаете? Какое-то движение произошло или нет?

— Я считаю, что изменения происходят, и изменения в целом — в правильном направлении. Вот журнал «Нью-Сайентист» изображает опасность всеобщей термоядерной войны при помощи часов на своей обложке...

— Не «Нью-Сайентист», а «Бюллетень ученых-атомников», — поправляю я.

— Да, да. «Бюллетень ученых-атомников». Я ошибся. И они в последнее время переводят стрелку все ближе и ближе к двенадцати. Я считаю, что это неправильно — целый ряд факторов, возникших в настоящее время, мог бы дать основания для того, чтобы этот журнал отодви-

нул стрелку от двенадцати. И среди этих факторов я могу назвать те изменения, тенденция к которым наметилась в нашем обществе. И некоторые, пока частичные, договоренности, достигнутые на пути взаимного компромисса. Излишнее нагнетание страха и отчаяния парализует разум и так же опасно, как самоуспокоенность.

Ядерная угроза была самым первым толчком, побудившим Сахарова стать на тропу «общественно-публицистической» деятельности, чтобы противостоять этой угрозе. И с тех пор он не сворачивает с этой тропы. Тем не менее в разгар брежневщины его обвиняли как раз в обратном — в призывах к войне. Нет пределов для лжи.

Наиболее мощная кампания против Сахарова была проведена в конце августа — начале сентября 1973 года. Поводом для нее стало интервью, данное Сахаровым корреспонденту шведского радио Улле Стенхольму и широко распечатанное на Западе. В этом интервью Сахаров изложил свои взгляды на международные отношения. Сигнал к началу кампании дала «Правда», напечатав 29 августа «Письмо членов Академии наук СССР». Письмо невелико, потому стоит привести его полностью:

«Считаем необходимым довести до широкой общественности свое отношение к поведению академика А. Д. Сахарова.

В последние годы академик А. Д. Сахаров отошел от активной научной деятельности и выступил с рядом заявлений, порочащих государственный строй, внешнюю

и внутреннюю политику Советского Союза, Недавно в интервью, данном им зарубежным корреспондентам в Москве и опубликованном в западной печати, он дошел до того, что выступил против политики Советского Союза на разрядку международной напряженности и закрепление тех позитивных сдвигов, которые произошли во всем мире за последнее время.

Эти заявления, глубоко чуждые интересам всех прогрессивных людей, А. Д. Сахаров пытается оправдать грубым искажением советской действительности и вымышленными упреками в отношении социалистического строя. В своих высказываниях он по существу солидаризируется с наиболее реакционными империалистическими кругами, активно выступающими против курса на мирное сосуществование стран с разными общественными системами, против линии нашей партии и государства на развитие научного и культурного сотрудничества, на укрепление мира между народами. Тем самым А. Д. Сахаров фактически стал орудием враждебной пропаганды против Советского Союза и других социалистических стран.

Деятельность А. Д. Сахарова в корне чужда советским ученым. Она выглядит особенно неприглядно на фоне концентрации усилий всего нашего народа на решении грандиозных задач экономического и культурного строительства СССР, на укреплении мира и международной обстановки.

Мы выражаем свое возмущение заявлениями академика А. Д. Сахарова и решительно осуждаем его деятельность, порочащую честь и достоинство советского ученого. Мы надеемся, что академик Сахаров задумается над своими действиями».

Под письмом стояло сорок академических подписей, в том числе — Н. Г. Басова, Н. Н. Боголюбова, А. Е. Брауншейна, А. П. Виноградова, С. В. Вонсовского, Н. П. Дубинина, Н. М. Жаворонкова, Б. М. Кедрова, М. В. Келдыша, М. А. Маркова, А. Н. Несмеянова, Ю. А. Овчинникова, А. И. Опарина, Б. Е. Патона, А. М. Прохорова, А. М. Румянцева, Н. Н. Семенова, Д. В. Скобельцына, С. Л. Соболева, В. Д. Тимакова, А. Н. Тихонова, П. Н. Федосеева, И. М. Франка, Ю. Б. Харитона, М. Б. Храпченко, П. А. Черенкова, В. А. Энгельгардта. Начавшаяся кампания — ценнейший памятник эпохи. Из письма академиков, как видим, невозможно понять, что же такого сказал в своем интервью Сахаров, за что его следует решительно осуждать. Между тем все последующие письма, напечатанные в газетах, ссылались именно на это первое письмо как содержащее некую информацию. То есть обсуждалось и осуждалось нечто неведомое, но обсуждавшие и осуждавшие делали вид, что предмет разговора им доподлинно известен.

Писатели:

«Прочитав опубликованное в вашей газете письмо членов Академии наук СССР относительно поведения

академика Сахарова, порочащего честь и достоинство советского ученого, мы считаем своим долгом выразить полное согласие с позицией авторов письма...»

Медицинские академики:

«Мы, советские ученые-медики, оскорблены поведением академика А. Д. Сахарова, порочащим честь и достоинство советского ученого, и вместе с учеными Академии наук СССР решительно осуждаем...»

Слова-то какие — «поведение академика Сахарова». Точно это не взрослый человек, известный ученый, а ученик пятого класса Ваня Сидоров...

Академики-художники:

«Мы, члены Академии художеств СССР, целиком поддерживаем протест членов Академии наук СССР, опубликованный в газете «Правда», и решительно осуждаем клеветнические заявления академика Сахарова. Мы считаем его поведение...»

Композиторы:

«Ознакомившись с письмом членов Академии наук СССР, опубликованным в газете «Правда» от 29 августа, мы, советские композиторы и музыковеды, целиком присоединяемся к их оценке действий А. Д. Сахарова...»

Деятели кино:

«Мы, советские кинематографисты, ознакомившись с письмом группы академиков, опубликованным в газете «Правда», полностью присоединяемся к их оценке недостойного поведения А. Д. Сахарова...»

Интересно сегодня рассматривать подписи под письмами. Писательские, например. Вместе с не вызывающими удивления фамилиями Ю. Бондарева, Н. Грибачева, А. Кешокова, В. Кожевникова, Г. Маркова, С. Михалкова, В. Озерова, С. Сартакова, А. Софронова, Н. Тихонова, А. Чаковского стоят подписи Ч. Айтматова, В. Быкова, С. Залыгина, К. Симонова, С. С. Смирнова.

В числе подписантов-композиторов вместе с Т. Хренниковым — Д. Кабалевский, Г. Свиридов, Д. Шостакович, Р. Щедрин.

Из деятелей кино вместе с Г. Александровым, С. Бондарчуком, С. Герасимовым, Л. Кулиджановым, Е. Матвеевым, Ю. Озеровым — Р. Кармен, С. Юткевич.

Почему-то отставшие от поезда академики Н. Цицин и А. Имшенецкий напечатали индивидуальные письма. Надо полагать, чтобы их молчание не посчитали вольнодумством. Забавно при этом: в письме А. Имшенецкого просочилось, что Сахаров все-таки выступает за мирное сосуществование, а не против. Собрат по академии лишь поучал Андрея Дмитриевича, что он делает это как-то не так:

«Горько видеть, что знания у специалиста сочетаются с абсолютным непониманием того, как он должен бороться за мирное сосуществование стран, имеющих различные социальные системы...»

Отдельно прислали письмо из Сибирского отделения Академии наук. Там, среди других, стояли подписи

М. А. Лаврентьева, Г. И. Марчука, А. Н. Скринского, А. А. Трофимука, В. А. Коптюга, С. С. Кутателадзе.

С осуждением Сахарова выступил знатный полевод, почетный член ВАСХНИЛ Т. С. Мальцев:

«Я до глубины души возмущен и вместе с тем удивлен, что среди академиков нашелся человек, которому не дорого благополучие нашего народа, не дороги принципы мирного сосуществования...»

Тут, видите, опять — мирное сосуществование не дорого.

«...Он заодно с заядлыми нашими врагами — империалистами стремится чинить препятствия налаживанию мирной жизни народов нашей планеты.

Члены Академии наук правильно осудили отступника. Академик Сахаров заслуживает всеобщего презрения за предательство интересов науки, интересов советского народа, всего прогрессивного человечества».

Еще крепче «прикладывал» Сахарова белорусский академик Н. Ергин:

«Забросив науку, он ринулся в атаку на мирную советскую политику, на советский образ жизни. Маска сброшена, перед нами предстала по сути дела марионетка в руках темных империалистических сил».

Интересно, до чего бы договорились авторы этих писем, распаляя друг друга, если бы эта кампания длилась не неделю, а дольше.

Одновременно с письмами известных деятелей печатались письма рядовых читателей.

«Мы, представители многотысячного коллектива рабочих Автозавода имени И. А. Лихачева...»

«Мы, механизаторы тракторной бригады ордена Ленина колхоза имени XX съезда КПСС Новоукраинского района Кировоградской области...»

«Мы, доменщики Магнитогорска...»

«Коллектив нашей бригады с возмущением узнал о поведении академика Сахарова...»

«Наши колхозники до глубины души возмущены непорядочными действиями академика Сахарова...»

«Я и мои товарищи по труду прочитали письмо выдающихся советских ученых-академиков по поводу недостойных действий академика Сахарова...»

Какие действия? Какое поведение? Спросить бы у тех, чьи фамилии стоят под этими строчками.

Впрочем, известно, как в былые годы «организовывались» подобные «письма трудящихся».

Как пятнадцать лет назад Пастернака, Сахарова упрекали в том, что он неблагодарный едок народного хлеба.

«...Человек, который, используя все блага советского строя, стал ученым, живет в условиях, которым позавидовали бы многие ученые мира» (я тут вспоминал двухкомнатную обшарпанную квартиру Сахаровых на улице Чкалова) ...теперь пытается охаивать и ми-

ролюбивую политику нашей партии, и советский образ жизни».

«Как можно пользоваться благами советского ученого и гражданина и в то же время поносить самое святое — Родину нашу, отвоеванный и укрепленный мир?»

«...Неблагодарность... к народу, тебя воспитавшему, к Родине, создавшей все условия для плодотворной успешной работы, преступна».

«...Не укладывается в сознании, как гражданин Советского Союза, используя все блага нашей жизни, все, что дано советским строем, мог дойти до такого падения!»

Бывший партизан Г. Забелло из Подольска рассказал в своем письме об украинской Зое — партизанке Кате Ганзиной, замученной и сожженной в известковой печи.

У читателя создавалось ощущение, что это чуть ли не Сахаров ее замучил и сжег.

Текстам соответствовали и заголовки писем: «Отповедь клеветнику», «Предел падения», «Недостойно звания ученого», «Грязная попытка», «Позорит звание гражданина», «Недостойная акция», «Такое поведение — предательство», «Позиция, чуждая народу», «Заодно с врагами»...

Что же это за интервью, которое вызвало такую волну осуждения и протестов? В нем Сахаров впервые связал международную разрядку, вокруг которой в ту

пору было много шума, с необходимостью демократизации порядков в самом Советском Союзе. До той поры брежневская команда полагала, что она может спокойно лицедействовать на международном поприще, разыгрывая миролюбцев, и одновременно придушивать малейшие продыхи свободы по эту сторону госграницы. Причем, что самое любопытное, эта двойная игра нисколько не задевала западных деятелей, полагавших, видно, что внутренние злодейства — одно, а внешнее «миролюбие» — другое. Сахаров раскрывал им глаза на фальшивость такой разрядки. Отсюда — неистовство дирижеров брежневско-сусловской пропаганды при всей нерасшифрованности истинных мотивов этой ярости.

В начале 1987-го наши газеты наперебой обвиняли США в нежелании откликаться на советские мирные предложения, как в них говорилось — на «инициативы» (хотя в русском языке слово «инициатива» имеет лишь единственное число). Следует вопрос в духе этой кампании.

«Вопрос. *Почему, с вашей точки зрения, противоположная сторона не хочет делать ответных шагов, ожидая уступок только от нас?*»

Сахаров вписал от руки на оставленном месте:

«Ответ. *Все те договоренности, которые были достигнуты в последние годы, основывались на встречном*

движении, на компромиссах. Это не отменяется тем, что каждая из сторон при этом упрекала другую в недостаточной уступчивости. Линии договоренности, наметившиеся в Рейкьявике, тоже носят компромиссный характер».

— Андрей Дмитриевич, — говорит Юра, — почему-то речь все время идет о двух странах — СССР и США. Мы это каждый день слышим по радио, по телевизору... Но ведь ядерное оружие может применить какая-то «третья» страна, а не наши две. И спровоцировать конфликт...

— Вообще террористы могут его применить, — добавляю я.

— С террористами, конечно, дело всегда плохо... — отвечает Сахаров. — Но... Слишком сложная штука. Слишком сложная штука. И вопрос не только в том, чтобы получить достаточное количество делящихся ядерных материалов...

Он, видимо, не желает договаривать, в чем еще сложность.

— Конечно, всякие ужасные случайности возможны, — продолжает он, — но это еще не будет большая термоядерная война.

— То есть вы считаете, что возможен локальный ядерный конфликт?

— Нет, я говорю только о террористах. Террористы... Не дай бог, чтобы к ним в руки попало что-нибудь

такое... По-моему, это пока маловероятно. Но если мы даже допустим такую возможность, все-таки это будет что-то локальное. Что касается «третьих» стран — не СССР и не США, вообще не великих держав, — я надеюсь, что они все-таки не прибегнут к ядерному оружию. Потому что это очень обоюдоострая вещь.

Я напоминаю Сахарову слова Бертрана Рассела: опасность ядерной войны будет увеличиваться по мере того, как человечество будет привыкать жить на пороховой бочке.

— В самом деле, — говорю я, — сорок с лишним лет прошло с тех пор, как появилась бомба. Каждый думает: «Ничего ведь не произошло...»

— Произошло очень многое, — возражает Сахаров. — Сама пороховая бочка стала совсем другой. Когда Рассел говорил эти слова, с помощью имевшегося тогда оружия можно было многократно тиражировать Хиросиму, но это не было бы еще уничтожением человечества. То термоядерное оружие, которое возникло с тех пор, создало качественно иную ситуацию, к которой привыкнуть невозможно. И в СССР, и в США, и в Европе, вообще во всем мире все знают, что большая термоядерная война — это всеобщий полный конец.

В последние годы перед людьми открылась самая страшная сторона ядерной войны, до тех пор почему-то ускользавшая от общего внимания, — «ядерная зима».

Задаю академику вопрос, доверяет ли он расчетам модели «ядерной зимы».

— Я не знаю полностью всех этих работ, — отвечает Сахаров. — Я видел статьи, в которых оспариваются эти работы. При моделировании глобальных климатических последствий ядерной войны имеет место большая неопределенность. Но мы не можем рисковать. Гибель человечества в результате большой термоядерной войны может произойти от очень большого числа причин. А вернее — от совокупности большого числа причин. Это очень хорошо освещено в литературе, я не буду повторяться. Я писал об этом, в частности, в своей статье «Опасность термоядерной войны». Об этих прогнозах. Эта моя статья в советской прессе была встречена в штыки. Ее полное название просто не было сообщено советскому читателю, тем не менее она была освещена в газете «Известия» в статье, подписанной, к сожалению, четырьмя академиками. Это было провокационное действие и дезинформирующее действие. Одновременно появились клеветническая книга и клеветнические статьи Яковлева, в которых ответственность за мои действия переносилась на мою жену. Кроме того, там был чудовищный набор клеветы в отношении нее. В целом это была некая провокация против меня и против моей жены. Печатная провокация, которая, если была бы нормальная система судебной защиты, должна была бы повлечь уголовную от-

ветственность за клевету и провокацию против личности...

Статья четырех академиков в «Известиях», о которой говорил Сахаров, появилась 2 июля 1983 года и была подписана А. А. Дородницыным, А. М. Прохоровым, Г. К. Скрябиным и А. Н. Тихоновым.

Начиналась она так:

«Открыв номер американского журнала «Форин афферс» и обнаружив в нем пространную статью академика Андрея Сахарова, мы взялись за ее чтение, ожидая, по правде говоря, всякого. Что Сахаров пытается очернить все, что нам дорого, что он клевещет на собственный народ, выставляя его перед внешним миром эдакой безликой массой, даже и не приблизившейся к высотам цивилизованной жизни, мы хорошо знали.

Сахаровское творение в «Форин афферс» нас тем не менее поразило...»

Ощущение такое, что академики, в том числе престарелый Тихонов, регулярно читают американский журнал «Форин афферс» и наткнулись на статью Сахарова случайно, за утренним кофе.

Авторы обвиняют Сахарова во многих грехах, под конец даже — в призыве к войне:

«...Человек по существу призывает к войне против собственной страны... Несколько столетий назад Эразм Роттердамский сказал, что лишь немногие, чье подлое благополучие зависит от народного горя, делают войны».

Да, видно Эразм Роттердамский как раз и имел в виду таких пацифистов, как Сахаров, когда произносил эти слова. Вероятно, авторы текста, разгорячась от процесса писания, совсем потеряли ориентировку в действительности.

Статья Сахарова посвящена как раз обратному — предостережению об опасности ядерного апокалипсиса. Называется она, как уже знает читатель, «Опасность термоядерной войны» (в педантичной жажде точности Сахаров обычно употребляет слово «термоядерная» вместо «ядерная»).

Точно рефрен по всей статье повторяются слова об ужасных угрозах, которые несет с собой война:

«То, что вы говорите и пишете об ужасных опасностях ядерной войны, очень близко моему сердцу и глубоко волнует меня в течение многих лет»[1].

«...Большая ядерная война явилась бы бедствием неописуемых масштабов и имела бы совершенно непредсказуемые последствия...»

---

[1] Обратный перевод приводимых цитат с английского на русский — мой: я спрашивал у Андрея Дмитриевича, не сохранился ли у него оригинал статьи, но по какой-то причине — сейчас уже не помню какой — в тот момент, когда я работал над этим материалом, он не смог мне его предоставить. — *О. М.*

Статья написана как открытое письмо американскому ученому Сиднею Дреллу в связи с его выступлениями по поводу опасностей ядерной войны. К тем ужасам, которые описывает Дрелл, Сахаров добавляет много других, не упоминаемых Дреллом:

«Сотни миллионов людей будут метаться в панике, часто из одной пораженной зоны в другую. Сотни миллионов людей неизбежно станут жертвами радиоактивного поражения, массовые миграции людей вызовут хаос, ухудшение санитарных условий и голод во все больших масштабах. Генетические последствия радиоактивного поражения создадут угрозу существованию человека как биологического вида, так же, как угрозу всей животной, растительной жизни на Земле...»

«Продолжительные лесные пожары могли бы уничтожить большую часть лесов планеты...

Ядерные взрывы на большой высоте и в космосе... могли бы разрушить или серьезно повредить озоновый слой, защищающий Землю от солнечного ультрафиолетового излучения...

Разрушение транспорта и коммуникаций могло бы оказаться критическим для сложного современного мира.

Без сомнения, произойдет (полное или частичное) разрушение производства и распределения пищи, нарушение снабжения водой, канализации, снабжения горючим и энергоснабжения, здравоохранения, обеспечения одеждой — все это в континентальных масштабах...

Особенно трудно ожидать, что человечество сможет поддерживать какую-либо социальную стабильность в условиях всеобщего хаоса. Огромные банды будут убивать и терроризировать людей, а также сражаться друг с другом в соответствии с законом уголовного мира: «Ты умрешь сегодня, а я умру завтра»...

Суммируя все, можно было бы сказать, что всеобщая ядерная война означала бы разрушение современной цивилизации, отбросила бы человека на столетия назад, вызвала бы гибель миллионов и миллиардов людей, и, с определенной степенью вероятности, вызвала бы гибель человека как биологического вида, и могла бы даже вызвать уничтожение жизни на Земле.

Ясно, что бессмысленно говорить о победе в большой ядерной войне, которая есть коллективное самоубийство...»

Концовка статьи — о том же самом:

«В заключение я снова подчеркиваю важность того, чтобы мир понял абсолютную недопустимость ядерной войны, коллективного самоубийства человечества. Победить в ядерной войне невозможно. Чего необходимо добиваться, о чем постоянно думать, так это о полном ядерном разоружении, основанном на стратегическом паритете в обычных вооружениях. До тех пор, пока в мире есть ядерное оружие, должен сохраняться стратегический паритет ядерных сил, так, чтобы ни одна из сторон не рискнула бы начать ограниченную или ре-

гиональную ядерную войну. Подлинная безопасность возможна, только когда она основана на стабильности в международных отношениях, отказе от экспансионистской политики, укреплении международного доверия, открытости и плюрализме в социалистических обществах, соблюдении прав человека повсюду в мире, сближении — конвергенции — социалистических и капиталистических систем, мировой координации усилий для решения глобальных проблем».

Вот такой «призыв» к ядерной войне...

Что заставило Дородницына, Прохорова, Скрябина и Тихонова подписать свою фальшивку? Ведь не грозили им расстрелом. Или хотя бы понижением зарплаты. Самое большее, чем они рисковали, — узреть мимолетную тень во взгляде начальства. Неужто это так страшно? Неужто из-за такой угрозы можно забыть о совести?

Да, загадочна человеческая природа.

Конечно, Сахаров взял на себя и некий грех, смертельный грех, с точки зрения Дородницына, Прохорова, Скрябина и Тихонова, — он встал «над схваткой», поднялся выше взаимных пропагандистских дрязг и спокойно проанализировал, в каком направлении следует двигаться, имея целью безопасность и разоружение. Но, во-первых, если вы хотите ему возразить, — возражайте! Опровергайте то, что он говорит, а не приписывайте провокационно, чего в его статье нет — например, чудовищное обвинение в подстрекательстве

к ядерной войне. Во-вторых, именно по этому пути, на который указывал Сахаров, в конце концов и двинулись обе стороны в своих переговорах и уже добились на нем колоссального успеха — договора о средних и ближних ракетах. И, станем надеяться, добьются успехов других. Только бы не сползли на старую колею базарной ругани и взаимного нагромождения обвинений.

В одной из главок статьи, например, Сахаров говорит о необходимости, чтобы Запад пересмотрел свое отношение к обычным вооружениям. До сих пор западные политики, пишет он, сквозь пальцы смотрели на превосходство социалистического лагеря в обычных вооружениях, уповая на ядерное сдерживание.

«*Возможно, что в течение ограниченного периода времени, — говорится в статье, — страх перед ядерным оружием в самом деле имел определенное сдерживающее влияние на развитие событий в мире. Но в настоящее время равновесие ядерного страха представляет собой опасный пережиток прошлого! Чтобы предотвратить агрессию с использованием обычного оружия, никто не может прибегать к угрозе применить оружие ядерное, ибо такое применение недопустимо. Один из выводов, следующих отсюда, — ...что необходимо восстановить стратегический паритет в области обычных вооружений...*

...Это очень важное и нетривиальное утверждение...»

Идея ядерного сдерживания весьма любима многими не только «там», но и «здесь». Причем любят ее вовсе не плохие и не глупые люди. Требуется, однако, безжалостная логика такого человека, как Сахаров, чтобы показать бессмысленность этой идеи: сдерживать того, кого вы считаете потенциальным агрессором, можно лишь с помощью оружия, которое в самом деле можно при случае применить, но не такого, какое применить нельзя ни при каких обстоятельствах.

Мне возразят: не один Сахаров поднял голос против идеи ядерного сдерживания — это каждый день можно слышать по радио. Есть, однако, различие между невесомыми пропагандистскими словесами, за которыми не стоит ничего, кроме желания приукрасить себя и очернить других, и той ясной логикой, о которой сказано выше.

Впрочем, после апреля 1985-го и в наших официальных сферах о бессмысленности ядерного сдерживания стали говорить вполне ответственно и серьезно. Тут Сахаров опять оказался пророком.

Тогда же, в 1983-м, ярость вызвало то, что Сахаров словно бы призывает Запад добрать в обычном вооружении. На разговор о бессмысленности ядерного сдерживания не обратили внимания.

Так же «над схваткой» стоит Сахаров и тогда, когда говорит о ядерном равновесии.

«...Сахаров призывает США, Запад ни при каких обстоятельствах не соглашаться с какими-либо ограни-

чениями в гонке вооружений, ядерных в первую очередь, — уверяют Дородницын, Прохоров, Скрябин и Тихонов советского читателя, никогда не державшего в руках американский журнал «Форин афферс»... — Один из его аргументов — если у Вашингтона будут ракеты МХ, а это тоже известное оружие первого удара, — «Соединенным Штатам будет легче вести переговоры с СССР».

Между тем статья Сахарова только и посвящена тому, как добиться ограничения гонки вооружений и предотвращения самой ужасающей, какие только знало человечество, войны. В частности, то место насчет ракет МХ, о котором пишут академики, выглядит так:

«*Не менее важна проблема, касающаяся мощных ракет шахтного базирования. В настоящее время СССР имеет большое преимущество в этой области. Возможно, переговоры об ограничении и сокращении числа этих наиболее разрушительных ракет могли бы стать легче, если бы США вынуждены были иметь ракеты МХ, хотя бы потенциально (в самом деле, это было бы самое лучшее)*».

То есть для атмосферы на переговорах, считает Сахаров, благотворным было бы известие, что США работают над ракетой МХ, способной уравновесить аналогичные советские ракеты.

Это и другие подобные места в сахаровской статье вызвали самый яростный гнев академиков:

«Мы несколько раз возвращались к этим местам в статье Сахарова. И у нас появилось какое-то странное ощущение: да он ли это пишет?.. Да к какой стране и к какой «цивилизации» он себя относит и чего в конечном счете добивается?.. Что же он за человек, чтобы дойти до такой степени нравственного падения, ненависти к собственной стране и народу?.. »

...В конце концов осознали нужду отрешиться от этого деланного кликушества, стали спокойно считать, у кого сколько ракет, боеголовок, самолетов, танков, сколько чего надо сократить, чтобы всем стало жить спокойней.

Сахаров же давно понимал такую необходимость. И говорил о ней вслух, не озираясь на фальшиво-разъяренные крики лицемеров и фарисеев.

«Вопрос. *В ваших «Размышлениях о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» был высказан ряд предположений о возможном развитии мира. Какие из них оправдались, какие нуждаются в коррекции?*

Ответ. *Основные мысли, высказанные в «Размышлениях» и в Нобелевской лекции «Мир, прогресс, права человека», представляются мне правильными и сейчас. Это утверждение о неразрывной связи международной безопасности с открытостью общества, соблюдения прав человека (идеология защиты мира и прав человека) и об исторической необходимости конвергенции социа-*

листической и капиталистической систем как условия выживания человечества».

Интервью близится к концу, и мы ощущаем потребность задать какой-то вопрос для отдохновения читателя.

— Андрей Дмитриевич, — говорит Юра, — скажите, пожалуйста, вы, наверное, следите за развитием литературы, искусства?..

— Да, да, я тоже хотел спросить, — вырывается и у меня.

— Не очень, — признается Сахаров. — Моя система ознакомления с литературой следующая. Моя жена — усиленный читатель, и уж она мне рекомендует... Нет, она не пересказывает... То есть она иногда и пересказывает... Детективы... Которые я потом не читаю. А все стоящее она мне просто дает читать. Таким образом, я читаю сравнительно мало.

— Нет, нет, он очень подкованный, — смеется Елена Георгиевна. — Он скромный.

Мы спрашиваем, что из последнего более всего ему понравилось.

— На мой взгляд, яркие вещи — «Плаха» Айтматова и «Печальный детектив» Астафьева. Но самое серьезное — «Карьер» Быкова.

Напомню, что разговор происходил в начале января 1987 года. Забавное совпадение: Айтматов, Быков...

«Вопрос. *Насколько мы знаем, в последние дни вы много времени проводили с западными журналистами.*

О чем они вас более всего спрашивают и что вы им отвечаете?»

В ту пору возвращение Сахарова в Москву было темой номер один для западной печати. О том же без умолку трещали радиостанции.

«Ответ. *Они задавали почти те же вопросы, что и вы, я отвечал им то же, что и вам*».

Обидно, конечно, что мы так неоригинальны. Но мы себя утешали, что все же дело обстоит не совсем так. Что передают и печатают на Западе, нам ведомо. У них там несколько иные интересы.

— Ты обещал поговорить с испанцами завтра. Они тебе даже принесли вопросы, — говорит Елена Георгиевна, листая какие-то страницы. — Вопросы обычные. Но когда, в какое время ты их примешь? Завтра четвертое число...

— Завтра... — повторяет Андрей Дмитриевич в некоторой растерянности. — Да, я действительно обещал встретиться с ними завтра... У нас в час «Нью-Йорк таймс»... В час у нас «Нью-Йорк таймс»...

Елена Георгиевна смеется:

— Я ополоумела уже от этих интервью.

— Круг вопросов действительно один и тот же? — недоверчиво переспрашивает Юра.

— Немножко варьируется... — говорит Сахаров. — «Нью-Йорк таймс» как раз отличается от других, и я должен подготовиться...

Елена Георгиевна читает вопросы испанских журналистов:

— «Вы попросили амнистировать всех вольнопоселенцев...» Что такое вольнопоселенцы?

— Видимо, имеются в виду народы, переселенные в конце войны, — высказываем мы догадку.

Последнее:

«Вопрос. Вы были лишены всех правительственных наград, в том числе трех золотых Звезд Героя Социалистического Труда. Ожидаете ли вы, что вам их вернут?

Ответ. *Я ничего не знаю и не думаю об этом. «Не до ордена, была бы Родина с ежедневными Бородино», — написал в 1942 году погибший на фронте Михаил Кульчицкий. Я, вспоминая эти строки, думаю о сохранении мира на Земле и восстановлении справедливости к узникам совести».*

Мы прошлись по всем вопросам, задали новые. Интервью окончено.

— Андрей Дмитриевич, — просит Юра, а вы не могли бы немного рассказать о себе, а то ведь мы практически очень мало о вас знаем. Где вы родились, как пришли в физику... Кратко.

— Краткая автобиография?

— Краткая, но достаточно развернутая.

— Краткая подробная. Я несколько раз писал кратко...

— Для отдела кадров?

— Нет, не для отдела кадров... В предисловии к книге «Сахаров сэйз»...

— Не дошла до нас.

Для Сахарова просьба рассказать о себе, видимо, неожиданна. Он уже видел перед собой близкую минуту отдыха. Но отказать он, конечно, не может...

Инициативу берет на себя Елена Георгиевна:

— Давай я буду говорить, а ты меня будешь поправлять. Ты отдохни пять минут. Ты устал. Родился в Москве. В 1921 году. Дед Сахарова был довольно известным либеральным адвокатом. Выступал в знаменитых процессах... Одна из его речей — в сборнике Кони.

— В советском сборнике «Знаменитые речи русских адвокатов», — поправляет супругу Андрей Дмитриевич.

— Был составителем и редактором сборника об отмене смертной казни в России. Вы, вероятно, знаете, что у Андрея Дмитриевича есть, среди прочих, и такое душевное хобби, видимо, наследственное, — борьба со смертной казнью. Он написал, между прочим, статью об отмене смертной казни. Отец Сахарова окончил Гнесинское училище по классу фортепиано. С золотой медалью. И висит там на доске, в Гнесинском. Может быть, до сих пор висит. Я не была там последние восемь или девять лет.

— Десять лет тому назад мы с тобой видели фамилию Сахарова на этой почетной доске, — уточняет Андрей Дмитриевич.

— Кроме того, он окончил физфак, — продолжает Елена Георгиевна, — работал много лет преподавателем в Московском педагогическом институте, который теперь имени Ленина. И написал довольно много популярных книг по физике. Автор знаменитого учебника по физике, который очень много переиздавался, — Блудов и Сахаров. Сначала был просто Сахаров, а потом — Блудов и Сахаров. Последние два издания, посмертные, Андрей редактировал. Последнее издание было подготовлено к печати как раз тогда, когда начались все эти шумы с «Литгазетой» и вокруг Сахарова пошли круги. И договор был расторгнут. Хотя книга была уже сдана в издательство. И даже уже прошла гриф Учпедгиза и прочее.

— Да, я принимал участие в переработке учебника моего отца в шестьдесят третьем году, — добавляет Андрей Дмитриевич. — Там мною были написаны полностью две главы. Эта книга была издана большим тиражом и хорошо встречена. Потом она переделывалась гораздо более кардинально Михаилом Ивановичем Блудовым и мной. Но так как мое имя стало одиозным, ее издавать не стали. Я судился и получил шестьдесят процентов авторского гонорара. Михаил Иванович Блудов и я. Но книга осталась в рукописи...

— Так что физика была у Сахаровых дома, — продолжает свой рассказ Елена Георгиевна. — И у Андрея Дмитриевича никогда не было мысли идти учиться куда-то еще.

— «Атомы у нас дома»... — шучу я. — Так, если помните, называется книжка Лауры Ферми.

— Была у меня мысль стать микробиологом, — снова уточняет Андрей Дмитриевич, — но такая, поверхностная.

— Учился много лет дома. В школу пошел в первый раз в шестом классе.

— В пятом...

— В пятом. Потом бросил. Учили домашние учителя — в ту пору такое разрешалось. Я сама вначале тоже так образовывалась. Но меня во втором классе отправили в школу. В нашем поколении это было очень распространено. А сейчас, по-моему, это нельзя. Во всяком случае, когда у меня тяжело болел сын, мне не разрешили пользоваться частными преподавателями — присылали учителей из школы. И считалось, что он учится в школе. В общем, Андрей сэкономил год. Это оказалось кстати, иначе попал бы в армию. Но он школу кончил на год раньше и попал на физфак. Когда началась война, у них лучших студентов отбирали в Военно-воздушную академию. Андрея Дмитриевича не взяли по медицинской комиссии. Он уехал с университетом в Ашхабад и окончил четырехлетний курс. Ему предложили аспирантуру, но он отказался, считая, что в войну в аспирантуре сидеть неудобно. И был послан в распоряжение Министерства вооружения.

— Там вы не занимались теоретической физикой? — некстати задает вопрос Юра.

— Я там не занимался теоретической физикой. Я там занимался сначала... вообще непонятно чем... А потом я занимался изобретательством в области методов контроля производства.

— В общем, послали его окончательно на Ульяновский патронный завод. Там был глазной, ручной контроль патронов, а он сделал автомат. До сих пор в учебнике Малова «Патронное дело» этот автомат фигурирует.

— Ты путаешь разные изобретения, — строго поправляет жену Андрей Дмитриевич. — В маловском учебнике есть сахаровский прибор, но он не к визуальному контролю относится, а это прибор, имеющий отношение к проверке при помощи излома сердечника. Это другая вещь.

Трудно требовать от женщины знания таких тонкостей.

— Параллельно, уже к концу войны, он написал две статьи...

— Статей было больше, но послал две...

— Распространялись байки, — продолжает Елена Георгиевна, — что Сахаров не воевал и всю войну учился в аспирантуре. Это байки советской прессы. Сахаров не воевал потому, что его послали на этот оборонный завод. И сделал он там дело.

— Зато моя жена воевала... — вставляет Андрей Дмитриевич.

— А где вы воевали?

Про Елену Георгиевну тоже было много вранья.

— Я была на Волховском фронте. Была там тяжело ранена...

— Вы были медсестрой?

— Вначале, по комсомольской мобилизации, я была замполитрука. Были такие должности. До войны я училась на вечернем отделении филфака в Ленинграде, окончила там вечерние курсы медсестер запаса, как все студенты. Я ведь была сирота тридцать седьмого года, так что я днем работала. И когда я была ранена, я была санинструктором. Но одновременно была и замполитрука — комсоргская работа. Лежала в госпитале в Вологде и Свердловске. После госпиталя была направлена на военно-санитарный поезд, где пробыла до конца войны. Раньше я думала, что меня в мае перевели в Беломорский округ, а теперь нашла бумажку, где написано, что в июне. В Беломорском военном округе довольно долго было разминирование. Я была начальником медсанчасти отдельного саперного батальона и оттуда демобилизовалась. На поезде я успела получить контузию, и у меня были поражены оба глаза... Один глаз я практически потеряла и была демобилизована как инвалид второй группы... И по сей день я всю жизнь инвалид второй группы. С большим боем я поступила в мединститут, потому что тогда с одним глазом не полагалось... Но давайте — об Андрее Дмитриевиче. После войны он вернулся в Москву, поступил

в аспирантуру ФИАНа. Быстренько защитил диссертацию. Нет, правда, не быстренько, у него была задержка — он не сдал марксизм...

— Философию! Я философию не сдал. И не сдал исключительно по честности. Меня спросили, читал ли я какое-то произведение Чернышевского. Я сказал, что я не читал, но знаю, о чем там написано. Это было сочтено недостаточным, и мне поставили двойку. За честность. Потому что если бы я начал отвечать по пересказу, то я бы все рассказал. Это отсрочило мою защиту и получение продуктовых карточек ровно на полгода. А между тем жена и дочь из Ульяновска были привезены... Тогда у меня была еще только одна дочь, но это уже было кое-что. И очень нужны были карточки. А как раз к тому времени, как я защитил, карточки отменили. Так что я не успел их получить.

— А потом был сорок восьмой год, — обозначает Елена Георгиевна следующую веху в биографии своего мужа. — Игорь Евгеньевич как-то сказал после семинара: «Сахаров, Беленький — кто там еще? — останьтесь. Остальные свободны».

— Он с большим огорчением, тревогой и в то же время с каким-то возбуждением сказал, — поясняет Андрей Дмитриевич, — что по постановлению правительства в Физическом институте создается специальная группа, которая будет заниматься, скажем прямо, проблемой создания водородной бомбы.

— В помощь Зельдовичу, — почему-то с юмором говорит Елена Георгиевна, имея в виду какую-то, по-видимому, лишь ей одной и Андрею Дмитриевичу ведомую причину.

— Не в помощь, а в качестве параллельной группы, — опять поправляет Андрей Дмитриевич. — Это был июнь 1948 года. Как раз когда Михалков написал свои знаменитые стихи о космополитах...

Может, это и есть скрытая причина смеха. Яков Борисович Зельдович, несомненно, должен был бы проходить по этому разряду — космополитов — не будь он к тому времени вовлечен в важнейшую работу, какую только знала в ту пору советская наука. Как всегда, к важнейшей работе привлекались все без разбору — и космополиты, и некосмополиты. Главным критерием был талант. Национальность не имела значения.

— А дальше — никакой биографии! — Елена Георгиевна победно гасит сигарету о дно пепельницы.

— Дальше никакой биографии, — механически повторяет Андрей Дмитриевич.

— До шестьдесят восьмого года.

— Дальше началась работа... Кандидатскую я защитил осенью сорок седьмого. Мирным кандидатом проходил полгода. Затем я фактически перестал заниматься фундаментальной наукой. Именно тогда я отошел от занятий наукой, а не «в последние годы»... Вот тогда

они могли написать: «В последнее время отошел от научной деятельности».

— А доктором как вы стали?

— Была защита на секретном ученом совете, созданном специально для защиты моей докторской и еще одной, кандидатской, диссертации. Это было по секретной линии.

— Членкором вы, кажется, не были?

— Я никогда не был членом-корреспондентом Академии наук. Я был избран академиком, минуя эту фазу. По представлению Курчатова.

Этакая блистательная научная карьера. Была ли еще одна такая в нашей стране? И все принести в жертву — идеалу, долгу, справедливости, совести. Уж здесь точно другого такого примера не сыскать.

В предисловии к книге «Сахаров говорит» Андрей Дмитриевич так вспоминает о годах своей работы по «военно-прикладной тематике»:

«...Через несколько месяцев после защиты диссертации, весной 1948 года, я был включен в исследовательскую группу, занимавшуюся проблемой термоядерного оружия... Увлеченный грандиозностью задачи, я работал с максимальным напряжением сил, стал автором или соавтором некоторых ключевых идей. В западной печати меня часто называют «отцом водородной бомбы». Эта характеристика очень неточно отражает сложную реальную ситуацию коллектив-

ного авторства, о которой я не буду говорить подробно...»

(Андрей Дмитриевич, повторяю, до последних дней жизни свято соблюдал заветы секретности).

«В 1950 году наша исследовательская группа вошла в состав специального института. В течение последующих восемнадцати лет я находился в круговороте особого мира военных конструкторов и изобретателей, специальных институтов, комитетов и ученых советов, опытных заводов и полигонов. Ежедневно я видел, как огромные материальные, интеллектуальные и нервные силы тысяч людей вливаются в создание средств тотального разрушения, потенциально способного уничтожить всю человеческую цивилизацию. Я наблюдал, как рычаги управления находятся в руках циничных, хотя по-своему и талантливых людей. До лета 1953 года верховным шефом атомного проекта был Берия, во власти которого находились миллионы рабов-заключенных, почти все строительство осуществлялось их руками. С конца 50-х годов все более отчетливым образом вырисовывалось коллективное могущество военно-промышленного комплекса, его энергичных, беспринципных руководителей, слепых ко всему, кроме своего «дела». Я был в несколько особом положении. В качестве теоретика-изобретателя, сравнительно молодого и к тому же беспартийного, я находился в стороне от административной ответственности, я был освобожден от пар-

тийной идеологической дисциплины. Мое положение давало мне возможность знать и видеть многое, заставляло чувствовать свою ответственность, и в то же время я мог смотреть на всю эту извращенную систему несколько со стороны. Все это толкало меня, особенно в идейной атмосфере, возникшей после смерти Сталина и XX съезда КПСС, на общие размышления о проблемах мира и человечества, в особенности о проблемах термоядерной войны и ее последствий».

— И вот с подачи Генри, с подначки Генри, — продолжает Елена Георгиевна, — он написал «Размышления». В шестьдесят восьмом они были опубликованы за границей. Андрей Дмитриевич был отстранен от секретной работы и вернулся в ФИАН, к своим научным истокам...

— А «Размышления» были представлены нашему правительству перед их публикацией на Западе?

— Были, — свидетельствует Андрей Дмитриевич. — И «Размышления», и «Памятная записка», и послесловие к ней...

— Насчет «Памятной записки» даже был разговор — вроде как ее собирались посмотреть... большие начальники, — вспоминает Елена Георгиевна.

Знакомая ситуация, знакомые чувства: некто значительный благосклонно обещает «посмотреть» написанное тобою. Полистать. Но время идет, а значительное лицо все не листает и не листает твой опус. Стало быть, и академикам это знакомо?

— Кстати, когда Сахаров работал над «Размышлениями», мы с ним еще не были знакомы. Имя Сахарова я впервые в жизни услышала в шестьдесят восьмом, когда по чистой случайности оказалась за границей. А там «Размышления» уже были напечатаны. Я там прочла их...

— На Западе еще вышла книга «О стране и мире», — продолжает перечислять Андрей Дмитриевич.

— В этой книге, между прочим, — подхватывает Елена Георгиевна, — есть очень много положений, которым сейчас следует Горбачев. Я даже как-то, слушая его, подумала: ну, вот точно он читал книгу!

— А может быть, он в самом деле прочитал? — смеемся мы.

— Может быть, и прочитал, — говорит Андрей Дмитриевич серьезно, — или «Размышления», или эту книгу — «О стране и мире».

— Я думаю, «О стране и мире», — настаивает Елена Георгиевна. — Когда он говорил о пьянстве, — ну, точно, Сахаров говорит. Такое совпадение.

Стоит ли удивляться совпадению, если два человека одинаково смотрят на один и тот же предмет?

— А в Горьком, — спрашиваю, — вы что-нибудь писали? Кроме научных статей?

— О, семь лет в Горьком не прошли даром, — отвечает за мужа Елена Георгиевна. — Сахаров проделал большую литературную работу — написал большой двухтомник воспоминаний. «Воспоминания» — так это и называется.

— Я долго мучился, как его назвать, но в конце концов назвал кошку кошкой...

— Полторы тысячи страниц. Ее неоднократно воровали. Дважды сумку украли. Один раз — когда я везла часть книги сюда, в Москву. И из дома воровали... Эта книга пережила столько... Но все-таки выжила. Вот уж точно по принципу «рукописи не горят». Скоро выйдет. Она уже анонсировалась. Правда, при восстановлении текста он хуже написал, по второму разу. Некоторые части — по третьему...

— Потому что эмоциональная свежесть уже потеряна, — словно бы оправдываясь, говорит Андрей Дмитриевич. — Последний раз, например, девятьсот страниц пропало...

— Девятьсот страниц? — переспрашиваю я ошарашенно. — Как же можно восстановить девятьсот страниц?

Я представляю себе толстенную рукопись, горой возвышающуюся над столом. Второй раз наполнить такую гору бумаги буквами и словами, стараясь — в том же порядке, что и в украденной рукописи (Сахаров пишет от руки, Елена Георгиевна после печатает)? Нет, это невозможно. Это немыслимо.

— Сахаров после этого так выглядел... Я не знаю... Я приехала из Москвы, а он меня на вокзале встретил. У меня было такое впечатление, что умер кто-то близкий...

— Девятьсот страниц... Легко ли? — говорю я. — Ньютон рехнулся, когда у него во время пожара сгорела рукопись.

— Нет, я не рехнулся. Я так считаю, по крайней мере, — улыбается Сахаров. — Хотя Александров как-то заявил в интервью журналу «Ньюсуик»... Как там было написано?

— Что Сахаров душевнонеуравновешенный, — подсказывает Елена Георгиевна. — Даже сильней.

— Нет, там было как-то по-медицински...

— Да, когда украли первую часть рукописи, из дома, украли также диплом Нобелевского лауреата, — продолжает вспоминать Елена Георгиевна. — И шмотки тогда же заодно украли (Елена Георгиевна произносит «шматки»).

— Чтобы создать видимость, что это обычные жулики, — поясняет Андрей Дмитриевич. — Но это были такие вещи, которые даже жуликам не нужны.

— Да, очень интересно, украли рваные шмотки. У Сахарова была такая домашняя куртка, в которой он сидел за столом...

— Коричневая? — оживляется при этих словах Юра.

— Нет, синяя...

— А я думал коричневая — та, которую я снимал еще в семидесятом...

— Она существует, — заверяет моего приятеля Елена Георгиевна. — А украли синюю. И мамин халат, ста-

рый-престарый, ношеный-переношеный. Это была чистая глупость. У них глупостей много было.

— Они много документов украли, — добавляет Андрей Дмитриевич. — Писем.

— Вот и вся биография твоя, — подводит итог Елена Георгиевна. — Теперь ты вернулся на круги своя. И куда дальше поедешь?

— Да, сомкнулась цепь времен, — завершает и Сахаров свою краткую автобиографию.

Расставаясь, я подарил хозяину свою книжку об Эренфесте с надписью: «Андрею Дмитриевичу Сахарову эта повесть о несчастном физике — на добрую память».

— О каком физике? — переспросил он, разбирая надпись.

— О несчастном.

— Да, ведь он покончил с собой...

Андрей Дмитриевич сказал, что он много слышал об Эренфесте от Тамма, когда они жили на «объекте».

— Вечерами мы с ним беседовали обо всем на свете. Жаль, что я тогда не записывал.

В самом конце мы просим Сахаровых не распространяться об этом интервью. На всякий случай. Мало ли что.

На следующий день, однако, западные агентства и газеты сообщают, что «Литературная газета» взяла интервью у Сахарова. Для них это сенсация: впервые советский орган печати собирается предоставить слово опальному академику. Андрей Дмитриевич после говорил

со смущенным видом, что ему позвонил корреспондент агентства «Рейтер», который спросил, правда ли, что «Литературная газета» взяла у него интервью. Будучи не в силах соврать, Сахаров пробормотал что-то невнятное (как сказала Елена Георгиевна), но этого для корреспондента оказалось достаточно: стреляный воробей. Он передал это как достоверное сообщение, и после все на него ссылались.

После «Голос Америки» несколько месяцев напоминал, что «Литературная газета» взяла интервью у Сахарова, но до сих пор не напечатала.

Подготовленный текст интервью мы отдали Ю. П. Изюмову вечером 5 января. Он вернул его на следующий день, кое-что поправив: убрал места, «возвеличивающие», по его мнению, Сахарова — вопрос о том, считает ли он себя великим ученым, ожидает ли, что ему вернут три золотые звезды и т. д. ; вставил возражения на некоторые острые места, добавил два-три вопроса. Мы перепечатали текст (Юрий Петрович просил, чтобы Андрей Дмитриевич не видел правки — чтобы это не вызывало у него никаких отрицательных эмоций), оставили пустые места для ответов и поехали к Сахаровым к часу 6 января.

Андрей Дмитриевич был напряжен. Должно быть, волновался: что ему собираются подсунуть? Мы предложили сесть опять на то же место вокруг журнального столика, чтобы он быстро наговорил на магнитофон недостающие ответы, но он сказал, что пойдет в другую

комнату и напишет там. При этом попросил второй экземпляр текста.

Мы пошли на кухню ждать. Примерно через полчаса он появился и сказал:

— Молодые люди, может быть, вы погуляете часок, а то мне неловко заставлять вас ждать?

— Гоните? — ответил я шутливо, и он смущенно, не зная, что ответить, снова исчез в своей комнате.

Час, однако, шел за часом, а он все не выносил выправленный текст. Впрочем, время от времени появлялся на кухне и опять-таки смущенно просил извинения за задержку.

Начали мы свой срок ожидания довольно бодро, не ведая еще, сколько он продлится. Елена Георгиевна приготовила в какой-то немыслимой кофеварке хороший кофе. Однако с каждым часом настроение наше становилось все более кислым: ясно было, что Андрей Дмитриевич, видимо, неудовлетворенный текстом, наново переписывает его.

Когда собирались пить кофе, выяснилось, что у Сахаровых нет хлеба. Мы предложили свои услуги и стали даже одеваться, чтобы сходить в магазин, но Елена Георгиевна от наших услуг отказалась, сказав, что здесь плохая булочная и что в четыре часа приедет Галя Евтушенко и привезет продукты. Она их снабжает продуктами — живет в высотном доме на Котельнической, там хороший магазин.

Мы, однако, досидели почти до шести, снабженица так и не появилась. В шестом часу Елена Георгиевна поставила на плиту какую-то кастрюльку, принялась что-то варить, кажется, кашу, чтобы покормить академика.

Кухонные беседы. Елена Георгиевна сказала, что, когда она «привела» Андрея Дмитриевича в эту квартиру, он спал вот на этом диванчике на кухне: в квартире проживало человек десять. Принадлежала она матери Елены Георгиевны. Мать у нее тоже старая большевичка, сейчас живет в Бостоне в США. Партбилет сдала на хранение в райком.

У Андрея Дмитриевича есть дача в Жуковке. На даче живет его сын, доставляющий Сахаровым немало хлопот. Жуковская милиция неоднократно обращалась к ним по поводу различных его выходок.

— Сейчас, кажется, работает фотографом. Мы счастливы: может быть, образумится. Он без образования. С детства осознал, что он сын академика.

Еще у Сахарова две дочери (сын — младший из детей). Одна окончила физфак, другая биофак. Когда Андрей Дмитриевич голодал, требуя, чтобы Елену Георгиевну выпустили за границу на лечение, дети публично обвинили Елену Георгиевну в подстрекательстве Андрея Дмитриевича к самоубийству. После выяснилось, что средняя дочь ничего не подписывала...

Есть у Сахарова еще младший брат, он очень больной человек. Он живет отдельно. Сахаровы предлагали

ему переехать к ним, но он отказался: он не может общаться с людьми.

— Так что Андрей Дмитриевич всю жизнь содержит несколько человек. Сейчас вот — сына и брата.

Дети самой Елены Георгиевны — в США. На книжных полках за стеклом — фотографии.

— Вот это наша Лизка. Симпатичная, не правда ли? Из-за нее все тогда заварилось...

Пока сидели на кухне, позвонила международная.

— Тель-Авив? Ну, давайте Тель-Авив! — сказала Елена Георгиевна. И минут десять разговаривала с какой-то женщиной, то ли матерью зятя, то ли еще чьей-то матерью. Обычный женский разговор.

Общее состояние Елены Георгиевны в те дни (на сторонний, конечно, взгляд) — эйфория.

Сахаровым предлагают академическую квартиру на Профсоюзной: две сдвоенные квартиры. Они колеблются: Елене Георгиевне не хочется уезжать из старого московского района; к тому же — простор из окна, в Горьком жили на первом этаже, никакого вида[1]. Похлопотать о чем-то другом? Для Андрея Дмитрие-

[1] В письме приятельнице Елена Георгиевна как-то привела стишок, написанный по этому поводу: «Из московского окна площадь Красная видна, а из этого окошка только улица немножко, только мусор и г...о, лучше не смотреть в окно. И гуляют топтуны — представители страны». — *О. М.*

вича нож острый куда-то идти и о чем-то для себя просить.

Выяснилось даже, что и здесь у него какие-то трудности с пропиской (Андрей Дмитриевич ходил в домоуправление): он не выписался в Горьком, поэтому его здесь не прописывают. Напрасно он говорил, что он не выписывался в 1980-м из Москвы: в Горьком ему поставили в паспорт фальшивую печать о выписке. Сказали, что выписка делается автоматически, если человек полгода не живет в квартире.

На это Юра вполне логично посоветовал подождать полгода, пока их выпишут в Горьком, я же сказал, чтобы они просто-напросто позвонили какому-нибудь начальству — в ГУВД или в Моссовет: имя «Сахаров» произведет должное действие...

В конце концов дело с пропиской решилось. А с улучшением жилищных условий дело завершилось тем, что Сахарову дали двухкомнатную квартиру этажом ниже — под кабинет. Именно там он и умер.

По словам супруги, Андрей Дмитриевич не любит работать за столом (стола у него, по-моему, и нет). Обычно он ходит по квартире, смотрит в окно и т. д. Может выйти из туалета, забыв застегнуть штаны: осенила какая-то идея. Любит мыть посуду. Пробовали отучить его от этого дела, но он сердится: «Когда я мою посуду, то думаю». Стирает себе рубашки: привычка, сложившаяся во время жизни «на объекте».

Для меня тут нет ничего удивительного: я, правда, свои рубашки не стираю, но мыть посуду тоже люблю. Однако Юра, когда Елена Георгиевна вышла, шутливо-презрительно посмотрел на плиту, залитую кофе, и сказал:

— Та-ак. Все ясно. Академик сам себе стирает рубашки.

— Он у меня дремучий, — говорит Елена Георгиевна, — нигде не был, кроме «объекта». Как-то были знакомые. Когда они узнали, что Андрей Дмитриевич не был даже в Ленинграде, они потребовали, чтобы кто-нибудь немедленно поехал за билетами, чтобы сегодня же отправить Сахарова в Ленинград. Тогда ничего не получилось, а после Андрей Дмитриевич съездил в Ленинград на один день на какую-то конференцию.

За три года, прошедших со времени нашего разговора, Сахаров восполнил этот пробел — объездил полстраны и полмира.

— Вы не знаете, в продаже есть бумага для пишущих машинок? — спрашивает Елена Георгиевна.

Разговор, как и подобает кухонным разговорам, вольно перескакивает с одной темы на другую. Не знаем, никогда не покупали. Еще вопрос:

— Дети собираются подарить нам видеосистему. В Москве можно достать приличные видеокассеты?

— Это смотря что подразумевать под словом «приличные».

— Ну, киноклассику.

Тоже не знаем, у нас нет видеомагнитофонов. Впрочем, Юра объясняет, какую систему надо покупать, чтобы удобнее было здесь пользоваться, — «Секам».

Елена Георгиевна показывает нам фотографии в какой-то изданной на Западе книге: она с Маргарет Тэтчер, она с Жаком Шираком...

— Какого вы мнения о Тэтчер?

— О, это необыкновенно обаятельная женщина! У нее была такая великолепная прическа!

— Ну, ей прическу сделать нетрудно: у нее свой парикмахер.

— И все же. А я пришла к ней лохматая. У меня было два дня на пребывание в Лондоне, и я долго терзалась — сходить ли в парикмахерскую или посмотреть город. Потом плюнула и решила побродить по городу.

В Париже Елена Георгиевна встречалась также с Тарковским (это было, кажется, в июне 1986-го). Он тогда вышел из больницы после операции, чувствовал себя хорошо, думал, что поправится. Но врачи знали истинное положение дел: больше они не смогут вызвать у него ремиссию, жить ему осталось самое большее полгода... Так и случилось, он умер в декабре. Как Андрей Дмитриевич относится к Теллеру?

— С уважением, — говорит Елена Георгиевна. — Он ценит его за независимость суждений. Хотя они по-раз-

ному оценивают СОИ, я думаю, им интересно было бы поговорить друг с другом.

Поговорил Сахаров и с Теллером.

Просидели мы на сахаровской кухне почти пять часов: приехали в начале второго, а уехали без десяти шесть, в самом конце своего рабочего дня. Переговорили обо всем на свете, обсудили все, что только возможно. Под конец пошли в свободную комнату фотографироваться. Юра посадил меня на то место возле окна, где он собирался фотографировать академика, — настроить аппаратуру. Из окна страшно дуло, и я предупредил Юру, что он простудит модель. Он щелкнул меня несколько раз. Потом вдвоем фотографировались перед зеркалом. Дурью маялись.

Когда наконец Андрей Дмитриевич вынес текст, над которым работал почти пять часов, с нами чуть дурно не сделалось: за это время он вписал всего-навсего пять небольших абзацев. Мы-то были уверены, что он весь текст перелопатил.

Потому, клянусь, для меня совершенно непостижимо, как он при такой придирчивости к слову и соответственной скорости письма трижды восстанавливал по девятьсот украденных страниц «Воспоминаний».

Впрочем, может быть, здесь, в интервью, другой текст — по мнению Андрея Дмитриевича, более ответственный.

Как бы то ни было, работа закончена. Ясно, что пофотографировать Сахарова опять не удастся: устал

академик. Все же Юра попросил позволения щелкнуть два раза, посадил академика на продувное место возле окна и мучил его минут двадцать.

Я уже оделся, надеясь этим ускорить окончание фотографического сеанса, и мы с Еленой Георгиевной беседовали в прихожей. Елена Георгиевна сказала, между прочим, что она собрала все консервы в доме и послала в четыре адреса.

— Я с четырнадцати лет имею дело с местами заключения.

Время от времени она с напускной сердитостью бросала в комнату Юре:

— Юра, вы же обещали щелкнуть два раза. Андрей Дмитриевич устал.

— Щас, кончаю, — отвечал Юра.

— Два раза — это метафора, — пояснял я.

— Не понимаю я этих ваших метафор, — шутливо сердилась Елена Георгиевна.

Наконец сеанс закончился. Нынче эти околооконные сахаровские портреты широко распечатаны. Самый удачный: академик сидит в кацавейке, вытянув руки вперед, умиротворенно смотрит в объектив снизу вверх; рядом на подоконнике лежат только что снятые очки; в левой руке Сахарова между пальцами зажата какая-то тряпочка. Андрей Дмитриевич что-то делал на кухне и порезал палец. Замотал его тряпкой. Так она и оказалась на фотографии.

— И тряпочка моя здесь... — после бормотал академик, разглядывая «контрольку», в робкой надежде, что Рост сжалится и как-нибудь заретуширует ее. Но у Роста, как известно, свои понятия о художественном. В этой тряпочке, намотанной на палец великого человека, и заключался для него весь фокус.

Впрочем, когда этот портрет появился в печати — крупно, на первой странице спецвыпуска «Московских новостей», посвященного кончине Андрея Дмитриевича, — я в самом деле увидел вместо тряпочки вполне культурный бинт: нет пределов чудесам фотографии.

Мы прощаемся с Сахаровыми. Последний разговор — о кино. Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна просят помочь им посмотреть два фильма — «Покаяние» и, как ни странно, «Тему»... Фильмы уже прошли, но, может быть, где-то будет какой-нибудь просмотр...

Когда мы делали это интервью, было ощущение вдруг наступившей вседозволенности. Потом пришло отрезвление.

Готовый текст мы отдали Изюмову 7 января примерно в половине первого, 8-го в час дня мы должны были быть у Сахарова, показать окончательный вариант.

Юрий Петрович пошел к Чаковскому. У них, видимо, произошел крупный разговор, после которого, к концу дня, Юрий Петрович находился в полной растерянности и сказал мне, что положение почти безна-

дежное (Росту он говорил позднее, что самое трудное — преодолеть сопротивление главного редактора).

Утром 8-го я сидел в приемной Изюмова. Из кабинета вышел Аркадий Петрович Удальцов, один из замов главного, наш куратор, и сказал, что к Юрию Петровичу сейчас не надо приставать:

— Занимаемся вашим материалом.

— Каким? Сахаровским?

— Да.

— А что, есть надежда?

— Есть.

Такие вот начались скачки — от полного отчаяния к робкой надежде.

В одиннадцать я позвонил Сахарову, сказал, что встреча в час не состоится, мы не готовы. Он ответил, что, пожалуйста, мы можем приехать в любой другой день.

Однако в 11-05 мне позвонил Юрий Петрович и сказал, чтобы я не отменял встречу с Сахаровым, что, может быть, к этому времени мы получим разрешение на публикацию. Это было неожиданно. Я ответил, что уже отменил ее.

Никакого разрешения, естественно, в ближайшие часы не последовало.

К вечеру зашел к Изюмову подписать какую-то бумажку.

— Дела наши вроде бы улучшаются. Может быть, завтра мы получим разрешение.

В пятницу, 9-го, утром пошли разговоры, что вчера текст смотрел Е. К. Лигачев (примерно в 16 часов).

В конце дня в пятницу ясности еще не было. Единственно, что Юрий Петрович мог поведать мне в утешение:

— Сказать «нет» они могли бы быстро — по крайней мере, вчера. Если не сказали — это уже хороший признак. А то, что дело тянется так долго, — это потому, что материал слишком высоко заслали.

11 января днем возле редакции появилась черная «Волга» с номером «МОС» и двумя мигалками на крыше. Через некоторое время, будучи по делам на Суворовском бульваре, в Московской журналистской организации, я позвонил оттуда секретарше Изюмова. Та сказала, что у него Чаковский, Удальцов и, кажется, другие замы.

Примерно в пять, когда я вернулся в редакцию, Юрий Петрович вызвал меня. У него уже сидел Рост (куртка и сумка в приемной).

— Значит так, — сказал Изюмов. — Надо, во-первых, объясниться с академиком и, во-вторых, изъять из обращения все материалы, связанные с интервью.

— Так что, его зарубили? — вырывается у меня.

Удивленно:

— А вы не знаете? Отложили...

Все ясно.

— Ну что ж, давай поедем завтра, — говорю я Росту.

— Лучше послезавтра.

— У него есть экземпляр? — спрашивает Юрий Петрович.

— Да.

— Вот это ошибка. Не надо было ему оставлять.

— Но таково было его условие.

— Да он отдаст, если попросить, — говорит Рост. — В последний раз он был очень дружелюбен.

— Меня это очень беспокоит, — говорит Изюмов. — Как бы он кому не передал. Для нас важно выйти из этой истории без потерь.

Я любопытствую:

— Ну, и как это все было оценено? Не было сделано замечания?

Изюмов отчужденно, официально:

— Решение не печатать интервью принял главный редактор.

Я, по-дурацки:

— Но ведь его посылали наверх...

Молчание. Реплика игнорируется.

Рост рассказывает, что разговаривал с помощником Шеварднадзе, своим знакомым, и тот ему сказал, что Шеварднадзе заинтересован в такой публикации: на Западе печатают, а у нас — молчание...

Юрий Петрович:

— Поскольку против публикации очень высокий человек, вряд ли нам стоит вступать сейчас в такие игры.

Словно и не говорились только что слова о том, что решение воздержаться от публикации принял главный редактор.

— В редакции есть еще экземпляры интервью? — спрашивает Изюмов.

— Есть, у меня в сейфе, — отвечаю я.

— Пусть там лежат. И пленки с записью туда положите.

На том все кончилось.

Рост остался показывать «контрольки». Я просил его после зайти. Хотелось все обсудить, отвести душу: столько треволнений в последние дни. Он обещал, но, конечно, не зашел, каналья.

15 января поехали объясняться с Сахаровым — к половине второго. Ехать не хотелось. Ужасно муторно было на душе. Открыла Елена Георгиевна. Сказала, что Андрей Дмитриевич не готов, бреется в ванной. Очень не любит бриться — только если надо, к приходу гостей...

Снова сели на кухне. Опять разговор о том, о сем. Через некоторое время появился Андрей Дмитриевич, чисто выбритый. Заметно волнуясь, воззрился на меня:

— Ну, что, как наши дела?

Я заранее решил, что скажу все сразу.

— Андрей Дмитриевич, новости у нас неприятные: руководство газеты решило отложить публикацию интервью. Неподходящий политический момент.

— Отложить? Как отложить? — заговорил он растерянно. — Но какие-то замечания сделаны? Я готов рассмотреть замечания.

Что мы могли ему сказать?

— Да нет, замечаний нет. Мы заранее предупредили начальство, что ваша позиция в отношении поправок очень жесткая.

— Жесткая... Я этого не говорил. Я сказал, что сохраняю за собой право отказаться от публикации, если сочту, что предлагаемые изменения неприемлемы. Так и надо понимать сказанное — в буквальном смысле.

— Да-да, именно так и было сказано, — подтвердила Елена Георгиевна.

Пауза. Разговор идет с паузами.

— Так что же, наша печать по-прежнему не дает возможности высказать оппозиционное мнение?

Видно было, как тяжело ему расставаться с одной из надежд, какие всколыхнуло в нем разрешение вернуться в Москву, предложение выступить в советской печати.

— Это Сахарову не дают возможности высказаться... — заметила Елена Георгиевна.

— Это относится не к Сахарову, — возразил я. — Это относится к Иванову, Петрову, Сидорову...

Снова воцарилась пауза.

— Почему я не могу высказать свое мнение? — спрашивает Андрей Дмитриевич. — Это же мое мнение. А вы можете дать комментарий. Вы же так делаете —

делите газетный лист пополам: с одной стороны — одно мнение, с другой — другое.

— Раушенбаха, например, — подсказывает Елена Георгиевна.

— Почему Раушенбаха?

— Он же много пишет о СОИ.

— Вы не согласны с его мнением? — спрашиваю я Андрея Дмитриевича.

— Он рассматривает взаимодействие двух противостоящих космических систем с общих позиций теории управления. И приходит к выводу, что они могут выйти из-под контроля человека. Я с этим не согласен. На самом деле последнее слово всегда останется за человеком.

Дело не в СОИ. СОИ — это так, частность.

— Нет, «Литературная газета» не могла сама это решить, — говорит Сахаров. — Это решили где-то наверху. Но решили не сторонники Горбачева. До сторонников Горбачева интервью не дошло.

Опять пауза.

— Я готов рассмотреть какие-то замечания, которые будут сделаны. Что тут может вызывать особенные возражения?

Это была настоящая пытка.

— Я не уполномочен делать какие-то замечания, — сказал я, — но, по моему мнению, возражения могут вызывать фамилии узников совести, Афганистан, «пакет»...

— Покажите, какие места. У вас есть текст?

Я достал из портфеля ксерокопию интервью.

— Отметь те места, которые особенно настораживают, — посоветовал Юра.

Однако Андрей Дмитриевич все поворачивает вспять:

— Нет, я хотел бы, чтобы замечания исходили от тех, кто решает вопрос о публикации.

Я понимаю его: какой смысл выслушивать какие-то замечания от «не уполномоченных»?

— Ну, пусть Олег Павлович отметит, что, на его взгляд, может помешать публикации, — примирительно сказала Елена Георгиевна.

— Да, условно, в предварительном порядке, — поддержал ее Юра.

Я стал намечать карандашом, что я выкинул бы, не переставая недоумевать про себя, зачем я это делаю.

— Это что за хвостики? — поинтересовалась Елена Георгиевна, наблюдая, как я ставлю корректурные знаки выкидки.

— Это понятно, — возразил Андрей Дмитриевич. — Это означает, что текст выкидывается.

Я передал ему рукопись. Он стал ее смотреть.

— Нет, — снова сказал он решительно. — Я бы хотел, чтобы замечания сделали те, кто будет принимать решение.

О, господи! Где же мы вам возьмем «тех»?

— Но здесь же ничего не остается... — неуверенным голосом сказал Сахаров, закончив просмотр.

Мы высказали надежду, что интервью все-таки будет опубликовано через какое-то время: вот пройдет пленум, укрепятся позиции Горбачева...

Поговорили еще о разном. Среди прочего Андрей Дмитриевич сказал, что он хотел бы изложить в печати свое мнение по различным вопросам, связанным с наукой, но он не может начать с этого. Сначала он должен сказать, что он думает по острейшим общественным проблемам...

Мы попросили Сахарова не передавать на Запад текст интервью (попросить вернуть нам оставшийся у него экземпляр у нас не хватило духа). Иначе у нас с Ростом будут неприятности.

— Но я все уже сказал им из того, что есть в этом интервью, — возразил он.

— Это не важно. Важно, чтобы они не говорили: вот текст, который не опубликовала «Литературная газета».

— В свое время я упоминал, что дал интервью Эрнсту Генри для «Литературной газеты»...

— Тут есть два отличия, — возразил я. — В отличие от нас с Юрой Эрнст Генри не работал в штате газеты, и вы ведь не печатали на Западе текст самого интервью — не так ли?

— Не печатал, — подтвердил Андрей Дмитриевич. — Значит, два отличия... Но ведь не вы принимали решение не публиковать этот материал. В чем же вы виноваты?

Я еще раз объяснил, что если в каком-нибудь западном издании появится этот текст и будет сказано, что он предназначался для «Литгазеты» и не был там опубликован, — у нас будут неприятности. Но Андрей Дмитриевич так и не понял этого объяснения.

Вернувшись в редакцию, мы рассказали о нашей беседе Изюмову. Упомянули при этом, что, по нашему мнению, Сахаров очень заинтересован в публикации и готов идти на компромиссы. Кажется, ему вообще начинает надоедать его положение изгоя и со временем он может стать вполне лояльным человеком, критичным, но лояльным. У Изюмова опять загорелись глаза. Он сказал, что сообщенное нами очень важно.

— Внесите те изменения, о которых вы договорились, и начнем третий раунд.

Однако на следующее утро, когда я принес ему очередной, сокращенный вариант, всем своим видом он напоминал спущенный детский шарик. Не глядя, положил рукопись в ящик стола и сказал:

— Подождем, когда нас снова призовут на ковер.

Должно быть, успел поговорить с Чаковским и тот снова охладил его пыл.

Вообще мало-помалу все более крепло ощущение, что пресек затею с публикацией не только запрет — или назовите это как хотите: «мнение» — высокого начальства. За день до нашего последнего посещения Сахарова я разговаривал с Изюмовым и передал ему

разговор Роста с редактором «Нового времени» Игнатенко. Тот — то ли в шутку, то ли всерьез — предложил передать ему это интервью, заметив при этом: «Я, по крайней мере, скажу, что я «за» эту публикацию».

Когда я пересказал это Изюмову, добавив, что, по-видимому, Чаковский говорил там, «наверху», прямо противоположное, у него вырвалось:

— Это правильно.

Но он тут же спохватился:

— Вы не обсуждайте эти вопросы.

Через некоторое время у Юры был также разговор с его знакомым, сотрудником Отдела пропаганды Грачевым. По словам Грачева, Чаковский принес текст интервью в ЦК и сказал: «Вы хотите, чтобы я это печатал???» Он представил дело так, что какие-то редакционные идиоты пристают к нему с этим интервью, а он никакого отношения к нему не имеет. Естественно, никто в ЦК не стал заставлять его печатать это.

Но все это, разумеется, слухи и разговоры. Ничего достоверного о том, кто сказал решительное «нет», мы так и не узнали. Допускаю, слово произнес Е. К. Лигачев, но и А. Б. Чаковский, конечно, внес в это «нет» свою лепту.

Юра взял текст и отвез его сам на Старую площадь Грачеву. Тот свел его с Власовым, первым заместителем А. Н. Яковлева. Власов долго беседовал с Юрой. Выяс-

нилось, что они ничего не знают о готовности Сахарова пойти на компромиссы.

— Он не ожесточен? — спрашивали Юру. — Все-таки семь лет...

А. Н. Яковлев в тот момент отсутствовал.

Вроде бы было обещано еще раз вернуться к вопросу об интервью.

Через некоторое время Юра опять позвонил Грачеву. Тот сказал, что пока положение неясное. Все зависит от предстоящего в конце января пленума. Если все пойдет как надо, шансы на публикацию увеличатся. Если же колесо повернется в обратную сторону, надо, напротив, быть готовым вовремя выдернуть ногу.

Пленум все откладывался. В один из дней в конце января канадское радио передавало изложение статьи о положении в Советском Союзе в газете «Глоб энд мейл». Автор писал, что положение это остается сложным. Среди признаков этого — волнения в Казахстане, откладывание Пленума ЦК и отсрочка «обещанной» публикации интервью с Сахаровым в «Литературной газете»...

Когда в конце концов пленум состоялся в феврале, стало вполне ясно, что шансы на публикацию не выросли.

Так постепенно, медленно все соскользнуло в конце концов к нулю...

...Сейчас уже трудно поверить, что это действительно было — все эти немыслимые титанические хлопоты вокруг подготовленных к публикации десяти машинописных страничек, напечатанных через два интервала. Но это — было, было, было... Это был короткий, длиной около года, срез нашей истории, когда одному из величайших наших соотечественников, величайших людей XX века было позволено вернуться из изгнания, но все еще не было ясно — будет ли сделан следующий логический шаг: будет ли ему позволено открыто говорить то, что он думает, или горькое его молчание продолжится в Москве. Вокруг этого шла незримая ожесточенная борьба, часть общей борьбы сил, движущих и тормозящих колесо перестройки. К счастью, колесо не остановилось, не покатилось назад — оно двинулось дальше. Все, что хотел сказать Сахаров в том ненапечатанном интервью, он за три минувших года сказал — и в западной печати, и в нашей. Значительно больше того. И не потому, что кто-то давал какие-то особые разрешения — когда крепчает демократия, запреты перестают действовать, а разрешения не требуются, они имеют силу только при отсутствии демократии. Демократия сама себе намечает пределы дозволенного.

Январь 1989 года

2
ПИСЬМО М. С. ГОРБАЧЕВУ О ПУБЛИКАЦИИ «ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ТЕТРАДИ»
4 ноября 1988 г.

Председателю Президиума
Верховного Совета СССР
Генеральному секретарю ЦК КПСС
Михаилу Сергеевичу Горбачеву

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Хочу обратить Ваше внимание на тот факт, что в нашем государстве общественность и общественное мнение отстранены от участия в проблемах проектирования и размещения объектов атомной энергетики.

Это приведет и, несомненно, уже приводит к ошибкам и серьезным осложнениям, потому что специалисты, при всем своем желании, не в состоянии учесть все экономические, экологические, демографические, социальные и прочие условия и обстоятельства — это может сделать только та самая общественность, в среде которой всегда найдутся специалисты и знатоки любой об-

---

Опубликовано в газете «Зеленый мир», 1996, № 11.

ласти знания, но которую узкие специалисты упорно именуют сборищем дилетантов. И — напрасно: часть своей ответственности переложить на общественность — это в интересах именно специалистов. Во всех развитых странах это поняли давно, поняли, что привлечение общественности к решению технических задач необходимо, что тем самым очеловечивается технический прогресс и научно-техническая революция. Это — общие соображения, которые я счел необходимым высказать в связи с конкретным фактом — фактом задержки публикации повести Г. У. Медведева «Чернобыльская тетрадь» в журнале «Новый мир» (я автор предисловия к этой повести, а Г. У. Медведев — инженер-атомщик, писатель).

Я убежден, что общественность не только может, но и обязана знать все обстоятельства чернобыльской катастрофы вопреки цензурным ухищрениям ведомств, их интересам и амбициям. Любые ограничения здесь наносят ущерб нашему обществу и памяти погибших, моральному состоянию пострадавших. Скрывая факты, мы подтверждаем возможность их повторения. Это сокрытие нелогично уже по одному тому, что факты сообщены нами в МАГАТЭ. Что же — мировая общественность вправе знать о наших событиях больше, чем мы сами? А если мы скрываем имена виновников катастрофы (которые нынче и осуществляют цензуру), значит, мы подстраховываем безопасность потенциаль-

ных бракоделов при последующем проектировании и строительстве АЭС?

Таких соображений у меня множество, не буду приводить их и еще скажу только, что как ученый, имеющий непосредственное отношение к проблемам использования атомной энергии, я не считаю для себя возможным и дальше умалчивать о работе Г. У. Медведева перед мировым сообществом и поступлю так, чтобы она была широко известна.

Я полагаю, что публикация повести в «Новом мире» сослужила бы хорошую службу нашему государству, расширила бы гласность и самосознание советской общественности, без участия которой не мыслится наше дальнейшее развитие.

С глубоким уважением
академик А. Д. Сахаров,
член Президиума АН СССР

3
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИЙ»
5 февраля 1989 г.

В статье под заглавием «Перестройка и ответственность» я обвиняюсь в безответственных высказываниях в интервью французской газете «Фигаро». На самом деле я не давал интервью «Фигаро» — был свободный разговор за чайным столом с гостем из Франции господином Бару. Я видел его первый раз. В начале 80-х годов Бару опубликовал книгу обо мне. С момента нашего возвращения из Горького он добивался встречи со мной, я долго отказывался, но в конце концов бесконечно отказываться показалось мне неудобным, и в начале января я согласился. Я и моя жена считали, что он собирает материал для будущей книги, и никак не рассчитывали, что наши ответы и разъяснения будут вскоре оформлены в виде интервью, к тому же с рядом неточностей. Мы старались говорить как можно понятней, без нюансов и тонкостей,

---

В газете «Известия» за 6 февраля 1989 г. напечатано письмо А. Д. Сахарова. Публикуем его вместе с редакционным комментарием.

зачастую упрощая более сложные и неоднозначные понятия, тем более что беседа шла через переводчика.

В частности, мы обсуждали недостатки новой избирательной системы и изменений к Конституции, так как они мне рисовались (очень скоро многие из этих опасений, касающиеся «отсева» кандидатов, многократно подтвердились в ходе избирательной кампании, в том числе на печально знаменитом пленуме расширенного президиума Академии наук).

Принципиальным недостатком избирательной системы, по моему убеждению, является многоступенчатый характер выборов депутатов Верховного Совета и его председателя, выбираемого съездом народных депутатов. Я убежден, что только прямые выборы дают мандат народа и одновременно защиту от разного рода интриг и давления аппарата. Эту мысль я и моя жена пытались разъяснить нашему собеседнику, подчеркивая, что при непрямых выборах увеличивается опасность свержения председателя или деформации проводимой им политической линии. Именно это место вызвало кривотолки. Между тем не было замечено, что моя жена сказала: «Горбачев не должен бояться прямых выборов! Его обязательно выберет народ. У нашей страны нет другого лидера!». Я полностью согласен с этим.

В статье в «Известиях» говорится: «Принципы социалистического обновления надо защищать, равно как и тех, кто взял на себя огромную ответственность за

общественные преобразования, кто связал себя с революцией перестройки». Я не могу принять этот упрек на свой счет. Я активно поддерживаю перестройку, убежден в ее необходимости для нашей страны и для всего мира, озабочен ее трудностями. Я очень высоко оцениваю роль инициаторов перестройки и в особенности М. С. Горбачева, я много раз говорил и писал об этом в СССР и на Западе, но именно поэтому я считаю себя вправе и обязанным открыто говорить о всех негативных и опасных тенденциях и явлениях. Я при этом использую все возможности советской прессы (иногда они оказываются блокированными), но также и западной. Я не преследую целей организации вмешательства во внутренние дела СССР, но исхожу из того, что в таких основных вопросах, как перестройка, мир, экология, права человека, нет интересов наших и западных, есть общие интересы выживания человечества. Запад должен всемерно поддерживать перестройку, но делать это с открытыми глазами, понимая и учитывая все происходящее в нашей стране.

В статье в «Известиях» осуждаются мои высказывания о событиях в Закавказье. В опубликованном в «Фигаро» тексте есть некоторые неточности, за которые я не несу ответственности (например, утверждение, что в Армении в отличие от Азербайджана нет мафии, я этого не говорил и это не так; кто, как не мафия предлагала огромные взятки членам Комитета «Карабах», чтобы

они сняли свои кандидатуры на выборах в Верховный Совет). Но в целом упреки «Известий» представляются мне несправедливыми. Я глубоко озабочен трагическими событиями в Армении и Азербайджане. Мне совершенно чуждо пренебрежение к какому-либо народу, я верю в здоровые силы как азербайджанского, так и армянского народов. Я считаю важным и необходимым (хотя и запоздалым) шагом введение в Нагорном Карабахе особой формы правления. (Разговор с Бару происходил до этого решения). Вместе с тем я не могу не отметить определенной «асимметрии» в роли азербайджанской и армянской стороны в развитии конфликта и пристрастной, по моему мнению, позиции центральных властей — особенно в первые месяцы — и центральной прессы. Особо я озабочен арестом членов Комитета «Карабах» и «Крунк», пользующихся огромным конструктивным авторитетом в народе и интеллигенции.

От редакции

А теперь коснемся характера читательской реакции на редакционную статью.

Понятно, насколько всем нам дорога гласность, но зачем же в любой публикации, которая не совпадает с твоей точкой зрения, видеть наступление на «гласность», «умысел» даже в избранном редакцией жанре? Это — во-первых.

Во-вторых, эта реакция заставляет задуматься о том, насколько мы привыкли к тому, что гласность предусматривает откровенность разговора даже тогда, когда его хотелось бы избежать?

По сути дела, выявилась неготовность некоторых из нас воспринимать гласность во всей ее диалектической сложности. Нас начали упрекать: а зачем вообще надо было спорить по поводу этой публикации, ведь Сахаров — сторонник перестройки? У нас в этом тоже не было сомнений, но дело в том, что обнародованный в «Фигаро» материал или выдержки из него были перепечатаны во множестве средств массовой информации Запада, его передали на нашу страну практически все «голоса», что, прямо скажем, обеспокоило общественное мнение страны, а кроме того, стало своего рода подарком для противников перестройки: дескать, и в лагере ее сторонников не все ладно. В такой ситуации газете отмалчиваться — значило бы уходить от разговора по принципиально важным вопросам. «Известия» же от такого разговора не уклоняются и уклоняться не будут.

Что касается конкретных проблем, затронутых в редакционной статье и в письме А. Сахарова, то по ним советская пресса, телевидение и радио сообщали — и сообщают — столько информации, мнений и суждений, что каждый читатель может судить о них сам.

4
М. С. ГОРБАЧЕВ КОММЕНТИРУЕТ ИНТЕРВЬЮ А. Д. САХАРОВА ЮРИЮ РОСТУ

ноябрь 2004 г.

Взяли мы с Дм. Муратовым это интервью. Сдули пыль. И поехали к М. С. Горбачеву. Пятнадцать лет прошло. Андрея Дмитриевича нет. Слова его правке и редактуре не подлежат. Михаил Сергеевич жив, слава богу. Но судьба его изменилась кардинальным образом. С основной своей потерей он не примирится никогда. Что же до утраты власти, президентства и прочих украшений тщеславных душ — тут лишь осадок от нереализованности придуманного хорошо да обида. Преодолеваемая, впрочем, легко, поскольку постижим национальный характер ее: холуйство, переходящее в хамство от изменения одних только внешних обстоятельств, да амикошонство — слово хоть и не русское, а движение-то наше — природное. Вчера подобострастно изгибался, а сегодня матерком можно позволить, да снисходительно, запанибрата.

Опубликовано в спецвыпуске «Новой газеты (16—18 мая 2005 г.)

Ай молодца!

Подали кофе с печеньем. Мы пьем. Он читает. Внимательно. Медленно. Поднимает глаза с некоторым даже удивлением:

— Впечатление потрясающее...

Отложил рукопись и говорит:

— Слушайте: вдруг перед очередным отпуском моим звонок из Москвы из идеологического отдела. У вас там в Кисловодске академик Капица отдыхает. Поговорите, если, конечно, удобно. Не мог бы он как-то помочь ввести в нормальное русло Сахарова.

Вот так!

Поговорю, хорошо, но академики — народ непростой. Что ж, встреча интересная, и мне приятно. Решение-то принял, а сам думаю, на что вы меня толкаете?.. Но это жизнь такая была...

Встретились мы. Сидели. Чай пили, говорили. С женой он был.

— Она — дочь академика Крылова.

— Да? Того самого, кораблестроителя? Ну вот, Петр Леонидович! А что такое Сахаров?

— Это какой год? Семидесятый?

— Позже. Я уже был укоренившимся секретарем Ставропольского обкома. А в семидесятом году только был избран членом ЦК, депутатом Верховного Совета, в общем, провинциальная дыра и небольшая шишка на всесоюзном горизонте.

— Любопытное совпадение. Мое знакомство с Сахаровым тоже связано с Петром Леонидовичем. Весной семидесятого года мы с Владимиром Губаревым, тогда заведующим отделом «Комсомолки», пришли к Капице. Он изобрел установку никотрон для получения устойчивой плазмы. На какое-то время выдающегося физика отлучили от института, и он на даче на Николиной Горе продолжал свои исследования. Отсюда и название.

Мы сидели у Петра Леонидовича, пили чай и разговаривали о физике. (Как Горбачев. Чуть позже.) «А кто мог бы прокомментировать ваше открытие?» — спросил Губарев. Капица сказал: «Сахаров» — и испытующе посмотрел на нас. «Позвоните ему — мы поедем». И мы поехали.

— Вот видите. И мы о физике, о науке... Он ведь настоящий академик. К таким людям испытываешь...

Я аккуратно затрагиваю тему Сахарова. Он говорит: «Андрей Дмитриевич внес колоссальный вклад в оборонную науку. Трижды Герой Социалистического Труда». Это я знал. Но знал, и что писанина началась о нем, и что не знали, что же делать с этим Сахаровым. Хоть и бомбу дал и самую главную задачу того времени решил, мы тебя же наградили и вроде не мы тебе обязаны, а ты нам за ордена и все такое. Такой поворот интересный. А по сути подтекст такой: был неуправляемым. Вот меня и попросили поговорить с Капицей — может ли он повлиять. А Петр Леонидович говорит: «Акаде-

мики — народ штучный. А Сахаров и среди них особенный, поэтому его все беспокоит устройство страны». Что он неправильно сделал? Написал письма в ЦК — куда надо. Он дисциплинированный человек. Размышления свои основные отправил. А Суслову не понравилось. Отзвонил ему какой-то клерк — завсектором, даже не завотделом. Ни разговора, ни реакции... Проявили неуважение. Он опубликовал это за рубежом. Так и пошло-поехало.

А он ведь лояльный был. И рассуждения его были правильными — о мирном сосуществовании, о конвергенции, о демократии. Это были мысли, которые, по существу, предвещали перестройку.

— Как возникла идея вернуть Сахарова в Москву?

— Проблема высылки Андрея Дмитриевича — она для меня существовала все время. (Он же находился в Горьком, когда я стал генсеком.) Период был трудный. В первое время другие проблемы казались более важными (а они и были важными), отодвигали вопрос о его возвращении. Да я и не знал, что поддержат меня Яковлев, Шеварднадзе и Медведев, а остальные будут против.

И я в конце говорю: «Знаете что, дайте-ка мне досье на Сахарова. Раз его высылали, значит, есть, должно оформляться». Я же юрист все-таки.

Короче, досье на Сахарова не появилось. Его просто не было: было постановление или указ там, указом выслали.

— Как это не было досье на Сахарова? Не может быть.

— Да, не было никакого дела, на основе которого потом состоялось юридическое действие. Ничего этого нет. Там сплетни какие-то, докладные: тому сказал то-то, этому — это, тому дал интервью... Я говорю: «Мы давайте тогда о Сахарове на очередном Политбюро поговорим».

Особого обсуждения и не было. Потому что всем ясно было, что была напраслина: человек не вошел в конфликт с Конституцией, которая утверждает свободу слова. Тем более у него рассуждения все серьезные, ответственные.

В результате встал вопрос о процессе: как его вернуть? Появилось мнение, что нужно направить президента академии Александрова туда. И у меня что-то зашевелилось: когда выгоняли — это Политбюро (было, по-моему, решение). А возвращать?.. Нехорошо. В результате говорю: «Знаете что, давайте-ка так: я поговорю сам с Сахаровым». Был там установлен телефон. Когда мне доложили, что можно звонить, я позвонил.

«Андрей Дмитриевич, здравствуйте. Горбачев». — «Здравствуйте». — «Я хочу вам сказать, что вы можете возвращаться в Москву, занимать свою квартиру и заниматься своей работой. В общем, все за вами сохранено, начинайте действовать — и в академии, и так далее». Не благодарил, ничего. И правильно, что нечего благодарить. Ну, короче говоря, я ему так сказал. А он

с ходу: «Надо высвободить всех узников свободы», то-то-то... Не о себе. Да, про Анатолия Марченко сказал. Он в тяжелом был положении... Я говорю: «Андрей Дмитриевич, возвращайтесь, это я вам хотел сказать, и все будем рассматривать».

После этого разговора я проинформировал своих коллег и сказал: «Внесите предложения о политических заключенных».

Для меня, вообще говоря, академик оказался счастливой встречей. Особенно в те моменты, когда пришлось принимать крутые решения, выходить на новый, так сказать, виток демократических преобразований. И... опорой. Да, опорой! Потому что суждения этого человека были всегда аргументированны. Это были его, Сахарова, аргументы. Но они были логичны и лишены обиды за то, что он для всей страны был уже своего рода камертоном. И это очень важно. А он был активным, он не отсиживался. Он внес конституцию от себя. Он выступал, он выдвигал идею передать власть съезду, поскольку он народом избран, и так и должно быть.

— То, что Андрей Дмитриевич говорил, было полезно вам, продуктивно?

— Абсолютно. Абсолютно.

— И даже то, с чем вы тогда не соглашались?

— Абсолютно... все это было очень важно. Я уверен, что он знал... Я теперь смотрю на это интервью и вижу — это еще ценнее.

— Он все понимал и вы все понимали?

— Да-да-да-да.

— Значит, между вами возникал какой-то внутренний диалог?

— Он обязательно был. Я же, давая ему слово, ощущал недовольство президиума. Было важно, чтобы он говорил.

— Я помню — мы едем после заседания и я говорю: «Мы нервничали с Еленой Георгиевной. Горбачев вас все время перебивал». Он говорит: «Горбачев прежде всего мог мне не давать слова. Он мне давал слово. У меня было такое ощущение, что он хотел, чтобы я говорил: он не мог сказать то, что мог сказать я, а ему надо, чтобы это было сказано».

— Этот массив надо было разворачивать к демократии. Но это было непросто. Сахаров понимал.

— Сами вы обладали этим ресурсом как генсек?

— Если бы я не обладал — съезда бы не было.

— Но сказать то, что сказал Сахаров, вы не могли.

— Да, вот это правильно. Не мог. А как? Ведь целый съезд вообще мог свихнуться. Если прочитать стенограммы — это такой детектив! Я их иногда читаю. Потрясающе! Надо было продвигаться вперед. Но не сломя голову.

Люди впервые оказались в положении народных депутатов на основе свободных выборов. Они проходили впервые в своей жизни школу свободы. Свободы слова,

открытого обсуждения, полемики, борьбы самой настоящей.

— Вы представляли степень риска? Вы сознательно шли на это?

— Ну а как же. А что такое проект перестройки? Это такой риск! Вот будь я семидесятилетним человеком, умудренным, уставшим, не пошел бы, наверное, на это. Не пошел бы.

— А вы сознательно маскировали многословием свои цели? Сахаров считал, что вы в сложном положении, потому что должны все время лавировать между старым Политбюро и новыми идеями.

— Я же не мог дойти до свалки и развалить съезд.

— Дело даже не в этом. Я думаю, что у вас единомышленников в Политбюро было меньше, немного.

— Ну так и думай. Ты же свободный человек. А я хочу другое сказать. Был же такой еще случай интересный с Андреем Дмитриевичем, не только в зале, как говорится, но за пределами зала. Раз после окончания заседания, где-то между семью и восемью, я сидел со своими помощниками, с Шахназаровым (он много тогда государственными делами занимался), ну и другими, не буду перечислять, потому что не хочется мне их перечислять.

— Не надо.

— Каждый вечер я работал допоздна. Закончил я в один из дней. Выхожу. (Там рядом кабинеты, рядом

с залом заседания.) Погашен свет в зале. Я говорю: «Ну что ж, закончили». — «Михаил Сергеевич, а вас там ждут». — «Кто ждет?» — «Сахаров». — «А почему вы не доложили?» — «Ну, мы ему сказали, он говорит: ладно, пусть он закончит, я потом».

Я выхожу в зал, он в уголке на сцене, у шторы у этой самой... как называется у сцены? Занавеса, сидит на стуле. Они его усадили, там чаю дали или что, сидит.

Я говорю: «Андрей Дмитриевич, добрый вечер! Вы что, тут ночевать решили?» — «Нет, мне надо с вами встретиться, очень серьезный у меня разговор к вам». Говорю: «Ладно». Я взял себе стул, сел рядом с ним. Вот так вот сидим. Впереди — зал. Пустой, огромный, темный.

Я говорю: «Ну как у вас впечатления от съезда?». Вот тут я услышал, как вот он со мной говорил, как будто с тобой — понимаешь? Без корректив. Если у человека есть мнение и он его придерживается, у него могут быть нюансы.

Да. Мысль развивается, оснащается, какие-то аргументации появляются, но стержень остается. Поэтому мне нечего, как говорят, скрывать. Ну, в общем... «Да, вот видите, какой зал, такой консервативный...». «Да, — говорю, — но представьте себе, это же первый такой у нас съезд, Андрей Дмитриевич, и такое происходит на глазах у всей страны, у всего мира! Вообще невероятно же, мы вовлечены с вами, мы еще не понимаем, что происходит.

Так примерно. Я, в общем-то...» — «Ну да, конечно...» — «А вы-то? Что вас беспокоит?» — «Вы знаете, я боюсь, как бы эти консерваторы... Видно, их не устраивает вот это, что на съезде происходит и как происходит. Они могут вас заставить, так сказать, отступить от своей линии». Он понимал, что она — максимум возможного в той ситуации, в том контексте, который есть.

— Компромисс заложен был. Но компромисс все-таки в сторону развития.

— Я говорю: «Окажись вы на моем месте — вы бы занимались тем, что надо управлять залом, всем этим огромным, всем этим процессом надо управлять». — «Я о другом. Вот говорят, что у правых там есть какие-то компрометирующие вас данные, что они могут воспользоваться, чтобы изменить ход съезда». Это самое главное, что его беспокоит, и так далее.

«Ну тогда, — говорю, — Андрей Дмитриевич, идите спите спокойно. Я взяток не брал никогда, и я уверен, что я их не возьму».

Чего-чего, а этого за Горбачевым не водилось, не водится и не будет водиться. «Ну хорошо, до завтра, — говорю. — Впереди опять работы много». И расстались мы по-хорошему.

— Он волновался за вашу репутацию?

— Он волновался за возможность изменения направления работы съезда. Он понимал, что я только могу изменить.

Ты понимаешь, он очень много выступал, больше, чем другие, в разы. Конечно, мне выгодно, чтобы звучала речь академика: он ответственный человек, он демократически убежденный человек, он человек совести и морали.

— Михаил Сергеевич, как вам видится, если бы Сахаров жил, какую бы роль он играл, какое бы место занимал?

— Он был на своем месте. Он был выдающийся ученый, он был наш моральный авторитет. И для меня он был авторитет. Он бы занимал ту же позицию, что занимал и тогда, он был бы привержен тому, что без дальнейшей демократизации, без утверждения, развития и укрепления социальных институтов, без защиты свобод страна жить в современном мире не может. Он настаивал на том, что достойных условий жизни не может быть за пределами свободы и демократии.

И я так считаю.

5
Е. БОННЭР. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

<...> В новые времена Андрей Дмитриевич был очень обеспокоен теми поправками, которые были внесены в Конституцию перед выборами 1989 года. Он считал опасным, что это делается старым Верховным Советом, выбранным еще при Брежневе, и недопустимым частичное изменение Конституции в угоду моменту, когда поправки носят сиюминутное, прикладное значение. И еще до выборов несколько раз говорил, что перестройку надо начинать с головы, а не с хвоста. Головой в этом контексте он считал Конституцию и новый Союзный Договор. На Первом съезде он высказал ту же мысль в другой форме: мы начали строить наш общий дом с крыши (кажется, так. — *Е. Б.*).

А. Д. несколько раз говорил мне, что хотел бы работать в Комитете конституционного надзора, который считал чрезвычайно важным, а пост его председателя,

---

Фрагмент воспоминаний о том, как Андрей Дмитриевич Сахаров писал свой проект Конституции.

Из сборника «Конституционные идеи Андрея Сахарова» (М.: Новелла, 1990).

возможно, самым ответственным в стране и требующим от того, кто его будет занимать, абсолютной внутренней свободы и абсолютной честности. В дни Первого съезда я (как вся страна) сидела перед экраном телевизора. В перерыве бежала к машине, ехала к собору Василия Блаженного за Андреем, чтобы везти его обедать в гостиницу «Россия». Следить за тем, что происходит в Кремле, и готовить обед я не успевала, а без меня Андрей ни разу, кажется, не поел в буфете Дворца Съездов. Когда он стал членом Конституционной комиссии, мне показалось, что он доволен этим избранием. За обедом я спросила, понимает ли он, что большинство Съезда считает Конституцию незначительным фактором нашей жизни и надеется, что и впредь, сколь бы часто ни повторялось слово «перестройка», Конституция так и останется словами, напечатанными на более хорошей бумаге, чем газеты. И потому его выбрали безо всяких трений. Он посмотрел на меня укоризненно, но не возражал. А через минуту сказал так, как будто он будет это делать уже сейчас, сразу после обеда: «Но я все равно ее напишу». Это-то я знала и без его слов. Еще не было дела, которое он бы брал на себя, а потом не делал.

После окончания Съезда, 15 июня, мы улетали в Европу. Поездка предстояла громоздкая. Меньше чем за месяц — Голландия, Великобритания, Норвегия, Швейцария, Италия и снова Швейцария. Потом США — три недели в гостях у детей, Стенфорд и Сан-Франциско.

Очень много выступлений общественного характера, принятие почетных степеней, выступление на Пагуошской конференции, научные встречи и семинары. Везде давно ждали Сахарова друзья, коллеги, государственные и общественные деятели, люди. Андрей не давал окончательного согласия на поездку, пока не узнал у А. И. Лукьянова, что заседания Конституционной комиссии до сентября не будет. Только после этого разрешил мне отвечать согласием на непрерывные международные телефонные звонки. Но еще долго нервничал, что такое важное дело, как Конституция, откладывается в долгий ящик, что это — преступление перед страной.

Маленькое отступление. Вчера, 27 февраля [1990 г.] на заседании Верховного Совета один из депутатов упрекнул своих коллег за то, что они ездят по заграницам за их (других делегатов) счет. Этим замечанием и вызвано мое отступление. Мы много ездили в последний год жизни Андрея Дмитриевича вдвоем, один раз он ездил без меня, дважды — я без него. Но мы на «казенный» счет не ездили ни разу и даже ни разу не меняли наш легкий рубль на тяжелую валюту. Андрея Дмитриевича в столь многом упрекали товарищи народные депутаты, что я решила предупредить еще один упрек.

За эту поездку Андрей Дмитриевич решил написать книгу о времени после возвращения из Горького до

Первого съезда включительно и «Конституцию Союза Советских Республик Европы и Азии». И написал. Так он работал. Исповедуя два принципа — «Любое задуманное дело должно быть сделано» и «Никто никому ничего не должен». Много высоких слов говорилось о Сахарове при жизни: в иные времена шепотом, потом громко, а уж после смерти — не перечесть. Но никто ни разу не сказал слово «работник». Может, самое емкое, вмещающее все другие высокие слова. И я рада, что оно досталось мне — свидетелю того, как он работал. Всегда. Везде.

Стоял жаркий влажный июль. После завтрака Андрей во дворике в тени писал книгу. Стопка чистых листов, которую он выносил с собой из дома и клал справа от себя, постепенно перемещалась налево и росла. За срок чуть больше месяца получилась книга — почти 300 страниц. Мы поздно обедали. Андрей отдыхал час, иногда полтора. Немного гуляли. Поздний вечер и часть ночи были временем Конституции. Такой распорядок нарушился только раз, когда он отдал день Пагуошской конференции, проходившей в Кембридже. Наши передвижения ограничивались тем, что мы еженедельно переезжали из дома моей дочери в дом к сыну и обратно, для симметрии, чтобы быть в равной мере гостями обеих семей. В связи с Конституцией Андрей что-то читал, но часто откладывал книгу, ссылаясь на то, что Игорь Евгеньевич Тамм утверждал: юриспруденция

и философия — не науки. А потом говорил: чтобы написать Конституцию, надо иметь за плечами жизнь, в голове немного здравого смысла, обязательно уважать тех, для кого она пишется, и уважать самого себя. Пару раз он говорил по телефону с известным американским адвокатом — специалистом по конституционному праву. Собирался с ним встретиться, но не получилось по такой славной причине, что у того была свадьба и свадебное путешествие.

Книгу Андрей кончил до нашей поездки в Калифорнию, где мы выступали на конференции по правам человека, а потом Андрей несколько дней общался с физиками в Стенфорде. Там у нас был, несмотря на занятые дни, долгий уик-энд, и вместо работы по ночам мы устраивали прогулки далеко за полночь, так что однажды даже заблудились после посещения ночного ресторанчика в соседнем городке. И пришлось обратиться за помощью к молодой «полис-леди», которая вызвала нам такси.

На пути в Москву мы шесть дней гостили у друзей на юге Франции. У меня был полный отдых, а Андрей говорил, что он отдыхает с Конституцией. Работал по четыре-пять часов за столом в саду. За ужином в канун нашего отлета он сказал, что кончил писать Конституцию. Сказал с грустью. Наступила ночь — темная, южная. И неожиданно у линии горизонта появилась светлая полоса, она росла, высилась, рыжела. Потом тишину

пронзил шум машин и пронзительный, какой-то военный, вой сирен. Лесной пожар. Мы видели его впервые. Красиво. Но так тревожно, что никакой красоты не надо и бессонная ночь обеспечена. Утром 28 августа Андрей положил в чемодан два своих больших блокнота. Потом передумал и переложил их в сумку, которую мы всегда брали с собой. В кабине самолета он раскрыл один из них, полистал. Убрал на место. И, притулившись ко мне, сказал-спросил: «Тебе не кажется странным, что я кончил Конституцию, и потом этот пожар — в один день?»

Дома, в редкие свободные от московской текучки вечера, он возвращался к работе над Конституцией. Только в двухнедельной поездке по Японии расстался с ней, а по возвращении снова стал что-то править. И называл это доводкой. Он очень волновался, что Конституционная комиссия до ноября не начала работу.

Я не была в Москве десять дней. Андрей встречал меня в Шереметьеве 29 ноября и сразу сказал, что 27-го наконец-то было первое заседание комиссии, что его проект был единственным и он передал его М. С. Горбачеву с просьбой опубликовать и провести обсуждение. Сказал, что в материалах к заседанию комиссии есть много предложений, которые не расходятся с его, но, к сожалению, отсутствует концептуальный взгляд и удручают предложения по преамбуле, в которых преобладает старая терминология, скрывающая еще более ста-

рое мышление. Позже дома я прочла все эти материалы. Они и сейчас передо мной. В синей папочке вместе с текстами Конституции Сахарова. В этой папке их три, два из них идентичны. Мы не знаем, какой вариант был передан М. С. Горбачеву. Но я согласна с Леонидом Баткиным и Эрнстом Орловским, что последним является тот, который опубликован в Прибалтике и в московском журнале «Горизонт».

В последнем телефонном разговоре — в четверг 14 декабря в восемь часов вечера — Андрей Дмитриевич сказал, что он еще поработает над текстом Конституции в конце недели и отдаст окончательный текст в воскресенье вечером. После этого он сказал мне, что хочет что-то сократить в статье о функциях Президиума и в каком-то другом месте. Но я не запомнила. А через час Андрея Дмитриевича не стало. Это так странно, так не в его характере, чтобы он не закончил какую-то работу. Вот книгу завершил. Еще утром в тот день положил мне на стол листы с последней правкой и вечером, уходя отдохнуть, сказал, чтобы я разбудила его в половине одиннадцатого — будем работать. А на Конституцию ему не хватило трех дней.

СОДЕРЖАНИЕ

Интервью лорду Николасу Бетеллу
(29 декабря 1986 г.) 9
Выступления на Московском форуме
(14—15 февраля 1987 г.) 43
Выступления А. Д. Сахарова и Е. Г. Боннэр
в колледже Стейтен-Айленд (14 июня 1987 г.) 63
Новое политическое мышление необходимо
(ноябрь 1987 г.) 72
Письмо М. С. Горбачеву
о политзаключенных (15 января 1988 г.) 82
Реакторы под землей (не позднее февраля 1988 г.) 97
Открытое письмо М. С. Горбачеву
о крымских татарах и Нагорном Карабахе (март 1988 г.) .. 105
Неизбежность перестройки (25 марта 1988 г.) 113
Пресс-конференция в Министерстве иностранных дел
СССР (3 июня 1988 г.) 145
Интервью Л. Фоменко (2 августа 1988 г.) 173
Диалог А. Сахарова и А. Адамовича (23 августа 1988 г.) ... 185
Конвергенция, мирное сосуществование (август 1988) 221
Интервью газете «Молодежь Эстонии»
(29 августа — 4 сентября 1988 г.) 227
Интервью Леониду Рыжкову
(29 августа — 4 сентября 1988 г.) 249

Интервью болгарской журналистке Жанне Ависай
(19 и 29 сентября 1988 г.) 261
Интервью Борису Немцову (13 октября 1988 г.) 299
Предисловие к «Чернобыльской тетради»
Григория Медведева (не позднее 4 ноября 1988 г.) 319
Речь при вручении Премии Мира Альберта Эйнштейна
(15 ноября 1988 г.) 322
С мыслью можно бороться только мыслью
(ноябрь 1988 г.) 330
Фрагменты беседы с французским писателем
и публицистом Жан-Пьером Бару
(9 и 10 января 1989 года) 338
Заявление для печати в связи с выборами
(5 февраля 1989г.) 398
Предвыборная платформа (5 февраля 1989 г.) 400
Выступление в университете Сиены
(9 февраля 1989 г.) 406
Интервью «Книжному обозрению»
(24 марта 1989 г.) 412
Интервью венгерскому телевидению
(Предположительно весна 1989 г.) 417
Речь при закрытии 1-го Съезда Народных Депутатов
(9 июня 1989 г.) 425
Интервью Юрию Росту (не позднее 15 июня 1989 г.) 435
Интервью Григорию Цитриняку
(не позднее 15 июня 1989 г.) 453

Встреча в Бергене (29 июня 1989 г.) 491
Выступление на встрече с коллективом Уралмаша
(15 сентября 1989 г.) 516
Интервью газете «Монд»
(28 сентября 1989 г.) 540
Интервью японскому писателю Кэндзабуро Оэ
(начало ноября 1989 г.) 550
Встреча с делегатами Всесоюзного студенческого
форума (17 ноября 1989 г.) 561
Интервью Эстонскому ТВ
(между 19 и 28 ноября 1989 г.) 578
Проект Конституции
(не позднее 27 ноября 1989 г.) 591
Последнее выступление
(14 декабря 1989 г.) 608
Последнее интервью (14 декабря 1989 г.) 611
Непроизнесенная речь (14 декабря 1989 г.) 625
Лионская лекция (27 сентября 1989 г.) 629

ДОПОЛНЕНИЯ

1. *Олег Мороз.* Возвращение из ссылки
(История одного интервью) 645
2. Письмо М. С. Горбачеву о публикации
«Чернобыльской тетради» (4 ноября 1988 г.) 802
3. Письмо в редакцию «Известий»
(5 февраля 1989 г.) 805

4. М. С. Горбачев комментирует интервью А. Д. Сахарова Юрию Росту (ноябрь 2004 г.) 810
5. *Е. Боннэр.* Из воспоминаний 821

Литературно-публицистическое издание

Андрей САХАРОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Тревога и надежда. Том 2

Редакторы
Елена Холмогорова, Михаил Холмогоров
Художественный редактор
Валерий Калныньш
Корректор
Елизавета Полукеева
Выпускающий редактор
Татьяна Тимакова
Верстка
Иван Земляченко

Подписано в печать 17.04.2006. Формат 70×108 1/32.
Бумага для ВХИ. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 36,4. Тираж 2000 экз. Заказ № 297.

«Время».
115326, Москва, ул. Пятницкая, 25
Телефон (495) 231 1864
http://books.vremya.ru
e-mail: letter@vremya.ru

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
http://www.uralprint.ru
e-mail: book@uralprint.ru